

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

P 81a- 020.5 ($\frac{1401}{4}$)

Bought with the income of
THE
SUSAN A. E. MORSE FUND
Established by
WILLIAM INGLIS MORSE
In Memory of his Wife

Harvard College Library

1947

1948

АПРѢЛЬ.

1901.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Р.Б.
1901 IV
4
мев. 1955

БИБЛИОТЕКА
ПОЛЫБИТЪ
ДЛЯ СОЛДАНЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Клубунова, Пряжка, уг. Заводской, д. 1—3.

1901.

✓ PSlaw 620.5. ($\frac{1901}{4}$) ✓

h. v. u. if

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24-го апрѣля 1901 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТРАН.
1. Мечта. разсказъ <i>В. Г. Дмитріевой</i>	9— 46
2. Литературная дѣятельность декабристовъ. <i>І. В. К. Кюхельбекеръ. Н. А. Котляревскаго.</i> Окончаніе.	47— 87
3. Страданія чашу испивши до дна. Стихотвореніе <i>П. Я</i>	87— 88
4. Утро. Разсказъ. <i>К. М. Станюковича</i>	89—110
5. Холодомъ вѣтъ отъ жизни. Стихотвореніе <i>С. Травникова</i>	110
6. Подъ замкомъ. Замѣтки и впечатлѣнія <i>Ст. Пантова</i>	111—136
7. Софья Пушкирева. Повѣсть <i>Бориса Гегидзе.</i> Продолженіе	137—187
8. Любовь и мистеръ Льюисгэмъ. Романъ <i>Уэльса.</i> Переводъ съ англійскаго <i>З. Журавской.</i> I—VI	188—221
9. Къ вопросу о «положительныхъ» и «отрицательныхъ» сторонахъ капитализма. <i>В. М. Чернова</i>	222—254
10. Вѣдѣнія профессора Менделѣева на Уралѣ. <i>И. Сигова.</i>	1— 38
11. У хищниковъ на Золотомъ ключѣ. <i>И. К.</i>	39— 48
12. Новыя книги:	
<i>А. Н. Сальниковъ. Русскіе поэты за сто лѣтъ.—Стихотворенія М. Е. III.—Александръ Новиковъ. По закону.—О. Ромеръ. Подъ разными флагами.—А. П. Лукинъ (Скромный Наблюдатель). Отголоски жизни.—Адольфъ Гаусратъ. Средневѣковые реформаторы.—Генри Джефсонъ. Платформа, ея возникновеніе и развитіе.—Монтескье. О духѣ законовъ.—Основные принципы земской организаціи. Весегонца.—Н. Новиковъ. Наука, школа и жизнь.—С. В. Курининъ. Что читать дѣтѣмъ?—Д-ръ Угетти. Врачи и па-</i>	

(См. на оборотѣ).

- ціенты.—Оспопрививаніе есть заблужденіе. А. Р. Уоллеса.—
 • Н. Ф. Плюшкинъ. Бесѣды по школьной гигиенѣ.—Новыя
 книги, поступившія въ редакцію 48—83
13. Японская журналистика. *И. Тебла*. Переводъ съ
 французскаго. С. Б. 84—103
14. Образовательный цензъ земскихъ начальниковъ. Ста-
 тистическая замѣтка *М. К.* 104—107
15. Рабочее законодательство министерства Вальдена Руссо.
Ю. Гамбарова. I—II. 107—126
16. Литература и жизнь. О книгѣ гг. Бердяева и
 Струве и о себѣ самомъ.—О докторахъ филосо-
 фіи вообще и о д-рѣ философіи М. М. Филип-
 повѣ въ частности. *Н. К. Михайловскаго* 127—144
17. Докторъ Штокманъ на русской сценѣ. *А. В. Пыше-
 хонова* 145—156
18. Политина. Маньчжурія.—Маньчжурскій вопросъ.—
 Европейскій концертъ въ Китаѣ.—Англичане въ
 Африкѣ, и Делькассе въ Петербургѣ *С. Н. Южа-
 кова*. 156—171
19. Хроника внутренней жизни. I. Назначеніе ген.-ад. Ван-
 новскаго министромъ народнаго просвѣщенія и
 Высочайшій рескриптъ на имя его.—Отзывы пс-
 чати объ этой мѣрѣ.—Реформаторскіе планы
 «Гражданина» и «Моск. Вѣдомостей».—Суще-
 ственные недостатки нашей образовательной си-
 стемы, и способы къ ихъ исправленію.—Мѣры
 новаго министра 171—197
20. Письмо въ редакцію. *В. Дадюнова* 198—204
21. Состояніе здоровья Гл. И. Успенскаго. *II. Реформат-
 скаго*. 204—205
22. Объявленія.

М Е Ч Т А.

Разсказъ.

Никого, кажется, въ городѣ не было бѣднѣе Ламбро *) Стафиляти. У каждаго изъ его сосѣдей и товарищей была хоть какая нибудь собственность,—у кого домъ съ виноградникомъ, у кого лодка и рыбачья снасть,—только у Ламбро не было ничего, кромѣ широкой спины и здоровыхъ рукъ, которыми онъ и добывалъ хлѣбъ насущный. Но такъ какъ широкая спина и здоровыя руки всегда очень дешево цѣнятся на рынкѣ труда, то даже и хлѣба Ламбро часто не хватало, и ему приходилось голодать съ своею хорошенькою женой, Графой (Аграфена) и двумя дѣтьми, изъ которыхъ младшей дѣвочкѣ не было еще и года. Хорошенькая Графа, по молодости лѣтъ и нѣкоторой легкомысленности нрава, тяготилась своей бѣдностью, и, когда въ домѣ не было хлѣба и не откуда было его достать, она падала духомъ и горько роптала, но Ламбро не унывалъ и работать изо всѣхъ силъ, не теряя надежды когда нибудь выбиться изъ нужды и даже разбогатѣть.

— Постой, Графа!—говорилъ онъ, когда жена плакала надъ пустыми горшками, въ которыхъ нечего было варить.—Зачѣмъ портить себѣ глаза изъ-за такой дряни, какъ ѣда? Ну, не поѣли сегодня, поѣдимъ завтра,—наше отъ насъ не уйдетъ, и отъ поста только прибавится аппетитъ.

— Ну да, завтра, я уже это слышала сто разъ!—возражала капризно голодная Графа.—А если и завтра ничего не будетъ, тогда что скажешь? Опять „завтра“? Каждый день „завтра“?

— Ну, Графа, этого не бываетъ, чтобы каждый день человѣкъ ничего не ѣлъ. Люди на то и созданы, чтобы ѣсть хлѣбъ, и если у человѣка сегодня нѣтъ хлѣба, то завтра не-

*) Лаврентій.

премѣнно будеть, потому что на свѣтъ такъ уже устроено, чтобы каждый человѣкъ имѣть хлѣбъ.

— Да вотъ нѣтъ же его у насъ?

— Ну, сегодня нѣтъ, завтра будетъ, я тебѣ это говорю. О, Графа, подожди немного, и для насъ настанетъ время, когда мы будемъ ѣсть каждый день! Вотъ увидишь, сколько денегъ я принесу тебѣ когда нибудь!

— А гдѣ ты ихъ возьмешь?

— Какъ гдѣ? А это что?

И Ламбро, вытянувъ свои могучія руки, съ гордостью потрясалъ ими надъ головою Графы и самъ любовался, какъ напряженные мускулы играли подъ тонкою бумазеей рубашки. Но Графа не раздѣляла восторговъ мужа и пренебрежительно пожимала плечами.

— Арисъ-марисъ - кукумарисъ! *) — говорила она иронически. — Ничего у тебя никогда не будетъ! Руки — дешевый товаръ: вотъ если бы у тебя была умная голова!..

Но хотя Графа въ минуты голоднаго отчаянія и сомнѣвалась въ томъ, что у ея супруга была умная голова, все таки всегда выходило такъ, что Ламбро былъ правъ, и на другой день у нихъ появлялся и хлѣбъ, и масло, а иногда даже и рыба, и баранина. И сидя за столомъ, перелъ миской, въ которой дымилась вкусная макаса **), Графа на время забывала о своей тяжелой бѣдности и начинала даже вѣрить въ лучшее будущее, какъ вѣрилъ въ это самъ Ламбро.

Такъ жили они день за день, не богатѣя, но и съ голоду не умирая, и Графа понемногу приспособилась къ такой жизни, заразившись оптимистической увѣренностью Ламбро, что разъ на свѣтъ есть человѣкъ, то для него есть и хлѣбъ. Съ ребенкомъ на одной рукѣ, съ кувшиномъ въ другой, съ маленькимъ Спиро, виѣпившимся ей сзади въ юбку, она, проводивъ мужа на работу, каждое утро спускалась внизъ къ городскому фонтану и полдня проводила въ беззаботной бесѣдѣ съ знакомыми женщинами, а возвращаясь домой, была вполне увѣрена, что найдетъ тамъ кусокъ хлѣба, головку чесноку, пару помидоровъ и иногда какое нибудь лакомство для сынишки. Всего этого было бы пока достаточно для счастья Графы, если бы еще не постоянная нужда въ одеждѣ, которая страшно скоро изнашивалась и требовала вѣчной починки. Лѣтомъ ничего, лѣтомъ можно было и дома, и на улицѣ щеголять въ какой нибудь ситцевой юбочкѣ и стоптанныхъ туфляхъ на босу ногу, — такая откровенность костюма никого не смущала, потому что даже богатая гречанки

*) Выраженіе недовѣрія, вродѣ нашего «чепуха», «ерунда».

**) Макаса — греческое кушанье изъ тушеныхъ овощей и рубленого мяса.

во время жары не очень стѣсняли себя одеждой; но зимой,— зимой недостатокъ одежды сильно давалъ себя чувствовать и нерѣдко заставлялъ бѣдную Графу проливать горькія слезы надъ своими нищенскими лохмотьями. Въ этихъ случаяхъ не помогала даже утѣшительная философія Ламбро, и Графа осыпала мужа упреками.. Что ужъ это за жизнь, когда не во что одѣться и не въ чемъ выдти въ церковь и на улицу? А вѣдь Графа ничуть не хуже другихъ и была бы совсѣмъ хорошенькая, если бы у нея было приличное платье.. Но проходила короткая южная зима, Графа снова расцвѣтала, накидывала на себя постиранную до дыръ тряпочку, носившую громкое названіе „чадры“, и беззаботно бѣгала по улицамъ, обращая на себя общее вниманіе своими огромными черными глазами и нѣжною смуглою кожей, подъ которой такъ и играла здоровая, молодая кровь.

Жили они не въ городѣ, а какъ бы надъ городомъ, на склонѣ горы, въ уединенномъ домикѣ. принадлежащемъ къ усадьбѣ мѣстнаго богача, Мавропуло. Когда-то этотъ домикъ былъ построенъ для помѣщенія дорогой птицы, къ которой старый Мавропуло питалъ большую слабость; но такъ какъ въ весеннее время потоки воды, сбѣгавшіе съ горы, просачивались во внутренность дома и оставляли тамъ непріятную сырость, сильно вредившую здоровью нѣжной птицы, то птица была переведена оттуда въ другое, болѣе удобное помѣщеніе, а домикъ Мавропуло великодушно отдалъ въ бесплатное пользованіе Ламбро, съ тѣмъ, чтобы онъ исполнялъ за это обязанности ночного сторожа. Ламбро былъ очень этимъ доволенъ и съ удовольствіемъ поселился въ бесплатной квартирѣ: сырости онъ не боялся, а должность ночного сторожа была не особенно тяжела и не отрывала его отъ обычной работы. Каждую ночь онъ долженъ былъ разъ или два подниматься съ постели и обойти усадьбу кругомъ, а утромъ, еще до солнца, онъ уже уходилъ изъ дому и возвращался только къ обѣду, да и то не всегда. Какъ у чернорабочаго, у него не было постоянной работы, и Ламбро бралъ все, что попадалось подъ руку. Онъ разгружалъ баркасы, привозившіе камень изъ Инкермана и песокъ изъ Евпаторіи; нанимался бить плантажъ подъ виноградники; когда какому нибудь лодочнику нуженъ былъ лишній гребецъ, онъ садился гребцомъ, а въ періодъ рыбной ловли онъ пристраивался къ кому нибудь въ пайщики и ѣздилъ въ Туакъ, за Алушту, ловить бѣлугъ и осетровъ. Это послѣднее дѣло было самое выгодное, и при удачѣ Ламбро могъ на свой пай получить рублей 100 и больше, но, какъ на зло, до сихъ поръ ни разу еще не было ему удачи, и много-много, если на его пай выпадало рублей 40—50. Съ такими деньгами никакого соб-

ственного дѣла завести было нельзя, и опять, вернувшись изъ Туака, Ламбро шелъ разгружать чужіе баркасы, таскать камень для чужихъ домовъ и штыковать землю для чужого винограда.

— Какъ ты можешь такъ жить, Ламбро? Какъ ты можешь такъ жить?—возмущался Кристо Карпузи, встрѣчаясь съ Ламбро на улицѣ въ то время, когда онъ, усталый, весь покрытый потомъ и грязью, возвращался въ свой птичій домикъ на горѣ.

— А что?—съ наивнымъ удивленіемъ спрашивалъ Ламбро, глядя на своего бывшаго школьнаго товарища, стоявшаго передъ нимъ въ хорошей суконной парѣ, въ шелковой рубашкѣ съ широкимъ, цвѣтнымъ поясомъ и въ соломенной шляпѣ, сдвинутой на затылокъ.

— Какъ что? И ты еще спрашиваешь? Да ты погляди на себя, какъ ты одѣтъ, погляди на свое лицо, на свои руки! Ну?

Ламбро съ тѣмъ же наивнымъ удивленіемъ глядѣлъ на свои огромныя, корявыя руки, въ кровь истертыя заступомъ, и пожималъ плечами.

— Не знаю, что тебѣ надо, Кристо. Руки какъ руки: на то Богъ и далъ человѣку руки, чтобы работать. А я развѣ не работаю?

— Пфа! Работаю!—пренебрежительно восклицалъ Кристо, еще болѣе сдвигивая шляпу на затылокъ, вѣроятно, для того, чтобы показать Ламбро свои бѣлыя, красивыя руки.—И воль работаетъ, и осель работаетъ, а человѣкъ на то и человѣкъ, чтобы заставлять ихъ работать вмѣсто себя, потому что каждому человѣку хочется жить лучше и работать поменьше. А ты какъ живешь,—развѣ такъ, какъ живутъ хорошіе люди? Нѣтъ у тебя ни костюма, ни денегъ въ карманѣ, жена твоя ходитъ въ лохмотьяхъ, и самъ ты какъ нищій, и съ нищими вмѣстѣ ворочаешь камни, и все, что заработаешь, то проѣшь, больше ничего... Пфа, вотъ такъ жизнь,—да я бы повѣсилъ на твоёмъ мѣстѣ, Ламбро!

— А зачѣмъ мнѣ вѣшаться, когда я этого не хочу?—возражалъ Ламбро невозмутимо.—И что тебѣ дались эти камни? За нихъ платятъ такіе же деньги, какъ и за все другое, и изъ камней строятъ дома, въ которыхъ живутъ такіе же люди, а что у меня нѣтъ костюма, то вѣдь костюмъ всегда можно купить за деньги, и когда я буду за него платить, меня не спросятъ, откуда я взялъ эти деньги, и никто меня не прогонитъ изъ лавки за то, что я заработалъ ихъ своими руками. Вотъ что я скажу тебѣ, Кристо.

— Э, ничего ты не понимаешь, Ламбро!—говорилъ Кристо, презрительно вздергивая плечами.—Ты не настоящій грекъ, Ламбро; настоящій грекъ не станетъ таскать кули, какъ ту-

рецкій хамаль (носильщикъ), и копать землю, какъ русскій мужикъ. Мнѣ только твою жену жалко, Ламбро, и я удивляюсь, какъ она можетъ терпѣть такую жизнь! Я бы на ея мѣстѣ давно убѣжалъ.

При этихъ словахъ лицо Ламбро становилось серьезнымъ.

— Не говори о моей женѣ, Кристо!—говорилъ онъ сдержанно.—Моя Графа—калло курицати (славная дѣвочка) и меня она крѣпко любитъ.

Кристо проницески глядѣлъ на огромную, сутуловатую фигуру Ламбро, на его заросшее густой щетиной лицо—въ видахъ экономіи Ламбро брился только разъ въ недѣлю; глядѣлъ на его продранную рубаху и узловатые пальцы ногъ, выглядывавшіе изъ стоптанныхъ татарскихъ чувяковъ, и, махнувъ рукою, уходилъ, думая про себя: „ну, ужъ я бы не сталъ тебя любить, несчастный хамаль, и дура твоя жена, если она любитъ такого уродъ!“ И каждый разъ послѣ такого разговора, встрѣчая гдѣ нибудь хорошенькую Графу, Кристо задумчиво провожалъ ее глазами, крутилъ усы и разсѣянно принимался насвистывать любимую рыбацкую пѣсню:

Рѣжьте мое тѣло, пейте мою кровь,

Полюбила грека, грека-рыбака...

Кристо былъ тоже не богатъ и получилъ въ наслѣдство, послѣ смерти своего отца, только развалившуюся хату на берегу моря и старую лодку, почернѣвшую отъ бурь. Но, благодаря врожденной предприимчивости и нѣкоторой изворотливости ума, онъ даже и изъ этихъ никуда негодныхъ предметовъ сумѣлъ извлечь для себя пользу и постарался устроиться такъ, чтобы ему жилось легко и пріятно. Хату свою онъ подмазалъ, подчистилъ и сталъ сдавать ее внаѣмъ пріѣзжающимъ на лѣто господамъ изъ Россіи, а лодку домашними средствами выкрасилъ, спилъ для нея тентъ изъ гнилого каленкора и каталъ на взморѣ своихъ жильцовъ, получая за это приличное вознагражденіе. Такъ какъ онъ былъ недурень съ собою и чрезвычайно вертлявъ, то его особенно любили дамы и, ради его прекрасныхъ глазъ, часто предпочитали его старую, неуклюжую лодку какому нибудь изящному ялику, хозяиномъ котораго былъ угрюмый, косматый рыбакъ. Такимъ образомъ, къ концу лѣтняго сезона у Кристо оказывались въ рукахъ порядочныя деньжонки, и цѣлую зиму онъ имѣлъ возможность жить въ свое удовольствіе и ничего не дѣлать. Поменьше работать и получше жить—это было идеаломъ Кристо, и только соблазнъ сразу нажить большія деньги заставлялъ его ипогда примыкать къ какой нибудь рыбацкой компаніи, отправлявшейся въ Туакъ для ловли дорогой рыбы,

и подвергать себя разнымъ случайностямъ этого опаснаго дѣла. Но и тутъ онъ всегда умѣлъ устроиться и выбиратьъ себѣ самыхъ опытныхъ и самыхъ покладистыхъ компаньоновъ, на спины которыхъ можно было бы свалить большую часть работы и неособенно рисковать своею шкурой, которою Кристо очень дорожилъ.

— Нашъ Кристо—ловкій парень! —говорили о немъ рыбаки, видя его постоянно гдѣ нибудь въ кофейнѣ, хорошо одѣтаго и всегда при деньгахъ.—Онъ умѣетъ дѣлать хорошія дѣла и умѣетъ жить! Такой парень нигдѣ не пропадетъ: вотъ увидите, что у него когда нибудь будетъ и домъ, и виноградникъ, и хорошій баркасъ, а мы всѣ будемъ на него работать и низко ему кланяться!..

А Кристо слушалъ эти рѣчи и, самодовольно покручивая свои усики, еще выше задиравъ голову передъ товарищами, какъ будто бы у него уже былъ и домъ, и виноградникъ, и хорошій баркасъ. Ламбро же онъ и вовсе не ставилъ въ грошъ и при каждой встрѣчѣ давалъ ему чувствовать свое превосходство надъ нимъ и глубокую пропасть, ихъ раздѣлявшую. Да, этотъ бѣдный Ламбро всегда былъ глупъ, и Кристо любилъ вспоминать, какъ онъ, еще сидя на школьной скамьѣ, умѣлъ надувать своего добродушнаго товарища, вымѣнивая у него перья и карандаши на всякую негодную дрянъ и часто подводя его подъ наказаніе за свои собственные проказы. О, Кристо и тогда уже подавалъ большія надежды, а Ламбро, какъ былъ гойдури, такъ и остался гойдури (осель)!

Однако, не смотря на все свое презрѣніе къ Ламбро, съ нѣкоторыхъ поръ Кристо сталъ часто посѣщать птичій домикъ на горѣ и каждый разъ приносилъ маленькому Спиро какого нибудь гостинца—кисточку винограду, горсть орѣховъ или приторно-сладкой баклавы (татарское пирожное изъ муки, орѣховъ и меда). Поэтому Спиро всегда радовался его приходу и, еще издали завидя Криста, кричалъ: „мама, адельфось (братецъ) идетъ“!—но Графу эти посѣщенія очень смущали, потому что ей нечѣмъ было его угощать, и, кромѣ вонючаго кочкавала (очень старый овечій сыръ), у нихъ въ домѣ почти никогда ничего не было. Но Кристо и не требовалъ угощенья: онъ садился на опрокинутый ящикъ подъ тощимъ миндальнымъ деревомъ, осѣнявшимъ крышу птичьяго домика, и, не сводя глазъ, смотрѣлъ на Графу, которая съ ребенкомъ на рукахъ стояла передъ нимъ, красивая, какъ мадонна. Лицо его блѣднѣло, на губахъ появлялась загадочная улыбка, въ глазахъ загорались и потухали желтые огоньки, а Графа, чувствуя на себѣ этотъ странный взглядъ, конфузилась, стыдливо поглядывая на свои лохмотья, и въ ея душѣ закрадывалось какое-то тоскливое безпокойство...

Иногда Кристо начиналъ разговоръ.

— А что, Графа, скучно вамъ здѣсь на горѣ, правда?

— О, нѣтъ!—поспѣшно отвѣчала Графа.—Зачѣмъ скучно? Если-бы я была одна, а то со мною всегда дѣти и, кромѣ того, въ домѣ много работы. Что нибудь постираешь, потомъ сходишь за водою, сварить обѣдъ, а тамъ придетъ Ламбро,—и не увидишь, какъ день прошелъ...

— И все таки скучно, — настойчиво повторялъ Кристо. — Стирать, носить воду, варить обѣдъ и каждый день одно и то же,—что же это за жизнь? Развѣ это настоящая жизнь? Я думаю, вамъ и погулять хочется иногда, и въ гости пойти—и мало ли еще чего хочется такой молодой женщинѣ, какъ вы?

Тоска и тревога все болѣе и болѣе возрастали въ душѣ Графы, и отъ этого у нея даже начинался какой-то неприятный ознобъ.

— Не знаю...—смущенно бормотала она, опуская глаза и вся вспыхивая при видѣ своихъ грязныхъ, босыхъ ногъ, неприкрытыхъ платьемъ.—Мнѣ не скучно... и никуда не хочется. Вотъ скоро придетъ Ламбро...

— Что Ламбро?—усмѣхался Кристо.—Я думаю, вамъ уже и говорить теперь не о чемъ съ вашимъ Ламбро... А у насъ внизу весело.

Приходилъ Ламбро, и у Графы на душѣ становилось легче. Въ присутствіи Ламбро, у Кристо сейчасъ же измѣнились и выраженіе лица, и тонъ, огоньки въ глазахъ потухали и, безцеремонно зѣвая, онъ поднимался съ мѣста.

— Ну, Ламбро?—говорить онъ съ снисходительною усмѣшкой.—Много-ли заработалъ сегодня?

— Ничего, хватить!—весело восклицалъ Ламбро, хлопая себя по карманамъ.—Будетъ завтра и на хлѣбъ, и на масло, и на скордъръ (чеснокъ)! Съ голоду не умремъ.

— Что же, ты думаешь и всегда такъ жить?

— А что, тебѣ развѣ завидно?

Кристо дѣлалъ презрительную гримасу и трясъ головой.

— Не дай Богъ! Слава Богу, я настоящій грекъ и никогда не пойду въ хамалы. Лучше умру, а не подставляю спину подъ ярмо.

Графа собирала ужинъ, но въ то же время прислушивалась къ этимъ разговорамъ и опять начинала дрожать, какъ въ лихорадкѣ. Ей было досадно, и жалко мужа, и вмѣстѣ съ тѣмъ она злилась на него за то, что онъ позволяетъ Кристо смѣяться надъ собою. А Кристо между тѣмъ продолжалъ вызывающимъ тономъ, покачиваясь на носкахъ и засунувъ руки въ карманы, съ видомъ ни отъ кого независимаго челоуѣка:

— Ну, Ламбро, вотъ погоди немного! Когда буду строить

себѣ домъ, найму тебя носить камень. Надо же дать заработать старому товарищу!

— Спасибо!—съ невозмутимымъ добродушіемъ отвѣчалъ Ламбро.—Но куда же ты? Оставайся съ нами ужинать.

— Нѣтъ, прощай, мнѣ пора. Я вѣдь такъ зашелъ, по дорогѣ; у меня было дѣло съ Мавропуло, а теперь я спѣшу внизъ, меня ждутъ въ кофейнѣ...

Безпечно насвистывая „Маргариту“, онъ удалялся, и каждый разъ послѣ его визита Графа становилась раздражительна и угрюма, и ей хотѣлось кричать и плакать, она сама не знала хорошенько, отчего. Мужъ казался ей вдругъ некрасивымъ и глупымъ, дѣти—капризными и надоедливыми, вся обстановка неуютною, а будущее—безпросвѣтно-мрачнымъ. Какъ фурия, она носилась по дому, изо всѣхъ силъ стуча посудой, шлепала безъ всякой причины дѣтей и крикливо придиралась къ Ламбро, тыча ему въ глаза многочисленными недостатками ихъ убогаго хозяйства.

— Вотъ, опять углей не на что было купить для жаровни, и весь день должна была лазить по горѣ и собирать хворостъ!—брюзжала она, нисколько не напоминая въ эту минуту мадонну.

— Всѣ ноги исцарапала себѣ объ колючки,—башмаковъ до сихъ поръ нѣтъ! Ктонибудь придетъ, стыдно показаться... Когда же, наконецъ, у меня будутъ башмаки, Ламбро? Ты думаешь объ этомъ когданибудь или нѣтъ? Или тебѣ все равно; пусть хоть всѣ смѣются надъ нами? Ну, нѣтъ, я этого не хочу! мнѣ надоѣло! Что это за жизнь? И долго ли мы еще будемъ такъ жить? Слышишь ты, Ламбро, или нѣтъ? Не хочу, не хочу больше такъ жить...

Ламбро отвѣчалъ не сразу и, выждавъ, когда жена хорошенько выкричится и устанетъ,—раньше все равно она не дала бы ему говорить,—онъ подсаживался къ ней и начиналъ ее утѣшать:

— Э, Графа, ты, значить, совсѣмъ не знаешь меня, если такъ говоришь! Развѣ я хочу, чтобы ты ходила босикомъ и собирала колючки? И развѣ я не думаю постоянно о томъ, чтобы у тебя были и башмаки, и угли, и все, что тебѣ надо? Глупая Графа, я думаю объ этомъ и день, и ночь, и для того работаю съ утра до вечера, и все у насъ будетъ, вотъ увидишь, подожди только немножко!

— Немножко!—передразнивала его Графа.—Я жду вотъ уже четыре года, — это по твоему называется „немножко“? И сколько еще я буду ждать, скажи мнѣ, Ламбро, если ты это знаешь?

— Постой, Графа, большія дѣла не дѣлаются сразу, а я задумалъ большое дѣло. Слушай, что я тебѣ скажу: будемъ

копить деньги и купимъ себѣ хорошую лодку, а когда у насъ будетъ хорошая лодка, деньги такъ и посыплются въ наши корманы! Съ лодкой я буду имѣть уже не одинъ пай, а два, а если еще заведу свои собственные снасти, то и самъ сдѣлаюсь хозяиномъ и не стану уже кланяться никому. Вотъ и заживемъ мы тогда съ тобою, Графа.

— Арисъ-марисъ, кукумарисъ! — повторяла Графа свою любимую поговорку, но уже въ голосъ ея слышались другія, болѣе мирныя ноты, и мало-по-малу, увлеченная грандіозными проектами своего мужа, она затихала и изъ фуріи снова превращалось въ мадонну. И долго еще супруги, потушивъ огонь и лежа въ постели, продолжали бесѣдовать о будущей лодкѣ, и пылкое воображеніе рисовало имъ самыя соблазнительныя картины ихъ будущаго благосостоянія... Графа снова любила своего Ламбро, снова ему вѣрила, и часто въ эти минуты примиренія ей хотѣлось рассказать мужу о странныхъ посѣщеніяхъ и странныхъ взглядахъ Кристо. Но каждый разъ, какъ она собиралось сдѣлать это, что-то сковывало ея языкъ, горячій румянецъ стыда обжигалъ ея щеки, и она не говорила ничего.

А у Ламбро дѣйствительно было серьезное намѣреніе приобрести собственную лодку, и онъ давно уже лелѣялъ эту мечту. Потомокъ цѣлаго поколѣнія рыбаковъ, онъ унаслѣдовалъ отъ своихъ предковъ страстную любовь къ морю, и только необходимость заставила его сдѣлаться хамаломъ и тяжелой поденщиной добывать себѣ хлѣбъ. Ламбро былъ круглый сирота и выросъ пріемышемъ въ семьѣ своего крестнаго отца, рыбака Георгиса. Старикъ любилъ пріемыша и постоянно бралъ его съ собою въ море, желая сдѣлать изъ него настоящаго моряка. Собственные сыновья его увлеклись торговлей, и Георгисъ, которому это очень не нравилось, часто говорилъ, что у него вся надежда только на Ламбро и что ему онъ оставитъ послѣ своей смерти и лодку, и снасти, и все свое рыбацкое дѣло. Однако вышло не такъ: старика неожиданно прихлопнулъ ударъ, наслѣдники сейчасъ же выгнали Ламбро изъ дому, и пришлось ему только въ томъ, что было надѣто на плечахъ, выйти на свѣтъ Божій. Ламбро не пропалъ, потому что былъ хорошо закаленъ въ суровой школѣ стараго моряка и, если бы не роковая встрѣча съ хорошенькою Графой, можетъ быть, ему удалось бы добиться чего-нибудь получше поденной работы и не слышать изъ устъ своихъ старыхъ товарищей презрительной клички: „хамаль“... Но не смотря на видимую безвыходность положенія, Ламбро никогда не покидала надежда снова вернуться къ морю, и часто, когда онъ весь въ поту и пылы гнулъ спину подъ тяжелой каменной глыбой, ему грезилась свободная, вол-

нующаяся, голубая пустыня, и влажный, свободный вѣтеръ, казалось, вѣялъ ему въ лицо, и въ ушахъ гудѣли зовущіе голоса рѣзвыхъ волнъ, заглушая крикливый говоръ людской толпы и грубые окрики надсмотрщиковъ.

Разговоры о лодкѣ стали повторяться все чаще и чаще въ домикѣ на горѣ. Прежде всего Графа спила изъ толстаго холста ладонку, повѣсила ее къ себѣ на шею и стала откладывать туда каждый грошъ, казавшійся почему либо лишнимъ въ хозяйствѣ. Ради этихъ „лишнихъ“ грошей, Графа отказалось пить по праздникамъ кофе, а Ламбро бросилъ курить и, благодаря такимъ мѣрамъ, скоро въ завѣтной ладонкѣ накопилось столько мѣдяковъ, что ихъ стало тяжело носить на шеѣ, и Графа принуждена была обмѣнять мѣдь на бумажку. Эта первая бумажка привела Графу въ такой восторгъ, что она, забывъ свою солидность матери двоихъ дѣтей, начала танцевать вокругъ нея, разбила развѣвающимся платьемъ два кувшина и опрокинула младенца, мирно сидѣвшаго на полу между двухъ подушекъ. Теперь почти не проходило дня, чтобы супруги Стафилати не обсуждали вопроса о томъ, гдѣ нужно покупать лодку, за сколько, и какая она будетъ. Ламбро хотѣлъ, чтобы она была бѣлая, съ желтою каймою по бортамъ, а Графа увѣряла, что гораздо лучше, если она будетъ голубая съ краснымъ. Но Ламбро поставилъ таки на своемъ, и рѣшено было, что лодка будетъ бѣлая, но съ голубою каймою, а на носу съ одной стороны будетъ нарисованъ греческій флагъ, съ другой—названіе лодки.

— А паруса будутъ, тата?—спрашивалъ Спиро, котораго воображаемая лодка интересовала, кажется, больше всѣхъ.

— А какже не быть, Спиро,—будутъ паруса!—серьезно говорилъ отецъ.—Будетъ бизань, будутъ кливера. Ужъ я умѣю оснастить лодку, не беспокойтесь,—не даромъ 20 лѣтъ прожилъ съ покойнымъ Георгисомъ, своимъ крестнымъ. Онъ меня хорошо училъ морскому дѣлу,—ой, какъ хорошо... и сейчасъ, какъ вспомнишь, такъ и зачесется въ затылкѣ,—спасибо ему за это.

— Тата, ты и меня будешь такъ учить?

— А какже, буду!—улыбался Ламбро, переглядываясь съ женой.—Тебя я посажу на румпель, и ты у меня будешь самый главный капитанъ. Какъ распустимъ всѣ паруса, какъ выбросимъ на мачтѣ греческій флагъ, да выйдемъ на взморье,—посмотрите, какая красавица будетъ наша лодка! А Спирко будетъ сидѣть на румпелѣ и командовать: „трава ту флота! Васта шкоты“! (Подтягивай парусъ, держи веревки).

Спиро скакалъ и прыгалъ вокругъ отца, хлопая отъ радости въ ладоши, а Ламбро, воспламененный собственными рѣ-

чами, выпрямлялъ свою сгорбленную отъ тяжестей спину и, сверкая глазами, выкрикивалъ слова команды такимъ громовымъ голосомъ, что ихъ единственная курица начинала отъ страху безпокойно метаться и кудахтать въ сѣняхъ. Въ эти минуты Ламбро совершенно забывалъ, что онъ—презрѣнный хамалъ, и ему на яву мерещилась эта бѣлая красавица—лодка съ шумящими парусами, и онъ былъ хозяинъ этой лодки, и она послушно скользила среди лазурныхъ волнъ, подчиняясь каждому движению его властной руки.

— Ну, а какъ мы окрестимъ ее, тата?—продолжалъ Спиро.

— А тамъ уже увидимъ. Придумаемъ ей такое хорошее имя, какого здѣсь и не слыхали.

— Назовемъ ее „Надежда“!—предлагала Графа.—Наша дочка—Надежда, пусть ужъ и лодка будетъ „Надежда“.

— Ну что-жъ, можно и „Надежда“,—соглашался Ламбро, хотя въ душѣ находилъ это имя и не очень звучнымъ, и слишкомъ обыкновеннымъ.

Но однажды онъ вернулся домой веселый, принесъ серебряный рубль и, отдавая его Графѣ, разсказалъ, что рубль этотъ подарилъ ему сейчасъ на пристани незнакомый баринъ, которому Ламбро разсказалъ всю жизнь, что онъ очень почувствовалъ его желанію приобрести себѣ лодку и на прощаніе со смѣхомъ посовѣтовалъ ему назвать будущую лодку „Мечтой“.

— А что такое—Мечта?—спросила Графа, которая хотя и училась когда-то въ русской школѣ, но плохо говорила по-русски и, кромѣ греческаго молитвенника, никогда не читала другихъ книгъ.

— А это, Графа, такъ называется то, чего человѣку очень хочется имѣть и что ему трудно дается,—объяснилъ по своему Ламбро.—Вотъ, напримѣръ, тебѣ хочется жить въ своемъ домѣ, обѣдать каждый день, носить хорошія платья, а денегъ у тебя нѣтъ и ты постоянно думаешь объ этомъ,—вотъ это и будетъ мечта... Понимаешь, Графа?

— Понимаю...—въ раздумьи проговорила Графа и, хотя все-таки имя „Надежда“ нравилось ей больше, она прибавила:—что-жъ, Ламбро, пусть наша лодка будетъ „Мечта“...

Съ этихъ поръ будущую лодку не называли иначе, какъ Мечтой, и когда маленькій Спиро хотѣлъ разъяснить какія-нибудь свои недоразумѣнія насчетъ лодки, онъ всегда спрашивалъ отца: „тата, а какія весла будутъ у нашей „Месъты?“ Самымъ любимымъ его занятіемъ теперь было играть въ „Мечту“, и какая-нибудь старая материна туфля или подобранная въ грязи щепка въ его воображеніи превращалась въ лодку и получала названіе „Мечты“. Такимъ образомъ „Мечта“ тѣсно срослась съ существованіемъ всѣхъ членовъ

семьи Стафилати: для „Мечты“ копили деньги, во всемъ себѣ отказывая; о „Мечтѣ“ постоянно говорили, и хотя ея еще не было, но она какъ будто бы уже была, и всѣ были счастливы, и легче переносили бремя злой нищеты и тяжелого труда.

Иногда въ разговорахъ о „Мечтѣ“ принималъ участіе и старый Іорданъ, дядя Графы по матери, каждую субботу приходившій къ ней въ гости изъ деревни, гдѣ онъ жилъ на покоѣ у своей дочери. Когда-то Іорданъ былъ бравый грекъ и во время Крымской войны находился въ числѣ горсти храбрецовъ, защищавшихъ свой рыбацкій городокъ отъ непріятельскаго вторженія, но теперь онъ уже и плохо видѣлъ, и плохо слышалъ, и изъ всей своей долгой жизни хорошо помнилъ только эту геройскую защиту. Стоило только его спросить: „а ну, Іорданъ, расскажите, какъ вы воевали съ адмираломъ Рагланомъ?“—и старикъ вдругъ оживалъ, въ помутнѣвшихъ зрачкахъ его зажигались искры, онъ гордо выпячивалъ свою грудь, украшенную медалями, и начиналъ рассказывать о событіи съ такими подробностями, какъ будто все было вчера. Особенный пафосъ и подъемъ духа старикъ обнаруживалъ при воспоминаніи о томъ, какъ ихъ изъ 70 человекъ осталось только 7, какъ у нихъ вышли всѣ заряды и какъ, наконецъ, ихъ предводитель, Занто, раненный въ грудь, рѣшилъ сдаться и привязалъ къ ружью бѣлый платокъ. Эта потрясающая картина выходила у Іордана художественно, и каждый разъ, весь трясаясь и задыхаясь отъ негодованія, онъ заканчивалъ ее восклицаніемъ: „ахъ этотъ подлецъ Занто!“—Но почему же подлецъ?—съ удивленіемъ спрашивали Іордана слушатели.

— А потому, что не нужно было позорно сдаваться! Нужно было защищаться до послѣдней капли крови!—трагически произносилъ старикъ.

— Да вѣдь это же было невозможно, вѣдь и зарядовъ у васъ не было, и Занто былъ раненъ, что же вы сдѣлали бы съ 40-тысячною арміею?

— Все равно, не нужно было сдаваться!—упрямо твердилъ старый герой, и съ свирѣпымъ видомъ, потрясая кулакомъ, точно давно уже умершій Занто могъ его слышать, онъ повторялъ:—этотъ подлецъ Занто!..

По субботамъ, какъ только внизу кончалась всенощная, и слабые отголоски церковнаго благовѣста умирали въ горахъ, Графа выходила на порогъ дома и говорила сыну:

— А ну, Спиро, иди внизъ, посмотри, не идетъ-ли папѹ (дѣдушка)!

Спиро, не разбирая никакихъ препятствій, съ готовностью

мчался подъ гору по каменистой тропинкѣ, и скоро оттуда доносился его веселый голосокъ:

— Папу! Папу идетъ! Совсѣмъ уже близко!

А дѣдушка, задыхаясь отъ усталости, хрипѣлъ ему снизу:

— Трэкси, трэкси *), Спиро, помоги дѣдушкѣ подняться, не то онъ разсыплется на дорогѣ, какъ старое колесо, и ты никогда не узнаешь, что было у него въ карманахъ!

Спиро хорошо зналъ, что у дѣдушки въ карманахъ всегда были очень интересныя вещи, и изъ всѣхъ силъ старался втащить его на гору. Но старый герой былъ грузенъ, и внучку совсѣмъ пришлось бы плохо, если бы на помощь къ нему не являлся Ламбро, какъ разъ въ это время возвращавшійся съ работы, и не доставлялъ обоимъ въ птичій домикъ.

Отдышавшись, отчихавшись и прокашлявшись хорошенъко, Ёрданъ понемногу приходилъ въ себя и прежде всего спрашивалъ:

— Ну что, Ламбро, какъ ваша лодка?

Сіюющая Графа рассказывала дядѣ, сколько они уже накопили денегъ, и за дымящимся, ароматнымъ кофе (ради старика Графа позволяла себѣ эту роскошь) начиналась безконечная, но никогда не надоѣдавшая бесѣда о „Мечтѣ“. Богъ знаетъ, въ который разъ высчитывалась снова ея стоимость, перечислялись всѣ ея будущія достоинства, обсуждались различныя детали въ окраскѣ, въ оснасткѣ, и старикъ съ самымъ дѣловымъ видомъ, покуривая трубочку, подавалъ обстоятельные совѣты, какъ нужно выбирать лодку, чтобы она была устойчива, легка на ходу и въ то же время прочна.

— Прежде всего смотри ты ей въ фізіономію, Ламбро!— говорилъ онъ.—Надо, чтобы у лодки фізіономія была широкая, Ламбро,—такая лодка никакой зыби не боится. А если ты посмотришь на лодку и такъ, и эдакъ и не увидишь у ней въ носу настоящей морской души,—плюнь на такую лодку, Ламбро, и отойди подальше, потому что такая лодка ничего не стоитъ, я тебѣ это говорю...

И Ламбро, хотя понималъ въ лодкахъ гораздо больше, чѣмъ старый Ёрданъ, но изъ вѣжливости соглашался съ нимъ и поддакивалъ.

Между тѣмъ солнце, пославъ землѣ свою послѣднюю улыбку, исчезало за горами, и ночь безъ сумерекъ, синяя южная ночь не слышно спускалась съ вершинъ. Небо быстро темнѣло, и въ его глубинѣ какъ-то сразу, точно торомясь поскорѣе взглянуть, что случилось за день на землѣ, любопытною толпою высыпали крупныя южныя звѣзды. Крѣпче и слаще пахли горныя травы; въ камняхъ сначала одинъ

*) Бѣги.

сверчокъ пустилъ свою мечтательную трель, ему откликнулся другой, потомъ третій,—и безмолвныя вершины ожили, заговорили, зашѣли... А подъ миндальнымъ деревомъ все еще шла тихая бесѣда, и очарованные фантастическимъ гнѣимъ горъ, обласканные теплыми ароматами травъ, бѣдные люди на время забывали о своей бѣдной жизни и отдыхали душой.

Ламбро, которому такъ рѣдко приходилось бывать въ своей семьѣ, очень любилъ эти субботніе вечера и всячески старался ихъ продлить. Когда старый Іорданъ вдругъ раскисалъ и начиналъ клевать носомъ, Ламбро сейчасъ же заводилъ рѣчь о знаменитой защитѣ, и этого было довольно, чтобы старикъ немедленно воспрянуть. Онъ требовалъ себѣ еще чашечку кофе, подсыпалъ въ трубку новую порцію табаку и, раза два-три крѣпко затянувшись, начиналъ:

— И вотъ, Ламбро, вижу я однажды странный сонъ... Стою я будто на вершинѣ Дели-Кристо и смотрю на ту сторону бухты. Ну... и что же ты думаешь, Ламбро? Вижу вдругъ, какъ отъ старой башни поднялась цѣлая туча пчелъ и стала перелетать черезъ бухту прямо на Дели-Кристо. Такъ и жужжать, такъ и жужжать надъ головою,—однѣ пролетать, другія сейчасъ же появляются на ихъ мѣсто, и такое множество, что даже небо отъ нихъ почернѣло, какъ сажал...

— Это, Ламбро, было весной, а осенью, какъ сейчасъ помню, 17 сентября утромъ мы узнали, что на насъ идутъ англичане. И если бы, Ламбро, ты тогда былъ на свѣтѣ, ты бы увидѣлъ, что вся земля отъ того мѣста, гдѣ теперь докторова дача, и до вѣтряной мельницы на Севастопольской дорогѣ, была точно краснымъ сукномъ застлана,—это были все англійскіе мундиры... А у насъ, Ламбро, было только двѣ мортирки и больше ничего, но, Ламбро...—прибавлялъ старикъ торжественно,—мы считали своимъ долгомъ отстаивать свою родную землю...

Онъ на минуту останавливался, чтобы раскурить потухшую трубочку, и затѣмъ снова продолжалъ:

— Засѣли мы, Ламбро, на башнѣ и открыли изъ мортирокъ огонь. Непріятель отвѣчалъ намъ ружейной пальбой и вотъ, когда, Ламбро, я сейчасъ же вспомнилъ свой сонъ. Штуцерныя пули летали надъ нами, какъ пчелы, и не одна, проклятая, ужалила нашихъ храбрецовъ. Былъ раненъ въ руку Петро Михали, сильно задѣло покойнаго Папа Леонти, только я остался невредимъ и до послѣдней минуты не покидалъ орудій. Въ 4 часа пополудни мы должны были прекратить огонь, потому что у насъ вышли всѣ снаряды, и тогда этотъ подлецъ, Занто, сказалъ: „надо сдаваться, чтобы прекратить эту бесполезную бойню“... Охъ, Ламбро, какъ

было горько намъ слышать эти слова, и хотъ много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а и сейчасъ во мнѣ вся душа дрожитъ, какъ вспомню... Мы съ Леонти не хотѣли сдаваться, какъ подлые гусы, и хотѣли лучше умереть на родной землѣ, но Занто выхватилъ бѣлый платокъ, привязалъ его къ ружью и поднялъ надъ башней... Тогда мы съ Леонти забили мортирки и сбросили ихъ въ море, а сами поглядѣли другъ на друга и, вѣришь мнѣ, Ламбро, заплакали, какъ маленькія дѣти... А Леонти былъ герой и имѣлъ за храбрость Георгіевскій крестъ...

— Въ 5 часовъ вечера мы сдались, и насъ привели къ Раглану. Незначный такой былъ изъ себя, и одинъ рукавъ у него пустой висѣлъ на пуговицѣ. Онъ былъ не въ духѣ отъ оказаннаго его войскамъ сопротивленія и сердито крикнулъ на насъ: „гдѣ войско“? И Леонти ему отвѣчалъ: „вотъ все войско, здѣсь на лицо, больше нѣтъ ни одного человѣка“. Многіе изъ его свиты переглянулись и засмѣялись, а Рагланъ весь почернѣлъ отъ злости и крикнулъ, топнувъ ногой: „Какъ же вы осмѣлились, ничтожная горсть, противостоятъ 40-тысячной арміи союзниковъ“? Тогда Леонти выступилъ впередъ и съ достоинствомъ сказалъ (тутъ голосъ Іордана пріобрѣталъ особую торжественность, и дряхлый станъ его величественно выпрямлялся): „безусловной сдачей, ваше превосходительство, мы бы навлекли на себя вѣчный позоръ и даже презрѣніе непріятеля; теперь же совѣсть наша спокойна: мы исполнили свой долгъ“... И что же ты думаешь, Ламбро,—принцъ Кабрицкій (такъ Іорданъ называлъ Калабріискаго принца) потрепалъ Леонти по плечу и сказалъ: „браво, браво“!..

И долго еще тянется повѣствованіе стараго героя, и хотя Ламбро давно уже знаетъ наизусть всю эту исторію, но каждый разъ слушаетъ ее съ удовольствіемъ, наслаждаясь тѣмъ, что онъ у себя, дома, что здѣсь онъ не хамаль, а хозяинъ, и что его усталую спину не гнететъ тяжелая ноша... А синяя ночь стелется надъ усталой землею, нѣжно нашептывая ей свои убаюкивающія сказки, и молчаливыя звѣзды жадно глядятъ съ высоты, смѣлѣе и громче звучитъ волшебная музыка горъ, горячѣе дышутъ цвѣты и травы, и только отдаленный ревъ осла въ горахъ нарушаетъ очарованіе ночи, какъ бы напоминая уснувшему человѣчеству, что снова настанетъ шумный день, что проснутся опять боль и страданіе.

Скоро внизу всѣмъ стало извѣстно, что хамаль Ламбро Стафилаги собирается купить себѣ лодку и копить для этого деньги. Новость дошла и до Кристо, и онъ снова появился на горѣ, какъ всегда съ иголки одѣтый, какъ всегда са-

модовольный, но насвистывая уже не „Маргариту“, а венгерскій чардашъ, который онъ слышалъ въ Севастополѣ, на бульварѣ. Обмѣнявшись съ Ламбро обычными привѣтствіями и пожелавъ ему „кали сперасъ“ и „кали ора“ (добраго вечера и доброй части), онъ усѣлся подъ мивдальнымъ деревомъ и приступилъ къ дѣлу.

— Я слышалъ, Ламбро, ты покупаешь лодку? — спросилъ онъ.

— А что же? — сказалъ Ламбро. — Если ты хочешь строить себѣ домъ, отчего же мнѣ не купить себѣ лодку?

Кристо насмѣшливо прищурилъ одинъ глазъ и посмотрѣлъ на Графу, которая по обыкновенію стояла у порога съ ребенкомъ на рукахъ.

— Стало быть, тебѣ надоѣло таки быть хамаломъ, и хочешь попасть въ настоящіе люди? — продолжалъ онъ. — Ну что-жъ, пора. Но я всетаки думаю, что скорѣе я построю себѣ домъ, чѣмъ ты, Ламбро, купишь себѣ лодку.

Графа вся вздрогнула при этихъ словахъ и съ румянцемъ обиды взглянула на мужа, ожидая, что онъ скажетъ. Все въ ней кипѣло, и ей хотѣлось бы, чтобы Ламбро пинками прогналъ съ горы этого дерзкаго мальчишку и чтобы Кристо никогда больше къ нимъ не приходилъ и не смѣлъ смотрѣть на нее такими скверными глазами.

Но Ламбро только усмѣхнулся и покачалъ головой.

— Тэось ту ксэри (Богъ знаетъ), Кристо! — сказалъ онъ. — Никто не знаетъ, что будетъ съ нами завтра! Можетъ быть, мы съ тобой разбогатѣемъ, какъ Мавропуло, а можетъ быть, оба пойдемъ на улицу просить у добрыхъ людей кусокъ хлѣба. Можетъ, вотъ я здѣсь сижу и думаю купить себѣ лодку, а тамъ гдѣ-нибудь уже пилать доски, изъ которыхъ мнѣ будутъ дѣлать гробъ, да и тебѣ, Кристо, готовить бѣлый саванъ.

Кристо поблѣднѣлъ и принужденно засмѣялся. Онъ боялся смерти и не любилъ о ней даже говорить.

— Тьфу, Ламбро, на пендесъ ту мутра су! *) — воскликнулъ онъ, вставая. — Съ тобой совсѣмъ нельзя шутить, ты сейчасъ скажешь какую-нибудь глупость. Ну, слушай, я не болтать къ тебѣ пришелъ, а за дѣломъ: если тебѣ нужна лодка, не купишь ли мою?

— Нѣтъ, Кристо, мнѣ не нужно твоей лодки. У тебя не лодка, а старое бабье корыто; мнѣ же нужна хорошая лодка.

— Ну, какъ хочешь, подожди хорошенько, когда у тебя будетъ хорошая лодка, — язвительно сказалъ Кристо и, бро-

*) На пятерню тебѣ на морду, — значить: что ты врешь!

сивъ еще разъ выразительный взглядъ на Графу, скрылся подъ горой.

— Какой умный!—вымолвилъ Ламбро ему вслѣдъ.—Продаетъ лодку, а она у него только и годится на дрова. Нѣтъ, ужъ если заводить лодку, то чтобы была настоящая лодка, такая, какъ наша „Мечта“. Слышишь, Графа?

Но Графа не отвѣчала. Она была уже въ домѣ и по стуку посуды, которую она убирала, можно было судить, что на душѣ у нея не спокойно. Ламбро сейчасъ же догадался объ этомъ и пошелъ къ ней.

— Что же ты ничего не отвѣчаешь, Графа?—спросилъ онъ, глядя, какъ она съ сердцемъ швыряетъ сковороды и горшки.—Или, можетъ быть, тебѣ хочется, чтобы я купилъ у Кристо его поганую лодку?

— Не нужно мнѣ никакой лодки!—крикнула Графа, обращая къ мужу искаженное гнѣвомъ лицо.—И не дури ты мнѣ голову, Ламбро, своей лодкой. Я ужъ вижу, что лодки у насъ никогда не будутъ... у людей хоть поганья, да есть, а у насъ никакой никогда не будетъ, не будетъ и не будетъ...

— Вотъ тебѣ и разъ!—проговорилъ Ламбро.—Почему не будетъ? Нѣтъ, будетъ, я тебѣ это говорю, а если ты мнѣ не вѣришь, то сними съ себя свой кошелекъ и давай посмотримъ, сколько уже у насъ накопилось денегъ для „Мечты“...

Упоминанiе о завѣтномъ кошелѣкѣ подѣйствовало на Графу благотворно, и черезъ минуту супруги уже мирно сидѣли рядомъ и, въ сотый разъ пересчитывая свой скудный капиталъ, обсуждали, сколько еще не хватаетъ имъ денегъ на покупку лодки.

А Кристо въ это время торопливо спускался съ горы и думалъ:

„Проклятый хамалъ, чтобы ты самъ себя напрогночить и гробъ, и саванъ! Какъ бы я радъ былъ, если бы тебя когда-нибудь придавило хорошимъ тюкомъ! Надоѣло уже мнѣ ходить по колючкамъ и смотрѣть на Графру безъ всякого толку! Сколько ботинокъ я истрепалъ, и ни разу не удалось хорошенько съ нею поговорить,—ужъ очень крѣпкіе кулачищи у этого грязнаго верблюда... Гробъ и саванъ... тфу! Чтобы ты самъ издохъ, подлый дьяволъ...“

И Кристо чудилось, что за нимъ съ горы гонится что-то холодное, бѣлое, и цѣпляется ему за плечи, и шепчетъ въ уши: «Нѣтъ, Кристо, не убѣжишь, я смерть твоя, я догоню тебя...» Холодный потъ выступилъ у Кристо на лбу; колѣнки у него тряслись, сердце трепетало, и каждый кустикъ на дорогѣ, каждый камень казались ему въ вечернемъ сумракѣ какими-то кривляющимися чудищами, пришельцами невѣдомаго міра.

Но внизу, въ ярко освѣщенной кофейнѣ, среди многочисленной публики и шумнаго говора, Кристо оправился и почувствовалъ себя прежнимъ Кристо. Ему самому стало смѣшно надъ собою, какъ онъ, сломя голову, летѣлъ съ горы, точно за нимъ и въ самомъ дѣлѣ кто-нибудь гнался, и, потребовавъ себѣ чашку кофе, Кристо, какъ ни въ чемъ не бывало, занялъ свое мѣсто за общимъ столомъ.

— А я сейчасъ былъ у Ламбро тамъ наверху,—началъ онъ, смѣясь.—И что вы думаете, этотъ ортухось (бѣднякъ) собирается покупать себѣ такую лодку, какой ни у кого здѣсь нѣтъ, а самъ сидитъ и кушаетъ сухой хлѣбъ, запивая его голою водицей... Вотъ чудакъ!

Нѣкоторые засмѣялись, но одинъ изъ посѣтителей, почтенный человѣкъ съ сѣдыми бакенбардами и суровымъ, темнымъ лицомъ, возразилъ:

— А что жъ, если Ламбро хочетъ покупать лодку, то такъ и будетъ! Я знаю Ламбро: у Ламбро золотая голова, желѣзныя руки и сердце, какъ алмазъ, и я, который никогда никому не довѣрялъ въ жизни своей мѣднаго гроша безъ росписки, я довѣрилъ бы Ламбро цѣлый миллионъ на одно только слово и ручаюсь головой, что Ламбро свое слово сдержитъ... Вотъ какой человѣкъ Ламбро!

Кристо толкнулъ подъ столомъ своихъ сосѣдей, и всѣ они насмѣшливо переглянулись между собою. Почтенный человѣкъ съ сѣдыми бакенбардами былъ тотъ самый богачъ, Мавропуло, въ птичьемъ домикѣ котораго ютился Ламбро съ своимъ семействомъ.

Къ зимѣ въ ладонкѣ у Графы скопилось около 20 рублей, и когда Графа пересчитала эти жалкіе гроши, собранные съ такимъ тяжелымъ трудомъ и лишеніями, она пришла въ отчаяніе. На покупку хорошей лодки нужно было, по крайней мѣрѣ, 100 рублей, и если на то, чтобы скопить, отказывая себѣ во всемъ, 20 рублей, ушло слишкомъ полгода, то сколько же еще придется ждать до тѣхъ поръ, пока они будутъ въ состояніи осуществить свою мечту?.. Года два, а можетъ быть, и больше, и эти два года казались Графѣ бесконечно длинными, какъ пѣшеходу кажется бесконечно длиннымъ тотъ остатокъ пути, который отдѣляетъ его отъ отдыха и ночлега. Чѣмъ ближе цѣль, тѣмъ труднѣе идти, и время бѣжитъ скорѣе для того, кому нечего ждать вперед. Веселая, беззаботная Графа сдѣлалась раздражительна и нетерпѣлива; по ночамъ ей снились деньги, много денегъ, кучи золота и серебра, а утромъ она вставала блѣдная, угрюмая, съ отвращеніемъ смотрѣла на свою убогую утварь, колотила ребятишекъ и кричала на Ламбро, который за непимѣніемъ работы теперь чаще оставался дома.

Ламбро пытался утѣшать ее по прежнему:

— Вотъ погоди, Графа, когда будетъ у насъ „Мечта“...

Но Графу это только еще больше раздражало.

— Ахъ, „Мечта“, „Мечта!“—съ злобной насмѣшкой восклицала она.—Лучше бы ты помолчалъ съ этой „Мечтой!“ Какая „Мечта“, когда скоро всѣ подохнемъ съ голоду и отъ стужи? Никакой „Мечты“ у насъ не будетъ, и нечего объ этомъ говорить, людямъ на смѣхъ! Ты думаешь, не смѣются надъ нами? Всѣ смѣются, нельзя на улицу выйти! Кристо этотъ проходу не даетъ, все спрашиваетъ: „Ну что же ваша „Мечта“. Ахъ, надоѣло мнѣ все, — вотъ пойду когда-нибудь на башню и брошусь отсюда внизъ головою въ море!...

Ламбро, вздыхая, бралъ шапку и уходилъ бродить куда-нибудь на улицу, или взбирался по скользкимъ тропинкамъ на обледенѣлыя скалы, садился на камень и слушалъ, какъ реветъ сердитое зимнее море. И этотъ моручій гордый ревъ, эти холодныя, злыя волны, съ дикой смѣлостью бросающіяся на недвижныя каменныя громады горъ, возбуждали въ немъ бодрость и сознаніе своихъ силъ. Освѣженный, успокоенный возвращался Ламбро домой съ новымъ запасомъ терпѣнія и жаждой борьбы, и въ эти минуты казалось ему, что онъ все можетъ, всего достигнетъ и завоюетъ себѣ счастье.

Однажды, спускаясь съ горы, онъ лицомъ къ лицу столкнулся съ Кристо, который въ тепломъ пальто, съ поднятымъ воротникомъ, въ теплой шляпѣ и въ высокихъ сапогахъ съ калошами озабоченно шелъ куда-то. Увидѣвъ Ламбро, онъ остановился и оскалилъ свои мелкіе, острые зубы.

— А, Ламбро,—воскликнулъ онъ.—Вотъ хорошо, что я тебя встрѣтилъ! У меня есть къ тебѣ большое дѣло...

По лицу и по тону рѣчи, въ которой не слышно было обычной насмѣшки, Ламбро догадался, что Кристо на этотъ разъ не шутить, а дѣйствительно нуждается въ немъ. „Нѣтъ ли у него какой-нибудь работы?“ подумалъ Ламбро и посмотрѣлъ на свои руки, которыя давно уже отдыхали и тосковали отъ бездѣлья.

— Хорошо,—сказалъ онъ.—Вотъ и хамаль тебѣ пригодился, Кристо. Не строишь ли ты уже себѣ домъ?

— Домъ не домъ, немножко поменьше, но дѣло всетаки большое. Пойдемъ внизъ, здѣсь вѣтеръ дьявольскій, и зубы у меня пляшутъ, какъ татары на арманѣ *).

Они сошли съ горы, на которой бѣсновался свирѣпый нордостъ, и Кристо повелъ Ламбро прямо въ кофейню, что было уже совсѣмъ серьезно.

— Ну, теперь я совсѣмъ оттаялъ и могу говорить!—началъ

*) Арманъ — молотба.

Кристо, проглотивъ чашку густого, душистаго кофе.—Вотъ видишь, Ламбро, я купилъ себѣ лодку...

— Хорошо!—одобрилъ Ламбро.

— Конечно, не такую, какъ твоя „Мечта“...—насмѣшливо подмигнувъ, продолжалъ Кристо—Но все-таки ничего себѣ, годится. Свою старую я продалъ, а новую купилъ; теперь у меня есть и лодка, и снасти, и хочу я, Ламбро, самъ по себѣ идти въ Туакъ... Что ты скажешь?

— Скажу, что и это хорошо,—опять одобрилъ Ламбро.

— Ну вотъ... Эй, дайте сюда еще двѣ чашки кофе! Пей, Ламбро. Не хочешь ли папиросу? Хорошая, изъ бахчисарайскаго табаку... Кури, пожалуйста. Ну вотъ, стало быть, и лодка, и снасти есть, теперь мнѣ нужно компанію. Не пойдешь ли ты со мною, Ламбро?

— Отчего же не поидти?—отвѣчалъ Ламбро.—Конечно, мнѣ все равно съ кѣмъ ни идти, но все-таки я подожду давать тебѣ слово. Въ прошломъ году я ходилъ съ Яномъ Аргириди, и, можетъ быть, онъ позоветъ меня опять.

Глаза Кристо безпокойно загорѣлись, и онъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Ну что тамъ Аргириди, плюнь на Аргириди!—воскликнулъ онъ.—Сколько онъ тебѣ дастъ? Одинъ пай? Я тебѣ дамъ два. Я знаю, чего ты стоишь и какой ты опытный морякъ. Если бы ты, Ламбро, былъ немножко не такой неповоротливый, ты бы могъ наживать ой-ой-ой какія большія деньги, и давно бы у тебя были и своя лодка, и свое дѣло, и не нужно было бы тебѣ жить у этой старой лисицы, Мавропуло, въ старомъ курятникѣ...

„Ого-го-го! подумалъ Ламбро, посмѣиваясь тихонько себѣ въ усы. Ужъ если тебя, Ламбро, несчастнаго хамала, угощаютъ такими сладкими бубликами, это значить, ты очень нуженъ. А почему нуженъ? Потому что мы съ Кристо немножко боимся моря, а съ моремъ надо ладить, оно даетъ хорошія деньги. Ну что жъ, посмотримъ, можетъ, я и помогу тебѣ нажить деньги, Кристо, только своими сладкими словами ты меня не проведешь“...

А Кристо продолжалъ, все болѣе и болѣе волнуясь:

— Ну что же ты скажешь, Ламбро? Два пая—и по рукамъ? Мнѣ давно хочется имѣть свое дѣло и никому не кланяться; ты самъ знаешь, Ламбро, какъ трудно найдти хорошаго товарища. Когда работаешь,—ничего, все ладно, а какъ начнутъ дѣлать пай, —такъ и ссора и одинъ другого старается обмануть.

— Нѣтъ, отчего же?—возразилъ Ламбро.—Наши рыбаки народъ хорошій, честный; я съ Аргириди хожу вотъ уже три

года, и никогда мы съ нимъ не ссорились, и какъ были пріятели, такъ и теперь пріятели.

— Ха, а сколько денегъ давалъ тебѣ этотъ пріятель?— насмѣшливо спросилъ Кристо.

— Немного, но знаешь, Кристо, это ужъ какъ удача. Въ прошломъ году рыба совсѣмъ не шла, если ты помнишь, а насъ въ компаніи было пять человѣкъ, восемь паевъ,—раздѣли, много-ли придется на каждый пай? А старикъ Аргириди хорошо съ нами рассчитывался, это всякій тебѣ скажетъ; посмотримъ, Кристо, какъ будешь рассчитываться ты!— прибавилъ Ламбро, лукаво подмигивая.

Кристо вадернулъ носъ.

— А вотъ увидишь, Ламбро!—съ достоинствомъ сказалъ онъ.—Какъ я сказалъ: тебѣ два пая,—такъ и будетъ. Ну что-жъ, согласенъ?

— Подумаю. А кто пойдетъ съ нами еще?

Кристо немного замаялся.

— А тамъ... одинъ русскій, Ефимъ. Онъ работалъ на хуторахъ и зазимовалъ у насъ; теперь хочетъ попробовать счастья въ морѣ.

— Значитъ, совсѣмъ новый? Можетъ, и весла не умѣетъ держать въ рукахъ?—спросилъ Ламбро, покачивая головой.— Это плохо: не люблю я работать съ такимъ народомъ.

— Ничего, Ламбро, онъ, кажется, человѣкъ крѣпкій и, по всему видно, будетъ стараться. Ему очень нужны деньги, а кому нужны деньги, тотъ и чорта не боится, Ламбро!

— Правда,—сказалъ Ламбро.—Но только до тѣхъ поръ, пока чортъ не высунетъ свои рога. А море, Кристо, бываетъ хуже чорта иногда; смотри, какъ бы твой Ефимъ не ушелъ отъ насъ, понюхавъ немножко, чѣмъ оно пахнетъ...

— Э, глупости!—съ безпечнымъ видомъ воскликнулъ Кристо.—Не уйдетъ, какъ увидить въ Туакѣ, сколько денегъ въ карманахъ у московскихъ купцовъ! За то насъ будетъ только трое, и дѣлить будемъ на шесть паевъ. При удачѣ сколько мы заработаемъ, Ламбро, подумай! И чего намъ бояться, когда съ нами будешь ты, самый лучшій морякъ въ городѣ!— лъстиво добавилъ онъ, чтобы окончательно склонить Ламбро на свою сторону.

Ламбро усмѣхнулся на эту лесть и всталъ изъ за стола.

— Экій сладкій языкъ у тебя, Кристо, настоящий медъ! Ну, ладно, я подумаю, посмотрю твою новую лодку и тогда скажу тебѣ, пойду я съ тобой или нѣтъ... А что, Кристо, ты вѣдь любишь таки деньги, а?—спросилъ онъ уже на улицѣ.

— А кто же ихъ не любитъ? Правда, люблю.

— То то. Пожалуй, ты и чорта не испугался бы, если бы онъ пообѣщалъ тебѣ хорошій процентъ за твою душу?

— Э, чего бояться, — вѣдь и чорта можно обмануть, Ламбро! — смѣясь, отвѣчалъ Кристо, довольный, что уладилъ дѣло.

Они разстались, и Ламбро въ задумчивости пошелъ домой. Онъ хорошо понималъ, что Кристо предлагалъ ему очень выгодную сдѣлку, обѣщая за однѣ руки два пая *), но въ то же время никакъ не могъ отдѣлаться отъ чувства нѣкотораго недовѣрія, которое всегда внушалъ ему его бывшій школьный товарищъ. Все не правилось ему въ Кристо: и его вкрадчивая хитрость, и хвастливая заносчивость, и жадность къ деньгамъ, доходящая до болѣзненной мани, а главное, — его трусость, которою онъ отличался еще на школьной скамьѣ. Съ такимъ компаніономъ пропадешь! думалъ Ламбро. Да еще тамъ нашелъ себѣ какого-то Ефима, который и моря, можетъ быть, никогда не нюхалъ! Сядутъ оба на мою спину и такъ заѣдають, что не захочешь никакихъ денегъ! А деньги нужны; если на мою долю придется хоть 80 рублей, вотъ и лодка! Тогда прощай, Кристо, — самъ буду хозяиномъ, и ни какимъ медомъ ты меня не заманишь въ свою компанію! Опасный человѣкъ, хитрый человѣкъ; въ каждомъ глазу сидитъ по бѣсу, и когда смотритъ на тебя, то бѣсы такъ и прыгаютъ во всѣ стороны, точно лягушки передъ дождемъ. Ну, что же дѣлать, — это онъ правду сказалъ, что кому нужны деньги, тому нечего бояться и чорта. Не плачь, моя бѣдная Графа, будутъ у насъ съ тобой деньги, будетъ и „Мечта“, и тогда наплевать намъ на Кристо!

А свирѣпый нордостъ злобно вылъ, носясь, какъ бѣшеный, по горамъ, и за скалами бились и ревѣли разъяренные волны, словно вызывая на борьбу весь міръ.

Когда Графа узнала отъ мужа, что онъ идетъ съ Кристо въ Туакъ, она сразу присмирѣла и затихла. Она была дочь земледѣльцевъ, не знала и не любила моря и каждый разъ, провожая Ламбро на опасный промыселъ, боялась, что онъ не вернется. И теперь, вспоминая, какими злыми упреками она осыпала его все это время, Графа мучилась раскаяніемъ и своими ласками старалась загладить свою вину передъ нимъ. Въ домѣ у нихъ опять воцарился міръ, и Ламбро послѣдніе дни передъ отъѣздомъ плавалъ какъ рыба въ маслѣ, по его собственнымъ словамъ.

Наступилъ, наконецъ, и февраль, а вмѣстѣ съ нимъ наступило и время отплытія. Каждый день почти въ море уходили лодки, нагруженные снастями и людьми; рыбаки въ

*) Рыбакъ, вносящій въ дѣло только одинъ свой трудъ, получаетъ обыкновенно одну часть изъ общей прибыли; имѣющій какую нибудь рыболовную снасть получаетъ два пая, а хозяинъ лодки и снастей считается хозяиномъ предпріятія и имѣетъ право на три пая.

теплыхъ курткахъ, въ громадныхъ выше колѣна сапогахъ, тѣли пѣсни, махали шапками, а провожавшіе желали имъ удачи и долго смотрѣли вслѣдъ лодкамъ, пока онѣ не превращались въ бѣлыя точки и не сливались съ безконечною спневою моря и неба.

Проводили и Ламбро. Даже старый Іорданъ притащился изъ деревни на своихъ старыхъ ногахъ и долго ворчалъ и суетился около лодки, давая разные, по его мнѣнію, очень важные совѣты, на которые, впрочемъ, никто не обращалъ вниманія. Онъ и мачту осмотрѣлъ, и паруса пощупалъ, нащелъ какой-то недостатокъ въ шкотахъ (веревки отъ парусовъ) и успокоился только тогда, когда Ламбро съ нимъ согласился и обѣщалъ исправить замѣченный имъ недостатокъ.

— Ну, готово!—сказалъ Ламбро, подходя къ Графѣ.—Прощай, Графа, не горюй безъ меня и молись объ удачѣ. Дядя-Іорданъ, навѣщайте жену и дѣтей! Будьте имъ, какъ родной отецъ...

— Ладно, ладно, и безъ тебя это знаю!—пробурчалъ старый герой, борясь съ овладѣвшимъ его душою волненіемъ и изо всѣхъ силъ стараясь сохранить геройскій видъ и молодцоватую осанку.

— Ну, теперь поцѣлуй меня, Графа, на прощанье!—прибавилъ Ламбро и обнялъ жену.

Графа припала къ нему, и слезы закапали у нея изъ глазъ. Кристо стоялъ поодаль, смотрѣлъ исподлобья на это прощанье, и губы его подергивались не то отъ сдерживаемой улыбки, не то отъ волненія.

— Ну, а меня?—вдругъ вымолвилъ онъ, когда Графа оторвалась отъ Ламбро.—Меня развѣ не поцѣлуете на прощанье? Говорятъ, поцѣлуй женщины приноситъ счастье, а у меня нѣтъ ни сестры, ни матери, никого...

Губы его все дергались, и въ глазахъ свѣтилась усмѣшка. У Графы сразу высохли слезы, и она пугливо отъ него отшатнулась.

— Что-жъ, Графа, поцѣлуй и его!—сказалъ Ламбро, смѣясь. Правда, вѣдь онъ сирота, и его даже проводить некому какъ слѣдуетъ.

Кристо быстро подошелъ къ Графѣ и, прежде чѣмъ она могла что нибудь предпринять, съ знакомымъ уже ей, загадочнымъ блескомъ въ зрачкахъ, не поцѣловалъ, а точно впился ей въ губы. У Графы захватило духъ и въ глазахъ потѣмнѣло.

— Ну, будетъ!—крикнулъ Ламбро, прыгнувъ въ лодку.—Садись, Кристо. Съ Богомъ!

Кристо весь блѣдный, съ дрожащими губами, отошелъ

отъ Графы и, не глядя на Ламбро, сѣлъ на весла. Лодка тихо отплыла отъ берега.

— Кали бра!—прошепталь Іорданъ и снялъ шляпу.

Весла дружно поднялись и опустились; лодка стала быстро удаляться, оставляя за собою длинный змѣистый слѣдъ. Въ послѣдній разъ Ламбро махнулъ рукой; нѣсколько минутъ еще слышались глухіе удары веселъ—разъ-два, разъ-два... наконецъ, и эти звуки исчезли, расплылись, поглощенные вѣчнымъ, таинственнымъ шопотомъ моря.

— Ну, пойдѣмъ, Графа!—сказаль Іорданъ.

Но Графа продолжала неподвижно стоять, закрывъ лицо руками, и все еще чувствовала на губахъ своихъ жаръ и боль пламеннаго поцѣлуя Кристо. „О, ману ме ту ману!“ *) беззвучно шептала она. „Пропала я теперь, совсѣмъ пропала“... И когда она открыла глаза, лодки уже не было видно, и Графа подумала, что вмѣстѣ съ нею ушло все ея прошлое, кончилась ея прежняя тихая жизнь съ Ламбро въ домикѣ на горѣ, и началось что-то другое, новое, такое же безумное, пьяное и нечистое, какъ безстыдный поцѣлуй Кристо.

Между тѣмъ лодка плавно неслась впередъ, разсѣкая носомъ шумящія волны, рѣзвою толпой мчавшіяся ей на встрѣчу. Берегъ отходилъ все дальше и дальше; вотъ уже послѣднія кровли домовъ скрылись за выступами скалъ; блеснулъ еще разъ на прощанье золотой крестъ церкви, и широкая даль моря раскинулась передъ рыбаками. Но мысли ихъ еще оставались тамъ, на берегу, и всѣ молчали. Ламбро былъ грустенъ, и за сердце его немножко щипало; Кристо съ какимъ-то ожесточеніемъ работаль веслами, и неопредѣленная улыбка кривила его губы. Оба они, каждый по своему думали о Графѣ; только третій ихъ спутникъ, Ефимъ, кажется, не думаль ни о чемъ, да ему и не о чемъ было думать, потому что у него не осталось никого на берегу. Это былъ высокій, широкоплечій, немножко неуклюжій парень лѣтъ 30, настоящій сѣверянинъ по виду. Его худощавое, скуластое лицо съ заостренною, совершенно бѣлой бородкой было покрыто крупными желтыми веснушками, придававшими ему наивное выраженіе. Небольшіе сѣрые глаза, почти безъ бровей, смотрѣли простоудшно и немножко мечтательно; желтоватые, неровно подстриженные волосы безпорядочными косицами торчали изъ подъ глубоко надвинутаго картуза. Одѣтъ онъ былъ плоховато, въ старенькій клѣтчатый пиджачокъ съ пухлыми коричневыми заплатами на локтяхъ, въ вытертыхъ до блеска штанахъ изъ чортовой кожи и въ старыхъ морскихъ сапогахъ, которые подарилъ ему Кристо. Онъ сидѣлъ

*) О, мама моя, мама.

на вторыхъ веслахъ, и все его вниманіе было устремлено на то, чтобы попадать въ тактъ съ Кристо. По временамъ онъ отнималъ отъ весла то одну, то другую руку, поплевывалъ на ладонь и снова начинать дѣйствовать старательно и съ оттяжкой.

— Не плюй на руку, Ефимъ,—сказалъ ему Кристо.—Не годится!

— Почѣмъ?—протяжно вымолвилъ Ефимъ.

— А потомъ, что мозоли себѣ наколотишь, да, не дай Богъ, морская вода попадетъ, она тебѣ такъ ихъ разѣстъ, бѣда!

— Ишь ты!—усмѣхнулся Ефимъ.—А мы, кабытъ, по рас-сейски, привышны!

— А ты откуда?—спросилъ Ламбро, выходя изъ своей грустной задумчивости.

Ефимъ отвѣчалъ не сразу: видно, въ прошломъ у него не было ничего такого, что стоило бы помянуть добромъ, и вопросъ Ламбро затронулъ въ немъ какія-то больныя мѣста.

— Мы—дальніе...—отвѣчалъ онъ, наконецъ, неохотно.—Кострому слыхалъ? Изъ этихъ мѣстъ...

— Какже ты сюда-то попалъ?

— Замотался...—неопредѣленно вымолвилъ Ефимъ и, прищурившись, посмотрѣлъ вокругъ.—А у васъ тутъ ничего, хорошо... тепло! у насъ на Костромѣ теперича еще снѣга лежать могучіе, а у васъ ишь ты какъ... славно!

Они шли теперь мимо невысокихъ горъ, покрытыхъ вѣчно зеленымъ можжевельникомъ, и горячее южное солнце пригрѣвало ихъ совсѣмъ по весеннему. Теплый „ялтинскій“ вѣтеръ дулъ имъ въ лицо, и море искрилось и трепетало подъ его ласковымъ дыханьемъ. Горы нѣжились въ голубыхъ туманахъ, и въ полусонномъ лепетѣ прибоя, казалось, звучали голоса пробуждающейся природы. Тепло, вѣтеръ и возбуждающій шумъ волнъ оживили рыбаковъ: они разговаривались.

— Такъ ты, значить, въ первый разъ идешь на ловлю?—спросилъ Ламбро у Ефима.—Въ Туакъ не бывалъ?

— Не приходилось.

— Ну, я тебѣ скажу, наше морское дѣло трудное. Кто не привыкъ, тому тяжело.

— Насчетъ рыбы?

— Нѣтъ, не рыбы,—рыба ничего: когда погоды хорошія и удача, съ рыбой хлопотъ немного. А вотъ если штормъ застанетъ, да задуетъ подлый нордостъ, ну тогда опасно. И рыбѣ не радъ: только бы скорѣй до берега добраться.

— Ты говоришь, съ рыбой немного хлопотъ,—возразилъ Кристо, бросая весла и закуривая папиросу.—Нѣтъ, Ламбро,

это тоже трудная задача. Крупную рыбу тоже надо умѣть поймать, а разинешь ротъ, она тебѣ махнетъ по носу хвостомъ и до свиданья! Совсѣмъ дуракомъ оставить, ажъ досадно.

— Здорова, стало, быть? — съ любопытствомъ спросилъ Ефимъ.

— Да какже, — вѣдь это тебѣ не кефаль и не султанка, а настоящій рыбій царь, — осетѣрь, а то бѣлуга. Вѣдь это чистые дьяволы, а не рыбы, ей-Богу! Ну бѣлуга хоть ничего, — она рыба смиренная, на нее хоть верхомъ садись, — настоящая корова, а вотъ осетѣрь — нѣтъ: этоть водить-водить, даже въ потъ вгонить, а какъ вытацишь его въ лодку, такъ онъ чуть не плачетъ. Ей-Богу, точно ребенокъ, — ажъ пицить, право пицить...

— Правда, — подтвердилъ Ламбро. — Онъ море любить, — умная рыба.

— А когдаймаешь ее, — продолжалъ Кристо, — не надо сразу тащить, надо понемножку, чтобы она устала. Устанетъ хорошенько, — ну тогда тащи, и какъ только она голову изъ воды показала, — сейчасъ ее багромъ по башкѣ, чтобы оглушить. Послѣ этого она смиренная сдѣлается, сама въ руки лѣзетъ, ну, а если опять начнетъ очень церемониться, — можно и еще раза два треснуть. Я люблю колотить ихъ по башкѣ — у меня ажъ слюнки текутъ въ это время... — прибавилъ Кристо, и неприятная усмѣшка раздвинула его красныя губы.

— Нѣтъ, всетаки не хорошо. Жалко! — сказалъ Ламбро.

— Тоже животная! — нерѣшительно проговорилъ Ефимъ. — Конечно, жалко.

— Жалко? — воскликнулъ Кристо и захохоталъ. — Помилуйте, да вѣдь это живыя деньги, рублей полтора и больше! За эти деньги не то что бѣлугу, отца родного по башкѣ треснешь...

— Н-да... — протянулъ Ефимъ и почему-то вздохнулъ, устремивъ мечтательный взглядъ въ голубую даль.

— Нѣтъ, вотъ со мной была какая исторія, когда я въ первый разъ ходилъ съ покойнымъ крестнымъ на ловлю! — заговорилъ Ламбро. — Мнѣ было тогда лѣтъ 15, и крестный сказалъ, что пора уже меня приучать къ дѣлу. Строгий былъ старикъ и не любилъ, чтобы люди даромъ ѣли хлѣбъ. Вотъ и пошли мы, съ нимъ смотрѣть снасти, — глядимъ, на одномъ крючкѣ что-то попало, да такое большое, что обоихъ насъ такъ и тянетъ книзу. „Осетѣрь! — говоритъ крестный, — бери багоръ, Ламбро, и держи на готовѣ, а я буду тащить; какъ высунетъ онъ морду, бей его хорошенько, а промахнешься, я тебя самого побью“. Ну, я смотрю, держу багоръ, а самъ весь трясусь отъ страха, — думаю: что если упущу осетра?

Вдругъ крестный какъ закричитъ: „Ламбро, Ламбро!“ Я хватъ багромъ, да мимо,—лодка у насъ такъ и заходила. Ну, думаю, все равно, пропалъ;—бью багромъ самъ не знаю куда, а крестный сзади колотитъ меня по головѣ; я бью осетра, а онъ меня,—такъ вѣдь и думалъ, что околѣю...

— Ну, и что жъ потомъ?—спросилъ Кристо, смѣясь.

— Да вотъ, ничего, какъ видишь, живъ, только послѣ того въ головѣ звонили колокола и въ глазахъ метали искры.

— А осетѣрь?

— Ушелъ!

— Тца!—неодобрительно причмокнулъ Кристо, и вдругъ ему почему-то вспомнилось лицо и взглядъ Графы въ тотъ моментъ, когда онъ ее поцѣловалъ. Онъ зажмурилъ глаза, какъ сытый котъ, сладко потянулся и замолчалъ, весь погружившись въ пріятныя мечты.

Въ морѣ засвѣжѣло, гулъ прибоя усилился и угрюмая громада Ай-мыса надвинулась на пловцовъ. Его три зубца, словно щетиной утыканные сосновымъ лѣсомъ, отчетливо вырѣзывались на поблѣднѣвшемъ небѣ, отвѣсныя стѣны, испещренныя трещинами, изрытыя и изъѣденныя волнами, горделиво вздымались надъ моремъ, которое со стономъ металось у ногъ каменнаго великана и въ безсильной злобѣ плевало въ его потемнѣвшую отъ бурь грудь. Множество баклановъ гнѣздилося въ пустынныхъ скалахъ: цѣлыя стаи ихъ словно четками унизывали камни или, тяжело шлепая крыльями по водѣ, перелетали съ мѣста на мѣсто и ныряли, какъ утки въ волнахъ.

— Ну, горища!—воскликнулъ Ефимъ, задирая голову вверхъ.—Отсюда поглядѣть, у ней макушка, кабытъ, въ самое небо уперлась. Здоровая!

— Святая гора!—пояснилъ Ламбро.—У насъ говорятъ, давно еще было, тутъ одинъ святой человѣкъ въ пещерѣ жилъ. Ушелъ отъ всѣхъ, молился, день и ночь у него лампада горѣла. Вотъ гляди сюда, вонъ высоко чернѣетъ,—это и есть пещера...

На сѣромъ отвѣсѣ скалы, почти подъ самою вершиной, чернѣла глубокая впадина, точно гнѣздо какой-то гигантской птицы.

— О, Господи!..—прошепталъ Ефимъ.—Да какже онъ тамъ жилъ... чѣмъ кормился? Вѣдь туда и не всползешь.

— А такъ... вѣрно, ужъ Богъ его питалъ. И еще говорятъ,—по ночамъ, когда въ морѣ сильная зыбъ и такой туманъ, что лодку, если, не дай Богъ, она заблудится въ этихъ мѣстахъ, несетъ прямо на камни,—въ пещерѣ зажигается огонь, и бѣдные люди спѣшаютъ скорѣе уйти отъ Ай-мыса. Потому что это опасное мѣсто для судовъ... а святой это

знаетъ, и зажигаетъ свою лампадку и молится за бѣдныхъ рыбаковъ.

— Ты видалъ?—съ благоговѣніемъ спросилъ Ефимъ.

— Нѣтъ, я ни разу не видѣлъ, а многіе рыбаки говорятъ, что видали, и мой покойный крестный тоже видалъ. Такъ, говоритъ, вдругъ загорится, какъ звѣзда, и опять потухнетъ, и опять загорится, и сразу, говоритъ, всякій страхъ пропадаетъ, и идти легче, и знаешь уже, что придеши домой благополучно, потому что святой зажогъ лампадку...

Ефимъ долго смотрѣлъ на таинственную пещеру, гдѣ въ бурныя ночи невидимая рука зажигаетъ для заблудшихъ свой спасительный огонекъ и, снявъ картузь, благоговѣнно перекрестился.

Солнце уже сѣло, когда рыбаки обогнули мысъ-Ай, и впереди зачернѣли лѣсистые склоны Ласпи. Противный вѣтеръ все время дулъ имъ на встрѣчу, не давая поднять паруса; море бурлило сильнѣе, и идти на веслахъ было тяжело. Гребцы устали, и Кристо началъ поговаривать о ночлегѣ.

— Погоди,—сказалъ Ламбро, зорко вглядываясь въ туманную линію береговъ.—Вотъ пройдемъ Чабанъ-Ташъ (Пастушій камень), тамъ найдемъ гдѣ пристать. Кабы намъ въ Капканъ не попасть,—въ такую погоду это не дай Богъ.

— Какой Капканъ?—спросилъ Ефимъ.

— А это здѣсь есть такое мѣстечко, вродѣ маленькой бухты; въ бурную погоду бѣда попасть туда: зайти зайдешь, а выйти нельзя,—жди, когда утихнетъ! Мы съ крестнымъ одинъ разъ три дня тамъ просидѣли: ужъ и ругался старикъ! Самое горячее время для рыбака, а пропадаетъ даромъ.

— Ловко ты всѣ эти мѣста знаешь!—сказалъ Ефимъ.

— Еще-бы!—не безъ гордости произнесъ Ламбро.—Я и выросъ въ лодкѣ; мы съ крестнымъ и не пересчитаемъ сколько разъ здѣсь прошли. Эге, а вонъ и Чабанъ-Ташъ!

Громадный круглый камень, похожій на исполинскій черепъ, выглянулъ изъ воды. Волны такъ и кипѣли вокругъ него, облизывая его круглое темя, покрытое зеленою слизью. Бѣлая пѣна ключьями разметалась вокругъ него, въ сумеркахъ казалось, что это развѣваются остатки сѣдыхъ волосъ на лысой головѣ какого-то миѳическаго великана, погруженнаго въ воду.

— На этомъ камнѣ чабана убили,—началъ опять Ламбро.—Поэтому онъ и Чабанъ-Ташъ.

— За что убили?—спросилъ Ефимъ.

— А такое дѣло было, чабанъ, татаринъ, увезъ изъ Балаклавъ гречанку. Балаклавцамъ это не понравилось, пошли они за чабаномъ въ погоню, чтобы отнять дѣвушку. Сначала

онъ прятался съ ней въ горахъ, потомъ бросился въ море и поплылъ. Греки за нимъ на лодкахъ. Измучился татаринъ, вышелъ на этотъ камень отдохнуть, а здѣсь они его догнали и убили.

— А дѣвушка его любила?—спросилъ Кристо, который съ интересомъ прислушивался къ этому разсказу.

— Ну, этого я не знаю. Давно было, никто хорошенько не помнить, а похоже, что правда. Грекъ не любить, когда у него что нибудь отнимаютъ,—онъ этого никогда не простить,—съ усмѣшкой добавилъ Ламбро.

Кристо покосился на Ламбро, покосился на лысый камень съ развѣвающимися вокругъ него сѣдыми космами и, нервно передернувъ плечами, сталъ усиленно налегать на весла. Но руки у него ослабли отъ усталости, работалось плохо, онъ зѣвалъ, капризничалъ и жаловался, что у него животъ присохъ къ спинѣ. Ламбро смѣялся.

— Эге-ге, Кристо, плохой же ты морякъ!—сказалъ онъ, пересаживаясь на его мѣсто и берясь за весла.—Еще и до Ласпи не дошли, а ты уже разсахарился! Ну-ка, Ефимъ, ударимъ хорошенько, теперь близко,—вонъ уже и Илья засвѣтилъ свой фонарь...

Полный мѣсяцъ выплылъ изъ-за зубчатой митры горы св. Ильи, и серебряныя искры разсыпались по кипящему морю. Даль стала глубже, яснѣе; горы почернѣли и подводные камни, торчавшіе у береговъ, превратились въ какія-то фантастическія чудовища, застывшія въ самыхъ уродливыхъ позахъ. Рыбаки примолкли, и слышны были только могучіе удары веселъ Ламбро и его отрывистая команда.

Черезъ часъ они были уже на берегу и грѣлись у разложеннаго костра, который весело разбрасывалъ вокругъ себя цѣлыя снопы золотыхъ искръ. На двухъ камняхъ въ котелкѣ бурлила походная похлебка; поодаль шумѣлъ самоварчикъ, и Ламбро, разостлавъ на землѣ брезентъ, хлопоталъ около посуды. Онъ былъ какъ дома, все зналъ, все умѣлъ дѣлать, и Ефимъ съ восхищеніемъ подчинялся всѣмъ его приказаніямъ,—таскалъ хворостъ для костра, подкладывалъ щепокъ въ самоваръ, пробовалъ похлебку. Только Кристо ничего не дѣлалъ и лѣнливо, растянувшись на брезентѣ, наслаждался тепломъ и покоемъ. Жуткое чувство страха, испытанное имъ давеча, среди пустынныхъ волнъ, передъ лысымъ камнемъ, надъ которымъ виталъ окровавленный призракъ убитаго чабана, теперь совершенно покинуло его, и онъ снова предавался сладкимъ мечтамъ о хорошенькой Графѣ.

Послѣ ужина и чаю лодку вытащили на берегъ, поставили на катки и стали готовиться къ ночлегу. Хотя ночь была теплая, Ламбро и Кристо завернулись въ овчинные кожанки

и растянулись на брезентѣ, у костра. Одинъ Ефимъ не ложился и, сидя на корточкахъ передъ костромъ, подбрасывалъ въ огонь можжевельные сучья. Они корчились и трещали, распространяя ѣдкій смолистый запахъ, потомъ сразу вспыхивали яркимъ пламенемъ, и тогда блѣдное лицо Ефима розовѣло, а его бѣлая борода и желтыя косицы пріобрѣтали золотистый оттѣнокъ.

— Ты что же не ложишься?—спросилъ его Ламбро.

— Да не хотѣа еще...—отвѣчалъ Ефимъ.—Посижу еще.

— Я вотъ тутъ тебѣ одѣяло положилъ, завернись, когда ляжешь, а то къ утру захладеетъ.

Ламбро громко зѣвнулъ, перевернулся на другой бокъ и задремалъ. Разбудили его какіе-то жалобные, протяжные звуки, точно отдаленные стоны, странно выдѣлявшіеся среди однообразнаго шума моря. Онъ повернулъ голову и посмотрѣлъ на Ефима. Ефимъ сидѣлъ все въ той же позѣ, на корточкахъ, и, слегка раскачиваясь всѣмъ тѣломъ, пѣлъ пѣсню. Лицо его выражало глубокую скорбь, а въ пѣснѣ звучала такая кромѣшная тоска, что у Ламбро сонъ сразу прошелъ, и ему стало холодно подъ теплымъ тулупомъ.

„А вѣрно, много горя видѣлъ этотъ бѣдный человѣкъ!“—подумалъ онъ.

Ужъ ты матушка моя родима,
Пошто на горе меня родила,
Да безъ пути свое дитятко женила,
Со нуждой-злѣйкой окрутила...

— не пѣлъ, а рыдалъ Ефимъ, и его тонкій, всхлипывающий голосъ дрожалъ, какъ напряженная струна, и, казалось, тихая ночь съ жаднымъ вниманіемъ вслушивалась въ эти скорбные стоны, не понимая ихъ и удивляясь имъ. Недвижныя горы угрюмо молчали, и сѣдой Илья, нахлобучивъ свою серебристую митру, весь въ блескъ и сіяніи, точно въ царственной порфирѣ, казалось, думалъ какую-то важную, одному ему понятную думу.

Ламбро долго слушалъ пѣсню Ефима и ворочался съ боку на бокъ подъ своимъ тулупомъ, охваченный тоскливымъ безпокойствомъ. — „Не поетъ, — плачетъ человѣкъ!“ — думалъ онъ. — „Кто такъ поетъ, тому нехорошо жить“...—Наконецъ, ему стало совсѣмъ нестерпимо, и онъ поднималъ голову.

— Ефимъ! А, Ефимъ!—кликнулъ онъ его вполголоса, чтобы не разбудить Кристо.

Ефимъ оборвалъ на полусловѣ свою рыдающую пѣсню и мутнымъ, бессмысленнымъ взоромъ поглядѣлъ на Ламбро. Видно было, что душа его витаетъ еще гдѣ-то далеко, и онъ самъ хорошенько не знаетъ, гдѣ онъ и что съ нимъ.

— Ты что же это не спишь?—продолжалъ Ламбро.

— А?—точно спросонья откликнулся Ефимъ, и лицо его приняло обычное, простодушное и довѣрчивое выраженіе.— Да вотъ... не спится чего-то... Сижу, а сна никакъ нѣту... ни въ одномъ глазу...

— Я слышалъ, — пѣлъ ты... Хорошая пѣсня, — словъ не понялъ, а хорошая... Забираетъ человѣка... Что это такое ты пѣлъ, Ефимъ?

Ефимъ смущенно улыбнулся и подбросилъ въ костеръ щепокъ. Огонь вспыхнулъ, и багряные, дрожащіе отсвѣты заходили по землѣ, какъ бы играя и борясь съ холоднымъ, мертвымъ сіяніемъ мѣсяца.

— Да такъ... — вымолвилъ Ефимъ и не то вздохнулъ, не то всхлипнулъ.—Про свою сторону вспомнилъ... вотъ и того...

Ламбро сбросилъ съ себя кожу, подвинулся ближе къ Ефиму и заглянулъ въ его печальное лицо.

— Что-жъ... скучаешь?—спросилъ онъ.

Ефимъ отвѣчалъ не сразу, не сводя глазъ съ играющаго пламени костра.

— Эхъ, милачокъ!—заговорилъ онъ, наконецъ, съ особенною задумчивостію. — Милый ты человѣкъ мой, — всякому своя сторона мила, вотъ что я тебѣ скажу. Хотя оно, можетъ, и холодно, и голодно, а вотъ вѣдь нѣтъ милѣе своей стороны, что ты подблаеши! Такъ тебя туда и тянетъ... какъ комара на огонь: и горишь, а летишь—вотъ вѣдь оказія какая!

— У насъ развѣ плохо?

— Зачѣмъ плохо, — хорошо, слова нѣтъ, — и горы эти, и море, и теплынь ишь какая стоитъ,—хорошо! А какъ вспомняешь это свое-то, прирожденное, Рассею-то... луга, напри-мѣръ... или боры сосновые... деревню свою... такъ оно тебя супроть сердца и вдарить... И что такое это, братецъ ты мой, какая этому причина, вотъ ты что мнѣ скажи?

— А правда, — сказалъ Ламбро, подумавъ. — Я бы тоже заскучалъ безъ моря. Привычка, вотъ отчего, я думаю. Гдѣ человѣкъ привыкъ, тамъ ему и хорошо.

— Да вѣдь я, милый человѣкъ, ужъ сколь по свѣту хожу, — лѣтъ пять, а, можетъ, больше, а вотъ нѣтъ къ атому привычки, да и на! Чего я не видалъ, какихъ мѣстовъ, какихъ городовъ,—въ Питерѣ былъ, въ Москвѣ, въ Адестѣ, теперича вотъ здѣсь живу съ лѣта, а что ты думаешь, своя сторона не идетъ изъ ума, хоть ты что! Хоть бы глазомъ, думаешь, поглядѣть, какъ оно тамъ... сейчасъ бы, кажись, легче стало!

— Зачѣмъ же ушелъ оттуда?

— Зачѣмъ?—протяжно переспросилъ Ефимъ и болѣзненно поморщился, точно внутри у него заняла какая-то давнишняя

боль.—Выгнали меня, милачокъ, вотъ зачѣмъ... отъ постылой жены ушелъ я... отъ грѣха...

Они помолчали, и нѣсколько минутъ чуткая ночь ничего не слышала, кромѣ могучихъ вздоховъ моря и веселаго шипѣнія огня, похожаго на чей-то тихій смѣхъ.

— Да... — вымолвилъ Ламбро задумчиво, вспомнивъ свои собственные нелады съ Графой послѣднее время.—Нехорошо это, когда въ семействѣ мужъ думаетъ одно, а жена—другое. Безпорядокъ отъ этого.

— Нѣтъ, главная вещь, сердце во мнѣ смиренное и тишину я люблю, а между прочимъ, она мнѣ весь домъ опоганила!—продолжалъ Ефимъ съ волненіемъ.—Да вѣдь какъ опоганилато, братъ ты мой, лучше некуда,—до такого грѣха довела,—чуть было я ее не ухлопалъ.. Вишь ты дѣло-то какое!.. Поэтому что былъ я, стало быть, у своей матери одинъ сынъ, всю жизнь она въ меня положила, и долженъ былъ я ее слушаться, аль нѣтъ? Говорить она мнѣ: „Ну, сынокъ, дѣло мое къ смерти близко,—какъ ты одинъ безъ хозяйки будешь,—женись, да женись на Лизуткѣ“... А Лизутка нашего сосѣда пріемышъ была,—все, бывало, мимо нашей избы обѣгаетъ, да зубы скалитъ—ядреные такіе зубы, да острые, чисто гвозди... Ну, иначе, я матушкѣ говорю: „что жъ, говорю, твоя воля, а мнѣ все равно,—Лизутка, такъ Лизутка“... Младъ еще былъ и ничего этого насчетъ бабъ, то-есть, совсѣмъ не понималъ, —думалъ, что жениться, это все равно, что овцу купить. А Лизутка ужъ узнала, что я свататься хочу,—встрѣлась снова на улицѣ, да какъ загрохочетъ во всю пасть... „женихъ“, говоритъ. И опять я ничего не понималъ, пошелъ, какъ опоенный меринъ, только носомъ посвистываю.

— Сколько же лѣтъ тебѣ тогда было?—спросилъ Ламбро.

— Да еще и 18 не было, а ей-то ужъ и всѣ 20. На это матушка - то и польстилась: здоровая, говоритъ, работать хорошо будетъ. Ну, повѣнчали насъ... а она съ брюхомъ оказалась. Черезъ полгода-время у насъ сынокъ родился,—откуда, чей, ничего неизвѣстно. Вотъ вѣдь какая потаенная была,—ужъ на что наши старухи насчетъ этого доки, а вѣдь вотъ проглядѣли...

— Ну, я ничего, молчу - помалкиваю, только вижу, старушка моя сохнетъ — вянетъ, какъ травинка въ полѣ, а потомъ и помирать стала. Передъ смертью позвала меня:—„прости, говоритъ, сынокъ, жизнь я твою загубила“,—да какъ заплачетъ,—такъ со слезами и померла. Схоронили мы ее, и пошло у насъ, братецъ ты мой, все мѣлось — нѣлось! Я въ избу, она изъ избы; я ушелъ, — у ней плясъ, пѣсни, нетолченая труба. Пить начала. Приѣду съ поля домой, — лежитъ она, пьяная, развратная, изба не прибрана, скотина не корм-

лена, ребятенки ревуть, — что тутъ дѣлать? Вижу, въ бабѣ бѣсы играютъ, а изнять ничѣмъ не могу. Стали мнѣ старики замѣчать:— „Окороти свою бабу; Ефимъ,—весь молоднякъ она у насъ въ селѣ перегадитъ“. — Не могу, ничего не знаю... Одичалъ совсѣмъ, хожу по лѣсу, да все сучья гляжу, какой покрѣпче, чтобы петлю выдержалъ. Скушно мнѣ стало...

Онъ откаплялся, точно его что-то душило, вытеръ рукавомъ свои дрожащія губы и продолжалъ:

— Закубрилъ я... Сроду вина не пилъ, а тутъ пошелъ въ кабакъ и нарѣзался, какъ с. сынъ. Прихожу домой въ полночь,—она спала. Не знаю ужъ, какъ это у меня въ рукахъ коль оказался, кубить сатана подsunулъ; сволокъ я ее съ постели и зачалъ охаживать. Вырвалась она отъ меня, да въ одной рубахѣ въ окно, да къ сосѣдямъ,—сбѣжался народъ, мнѣ же насыпали по первое число, связали веревками и въ амбаръ заперли. Вскинулся я на утрее,—Боже мой, рыла на мнѣ не видать, какъ чугуны слилось, рубаха порвана, ни въ чемъ могутъ нѣту... О, Господи!

— Зачѣмъ билъ,—не надо было бить,—сказалъ Ламбро.— Поговорилъ бы съ ней лучше.

— А ты думаешь, не говорено было? — съ горечью промолвилъ Ефимъ.— Говорено, милый человекъ,—пробовалъ и словами ее улещать, и всякими разговорами... Грохочетъ, да и все, скалить зубы, ровно волчиха, да еще что, бывало, скажетъ: — „Ладно, говорить, чего ты мнѣ Богомъ-то все тычешь; — когда помирать стану, тогда и за попомъ пошлю, а теперича душу свою нагѣшу, гулять хочу! Небось, вы Богато не поминали, когда за мной, за махонькой, по улицамъ съ кирпичами гонялись, да собачьимъ выпороткомъ дразнили, а теперича Богъ—Богъ?.. Нѣтъ, ужъ! Вы надо мной тѣшились, а теперъ и моя чередъ пришла! Я все ваше село переворочу и выворочу,—будете Лизутку собачьяго выпоротка помнить“... — Вотъ вѣдь какія слова-то говорила, что ты съ ней подѣлаешь... Вижу я, идетъ наше дѣло на чортовъ клинъ, и совсѣмъ я обомлѣлъ, братецъ ты мой. Подкараулилъ ее, стало быть, когда она съ любовникомъ на сѣновалѣ спала, да и влетѣло мнѣ въ башку избу поджечь. И соломы ужъ въ сѣнцы натаскалъ, и дверку полѣномъ приперъ, чтобы не выскочили,—только бы зажечь, да, должно, въ эту пору кто-нибудь за меня, грѣшнаго, Богу молился... Чиркнулъ спичкой-то, да вдругъ какъ вспомню про ребятъ,—батушки мои, да вѣдь и они въ избѣ заперты... Такъ повѣришь ли, другъ, тую-жъ минуту у меня и руки, и ноги словно отвалились, и чую я, ажъ волосы на головѣ дыбомъ стали... Приползъ я въ избу-то, а они, сердечные, спятъ и не чуютъ ничего; глянулъ я на нихъ... обожмалъ эдакъ руками, да и заплакалъ... Ну... а

потомъ въ скорости выправилъ себѣ билетъ и ушелъ куда глаза глядятъ. Такъ вотъ и шляюсь...

— Мнѣ пуще всего дѣвчоночку жалко...— послѣ нѣкотораго молчанія снова заговорилъ Ефимъ хриплымъ шопотомъ.— Дѣвчоночка-то моя... Стешей звать... Теперича, небось, ужъ большая, восемь годковъ ей... Ужъ такъ-то я объ ней тоскую, такъ тоскую—и сказать нельзя! Сколько разовъ изъ-за ней собирался домой оборотиться,—думаю, хоть глазкомъ поглядѣть, какая она стала,—нѣтъ, духу не хватило. Можетъ, ужъ и померла,—кому приглядѣть-то? Ну, а теперича вотъ окончательно порѣшилъ: заработаю ежели деньжонокъ,—пойду въ деревню, возьму свою Стешку, да и уйдемъ съ ней. Вотъ дѣло-то какое..

— Хорошее дѣло!—съ чувствомъ вымолвилъ Ламбро.— Дай Богъ тебѣ удачи.

Они замолчали. Костеръ потухалъ, и яркій мѣсяцъ теперь одинъ властвовалъ надъ землей и моремъ, окруженный, точно свитой, цѣлой стайей прозрачныхъ, серебристыхъ барашковъ. Изъ-за Ильи протянулась темная тучка и, причудливо извиваясь, медленно подползала къ мѣсяцу. Но Илья не хотѣлъ съ нею разставаться, и она въ безсиліи упала на его зубчатую вершину, поблѣднѣла и застыла. А взволнованное море все еще не могло утомиться, и волна за волной, вздымая бѣлыя гривы, грознымъ полчищемъ набѣгали на прибрежные камни и съ злобнымъ рокотомъ умирали у ихъ подножія.

— Зыбъ большая!—сказалъ Ламбро.—Пожалуй, мы здѣсь засядемъ дня на три. Зимнее море,—самое хитрое и злое,—никогда навѣрное нельзя знать, что будетъ. Вышелъ—хорошо; а вдругъ какъ закрутитъ, какъ завертитъ,—и Богу не успѣешь помолиться.

— Опасное дѣло!—разсѣянно замѣтилъ Ефимъ.

— Кто привыкъ—ничего. А бываетъ, конечно, и страшно... Вотъ не дай Богъ, если въ такую зыбъ когонибудь застало въ морѣ. Бѣда!

— ▲ лампадка? Какъ ты думаешь, она теперь горитъ?—спросилъ Ефимъ, понизивъ голосъ.

— Лампадка? Горитъ...—отвѣчалъ Ламбро и, поглядѣвъ на небо, протяжно зѣвнулъ.—Ну... давай спать, Ефимъ. Уже поздно; на небѣ скоро свѣчки тушить начнутъ...

Онъ завернулся съ головой въ тулупъ и легъ; за нимъ, помолившись предварительно на восходъ, улегся и Ефимъ. И прислушиваясь къ голосу бушующаго моря, онъ думалъ о таинственной лампадѣ, мерцающей среди сумрачныхъ скалъ, и боль его тоскующей души мало-по-малу затихала при мысли о томъ, что теперь, въ эту бурную ночь, кто-то невѣдомый

бодрствуетъ и тихо молится обо всѣхъ несчастныхъ, бѣдствующихъ и заблудившихся въ пустынь жизни.

Ламбро сказалъ правду: зыбь задержала ихъ у Ласпи, и только на шестой день они благополучно добрались до Туака. Тамъ уже кипѣла работа, и пустынная татарская деревушка превратилась, какъ всегда въ это время, въ настоящий городокъ. Песчаный берегъ былъ заставленъ рыбацкими лодками, заваленъ снастями и блестѣлъ отъ рыбьей чешуи, распространившейся подъ жаркими лучами солнца характерный, острый запахъ. Рыбаки поднимались съ зарей, уходили въ море и возвращались оттуда съ живою добычей; днемъ на на берегу шелъ оживленный торгъ, а по вечерамъ въ кофейняхъ и сколоченныхъ на скорую руку досчатыхъ балаганахъ зажигались веселые огни, играла заунывная татарская музыка, и рыбаки шумною толпой разсыпались по деревнѣ, ища развлеченій. Здѣсь за чашкой кофе заключались торговые сдѣлки съ прїѣзжими купцами, устанавливались цѣны на рыбу, сообщались разные новости, а между дѣлами шла картежная игра, кипѣлъ грубый разгулъ и совершались иногда тяжелыя драмы, неизбѣжныя тамъ, гдѣ собирается много людей, объединенныхъ жаждою наживы. Случалось, что какой-нибудь рыбакъ спускалъ въ одинъ вечеръ всѣ вырученныя за рыбу деньги и ударомъ ножа сводилъ счеты съ своимъ счастливымъ партнеромъ; иногда изъ-за пустяка разыгрывалась дикая ссора, которая кончалась кровавой дракой, причемъ въ ходъ опять таки пускались ножи, съ которыми рыбаки никогда не расстаются. Опасный промыселъ, часто сопряженный съ такими моментами, когда жизнь, кажется, виситъ на волоскѣ, наложилъ на этихъ людей особый отпечатокъ, и ихъ притупленные въ вѣчной борьбѣ съ грозными стихіями нервы требовали сильной встряски въ видѣ грубыхъ и яркихъ впечатлѣній. Самое дѣло, похожее на азартную игру, когда день удачи или неудачи можетъ обогатить или разорить, развивало среди рыбаковъ духъ азїотажу, чувство соперничества, затаенную враждебность другъ къ другу; каждому изъ нихъ хотѣлось блеснуть передъ другими; каждый стремился хоть на одинъ день подняться выше толпы, хоть сегодня развернуться во всю ширь своихъ страстей, а завтра—завтра кто знаетъ, что будетъ: можетъ быть, смерть, можетъ быть, разореніе, а можетъ быть, и богатство... Оттого-то почти всѣ они такъ дешево цѣнили свою и чужую жизнь и съ такою легкостью тратили заработанныя деньги.

Ламбро и Ефимъ съ перваго же дня принялись за работу, а Кристо сразу повелъ себя какъ хозяинъ предпріятія и главный пайщикъ. Всю черную и опасную работу онъ предоставилъ своимъ компаньонамъ, а себѣ взялъ самое легкое и пріят-

ное. Онъ толкался по кофейнямъ среди купцовъ, велъ переговоры съ покупателями, продавалъ и получалъ и каждый вечеръ гдѣ-то пропадалъ, въ то время какъ Ламбро и Ефимъ, иззябшіе, усталые, пронизанные до костей соленою влагой моря, отогрѣвались у огонька въ рыбацкѣй лачугѣ, кое-какъ сбитой изъ дикаго камня. Они очень сошлись между собою и вели нестошимаыя бесѣды на самыя интимныя темы. Ламбро разсказалъ Ефиму о своей „Мечтѣ“, а Ефимъ въ свою очередь посвящалъ его въ свои планы будущей жизни, когда онъ выручить отъ жены дѣвчоночку Стешу и заживетъ съ ней по новому. И эти разговоры, эти мечты въ бурные февральскіе вечера, подъ неустанный рокотъ прибоя, согрѣвали ихъ гораздо больше, чѣмъ жаркое пламя костра, передъ которымъ они сушили свою промокшую, пропитанную рыбьею слизью одежду. Отъ Кристо оба они держались въ сторонѣ, и отношенія ихъ отличались самымъ официальнымъ характеромъ. Кристо, впрочемъ, и самъ велъ себя особнякомъ: по прибытіи въ Туакъ онъ сейчасъ же принималъ какой-то необыкновенно дѣловый и озабоченный видъ, приходилъ, уходилъ куда-то, возвращался очень поздно и брюзжалъ на все,—на то, что рыбы мало, что цѣны низки, что покупатели нѣтъ хорошихъ—и все въ этомъ родѣ.

— А хозяинъ-то нашъ, видать, что жохъ порядочный!—сказалъ Ефимъ однажды.—Все кропчется, все кропчется, и что это такое? Кабы онъ насъ съ тобою, Лавра—(такъ Ефимъ называлъ Ламбро)—не накрылъ.

— Не накроешь!—увѣренно отвѣтилъ Ламбро.—Здѣсь этого нельзя сдѣлать,—все на виду, всякій мальчишъ знаетъ, почему рыба, какая чему цѣна. А человѣкъ Кристо, правда, нехорошій... Темный человѣкъ,—я жалѣю, что съ нимъ связался.

— Жоховать малышъ!—повторилъ Ефимъ и прибавилъ задумчиво:—А ты все-таки вотъ что, Лавра, въ случаѣ чего, какое несчастіе случится,—ты мои зажитыя деньги возьми у него... для дѣвчоночки... для Стеши...

И начинались опять длинныя, душевные разговоры, въ которыхъ обиженные судьбою люди любятъ отводить душу и которые такъ утѣшаютъ ихъ въ безрадостныхъ сумеркахъ жизни. Въ настоящемъ у нихъ не было ничего хорошаго, въ прошлое не хотѣлось заглядывать, и потому они жили будущимъ, поддерживая въ себѣ бодрость духа туманными надеждами на какую-то счастливую перемѣну своего положенія.

Въ деревню или, какъ выражался Ефимъ,—„на Русь“,—они рѣдко показывались, и только Ламбро иногда посѣщалъ кофейню, чтобы повидаться съ земляками и узнать отъ нихъ, нѣтъ ли какихъ вѣстей изъ дома. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ

уѣхаль, отъ Графы не было ни слуху, ни духу, и это его беспокоило. Прежде она, бывало, нѣтъ-нѣтъ, да и пришлетъ черезъ кого-нибудь письмецо, нацарапанное по ея просьбѣ дядей Іорданомъ, а теперь точно въ воду канула. „Ужъ не заболѣла-ли? — думаль Ламбро. — А можетъ, дядя Іорданъ умеръ, и нѣкому написать письма“, — утѣшаль онъ себя.

— Забыла тебя твоя Графа! — подшучиваль Кристо, насмѣшливо щуря свои воровскіе глаза всякій разъ, когда Ламбро при немъ заводилъ рѣчь о молчаніи Графы. — Женщина какъ чабанья собака: смотришь ей въ глаза, она хвостомъ виляетъ, а отвернулся — сейчасъ укусить...

Ламбро молчалъ и только хмурился, не желая заводить бесполезную ссору. Но глухое раздраженіе противъ товарища накоплялось въ его доброй душѣ, и иногда ему стоило большого труда удержать себя отъ вспышки при насмѣшливыхъ выходкахъ Кристо и не сбить ему хорошенько носъ.

Въ тѣ рѣдкіе часы, когда Ламбро уходилъ въ деревню, оставшійся въ одиночествѣ Ефимъ или сидѣлъ гдѣ нибудь на берегу, вдали отъ людей, глядя на волнующееся море, или бродилъ среди живописныхъ группъ рыбаковъ, разсѣянно прислушиваясь къ ихъ непонятному говору. Тутъ были и греки, и татары, и турки, но эта пестрая и чуждая толпа не интересовала Ефима, и скоро онъ напелъ себѣ другое развлеченіе. На берегъ часто прибѣгали изъ деревни маленькіе татарчата, дѣвочки и мальчики, и съ веселымъ пискомъ рылись въ песокъ, отыскивая красивые камешки и ракушки. По цѣлымъ часамъ Ефимъ засматривался на нихъ, забавляясь ихъ комической хлопотливостью, желая и въ то же время не рѣшаясь къ нимъ подойти поближе. Дѣти, въ свою очередь, замѣтили молчаливую, неподвижную фигуру, издали наблюдавшую за ними, и повидимому говорили между собою о странномъ человѣкѣ, тыкая въ него пальцами и озабоченно перешептываясь. Наконецъ, между ними нашлись смѣльчаки, которые однажды рѣшились подойти къ нему поближе, и одинъ изъ нихъ даже что-то крикнулъ Ефиму. Но какъ только Ефимъ сдѣлалъ къ нимъ движеніе, карапузы немедленно прыснули во всѣ стороны, крича: „Бабай! Бабай!“ *). Однако, знакомство уже было завязано, а когда въ слѣдующій разъ Ефимъ явился на берегъ съ орѣхами и леденцами, купленными въ передвижной еврейской лавочкѣ, и знаками пригласилъ малышей воспользоваться этими лакомствами, маленькіе дикари, послѣ долгихъ переговоровъ между собою, уже совсѣмъ осмѣлились и всею толпой двинулись къ Ефиму. Леденцы и орѣхи были расхвачаны въ одну минуту, и въ знакъ своего удоволь-

*) Лѣшій.

ствія и полного довѣрія, крошечные человѣчки устроили вокругъ Ефима какой-то диковинный танецъ, сопровождавшійся страшными кривляніями, гримасами и криками: „Ол-ла! Ол-ла!“! Когда же къ леденцамъ присоединилась еще въ послѣдствіи и баклава—предметъ завѣтныхъ мечтаній каждаго татарченка,—дружба была окончательно заключена, и новые друзья часто проводили цѣлые часы, съ безмолвными улыбками глядя другъ на друга и разражаясь хохотомъ каждый разъ, когда Ефимъ дѣлалъ попытку съ ними заговорить. Теперь они уже первые подходили къ Ефиму, еще издали крича: „Урусъ, урусъ, веръ баклава! Веръ фундухъ“! *) и Ефимъ покорно выгружалъ свои карманы и съ печальной улыбкой подолгу гладилъ чью-нибудь выкрашенную кноій **) головку, украшенную множествомъ мельчайшихъ косичекъ огненного цвѣта. И ему вспоминалась бѣлоголовая Стеша...

Взрослые татары, которые вообще отливаются большой чадолюбивостью, тоже скоро примѣтили большого человѣка съ бѣлою бородкой и печальными глазами и, видя его постоянно окруженнаго дѣтьми, при встрѣчахъ привѣтливо на него поглядывали. Они прозвали его „Ак-адәмъ“ (бѣлый человѣкъ) и, когда онъ проходитъ мимо нихъ, они указывали на него и говорили съ задумчивымъ видомъ: „Ак-адәмъ яхши, осевѣръ балатаръ-ны“! (Добрый человѣкъ,—онъ любитъ дѣтей).

В. Дмитриева.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) Русскій, дай баклавы, дай орѣховъ!

**) Кна,—краска, которою татарки красятъ себѣ волосы въ рыжіи цвѣтъ.

Литературная дѣятельность декабристовъ.

Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ.

VII.

Кюхельбекеръ любилъ выступать при случаѣ въ роли литературнаго критика. Его критическія замѣтки попадаютъ часто въ журналахъ того времени и еще чаще въ его дневникѣ. Несмотря на большое количество такихъ замѣтокъ и на разнообразіе затронутыхъ въ нихъ вопросовъ, читателю едва ли удастся уловить въ этихъ отзывахъ какую нибудь руководящую нить или болѣе или менѣе связную теорію изящнаго: такъ много произвольнаго, страннаго и неопредѣленнаго въ этихъ взглядахъ. Источникъ этихъ странностей—все та же борьба иноземныхъ вліяній съ тенденціей автора стать во чтобы то ни было оригинальнымъ и самобытнымъ. Нашъ писатель въ теоріи долженъ былъ восхвалять то, чему, какъ поэтъ, онъ не могъ слѣдовать: какъ художникъ онъ шелъ на помочахъ, подражая излюбленнымъ иностраннымъ авторамъ, а какъ критикъ и теоретикъ самобытной литературы, онъ, наоборотъ, предостерегалъ отъ такого подражанія и, въ ущербъ вкусу и правдѣ, восхвалялъ до небесъ все, даже самое ничтожное, лишь бы оно носило отпечатокъ „народности“.

Кюхельбекеръ былъ очень начитанъ въ иностранной словесности. Онъ былъ хорошо знакомъ съ поэзіей Библии еще съ юныхъ лѣтъ, когда Грибоѣдовъ остановилъ впервые его вниманіе на этомъ литературномъ памятникѣ ¹⁾. Частое чтеніе Библии, въ особенности книги пророковъ, осталось не безъ вліянія и на его собственное творчество. Еще въ молодости успѣлъ онъ также записаться хорошимъ знаніемъ родной ему литературы нѣмецкой ²⁾ и знанія эти пополнялись затѣмъ очень быстро усидчивымъ чтеніемъ французской, англійской и итальянской словесности, не говоря уже о литературѣ классической древности, которую Кюхельбекеръ

¹⁾ «Русская Старина» Октябрь. 1891. 109.

²⁾ «Мнемозина» IV, 76.

изучилъ еще на школьной скамьѣ. Надъ своимъ самообразова-
ніемъ Кюхельбекеръ трудился упорно и въ долгіе годы заточе-
нія, когда чтеніе и размышленіе о читанномъ стали единствен-
нымъ его занятіемъ. Онъ былъ безспорно одинъ изъ самыхъ на-
читанныхъ и литературно-образованныхъ людей своего времени.

Но если запасъ его литературныхъ свѣдѣній былъ и широкъ,
и великъ, за-то группировка этого матерьяла и оцѣнка его были
весьма произвольны. Литературныя сужденія Кюхельбекера но-
сили слишкомъ общій и неопредѣленный характеръ; его симпатіи
къ иностраннымъ писателямъ были очень субъективны и зави-
сѣли не столько отъ силы и опредѣленности его критической
мысли, сколько отъ минутнаго настроенія и отъ непосредствен-
наго увлеченія всѣмъ художественнымъ, гдѣ-бы оно ни встрѣчалось.

Кюхельбекеръ преклонялся передъ великими художниками
безъ различія школъ и направленій. Для прославленія Гомера онъ
не находилъ подходящихъ словъ. Для восхваленія „романтиковъ“
Данта и Тасса онъ смогъ подобрать только одно достойное ихъ
сравненіе, назвавъ ихъ Эсхиломъ и Еврипидомъ романтики... „Ве-
ликаго“ Мильтона, который „жилъ въ счастливѣй вѣкъ, когда
пылала въ сердцахъ вѣра“ ¹⁾, онъ превозносилъ за его религіоз-
ный пафосъ, хотя и не могъ его причислить къ лику „романти-
ковъ“, потому что Мильтонъ былъ „протестантъ и поэтъ-метафи-
зикъ“. Шекспиръ, „последній и величайшій между романтиками“ ²⁾,
былъ его богомъ. Кюхельбекеръ не зналъ, съ кѣмъ сравнить этого
„перваго юмориста“, въ которомъ такъ удивительно соединялась
„веселость и важность“, „смѣхъ и скорбь“ ³⁾. Авторитетъ „вели-
каго Гете“ оставался также долгое время непоколебимымъ въ
глазахъ Кюхельбекера. Еще въ юности, которой вообще свойст-
венно любить пылкаго Шиллера болѣе, чѣмъ мудреца Гете, Кю-
хельбекеръ отдавалъ последнему предпочтеніе передъ первымъ.
Шиллера онъ называлъ „недозрѣлымъ“ ⁴⁾; утверждалъ, что его
„буйное „я“ не побѣждено вліяніемъ вдохновенія“, что его „ду-
шевная стихія не уравновѣшена“; онъ же находилъ въ немъ
„внутренняго сознанія собственныхъ силъ“, а находилъ лишь
„беспокойство юноши“; „ходули и низость,—говорилъ онъ—встрѣ-
чаются у него перѣдко на одной и той-же страницѣ“; онъ упре-
калъ его въ томъ, что онъ разводилъ „сѣверной водой греческіе
нравы“ и „образцовымъ“ признавалъ лишь „Лагерь Валлен-
штейна“ ⁵⁾. Но за то онъ былъ въ восторгѣ отъ философско-эстети-

¹⁾ «Русская Старина» Мартъ. 1878. 424.

²⁾ «Русская Старина» Мартъ. 1878. 484.

³⁾ Дневникъ 1833 г. «Русская Старина» Іюль. 1883. 104.

⁴⁾ «О направленіи нашей поэзіи особенно лирической въ последнее десяти-
лѣтіе» «Мнемозина» II, 41.

⁵⁾ «Разговоръ съ О. В. Бугарнымъ» «Мнемозина» III, 164—170.

ческихъ разсужденій Шиллера ¹⁾. На этой суровой оцѣнкѣ Шиллера, которая идетъ въ разрѣзъ съ общимъ романтическимъ и сентиментальнымъ характеромъ его собственныхъ поэтическихъ опытовъ того времени, Кюхельбекеръ, впрочемъ, не остановился. „Юношеское безпокойство“ вновь стало ему нравиться, и въ 1834 году ²⁾ онъ въ своемъ дневникѣ воспѣлъ хвалу „Вертеру“. А въ 1840-мъ году „царство Гете надъ его душой совсѣмъ окончилось“, и онъ признавался, что ему уже „невозможно пасть ницъ передъ своимъ бывшимъ идоломъ“ ³⁾.

Кажется, что и другой идолъ, на котораго онъ въ юные годы молился вмѣстѣ со всѣмъ своимъ поколѣніемъ, а именно, — Байронъ не остался стоять у него на прежнемъ пьедесталѣ. По крайней мѣрѣ, съ 1835 г. онъ совсѣмъ не упоминаетъ объ этомъ „дивномъ духѣ“, „дивной кометѣ“, „сладостномъ пѣвцѣ и Тиртеѣ“, объ этомъ „живописцѣ нравственныхъ ужасовъ, опустошенныхъ душъ и сердецъ раздавленныхъ“, смерть котораго онъ не такъ давно воспѣлъ въ восторженной одѣ ⁴⁾ и котораго, не смотря на „однообразіе“ его пѣсенъ, заставлялъ „идти рука объ руку съ Эсхиломъ, Дантомъ, Мильтономъ, Державинымъ (?) и Шиллеромъ“ ⁵⁾. А въ 1837 году онъ заноситъ въ свой Дневникъ такую замѣтку, нѣсколько странную для недавняго поклонника Байрона: „Ювеналовскія выходки Байрона и Пушкина, пишетъ онъ ⁶⁾, заставляютъ меня презирать и ненавидѣть міръ ими изображаемый и удивляться только тому, какъ они рѣшились воспѣвать то, что имъ казалось столь низкимъ, столь ничтожнымъ и грязнымъ“. Изъ поэтовъ ему современныхъ Кюхельбекеръ очень любилъ Гюго за его „волшебную лиру“ и за „перуны вдохновенія“ ⁷⁾, зачитывался „Флорентинскими ночами“ Гейне ⁸⁾ и былъ въ восторгѣ отъ Бальзака ⁹⁾.

Если сопоставить всѣ эти разрозненные и бѣглыя замѣтки Кюхельбекера объ его учителяхъ, то съ достаточной ясностью опредѣлится субъективность его точки зрѣнія на всѣхъ иностранныхъ поэтовъ. Кюхельбекеръ любилъ ихъ всѣхъ равной любовью эстетика, любилъ одновременно и Гомера и Мильтона, и Гете и Байрона, и Шекспира и Тассо, и древнихъ классиковъ и новыхъ романтиковъ. Онъ въ данномъ случаѣ былъ свободенъ отъ всякихъ литературныхъ теорій и въ сужденіяхъ своихъ зависѣлъ почти

¹⁾ Дневникъ 1837. «Русская Старина» Августъ. 1875. 491.

²⁾ Дневникъ 1834. «Русская Старина» Январь. 1884, 77.

³⁾ Дневникъ 1840. «Русская Старина» Октябрь. 1891, 71.

⁴⁾ «Смерть Байрона». «Мнемозина» III, 189—199.

⁵⁾ «Разговоръ съ Ѳ. В. Булгаринымъ». «Мнемозина» III, 173.

⁶⁾ Дневникъ 1837 г. «Русская Старина» Августъ. 1875. 491.

⁷⁾ Дневникъ 1844. «Русская Старина» Октябрь. 1891, 99.

⁸⁾ Дневникъ 1840. «Русская Сарина» Октябрь. 1891, 73.

⁹⁾ Дневникъ 1834. «Русская Старина» Январь. 1884, 72.

исключительно отъ настроенія. При оцѣнкѣ его литературныхъ симпатій и антипатій можно развѣ указать только на то, что съ годами въ немъ развивалась все большая и большая любовь къ величаво-спокойной, отъ житейскаго реализма далекой, возвышенной и даже мистической поэзіи, которая прославляла-бы достойнымъ языкомъ самыя общія идеи и чувства, которыми жило и живетъ человѣчество.”

Но всѣ эти колебанія вкуса и смѣны восторговъ не даютъ намъ права говорить о какихъ нибудь опредѣленныхъ критическихъ приемахъ Кюхельбекера въ его сужденіяхъ о литературныхъ теченіяхъ на Западѣ.

Совсѣмъ иными являются критическіе взгляды автора, когда ему приходится говорить о произведеніяхъ словесности русской. Эти взгляды очень опредѣленны, за то они не могутъ не поразить насъ своей странностью. Какъ критикъ русскаго художественнаго творчества, Кюхельбекеръ въ своихъ статьяхъ проводитъ ясную тенденцію, и при томъ не столько литературную, сколько общественную и патріотическую.

Не смотря на свое нѣмецкое происхожденіе, Кюхельбекеръ былъ большимъ патріотомъ, настолько рѣзкимъ во мнѣніяхъ, что его не безъ основанія иногда называли первымъ изъ славянофиловъ. И вотъ эта-то патріотическая тенденція, не хитрая и не сложная, заставила его высказываться весьма категорично въ своихъ литературныхъ критикахъ.

Онъ требовалъ самобытной національной литературы для Россіи и требовалъ во имя патріотическаго чувства. Русь ему мечталась великой, какъ держава, и великой, какъ очагъ наукъ и искусства. Признавая все преимущество западныхъ литературъ надъ русской и подражая иноземнымъ образцамъ въ своемъ собственномъ творествѣ на практикѣ, онъ, хоть въ теоріи, утѣшалъ себя мечтами о расцвѣтѣ истинно русской поэзіи.

Восторженнымъ патріотомъ Кюхельбекеръ былъ еще съ самыхъ юныхъ дней. „Съ какимъ наслажденіемъ я здѣсь въ нѣмецкой сторонѣ пишу русскія строки; каждая буква напоминаетъ мнѣ мое отечество“ — писалъ онъ въ 1820-мъ году во время своего перваго заграничнаго путешествія ¹⁾. Нѣмецъ отъ рожденія, онъ тосковалъ по Россіи всюду и въ Германіи, и во Франціи, и въ Италіи. Эта любовь къ Россіи, сентиментальная, а потомъ и съ оттенкомъ религіозности, заставляла его быть несправедливымъ къ тѣмъ, духовной пищею которыхъ онъ всетаки всю свою жизнь питался. Послушаемъ, напр., что говоритъ этотъ предшественникъ славянофильскихъ обличителей о западной гнилости: „Французы XIX вѣка легкомысленны, жестоки, опрометчивы и нечувствительны,—пишетъ Кюхельбекеръ въ своихъ „Европейскихъ пись-

¹⁾ «Русская Старина», 1875. Іюль, 341.

махъ“ того-же 1820 г. ¹⁾). „Нѣмцы—вѣчные мечтатели, путешественники въ области тайнствъ и воображенія; они никогда не достигали зрѣлости и не пользовались твердымъ гражданскимъ благосостояніемъ; смѣлые въ еоріяхъ, были робкими на дѣлѣ и никогда не выходили изъ подъ опеки. Англичане, которые обладаютъ всѣми преимуществами мужского возраста—практичны, но непріятны, суровы, корыстолюбивы, нечувствительны; одни итальянцы умѣютъ любить и ненавидѣть по сердцу“. Пока еще въ этихъ словахъ нѣтъ рѣзкаго осужденія; есть только странная для романтика-сентименталиста и энтузіаста раздраженность противъ Франціи и Германіи, этихъ, въ то время преимущественно, колыбелей романтизма. Но патріотическая мысль Кюхельбекера начинается сейчасъ-же обрисовываться болѣе ясно. Въ примѣрѣ всѣмъ этимъ націямъ онъ выдвигаетъ Россію, которую онъ олицетворяетъ подъ вымышленнымъ и намъ уже встрѣчавшимся именемъ нѣкоего Доброва—старшины фантастической русской колоніи, пріютившейся какими-то судьбами въ Калабріи. Этотъ сентиментальный пастырь смотритъ на жизнь разумнѣе, чѣмъ всѣ иностранцы; онъ „наслаждается, потому что наслажденіе считаетъ обязанностью всякаго, но свое счастье полагаетъ единственно въ наслажденіи добродѣтелью. Все входитъ въ составъ еоріи его высокаго эпикуреизма—всѣ роды наслажденій духовныхъ и тѣлесныхъ“ ²⁾). Онъ человѣкъ въ свободномъ и высшемъ смыслѣ слова. Такова же и его идеальная жена; наконецъ, и вся коммуна, вся община, во главѣ которой онъ поставленъ, и которая пользуется „всѣми благами истинной гражданственности“. „У насъ въ Россіи много такихъ людей—воскликаетъ восторженный Кюхельбекеръ—но образованный европеецъ этому не повѣритъ, потому что европейцы удалены отъ истиннаго просвѣщенія, отъ истинной образованности и отъ природы. Даже умнѣйшіе люди на западѣ, посвящавшіе себя благосостоянію братій, и тѣ, превосходнѣйшіе умы, имѣли смутное понятіе объ истинномъ достоинствѣ человѣка³⁾“. Такъ голословно, смѣло и вызывающе рассуждалъ этотъ славянофилъ ранней формации. Онъ былъ послѣдователенъ и въ своемъ поведеніи. Пребывая въ Дрезденѣ въ 1820 году, онъ пишетъ: „Вы можете сообразить, друзья мои, что мы съ М*... разговариваемъ только и единственно о Россіи и не можемъ наговориться о ней: теперешнее состояніе нашего отечества, мѣры, которыя правительство принимаетъ для удаленія нѣкоторыхъ злоупотребленій, теплая вѣра въ Провидѣніе, сердечное убѣжденіе, что святая Русь достигнетъ высочайшей степени благоденствія, что *Русскій Богъ* не вотще даровалъ своему избранному

¹⁾ «Европейскія письма». «Невскій Зритель», 1820. Апрѣль, 46—48.

²⁾ «Европейскія письма». «Невскій Зритель». 1820, Апрѣль, 50—52.

³⁾ «Европейскія письма». «Невскій Зритель». 1820, Апрѣль, 55—56.

народу его чудныя способности ¹⁾, его языкъ богатѣйшій и сладостѣйшій между всѣми европейскими, что небо предопредѣлило россиянамъ быть великимъ *благодатнымъ явленіемъ* въ нравственномъ мірѣ—вотъ что придаетъ жизнь и теплоту нашимъ бесѣдамъ, заставляющимъ меня иногда совершенно забывать, что я не въ отечествѣ ²⁾“.

Упорный и неуступчивый патріотизмъ нашего писателя выдержалъ даже тяжелое испытаніе тюрьмы и ссылки.

Такъ, въ Дневникѣ 1831 года, привѣтствуя въ стихахъ новый годъ, Кюхельбекеръ воспѣвалъ вслѣдъ за Жуковскимъ и Пушкинымъ блестящія побѣды, одержанныя „россами“ надъ поляками; клялся, что не лезть заставляетъ его взяться за перо; привѣтствовалъ миръ и молилъ Бога, чтобы „блѣдный моръ и дерзостный мятежъ“ не тревожили родной земли, о счастіи которой онъ день и ночь взывалъ къ Всеблагому. Онъ просилъ даже у Бога особаго Архангела, специально для Россіи ³⁾.

Такой повышенный патріотизмъ окрашивалъ, конечно, въ свою краску и чисто-литературныя симпатіи Кюхельбекера.

Кюхельбекеръ благоговѣлъ передъ красотой, силой и гибкостью русскаго языка и напрягалъ всѣ усилія, чтобы способствовать его росту и славѣ; для этого онъ настойчиво совѣтовалъ писателямъ уснащать его старыми словами и оборотами, и самъ, гдѣ только было можно, прибѣгалъ къ этому чисто внѣшнему приему. Онъ былъ настолько неравнодушенъ ко всему, что въ языкѣ носило печать старины, что высказывалъ даже порицаніе Ломоносову. „Проза Ломоносова—писалъ онъ ⁴⁾—вообще, особенно-же въ похвальныхъ рѣчахъ, не должна и никогда не можетъ служить классическимъ образцомъ для послѣдователей, именно потому, что образована не въ духѣ языка славянскаго, языка св. Писанія, а въ духѣ языковъ нѣмецкаго и латинскаго, по преимуществу Цицерона“. Нѣтъ нужды говорить о томъ, какъ онъ воевалъ противъ галлицизмовъ.

¹⁾ О нашемъ народѣ Кюхельбекеръ былъ очень высокаго мнѣнія. Одной изъ причинъ, которыя побудили его вступить въ тайное общество, было его негодованіе на распространяющуюся въ простомъ народѣ порчу нравовъ, на лукавство и недостатокъ честности, которыя онъ приписывалъ угнетенію и вѣсгдашней неувѣренности раба относительно права пользованія своимъ имуществомъ. «Признаюсь,—говорилъ онъ въ своихъ показаніяхъ,—что эта причина была для меня одна изъ самыхъ главныхъ, ибо, взирая на блистательныя качества, которыми Богъ одарилъ народъ русскій... я душою скорбѣлъ, что все это подавляется, вянетъ, не принеся никакого плода въ нравственномъ мірѣ». В. Семеовскій, «Очерки изъ исторіи крестьянскаго вопроса въ первой половинѣ XIX вѣка», «Русская Старина» 1887. Ноябрь. 395—6.

²⁾ «Отрывокъ изъ путешествія». «Мнемозина» II, 63.

³⁾ Дневникъ 1831. «Русская Старина». Августъ. 1875, 493.

⁴⁾ «Разборъ славянскій грамматики г-на Пенинскаго и исторіи древней г. Арсеньева», «Благонамѣренный». 1826, ч. XXXI, 341—2.

Самъ Кюхельбекеръ, конечно, грѣшилъ противъ своего правила постоянно: писалъ по русски неправильно, то въ духѣ нѣмецкомъ, то въ духѣ французскомъ, но не замѣчалъ этого и бывалъ очень доволенъ и счастливъ, если ему удавалось какое-нибудь иностранное слово замѣнить псевдо-славянскимъ словомъ собственнаго издѣлія. Съ особой гордостью замѣнялъ онъ, напр. слово „филологія“—словомъ „любословіе“, вмѣсто „система“, писалъ „созаконеніе“, радовался, когда, напр., у кн. Шаховскаго находилъ слово „уста“ съ эпитетомъ „нелжевѣтныя“¹⁾, былъ въ полномъ восторгѣ, когда у Шихматова встрѣтился съ „океаномъ, который по бурѣ *зльный* (отъ зѣло—великій) недвижно дремлетъ въ берегахъ“²⁾, сердился на ненужныя слова въ родѣ „горизонтъ“ „континентъ“, „нація“ и т. д. Всѣ эти филологическія шалости Кюхельбекера вызывали у настоящихъ творцовъ русскаго языка одну улыбку, но это его не смущало. Онъ былъ увѣренъ, что именно такая мозаичная работа можетъ и должна поддерживать самобытность и народность литературнаго языка. Въ великой будущности этого языка онъ былъ вполне увѣренъ.

Не столь спокоенъ бывалъ онъ, когда думалъ о будущности русскаго словеснаго творчества вообще, т. е. о національной формѣ и самобытномъ содержаніи русскихъ художественныхъ произведеній. Но онъ не унывалъ и въ данномъ случаѣ, и уже въ 20-тыхъ годахъ считалъ нужнымъ указать на нѣкоторыхъ русскихъ авторовъ, которые пролагали дорогу для такого самобытнаго творчества. Главная опасность для этого творчества, какъ думалъ Кюхельбекеръ, заключалась лишь въ соблазнѣ подражанія иноземнымъ образцамъ.

Предостеречь нашихъ писателей отъ этого пагубнаго подражанія и направить ихъ вниманіе на богатство нашей самобытной жизни,—онъ и поставилъ себѣ задачей въ руководящей критической статьѣ издаваемаго имъ журнала „Мнемозина“ (1824). Статья была озаглавлена: „О направленіи нашей поэзіи, особенно лирической, въ послѣднее десятилѣтіе“³⁾.

Какъ сынъ своего отечества, нашъ критикъ ставитъ себѣ въ обязанность смѣло высказать истину. Онъ очень недоволенъ тѣмъ печальнымъ, минорнымъ тономъ, который сталъ такъ настойчиво слышаться въ русской литературѣ; неистовая печаль не есть поэзія—говоритъ онъ—а бѣшенство; современная элегія, которая все захватила, грѣшитъ именно такимъ излишествомъ печали; трудно не скучать, когда Иванъ да Федоръ напѣвають намъ о

¹⁾ «Отвѣтъ г-ну С* на его разборъ первой части «Мнемозины», помѣщенный въ 15 № «С. О-ва». «Благонамѣренный», 1824, ч. XXVI, 213.

²⁾ «Разборъ поэмы кн. Шихматова «Петръ Великій», «Сынъ Отечества». 1825, СП, 267.

³⁾ «Мнемозина» II, 29—44.

своихъ несчастіяхъ; и все это оттого, что мы забыли оду, торжественную и веселую, полную жизнерадостности и бодрящую духъ. Отучилъ насъ отъ этой радости кто-же?—Жуковский, который сталъ подражать новѣйшимъ нѣмцамъ, преимущественно Шиллеру, и—Батюшковъ, который взялъ себѣ за образецъ двухъ пигмеевъ французской словесности—Парни и Мильвуа. Но больше всѣхъ виновата поэзія романтиковъ. Хороша была эта романтическая поэзія въ Провансѣ и у Данте; но теперь, что отъ нея осталось? Романтическая поэзія—свободная, народная поэзія; а гдѣ ее теперь взять? Одинъ Гете, пожалуй, удовлетворяетъ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ произведеній ея требованіямъ; объ остальныхъ поэтахъ говорить не стоитъ; они почти всѣ подражатели, и наша русская романтика—есть подражаніе подражанію. А что такое подражатель? онъ не знаетъ вдохновенія; онъ говоритъ не изъ глубины собственной души, а принужденъ пересказать чужія понятія и ощущенія.—Сила? гдѣ найдемъ ее въ большей части нашихъ мутныхъ, ничего не опредѣляющихъ, изнѣженныхъ, безпѣтныхъ произведеній? У насъ все *мечта* и *призракъ*, все *мнится* и *кажется*, и *чудится*, все только *будто-бы*, *какъ-бы*, *нѣчто*, *что-то*. Богатство и разнообразіе! Прочитайте любимую элегію Жуковского, Пушкина или Баратынского, знаешь всѣ. Чувствъ у насъ уже давно нѣтъ: чувство унынія поглотило всѣ прочія. Чайльд-Гарольды насъ одолѣли ¹⁾ и отчего все это? Оттого что мы не рѣшаемся быть самобытными. Изъ богатаго и мощнаго русскаго слова мы извлекаемъ небольшой, благопристойный, приторный, искусственно-тощій, приспособленный для немногихъ языкъ, un petit jargon de coterie. Безъ пощады изгоняемъ мы изъ него всѣ рѣченія и обороты славянскіе и обогащаемъ его *архитравами*, *колоннами*, *баронами*, *траурами*, германизмами, галлицизмами и барбаризмами.... Печатью народности ознаменованы всего лишь какіе нибудь 80 стиховъ въ „Свѣтланѣ“ и въ „Посланіи къ Воейкову“ Жуковского, нѣкоторыя мелкія стихотворенія Катенина, два или три мѣста въ „Русланъ и Людмила“ Пушкина....

Свобода, изобрѣтеніе и новость составляютъ главные преимущества романтической поэзіи, а у насъ все подражаютъ и кому—такимъ брюзгамъ, отжившимъ для всего, какъ Чайльд Гарольдъ. Будемъ благодарны Жуковскому за то, что онъ освободилъ насъ изъ подъ ига французской словесности, отъ Лагарпа и Батте, но не позволимъ ни ему, ни кому другому наложить на насъ оковы нѣмецкаго или англійскаго владычества. Всего лучше имѣть поэзію народную, но ужъ если подражать, то надо знать кому, а у насъ художественный вкусъ настолько не развитъ, что мы не отличаемъ поэтовъ. Мы одинаково цѣнимъ великаго Гёте и недо-

¹⁾ Эти же мысли повторыны въ апологъ „Земля Безглазцевъ“. „Мнемозина“ II, 149—50.

зрѣвшаго Шиллера, исполина Гомера и ученика его Виргилія, роскошнаго громкаго Пиндара и прозаическаго стихотворителя Горація, Расина и Вольтера, огромнаго Шекспира и однообразнаго Байрона... Мы благоговѣемъ передъ всякимъ нѣмцемъ или англичаниномъ.

Не доводило присвоить сокровища иноплеменниковъ; да содѣлается для славы Россіи поэзія истинно русская! да будетъ святая Русь не только въ гражданскомъ, но и въ нравственномъ мірѣ первой державой во вселенной. Вѣра праотцевъ, нравы отечественности, лѣтописи, пѣсни и сказанія народныя—лучшіе, чистѣйшіе, вѣрнѣйшіе источники для нашей словесности. Станемъ надѣяться, что наши писатели сбросять съ себя поносныя цѣпи нѣмецкія и захотятъ быть русскими. И Кюхельбекеръ заключаетъ статью указаніемъ на Пушкина.

Таково содержаніе этой, для своего времени весьма знаменательной статьи. Для оцѣнки литературныхъ взглядовъ самого Кюхельбекера эта статья—руководящая. Всѣ позднѣйшія его замѣтки только пополняютъ то, что въ ней высказано, и, зная ее, мы не станемъ удивляться всѣмъ странностямъ въ сужденіи нашего критика о томъ или иномъ русскомъ писателѣ.

Любовь къ народному творчеству была въ Кюхельбекерѣ любовью очень постоянной, о чемъ говорятъ его замѣтки въ дневникѣ. Оказывается, что еще въ 1815 году онъ переводилъ Киршу Данилова на нѣмецкій языкъ ¹⁾. Онъ высказывалъ пожеланіе, чтобы нѣмцы ознакомились съ нашими народными пѣснями и со „словомъ о Полку Игоревѣ“—что заставило-бы ихъ не такъ небрежно отзываться о нашей словесности ²⁾. Въ 1832 году Кюхельбекеръ углубленъ въ чтеніе нашихъ былинъ и занятъ сравненіемъ былинъ Владимірова цикла съ цикломъ Карла и Артура ³⁾. Мы знаемъ также, что онъ самъ неоднократно пытался разрабатывать народныя темы, хотя и не-успѣшно, но собственный не-успѣхъ не мѣшалъ ему подбадривать другихъ и укорять ихъ за недостаточно внимательное отношеніе къ красотамъ народнаго творчества ⁴⁾.

Вѣрный своей теоріи—цѣнить въ русской словесности прежде всего народную форму и самобытный сюжетъ, нашъ патріотъ естественно долженъ былъ отдать предпочтеніе старшему поколѣнію нашихъ писателей передъ младшимъ, къ которому принадлежалъ самъ. Въ твореніяхъ этого младшаго поколѣнія онъ находилъ

¹⁾ Дневникъ 1832 г. «Русская Старина» Августъ. 1875. 502.

²⁾ «Разборъ фонъ-деръ Борговыхъ переводовъ русскихъ стихотвореній». «Сынъ Отечества» 1826, СПБ, 68—83.

³⁾ Дневникъ 1832. «Русская Старина» Сентябрь. 1875. 78

⁴⁾ Кюхельбекеръ очень внимательно слѣдилъ за русскими пѣснями «свѣтской фабрики», какъ онъ выражается, но признавалъ въ этомъ родѣ творчество одного лишь Дельвига, и то съ ограниченіемъ, и еще Грамматина за его «Элегію сельской дѣвушки».

больше подражательнаго элемента, чѣмъ въ писаніяхъ стариковъ карамзинской эпохи, у которыхъ онъ почему-то этого подражанія не хотѣлъ замѣтить.

Такъ, въ стихотвореніи „Къ Елисаветѣ Кульманъ“ (1835) ¹⁾ онъ, не стѣсняясь, говоритъ, что Державинъ, „корифей русскаго хора“, можетъ смѣло поспорить ни съ кѣмъ инымъ, какъ съ самимъ Гомеромъ ²⁾. Этого русскаго Гомера Кюхельбекеръ изучалъ весьма внимательно и пытался даже исправлять его стихи, ³⁾ передъ которыми благоговѣлъ.

Въ 1840 году, уже послѣ смерти Пушкина, Кюхельбекеръ съ наслажденіемъ перечитываетъ Дмитріева, признаетъ, что онъ не ровень, но тѣмъ не менѣе считаетъ „легкимъ и сильнымъ“ его необычайно тяжеловѣсное „посланіе Поле къ Арбуртону“. Онъ находитъ у Дмитріева даже „сочные“ стихи ⁴⁾.

Но если преклоненіе передъ Дмитріевымъ и въ особенности Державиннымъ можетъ быть допустимо, то восторженные похвалы, расточаемыя Шихматову, Шишкову и Катенину, должны показаться странными, а Кюхельбекеръ былъ отъ ихъ творчества въ большомъ восторгѣ.

Переводъ „Валленштейна“, сдѣланный Шишковымъ, Кюхельбекеръ признаетъ „образцовымъ“, „живописнымъ снимкомъ съ оригинала“—и это потому, что въ этомъ переводѣ сохранены любезные ему славянизмы ⁵⁾.

О Шихматовѣ онъ говоритъ часто и съ такимъ же восторгомъ. Считая для себя унижительнымъ состоять въ числѣ подражателей Пушкина, Кюхельбекеръ съ гордостью заявляетъ: „я вотъ уже 12 лѣтъ служу въ дружинѣ славянъ подъ знаменами Шишкова, Катенина, Грибоѣдова и Шихматова“ ⁶⁾. Шихматова онъ не стѣснялся даже приравнивать къ Пушкину.

По поводу какого-то описанія полтавской битвы у Бутурлина онъ, напр., замѣчаетъ: „у насъ отличные два стихотворца—Ших-

¹⁾ Къ Кульманъ Кюхельбекеръ питалъ большое уваженіе.

²⁾ Дневникъ 1835 г. «Русская Старина» Февраль. 1884, 353.

³⁾ Онъ былъ очень доволенъ, когда ему удалось «переустроить» одну трудную Державинскую строфу и онъ съ гордостью занесъ въ свой Дневникъ эту поправку, совсѣмъ не замѣчая всего ся безобразія:

Съ синяго свода
Токи-ли злата
Льются на міръ?
Съ ложа подъята
Встала природа
Сѣла за пиръ. etc

Дневникъ 1835. «Русская Старина». Февраль 1884, 355—6.

⁴⁾ Дневникъ 1840. «Русская Старина». Октябрь 1891, 79—80.

⁵⁾ Дневникъ 1834 «Русская Старина». Августъ 1883, 261—2.

⁶⁾ Дневникъ 1833. «Русская Старина». Сентябрь 1875, 83.

матовъ и Пушкинъ—прославили это сраженіе, но не изобразили (?). Ломоносовъ, полагая, не впалъ бы въ этотъ недостатокъ не потому, чтобы былъ большимъ поэтомъ, чѣмъ Шихматовъ и Пушкинъ ¹⁾“. За непризнаніе заслугъ Шихматова, этой „карикатуры Юнга“, какъ его прозвалъ Туманскій, нашъ патриотъ не въ шутку обижался. „Перочелъ 5-ую пѣснь „Петра Великаго“ Шихматова—пишетъ онъ; эта пѣснь у него изъ слабыхъ, но и въ ней множество неподобныхъ стиховъ. Не понимаю, право, людей, каковъ напр., Никольскій, который смѣетъ называть поэму Шихматова „стыдомъ російской словесности“ ²⁾. Въ защиту этой поэмы „Петръ Великій“ Кюхельбекеръ написалъ цѣлую статью въ „Сынъ Отечества“ (1825). Въ ней онъ утверждалъ, что оды Ломоносова, большая часть превосходныхъ одъ Державина, всѣ трагедіи Озерова, лучшія лирическія, элегическія, эпиколирическія созданія Жуковского, наконецъ, всѣ поэмы Пушкина—прекрасны, подобно поэміи Шихматова, только по частямъ, по подробностямъ, по стихамъ и строфамъ, а почти всегда ошибочны по изобрѣтенію и въ цѣломъ невыдержаны; онъ сравнивалъ, наконецъ, Шихматова съ Шекспиромъ и съ Кальдерономъ, съ которыми онъ „имѣетъ сходство рѣшительное, а именно въ религіозности, цвѣтущемъ слоgѣ и восточной роскоши“ ³⁾.

Менѣе оскорбительное отсутствіе художественнаго чутія обнаружилъ Кюхельбекеръ въ оцѣнкѣ поэзіи Катенина. Еще въ юные годы онъ очень хвалилъ Катенина за попытку сблизить наше нерусское творчество съ богатою поэзіей народныхъ пѣсней, сказокъ и преданій ⁴⁾. Его, повидимому, вовсе не смущала любовь Катенина ко всему классическому, и за балладу „Наташа“ онъ былъ готовъ все простить ему. Вообще баллады Катенина онъ ставилъ очень высоко. „Его „Мстиславъ“, писалъ онъ, „Убийца“, „Наташа“, „Пѣшій“—еще только попытки, однако же (да не разсердятся наши весьма хладнокровные, весьма осторожные, весьма не романтическіе самозванцы романтики) по сію пору однѣ, можетъ быть, во всей нашей словесности принадлежать поэзіи романтической“ ⁵⁾. Впрочемъ позднѣе онъ сталъ отзываться о Катенинѣ сдержаннѣе ⁶⁾.

Вездѣ, гдѣ только Кюхельбекеръ подмѣчалъ хотя бы слабый ароматъ народности, онъ привѣтствовалъ его и готовъ былъ закрыть глаза на все остальное. Такъ, напримѣръ, онъ расточалъ

¹⁾ Дневникъ 1832. «Русская Старина». Августъ 1875. 499.

²⁾ Дневникъ 1833 «Русская Старина» 1883. Іюль, 188.

³⁾ «Разборъ поэмы кн. Шихматова „Петръ Великій“. «Сынъ Отечества» 1825. Сп., 282, 366.

⁴⁾ «Взглядъ на текущую словеность». «Невскій Зритель» 1820. Февраль, 113.

⁵⁾ Т. е. истинно «народной», какъ народенъ былъ романтизмъ на Западѣ. «Разборъ фонъ-деръ-Борговыхъ переводовъ русскихъ стихотвореній». «Сынъ Отечества» 1825, Сп., 71.

⁶⁾ Дневникъ 1834. «Русская Старина». Январь, 1884. 78.

восторги удивленія Вельтману—одному изъ самыхъ неудачныхъ поборниковъ мнимой народности; ему посвятилъ онъ свою лучшую поэму „Вѣчный Жидъ“, сравнивалъ его съ Державинимъ, Жуковскимъ и Пушкинымъ, восхвалялъ въ этомъ писателѣ богатство *мыслей*, разумѣя въ данномъ случаѣ не мистико-фантастическое содержаніе разсказовъ Вельтмана, а ихъ патріотическую и славянскую тенденцію ¹⁾—и онъ былъ совершенно не лицепріятенъ въ такой похвалѣ, такъ какъ съ Вельтманомъ онъ лично знакомъ не былъ. Хвалилъ Кюхельбекеръ также и стихи бездарной Буниной за то, что она пишетъ старымъ слогомъ, что не мѣшаетъ ей стихамъ „блистать силой и мрачнымъ воображеніемъ“ ²⁾.

За то къ другимъ писателямъ, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ излишней уступчивости западнымъ настроеніямъ и идеямъ, Кюхельбекеръ относился придирчиво и несправедливо. Подолинскій—поэтъ съ дарованіемъ—въ его глазахъ былъ лишь русскимъ Маттисономъ; „у Подолинскаго—говорилъ онъ—та же страсть казаться чрезвычайно несчастнымъ, разочарованнымъ, убитымъ (отчего, почему—неизвѣстно), тотъ же гармоническій, прѣстистый языкъ и что-то похожее на роскошь картинъ и живописи—и, больно сказать, тоже безсиліе“ ³⁾,—что у всѣхъ подражателей Байрона.

„Впрочемъ, въ вѣкъ такихъ геніальныхъ пачкуновъ, каковы Тимофѣевъ и Бернетъ—спасибо Подолинскому“, добавляетъ нашъ критикъ.

Иногда, впрочемъ, послѣдовательность такой оцѣнки нарушается у Кюхельбекера самымъ страннымъ образомъ. Кюхельбекеръ былъ, напримѣръ, въ дикомъ восторгѣ отъ Кукольника, этого ультра-романтика въ итальянскомъ вкусѣ. Сначала, сравнивая самого себя съ несчастнымъ пѣвцомъ Іерусалима, онъ плачетъ надъ трагедіей Кукольника „Торевато Тассо“ ⁴⁾; онъ называетъ эту трагедію—лучшей трагедіей на русскомъ языкѣ, не исключая и „Годунова“ Пушкина; читая ее, онъ забываетъ, какъ ему нравились „Дмитрій Самозванецъ“ Хомякова и „Рука Всевышняго“ Полевого и, наконецъ, онъ договаривается до совершенно непонятной классификаціи нашихъ поэтовъ,—классификаціи, которая идетъ въ разрѣзъ со всей его теоріей о самобытности въ литературѣ. „Пушкинъ, Марлинскій (?) и Кукольникъ (?)—пишетъ онъ—надежда и подпора нашей словесности; ближайшій къ нимъ—Сенковский (??) и потомъ Баратынскій“ ⁵⁾.

Взгляды Кюхельбекера на корифеевъ нашей словесности, оставаясь очень тенденціозными, были, впрочемъ, болѣе послѣдовательны.

¹⁾ «Русская Старина» 1878. Мартъ, 404.

²⁾ «Взглядъ на текущую словесность». «Невскій Зритель», 1820. Мартъ, 78.

³⁾ Дневникъ, 1840 г. «Русская Старина». Октябрь, 1891, 86—7.

⁴⁾ Дневникъ 1834 г. «Русская Старина». Августъ, 1883, 265—6.

⁵⁾ Дневникъ 1835 г. «Русская Старина». Февраль. 1884, 359—362.

Жуковскому онъ никакъ не могъ простить его излишней склонности къ подражанію и его любви къ Шиллеру: „Нельзя, конечно, у Шиллера отнять заслугъ — говорилъ онъ ¹⁾ — но въ лирическихъ стихотвореніяхъ Шиллера господствуетъ только одно чувство, предпочтеніе духовнаго (идеальнаго) міра — существующему, земному; это чувство безъ сомнѣнія высокое, но имъ-ли однимъ должна ограничиться поэзія? Сіе чувство лѣтъ десять повторяется во всѣхъ почти произведеніяхъ русскаго Парнасса писателями — отголосками Жуковскаго, Шиллерова отголоска, и въ истинномъ достоинствѣ сей германо-русской школы можно усумниться“. Такъ писалъ Кюхельбекеръ въ 1824 г., и въ 1832 г. онъ отозвался съ тѣмъ-же неодобреніемъ объ уныло-таинственномъ, однообразномъ тонѣ стихотвореній Жуковскаго ²⁾. Странно, кромѣ этихъ двухъ замѣтокъ, у него — и въ дневникѣ и въ статьяхъ — не нашлось иныхъ словъ для Жуковскаго.

Сужденія Кюхельбекера о Пушкинѣ не менѣе характерны.

Въ 1824 году онъ пишетъ: „Пушкинъ безъ сомнѣнія превосходить большую часть русскихъ современныхъ ему стихотворцевъ: но между лилипутами не мудрено казаться великаномъ. „Русланъ и Людмила“ — романтическая поэма, въ которой при всѣхъ ея недостаткахъ болѣе творческаго воображенія, нежели во всей остальной современной русской словесности. „Кавказскій Пльиникъ“ написанъ самыми сладостными стихами и особенно при первомъ чтеніи вливаетъ въ душу живое сѣтованіе ³⁾“. О лирическихъ стихотвореніяхъ Пушкина имѣемъ въ дневникѣ 1835 г., слѣдующую запись: „Сказать-ли? Право боюсь даже въ дневникѣ высказать на этотъ счетъ свое мнѣніе. Но быть такъ! Читаю по вечерамъ мелкія стихотворенія Пушкина; большая часть (и замѣчу всѣ почти хваленныя, напримѣръ, „Демонъ“, „Подражаніе Корану“, „Вакхическая Пѣснь“, „Андре Шенье“ etc.) слишкомъ остроумны, слишкомъ обдуманы, обдѣланы и рассчитаны для эффекта, а потому (по моему мнѣнію) въ нихъ нѣтъ... вдохновенія. За-то есть другія стихотворенія, менѣе блестящія, но мнѣ особенно любезныя. Вотъ нѣкоторые: „Гробъ юноши“, „Коварность“, „Воспомянаніе“, „Ангель“, „Отвѣтъ Анониму“, „Зимній вечеръ“, „19-е Октября“, „Чернь“ — всяческій перлъ лирическихъ стихотвореній Пушкина“ ⁴⁾.

Къ „Демону“ Кюхельбекеръ былъ въ особенности строгъ „Въ хваленомъ „Демонѣ“ — писалъ онъ — нѣтъ самобытной жизни, онъ не проистекъ изъ глубины души поэта, а былъ написанъ потому, что должно же было написать что-нибудь въ этомъ родѣ“ ⁵⁾.

¹⁾ «Разговоръ съ Ѳ. В. Бугариннымъ». «Мнемозина», III, 169—170.

²⁾ Дневникъ, 1832. «Русская Старина». Августъ, 1875, 527.

³⁾ «Разговоръ съ Бугариннымъ». «Мнемозина» III, 174—5.

⁴⁾ Дневникъ 1835 г. «Русская Старина». Февраль, 1884, 361.

⁵⁾ Дневникъ 1834. «Русская Старина». Январь, 1884, 73.

Спустя много лѣтъ, возвращаясь въ 1843 г. къ этимъ же вопросамъ, Кюхельбекеръ рѣшительно отдаетъ „Руслану“ предпочтеніе передъ „Бахчисарайскимъ фонтаномъ“ и „Кавказскимъ Пльнникомъ“, хвалить, однако, почему-то „Братьевъ Разбойниковъ“, въ большомъ восторгѣ отъ „Домика въ Коломнѣ“ и отъ „Анджело“ и только вскользь упоминаетъ объ „Онѣгинѣ“¹⁾.

Объ „Онѣгинѣ“ Кюхельбекеръ вообще не любитъ говорить и самый типъ ему не нравился, — что, между прочимъ, видно изъ его отзыва о „Герое нашего времени“ Лермонтова. Онъ еще не читалъ самого „Героя“, но прочелъ разборъ романа въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (разборъ Бѣлинскаго). „Этотъ разборъ—пишетъ онъ—самъ по себѣ хорошъ, хотя и не безъ ложныхъ взглядовъ на вещи²⁾, а самый романъ—варіація на пушкинскую сцену изъ Фауста—обличаетъ огромное дарованіе, хотя и одно-сторонность автора“³⁾.

Чтобы заключить всѣ эти оригинальные отзывы нашего романтика-идеалиста 20-хъ годовъ, который въ Сибири, вдали отъ русской жизни, пытался судить о ней по памятникамъ, въ которыхъ она отражалась, приведемъ очень любопытный отзывъ Кюхельбекера о „Мертвыхъ Душахъ“—отзывъ, опровергающій нѣкоторые изъ прежнихъ взглядовъ автора. „На дняхъ прочелъ я „Мертвыя Души“—пишетъ онъ.—Перо бойкое; картины и портреты въ родѣ Ноздрева, Манилова и Собакевича рѣзки, хороши и довольно вѣрны. Въ другихъ—краски нѣсколько густы, и очерки сбиваются просто на карикатуру. Гдѣ же Гоголь впадаетъ въ лиризмъ, онъ изъ рукъ вонъ плохъ (!) и почти столь же приторенъ, какъ Кукольникъ, со своими патріотическими сентиментальными *piaiseries* (!).“

Откуда вытекли всѣ эти общія и частныя противорѣчія въ сужденіяхъ нашего автора?

Они были слѣдствіемъ постоянного, непримиримаго разлада между поэтомъ и критикомъ. Какъ критикъ и тенденціозный теоретикъ, какъ патріотъ съ славянофильской окраской, требующій отъ поэзіи прежде всего самобытности и народности, хотя-бы чисто внѣшней, Кюхельбекеръ готовъ былъ приравнять Катенина и Шихматова къ Пушкину, видѣть въ Вельтманѣ великаго писателя, хвалить Кукольника за то, что въ своемъ „Тассо“ онъ воспѣлъ Державина и Россію, готовъ былъ, наконецъ, несочувственно

¹⁾ Дневникъ, 1843. «Русская Старина». Октябрь, 1891, 97.

²⁾ Эти ложные взгляды заключались въ рѣзкомъ, агрессивномъ тонѣ Бѣлинскаго. Бѣлинскаго Кюхельбекеръ признаетъ умнымъ, честнымъ и добросовѣстнымъ критикомъ, но не можетъ помириться съ тѣмъ, что онъ извиняетъ, почти оправдываетъ людей, тѣхъ, которые. «недовольные нынѣшнимъ состояніемъ нашего общественнаго быта, нарушаютъ основанія, святыя права этого быта» (?). Дневникъ 1845 г. «Русская Старина». Октябрь, 1891, 107.

³⁾ Дневникъ 1841 г. «Русская Старина». Октябрь, 1891, 85.

отнестись ко всякому разладу поэта съ дѣйствительностью, видя въ этомъ измѣну русскому благодушію, русской удали и жизнелюбивости здравому славянскаго духа вообще.

Но поэтъ опровергалъ нерѣдко критика и заставлялъ его брать свои слова обратно.

Истиннымъ поэтомъ Кюхельберъ не былъ, но онъ бывалъ часто поэтически настроенъ. Великіе писатели запада, безъ различія школъ и направленій, учили его цѣнить въ поэтѣ прежде всего свободу, и не подчинять вдохновеніе никакимъ, даже самымъ высокимъ постороннимъ цѣлямъ... Не онъ-ли восклицалъ вслѣдъ за истинными „романтиками“ своего вѣка: „къ чему всѣ эти правила? Къ чему вообще всякая тенденція, всякая прямая цѣль въ искусствѣ? Цѣль поэзіи не правоученіе, а сама поэзія. Слушайся вдохновенія, и отъ тебя не уйдетъ ни современность, ни безсмертіе. Гнаться за чѣмъ нибудь въ поэзіи значитъ погубить свое дѣло и спаси Богъ отъ всякой дидактики, въ чемъ бы она ни проявлялась“ ¹⁾. Иногда, вспоминая, быть можетъ, тѣ бесѣды, которыя онъ велъ въ юности въ кружкѣ московскихъ шеллингянцевъ, тѣхъ самыхъ, среди которыхъ и для которыхъ была, вѣроятно, написана знаменитая „Чернь“ Пушкина—онъ готовъ былъ даже съ гнѣвомъ сказать, что и не стоитъ спорить съ тѣми людьми, которые утверждаютъ, что цѣлью, напр., драматическаго искусства должно быть улучшеніе нравовъ ²⁾.

И вотъ, когда такое свободное поэтическое вдохновеніе на него находило, онъ готовъ былъ, какъ пчела, собирать свой медъ со всѣхъ пахучихъ цвѣтовъ западной художественной словесности, не разсуждая, а только наслаждаясь. Тогда онъ, забывая, что ему надлежитъ быть самобытнымъ, самъ начиналъ пѣть съ чужого голоса и становился ученикомъ тѣхъ самыхъ англичанъ, нѣмцевъ и французовъ, которыхъ обвинялъ въ развращеніи нашего русскаго художественнаго вкуса.

Въ его собственныхъ стихахъ борьба иноземнаго съ роднымъ русскимъ всегда кончалась въ пользу иноплеменниковъ, и онъ мстилъ имъ за эту побѣду въ своихъ критическихъ отзывахъ.

VIII.

Поэтическое творчество Кюхельбекера въ первый періодъ его жизни было творчествомъ, въ полномъ смыслѣ слова не оригинальнымъ. Всѣ его оды, пѣсни, баллады и поэмы представляли отзвуки западныхъ литературныхъ теченій, и притомъ отзвуки довольно слабые. То, что придаетъ этимъ перепѣвамъ нѣкоторый

¹⁾ Дневникъ 1883—4 «Русская Старина». Сентябрь, 1875, 81. Январь 1884, 73, 81.

²⁾ Дневникъ 1834. «Русская Старина». Июль. 1883, 120.

интересъ, это — попытка разнообразить иноземный мотивъ внѣшними аксессуарами мнимой народности, гоняясь за которой, нашъ писатель не брезгалъ даже совсѣмъ не поэтичными славянскими архаизмами.

Такихъ архаизмовъ очень много въ раннихъ стихотвореніяхъ Кюхельбекера, преимущественно религиозныхъ, въ этихъ восторженныхъ обращеніяхъ къ Богу ¹⁾, которыя онъ слагалъ въ самый разгаръ своего увлеченія античной антологіей. Но если въ этихъ стихахъ, въ которыхъ чувствовалось вѣяніе библейской лирики и преимущественно псалмовъ, такая арханческая рѣчь и была до известной степени допустима, она производила странное впечатлѣніе въ историческихъ балладахъ, которыя Кюхельбекеръ любилъ слагать по примѣру Жуковского и Катенина. Здѣсь, какъ, напр., въ балладахъ „Святополкъ Окаянный“ ²⁾ и „Рогдаеви Псы“ ³⁾ (трогательная исторія о томъ, какъ обманутаго дѣвицей витязя лижутъ и утѣшаютъ вѣрные псы)—всѣ эти фигуры умолчанія, вопрошенія и повторенія, съ невѣроятнымъ нагроможденіемъ пышныхъ, велѣбныхъ словъ, лишали балладу и той скромной красоты, которая иногда заключена въ самомъ содержаніи.

Для патетическаго и сильнаго, которое онъ очень любилъ въ поэзіи, у Кюхельбекера не хватало ни полета фантазіи, ни внѣшняго выраженія. Риторика и вычурность часто пересиливали живое чувство.

Это живое поэтическое чувство, котораго было немало въ душѣ нашего писателя, находило себѣ болѣе соответствующую форму, иногда даже красивую, когда поэтъ переходилъ отъ возвышенныхъ темъ къ темамъ болѣе простымъ, и когда онъ писалъ въ стилѣ античной антологической поэзіи или въ стилѣ сентиментально-романтической пѣсни, столь распространенной въ его время. Кюхельбекеръ, какъ и всѣ наши поэты начала столѣтія, любилъ такое смѣшеніе разнообразныхъ стилей — античнаго и средневѣковаго.

Къ мотивамъ античной антологіи Кюхельбекеръ имѣлъ большое пристрастіе и онъ пытался реставрировать эти старыя мысли, чувства и настроенія, главнымъ образомъ, изъ чистой любви къ красотѣ ⁴⁾. Только въ самый ранній періодъ своей дѣятельности, тотчасъ послѣ выхода изъ Лицея, написалъ онъ драму изъ античной жизни съ рѣзко гражданской тенденціей. Это была „вольнолюбивая“ трагедія „Аргивяне“, которую онъ мечталъ посвятить императору Александру I. Трагедія была на-

¹⁾ Какъ, напр., «Упованіе на Бога». «Мнемозина» III, 84; въ особенности «Къ Богу». «Мнемозина» I, 51.

²⁾ «Мнемозина» I, 53.

³⁾ «Мнемозина» III, 13.

⁴⁾ Много тонкихъ стилистическихъ замѣчаній разсѣяно въ его статьѣ: «О греческой антологіи». «Сынъ Отечества» 1820, LXII, 145—151.

писана пятистопнымъ, но весьма некрасивымъ ямбомъ, въ возвышенно-патетическомъ тонѣ, который долженъ былъ соответствовать трагической исторіи о вольнолюбивомъ героѣ, захватившемъ обманно верховную власть въ свои руки и отданномъ на растерзаніе Эриніямъ.

Эта драма была единственной его попыткой написать гражданскую трагедію съ античными лицами и костюмами: ея литературное достоинство заключалось не въ строгости мысли, не въ драматичности положеній, а лишь въ необычайной, чисто романтической „свободѣ“ языка и развѣра.

Эту свободу Кюхельбекеръ старался въ значительной степени обуздать, когда писалъ свои мелкія стихотворенія въ томъ-же древнемъ стилѣ.

Припомнимъ нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній, чтобы дать понятіе хоть о структурѣ стиха Кюхельбекера, такъ какъ въ темахъ и въ настроеніи нѣтъ особеннаго разнообразія.

То это старая тема о беспощадной власти судьбы, иногда, впрочемъ, скрашенная размышленіемъ о томъ, что все-таки человѣкъ выше этой судьбы и душой никому не подвластенъ, такъ какъ можетъ жить и въ прошедшемъ, и въ будущемъ ¹⁾; то это напоминаніе о томъ, что

Слѣдуя всюду
Взоромъ за смертными,
Грозно, невидимо
Вызываетъ промыслы,
Взвѣсивъ дѣянія,
Тихо Эриніи
Персть приближаютъ
Къ сжатымъ устамъ, ²⁾

то это веселый гимнъ въ честь бога Вакха и въ честь вина ³⁾; то это днѣирамбъ Діонису, которому

упоенному
Въ гордой мечтѣ его
Грады покорствуютъ;

который

Надъ многочисленнымъ
Радостнымъ племенемъ
Счастливый властвуетъ
Вождемъ и судья ⁴⁾

¹⁾ «Моимъ Сарско-Сельскимъ друзьямъ». «Сынъ Отечества» 1817, XXXIX, 26.

²⁾ «Адрастея». «Сынъ Отечества» 1817, XL, 187.

³⁾ «Бакхическая пѣснь». «Благонамѣренный», 1819 ч. II, 11.

«Гимнъ Бакхусу». «Мнемозина», IV, 92.

⁴⁾ «Днѣирамбъ». «Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія» 1820. № VII, 94—5.

то это хвала Аполлону, котораго прославляетъ голосъ пѣвца, голосъ, „шумящій, какъ вставшее море“ ¹⁾. Часто встрѣчаются также мотивы блаженной любви, за которую поэтъ какъ-бы извиняется передъ богами; смиренно говоря имъ:

Нѣтъ оскорбленія вамъ, когда безнадежный страдалецъ
Чарами ночи плѣненъ, счастливъ обманчивымъ сномъ ²⁾

Наконецъ, въ этихъ стихотвореніяхъ Кюхельбекера на античныя темы не мало описаній, иногда довольно живописныхъ ³⁾.

Но въ общемъ во всѣхъ этихъ стихахъ отсутствуетъ пластичность выраженія и сила простоты въ чувствахъ, т. е. главные достоинства античнаго творчества.

Съ гораздо болѣе искреннимъ и сильнымъ чувствомъ встрѣчаемся мы въ тѣхъ стихотвореніяхъ Кюхельбекера, которыя посвящены его личнымъ воспоминаніямъ. Онъ съ юныхъ лѣтъ любилъ отмѣчать въ стихахъ всѣ малѣйшія колебанія своего весьма неустойчиваго настроенія.

Эта исповѣдь мало оригинальна. Вѣчныя темы любви съ неизмѣнной Филомелой ⁴⁾, порывы восторга, подъ обаяніемъ котораго юноша, по прихѣру Шиллера, горитъ желаніемъ „обнять вселенную, прижать ее къ своему сердцу и себя удвоить“ ⁵⁾, восхваленіе того подъема духа, при которомъ онъ

Юноша съ свѣжей душой выступаетъ на поприще жизни,
Полный пылающихъ думъ, дерзостный въ гордыхъ мечтахъ:
Съ міромъ бороться готовъ, и сразить и судьбу и печаль.⁶⁾

Наконецъ, совсѣмъ неопредѣленная мечтательность, полусонъ души, томленіе по иному міру, и полетъ съ богиней фантазій „въ иные края, гдѣ воздухъ чище, радость въ поляхъ и миръ подъ вѣтвями березъ“ ⁷⁾. Таковы излюбленные мотивы пѣсенъ Кюхельбекера.

Среди этихъ стихотвореній весьма многія—значительное большинство—написаны, какъ и слѣдовало ожидать, въ минорномъ тонѣ. Мечты о томъ, что „свѣтъ его не узнаетъ и не оцѣнитъ его восторговъ и мечтаній, что одна лишь дружба его утѣшитъ“⁸⁾, чувство одинокой любви къ своей музѣ⁹⁾, молчаливая сосредоточенность, при которой поэтъ „безмолвный стражъ своей свя-

¹⁾ «Гимнъ Аполлону». «Сынъ Отечества» LIII, 273.

²⁾ «Элегія». «Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія» 1820. № XI, 209.

³⁾ Напр. «Олимпійскія игры» «Мнемозина». IV, 96.

⁴⁾ Напр. «Романсъ». «Невскій Зритель»: 1820, Январь, 95

⁵⁾ «Баллада». «Сынъ Отечества». 1219, LV, 274.

⁶⁾ «Къ моему питомцу». «Невскій Зритель». 1820, Мартъ, 52—53.

⁷⁾ «Отрывокъ». «Сынъ Отечества». 1819, LIII, 37.

⁸⁾ «И. П. Шульгину». «Сынъ Отечества». 1817, XXXIX, 183.

⁹⁾ «Къ музѣ». «Сынъ Отечества». 1819, LI, 131.

тыни“, „живетъ въ одномъ себѣ ¹⁾“, томленіе по небесамъ, гдѣ живетъ Богъ любви, и гдѣ его отчизна—все эти мягкія, нѣжныя чувства переполняютъ эту совсѣмъ юную и жизнью пока не испытанную душу.

„Когда во мнѣ дремали еще чувства восторговъ и страданій — говоритъ Кюхельбекеръ—когда я глядѣлъ еще съ дѣтской улыбкой на вселенную, то

И тогда волшебною силой задумчивый мѣсяцъ
Неизъяснимой красой взоры мои привлекалъ.
Часто я, вечеръ сѣдя предъ окномъ, исчезалъ въ океанѣ
Неизмѣримыхъ небесъ, въ безднѣ мировъ утопая.
Игры, бывало, покину: подъ ропотомъ водъ тихоструйныхъ
Сладкой исполненъ тоски въ даль уношуся мечтой;
Тайна самъ для себя, безпечный младенецъ—я слезы
(Ихъ я причины не звалъ), слезы священныя лгль...
Въ полночь вѣмую на мирномъ одрѣ предчувствовалъ вѣчность...²⁾

Не всегда, впрочемъ, эта тоска могла назваться сладкой; не всегда, когда все скрылось въ туманѣ и онъ одинъ оставался съ своей печалью, могъ онъ отдаться „сладкой мечтѣ“³⁾. Иногда набѣгала такая грусть, что даже самъ „соловей не могъ ее разсѣять“⁴⁾. Поэта посѣщали часто призракъ какой-то умершей Элизы⁵⁾; онъ звалъ его за собой въ лучшій міръ, туда, гдѣ нѣтъ тоски и нѣтъ страданія, онъ сулилъ ему соединеніе⁶⁾; иной разъ „сіяніе Діаны“ вызывало его на берегъ Невы для свиданія съ этимъ страдальческимъ призракомъ, и, припоминая Жуковского, Кюхельбекеръ восклицалъ: мы ищемъ блаженства и любви,

Но ищемъ напрасно!
О други! О други!
Надежда—предатель
Блаженство—мечта!⁷⁾

Печалило Кюхельбекера также и другое видѣніе — призракъ отпвѣтающей юности. Онъ со слезой встрѣчалъ наступавшую раннюю осень, которая такъ рано настала для юноши, онъ чувствовалъ, что онъ умеръ душою, что нѣтъ для него прежнихъ восторговъ и страданій, что всюду безмолвіе и холодъ гробницы⁸⁾. Онъ самъ призывалъ „подземный мракъ и покой могилы“, чтобы они приняли его, его, который увялъ, какъ „вешній злакъ“⁹⁾; онъ за-

¹⁾ «Къ моему генію». «Невскій Зритель», 1820, январь, 96—8.

²⁾ «Отчизна». «Сынъ Отечества». 1817, XLIII, 161.

³⁾ «Мечта». «Благонамѣренный». 1819, ч. V, 209.

⁴⁾ «Къ соловью». «Благонамѣренный». 1818, ч. III, 269.

⁵⁾ «Ангелъ смерти». «Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія». 1820, № IX, 345—9.

⁶⁾ «Къ Лизѣ». «Благонамѣренный». 1818, ч. I, 197.

⁷⁾ «Призракъ». «Благонамѣренный», 1818, ч. II, 8.

⁸⁾ «Осень». «Благонамѣренный». 1818, ч. I, 14.

⁹⁾ «Тоска». «Сынъ Отечества», 1818, XLIII, 205.

лѣлъ о томъ, что не умеръ рано на зарѣ юности, когда съ Дельвигомъ въ „свѣтломъ слияніи душъ, пламеннымъ летомъ они неслись за предѣлы мировъ“. Вотъ когда бы умереть, а не теперь, когда онъ затерянъ въ толпѣ равнодушной ¹⁾. Теперь ему осталось „сидѣть между падшихъ столповъ, поросшихъ плющемъ и крапивой, гдѣ вѣтеръ свиститъ между разрушенныхъ стѣнъ, сидѣть одинокому подъ тѣнью тлѣющей башни и съ древняго камня глядѣть вдаль“ ²⁾. Теперь вокругъ него зима: „съ вѣковой сосны завыванію бури внимаешь пасмурный вранъ. Сердце ноетъ. Качаютъ вершинами сѣдыми ели. Вѣтеръ свиститъ, хруститъ подъ ногою свѣтлый безжизненный снѣгъ и бѣжитъ въ бѣлую даль по сугробамъ тропинка“ (1817) ³⁾.

Эта грустная картина—словно злобѣщее пророчество.

Такъ воспѣвалъ Кюхельбекеръ въ 18 лѣтъ увядшій цвѣтъ своей жизни, упреждая Владиміра Ленскаго. Потомъ, когда въ тюрьмѣ онъ перечиталъ всѣ эти стихи, онъ надъ собой посмѣялся, ⁴⁾ но въ годы, когда эти стихи были написаны, онъ принялъ бы такой смѣхъ за обиду.

Любопытно, что во всѣхъ этихъ грустныхъ стихотвореніяхъ совсѣмъ отсутствуетъ весьма распространенный тогда на западѣ мотивъ общественный—скорбь не о себѣ, а о неурядицахъ общества. Одинъ только разъ, въ посланіи къ своему лицейскому товарищу Матюшкину, который тогда уѣзжалъ въ далекое плаваніе, Кюхельбекеръ позволилъ себѣ заговорить о „простотѣ и крѣпости“ дикихъ народовъ и о „мирѣ Іапета (т. е. Европы), дряхлѣющемъ въ страшномъ безсиліи“ ⁵⁾. Такое отсутствіе гражданскаго мотива, впрочемъ, не должно насъ удивлять: Кюхельбекеръ въ своихъ обще-философскихъ и историческихъ взглядахъ былъ въ тѣ годы далекъ отъ всякаго пессимизма, и вся его грусть и меланхолія были просто отзвукомъ литературныхъ западныхъ вѣяній, а не результатомъ самостоятельной скорбной мысли о какомъ-либо крушеніи общечеловѣческихъ идеаловъ.

И, наконецъ, вся эта меланхолія находила себѣ самое гармоничное разрѣшеніе въ преклоненіи Кюхельбекера передъ самимъ собой, какъ поэтомъ.

Культъ поэта былъ въ тѣ годы однимъ изъ самыхъ распространенныхъ, и сознаніе, что такъ или иначе служишь красотѣ, вознаграждало тогдашняго мечтателя съ избыткомъ за всѣ его „страданія и печали“, дѣйствительныя или воображаемыя. Никогда поэтъ не стоялъ такъ высоко въ общественномъ мнѣніи, какъ именно въ то время, и никогда онъ не былъ такъ свобо-

¹⁾ «Сынъ Отечества». 1817, ХLI, 105.

²⁾ «Memento mori». «Сынъ Отечества», 1819, LVII, 173.

³⁾ «Зима». «Нѣвскій Зритель». 1820, мартъ, 60—61.

⁴⁾ Дневникъ 1833. «Русская Старина» Іюль, 1883, 114.

⁵⁾ «Къ Матюшкину». «Сынъ Отечества», 1817, XXXIX, 228.

день отъ-разныхъ упрековъ, съ которыми ему потомъ, при болѣе развитой общественной жизни, пришлось считаться. Кюхельбекеръ восторженно пѣлъ хвалу поэту вообще и себѣ въ частности. Онъ пѣлъ ее и въ прозѣ, и въ стихахъ.

Сущность этихъ похвалъ давно стала общимъ мѣстомъ, но для того времени такимъ не было. „Поэтъ—писалъ Кюхельбекеръ¹⁾—въ то мгновеніе, когда онъ учитъ времена и народы и разгадываетъ тайны Провидѣнія, есть полубогъ безъ слабостей, безъ пороковъ, безъ всего земного... Способность къ вдохновеніямъ предполагаетъ пламенную душу, ибо только пламя можетъ воспылать къ небу. Что же есть пища сего пламени? — Великія страсти. Онѣ молчатъ, онѣ исчезаютъ, когда орелъ летитъ къ солнцу, но потомъ голодъ гонитъ его съ высоты, онъ падаетъ на добычу и вонзаетъ въ ея бока когти... Поэтамъ завидуютъ и въ то же время желаютъ показать презрѣніе къ ихъ дарованію. Но чернь не способна даже къ заблужденіямъ душъ великихъ. Почему брызжетъ жаба ядъ на смиреннаго свѣтляка? Онъ блеситъ, ибо блесѣтъ и жить для него одно и то же; онъ и не думалъ гордиться передъ нею блескомъ своимъ! И если бы вы знали, враги дарованія, если бы вы знали, какою цѣною оно покупается! Поэтъ нѣкоторымъ образомъ перестаетъ быть человѣкомъ: для него уже нѣтъ земного счастья. Онъ постигнулъ высшее сладострастіе, и наслажденія міра никогда не замѣняютъ ему порывовъ вдохновенія, столь рѣдкихъ и оставляющихъ по себѣ пустоту столь ужасную!... Страстный, пламенный, чувствительный юноша рѣшился быть поэтомъ: удивляйтесь, по крайней мѣрѣ, его отважности... Онъ знаетъ, что его ожидаютъ труды Алкидовы, клевета, гоненія, бѣдность, презрѣніе, зависть, предательство, ненависть... Юноша гений знаетъ все это—и рѣшается быть поэтомъ... Поэзія есть добродѣтель, и душа вдохновенная сохраняетъ въ самомъ паденіи любовь къ добродѣтели, въ самыхъ порокахъ она ищетъ великаго... Всякій мужъ необыкновенный, съ сильными страстями, пролагающій себѣ свой собственный путь въ мірѣ—есть уже поэтъ, если бы онъ и никогда не писывалъ стиховъ и даже не учился грамотѣ... И поэтъ не гордится своей жизнью и своими твореніями, ибо чувствуетъ, что онъ только бранный сосудъ той божественной силы, которая обновляетъ и возрождаетъ человечество“.

Какъ часто всѣ эти мысли и образы повторялись потомъ и въ стихахъ и въ прозѣ поэтами и критиками вплоть до нашего времени. Вѣчные вопросы о связи добра и красоты, о сущности вдохновенія и роли поэта въ обществѣ—всѣ эти тонкія проблемы этики и эстетики нашли у насъ въ Россіи въ лицѣ

¹⁾ «Отрывокъ изъ путешествія по полуденной Франціи». «Мнемозина» IV, 68—74.

Кюхельбекера *первого* истолкователя, который, идя по слѣдамъ нѣмецкихъ романтиковъ и античныхъ классиковъ, попытался поставить эти вопросы, если не на философскую почву, то хотѣ рѣшить ихъ не по правиламъ шаблонной стилистики и риторики, какъ онѣ рѣшались раньше. Веневитиновъ, Надеждинъ, Полевой и Бѣлинскій, независимо, конечно, отъ Кюхельбекера, продолжали эту работу, и, такимъ образомъ, родилась наша эстетическая критика. За словами Кюхельбекера остается всетаки хронологическое первенство.

Все, что нашъ писатель говорилъ о поэзии съ такимъ пафосомъ въ прозѣ, онѣ повторялъ и въ стихахъ, и эта восторженная лирика принадлежитъ къ лучшему, что имъ написано... Въ ней есть и теплота, и искренность. Возьмемъ хотя бы обращеніе Кюхельбекера къ Пушкину, гдѣ онѣ такъ опредѣляетъ назначеніе поэта:

Самъ Зевесъ для него разгадалъ загадку созданья;
Жизнь вселенной ему Фебъ-Аполлонъ разскажетъ,
Другъ мой! питомцу боговъ хариты рекли: наслаждайся!
Свѣтлой чистой струей дни его въ мѣрѣ текутъ!

Такъ! отъ дыханья толпы все небесное вянетъ, но Гений
Дѣйственъ могущей душой, въ чистомъ мечтаньи—дитя,
Сердцемъ выше земли, быть въ радостяхъ ей непричастнымъ
Онѣ собѣ самому клятву священную далъ ¹⁾.

Можно отмѣтить, конечно, въ этомъ стихотвореніи нѣкоторое противорѣчіе со словами самого Кюхельбекера, который полагалъ, что поэтъ живетъ „великими“ страстями, но въ тѣ годы поэты какъ-то умѣли дѣлать различіе между „страстями“, и слово „великій“ понимали въ смыслѣ „глубокій“, а потому и требовали отъ поэтического взгляда на мѣръ извѣстнаго философскаго спокойствія, а отъ поэта способности возвышаться надъ частнымъ и временнымъ. Этотъ философскій взглядъ на назначеніе поэта, взглядъ, который намъ завѣщала поэзія Гете, Шиллера и нѣмецкихъ романтиковъ, сплетался иногда съ античнымъ идеаломъ счастливой и беззаботной поэтической жизни вдаль отъ шума и суеты на лонѣ природы — и изъ соединенія этихъ двухъ представленій и выросъ образъ въ себѣ замкнутого, спокойнаго, задумчиваго, грустнаго, отъ людей отчужденнаго поэта. Этотъ поэтъ долженъ былъ все понимать и чувствовать, но могъ откликаться на явленія жизни лишь тогда, когда имъ глубоко продуманы и почувствованы тѣ вѣчныя начала, которыя этой жизнью двигаютъ.

Хотя Кюхельбекеръ и давалъ строгія наставленія поэту о томъ, какъ ему нужно держаться въ сторонѣ отъ людей, думать больше о себѣ самомъ, быть счастливымъ, если самъ внимаешь

¹⁾ «Къ Пушкину», «Благонамѣренный», 1818, III, 136—7.

своему Генію ¹⁾, но по природѣ своей самъ былъ мало расположенъ слѣдовать этимъ наставленіямъ. Тотъ поэтъ, котораго онъ воспѣвалъ въ стихахъ, былъ не тотъ, который жилъ въ немъ самомъ въ его молодые годы.

„Человѣкъ“,—говорилъ онъ въ одномъ стихотвореніи—утратилъ небеса

И нынѣ рвется онъ, бѣжить,
И наслажденія вѣчно жаждеть,
И въ наслажденія вѣчно страждеть,
И въ пресыщеніи груститъ!—

Чтобы помочь ему, этому несчастному тревожному созданію, Зевесъ позволяетъ иногда богамъ съ небесъ спускаться на землю и являться людямъ въ образѣ поэта. И эти поэты—

въ тѣло смертныхъ облачась,
Напоминать братьямъ объ отчизнѣ,
Имъ путь указать къ полной жизни;
Тогда съ прекраснымъ примирень.
Родъ смертныхъ будетъ искупленъ...

Поэты искупятъ грѣхи міра тѣмъ, что создадутъ прекрасное, такъ какъ—

Безсмертіе равно удѣлъ
И смѣлыхъ вдохновеній дѣлъ
И сладостнаго пѣснопѣнья! ²⁾

Всѣ эти слова были очень краснорѣчивы на бумагѣ; на дѣлѣ, однако, Кюхельбекеръ былъ совсѣмъ не похожъ на такого сладостнаго пѣвца. Въ особенности въ своей молодости, онъ и „рвался“, и „бѣжалъ“, грустилъ о небѣ, но земли не забывалъ, жаждалъ „смѣлыхъ дѣлъ“ и для ощущенія полноты жизни очутился 14-го декабря на Сенатской площади.

Но такова была сила чисто литературныхъ вѣяній, что и онъ пѣлъ „покой и примиреніе“,—когда въ немъ самомъ душа бурлила.

И дѣйствительно, всѣ только-что перечисленные мотивы его лирическихъ пѣсенъ, всѣ, какъ читатель легко могъ замѣтить, написаны подъ непосредственнымъ вліяніемъ иностранныхъ образцовъ. Въ нихъ слышатся отзвуки античной древности, французскихъ и нѣмецкихъ сентименталистовъ XVIII-го вѣка, многое навѣяно Гете, Шиллеромъ, Байрономъ и отчасти нѣмецкой романтикой. Самобытнаго русскаго, кромѣ отдѣльныхъ словъ и оборотовъ,—нѣтъ ничего, и нашъ поборникъ народности въ теоріи, на практикѣ былъ прямымъ подражателемъ.

¹⁾ «Письмо къ молодому поэту», изъ Виланда. «Сынъ Отечества». 1819, LVII, 193—216, 262—269.

²⁾ «Поэтъ». «Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія». 1820. № IV, 71—78.

Болѣе самостоятеленъ, а потому и болѣе народенъ сталъ Кюхельбекеръ позднѣе, въ годы своего заточенія. Подъ давленіемъ одиночества мотивы его поэзіи измѣнились. Лирическихъ стихотвореній онъ писалъ мало и, если писалъ, то въ религіозномъ духѣ и на темы чисто личныя, которыя ему иногда удавались. Его голова была въ эти годы страданій занята главнымъ образомъ темами большихъ историческихъ и религіозно-мистическихъ поэмъ, которыя и представляютъ наибольшую цѣнность во всемъ его литературномъ наслѣдствѣ. Онъ осуществилъ, хоть и не вполне, два изъ своихъ широко задуманныхъ плановъ, а именно—написалъ мистерію „Ижорскій“ и религіозную поэму „Вѣчный Жидъ“.

„Ижорскій“—это лучшій примѣръ насильственнаго сочетанія иностранныхъ литературныхъ мотивовъ съ самобытнымъ содержаніемъ; „Вѣчный Жидъ“—это предсмертная исповѣдь самого автора.

IX.

„Ижорскій“ былъ напечатанъ еще при жизни Кюхельбекера въ 1836 году, конечно, безъ имени автора.

Исторія возникновенія этой поэмы—или „мистеріи“, какъ ее назвалъ самъ авторъ, весьма замѣчательна. Она была для поэта предметомъ раздумій почти всей его жизни. Кюхельбекеръ задумалъ эту поэму еще на свободѣ въ 20-хъ годахъ ¹⁾, и мысль о ней не покидала его и въ 40-хъ. Такъ, въ 1840-мъ году онъ въ своемъ дневникѣ замѣчаетъ: „хотѣлъ было продолжать „Ижорскаго“, но еще не было творческаго электрическаго удара, а просто обдумать планъ—не мое дѣло: все, что я когда нибудь обдумывалъ зрѣло и здраво, лопало и не оставляло по себѣ ни слѣда ²⁾.“ Черезъ годъ мы застаемъ Кюхельбекера опять за этой-же работой, которая, какъ ему кажется, близится къ концу. „Вчера я читалъ второй актъ послѣдней части „Ижорскаго“—пишетъ онъ; теперь еще актъ и разстанусь съ созданіемъ, которое занимаетъ меня 16-й годъ... Жаль! Какая мысль замѣнить эту, съ которой я такъ свыкся?“ ³⁾. „Ижорскій“ не былъ дописанъ, но изъ двухъ частей, которыя напечатаны, философская и мистическая тенденція поэмы выступаетъ съ достаточной ясностью.

Современникамъ эта мистерія не понравилась. „Ижорскій, отъ начала до конца—нестерпимая глупость“, писалъ И. И. Пущинъ ⁴⁾.

¹⁾ Кажется, что о ней онъ пишетъ въ 1823 г. къ Жуковскому. «Русскій Архивъ» 1871, 0170, 0171.

²⁾ Дневникъ 1840. «Русская Старина». Октябрь. 1891, 70.

³⁾ Дневникъ 1841 «Русская Старина». Октябрь. 1891, 86.

⁴⁾ «Записки И. И. Пущина» Л. Майковъ. «Пушкинъ». Спб. 1899, 87.

Бѣлинскій писалъ приблизительно то же: „наши авторы,—говорилъ онъ—какъ-то проникли, что созданія Гете, Шиллера, Байрона, Вальтеръ-Скотта, Шекспира и другихъ гениальныхъ поэтовъ суть символы глубокихъ философическихъ идей. Вслѣдствіе этого и наши молодцы начали тормозить нѣмецкую философію и класть въ основу своихъ издѣлій философическія идеи“... Личность самого Ижорскаго, по мнѣнію Бѣлинскаго, была тысяча первая пародія на Чайльдъ-Гарольда... Впрочемъ, въ самомъ авторѣ Бѣлинскій признавалъ человѣка съ умомъ и чувствомъ ¹⁾. Да и самъ Кюхельбекеръ, не смотря на присущую ему самоувѣренность, былъ очень озабоченъ мыслью о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ это излюбленное его дѣтище.

Весь мистическій смыслъ поэмы долженъ былъ раскрыться въ третьей ея части, а эту третью часть печатать не разрѣшили. „Ижорскій безъ третьей части не имѣетъ смысла—писалъ Кюхельбекеръ Жуковскому ²⁾—и онъ остается чудовищемъ“. „Я знаю—писалъ онъ ему-же ³⁾—что Вы не истолкуете превратно благой, смѣю сказать, цѣли моей мистеріи, которая, если и не лучшее мое созданіе, то, по крайней мѣрѣ, яснѣе другихъ высказываетъ то, что считаю я обязанностью высказать, какъ человѣкъ и христіанинъ“.

Но основная этическая тенденція мистеріи ясна и безъ послѣдней части. „Ижорскій“ — драматическая исторія грѣшника, только безъ примиряющаго эпилога. „Мой черный демонъ отразился въ „Ижорскомъ“ — писалъ Кюхельбекеръ Пушкину ⁴⁾ въ 1830 году и добавлялъ, что у него есть и свѣтлый демонъ, который долженъ отразиться въ иномъ произведеніи. Итакъ, весь планъ былъ уже готовъ въ 1830 году. Посмотримъ, что изъ этого плана было выполнено и какая идея развивалась во всемъ этомъ странномъ созданіи.

Самъ авторъ понималъ всю странность того, что онъ написалъ, и потому предпослалъ своей мистеріи довольно длинное введеніе, въ которомъ стремился оправдать передъ читателемъ пріемъ своего творчества. Онъ просилъ не называть его мистерію „романтической“ драмой въ стилѣ Шекспира и его послѣдователей, Гете и Шиллера. Его образами были скорѣе аллегорическія игрища Ганса Сакса, Frères de la passion, англійскіе мекенстреди и нѣмецкіе мейстерзенгеры. Общее между ними и „Ижорскимъ“—вторженіе аллегорическаго и фантастическаго въ обыденную житейскую драму и, наконецъ, извѣстное морализирующее направленіе. Во всей драмѣ господствуетъ одна главная

¹⁾ Бѣлинскій Сочиненія Т. II. Москва 1888. 410—1.

²⁾ Къ Жуковскому 1846. «Русскій Архивъ» 1872, 1008.

³⁾ Къ Жуковскому 1840. «Русскій Архивъ» 1871, 0179.

⁴⁾ Къ Пушкину. «Русскій Архивъ» 1881, I, 138.

мысль: эта мысль уже изложена въ первой части. Недоумѣніе читателя на счетъ этой основной мысли—вотъ единственная критика, къ которой авторъ былъ-бы чувствителенъ. Высказывать эту мысль въ предисловіи былъ-бы лишнимъ, ибо, если самъ читатель ее не отгадываетъ, то авторъ долженъ считать весь трудъ свой неудавшимся ¹⁾).

Отгадать эту мысль не трудно. Она старая мысль, неоднократно встрѣчавшаяся въ тѣ времена, породившая много гениальныхъ художественныхъ созданій на западѣ и занесенная къ намъ въ Россію въ эту эпоху романтизма. Это—исторія преступной эгоистической души, скучающей въ предѣлахъ, ей отведенныхъ на землѣ, души, отданной во власть темной силѣ, души страстной и страдающей и всетаки спасенной за то, что она думаетъ упорнѣе, вѣрить сильнѣе и чувствуетъ тлужбе, чѣмъ другія души.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что если ужъ искать предшественниковъ и родственниковъ того сумрачнаго героя, который во образѣ Ижорскаго бродилъ по Россіи, то придется вспомнить не о средневѣковыхъ мистеріяхъ, а о Фаустѣ, Донъ-Жуанѣ, Манфредѣ и иныхъ многочисленныхъ типахъ, родственныхъ этимъ по настроенію и образу мыслей. У „Ижорскаго“ родство почетное и знатное, что, конечно, для него не вполнѣ выгодно.

Эту иностранную тему о грѣхопаденіи и искупленіи сильной души Клохельбекеръ попытался обработать въ чисто-русскомъ стилѣ, соединивъ въ своей „мистеріи“ самобытное съ иноземнымъ.

Первое, въ чемъ сказалось такое насильственное сочетаніе русскаго съ иностраннымъ, была попытка воспользоваться для своей „мистеріи“ образами славянской мифологіи. „Мифологическихъ существъ“, составляющихъ въ нашей драмѣ чудесное или, по словамъ Вальтеръ Скотта, волшебное, много—писалъ Кюхельбекеръ въ предисловіи къ „Ижорскому“ ²⁾—но мы, воспользовавшись ими, хотѣли указать на богатство, которое поэту представляетъ романтическая мифологія вообще, а русская въ особенности. Большой части сихъ мифологическихъ пружинъ мы старались присвоить нѣчто народное, русское“.

Такимъ образомъ, въ числѣ дѣйствующихъ лицъ этой мистеріи оказались „Бука“, какія-то „Шинимора“ и „Кикимора“, нѣкій „Зничи“, волкъ-оборотень, русалки, лѣшіе, домовые и въ подмогу имъ совсѣмъ уже не народные Сильфы, Гномы, Ондины и Саламандры, даже Титанія и Аріэль изъ Шекспировскаго репертуара.

Разскажемъ-же подробно содержаніе этой болѣе чѣмъ странной мистеріи, такъ какъ, вѣроятно, никто не читалъ ее и врядъ-ли когда читать станетъ. Передъ нами будетъ наглядный примѣръ

¹⁾ «Ижорскій» Спб. 1835. Предисловіе, VIII.

²⁾ Предисловіе, X.

одного изъ типичнѣйшихъ псевдо-народныхъ произведеній нашего ранняго романтизма.

Богатый русскій дворянинъ Левъ Ижорскій (какъ показываетъ его фамилія—родственникъ семьи Печоринныхъ, Онѣгинныхъ, Ленскихъ) подъ вечеръ на перекладныхъ подъѣзжаетъ къ Петербургу. Искать онъ счастья и въ Аравіи, и въ Иранѣ, и въ Индіи, и въ городахъ, и подъ шатромъ, и вернулся домой съ той же пустой душой, съ какой уѣхалъ. Скучно ему; и по дворянскому тогдашнему обычаю проситъ онъ ямщика развеселить его пѣсенкой. Но, очевидно, ямщикъ не чуждъ модной душевной болѣзни, такъ какъ, вмѣсто веселой пѣсни, онъ начинаетъ пѣть про разладъ идеала и дѣйствительности, про мечту, опровергнутую жизнью... Ижорскому даже эта философія теперь не доступна: ему нечѣмъ помянуть прошлое, и никакая мечта надъ нимъ власти не имѣетъ: ему до тошноты скучно. При такомъ душевномъ нигилизмѣ вѣзжаетъ онъ ночью въ Петрополь и останавливается въ гостиницѣ Демута. Въ то время, какъ все это происходило съ нимъ, надъ нимъ и вокругъ него разыгралась какая-то чертовщина. Слетѣлись духи, филины, нетопыри, засвѣтились болотные огни, прилетѣлъ весельчакъ Кикимора со шлемомъ изъ цвѣтка-колокольчика, съ броней изъ рачьей чешуи, за нимъ появился и Шишимора на большомъ листѣ капусты—духъ злобный и сварливый, сосущій мухъ и любящій розгой посягать на красу дѣвичью. Всѣмъ этимъ духамъ также скучно, какъ и Ижорскому; въ особенности Кикиморѣ. Для забавы хочетъ онъ столкнуть тройку Ижорскаго въ ровъ, но здѣсь ввязывается Шишимора: ему—Шишиморѣ, злобному духу—обѣщанъ этотъ Ижорскій въ подарокъ отъ Туранскаго Дива Арслана. Между обоими духами завязывается настоящая потасовка, и оба они идутъ судиться къ верховному владыкѣ—Букѣ.

Среди совѣ, мертвецовъ, блудящихъ огней, русалокъ, лѣшихъ, домовыхъ, сильфъ, гномовъ, ондинъ и саламандръ—свершаетъ Бука свой судъ надъ провинившимися. Сидитъ этотъ Бука, огромная обезьяна, въ большихъ креслахъ, обитыхъ алымъ бархатомъ, въ алломъ плащѣ, въ большомъ парикѣ вѣка Людовика XIV и съ пучкомъ розогъ. На Кикимору онъ золъ за то, что онъ развратилъ русскую литературу (?), принесъ къ намъ цѣлую корзину англійскихъ и нѣмецкихъ затѣй, на Шишимору онъ гнѣвается за его сношенія съ дивами Турана и за то, что онъ мелко плаваетъ, стремясь поймать въ свои сѣти Ижорскаго, слѣпного холоднаго гордеца, бѣгущаго на гибель и безъ всякой помощи ада. И вотъ въ наказаніе Бука отдаетъ обоихъ провинившихся духовъ въ полную кабалу къ Ижорскому на годъ.

Левъ Ижорскій между тѣмъ танцуетъ на петербургскихъ балахъ съ нѣкою княжной Лидіей и зѣваетъ. Вокругъ него вертятся старые знакомые Вѣтроновъ, Жеманскій и Весновъ; сплетничаютъ они на

пропалую, и изъ этихъ сплетенъ мы узнаемъ, что нашъ Ижорскій—глубокій умъ, но человѣкъ безъ сердца, что гибельныя страсти его озлобили, что онъ, наконецъ, поэтъ и съ большимъ запасомъ поэтическихъ впечатлѣній: бывалъ онъ и въ вѣчномъ Римѣ, и въ дыму Этны, поклонялся при древнемъ Нилѣ гробницамъ египетскихъ царей, измѣрялъ пирамиды и даже былъ въ Спартѣ, — но все это не помѣшало ему скучать, скучать безъ мечтаній, какъ на этомъ балѣ, съ котораго онъ, наконецъ, поспѣшно увѣзжаетъ, чтобы прогуляться на невской набережной, гдѣ съ нимъ впервые и долженъ былъ встрѣтиться Кикимора.

Грустное раздумье напало на Ижорскаго во время этой прогулки; все испыталъ онъ и все разлюбилъ; и скорбь, и радость ему одинаково противны; исчерпалъ онъ и самую печаль, и самое раскаяніе; осталось одно—съ собой покончить; но покончить съ собой въ минуту прихоти или скуки—позорно; лучше приготовиться къ разлукѣ съ унылой земной гостиницей и выйти изъ нея равнодушнымъ постояльцемъ. И вотъ въ эту минуту раздумья онъ вспоминаетъ, что нѣкогда одинъ умиравшій дервишъ—злой и насмѣшливый — котораго онъ спасъ отъ шайки бедуиновъ, подарилъ ему талисманъ-кольцо: стоило трижды повернуть его на пальцѣ и человѣкъ получалъ власть покорить себѣ злое начало. Отчего не попробовать теперь этого средства, теперь въ нашъ вѣкъ, когда послѣ Вольтера мы опять обратились къ суевѣрію? И Ижорскій повернулъ кольцо на своемъ пальцѣ. „Вы звали, кажется“?—обратился тогда къ нему Кикимора, появившійся вдругъ передъ нимъ въ видѣ маленькаго старика въ сѣромъ фракѣ, въ альмавивѣ, въ большой бѣлой квакерской шляпѣ. Съ этимъ Кикиморой Ижорскій заключаетъ теперь письменный договоръ, по которому Ижорскій обязанъ продержатъ этого духа, годъ на своей службѣ, а духъ въ свою очередь, не требуя вовсе души отъ своего кліента, дать ему рядъ безвѣстныхъ ему (Ижорскому) впечатлѣній. На первый разъ Кикимора предлагаетъ дать ему возможность видѣть нагую истину вездѣ и при всякомъ случаѣ.

Ижорскій успѣлъ, однако, очень скоро заразить своей хандрой и этого веселаго духа, этого „подражателя Мефистофеля“, какъ его называетъ самъ авторъ. Скучающій сидитъ Кикимора въ Волтеровскихъ креслахъ передъ каминномъ и жалуется Саламандру Зничу на своего хозяина. Оказывается, что Ижорскій совсѣмъ не заинтересовался нагой истиной; онъ зналъ и безъ помощи духа, сколько въ мірѣ лжи и притворства, и искаженіе истины на каждомъ шагу только увеличило его скуку. Чтобы помочь своему другу, Зничъ предлагаетъ испытать иное средство; онъ даетъ Кикиморѣ порошокъ, обладающій чудесной силой: кто вкуситъ отъ него, загорится любовью и сойдетъ съ ума отъ любви, но если та женщина, въ которую онъ влюбится, полюбитъ его, то въ немъ любовь немед-

ленно погаснетъ. Кикимора рѣшается дать Ижорскому отвѣдать отъ этого порошка, чтобы хоть этимъ излѣчить его отъ скуки.

И вотъ „нашъ Гяуръ и нашъ Конрадъ“ влюбляется въ княжну Лидію Пронскую. Онъ влюбленъ безумно; въ груди его чистый адъ. Онъ смѣшонъ въ своей любви, и коварный духъ не скупится на насмѣшки: онъ грубо вышучиваетъ весь идеализмъ и сентиментализмъ его любви, причемъ отъ него больше всего достается Платону, этому „греческому Шеллингу“, который сочинилъ премудрую систему любви и не догадался, что въ любви прежде всего виновать бѣсенокъ.

Но Кикимора не ограничивается шуткой, онъ поступаетъ съ Ижорскимъ коварно и жестоко; онъ заставляетъ его подслушать разговоръ княжны Лидіи съ ея отцомъ, и Ижорскій узнаетъ, что его ловятъ какъ богатаго жениха, и что сама Лидія его не любить. Это извѣстіе превращаетъ всю любовную хандру и прежнюю скуку Ижорскаго въ полную мизантропію; онъ становится слѣпъ и глухъ для человѣчества; онъ презиралъ людей, теперь онъ ихъ ненавидитъ. Онъ полонъ жадной мести, онъ хочетъ прежде всего обрушиться на самого Кикимору, но оказывается, что годъ истекъ и духъ больше ему не подвластенъ.

Не безнаказанно думалъ Ижорскій разыграть роль демона. Ненависть, злоба и обманутая любовь обратили его въ дикаря. Онъ убѣжалъ въ Брянскіе лѣса, гдѣ сталъ скитаться, какъ дикій охотникъ. Какъ трупъ, ожившій средь могилы, ожилъ онъ для муки бытія, такъ какъ онъ все-таки любитъ Лидію; пусть отъ омерзѣвшихъ людей онъ бѣжалъ въ нѣмую глушь, она—Лидія всегда передъ нимъ во всей природѣ... Кикимора радъ, что ему удалось вселить такую тревогу въ душу своей жертвы, но все-таки онъ не понялъ и не исполнилъ той задачи, которую ему задалъ Бука, его властелинъ. Здѣсь-же, въ Брянскихъ лѣсахъ сердитый Бука говоритъ Кикиморѣ, что онъ велъ себя глупо. Что пользы въ томъ, что Ижорскій сошелъ теперь съ ума? Онъ долженъ стать преступникомъ, злодѣемъ, великимъ грѣшникомъ—лишь тогда онъ очутится во власти чорта. Но прежде всего онъ долженъ перестать безумствовать, и Бука повелѣваетъ Кикиморѣ немедленно исцѣлить его.

Для этого духъ обращается къ помощи мужика-колдуна Вавилы. Этотъ Вавила ворочить въ полночь на перекресткѣ и проносить ужасныя заклинанія. Ему Кикимора поручаетъ обернуться волкомъ, настичь въ лѣсу Ижорскаго, вывѣдать его тайну, оживить его надеждой и, наконецъ, наговоромъ разжечь въ сердцѣ Лидіи любовь къ мрачному чудаку, который такимъ образомъ исцѣлится отъ своего безумія.

Дѣйствительно, волкъ настагаетъ Ижорскаго, хитрыми рѣчами вывѣдываетъ его тайну, говоритъ ему, что онъ его-же крестьянинъ Вавила—и надежда на взаимность Лидіи сразу перерождаетъ

Ижорскаго. Онъ готовъ Вавилу осыпать золотомъ, лишь бы онъ заставилъ Лидію полюбить его. Вавила ставитъ одно условіе— чтобы Ижорскій позволилъ ему прожить съ нимъ годъ и не смѣлъ его бросить раньше года. Ижорскій даетъ свое слово, и тогда волкъ неожиданно превращается въ Шишимору. Оказывается, что этотъ злобный духъ, который заступаеъ теперь на службу Ижорскаго мѣсто прежняго рѣзваго духа, подслушалъ, подкараулилъ гдѣ-то Вавилу, утопилъ его, принялъ его видъ и обманулъ Кишимору.

Подъ руководствомъ Шишиморы Ижорскій идетъ теперь на встрѣчу новымъ, болѣе тяжкимъ и грѣховнымъ испытаніямъ— и первая часть „мистеріи“ на этомъ кончается.

Вторая часть богаче дѣйствующими лицами, чѣмъ первая: больше и живыхъ людей, и духовъ; на помощь привлечены духи земли, огня, воздуха и моря, и участникомъ мистеріи является даже какой-то заяцъ.

Всѣ духи сговорились, чтобы погубить Ижорскаго. Судьба распорядилась такъ, что отецъ княжны Лидіи раззорился и долженъ былъ уѣхать въ деревню. Путь его лежалъ черезъ помѣстье Ижорскаго, который попрежнему въ черной меланхоліи проживалъ въ своей деревнѣ. Князю и его дочери пришлось ночевать на почтовой станціи. Ночью Шишимора при помощи саламандръ и духовъ огня поджегъ станцію, сообщивъ о своемъ намѣреніи предвѣстительно Ижорскому. Ижорскій бросается спасать князя и его дочь и выносить изъ огня полуживую Лидію. Наконецъ, она у него въ домѣ, и ничто не препятствуетъ болѣе ихъ окончательному и рѣшительному объясненію. Къ тому же наговоры Вавилы подѣйствовали, и Лидія, дѣйствительно, влюблена въ Ижорскаго. Подѣйствовалъ, впрочемъ, и таинственный порошокъ на Ижорскаго, и онъ теперь разлюбилъ Лидію. Онъ не можетъ найти въ себѣ прежнихъ чувствъ къ ней... Чтобы полюбить ее, онъ долженъ измѣнить свою природу, долженъ полюбить людей, а онъ ихъ ненавидитъ и жалѣетъ, что у всѣхъ у нихъ не одна шея, чтобы съ ними покончить. Ижорскій, наконецъ, даже остервеняется противъ Лидіи, готовъ стать тигромъ, готовъ „роскошествовать въ ея пѣняхъ и рыданіяхъ“ и вообще преисполненъ такой злобы, что даже Шишимора признаетъ, что онъ сталъ похожъ на чорта. Ижорскій начинаетъ проповѣдывать полную разнузданность и своеволие и въ такомъ адскомъ настроеніи рѣшается на объясненіе съ Лидіей. Лидія признается ему въ любви, а онъ пересказываетъ ей вновь длинную повѣсть своихъ разочарованій и постепеннаго озлобленія. Въ доказательство того, насколько онъ презираетъ всѣ обычаи и предразсудки, насколько онъ послѣдователенъ въ поклоненіи одной „природѣ“, онъ требуетъ отъ Лидіи, чтобы она ему отдалась до вѣнца, и тѣмъ повергаетъ дѣвицу въ неописанный ужасъ. Она очень тонко замѣчаетъ ему, что если она усту-

пить, то онъ потомъ всегда будетъ подозрѣвать ее, но Ижорскій остается непреклоненъ и, вынудивъ у нея согласіе, уходитъ, назначивъ ей часъ ночного свиданія. Лидія, оставшись одна, овладѣваетъ собою, видитъ, какъ глубоко упалъ ея возлюбленный, и рѣшается спасти его, стать его ангеломъ въ этой жизненной пустынѣ и воздвигнуть его изъ адовыхъ оковъ. Для этого она немедленно покидаетъ усадьбу Ижорскаго и, переодѣтая молодымъ парнемъ, спѣшитъ въ Петербургъ къ нѣкому Веснову, пріятелю Ижорскаго, чтобы вмѣстѣ съ нимъ вернуться сюда и начать перевоспитывать ихъ друга. Титанія приказываетъ Аріэлю сопровождать Лидію и охранять ее отъ враговъ и злодѣевъ. Романтическое предпріятіе княжны Лидіи вполне удастся. Подъ охраной Аріэля приходитъ она, переодѣтая разносчикомъ, въ Петербургъ; проникаетъ въ домъ къ Веснову, выдаетъ себя за крестьянина Ижорскаго—Ивана Сусанина и убѣждаетъ его спѣшить на помощь его другу: Весновъ, хотя и узнаетъ, кто такой этотъ Иванъ Сусанинъ, но изъ деликатности готовъ забыть, что и онъ не такъ давно былъ неравнодушенъ къ княжнѣ Лидіи.

Ижорскій въ это время продолжалъ идти по пути порока къ гибели. Побѣгъ Лидіи только укрѣпилъ въ немъ ненависть къ людямъ, хотя и Шишимора надобѣлъ ему порядкомъ постояннымъ своимъ подстрекательствомъ къ злодѣянію. Злодѣяній Ижорскій пока еще не совершалъ, и они ему гнусны. Но Шишимора не унываетъ и, наконецъ, губить его, придумавъ для него очень хитрое развлеченіе. Онъ уговариваетъ его открыть у себя въ деревнѣ игорный домъ и притонъ разврата, вполне увѣренный въ поддержкѣ сосѣдей-помѣщиковъ. Ижорскому скучно и онъ охотно готовъ испытать это средство...

И, дѣйствительно, усадьба Ижорскаго становится скоро ареной всякихъ безчинствъ. Хозяинъ обыгрываетъ сосѣдей, доводитъ нѣкоторыхъ изъ нихъ до самоубійства, приманиваетъ къ себѣ ихъ женъ и дочерей и безчеститъ ихъ. Напрасно старый его слуга Честновъ читаетъ ему мораль, говоритъ ему объ его обезображенныхъ чертахъ и потухшихъ очахъ, о всѣхъ признакахъ ужаснаго разрушенія, которое зрится на его челѣ—Ижорскій непреклоненъ, хотя бесѣда съ этимъ честнымъ человѣкомъ и пробуждаетъ въ его душѣ нѣкоторую тревогу, похожую на угрызение совѣсти. Шишимора встревоженъ этимъ намекомъ на раскаяніе, и потому рѣшается удвоить свою энергію и заставить Ижорскаго совершить такіа преступленія, передъ которыми все его теперешнее распутство поблѣднѣетъ. Злой духъ рѣшается заманить поскорѣе къ Ижорскому—Веснова, чтобы онъ—Ижорскій—погубилъ своего друга. Ижорскій, дѣйствительно, получаетъ извѣстіе о томъ, что Весновъ къ нему ѣдетъ и, какъ-бы предчувствуя бѣду, рѣшается не принимать Веснова. Тогда Шишимора придумываетъ новую хитрость. Онъ знаетъ, что Ижорскій любитъ охо-

титься и уговариваетъ зайца заманить его въ одно глухое мѣсто, гдѣ притаились разбойники. Какъ заяцъ ни протестуетъ, но онъ долженъ повиноваться, и Ижорскій, несясь за зайцемъ, попадаетъ въ ловушку. Разбойники его ранятъ, онъ падаетъ съ коня, но вдругъ прибѣгаютъ Весновъ и Лидія: Весновъ убиваетъ атамана; разбойники разбѣгаются, а Лидія въ это время поддерживаетъ голову Ижорскаго. Итакъ, Ижорскій долженъ волей-неволей принять къ себѣ въ домъ Веснова и Лидію.

И вотъ въ этомъ домѣ, который послѣ выздоровленія Ижорскаго сталъ вновь притономъ игръ и разгула, разыгрывается кровавая драма: Ижорскій мраченъ по прежнему и раздраженъ въ особенности молчаніемъ и укоризненными взорами Веснова. Онъ подозрѣваетъ его въ какомъ-то обманѣ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ злобный Шишимора заставилъ его обратить вниманіе на сходство Ивана Сусанина съ княжной Лидіей. Эти подозрѣнія растутъ, но вотъ однажды Ижорскій застаётъ Веснова на колѣняхъ передъ Лидіей въ порывѣ невиннаго восхищенія. Ижорскій узнаетъ Лидію, думаетъ, что она любовница Веснова, убѣждается въ ея желаніи самымъ злостнымъ образомъ надъ нимъ посмѣяться, бросается на Веснова и закалываетъ его. Умирая, Весновъ говоритъ Ижорскому, какъ онъ неправъ въ своихъ подозрѣніяхъ, но Шишимора спѣшитъ увести Ижорскаго, захвативъ съ собой и лежащую въ обморокъ Лидію. Втроемъ мчатся они по дикой степи. Ижорскій мраченъ, и въ немъ начинаетъ шевелиться совѣсть. Видъ Лидіи, которая все еще не проснулась, тяготитъ его, и злой духъ начинаетъ его уговаривать бросить ее поскорѣй въ рѣку или оставить на произволъ судьбы здѣсь, въ безлюдной мѣстности. Послѣ нѣкотораго колебанія Ижорскій, дѣйствительно, оставляетъ Лидію на произволъ судьбы и съ Шишиморой мчитъ дальше на встрѣчу духовной смерти, которая должна низринуть его въ неугасимый пламень, схвативъ преступника желѣзными когтями. Подъ звуки торжественной музыки является Титанія и поетъ пѣсню надъ спящей Лидіей, общая ей небесное блаженство.

Послѣднее явленіе этой неистовой мистеріи разыгрывается на взморьѣ въ полночь. Ужасный Бука сидитъ на скалѣ и вызываетъ всѣхъ подвластныхъ ему демоновъ. Имъ—демонамъ воздуха, моря и земли приказываетъ онъ разъярить всѣ стихіи, чтобы Ижорскій, который вмѣстѣ съ Шишиморой взбирается на противоположный утесъ, созналъ весь ужасъ и всю безвыходность своего положенія. Терзаемый раздумьемъ и упреками совѣсти, стоитъ Ижорскій надъ пучиной. Стихіи вокругъ него бушуютъ, и такой же хаосъ въ его груди: онъ все не можетъ отвѣтить себѣ на вопросъ—правъ онъ или неправъ въ убійствѣ своего друга? Онъ, наконецъ, закликаетъ Шишимору разрѣшить это сомнѣніе и вотъ—послѣ столькихъ трудовъ, злой духъ, наконецъ, торжествуетъ. Онъ произноситъ ему ужасное, длинное проклятіе, въ которомъ рассказываетъ какъ

Весновъ и Лидія его беззавѣтно любили, какъ онъ, кровавый злодѣй, разрушилъ дивный чертогъ и погубилъ невинныхъ... Въ правотѣ своихъ словъ Шишिमора клянется даже именемъ самого Бога. „Ты призванъ былъ—говорить онъ Ижорскому—свѣтить міру, былъ созданъ для того, чтобы быть солью земли, и ты самъ сорвалъ съ своей головы вѣнецъ и разорвалъ свою порфиру, ты бросилъ свою святую часть на оскверненіе и на жертву псамъ и все это потому, что ты ожидалъ слишкомъ многого отъ человѣка, что ты приравниалъ его къ Богу; ты разочаровался въ немъ и тогда сталъ презирать его и думалъ, что иного отношенія, кромѣ звѣрскаго, люди не заслуживаютъ.. не угодилъ ты ни небу, ни аду, сталъ посмѣшищемъ для бѣсовъ и предметомъ презрѣнія для радостныхъ духовъ“. Приэтихъ словахъ, заключающихъ, очевидно, основную мысль всей мистеріи, Шишिमора начинаетъ превращаться въ огромное ужасное чудовище: онъ вырастаетъ до такихъ размѣровъ, что головой заслоняетъ выглянувшую изъ за тучъ луну, и голосъ его заглушаетъ громы. Ижорскій безъ чувствъ падаетъ подъ скалу. Съ громкимъ хохотомъ бѣсы готовы броситься на него и завладѣть имъ, но внезапно падаетъ передъ ними перунъ и является добрый ангелъ. Онъ говоритъ бѣсамъ, что Богъ сотворилъ людей не для нихъ, что Ижорскій упалъ со скалы, но не умеръ, что путь раскаянія для него не закрылся. Пусть невинно убіенные почіютъ на небесахъ, по этому „скорбному убійцѣ“ Господь дастъ еще долгіе годы страдальческой жизни, чтобы въ горнилѣ испытанья онъ могъ искупить свои грѣхи и спастись. Этими словами изреченъ приговоръ и надъ злобной темной силой: Шишимора превращается въ утесъ, Бука и Кикимора обращаются въ бѣгство, солнце восходитъ, добрый духъ исчезаетъ, сливаясь съ его лучами и... занавѣсъ опускается.

Это странное, мѣстами нелѣпое, произведеніе Кюхельбекера, при всей своей уродливости въ построеніи, при крупнѣйшихъ промахахъ въ мотивировкѣ поступковъ дѣйствующихъ лицъ, при антихудожественной примѣси псевдо-славянской мифологіи, наконецъ, при архаичности языка—можетъ всетаки гордиться своимъ родствомъ съ великими произведеніями западной словесности. Бѣлинскій былъ правъ, когда по поводу „Ижорскаго“ упомянулъ имена Гете и Байрона. Эта мистерія — отзвукъ философскихъ поэмъ въ родѣ „Фауста“, „Манфреда“ или „Каина“. На это указываетъ и ея чудесное, и борьба сильного человѣка съ обступившими его демонами, и роль спасительницы женщины, и вмѣшательство Бога въ жизнь преступника, и, наконецъ, психическій міръ самого невольнаго злодѣя, который сталъ преступникомъ лишь потому, что не хотѣлъ идти по избитой дорогѣ, по которой шли и идутъ остальные. Ижорскій долженъ былъ производить впечатлѣніе „доблестнаго бойца, ишедшаго съ честью изъ сраженія съ огромной ратницей судьбой“, онъ долженъ былъ напо-

мирать „могучихъ и сильныхъ сыновъ старой Греціи“, онъ долженъ былъ быть „мужемъ, вознесеннымъ надъ чернью“ ¹⁾ и, вѣроятно, въ третьей части „Ижорскаго“, не напечатанной, нашъ герой и оправдывать всѣ эти великія надежды. Какъ дѣйствующее лицо первыхъ двухъ частей мистеріи, онъ, конечно, скорѣе карриатура, чѣмъ типъ,—блѣдный, исхудавшій снимокъ съ великодушнаго оригинала. Отъ всѣхъ глубокихъ чувствъ и мыслей, которыми жили въ концѣ прошлаго и въ началѣ нашего вѣка задумчивые, разочарованные индивидуалисты—почти всегда преступники—отъ всей ихъ міровой скорби и ненависти, у Ижорскаго остались какіе-то темные, немотивированные намеки.

Ни ея основная идея, ни выполнение этой идеи не могутъ претендовать на какую-нибудь художественную стоимость. Значеніе этой поэмы чисто историческое: она—любопытнѣйшій документъ той борьбы народнаго съ иноземнымъ, самобытнаго съ „романтическимъ“, о которой мы говорили. Если мы хотимъ на примѣрѣ убѣдиться, какъ иностранныя литературныя теченія могли *механически*, а не *органически* сливаться съ зарождавшимися мотивами русскими, то болѣе нагляднаго примѣра искать нечего. Ижорскій, пародирующий Фауста и Манфреда, Шишимора въ роли Мефистофеля, Бука какъ Ариманъ и Лидія не то Ада, не то Маргарита—типичнѣе кавказскаго плѣнника и черкешенки, Измаилъ Бея и его ступницы—типичнѣе, конечно, не въ художественномъ смыслѣ.

Въ исторіи творчества самого Кюхельбекера мистерія „Ижорскій“ занимаетъ также особое мѣсто. Это самая рѣшительная попытка нашего патріота завоевать для русской литературы сразу цѣлую область лирической поэзіи и создать мистико-философскую лирическую драму. Попытка оказалась неудачной, и народность ничего не выиграла, но иначе и быть не могло: надо было пережить и выстрадать цѣлую историческую эпоху для того, чтобы научиться чувствовать и думать, какъ думали Фаустъ и его ближайшіе родственники.

Болѣе правдива и болѣе художественна по выполненію другая поэма нашего автора, та, которую онъ дописывалъ почти наканунѣ смерти, и которая стала какъ бы его предсмертной исповѣдью.

X.

Еще въ тѣ годы, когда Кюхельбекеръ было всецѣло поглощенъ основной идеей своей невѣроятной „мистеріи“, онъ одновременно работалъ надъ легендой о „вѣчномъ жидѣ“, сюжетомъ которой хотѣлъ воспользоваться для задуманной имъ грандіозной философской поэмы.

¹⁾ Ижорскій. Спб. 1835. 131, 132.

Поэма „Вѣчный Жидъ“—въ художественномъ и идейномъ смыслѣ произведеніе болѣе цѣнное, чѣмъ „Ижорскій“; символическое изложеніе міросозерцанія автора, какимъ оно было подъ конецъ его жизни. „Примѣчательный день—пишетъ Кюхельбекеръ въ своемъ дневникѣ 1834 года ¹⁾. Вынулъ поутру я изъ чемодана начало моего „Агасвера“, прочелъ его, и мысли, какъ продолжать, стали толпиться въ головѣ моей: если удастся—„Вѣчный Жидъ“ мой будетъ чуть ли не лучшимъ моимъ сочиненіемъ“. Спустя четыре мѣсяца онъ опять заноситъ въ дневникъ „Пересмотрѣлъ до обѣда начало „Вѣчнаго Жидѣ“, выправить—ничего не выправилъ, но, что хуже всѣхъ возможныхъ недостатковъ, цѣлое показалось мнѣ—скучнымъ“ ²⁾. Опасенія Кюхельбекера были не безъ основанія—поэма мѣстами, дѣйствительно, скучна, но за то этотъ недостатокъ искупается широко задуманной основной ея мыслью.

„Вѣчный Жидъ“ былъ начатъ въ 1832 году ³⁾ и первоначально былъ написанъ въ формѣ эпической поэмы. Въ 1834 году, по словамъ автора ⁴⁾, „Вѣчный Жидъ“ ожилъ для него въ одеждѣ „драматической мистеріи“. Въ воображеніи моемъ—пишетъ онъ—означились уже четыре главные момента различныхъ появленій Агасвера: первымъ будетъ разрушеніе Іерусалима, вторымъ—паденіе Рима, третьимъ—поле битвы послѣ Бородинскаго или Лейпцигскаго побоища, четвертымъ—смерть его (Агасвера) послѣдняго потомка, котораго мнѣ хотѣлось бы представить и вообще послѣднимъ человѣкомъ. Но между третьимъ и вторымъ должны быть непременно еще вставки, напр., изгнаніе жидовъ изъ Франціи въ XIV, если не ошибаюсь, столѣтіи“.

Первоначальный планъ поэмы, какъ видимъ, очень отрывоченъ и автору было бы очень трудно связать болѣе или менѣе удачно паденіе Рима прямо съ Наполеономъ и затѣмъ прямо съ кончиной міра. Въ послѣдней редакціи (1842 г.) планъ нѣсколько иной: поэма начинается съ появленія Христа на землѣ, и число эпизодовъ въ ней значительно увеличено.

Въ предисловіи авторъ очень подробно говоритъ объ основной мысли своего произведенія.

„Агасверъ—говоритъ Кюхельбекеръ—путешествуетъ изъ вѣка въ вѣкъ, какъ байроновъ Чайльдъ-Гарольдъ, изъ одного государства въ другое: передъ нимъ рисуются событія, и неумирающій странникъ на нихъ смотритъ не безпристрастно, не съ упованіемъ на радостную развязку чудесной драмы, которую видитъ, но какъ близорукій сынъ земли, ибо онъ съ того началъ свое поприще, что предпочелъ земное небесному“. „Небо, разумѣется,

¹⁾ Дневникъ 1834 г. «Русская Старина». Августъ, 1883, 265.

²⁾ Дневникъ 1834 г. «Русская Старина», Январь 1884, 77.

³⁾ Дневникъ 1832 г. «Русская Старина», Августъ, 1875, 506.

⁴⁾ Дневникъ 1834 г. «Русская Старина», Августъ, 1883, 265.

1. В соответствии с требованиями, указанными в пункте 1.1.1. настоящего Положения, в состав комиссии по рассмотрению жалоб на действия (бездействие) должностных лиц органов внутренних дел входят представители органов государственной власти, органов местного самоуправления, органов государственной безопасности, органов государственной судебной власти, органов государственной прокуратуры, органов государственной защиты прав потребителей, органов государственной защиты прав инвалидов, органов государственной защиты прав детей, органов государственной защиты прав пожилых людей, органов государственной защиты прав женщин, органов государственной защиты прав ветеранов, органов государственной защиты прав граждан, пострадавших от преступных посягательств, органов государственной защиты прав граждан, пострадавших от стихийных бедствий, органов государственной защиты прав граждан, пострадавших от террористических актов, органов государственной защиты прав граждан, пострадавших от действий (бездействия) должностных лиц органов внутренних дел.

«Судя по тому, как быстро и успешно юности в
этом городе. Так можно быть уверенным, что
будущее нашей страны, как и вообще, связано с
молодежью, с ее стремлением к новым знаниям и
творчеству».

Задача Кудельбекера, как видно, очень глубокая и сложная для него составительскую художественную форму было очень трудно. Форма эта не удалась Кудельбекеру и достоинство поэмы измеряется не ею, а ее содержанием и драматическим движением некоторых картин.

Из русской литературы „Вечный Жидъ“ былъ востанъ одной изъ первыхъ по времени „философскихъ“ поэмъ. Такія поэмъ въ 30-хъ годахъ попадались, но затѣмъ быстро исчезли.

„Вѣчный Жилъ“ — поэма безотрадная по мыслямъ и настроенію.

Его трагический характер вытекал естественно из самого сюжета, но востанки разработана этой легенды могла и не привести к такому окончательному пессимистическому взгляду на жизнь человека, который отделил в ней так ясно Кюхельбекер.

Христосъ могъ заставить жить еврея до своего второго пришествія затѣмъ, чтобы убѣдить его въ томъ, что тотъ, кого онъ оттолкнулъ, былъ истинный Сынъ Божій; Христосъ могъ явить Агасверу свою славу не на небесахъ только, а на землѣ и показать ему, что и здѣсь, среди людей, его ученіе восторжествовало и побѣждало. Кюхельбекеръ истолковалъ легенду иначе. Всѣ свои упованія онъ возложилъ на загробную жизнь и потому осудилъ весь процессъ развитія жизни человѣческой на землѣ, представилъ ее какъ длинную цѣпь совсѣмъ, повидимому, не целесообразныхъ страданій: всѣ эти страданія приводятъ человека въ концѣ концовъ къ тому же состоянію, съ котораго онъ началъ свое земное бытіе, т. е. къ состоянію полной дикости и огрубѣнія, среди которыхъ человѣка и застаѣтъ второе пришествіе Христа на землю.

Кюхельбекеръ какъ будто забылъ объ идеѣ прогресса, которую онъ такъ часто развивалъ въ своихъ сочиненіяхъ. Агасверъ, проживши съ человѣчествомъ всю его жизнь, не видитъ на землѣ никакого улучшенія. Начиная со смерти Христа и кончая французской революціей, въ мірѣ не замѣтно даже количественнаго прироста христіанскихъ идей и чувствъ. Только въ нѣкоторыхъ избранныхъ, единичныхъ людяхъ христіанская доктрина — и то понимаемая исключительно въ смыслѣ тяготѣнія къ небесному и

¹⁾ Предисловіе къ «Вѣчному Жиду». «Русская Старина», Мартъ 1878, 405.

въ смыслѣ презрѣнія къ земному—оставалась на одномъ уровнѣ глубины и силы. Христосъ побѣдилъ на землѣ въ лицѣ нѣкоторыхъ лишь героевъ, масса-же, толпа оставалась всегда непроевѣщеннымъ врагомъ всѣхъ этихъ избранныхъ. Съ вѣками она не измѣнилась и всегда и вездѣ Агасверъ могъ узнать въ ней все ту же толпу, которая распяла самого Учителя.

Такова основная мысль поэмы Кюхельбекера и, конечно, весь этотъ излишекъ пессимизма долженъ быть поставленъ на счетъ того чисто личного тяжелаго и подавленнаго настроенія, подъ гнетомъ котораго находился Кюхельбекеръ въ послѣдніе годы своей жизни, когда работалъ надъ этимъ произведеніемъ ¹⁾.

Все преступленіе Агасвера заключалось въ томъ, что онъ не умѣлъ смотрѣть на жизнь съ высоты и искалъ въ ней только земного счастья. Онъ не понималъ, что жизнь есть тѣнь, что время стираетъ людей съ лица земли, какъ ладонь стираетъ со стекла паръ отъ дыханія, что только одна вѣра въ Бога даетъ въ мірѣ счастье, что на всѣ вопросы сердца единственный и непреложный отвѣтъ—*тамъ*. Вотъ почему и смыслъ чудесъ Христовыхъ Агасверъ понималъ односторонне и рѣчь нѣмыхъ, и прозрѣніе слѣпыхъ, и возстаніе мертвыхъ принималъ за залогъ земного владычества Христа и, какъ истинный еврей-патріотъ, ждалъ, когда Христосъ возложитъ на себя вѣнецъ Давида и освободитъ поруганный Сіонъ. Но

Христосъ остался тѣмъ-же. чѣмъ и былъ:
Не грозный вождь, не дерзостный воитель,
Предъ коимъ въ страхѣ обращаютъ тылъ
Полки враговъ—нѣтъ! скорбныхъ утѣшитель,
Безсмертныхъ истинъ кроткій возвѣститель,
Недужныхъ другъ и врачъ больныхъ сердець ²⁾.

И вотъ за это-то Агасверъ возненавидѣлъ Христа. Онъ обожалъ въ немъ свою мечту, одну лишь ее: онъ думалъ видѣть въ немъ народнаго трибуна, который къ вѣчнымъ оковамъ равнодушенъ и не терпитъ только оковъ временныхъ. Агасверъ проклиналъ Христа за то, что онъ не счумѣлъ разгадать сердецъ народа и ввелъ насъ въ безплодное прельщеніе.

„Пусть религія не будетъ для васъ никогда средствомъ для достиженія мірскихъ цѣлей, какъ бы, впрочемъ, эти цѣли ни были благородны и высоки“—поясняетъ въ примѣчаніяхъ свою основную мысль Кюхельбекеръ. Даже тѣ, которые, какъ, напр., испанское духовенство въ войну съ Наполеономъ, употребляли вѣру для воспламененія любви къ отечеству и ненависти къ чужеземному владычеству—все-таки унижали ея чистую святость и въ

¹⁾ Это видно, напр., изъ первой пѣсни. См. стихи: «Безсмертныя свѣтлаго наслѣдникъ — я ли пребуду сердцемъ прилѣпленъ къ землѣ? etc. «Русская Старина» Мартъ. 1878, 407.

²⁾ «Русская Старина» Мартъ 1878, 412.

своихъ попыткахъ не слишкомъ разнествовали отъ утилитарнаго богохульства нѣкоторыхъ философовъ XVIII-го вѣка, говорившихъ, что религія—очень недурная выдумка для обузданія глупой черни ¹⁾“.

Великія испытанія ожидали Агасвера. Первое, что ему довелось видѣть, былъ разгромъ того самаго Іерусалима, ради славы котораго, какъ онъ думалъ, Христосъ пришелъ на землю. Большой кары Богъ не могъ придумать для этого патріота.

Пораженный этимъ страшнымъ урокомъ, Агасверъ впервые подумалъ о томъ, что, быть можетъ, Христосъ и впрямь Мессія и что, можетъ быть, согрѣшили тѣ, кто ожидалъ отъ сошедшаго съ небесъ владыки—владычества земного. Даже дьяволъ, который явился Агасверу и сталъ искушать его раціоналистическимъ объясненіемъ тѣхъ чудесъ, которыя съ нимъ творились—даже онъ не могъ подавить въ немъ этой мысли. Она все еще чаще и чаще его тревожила. Не правъ ли въ самомъ дѣлѣ тотъ, кто въ земномъ видитъ одно лишь тлѣніе и только въ духѣ—вѣчность?

Дальнѣйшая жизнь должна была убѣдить въ этомъ Агасвера.

Онъ видѣлъ Римъ въ моментъ его наивысшей славы, когда онъ предпочиталъ эту земную ничтожную славу—небесной ²⁾, онъ увидалъ эту приманку вблизи и пашель, что ея медь полонъ смертельной отравы... Гордость Агасвера помѣшала ему, впрочемъ, разсѣять свои сомнѣнія: не будь онъ такимъ гордецомъ, онъ могъ-бы здѣсь-же въ Римѣ увидать иную славу, даруемую Благодатью, онъ могъ увѣровать во Христа, глядя на его учениковъ... Но безсердечно и скептически смотрѣлъ Агасверъ на мученія Христовой паствы...

Впрочемъ, этотъ скептицизмъ не всегда выдерживалъ испытаніе жизни: присутствуя при смерти Григорія VII, папы римскаго, Агасверъ не дерзнулъ заклеить этого старца клеймомъ лицемѣра... онъ почувствовалъ силу духа надъ плотью. И на Вормскомъ сеймѣ, на диспутѣ Лютера, онъ испыталъ то же чувство: видя экстазъ Лютера и его побѣду, Агасверъ сначала пожалѣлъ, что Лютера не сожгли, какъ Гуса, но затѣмъ притихъ и, вспомнивъ свое прошлое, окаменѣлъ, и невольный вздохъ смѣнилъ его насмѣшку ³⁾. Наконецъ, увидалъ онъ и французскую революцію:

На тронѣ юноша задумчивый сидѣлъ,
Съ душой, исполненной любви и состраданья
Къ народу своему и чистаго желанья
Помочь его бѣдамъ. За всякій же предѣлъ
Бѣды тѣ перешли: приданенъ тяжелой дланью
Откупщика къ землѣ, обремененный данью
Правительству, дворянству, алтарю,

¹⁾ «Русская Старина». Мартъ. 1878, 416.

²⁾ «Русская Старина». Мартъ 1878, 428.

³⁾ «Русская Старина». Мартъ, 1878, 439, 446.

Крестьянинъ раннюю въ трудахъ встрѣчалъ зарю
 И отдыха не зналъ до самой поздней ночи,
 А дома—дѣти, голодъ, плачь и стонъ!
 Когда ему терпѣть не станетъ мочи
 Не въ тигра-ли переродится онъ?
 А между тѣмъ безпечная, какъ птичка,
 Порхала средь цвѣтовъ безпечно Австричка ¹⁾....

И Агасверъ ликовалъ, видя, какъ во всѣхъ слояхъ общества падало религіозное чувство; онъ думалъ и надѣялся, что вотъ, наконецъ, всё отъ Христа отступится, но его ожидало новое разочарованіе: въ самые мрачные дни революціи онъ увидалъ все ту же толпу праведниковъ, не пожелавшихъ отъ Христа отвернуться и погибшихъ во имя его. Они не убоялись гильотины и никто изъ нихъ не захотѣлъ отречься отъ Бога, и хотъ на словахъ признать себя „философомъ“.

Агасверъ бѣжалъ отъ этого новаго мѣста казни, какъ призракъ...

Такъ прожилъ онъ до кончины міра, когда одряхлѣвшій міръ сталъ единой пустыней; жизнь умирала: вновь родились допотопныя животныя, вновь зашныряли по землѣ мамонты, летяги и полипы, вновь закружились въ тяжеломъ воздухѣ птеродактиль и ящерца-птица; приходилось умирать и послѣдному человѣку. Онъ былъ холодный, дерзостный, безчувственный и надменный человѣкъ; у него не было ни жены, ни друзей, ни дѣтей, ни родины. Онъ завылъ, какъ неистовый волкъ среди степей, когда ему пришлось закрыть слѣпыя очи предпослѣдному человѣку,—который къ тому же былъ его заклятымъ врагомъ.

И вотъ этого-то послѣдняго человѣка принялъ Агасверъ въ свои объятія: на груди Агасвера испустилъ этотъ страдалецъ свой послѣдній вздохъ... Все живое на землѣ умерло и надъ ней занялась таинственная заря, предвѣщавшая второе пришествіе...

Такова была эта отчаянная предсмертная дума Кюхельбекера; на ней, какъ на образномъ рѣшеніи мировой загадки, остановился этотъ обманутый жизнью мечтатель. Вѣра въ человѣка была, какъ будто, имъ утрачена; вся исторія обратилась въ оскорбительную трагедію. Казалось, что всѣ высшія человѣческія стремленія, все духовное въ мірѣ должно для этого міра пройти безслѣдно, должно убѣдить человѣка лишь въ одной истинѣ—въ ничтожествѣ всякаго попеченія о земномъ, которое изъ зла возникло и ко злу должно возвратиться. Всякая мысль о приближеніи земного порядка къ идеалу небеснаго царствія какъ будто навсегда была покинута, а вмѣстѣ съ ней падало и самое дорогое для человѣка въ жизни—сознаніе цѣлесообразности истраченной имъ энергіи...

Это былъ ужасный бредъ, бредъ совсѣмъ больного человѣка. Только полнымъ разрушеніемъ силъ и надеждъ можно объяснить

¹⁾ «Русская Старина». Мартъ, 1878, 447.

такой предсмертный пессимизмъ у идеалиста, который и на свободѣ, и въ тюрьмѣ, и въ ссылкѣ продолжалъ вѣрить въ прогрессъ, создаваемый свободнымъ человѣкомъ подъ опекой милосерднаго Божества.

XI.

На такихъ минорныхъ нотахъ оборвалась пѣсня Кюхельбекера. Отъ нея можно было-бы ожидать иного, болѣе повышеннаго и бодрого тона, если бы жизнь самого поэта не сложилась такъ несчастно.

Кюхельбекеръ, какъ поэтъ, никогда не занялъ-бы виднаго мѣста въ литературѣ; какъ современникъ Пушкина, его друзей, Гоголя и Державина, онъ, конечно, не сказалъ-бы ничего своего, чего не сказали-бы лучше другіе. Какъ критикъ, онъ продолжалъ-бы безсистемно говорить о томъ, о чемъ потомъ убѣдительно и связно говорили Надеждинъ и Бѣлинскій.

Но жаль, что эта типичная личность энтузіаста не успѣла вполне развернуться и была такъ рано и неожиданно вырвана изъ общественнаго круга. Помимо того скромнаго значенія, какое имѣлъ Кюхельбекеръ, какъ художникъ и цѣнитель искусства, за его личностью нельзя не признать иной силы—для того времени также важной.

Этотъ несчастный „Виля“ или „Кюхля“, надъ стихами котораго такъ потѣшался Пушкинъ, не переставая уважать его, какъ писателя ¹⁾, этотъ „Анахарсисъ Клоцъ“, удивлявшій всѣхъ своими странностями—былъ искренно любимъ всѣми, любимъ за пламень, которымъ все его существо пылало...

„Онъ былъ воспламененъ, какъ длинная ракета“, писалъ про него Дельвигъ Пушкину послѣ событія 14-го декабря ²⁾, и дѣйствительно, воспламеняемость и воспламененность были два основныхъ качества его ума и темперамента—качества безспорно цѣнные, въ особенности, если припомнить, что религіозный восторгъ, культъ истины и красоты и, наконецъ, преклоненіе передъ свободой и справедливостью были тѣми идеями и чувствами высшаго порядка, въ соприкосновеніи съ которыми приходили въ такую тревогу и мысль, и фантазія, и рѣчь этого „искателя идеала въ жизни“. За такой порывъ можно было простить и слабость самой духовной силы человѣка.

Пусть литературные труды Кюхельбекера остаются лишь историческимъ памятникомъ изъ эпохи ранней борьбы нашей ли-

¹⁾ „Кюхельбекеръ человѣкъ дѣльный съ перомъ въ рукахъ“—Пушкинъ къ Вяземскому 1825 г. «Сочиненія Пушкина» ред. П. О. Морозова VII, 146.

²⁾ «Русскій Архивъ» 1880. II, 504. Шутливый тонъ объясняется тѣмъ, что письмо писано до объявленія приговора.

тературы за свою самобытность и оригинальность. Кромѣ этихъ трудовъ, современники имѣли предъ собой еще и личность самого поэта. Эта личность безспорно имѣла свою сферу вліянія, какъ многія и многія личности, страстные душевные порывы которыхъ, не смотря на всю ихъ невыдержанность, ихъ странности, не смотря на всѣ логическія и психическія противорѣчія, сыграли свою культурную роль при общей инертности нашей духовной и общественной жизни.

Н. Котляревскій.

Страданія чашу испивши до дна,
Онъ къ жизни вернулся изъ страшнаго гроба:
Развѣяны чары проклятаго сна,

Смирилась бездушная злоба!
Не сразу нашелъ я привѣта слова—
Перо отъ волненія изъ рукъ выпадало...
„...Все глухо, товарищъ; мерцаетъ едва
Далекій маякъ идеала.

Друзья? Ахъ, блаженны, блаженны стократъ
Погибшіе въ цвѣтѣ надеждъ и стремленій:
Не счесть намъ обидныхъ и горькихъ утратъ,
Трусливыхъ ошибокъ, паденій“!

И все описать я спѣшилъ безъ прикрасъ,
Что было за черные дни пережито;
И чувство обиды и гнѣва не разъ
Въ душѣ клокотало сердито...

Дрожащей рукою печать я срывалъ
Съ письма дорогаго изъ дальняго края.
Меня утѣшая, товарищъ писалъ,

Съ печалью шутливость мѣшая:
„Спасибо за вѣсти про старыхъ друзей!
Укрывшихся въ гавань отъ злого ненастья

Оставимъ... Пусть радость вкушаютъ! Сильнѣй
Печалить меня ихъ несчастья“.

И образъ знакомый мелькнулъ изъ-за строкъ.

Я долго сидѣлъ, молчаливый, смущенный...

Какъ нѣжности столько ты въ сердцѣ сберегъ,
Боецъ, подъ грозой непреклонный?

П. Я.

У Т Р О.

Р а з с к а з ъ .

(Изъ дальняго прошлаго).

Посвящается Александру Алексѣвичу Борисяку.

I.

Три дня океанъ бѣсновался.

Онъ ревѣлъ и вздымалъ свои громады, которыя бѣшено набрасывались на маленькій клиперъ „Красавецъ“ и словно хотѣли его поглотить.

Но „Красавецъ“ подъ штормовыми парусами и спущенными брамъ-стенгами ловко ускользалъ между волнами. Онъ взлеталъ вмѣстѣ съ водной, съ нею же падалъ и снова валеталъ на новый валъ, заливаемый сѣдыми гребнями.

Въ эти тяжелые дни свирѣпаго шторма не видно было ни солнца, ни неба подъ быстро несущимися клочковатыми черными облаками.

Мрачно кругомъ. Жутко было морякамъ на „Красавцѣ“. Не разъ въ этотъ штормъ приходилось ждать смерти.

Наконецъ, буря стала затихать и стихла.

И въ это прелестное раннее утро, океанъ заштилѣлъ.

Онъ былъ такъ очарователенъ и ласковъ, свѣтло-синій, въ своей гладкой мертвой зыби, такъ тихо, нѣжно и точно жалобно рокоталъ большими, но обезсиленными и лѣнивыми волнами, такъ ласково лизалъ бока клипера, что, казалось, океанъ одумался и раскаивается передъ моряками за то, что такъ напугалъ ихъ смертью.

А на высокомъ бирюзовомъ небѣ ни облачка. Бездонное и таинственное, оно вѣетъ лаской и своей непонятной загадочностью невольно манить къ себѣ вдумчиво-вопрошающіе взгляды.

А солнце, только что поднявшееся изъ-за горизонта, еще алѣющаго заревомъ, такое ослѣпительное, веселое и жгучее,

заливающее блескомъ все вокругъ, что казалось, говорить со-
скучившимся по немъ морякамъ:—Вотъ оно и я. Радуйтесь!

II.

Но это роскошное утро не радовало матросовъ „Красавца“, который, раскачиваясь на зыби, шелъ подъ парами, попыхи-
вая дымкомъ изъ своѣй бѣлой трубы, узловъ по восьми.

На палубѣ, гдѣ шла обычная утренняя „убирка“ и чистка, пронеслась вѣсть, что пропала „Діанка“.

И эта вѣсть смутила матросовъ и вызвала оживленные толки и предположенія.

Встревоженный и испуганный, подходилъ къ матросамъ приземистый и коренастый пожилой боцманъ Ивановъ и задабривающимъ голосомъ говорилъ:

— Братцы! Повинись, кто утопилъ капитанскую суку. Не сама же она бросилась въ море. Діанка была башковатая шельма... Повинись и шабашъ! Отдеруть вотъ и всего... А не объявится убивецъ Діанки, командиръ всѣхъ насъ вгонить въ тоску... Не бойсь, знаете, какъ онъ былъ приверженъ къ собакѣ... Команду обезсудить... Вздумаешь, что противъ его взбунтовались и присогласились извести Діанку...

Матросы встревоженно соглашались, что дѣло—„табакъ“ и что боцманъ по совѣсти говоритъ на счетъ тоски для команды. Только маленько „облещиваетъ“, будто „отдеруть и всего“. Изъ-за Діанки не меньше, какъ шкуру снимутъ, какъ съ Сидоровой козы.

Но никто не винился. Никто не видѣлъ, кто выбросилъ Діанку. Еще ночью, подъ утро, рулевые только видѣли, какъ она выбѣжала изъ каюты...

— Не доводи, вишаватый, капитана до обезумія... Объявись!—горячо убѣждалъ боцманъ.

Ни среди матросовъ, ни среди кочегаровъ, ни среди вѣстовыхъ не объявился убійца капитанской собаки.

Тогда боцманъ нахмурилъ черныя густыя брови, задвигалъ выдающіяся скулы своего приплюснутаго лица, выпучилъ круглые, какъ у совы, большіе глаза и, внезапно багровѣя и подрагивая ногой,—заговорилъ по настоящему:

— Такъ, слушай, безстыжій собачій сынъ... Слушай, подлюга-раздрайка...

И боцманъ сталъ сыпать самыя невѣроятныя ругательства; на которыя была только способна художественная выдумка всплывшаго и негодующаго боцмана. Онъ грозилъ, что подлеца, изъ-за котораго капитанъ на всѣхъ „обидится“, безпремѣнно разыщатъ, и ужъ тогда...

— Тогда,—воскликнулъ боцманъ, придумывавшій самыя жестокия наказанія,—тогда будетъ ему прописана плепорція въ триста линьковъ... Отшлифуютъ до безчувствія... Вгонятъ въ „чихотку“... И никакой форменный матросъ не пожалѣетъ „паршивую“ луду, чтобы ей подавиться Діанкой!..

Боцманъ выдержалъ паузу и прибавилъ:

— Такъ лучше сей же секундъ повинись!

И краснорѣчивыя предсказанія боцмана, и совѣты трехъ старыхъ „правильныхъ“ матросовъ: вслѣпить совѣсть и не поступать противъ товарищей, не поощряли лодыря сознаться.

Тогда негодующій боцманъ рѣшилъ произвести свое предварительное и скорое дознание.

По общему мнѣнію команды, онъ „дрался съ разсудкомъ и съ опаской“, и сильная его рука была „легкая“. И, дѣйствительно, боцманъ не очень серьезно ткнулъ въ лицо нѣсколькихъ лѣнивыхъ матросовъ, имѣвшихъ нѣкоторое основаніе питать недобрыя чувства къ Діанкѣ, и затѣмъ допросилъ слегка подозрѣваемыхъ.

Не получивъ признанія, боцманъ пошелъ допрашивать ненавистнаго ему продувного лодыря—Елисейку Зябликова.

Этотъ пригожій молодой матросъ изъ кантонистовъ, лѣниво оттиралъ суконкой мѣдный кнехтъ у борта на ютѣ и, казалось, не обращая вниманія на общую подавленность, беззаботно напѣвалъ себѣ подъ носъ какую-то разухабистую пѣсню.

Сильное и, казалось, основательное подозрѣніе, которое внушалъ Зябликовъ, въ боцманѣ еще болѣе усилилось при видѣ этой беззаботности лодыря.

И боцманъ не сомнѣвался въ виновности Зябликова.

Еще бы!

Не даромъ Зябликовъ не разъ при всѣхъ грозился, что придушить Діанку, и боцманъ не разъ видѣлъ, съ какой жестокостью Зябликовъ, при удобномъ случаѣ, билъ капитанскую собаку.

Въ свою очередь, и злопамятная Діанка ненавидѣла матроса.

Зябликовъ считался не только послѣднимъ матросомъ на клиперѣ, лодыремъ и трусомъ въ морѣ, но и ненадежнымъ лживымъ человѣкомъ, хвастуномъ, дерзкимъ на языкъ, съ которымъ лучше не связываться.

И матросы сторожились его и слегка побаивались.

Крупный и волосатый, съ вадувшимися жилами просмоленный кулакъ боцмана особенно сильно легъ на красивое и нѣсколько наглое лицо Зябликова.

Онъ довольно хладнокровно выдержалъ ударъ и, отступивши отъ боцмана, не безъ наглой и злорадной усмѣшки, искривившей его крупныя губы, спросилъ:

— Ты это за что?

— Не бойсь, знаешь за что, подлець!

— Зря дерешься. Не я подарилъ Діанку акуль-рыбамъ.

— Не ты? Кому-жъ другому подлецу?

— То-то не я. А по правдѣ скажу: очень даже радъ, что нашелся другой матросъ. Давно-бы Діанку въ воду... Не даромъ сучьяго вѣдомства... Подлѣй и обманнѣй была самой подлой бабы... Вродѣ быдто за боцмана бѣгала, подлая, въ палубу и тишкомъ цапала за ноги.

— За то Діанка и цапала тебя, что ты подлый матросъ. Понимала тебя. Ты извелъ животную. Побереги лучше шкуру. Не барабанная. Винись, кантонищина.

— Считаешь себя умнымъ, а зря грозишься. Давно утопилъ-бы Діанку, еслибъ польстился на такое дѣло.

— И льстился. Обѣщаль придушить собаку.

— Мало-ли что скажешь отъ игры ума.

— Врешь! Ты утопилъ Діанку. Не губи людей. Признавайся. Не признаешься, такъ все равно по совѣсти тебя отлепортую. Всѣмъ извѣстно, какой ты арестантъ.

— А ты, еще быдто, праведный судья! Такъ докажи, что я утопилъ Діанку. Докажи, правильнѣй боцманъ!

Боцманъ пришелъ въ ярость.

Чувствуя неодолимую потребность возмущеннаго чувства сію же минуту истерзать это красивое и словно издѣвавшееся лицо, онъ бросился къ Зябликову съ поднятымъ кулакомъ.

Но тотъ отскочилъ.

Въ ту-же минуту боцманъ и матросъ увидѣли старшаго офицера, поднимавашагося на мостикъ.

Тогда Зябликовъ умышленно громко проговорилъ притворнымъ обиженнымъ тономъ:

— За что безвинно дерешься, боцманъ! Не очень-то дозволено звѣрствовать. Старшій офицеръ не похвалитъ!

— Ты... ты утопилъ Діанку. Ты, подлая тварь!—сдавленнымъ увѣреннымъ голосомъ прохрипѣлъ боцманъ.

И погрозивъ кулакомъ, бросилъ на матроса взглядъ, полный злобы и презрѣнія, и пошелъ въ припрыжку на бакъ.

Зябликовъ снова сталъ оттирать кнехтъ, но ужъ больше не напѣвалъ и взглядывалъ на небо и на океанъ встревоженными глазами.

Беззаботность съ его лица вдругъ исчезла.

III.

Послѣ трехъ, почти безсонныхъ сутокъ, и послѣ страшнаго душевнаго напряженія, пережитого трусливымъ человѣкомъ, который долженъ былъ скрывать отъ людей и опасность кли-

пера и—главное—свой страхъ передъ смертью, минутами, казалось, неминуемой,—старшій офицеръ сегодня проспалъ. Онъ не поднялся, какъ обыкновенно, съ командой и не раздражался, упрекая себя.

Радостный, что онъ держалъ себя молодцомъ въ штормъ, и капитанъ, кажется, доволенъ имъ, что опасность прошла и „Красавецъ“ такъ хорошо выдержалъ страшный штормъ,—старшій офицеръ чувствовалъ себя счастливымъ и жизнерадостнымъ и, казалось, ощутилъ всѣмъ своимъ существомъ всю прелесть роскошнаго утра, которой прежде не замѣчалъ.

Весь въ бѣломъ, невысокаго роста, съ длинными разчесанными рыжеватыми бокенбардами, обрамляющими широкое и скуластое загорѣлое лицо, нѣсколько осунутое послѣ шторма, съ маленькими глазами и мясистыми щеками, старшій офицеръ стоялъ на краю мостика, вдыхая полной грудью чудный морской воздухъ, вѣющій свѣжестью океана. Онъ взглядывалъ и на небо, и на океанъ и, видимо довольный собой и природой, обратился къ вахтенному офицеру:

— А вѣдь чудное утро, Викторъ Андреичъ.

— Прелесть, Павелъ Никитичъ!—восторженно воскликнулъ совсѣмъ юный мичманъ.

— И океанъ какой... А вѣдь какую штормягу задать... я вамъ скажу!

О штормѣ, который наводилъ на старшаго офицера трепетъ и заставлялъ уходить въ каюту и тамъ рыдать и молиться, чтобъ снова скрывать на людяхъ малодушный страхъ,—старшій офицеръ сказалъ нѣсколько небрежнымъ тономъ и, самодовольно улынувшись, прибавилъ:

— Не бойсь, Викторъ Андреичъ, сердце ёкало?

— Совсѣмъ перетрусилъ... До стыда трусилъ, Павелъ Никитичъ!—отвѣтилъ мичманъ и, считая себя бесконечно виноватымъ за то, что онъ такой трусъ, смутился и покраснѣлъ.

— Ничего... Попривыкните, Викторъ Андреичъ,—покровительственно сказалъ старшій офицеръ.—И я въ первый свой штормъ, который испыталъ, когда былъ мичманомъ, вспоминалъ Бога. Однако, посмотрѣть „убирку“... И то проспалъ сегодня!—прибавилъ Петръ Никитичъ.

И словно бы считая неудобнымъ быть при матросахъ необыкновенно радостнымъ и счастливымъ, онъ спустился съ мостика съ серьезнымъ и озабоченнымъ лицомъ доки старшаго офицера и пошелъ на свой обычный утренній осмотръ клипера.

Когда Павелъ Никитичъ спустился, сопровождаемый боцманомъ, въ палубу, боцманъ нашелъ, что время было доложить старшему офицеру о бѣдѣ и—не при матросахъ, а безъ свидѣтелей, когда старшій офицеръ, по мнѣнію Иванныча,

кое-что понимающаго въ психологiи, легче „входить въ понятіе“.

IV.

— Осмѣлюсь доложить, ваше благородіе!..—угрюмо началъ боцманъ.

— Осмѣливайся... докладывай, Ивановъ!—съ шутливымъ благоволеніемъ сказалъ старшій офицеръ...

— Команда—вродѣ потерянной изъ за этой бѣды, что стряслась, ваше благородіе!—еще подавленнѣе и угрюмѣе докладывалъ боцманъ на ходу.

— Что такое? Какая бѣда, скотина?—тревожно спросилъ старшій офицеръ, внезапно остановившись и повернувшись къ боцману.

И маленькіе, только что веселые глаза сердито забѣгали и зло смотрѣли на боцмана, вдругъ испортившаго превосходное настроеніе Павла Никитича.

— Діанка пропала, ваше благородіе!—промолвилъ боцманъ съ такимъ мрачнымъ видомъ, точно сообщалъ о необыкновенномъ несчастіи.

— Капитанская собака? Діанка? Куда ей пропасть?—испуганно протянулъ старшій офицеръ, еще не повѣрившій, казалось, этому неожиданному и крайне непріятному извѣстію.

Онъ зналъ, какъ любитъ командиръ „Красавца“, капитанъ 2 ранга Бездолинъ, Діанку—и какое произведетъ на него впечатлѣніе пропажа его единственнаго и вѣрнаго друга, какъ называлъ Діанку молчаливый и хмурый капитанъ.

— Весь клиперъ обшарили съ капитанскимъ вѣстовымъ Мартышкой, ваше благородіе! Нигдѣ нѣтъ. Мартышка вовсе взревѣлъ отъ страха... Бѣда!

— Такъ гдѣ-же Діанка?—растерянно спросилъ Павелъ Никитичъ.

Боцманъ не безъ снисходительности къ безмысленному вопросу старшаго офицера отвѣтилъ:

— Надо полагать, что за бортомъ, ваше благородіе!..

— Конечно, за бортомъ, оселъ!.. Значить, матросы? Этакая возмутительная подлость!.. Ты, боцманъ, какъ допустилъ? Какъ опозорилъ своего старшаго офицера? Понимаешь-ли, что матросы сдѣлали?—рѣзко и отчеканивая слова, говорилъ Павелъ Никитичъ, слегка блѣднѣя.

„Пустой челоуѣкъ. Одинъ форсъ, и нѣтъ настоящаго понятія. Только одного себя обожаетъ и о себѣ понимаетъ!“—подумалъ боцманъ.

И, взволнованный огульнымъ обвиненіемъ команды, онъ горячо проговорилъ:

— Команда не причинна, ваше благородіе!

— Врешь!.. Потатчикъ!

— Дозвольте обсказать, ваше благородіе!

— Ну?

— Врать не стану, ваше благородіе, что команда не очень уважала капитанскую собаку, за ейный подлый характеръ. Животная, а понимала себя вродѣ быдто начальницы и кусалась. Докладывалъ вашему благородію, что многіе обижались на собаку... Однако, какъ передъ Богомъ, говорю... Въ мысляхъ даже не было, чтобы сообща взбунтоваться противъ Діанки и утопить... Все таки безсловесная животная, а вродѣ какъ душегубство. Это развѣ самый послѣдній матросъ выдумаетъ и, не спросясь, утопить животную... Защитите команду, ваше благородіе... Явите милость! Обскажите капитану, что команда непричинна.

Горячее предстательство боцмана, казалось, убѣдило старшаго офицера, что матросы не осмѣлились такъ нагло нарушить дисциплину.

И нѣсколько успокоенный, что хмурый капитанъ не спешетъ съ клипера своего старшаго офицера за распущенность матросовъ, вызвавшую бунтъ,—Павелъ Никитичъ уже менѣе гнѣвно посмотрѣлъ на боцмана и спросилъ:

— Кто этотъ подлецъ?

Боцманъ, только что, въ пылу гнѣва, обѣщавшій Зябликову указать на него, какъ на виновника, былъ убѣжденъ, что назови онъ Зябликова,—и онъ, и команда будутъ спасены.

Но послѣ мгновенной душевной борьбы, онъ торопливо и рѣшительно отвѣтилъ:

— Не могу знать, ваше благородіе!

И на душѣ боцмана вдругъ стало спокойнѣе и яснѣе. Онъ точно нашелъ разрѣшеніе душевной смуты противъ правды.

— Долженъ знать!.. Убѣждалъ, чтобы виновный признался?

— Сказывалъ, ваше благородіе.

— Говорилъ, что за одного негодяя всѣ отвѣтятъ?

— Говорилъ, ваше благородіе.

— И молчить?

— Молчить.

— Кого подозрѣваешь?

— Можно и ошибиться, ваше благородіе.

— Однако?..

— Грѣха на душу не приму, ваше благородіе..

— Какой тутъ грѣхъ?.. Навѣрно Зябликовъ?

— Пыталъ. Не оказываетъ, чтобы онъ, ваше благородіе.

Старшій офицеръ на минуту задумался.

И, наконецъ, поднявъ на лицо боцмана упорный и злой взглядъ, приказалъ:

— Чтобы къ шести склянкамъ, какъ капитанъ проснется, мнѣ было извѣстно, кто этотъ подлецъ. Понялъ?

— Понялъ!—съ суровымъ спокойствіемъ отвѣтилъ боцманъ.

— Чтобы разыскать мерзавца. Если не сознается, скажи, кого подозрѣваешь, чтобы я могъ доложить капитану.. А не то...

И, оборвавъ рѣчь, старшій офицеръ пошелъ дальше.

V.

— Приказалъ!? — съ выраженіемъ презрительной злости прошепталъ боцманъ.

И прибавивъ нѣсколько особенно унизительныхъ ругательствъ въ женскомъ родѣ, выскочилъ изъ кубрика на палубу.

Онъ счелъ долгомъ позвать унтеръ-офицеровъ и нѣсколькихъ старыхъ матросовъ, чтобы услышать ихъ мнѣнія на счетъ того, что рѣшилъ. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ собрались на тайне совѣщаніе въ подкиперской каютѣ.

И тогда боцманъ взволнованно и горячо сказалъ:

— Ну, братцы! Вовсе дырявая душа у старшаго офицера. Вродѣ, какъ обгаженный заяцъ. Всю команду продать, чтобы только ему не попало. Выдать ему къ шести склянкамъ того, на кого подозрѣніе, чтобы старшій офицеръ доложилъ капитану... Такъ пусть самъ разыскиваетъ, а я, братцы, не согласенъ „лепортовать“ на Зябликова! Пусть и онъ, подлюга, утопилъ Діанку, а я не согласенъ.. А тамъ какая ни выйдетъ и мнѣ и всѣмъ „люзерюція“, хоть бы съ меня спустили шкуру и разжаловали изъ боцмановъ. Такъ ли, братцы?

Старый кривоглазый матросъ Бычковъ первый проговорилъ:

— Это ты правильно, Иванычъ! Начхать на старшаго офицера, ежели онъ такъ подло о насъ полагаетъ! Не до смерти же будутъ шлиховать за суку. Не бойсь, примемъ „плепорцію...“ Примемъ! Шкура наростетъ.

Бычковъ говорилъ спокойно и увѣренно, точно подбадривалъ и всѣхъ, и себя.

Его всѣ поддерживали. Раздались голоса:

— Некуда двинуться..

— Мы не кляузники!

— Не бойсь, Бога помнимъ!

— Обидно изъ за такого подлеца Зябликова отвѣчать, а ничего не подѣлаешь!

Только два унтеръ-офицера молчали.

По ихъ лицамъ было видно, что они недовольны рѣшеніемъ боцмана.

Но этика прежнихъ матросовъ не допускала кляузъ по начальству, и оба унтеръ-офицера не имѣли смѣлости сказать, что изъ за Зябликова не стоитъ терпѣть, и можно бы указать на него.

Рыжій веснущатый унтеръ-офицеръ, наконецъ, предложилъ сейчасъ-же форменно своротить рожу Зябликова и пристращать, что на берегу его избыють до полусмерти.

— Тогда повинится!—прибавилъ рыжій.

Боцманъ нахмурился и сердито спросилъ рыжаго:

— Это ты куда гнешь? По какой такой совѣсти?

Рыжій заморгаль газами и, точно не понимая вопроса, отвѣтилъ:

— Я, слава Богу, по совѣсти, Иванычъ.

— Такъ не верти лисьимъ хвостомъ... Ежели избить сейчасъ Зябликова, такъ сразу обозначится, на кого мы указываемъ.. Почтище кляузы придумаль.. А еще „по совѣсти“!

— Не въ домекъ, значить, Иванычъ.. Не сообразилъ, значить!—увильнулъ унтеръ-офицеръ.

— То-то, непонятливый! — насмѣшливо проговорилъ боцманъ.—На берегу Зябликова проучимъ а, пока что, какъ Богъ дастъ, какая будетъ отчаянная раздѣлка отъ капитана! Онъ придумаетъ!—прибавилъ угрюмо боцманъ.

Всѣ подавленно молчали. Никто не сомнѣвался, что капитанъ „вгонитъ въ тоску“ за Діанку.

Хотя капитанъ очень рѣдко наказываль линьками и никогда не дрался, а между тѣмъ, внушалъ какой-то, почти суевѣрный страхъ именно рѣдкостью, но за то и безпощадностью наказаній.

И главное—онъ словно гипнотизироваль матросовъ своею загадочной молчаливостью и суровой нелюдимостью. Всегда на верху во время штормовъ и непогодъ чистый „дьяволъ“, какъ говорили матросы, спокойный, никогда не испытывшій ни маѣйшаго страха, онъ въ другое время рѣдко выходилъ на верхъ изъ каюты, и никому, ни офицерамъ, ни матросамъ, не сказалъ за годъ ни одного привѣтливаго слова. Только одной „Діанкѣ“ и показываль расположеніе. „Мартышку“, какъ всѣ звали на калиперѣ капитанскаго вѣстового, ни разу не ударилъ. А „Мартышка“ боялся капитана несравненно больше, чѣмъ прежняго своего драчуна капитана.

„Мартышка“ испуганно на бакѣ рассказываль:

— И лба не перекрестить. И ничего не боится. И глаза страшные, такіе пронзительные и горятъ. И все читаетъ книжки. И ни разу къ обѣду офицеровъ, по положенію капитанскому, не звалъ. И въ каютъ-компанію его никогда не звали. Однимъ словомъ, вовсе будто съ дьяволомъ знается!—таинственно прибавлялъ Мартышка.

— Однако, валимъ, братцы, и къ мѣстамъ!—проговорилъ боцманъ, закрывая засѣданіе.

— А я, Иванычъ, сейчасъ попытаю Елисейку..—неожиданно сказалъ кривоглазый матросъ.

— Какъ?

— А добромъ, Иванычъ.

— Простъ ты, Бычковъ!.. Съ Елисейкой ни крестомъ, ни пестомъ... Оглашенный!

— Не говори, Иванычъ. Зналъ такую заводку. Былъ на „Орлѣ“ со мной такой же оглашенный. Ругали да били его до точки и вдругъ... добромъ. Онъ и поворотъ на другой „галцы!“

— Что-жъ, попытайся, Бычковъ... Только зря...

Всѣ поднялись на верхъ.

Боцманъ сталъ обходить палубу и, приглядывая за „убиркой“, покрикивалъ:

— Поторапливай, черти! Не копайсь, братцы, такіе сякіе.

И когда замѣчалъ очень подавленные лица молодыхъ матросовъ, тихо прибавлялъ:

— До срока не входи въ тоску... Духомъ не падай, матросики!.. Чище валяй... Не жалѣй суконокъ...

И въ грубоватомъ голосѣ боцмана звучала подбодряющая, почти ласковая нотка.

Тѣмъ временемъ Бычковъ „пыталъ“ Зябликова „добромъ“.

— И команда не вѣрить?... А ты, Бычковъ, хоть и по хорошему пытаешь—спасибо и за то—а зря пытаешь! Не топилъ я Діанки... Знаешь ты, кто ее потопилъ?

— А кто?

— По моему понятію, самъ капитанъ и потопилъ.

— Это какъ-же понять, Зябликовъ?

— Обмозгуй и поймешь! Не мирволь онъ подлой сукѣ... при немъ бы и осталась. Не было бы и смуты... Капитанъ, значить, совсѣмъ виноватый, что рѣшился своей собаки... И выходить, быдто самъ потопилъ... Смотри за подлой, чтобы не кусала людей... И, что еще объясню, Бычковъ?...

— Что?

— Загадливый у насъ капитанъ... Страшный!.. А можетъ, не такой онъ окажется страшный. И дойдетъ, что самъ виноватъ. То-же и понять надо всякаго человѣка... Вы не понимаете и думаете: большая будетъ отмѣстка, а я понимаю его и за Діанку не боюсь, хоть и помню, какъ меня приказалъ раздѣлать!—хвастливо проговорилъ Зябликовъ.

Бычковъ сообщилъ боцману о неудачѣ своей попытки и о словахъ Зябликова и прибавилъ:

— А вѣдь Елисейка правду выдумалъ.

— То-то подлецъ съ понятіемъ... Не держи капитанъ та-

кой собаки!—серdito сказаьь боцманъ... А Елисейка вретъ... Это онъ потопилъ Діанку!..—прибавилъ боцманъ.

— А Богъ его знаетъ, Иванычъ. Онъ-ли? И хвастаетъ, что не боится капитана за Діанку. Не такой, молъ, страшный.

— А ты вѣрь! И простъ же ты, Бычковъ. Вовсе ты простъ! Пробило шесть склянокъ.

— Пойти къ дырявой душѣ!

И боцманъ пошелъ на мостикъ.

— Разыскаль?—спросилъ старшій офицеръ.

— Никакъ нѣтъ, вашъ благородіе!

— Такъ укажи, кого подозрѣваешь!

— Ни на кого не имѣю, ваше благородіе.

— Такъ ты Зябликова покрываешь? Вотъ ты какой боцманъ. Я тебѣ покажу!—говорилъ взбѣшенный старшій офицеръ.

И онъ наскочилъ на боцмана и подносилъ къ его темно-красному широкому носу свой маленькій бѣлый кулакъ.

Боцманъ не спускалъ своихъ вытаращенныхъ глазъ со старшаго офицера.

Тогда онъ ударилъ боцмана по лицу и, словно бы вдругъ облегченный, крикнулъ:

— Ступай...

И, обратившись къ вахтенному офицеру, сказалъ:

— Конечно, это тварь Зябликовъ! Я такъ и доложу капитану.

Въ ту же минуту изъ капитанской каюты выскочилъ Мартышка и подбѣжалъ къ боцману.

— Встаетъ!—сказалъ вѣстовой.

— Хватился Діанки?

— Нѣтъ... Сей секундъ хватится. И что только будетъ!

И Мартышка во всѣ лопатки полетѣлъ на камбузъ—сказать коку, чтобы варилъ кофе.

О томъ, что капитанъ всталъ, стало извѣстно на палубѣ.

Подавленные и испуганные, люди притихли. На палубѣ воцарилась мертвая тишина.

Никто и не взглянулъ на стаи бѣлоснѣжныхъ альбатросовъ, рѣющихъ въ прозрачномъ воздухѣ.

VI.

Діанка, изъ за исчезновенія которой сто тридцать чело-вѣкъ переживали жуткій страхъ, дѣйствительно заслужила при жизни ненависть команды „Красавца“.

Это была необыкновенно умная и лукавая молодая двор-няжка, небольшая, гладкая, темно каштановаго цвѣта, съ пу-шистымъ хвостомъ „кренделькомъ“ и торчащими ушами, въ

которой, казалось, были всё подлыя черты, возможные только въ лживой собакѣ, попавшей случайно въ привилегированное высокое положеніе.

Въ присутствіи капитана Діанка казалась самой порядочной и доброй собакой и, стараясь показывать капитану горячую преданность, она заглядывала ему въ глаза, лизала его руки и была особенно нѣжна и лстива, когда ей хотѣлось получить вкусную кость на тарелкѣ. Нечего и говорить, что Діанка была послушна и предупредительна, угадывала желанія капитана, не осмѣливалась при немъ выражать своего неудовольствія и старалась какой-нибудь забавной штукой обратить на себя вниманіе капитана и заставить его улыбнуться...

Съ офицерами Діанка была привѣтлива и даже лстива, когда приходила на мостикъ полежать на припекѣ, безъ капитана, и знала, что вахтенный офицеръ не особенно доброжелателенъ къ ней. Но стоило показаться капитану, чтобъ Діанка стала держать себя независимо и подчасъ вызывающе. И тогда смѣлѣй попадалась подъ ноги офицеру и даже ворчала, если ее отгоняли.

Съ матросами Діанка положительно была заносчива и требовательна на почтеніе отъ нихъ, особенно, когда была въ близкомъ сосѣдствѣ съ капитаномъ или съ офицеромъ. Но если ей случалось оставаться безъ защиты, она принимала обиженный и предупредительный видъ и улепетывала въ капитанскую каюту или на мостикъ, лишь только замѣчала серьезныя намѣренія какого нибудь матроса незамѣтно ткнуть или ударить ее.

Она просто таки не терпѣла матросовъ.

При всякомъ удобномъ случаѣ Діанка показывала недобрыя чувства и даже презрѣніе къ нимъ и старалась куснуть матроса помоложе, точно понимая, что такой побойтся серьезно огрѣть капитанскую собаку, и нападала на него съ большимъ коварствомъ и обыкновенно не въ присутствіи капитана,

Съ самымъ подлѣйше-невиннымъ видомъ собаки, словно бы почувствовавшей раскаяніе, и потому виновато и лстиво вилявшей хвостомъ, приближалась она къ матросу. И когда тотъ довѣрчиво начиналъ трепать Діанку, она быстро кусала и удирала на мостикъ.

Съ высоты мостика, вблизи вахтеннаго офицера, она съ прежнимъ, словно бы насмѣшливымъ, спокойнымъ высокомеріемъ смотрѣла на обманутаго и, казалось, думала:

„Однако этотъ матросъ глупѣе щенка“.

Но необыкновенная изобрѣтательность Діанки шла дальше. Она приняла на себя хлопотливую и во всякомъ случаѣ не-

безопасную обязанность, которая особенно нравилась ей, удовлетворяя ея злыя чувства къ матросамъ.

Какъ только раздавался окрикъ боцмана: „Пошелъ всѣ на верхъ!“ и матросы торопливо выбѣгали на палубу, Діанка, какъ бѣшеная, летѣла внизъ и кусала за икры послѣднихъ, поднимающихся по трапамъ матросовъ, при чемъ чувствительнѣе кусала тѣхъ, кто внушалъ ей большую ненависть.

Какъ ни лукава была Діанка, налетавшая на матросовъ изъ засады и стремительно, ей всетаки приходилось получать торопливые пинки. Они озлобляли собаку и только изощряли ея хитрость, усиливая кровожадное удовольствіе охоты.

Чаще другихъ и ожесточеннѣе билъ Діанку, когда ловить ее въ палубѣ, Зябликовъ, нерѣдко ходившій съ покусанными икрами.

Взаимная ненависть ихъ усиливалась, и они боялись другъ друга.

Едва ли команда была увѣрена, что командиръ знаетъ о такой коварной охотѣ за матросами. И отъ кого могъ онъ узнать о слегка покусанныхъ? Правда, боцманъ два раза докладывалъ старшему офицеру о подломъ характерѣ Діанки и о томъ, что ребята „обижаются“ на нее.

Но Павелъ Никитичъ только смѣялся и говорилъ:

— Глупости Со вадоромъ лѣзешь.

Павелъ Никитичъ и большинство офицеровъ восхищались выдумкой умной собаки, которая подгоняетъ лодырей, слегка хватая за ноги.

Только докторъ Иванъ Афанасьевичъ, не особенно дружившій съ каютъ-компаніей, штурманъ, недолгоблюдавшій флотскихъ, и одинъ мичманъ возмущались.

Но никто не рѣшился обратить вниманіе командира на поведеніе Діанки. Старшій офицеръ отказался докладывать капитану о „вадорѣ“,—о томъ, что собака, играя, носится за матросами, а другіе не хотѣли вмѣшиваться не въ свое дѣло.

Да капитанъ и ни съ кѣмъ не входилъ въ разговоры. Только говорилъ по службѣ и былъ лакониченъ.

Въ офицерахъ капитанъ возбуждалъ непріятное и досадное чувство робости и какого-то невольнаго страха передъ импонирующей властью неустрашимости и дерзкаго хладнокровія. Его одиночество и нелюдимость, и суровая молчаливость интриговали и оскорбляли офицеровъ. Всѣ были недовольны мрачнымъ капитаномъ, какъ часто называли его.

Не смотря на годъ командованія клиперомъ, онъ оставался неразгаданнымъ и загадочнымъ. Конечно, еще чаще судачили о немъ въ каютъ-компаніи и пробирали его. Главнымъ образомъ, за то, что держитъ себя отчужденно и, нарушая морскія традиции, не приглашаетъ офицеровъ по оче-

реди къ себѣ обѣдать, отказался разъ навсегда обѣдать по воскресеньямъ въ каютъ-компаніи и на берегу тоже одинъ. А со старшимъ офицеромъ, своимъ ближайшимъ помощникомъ, еще молчаливѣе и скрытнѣе и не особенно даетъ ему самостоятельности. И это случилось какъ-то само собой, безъ объясненій съ какой бы то ни было стороны. Капитанъ, казалось, не очень-то цѣнить Павла Никитича, но не разноситъ. А Павелъ Никитичъ старается еще болѣе и еще болѣе боится капитана. Капитанъ никого не хвалитъ и никому не дѣлаетъ рѣзкихъ замѣчаній. И, будто не довѣряя никому, во время шторма или во время плаванія въ опасныхъ мѣстахъ не сходить съ мостика и простаиваетъ долгіе часы подрядъ, ни съ кѣмъ не совѣтуясь. Онъ только приказываетъ.

Интересной и пикантной темой въ каютъ-компаніи было самое неожиданное для всѣхъ согласіе Бездолина на назначеніе его командиромъ „Красавца“ взамѣнъ заболѣвшаго капитана.

А Бездолинъ недавно вернулся изъ трехлѣтняго дальняго плаванія, пробылъ съ семьей только полгода и... снова въ дальнее плаваніе на три года...

Развѣ было можно морякамъ не „ошалѣть“ отъ удивленія, если жена капитана была, конечно, обворожительная женщина тридцати лѣтъ и двое дѣтей у нихъ, разумѣется, прелестныя?

И послѣ долгой разлуки только шесть мѣсяцевъ оставаться съ „очаровательной“ и „прелестными“ дѣтьми?

Конечно, явилось, предположеніе о „страшной“ семейной драмѣ.

Разумѣется, нашелся въ лицѣ мичмана Нельмина сплетникъ не безъ „выдумки“, который, какъ всѣ сплетники, зналъ „все... все“ про ближнихъ и потому, конечно, мѣсяца черезъ два послѣ ухода изъ Кронштадта сообщилъ въ каютъ-компанію имя любовника очаровательной жены капитана и...

— Вы понимаете?!—воскликнулъ съ увлеченіемъ мичманъ.

И на основаніи письма одного товарища, полученнаго въ Гревсендѣ, письма, въ которомъ сообщались смутные слухи, мичманъ разсказалъ съ подробностями, именно и обличавшими сплетню, о томъ, какъ „безумно-влюбленный“ въ жену Бездолинъ, истосковавшійся въ три года, вдругъ узналъ, что его; молодого еще мужа, очаровательная промѣняла... на адмирала Трилистнаго... „Очаровательная“ могла хранить вѣрность только годъ, и затѣмъ...

— Вы понимаете?—снова воскликнулъ мичманъ словно бы для того, чтобы слушатели понимали, что онъ несомнѣнно вретъ.—Вы понимаете, въ какой ужасъ пришелъ Бездолинъ отъ такой подлости своей Муні. Вы догадываетесь, господа, какъ поздно прозрѣлъ онъ, что женатый человѣкъ, у котораго

очаровательная жена, рискует уходить въ плаваніе на три года... И на кого промѣнять? Вы вѣдь знаете какой старый, „цинготный“ адмиралъ? Ну, Бездолинъ сурово сказалъ Мунѣ, что она... вродѣ какъ дама изъ Амстердама... Онъ всетаки безгранично ее любилъ, но „прощайте отнынѣ навсегда... О, Муня! Наслаждайтесь жизнью со старымъ козломъ“... И немедленно мундиръ и къ министру... Вотъ откуда это назначеніе командиромъ „Красавца“...

— И врешь же ты, какъ сивый меринъ!.. Вѣдь жена провозжала мужа въ день ухода... И капитанъ каждый вечеръ уѣжалъ съ клипера въ Петербургъ... И адмиралъ Трилистный родной дядя Марьи Николаевны!.. Неправдоподобно совралъ! — вдругъ проговорилъ товарищ Нельмина.

Мичманъ на минуту смѣшался, и глаза его забѣгали.

Но вдругъ въ товагѣ отчаянія выпалилъ:

— Ну такъ что жъ?.. Ну пріѣзжала... Можетъ быть апарансы... И могла пріѣхать, чтобы просить прощенія...

— А Трилистный?..

— Ну такъ что жъ?.. Можетъ другой адмиралъ... И что пристаешь, Иванъ Ивановичъ... Развѣ я выдумалъ?.. Я передаю со словъ Жиркова... Онъ писалъ... Онъ, значитъ, и перевралъ... Очень можетъ быть перевралъ... Я очень радъ, если несправедливо врутъ на Марью Николаевну... Прелестная женщина... Но я всетаки не ушелъ бы отъ нея на три года! — добродушно и весело прибавилъ Нельминъ.

Однако многіе повѣрили, что что нибудь да есть и пахнетъ семейной драмой.

Но нашлись офицеры, которые, напротивъ, утверждали, что семейное счастье капитана не омрачено. Они любятъ другъ друга и Марья Николаевна благородная женщина... Про нее ничего не говорятъ... Но министръ приказалъ: „Или отправляйтесь... Или оставляйте службу!“ Поневолѣ пойдешь...

Болѣе честолюбивые прибавляли, что капитанъ страшный честолюбецъ и, обуянный гордыней, чуждается всѣхъ, потому что считаетъ себя выше другихъ...

Такъ вопросъ о „семейной драмѣ“ и остался открытымъ.

И въ это чудное утро въ каютъ-компаніи нетерпѣливо ожидали приговора мрачнаго капитана надъ командой за Діанку и невыдачу виновнаго.

Кто же, какъ не Зябликовъ? Кто не знаетъ этого арестанта?

VII.

Приближалось время подъема флага. Восьмая склянка была вначалѣ. Уборка окончена, и, переодѣтые въ чистыя рубахи матросы, собрались на палубѣ.

Никакого рѣшенія еще не было, и команда волновалась сильноѣ.

Капитанъ еще не показывался на верхъ, старшаго офицера не призывалъ и даже не спросилъ вѣстового: „гдѣ Діанка?“

Молодой вѣстовой давался диву, и молчаніе капитана наводило большій страхъ. Подавая ему кофе, Мартынъ взглянулъ на лицо капитана и ему казалось, что онъ мрачнѣе и суровѣе, чѣмъ обыкновенно.

Стараясь скрыть чувство тревоги и испуга, старшій офицеръ нервно шагаль по мостику и то и дѣло взглядывалъ на люкъ капитанской каюты. Онъ мысленно обѣщаль примѣрно наказать боцмана. Какая скотина! Не могъ добиться признанія отъ Зябликова и даже не указаль на него... Подлецы! Съ ними надо быть строже!—думаль онъ о матросахъ, негодуя, что ему не придется успокоить капитана докладомъ о „мерзавцѣ“, который сознался... По крайней мѣрѣ, старшій офицеръ отличился бы въ глазахъ мрачнаго капитана.

И почему этому арестанту не сознаться! Что выиграеть, запираясь?

— Немедленно послать ко мнѣ въ каюту Зябликова!—приказаль Павелъ Никитичъ, внезапно осѣненный какой-то мыслью и, быстро спустившись съ мостика, ушелъ въ каюту.

Черезъ минуту Зябликовъ вошелъ въ каюту старшаго офицера.

— Слушай, Зябликовъ... Ты, конечно, утопилъ Діанку... Не сознаешься, я все-таки велю отпороть тебя, какъ Сидорову козу, сегодня и, какъ отлежишься, снова буду пороть, пока не сознаешься. И кромѣ того матросы на берегу тебя избьютъ до смерти, хотъ боцманъ и прикрываетъ тебя... Не говорить, что подозреваетъ тебя... А я-то увѣренъ. Слышишь: у-вѣ-ренъ!

Старшій офицеръ говорилъ тихимъ, даже ласковымъ и нѣсколько взволнованнымъ голосомъ.

— Я не топилъ Діанки, ваше благородіе!—отвѣтилъ Зябликовъ, взглядывая на Павла Никитича.

Въ его умныхъ, наглыхъ глазахъ было что то пронительное и фамилярное, дающее понять, что онъ, отверженецъ, нуженъ старшему офицеру и пойдетъ на соглашеніе.

— Не ври, Зябликовъ. Сознайся лучше. Буду ходатайствовать, чтобъ больше ста ударовъ не получилъ. И наказывать будутъ легче!—еще мягче убѣждалъ Павелъ Никитичъ.—А откровенное сознаніе покажетъ мнѣ, что ты можешь исправиться. И чтобъ поощрить, дамъ отъ себя награду. На гулянку на берегу получишь два доллара!—прибавилъ старшій офицеръ.

И нѣсколько смущенный, вдругъ почувствующій, что дѣлаетъ что-то, очень подлое, Павелъ Никитичъ отвелъ глаза отъ упорнаго и наглаго взгляда.

Зябликовъ быстро рѣшилъ, что сдѣлка выгодная.

Едва замѣтная ироническая усмѣшка мелькнула въ его глазахъ, когда онъ отвѣтилъ:

— Что-жъ запирается передъ вами, ваше благородіе. Вы наскрозь изволите видѣть человѣка, ваше благородіе. Я Діанку утопилъ.

— Давно бы пора. Совѣсть-то въ тебѣ еще есть. Ступай!—сказалъ старшій офицеръ, обрадованный, что тяжесть съ его души упала, и онъ можетъ забыть свою подлость и снова быть довольнымъ собою.

Черезъ минуту на клиперѣ было извѣстно, что Зябликовъ сознался.

Матросы почувствовали облегченіе. Страхъ прошелъ. Люди, собиравшіеся избить Зябликова до полусмерти, теперь пожалѣли его и хвалили за то, что поступилъ правильно.

Бычковъ подошелъ къ отверженцу и ласково сказалъ:

— Молодца, Елисейка. Утопилъ Діанку и отдуешься. Не подвелъ насъ.

— Я не топилъ подлой суки!

Бычковъ вытаращилъ глаза.

— Такъ зачѣмъ винился?

— А ты думалъ насъ, дураковъ, пожалѣлъ?—съ наглымъ цинизмомъ откровенности возбужденно проговорилъ Зябликовъ.

И послѣ паузы продолжалъ:

— По правдѣ объясняй, что не топилъ собаки—шкуру сдерутъ—старшій офицеръ обѣщалъ,—а наври на себя, такъ отпорять съ разсудкомъ... И вы, правильные анафемы, оставите меня въ покоѣ за Діанку, а то-бы избили.

— Поучили-бы... это вѣрно, Елисейка.. А ты не обижайся... Очень обезвѣрѣли ребята...

— Подлецъ Елисейка, молъ, во всемъ виноваты!!? Взяли-бы грѣха за напрасный бой. Виноваты въ Діанкѣ можетъ потомъ пьянымъ проговорится, а я съ переломанными ребрами. Глупые вы матросы, вотъ что! И старшій офицеръ тогда пойметъ, какъ онъ скрозъ понимаетъ человѣка... Сволочь! — озлобленно прибавилъ Зябликовъ...

— То-то дырявая душа!—подтвердилъ Бычковъ.

— Я, скажемъ, постѣдній матросъ... подлець, но только на такую подлость не пойду... А онъ... во всемъ паратъ благородный?... Довольно обозначить... Понять. Приму сто ливеньковъ безвинно, а какъ придемъ въ Франциски, сбѣгу... Ну васъ, оборотовъ! Живите по глупости, какъ свиньи, а я по своему уму не согласенъ. Найду линю. Самъ себѣ господиномъ буду... Никто не посмѣетъ на твою личность... Можешь ты это понять, Бычковъ? Не понять вамъ, необразованной матрости...

Дѣйствительно, Бычковъ недоумѣвать и только хлопать глазами.

И, наконецъ, добродушно промолвить:

— Здоровъ ты хвастать, Елисейка. Вовсе ты не матросскаго званія человѣкъ...

VIII.

Капитанъ, небольшого роста брюнетъ лѣтъ подь сорокъ, съ красивымъ, энергичнымъ и суровымъ лицомъ, обрамленнымъ засѣдѣвшими бакенбардами, съ рано посѣдѣвшими волосами, сухощавый и крѣпкій, хмурый и задумчивый, ходилъ взадъ и впередъ по каютѣ, когда старшій офицеръ вошелъ въ каюту.

— Съ добрымъ утромъ, Алексѣй Алексѣичъ,—осторожно и серьезно-печально промолвилъ старшій офицеръ.

Капитанъ остановился.

— Здравствуйте, Павелъ Никитичъ,—официальнымъ суховатымъ тономъ сказалъ Бездолинъ, протягивая небольшую, длинную и худую руку съ обручальнымъ кольцомъ.

Густыя его брови нахмурились, и у переносицы собрались морщины. Черные глаза, серьезные и пронизывающіе, вопросительно смотрѣли на старшаго офицера.

Этотъ взглядъ всегда беспокоитъ и смущаетъ Павла Никитича, въ это утро особенно.

Онъ, невольно краснѣя и торопясь, проговорилъ:

— Мнѣ непріятно, что приходится доложить вамъ, Алексѣй Алексѣичъ, о неожиданномъ присшествіи... Ваша Діанка пропала.

Капитанъ молчалъ.

Старшій офицеръ еще торопливѣе продолжалъ:

— Команда не виновна въ этотъ подломъ поступкъ, противномъ дисциплинѣ. Команда не знала о немъ и негодуетъ на виноватаго, который долгое время не сознавался... Боцманъ отказался указать мнѣ на подозрѣваемого человѣка, и я

взыщу съ него. По счастью, мнѣ удалось убѣдить виноватаго сознаться. Это, какъ я и не сомнѣвался, Зябликовъ...

Капитанъ не проронилъ слова.

Онъ сталъ еще суровѣе и, казалось, невозмутимѣе. Только въ глазахъ его было выраженіе какой-то брезгливости.

Павелъ Никитичъ, совсѣмъ изумленный, оробѣвшій, но старавшійся не показать страха, проговорилъ не безъ нѣкоторой развязности:

— Я прикажу наказать Зябликова, Алексѣй Алексѣичъ. Мнѣ кажется, такой поступокъ заслуживаетъ строгаго наказанія..

Прошла минута.

Наконецъ, капитанъ строго сказалъ:

— Не наказывайте.

— Есть!—проговорилъ старшій офицеръ и вышелъ растерянный.

Капитанъ брезгливо поморщился.

— Мартынь!

Явился вѣстовой. Онъ былъ встревоженъ.

— А ты чего боишься? — вдругъ угрюмо спросилъ капитанъ.

— Не могу знать, вѣшескобродіе.

— И боишься?

— Точно-такъ, вѣшескобродіе!

— Звѣрь я, что-ли?—крикнулъ онъ.

Въ этомъ крикѣ звучала тоскливая нотка.

Мартынь подавлено молчалъ.

— Позови Зябликова!

— Есть!

Тотъ явился и вытянулся у дверей. Страхъ въ его лицѣ не было.

Капитанъ облегченно вздохнулъ.

— Зачѣмъ навралъ на себя?

Зябликовъ сказалъ—почему. Объяснилъ, какъ боится команда изъ за Діанки. Доложилъ, что Діанка кусала матросовъ и особенно его.

Капитанъ слушалъ, опять хмурился, снова на лицѣ и въ глазахъ залегало что-то угрюмое, тоскливое и виноватое.

— Ступай и пошли боцмана! Тебя не накажутъ.

— Есть, вѣшескобродіе!

Торжествующій и особенно наглый, нарочно прошелъ Зябликовъ мимо старшаго офицера и направился къ боцману на бакъ.

— Не бойсь, капитанъ скрозъ видитъ невиннаго человѣка. Не считаетъ, какъ вы, справедливые, меня за послѣдняго подлеца... Къ капитану, Иванычъ; зоветь, сей секундъ! Не

заболѣй животомъ, какъ медвѣдь, смотри!—въ догонку крикнулъ Зябликовъ и захихикалъ..

Матросы снова уже не жалѣли „послѣдняго матроса“ и сторонились его.

IX.

— Здравствуй, Ивановъ!

— Здравіе желаю, вашескобродіе!

— Отчего не докладывалъ старшему офицеру, что Діанка кусала?

— Докладывалъ, вашескобродіе.

— И что?

— Отказали.

— А мнѣ?

— Не осмѣлился, вашескобродіе.

— Почему? Говори все!

— Не допускали до себя, вашескобродіе. И какъ бы не изволили „обидѣться“ за собаку?—деликатно сказалъ боцманъ.

— То есть... накажу не собаку, а матросовъ?

— Опасался, вашескобродіе! — застѣнчиво промолвилъ боцманъ.

Личной нервъ подергивалъ глазъ и щеку капитана.

Но онъ, повидимому, безастрасно спросилъ:

— И когда Діанка пропала, ты и команда боялись, что я безпощадно жестоко накажу, если виновный не объявится?

— Точно такъ, вашескобродіе. Очень заскучали матросики, чтобы вашескобродіе не признали въ родѣ бунта противъ Діанки... И я пыталъ: кто подлый челоувѣкъ, что утопилъ животную. И старшій офицеръ изволили приказать: къ шести склянкамъ найти виноватаго или указать на того, кого подозреваю. Но я—извольте меня назазать—ослушался...

Капитанъ зналъ, что не любимъ, но быть въ глазахъ людей, и безъ того обездоленныхъ, звѣремъ?

„За что“?

Въ эту минуту ужаса и тоски, охватившаго душу, ему хотѣлось бы крикнуть, что это неправда, что онъ не такой...

Онъ справедливъ. Онъ не наказываетъ линьками...

Только два раза безпощадно наказалъ за воровство, считая необходимымъ, но отвратительнымъ средствомъ.

Онъ не бьетъ, не беспокоитъ безсмысленной муштрой, не моритъ работами, бережетъ людей... Онъ все дѣлаетъ, что требуютъ долгъ и совѣсть. Правда, онъ не ищетъ у матросовъ расположенія, не поддѣлывается къ нимъ, не говоритъ имъ шутиливо-ласковыхъ словъ. Онъ знаетъ, какъ это просто и

легко... Но ему стыдно заигрывать съ людьми, жизнь которыхъ такъ жалка, безправна и опасна и какая пропасть служебнаго неравенства съ нимъ... Или будь капитаномъ, какъ онъ, или выходи въ отставку, а начальниковъ, которые порятъ и шутятъ, обкрадываютъ и зовутъ молодцами, дрессируютъ, чтобъ отличиться, и бьютъ и калѣчатъ съ легкимъ сердцемъ и говорятъ, что любятъ матросика,—такихъ еще часто называютъ добрыми... Но онъ не можетъ быть такимъ „добрымъ“.

Онъ вызываетъ только страхъ!..

О, если-бъ они знали! Онъ, суровый и нелюдимый, одинокій и мрачный, и по характеру, и по разладу между правдой и ложью жизни, по ранамъ горячаго сердца, хоть и чужой, но не врагъ, а другъ...

Разумѣется, капитанъ ни слова не сказалъ изъ того, о чемъ думалъ. Не подумалъ и признаться, что только вчера случайно узналъ, что любимая имъ собака кусаетъ людей и ненавистна имъ, и...

И развѣ пойметъ боцманъ Ивановъ?..

„Онъ правъ: я не допускалъ до себя!“—подумалъ капитанъ и обычнымъ суровымъ тономъ сказалъ боцману:

— Не разыскивай. Я утопилъ Діанку!

Боцманъ вытаращилъ глаза.

— Ступай!

Х.

По обыкновенію суровый и молчаливый, стоялъ на мосткахъ капитанъ и оглядывалъ палубу.

Все блестѣло и сіяло.

Вышедшіе къ подъему флага офицеры и разсыпавшіеся по палубѣ матросы съ изумленіемъ взглядывали на капитана.

— На флагъ! флагъ поднять!

Всѣ обнажили головы.

Взвился флагъ на гафелѣ, и начались обычные утренніе рапорты.

Первымъ докладывалъ о благополучіи на клиперѣ старшій офицеръ, и его бѣлые пальцы, приложенные къ козырьку фуражки, чуть-чуть вздрагивали.

Когда онъ отрапортовалъ, капитанъ громко проговорилъ:

— Напрасно открыли виновника. Я выбросилъ за бортъ Діанку...

И прибавилъ:

— Оказалась такой же подлой, лживой собакой, какими бываютъ и люди...

Выслушавъ всѣ рапорты отъ начальниковъ частей, капитанъ ушелъ въ каюту...

А на бакѣ шли оживленные разговоры, и матросы радостно недоумѣвали.

И въ это чудное утро загадочность капитана, казалось, начинала проясняться.

Н. Станюковичъ.

* * *

Холодомъ вѣетъ отъ жизни,
Холодомъ зимнихъ ночей...
Солнце не свѣтитъ отчизнѣ,
Звѣзды не кажутъ очей.

Небо въ туманы одѣто,
Тучи кругомъ залегли...
Ирѣдка искорка свѣта
Вспыхнетъ въ туманной дали,—

Сумракъ освѣтитъ дорожный,
Дрѣгнетъ... и скроется вмигъ!
Крикнуть бы громко, тревожно!—
Гаснетъ оборванный крикъ...

С. Травниковъ.

Подъ замкомъ.

(Замѣтки и впечатлѣнія).

I.

Яркій весенній день. Апрельское солнце, пронизывая своими лучами морозный воздухъ, согрѣваетъ и оживляетъ все, къ чему ни прикоснется. Ожило и наше каменное чудовище. Мрачно глядѣло оно зимой: на кирпичномъ фонѣ грязныхъ стѣнъ тускло чернѣли сотни его глазъ; изъ за желѣзныхъ рѣшетокъ и двойныхъ рамъ не доносилось наружу ничего, что давало бы знать міру о томъ, что въ каждой каменной клѣткѣ гигантскаго зданія копошится живое существо; развѣ откроется на минуту форточка, и въ морозномъ воздухѣ повиснетъ струйка пара... Не слышно было звуковъ, не замѣтно было движенія... За то внутри зданія, въ каждой его клѣткѣ, отзывалось и чувствовалось бѣненіе жизни всего организма; отдѣльные шумы и звуки сливались въ общій смутный и тягостный гулъ; лишь изрѣдка выдѣлялись изъ него бряцанье желѣза или хлопаніе тяжелыми дверями, да возвышался чей либо рѣзкій окрикъ, напоминавшій о существованіи въ организмѣ и свободно блуждающихъ клѣтокъ-командировъ. Камень, асфальтъ, желѣзо... холодно и непріютно бывало сѣренькими зимними днями, невольно затихала и глохла жизнь въ каменныхъ клѣткахъ.

Но сегодня выставили окна, и колонія каменныхъ клѣтокъ ожила; въ каждой изъ ея распахнувшихся створокъ показалось по живому существу; странно было глядѣть со стороны на эти сѣрыя фигурки; въ самыхъ невѣроятныхъ позахъ лѣпились онѣ на узенькихъ подконникахъ, цѣпляясь ногами и руками за ржавыя перекладины. Вотъ съежилась на корточкахъ фигурка въ „буш-лакѣ“ *); просунувъ руки за рѣшетку, она очищаетъ яйцо отъ скорлупы, усиленно балансируя, чтобы удержаться въ равновѣсіи... Гдѣ то я видѣлъ эти странные ужимки, эти цѣпкія дви-

*) Арестантская куртка.

женія... Ярче и ярче всплываетъ въ памяти забытая картина: такія же рѣшетки, за рѣшетками карабкаются, кривляются живыя существа, движенія ихъ неизящны, но своею живостью и неожиданностью, своимъ страннымъ сходствомъ съ человѣческими, они забавны,—забавны для зрителей. Но то были человѣкообразныя, а здѣсь,—здѣсь передо мною двигались существа, не только просто похожія на людей, а люди, еще недавно жившіе, какъ настоящіе люди, и лишь здѣсь поставленная въ условія каррикатуры на человѣка. Не знаю, быть можетъ, и движенія обезьянъ на свободѣ не производятъ „забавнаго“ впечатлѣнія. Здѣсь же карриатура не возбуждала смѣха, становилось тоскливо, быть можетъ еще тоскливѣе оттого, что и на самомъ отзывалось каррикатурное положеніе.

Въ воздухѣ свѣжо, снѣгъ еще не стоялъ, но арестанты, закутавшись въ свои „бушлаки“, не слѣзаютъ съ только что открывшихся оконъ и громко перекликаются промежъ себя.

Вылѣзъ на окошко и я. Въ силу моего „особаго“ положенія и окошко мое снабжено особымъ предохранительнымъ сооруженіемъ—желѣзнымъ зонтомъ; окошко—подъ самымъ потолкомъ; подоконникъ начинается выше человѣческаго роста. Съ полу черезъ раструбъ зонта виднѣется клочекъ неба и больше ничего: если взобраться на подоконникъ и принять одно изъ каррикатурныхъ положеній, можно видѣть верхніе этажи сосѣдняго крыла зданія; если вытянуться, насколько позволяетъ оконная ниша, то вступаетъ въ поле зрѣнія и городъ—рѣзко выдѣляются на весеннемъ небѣ кирпичныя трубы фабрикъ, блестятъ на солнцѣ золоченыя маковки церквей и колоколенъ, чуть виднѣются межъ громадящими зданіями синяя полоска разлившейся рѣки. Но все это видишь минутами. Каррикатурное положеніе даетъ себя знать, быстро устаешь и принимаешь болѣе удобную позу. Отъ всей картины остается лишь полоска неба; о городской жизни даютъ знать лишь доносящіеся снаружи звуки. Слышатся свистки фабрикъ и заводовъ, доносится гулъ желѣзнодорожныхъ поѣздовъ, гудитъ перезвонъ колоколовъ; и надъ всѣмъ этимъ стоитъ стонъ уличной жизни громаднаго города, не перестающаго напоминать о себѣ, о своей жизни, настоящей, некаррикатурной человѣческой жизни.

Изъ этого шума надъ самымъ ухомъ выдѣляются голоса сосѣдей. Крики раздаются со всѣхъ сторонъ, я сижу на самомъ бойкомъ мѣстѣ, въ углу зданія, на перекресткѣ двухъ крыльевъ. Разговоры перекрещиваются между собой, каждый стремится перекричать другихъ и заставить слушать себя. Долго не могъ я оріентироваться въ направленіи этихъ криковъ;—своихъ сосѣдей по крылу мнѣ не видно и я различаю ихъ только по голосамъ; я могу наблюдать только ихъ собесѣдниковъ—обитателей другого крыла. Тюрьма одиночная, и арестанты видятся другъ съ дру-

гомъ только на прогулкѣ; да и на прогулку ихъ выпускаютъ отдѣльными партіями, по этажамъ. Разговоры черезъ окна остаются незамѣнимымъ средствомъ сообщенія между отдѣльными этажами и крыльями. Сейчасъ идетъ предварительное ознакомленіе сидящихъ между собой; раздаются радостныя привѣтствія старыхъ знакомыхъ; наводятся справки, когда кто „засынался“, кто „закѣмъ сидитъ“, по какому отдѣленію судится; сообщаются послѣднія новости.

Пробую присоединиться къ общему хору и я, но... чуть слышно звякаетъ задвижка у дверного „глазка“, въ дверной форточкѣ появляется добродушная фізіономія надзирателя, убѣдительно разъясняющаго: „окна для свѣжаго воздуха, а не для того, чтобы кричать“. Вспоминаю о своемъ „особомъ“ положеніи и довольствуюсь пассивной ролью слушателя доносящихся до меня отголосковъ изъ разговоровъ простыхъ членовъ нашей колоніи.

Кругомъ сидятъ все профессионалы, попадающіе въ тюрьму не по первому разу; это своего рода тюремная аристократія; они отлично знаютъ мѣстные порядки, изучили нравы тюремной администраціи и чувствуютъ себя въ острогѣ совершенно по домашнему. Тюремный надзоръ вынужденъ считаться съ ихъ привычками; лишь въ рѣдкихъ случаяхъ принимаются противъ нихъ рѣшительныя мѣры. Младшіе надзиратели прямо боятся этого рода арестантовъ и, насколько возможно, избѣгаютъ всякихъ пререканій съ ними. Самъ Павлуша, какъ не то почтительно, не то иронически зовутъ арестанты старшаго надзирателя (фактическаго „хозяина“) тюрьмы, затрудняется настаивать на строгомъ выполненіи тюремныхъ правилъ. Въ обращеніи съ профессионалами ему приходится проявлять не меньше дипломатическаго такта, чѣмъ въ сношеніяхъ съ лицами, числящимися за особыми учрежденіями.

Умудренные опытомъ прежнихъ отсидокъ, профессионалы такъ или иначе ухитряются попадать въ камеры, расположенныя въ удобномъ крылѣ, у подходящаго надзирателя, среди своихъ. И вотъ теперь, пользуясь раскрытыми окнами, они галдятъ промежду собой во всю, не обращая вниманія на надзирателей. Другъ друга почти всѣ знаютъ и зовутъ по кличкамъ или уменьшительнымъ именамъ. За мѣсяцы нашего сосѣдства я успѣлъ приемотрѣться къ нимъ; съ теченіемъ времени, изъ раздающихся изъ дня въ день отрывочныхъ разговоровъ для меня довольно ясно обрисовались фізіономіи моимъ сосѣдей.

Ближе и громче другихъ раздается высокій голосъ Витьки Кривецкаго. По профессіи своей Кривецкій—воръ-карманникъ или на жаргонѣ „ширмачъ“; въ „центовкѣ“, какъ почему-то называютъ острогъ его обитатели, Кривецкій; не смотря на свои 22—23 года, въ третій или четвертый разъ; подъ судомъ онъ былъ что-то много разъ, но почти всегда ему удавалось оправдываться; теперь, даже въ случаѣ оправданія на судѣ, онъ не останется на

прежнемъ мѣстѣ, его вышлютъ административнымъ порядкомъ куда нибудь на сѣверъ. Въ замкѣ Кривецкій совершенно какъ дома,—тюремныхъ правилъ онъ не признаетъ, и администрація не въ силахъ подчинить его своей дисциплинѣ; онъ—настоящій мучитель надзирателей; на замѣчанія ихъ Кривецкій не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія, развѣ ужъ очень надоѣдаютъ ему своими требованіями прекратить пѣніе, слѣзть съ окна и т. д.: тогда Кривецкій выходитъ изъ себя и на всю одиночку раздается его вполне безцензурная отвѣдь надоѣдливому „попугаю“ (такъ окрещены имъ надзиратели). Жаловались на него Павлушѣ, но и съ этимъ Кривецкій умѣетъ разговаривать; да и памятенъ еще Павлушѣ случай изъ прошлаго сидѣнія Кривецкаго, когда послѣдній далъ „сдачи“ подстаршему. Хотя и попалъ тогда Кривецкій въ карцеръ, хоть и задали тамъ ему по обычаю хорошую „баню“, но счумѣлъ и Кривецкій потомъ допечь своихъ противниковъ, пришлось и подстаршему передъ нимъ кланяться, чтобъ не подымалъ исторіи о побояхъ. Да и что, въ самомъ дѣлѣ, съ нимъ подѣлаешь—арестантъ онъ подслѣдственный, суровыхъ мѣръ по отношенію къ нему принимать неудобно; будь онъ „оголецъ“ (несовершеннолѣтній) или новичекъ въ тюрьмѣ, перевели бы его въ камеру съ зонтомъ на окнѣ. Но въ отвѣтъ на такое предложеніе Павлуша резонно отвѣчаетъ, что тогда придется и къ зонту приставить двухъ надзирателей. Лишатъ его общей прогулки, — каждый разъ, какъ его этажъ идетъ гулять, Кривецкій подымаетъ такой гвалтъ и крикъ, что приходится и его выпустить вмѣстѣ съ другими, чтобъ только водворить тишину.

Кривецкій чрезвычайно экспансивенъ и боекъ, во всѣхъ окружающихъ разговорахъ онъ считаетъ обязанностью принять дѣятельное участіе, все онъ знаетъ, до всего ему дѣло; за нимъ можно признать своего рода интеллигентность; при другихъ условіяхъ изъ него, пожалуй, выработалось бы что-нибудь дѣльное; онъ порядкомъ начитанъ въ беллетристикѣ, декламируетъ идейныя стихотворенія (Парадный подъѣздъ, На смерть Пушкина), поетъ недурнымъ теноромъ ходовые романсы; имѣетъ нѣкоторое представленіе и о наукѣ, хотя нигдѣ не учился; онъ вѣритъ въ науку и прогрессъ; съ азартомъ набрасывается онъ на своихъ пріятелей-скептиковъ и страстно доказываетъ имъ будущее торжество прогресса, пользу и необходимость науки, поддѣрпывая почти каждое свое доказательство трехъ-этажными словечками.

Вотъ и сейчасъ онъ сѣпился съ сидящимъ наискось отъ него въ сосѣднемъ крылѣ Акиловымъ. Акиловъ по занятіямъ—„домушникъ“, специалистъ по кражамъ со взломомъ изъ домовъ и магазиновъ, по міросозерцанію же философъ скептической школы; по цѣлымъ часамъ проспихиваетъ Акиловъ на окошкѣ въ полномъ бездѣйствіи; скрестивъ руки и невозмутимо посасывая трубочку, равнодушно подаетъ онъ спокойныя, но ехидныя реплики увле-

кающемся Витькѣ—онъ только что заявилъ послѣднему, что у него „совѣсть вполне чиста“ и что онъ можетъ всѣмъ смѣло въ глаза смотрѣть: „Что жъ что укралъ, за то вотъ я и сижу здѣсь“. Онъ откровенно признаетъ себя воромъ, но душевнаго равновѣсія не теряетъ, отнюдь не считая тюрьму позоромъ; воровство—такая же профессія, какъ и всякая другая; воруютъ всѣ, только воръ изъ благородныхъ, съ „кокардою“, постоянно дрожитъ за себя, труситъ за свое положеніе; ну, а ему, Акилову, все равно терять нечего, а потому онъ и не боится тюрьмы. Напрасно горячится Кривецкій, доказывая ему, что жить безъ труда не честно, не „по закону“ и т. п. Акиловъ хладнокровно парируетъ эти доводы товарища по профессіи и лишь при самыхъ горячихъ тирадахъ презрительно поворачивается къ нему своимъ носатымъ профилемъ: „вѣдь и намъ иной разъ приходится цѣлыя ночи проводить безъ сна, на холодѣ, а покупочка-то, пожалуй, и всего ничего... да и рискъ чего нибудь да стоитъ! А ты говоришь: безъ труда! ну, а на счетъ закона ужъ лучше помолчать“. Кривецкій быстро теряется въ спорѣ, начинаетъ ругаться, наконецъ, даетъ клятвенное обѣщаніе не разговаривать больше съ Акиловымъ: „Я думалъ, ты человѣкъ, а ты дуракъ, дуракомъ и останешься!“

Кстати же вниманіе Кривецкаго отвлекается въ другую сторону; тамъ Махалинъ, поселенецъ, недавно бѣжавшій изъ Сибири и уже успѣвшій снова „засыпаться“, рассказываетъ про сибирскую жизнь поселенцевъ; Махалинъ живописуетъ настоящую идиллію, какъ на этотъ разъ, когда опять водворятъ его на поселеніе, онъ устроится по новому, какъ займется онъ въ Сибири коробейнымъ промысломъ и вернется въ Москву настоящимъ „купцомъ“, въ шубѣ, собольей шапкѣ и т. д. Шпанка внимательно слушаетъ его рассказы, видимо заинтересованная, хотя и не со всѣмъ довѣряя рассказчику. Оказывается, въ Сибири достаточно всего какихъ нибудь ста рублей, чтобы обзавестись хозяйствомъ: избой, лошадыю и даже „бабою“, на этотъ же капиталъ можно начать и разносную торговлю. Поселенца съ деньгами всѣ уважаютъ, величаютъ „поселогой лопатистымъ“, оказываютъ широкій кредитъ, словомъ—не житье, а масляница. Конечно, дѣло другое—явиться туда оборванцемъ, тогда тебѣ и цѣна другая будетъ—будешь просто „посельгой“ и тогда плохо... Неугомонный Кривецкій не можетъ и тутъ не вмѣшаться, онъ начинаетъ оспаривать Махалинскую смѣту; Махалинъ пресерьезно доказываетъ ему осуществимость своихъ плановъ: онъ ожидаетъ себѣ три года „ротъ“, за время заключенія онъ успѣетъ заработать себѣ необходимые сто рублей; съ ними онъ и начнетъ свою новую карьеру, накупить всякаго „барахла“: крестиковъ, пуговицъ, ленточекъ, миткалю, поминаній (книжекъ не нужно, тамъ еще не требуется), купить лошадь съ телѣгой и пустится торговать по селамъ. Аки-

ловъ подсмѣивается надъ Махалинымъ, увѣряя, что будущаго купца товарищи не преминутъ пообчистить на первыхъ же порахъ. Махалинъ строитъ планы обороны отъ предполагаемаго нападенія... Курьезно слушать этихъ мечтателей за рѣшетками; какъ маленькія дѣти выдумываютъ они цѣлыя робинзонады, видимо тѣша себя картинами хотя бы воображаемой жизни.

На самомъ любопытномъ мѣстѣ мирная бесѣда прерывается—Кривецкій замѣтилъ, какъ какой-то,—очевидно „кобель неотесанный“,—не знающій осторожныхъ обычаевъ арестантъ поймалъ въ петлю голубя и втащилъ его въ камеру. Подымается гвалтъ—голуби пользуются особымъ покровительствомъ шпанки; десятками прилетаютъ и садятся они на оконныя рѣшетки, жадно подбирая бросаемыя арестантами крохи; на наши зонты голуби не летаютъ, очевидно, не могутъ привыкнуть... Возмущеніе противъ охотника на голубей все растетъ, на него обрушивается цѣлый каскадъ перекрестной брани; наконецъ, дѣло доходитъ до крайней мѣры: обращаются къ дежурящему подъ окнами надзирателю Босову съ требованіемъ сходить къ „столу“ и настоять на освобожденіи голубя.

„Стол“, это—присутственное мѣсто одиночки; здѣсь въ центрѣ трехъ крыльевъ корпуса засѣдаетъ старшій надзиратель, творя судъ и расправу надъ обитателями острога. Низенькій, съ перваго взгляда невзрачный человѣчекъ съ маленькимъ личикомъ, густо поросшимъ черными щетинистыми волосами, Павлуша при ближайшемъ знакомствѣ поражаетъ васъ своей выдержкой и тактомъ, выработанными долгодѣтней практикой. Павлуша перевидаль на своемъ вѣку достаточно арестантовъ отъ непримиримыхъ „политиковъ“ до безшабашныхъ профессионалистовъ. Со всякимъ у него особая тактика, гдѣ дипломатическіе переговоры, гдѣ окрикъ, а гдѣ и просто зуботычина. Отъ всей его маленькой фигурки, обряженной въ форменный казакинъ, такъ и вѣетъ сознаніемъ важности своего положенія; себя онъ причисляетъ къ высшему тюремному начальству и въ своихъ переговорахъ съ заключенными постоянно ввертываетъ: „мы посмотримъ“, „этого мы не разрѣшаемъ“, „намъ это непріятно“. Да и на самомъ дѣлѣ внутренніе распорядки въ тюрьмѣ въ значительной мѣрѣ зависятъ отъ него; высшее начальство лишь обходитъ, да и то не особенно часто, камеры, а Павлуша цѣлый день проводитъ въ одиночномъ корпусѣ, то засѣдая за „столомъ“, то обходя заключенныхъ, вызывая ихъ на допросы, объявляя имъ всякаго рода бумаги. Зорко слѣдя за порядкомъ въ тюрьмѣ, Павлуша постоянно рассказываетъ по галлереймъ и лѣсенкамъ корпуса, повѣряя дежурныхъ надзирателей и останавливаясь у дверей подслушать и поглядѣть въ дверной глазокъ. Да и при обходѣ начальства Павлуша неизмѣнно присутствуетъ, всегда готовый дать разъясненія и привлечь начальственное вниманіе въ надлежащую сторону.

Начальство дорожить имъ; Павлуша пережилъ уже нѣсколько начальниковъ тюрьмы и со всѣми сумѣлъ поладить; на первыхъ порахъ новое начальство нуждается въ его опытности, а тамъ ужъ онъ сумѣетъ принаровиться къ новымъ вкусамъ и взглядамъ. За Павлушей стоятъ чуть не цѣлая рота надзирателей съ нѣсколькими подстаршими и толстымъ фельдфебелемъ во главѣ. Младшіе надзиратели — народъ все случайный. Это — запасные унтера и рядовые, по большей части изъ деревенщины. По окончаніи срока дѣйствительной службы имъ не было охоты ворочаться къ тяжелому деревенскому труду, и они застряли въ городскихъ центрахъ; здѣсь, не зная городскихъ профессій, они на первыхъ порахъ рады и тому ничтожному вознагражденію, которое даетъ надзирательская должность, но при первой возможности они стараются найти себѣ другое, болѣе выгодное занятіе; поэтому составъ ихъ постоянно мѣняется. Тюремный формализмъ не успѣваетъ въѣдаться въ нихъ, и по большей части они относятся къ заключеннымъ благодушно, стараясь главнымъ образомъ какъ нибудь не наскочить на исторію. Непріятны только тюремные старожилы, стремящіеся выслужиться; эти усердствуютъ въ подглядываніи и наушничаніи. Впрочемъ, и среди давнихъ надзирателей попадаются люди, сжившіеся съ тюрьмой и относящіеся къ арестантамъ по семейному. Такіе любятъ поговорить съ заключенными по душамъ и не прочь оказать кое-какія услуги. Человѣчное отношеніе такихъ надзирателей сильно смягчаетъ остроту впечатлѣній первыхъ дней одиночки. Надзиратели-новички обыкновенно чувствуютъ себя въ тюрьмѣ весьма не по себѣ; съ одной стороны, передъ ними арестанты, люди, такъ сказать, опороченные или, по крайней мѣрѣ, заподозрѣнные: съ другой, это — люди, какъ люди, если и отличающіеся отъ нихъ самихъ, то зачастую въ хорошую сторону. Ихъ обращеніе съ арестантами страдаетъ неровностью и неустойчивостью; строгій формализмъ смѣняется полной халатностью.

За разговорами незамѣтно наступаетъ часъ обѣда; мнѣ слышно, какъ открываются ворота на „общую“, съ гамомъ и гиканіемъ пробѣгаютъ подъ окнами арестанты на кухню за обѣдомъ. Мои сосѣди пользуются случаемъ, чтобы перекликнуться съ переведенными на общую товарищами; сообщаются вѣсти съ воли, даются наставленія... Но всѣ дѣловые разговоры покрываются перебранкой; сидящіе на окнахъ одиночники вымещаютъ скуку заточенія на проходящихъ подъ окнами. Крѣпкія слова висятъ въ воздухѣ; но и самая циничная брань, которую только могутъ сгипровизировать отборные выжимки крупнаго центра, теряетъ здѣсь свою ѣдкость, превращаясь почти что въ междометія, машинально срывающіяся съ языка; надо дѣйствительно что либо очень необычайное, чтобы привлечь вниманіе шпанки; свобода слова въ тюрьмѣ — полная, нѣтъ такихъ физиологическихъ актовъ,

о которыхъ здѣсь считалось бы непристойнымъ говорить; по первому впечатлѣнію можетъ показаться, что тутъ отсутствуетъ чувство даже элементарной стыдливости, разъ разговоръ заходитъ на клубничныя темы. Разговоры о „марухахъ“, какъ называются на жаргонѣ женщины, всегда отличаются самой мерзкой сальностью. Впрочемъ, это и неудивительно; стоитъ только вспомнить послѣобѣденные „холостые“ разговоры иныхъ интеллигентовъ!

Но вотъ очередь обѣдать дошла до одиночки; по камерамъ начали разносить обѣдъ; перебранка прекращается, публика исчезаетъ съ оконъ и принимается за насыщеніе. Обѣдъ разносятъ арестанты, именующіеся „рабочими“ или попросту „парашниками“; на ихъ обязанности лежитъ уборка камеръ и корридоровъ, заправка лампъ, чистка половъ и пр. За это парашники получаютъ изъ тюремныхъ суммъ въ мѣсяцъ по 60 коп.; но дѣло не въ этихъ грошахъ, а въ безгрѣшныхъ доходахъ, получаемыхъ ими съ привилегированныхъ арестантовъ за разнаго рода услуги, а главное,—въ той относительной свободѣ, какой пользуются эти „рабочіе“: они почти свободно разгуливаютъ по всей одиночкѣ, имѣтъ доступъ во всѣ крылья и этажи; они первые узнаютъ всѣ тюремныя новости и моментально разносятъ ихъ по всему корпусу; это—тюремная газета и почта. Насколько я могъ замѣтить, званіе парашника отнюдь не считается зазорнымъ; въ рабочіе охотно идутъ тюремные завсегдатаи, хотя Павлуша не всегда соглашается представлять ихъ на „утвержденіе“ высшему начальству:—„Больно ужъ вы умны!“ объясняетъ онъ кандидатамъ. И правда, поступая въ чернорабочіе, такъ сказать, изъ любви къ искусству, иные профессионалы ухитряются проводить самый бдительный надзоръ и подчасъ обращаютъ одиночную изоляцію въ мнѣзъ.

Принесли и мнѣ обѣдъ „по росписанію“; такой обѣдъ изъ двухъ мясныхъ блюдъ обходится 18 коп.; дали на полчаса и ножикъ съ вилкой; остальное время они хранятся на всякій случай въ кладовой.

Послѣ обѣда тюрьма затихаетъ; большинство укладывается отдыхать, разговоры прекращаются и окна пустѣютъ. Къ этому времени обычно приурочиваются обходы камеръ начальствомъ, посѣщенія прокурора и ревизора. Уже издали слышится хлопанье дверями и необычная суета; наконецъ, очередь доходитъ до васъ; дверь въ камеру распахивается; Павлуша предупреждаетъ: „товарищъ прокурора!“ Мимо двери проходитъ чиновникъ юстиціи, и дверь снова захлопывается. Тюремное начальство лишь изрѣдка заходитъ въ камеры, освѣдомляется, нѣтъ-ли какихъ претензій, задаетъ нѣсколько вопросовъ, долженствующихъ свидѣтельствовать о его вниманіи къ заключенному, и удаляется. Эти посѣщенія, какъ и все неожиданное, нарушающее обычный монотон-

ный порядокъ дня, болѣзненно дѣйствуютъ на нервы. Раздражаютъ эти, пожалуй, и необходимыя, но назойливыя формальности. Въ большинствѣ случаевъ претензій у васъ никакихъ нѣтъ, разговаривать вамъ не о чемъ, и появленіе новаго посторонняго лица, имѣющаго на васъ извѣстныя права, обязаннаго справляться о васъ, только выводитъ изъ того ровнаго, безразличнаго настроенія, какое создается долгимъ одиночествомъ. Толчокъ нарушаетъ неустойчивое равновѣсіе, настроеніе начинаетъ колебаться, и то, что улеглось было подъ порогомъ сознанія, снова и снова выплываетъ въ мозгахъ. Стѣны, рѣшетки, правила, висящія на стѣнѣ, все, съ чѣмъ успѣлъ уже сжиться до того, что забываешь его значеніе, опять пріобрѣтаетъ свою острожную фізіономію, жгуче напоминающая объ особенностяхъ несвободной жизни.

Не успѣлъ еще я оправиться отъ одного изъ такихъ посѣщеній, какъ снова загремѣли засовы, и въ отворившейся съ грохотомъ двери появилась благообразная фигура прогулочнаго надзирателя: „гулять пожалуйста!“ Въ обращеніи со мной надзиратель этотъ замѣчательно вѣжливъ; проходя по желѣзнымъ галлереямъ и лѣстницамъ внутри зданія, вдругъ слышишь сзади его мягкій голосъ: „шапочку снимите“,—оборачиваюсь... онъ, молча, но выразительно указываетъ на висящую на одномъ изъ балкончиковъ икону. Дѣлать нечего—покоряюсь, но эта подробность коробитъ всего, начинаешь понимать, почему такія же мелочи иной разъ вели къ цѣлымъ трагическимъ исторіямъ. Это поминутное напоминаніе на каждомъ шагу, при каждомъ движеніи, о тюрьмѣ, о тюремномъ режимѣ, способно взвинтить и безъ того натянутые нервы до самаго отчаяннаго, хотя, быть можетъ, и нелѣпаго протеста.

Выхожу на кругъ для прогулки; не больно-то онъ пригладенъ, особенно сейчасъ. Мѣсто для гулянія—это уголь, отгороженный высокимъ заборомъ между двумя крыльями корпуса; въ этомъ углу каменными плитами намѣчена круговая дорожка діаметромъ аршинъ въ 20; въ серединѣ круга становится у фонарнаго столба надзиратель, и вотъ вы въ продолженіи 10 минутъ *гуляете* по этой окружности; двумя діаметрами перекрещиваютъ ее песчаныя дорожки; въ квадратахъ лѣтомъ разбиваютъ цвѣточныя клумбы, теперь же вмѣсто цвѣтниковъ здѣсь лежатъ груды грязнаго снѣга, охраненнаго стѣнами отъ солнечныхъ лучей. Пока не привыкнешь, прогулка эта дѣйствуетъ далеко не освѣжающимъ образомъ; нѣсколько нарушая монотонное сидѣніе въ камерѣ, она приноситъ вмѣстѣ съ тѣмъ рядъ укуловъ и безъ того натянутымъ нервамъ: ходишь по кругу, какъ лошадь на кордѣ; изъ свободныхъ оконъ, какъ изъ ложъ, глазѣютъ на тебя арестанты; особенно тяжело это глазѣніе, сопровождаемое иной разъ разнаго рода замѣчаніями, для гуляющихъ женщинъ; послѣднихъ здѣсь не много, и

всѣ онѣ за особыми учрежденіями... Какъ заплата, безобразно сѣрѣютъ въ шахматномъ порядкѣ зонты; знаешь вѣдь и чувствуешь, кто сидитъ за ними, иной разъ и услышишь отсюда знакомый окрикъ, и какъ-то острѣе почувствуешь свое безсиліе не противъ замковъ и рѣшетокъ, а противъ этого порядка, этихъ вѣжливыхъ надзирателей; вотъ когда чувствуется вся иронія свободы „двигаться въ отведенномъ начальствомъ пространствѣ“! Ходишь по кругу въ полномъ молчаніи—надзирателю дана инструкція избѣгать разговоровъ, а потому на всѣ вопросы получается стереотипный отвѣтъ: „не могу знать“! и всякія попытки завязать разговоръ на томъ и обрываются.

Не долга эта прогулка, вотъ надзиратель уже направляется къ двери и, почтительно приложивъ руку къ козырьку, приглашаетъ „домой“. Пройдя входную дверь, мы останавливаемся у слѣдующей; привратникъ входитъ въ корпусъ—посмотрѣть, не ведутъ-ли еще кого изъ такихъ же, какъ бы не встрѣтились. Черезъ нѣсколько секундъ дверь распаивается и мы—въ серединѣ одиночнаго корпуса: на три стороны идутъ желѣзныя лѣстницы, узенькія галлерейки тянутся вдоль каждаго этажа, тамъ и сямъ на балкончикахъ стоятъ надзиратели, свѣтъ проникаетъ сюда изъ громадныхъ оконъ, устроенныхъ въ концѣ каждаго крыла; въ серединѣ корпуса постоянно сумерки. Мы тихо поднимаемся въ мой этажъ, тамъ дежурный надзиратель уже предупредительно отперъ и растворилъ камеру, и вы, безмолвно пройдя черезъ нѣсколько рукъ, снова оказываетесь одни. Осматриваясь, вы замѣчаете, что не всѣ ваши вещи остались на старыхъ мѣстахъ, кое что передвинуто, переставлено... Очевидно, въ ваше отсутствіе происходилъ „осмотръ вещей“—нѣтъ-ли чего запретнаго: лишней бумаги, осколка карандаша и т. п. Постоянно, вездѣ и во всемъ вы чувствуете надъ собой тихую молчаливую бдительность, бдительность давящую, раздражающую, какъ ноющей нарывъ, какъ жужжаніе комара, принаравливающегося, но никакъ не рѣшающагося ужалить. Какъ символъ этой бдительности, постоянно глядитъ на васъ чернѣющій въ двери глазокъ. Помню мое первое впечатлѣніе отъ этого глазка: послѣ безсонной, полной всякихъ мытарствъ ночи, я попалъ въ тихое пристанище. Павлуша радушно принялъ меня, отвелъ мнѣ камеру и, давъ необходимыя разъясненія, оставилъ одного. Я началъ осматривать отведенное мнѣ пространство, предѣлами котораго теперь была ограничена для меня свобода передвиженія. Три аршина ширины, пять длины, къ стѣнѣ привинчена откидная желѣзная койка съ сѣннымъ тюфячкомъ, у окна деревянный столикъ и табуретъ, противъ койки на стѣнѣ „Правила“, въ углу деревянный образокъ, тутъ же полочка и на ней мѣдная посуда (кувшинъ, тазъ, миска, тарелка и кружка), у двери классическая парашка. Я хотѣлъ было лечь, койка оказалась запертой на ключъ, подошедшій

на звѣнокъ надзиратель объяснилъ, что койка отпирается днемъ только съ разрѣшенія начальства и теперь надо ждать до вечерней повѣрки. Лечь на пыльный асфальтовый полъ я не рѣшился, пробовалъ прижиться на столѣ—болно и неудобно, а отдохнуть такъ хочется! Разозленный, я принялся ходить по камерѣ, подошелъ къ двери, заглянулъ въ воронку „глазка“ и инстинктивно отшатнулся: сквозь блестящее въ отверстіи стекло на меня смотрѣлъ чей-то глазъ, я глянулъ еще разъ—глазъ упорно продолжалъ смотрѣть. Я окончательно возмутился, напуганные нервы давали себя знать, я уже протянулъ руку къ звонку, но тутъ невольно улыбнулся, сообразивъ, что въ стеклѣ глазка задвинутого снаружи жестяной, отражался и глядѣлъ мой собственный глазъ.

Благодаря этому глазѣу, находясь въ одиночкѣ, всетаки постоянно чувствуешь и знаешь что ты не одинъ, что ты все время подѣ надзоромъ, что въ каждомъ своемъ движеніи тебѣ надо быть на чеку, надо постоянно, разсчитывать и выгадывать моментъ... Это постоянное безпокойное и напряженное состояніе, по моему, представляетъ, одно изъ самыхъ тяжелыхъ и изнурительныхъ условій одиночнаго заключенія.

II.

Пропѣли вечернюю молитву; тюремный хоръ нестройными голосами отхватилъ какой-то оглушительный концертъ. Вдали слышался стукъ хлопающихъ форточекъ. Звукъ отъ ихъ паденія по мѣрѣ приближенія и удаленія то повышается, то понижается, давая подобіе гаммы. Это—идетъ повѣрка. Каждый вечеръ послѣ молитвы одинъ изъ помощниковъ начальника въ предшествіи надзирателя и въ сопровожденіи старшаго обходитъ всѣ галлерей корпуса; идущій впередъ надзиратель съ шумомъ откидываетъ дверныя форточки, начальство быстро проходитъ мимо, форточки снова захлопываются, заключенные должны стоять противъ форточки, свидѣтельствуя тѣмъ о своей наличности.

На время повѣрки шпанка затихаетъ. Но когда повѣрка прошла, начинается (лѣтомъ, при открытыхъ окнахъ) самое веселое время; начальство уходитъ изъ корпуса, въ немъ остаются только дежурные надзиратели, и шпанка на свободѣ принимается за свои развлеченія.

Въ своихъ забавахъ заправскіе воры и громилы превращаются въ настоящихъ ребятъ; развлеченія ихъ незамысловаты. Вотъ нѣсколько бородатыхъ младенцевъ съ увлеченіемъ занимаются пушканіемъ по вѣтру бумажекъ; одинъ передъ другимъ стараются они запустить свой клочекъ повыше; глядя, съ какимъ вниманіемъ слѣдятъ они за ихъ полетомъ, слушая ихъ шутки, прямо не вѣ-

рится, чтобы эти добродушные забавники были профессиональными преступниками.

Съ грохотомъ задѣвая мой зонтъ, проносится мимо меня веревка съ привязанной на концѣ шпичкой отъ оконнаго шпингалета. Это Кривецкій ухищряется установить сообщеніе съ пятымъ этажомъ другого крыла. Оттуда, стараясь вытянутой рукой поймать веревку, внимательно слѣдитъ за ней старикъ Фокъ. Его германская фizioномія, поросшая сѣдой щетиной, съ большими стариковскими очками, даетъ иллюзію невозмутимаго гелертера, производящаго серьезный опытъ. Наконецъ, Фоку удастся поймать веревку; укрѣпивъ ее въ своемъ окнѣ, онъ методически, не спѣша, переправляетъ по ней Кривецкому цѣлую пайку (фунта въ два) чернаго хлѣба. При хохотѣ и одобрительныхъ замѣчаніяхъ шпанки ѣдетъ по воздуху этотъ грузъ; Кривецкій ликуетъ и вспоминаетъ доставку провіанта въ форть на улицѣ Шаброль. Профессионалы въѣдъ интересуются политикой, отдѣльные номера газетъ какимъ-то путемъ проникаютъ къ нимъ даже въ одиночку.

Эта воздушная почта или, какъ прозываютъ ее арестанты, „телефонъ“ играетъ большую роль въ жизни одиночки; запертые въ своихъ камерахъ острожники устраиваютъ при помощи веревокъ и нитокъ сообщеніе между окнами; по этимъ веревкамъ переправляется изъ камеры въ камеру все, что требуется: табакъ, хлѣбъ, чай, сахаръ; такимъ способомъ устанавливается сообщеніе не только между сосѣдними камерами, но и между разными крыльями и этажами зданія.

Получивъ „пайку“, Кривецкій приходитъ въ благодушное настроеніе и заводитъ съ Фокомъ философскій разговоръ. Фокъ — глухъ, потому разговоръ ведется крайне отрывочно. Кривецкій по нѣсколько разъ выкрикиваетъ свои вопросы и возраженія. Фокъ, приложивъ руку къ уху, внимательно вслушивается и, наконецъ, отрѣзываетъ краткимъ и внушительнымъ афоризмомъ. Фокъ — послѣдовательный матеріалистъ, не вѣрящій ни въ чохъ, ни въ сонъ. Ко всему „сверхчувственному“ онъ относится пронически. Иной разъ пробуютъ испугать его тьмой кромѣшной, скрежетомъ зубовнымъ; но Фокъ невозмутимо сражаетъ оппонентовъ вопросомъ: а чѣмъ же я скрежетаю буду? и широко развѣваетъ свой беззубый ротъ. Его философское безстрашіе сильно импонируетъ шпанкѣ, тѣмъ болѣе, что Фокъ не изъ мелкихъ, — онъ осужденъ за поддѣлку выигрышныхъ билетовъ. Наказанія онъ не боится; онъ достаточно пожилъ, скоро и конецъ, такъ не все ли равно, гдѣ кончатъ!

Въ сторонѣ слышится оглушительный хохотъ шпанки; тамъ потѣшаетъ публику тюремный шутъ Гараська, рассказывая анекдоты, изображая начальство и просто неся всякій вздоръ.

Въ другомъ углу идетъ баталія: рыжій слесарь Иванъ старается облить водою своего сосѣда, юркаго торгаша Нахvakса.

Между ними постоянное междоусобіе; Рыжій всячески стремится допечь сосѣда, но вмѣстѣ съ тѣмъ ухитряется и попользоваться отъ него. Постоянно кланчить онъ у Нахvakса то табачку, то сахарку, то еще чего. Нахvakсъ надѣляется его, выговаривая себѣ спокойствіе, но Иванъ, получивъ требуемое, немедленно принимается за старое. Эта парочка своими отношеніями доставляетъ не малое развлеченіе шпанкѣ, принимающей живое участіе въ ихъ распряхъ, поддусьбивая и натравливая ихъ другъ на друга. Нахvakсъ пробовалъ уже жаловаться по начальству, и Рыжаго убрали подъ зонть. Но вернувшись на прежнее мѣсто, онъ не унимается.

Мирное теченіе тюремнаго вечера внезапно нарушается. Раздается рѣзкій окрикъ Кривецкаго: „Закрывай окна, слушай!“ Окна быстро захлопываются и собесѣдники исчезаютъ въ глубинѣ камеръ. Я тоже слѣзаю съ окна, становлюсь у дверей и начинаю прислушиваться: чей-то визгливый, не то дѣтскій, не то женскій голосъ пронзительно кричитъ: „караулъ, помогите!“, слышятся грубые голоса, идетъ какая-то возня. Съ нами сидятъ нѣсколько женщинъ; мрачныя картины недавняго прошлаго мгновенно всплываютъ въ памяти, кровь приливаетъ къ мозгу... Съ сосѣдами, очевидно, происходитъ то же, единство настроенія устанавливаетъ между камерами психическій токъ. Вотъ раздался звонокъ, другой, третій... Перезвонъ пошелъ по всему корпусу. Кто-то начинаетъ бить въ дверь табуретомъ, гулко раздаются удары среди камня и желѣза... Шумъ все усиливается, мучительная тревога растетъ; не знаешь, что дѣлать, главное—какъ избавиться отъ этой томительной неизвѣстности, отъ этого гнетущаго чувства безсилія помочь тому, кто гдѣ-то, тутъ же, рядомъ, подвергается, быть можетъ, грубѣйшему насилию.

Но вотъ крики прекратились, а возбужденная ими суматоха все не стихаетъ, идетъ бѣготня, слышятся окрики. Наконецъ, открывается дверная форточка и смущенный надзиратель разъясняетъ, въ чемъ дѣло: одного мальчишку повели сажать въ карцеръ, а ему не понравилось, ну и сталъ орать благимъ матомъ. Разспрашиваю подробности,—„онъ похожъ на правду“,—и я начинаю вѣрить, что дѣйствительно, сейчасъ разыгрывалась не драма, а самая будничная комедія. Но расходившіеся нервы долго не могутъ успокоиться, воображеніе продолжаетъ работать, въ разгоряченномъ мозгу не перестаютъ роиться трагическія картины. Пробую лечь, успокоиться,—нѣтъ, еще хуже; начинаю мѣрять шагами камеру—все не помогаетъ; наконецъ, надумываю обратиться къ средству, самому простому и вѣрному, но которое жовтому всегда приходитъ въ голову послѣднимъ: я снова занимаю свой наблюдательный постъ на окнѣ.

Въ публикѣ идетъ оживленное обсужденіе случившагося; дѣй-

ствительно, Ваську-цыгана, огольца лѣтъ 17, за какую-то провинность повели въ карцеръ, онъ и надѣлалъ всю эту тревогу.

— Ахъ, чтобъ ему!—возмущается Кривецкій:—я изъ за него, собачьяго сына, форточку у себя въ двери сломалъ, съ попугаемъ своимъ опять разлаялся, а онъ, изволите видѣть, комедию ломалъ!

— А нужно было очень кипятиться и всю эту волюнку заводить?—замѣчаетъ Махалинъ:—я, вотъ, далъ себѣ зарокъ,—что бы тамъ ни дѣлалось, ни подъ какимъ видомъ не мѣшаться.

— Какъ такъ не мѣшаться?—негодуетъ Кривецкій:—тутъ у тебя за стѣной, можетъ статься, человѣка калѣчатъ, а ты что же, сложа руки сидѣть будешь? Да, эдакъ намъ тутъ и житья не будетъ! Коли шума изъ за битья не подымать, такъ идола наши и вовсе совѣсть потеряютъ, будутъ бить на смерть изъ за всякаго пустяка!

— Ну, братъ, изъ за пустяка бить тоже не станутъ!—резонерствуетъ Махалинъ:—да мало ли тутъ крику бываетъ, коблѣвъ-то тутъ сидитъ тоже, не оберешься! Я прежде и самъ звонки давалъ, и въ дверь барабанилъ не хуже твоего, да разъ со мною, братъ, изъ за этого такая волюнка вышла, что послѣ я и закаялся въ это дѣло вступаться.—„Какая такая волюнка?—любопытствуетъ кто-то изъ шпанки.—Да такъ, пустое совѣсть дѣло.—отговаривается Махалинъ; онъ любитъ, чтобы за нимъ поухаживали; такъ и теперь, поломавшись мало-мало, онъ начинаетъ рассказывать.

— Было это лѣтъ пять тому назадъ; нашихъ тогда здѣсь сидѣло порядкомъ: Володька-поваръ, Ванька-баринъ, баронъ, еще кое-кто; и все въ первомъ крылѣ подъ самой конторой. Противъ насъ сидѣлъ водовозъ, подъ слѣдствіемъ,—жену зарѣзалъ. Такъ вотъ, разъ поздно, повѣрка уже прошла, слышимъ изъ его камеры: кричитъ караулъ, ровно рѣжетъ его кто. Пробѣжали по лѣстницамъ надзиратели, слышимъ—идетъ возня, а водовозъ все свое—караулъ оретъ, что есть мочи; слышимъ потомъ кричить, будто душатъ его. Я, нѣтъ сомнѣнія, звонокъ; другіе тоже, ну и пошла потѣха — на звонки къ намъ, понятно, никто не идетъ, надзиратели-то всѣ къ водовозу сбѣжались; мы, какъ водится, за табуретки, начинаемъ въ двери бить; словомъ, все какъ полагается. Только вдругъ дверь моя настѣжъ —и въ нее шастъ самъ начальникъ, тогда еще нѣмецъ былъ: „Ты что, такой-сякой, стучишь?“—Да какъ же, вашескорodie, говорю, человѣка бьютъ, бить, молъ, не полагается; коли что не такъ, велите разобрать, да и прикажите наказать по формѣ; а это что жъ за расправа такая, не по закону молъ!“—не договорилъ я еще всего, какъ онъ меня бацъ въ ухо, да въ другое: записать его, кричитъ, въ карцеръ на три дня! —и пошелъ по сосѣдямъ; тамъ, слышу, начистилъ онъ тоже кое-кому... Ну, думаю, дѣло дрянъ, надо лататы зада-

вать. На утро записываюсь къ доктору: такъ, молъ, и такъ, боленъ, дескать, прошусь въ больницу. Ну, былъ тогда, можетъ помните, старичекъ уважительный, выписалъ онъ меня въ больницу; поѣхалъ это я въ больницу на пересыльную; смотрю, въ фургонѣ со мной сидитъ этотъ самый водовозъ.—Спрашиваю его: скажи, пожалуйста, что съ тобой вчера попричилось, а онъ мнѣ: „а тебѣ на что, убирайся ты къ...!“ Вотъ тебѣ, думаю, фунтъ; я изъ за него, подлеца, плюху съѣлъ, да еще карцеръ впереди, а онъ вонъ что!.. Ну, какъ ни какъ, а всетаки узналъ я, въ чемъ дѣло было. Выходитъ—жена ему покойница приснилась, пришла это будто къ нему ночью, какъ была зарѣзанная, вся въ крови... онъ и испугался, да и заори, какъ оглашенный; ну, надзиратели, нѣтъ сомнѣнія, унимать его; а онъ опомниться не можетъ, знай ореть—ну и пошла потѣха. Вотъ она волюнка-то какая: у него, видите ли, нервы оказались не въ порядкѣ, нѣжности какія—жену увидалъ, а тутъ хорошимъ людямъ изъ за него влетаетъ... Такъ-то! Вернулся я изъ больницы черезъ недѣлю, думалъ—забудется; нѣтъ, запомнилъ нѣмчура проклятая: такъ трое сутокъ въ карцерѣ и отдежурилъ за водовоза-то... Съ тѣхъ поръ, ну ихъ къ ляду, ни за что не стану тревоги подымать, хоть ты тутъ надорвись съ крику! Будетъ!

Разсказчикъ умолкаетъ и начинаетъ раскуривать трубку. Шпанка отпускаетъ одобрительныя замѣчанія на тему: „своя шкура дороже“; но Кривецкій не унимается:—Это ты, Махалинъ, неправильно, какъ никакъ нельзя же терпѣть, чтобъ били!

— Коли бьютъ, такъ, нѣтъ сомнѣнія, — есть за что. Безъ дѣла тоже бить не стануть.

— Безъ дѣла? Нѣтъ, ужъ это врешь! Бьютъ зря; я самъ, братъ, въ переплетѣ-то былъ.

— Какъ же, помню; тебя тогда подстаршій толкнулъ, что-ли, а ты ему въ ухо; ну, нѣтъ сомнѣнія, тебя въ карцеръ, а тамъ и помаяли малость!

— Да, малость! недѣли три только потомъ съ койки не вставалъ.

— Ну что жъ съ того? Живѣ вѣдь остался. Да развѣ съ нашимъ братомъ по другому-то можно — вѣдь тебя словомъ-то не урезониишь. Мы этого не понимаемъ: тебя въ карцеръ ведутъ, а ты надзирателя самымъ, что ни на есть, похабнымъ словомъ поливаешь, вести себя не даешь; тебя за руки—а ты норовишь укусить. Ну, какъ же еще съ тобой? Да глупости это все — ничего все равно не подѣлаешь, сила солому ломить; въ карцеръ тебя все равно притащутъ, и тамъ вольютъ по первое число.

— Ну нѣтъ, братъ, это еще посмотримъ! Мнѣ тогда хотъ и влили, да потомъ Терентьевъ самъ съ поклономъ приходилъ: не жалуйся, молъ; такъ ужъ я ему и спустил. Послѣ шелковый

сталь! Да и то сказать, на что жъ тогда и судъ, и законъ, коли безъ всякихъ правъ быть стануть?

— Какой тебѣ еще законъ? Ты вотъ, пожалуй, скажешь, что не по закону бьютъ, когда съ полицнымъ засынешься!

— Натурально не по закону: застрѣмилъ, ну отведи въ участокъ, а тамъ къ судѣ: судъ самъ разберетъ и ужъ накажетъ, какъ полагается по закону.

— Ишь ты сладкій какой! а душу-то свою какъ отвести, куда ты этакій? Это тамъ какъ судья скажутъ, еще неизвѣстно. а тутъ сорвалъ сердце, и кончено. Что зря говорить. вѣдь быть больше нашего брата, если „похоронишь“ какую-либо голытьбу. Ты у него послѣдній пиджакъ стяпалъ, ему выйти не въ чемъ. Ну ужъ, если выспнешься, не взыщи: живого мѣста не оставлять. За то иной разъ—сорветъ сердце и въ участокъ не поведетъ. Вотъ если застрѣмилъ на большой покупочкѣ, напр., тысячу это на пять—на шесть, тутъ, братъ, разговоръ совѣмъ иной пойдетъ; обойдутся съ тобой вѣжливо, и еще папирской угостятъ, на чай, пожалуй, дадутъ. Потому тутъ для фирмы вродѣ объявленія выходятъ: въ газетахъ пропечатаютъ, кража, молъ, тысячная. Публика-то и наматаетъ на усъ—фирма, выходитъ, солидная. Да и злобы-то у хозяевъ нѣтъ настоящей—вѣдь не послѣднее кровное.

— Это ты, Юличъ, вѣрно!—вставляетъ Акиловъ:—со мной вродѣ было. Въ магазинѣ ювелирномъ случилось покупочку хорошую сдѣлать; такъ потомъ въ сыскную дамочка приходила, изъ хозяевъ что ли: мнѣ, молодой человѣкъ, говорить, очень неприятно, что васъ поймали.—Обращается къ лягавому (сыщику): могу я дать имъ что-нибудь?—и даетъ золотушку.—Шпанка хочеть: „Молодецъ, Акиловъ, собаки его ѣшь! Акилова марухи любятъ“.—Кривецкій на минуту озадаченъ, но немного спустя указываетъ на желѣзнодорожныхъ жандармовъ, которые на баняхъ *) бьютъ воровъ нещадно: „Имъ-то что; вѣдь не ихъ добро, а они ровно звѣри какіе!“—Махалинъ и тутъ находитъ какіе-то резоны.

Несовѣмъ обыкновенный человѣкъ этотъ Махалинъ; повидимому, много онъ видѣлъ на своемъ вѣку, всему знаетъ онъ цѣну и ко всѣмъ вещамъ относится съ какой-то объективностью. Постоянно обрѣзываетъ онъ увлекающагося Кривецкаго, когда тотъ заврется въ своихъ обличеніяхъ. Ко всему онъ равнодушенъ, все объясняетъ, все находитъ въ порядкѣ вещей. Любимое его присловье, это—„нѣтъ сомнѣнья“. Да и правда, сомнѣній для него что-то не существуетъ. Махалинъ—не старый еще человѣкъ, на видъ ему лѣтъ подъ тридцать, но судился онъ что-то много разъ; по послѣднему приговору его лишили правъ и со-

*) Вокзалы ж. д.

стали на поселеніе; онъ сбѣжалъ оттуда и снова появился на старомъ мѣстѣ. Пришелъ онъ, по рассказамъ, голъ какъ соколъ, но, „поторговавши“ немного, приодѣлся и зажилъ по-прежнему, спуская все, что ни наторговывалъ, съ пріятелями, да на марухъ. Недолго пришлось ему погулять, онъ снова засыпался и вотъ теперь сидитъ въ ожиданіи суда, а затѣмъ арестантскихъ ротъ. Не смотря на свою резонирующую объективность, Махалинъ, пожалуй, опаснѣе для „общества“, чѣмъ пылко стремительный Кривецкій; въ немъ чувствуется больше силы, больше воли. Я не слышалъ, чтобы онъ бахвалился своими подвигами, но между своими репутація его, видимо, стоитъ высоко. Махалинъ рѣдко рассказываетъ о себѣ, но даже когда ему случается вспоминать о быломъ отчаянномъ походе, лишь легкая самодовольная усмѣшка, змѣющаяся на его тонкихъ губахъ, выдаетъ его любованіе собой. Онъ не хвастаетъ, что у него „совѣсти нѣтъ“, какъ это выпалитъ иной разъ Кривецкій. Нѣтъ, когда его ведутъ съ конвоемъ по городу, особенно одного, Махалинъ, по собственнымъ словамъ, „не глядѣлъ бы ни на кого“, ему не по себѣ... На судѣ онъ ничего не говоритъ, не хнычетъ, какъ это зачастую практикуютъ профессионалы. Въ послѣдній разъ онъ пошелъ въ Сибирь даже не за свое дѣло.—„Нѣтъ сомнѣнія, могъ бы я рассказать присяжнымъ и про свою жизнь хорошую, какъ мнѣ дѣваться некуда было... Да что! не хочется что-то передъ ними принижаться, ну и молчишь! Въ послѣдній разъ и председатель хорошій случился; можно было, пожалуй, и оправдаться. Да нѣтъ, не могу это я плакаться. Подъ конецъ, какъ водится, обращается ко мнѣ председатель: можетъ вы скажете намъ что въ свое оправданіе? Вамъ принадлежитъ послѣднее слово. Глянулъ я на него: Что мнѣ сказать, говорю, вамъ лучше знать ваше превосходительство!—такъ и передернуло его всего, проходить мимо меня красный весь, и глянуть на меня не хочетъ“.

А иной разъ вырвется у него словечко, и скажется въ немъ такая ненависть ко всему, что невозбранно пользуется всѣми благами жизни, что вчужѣ жутко станетъ. Или подастъ онъ пріятелю такой дьявольскій совѣтъ, какъ избавиться отъ неудобнаго чловѣка, что и пріятеля, на что тертый калачъ, покоробить всего.

Этого тюрьма не приметъ, не перевоспитаетъ. Да и вообще для профессиональных преступниковъ тюрьма представляетъ лишь извѣстнаго рода житейскую непріятность, обойти которую трудно. Исправляющаго дѣйствія на нихъ она не имѣетъ, да и имѣть не можетъ, прежде всего уже потому, что здѣсь сталкиваются лицомъ къ лицу два несоизмѣримыхъ теченія. Одно постоянно выносящее на свою поверхность грязную пѣну преступленія, другое постоянно стремящееся смыть эту пѣну начисто—задача вычерпыванія моря рѣшетомъ. Пѣна, хоть и грязная, но

вздымаемая самой жизнью, постоянно и постоянно появляется на поверхности, сколько бы ее ни снимали.

III.

Между судомъ и тѣмъ, кого онъ судить, стоитъ глухая стѣна взаимнаго непониманія. Сверху—принимаютъ мѣры, предупреждаютъ, пресѣкаютъ, караютъ. Внизу—отбываютъ кару, отлично сознавая, что всѣ эти мѣры ничего не предупреждаютъ, никого, не исправляютъ. Для человѣка, побывавшаго въ тюрьмѣ не въ качествѣ минутнаго обозрѣвателя или ревизора, не остается ни малѣйшаго сомнѣнія въ безрезультатности наказанія тюрьмой въ цѣляхъ исправленія. Тюрьма лишь крѣпче связываетъ преступника съ его преступленіемъ и своими послѣдствіями почти фатально обрекаетъ отбывшаго наказаніе на рецидивъ. Если въ преступникѣ и оставались еще слѣды „доброй воли“, сознанія своей виновности, то тюрьма дѣлаетъ все, чтобы заглушить и эти послѣдніе проблески. Внутри тюрьмы, въ острожномъ обществѣ, цѣлый рядъ уголовныхъ дѣяній не считаются ни преступными, ни позорными. Ими кичатся, бахвалятся. Особыхъ стимуловъ къ раскаянію, а стало быть и къ нравственному возрожденію, тюрьма не доставляетъ. Устрашить на предбудущее время она тоже не въ силахъ. Для профессиональнаго преступника тюрьма не страшна, а множество случайныхъ преступниковъ она закабалитъ преступленію.

Немудрено, что на всѣ судебныя формальности арестанты смотрятъ какъ на пустую церемонію, только удлиняющую время суда и слѣдствія, а стало быть, и заключенія. Судебныя формальности и обрядности ничего не говорятъ подсудимому и только подбавляютъ лишнюю струю къ тому непониманію, которое царитъ въ отношеніяхъ между судомъ и подсудимыми. У бывалыхъ арестантовъ складывается своего рода презрительно-ироническое отношеніе къ суду и слѣдствію. Я приводилъ уже отвѣтъ Махалина на предложеніе воспользоваться правомъ послѣдняго слова. Бродяги, „непомнящіе родства“, безъ стѣсненія издѣваются надъ слѣдователемъ. Вотъ для примѣра разговоръ въ слѣдственной камерѣ: „Гдѣ вы проживали все это время?“—„Иже вездѣ сый“.—„Чѣмъ занимались?“—„И вся исполняй“.—„На какія средства жили?“—„Сокровища благихъ“.

Огромное большинство арестантовъ, даже изъ рецидивистовъ, имѣютъ смутное представленіе о своихъ правахъ и обязанностяхъ въ качествѣ обвиняемыхъ и подсудимыхъ. Я помню, въ какомъ недоумѣніи былъ Кривецкій, получивъ „бумагу“ отъ прокурора. Недѣли за три передъ тѣмъ онъ подалъ прокурору прошеніе объ ускореніи производящагося надъ нимъ слѣдствія и отпускѣ его

на поруки или на „подзоръ“ общества. Прощеніе было весьма трогательное; не смотря на многолѣтнія мытарства, даже бывалые арестанты никакъ не могутъ вразумиться, что значить *официальное* лицо; они въ простотѣ душевной полагаютъ, что слѣдователя и прокурора можно тронуть слезливымъ прошеніемъ, гдѣ будетъ прописано, какъ тошно арестанту сидѣть въ'одиночкѣ, какъ мало пришло ему гулять на волѣ и пр. Вотъ въ отвѣтъ на такое-то трогательное посланіе Кривецкій и получилъ бумагу. Въ ней прокуроръ извѣщаетъ его, что, за силой такихъ и такихъ-то статей, онъ не находитъ возможнымъ отмѣнить принятую по отношенію къ нему, какъ къ рецидивисту, мѣру пресѣченія уклоненія отъ суда и слѣдствія. Кривецкій ровно ничего не понялъ изъ этой бумаги, прежде всего его смутило слово „рецидивистъ“. Его болѣе интеллигентный сосѣдъ попытался растолковать ему значеніе этого слова, но на бѣду пояснилъ его примѣромъ: рецидивъ болѣзни, напр., возвратный тифъ, лихорадка и т. п. Кривецкій вознегодовалъ: „Это, значить, у меня болѣзнь такая, что только выпусти меня, я опять за воровство примусь, а потому меня и на подзоръ пустить нельзя? Такъ что-ли?—Пожалуй, что и такъ,—соглашаются съ нимъ.—„А вотъ какого чорта прокуроръ вретъ, будто я уклоняюсь отъ суда и слѣдствія. Что я бѣгалъ, что-ли?“—Съ трудомъ разъясняютъ ему, что предварительное заключеніе не наказаніе, а предупредительная мѣра, имѣющая цѣлью лишить обвиняемаго возможности укрываться отъ суда. Между тѣмъ Кривецкій судится не въ первый разъ, но опытъ не далъ ему въ этомъ отношеніи ничего, всѣ слѣдственные и судебныя формальности для него „темна вода во облацѣхъ“, каждое новое дѣло преподноситъ ему все новыя и новыя неожиданности. Съ этой стороны положеніе подслѣдственныхъ арестантовъ крайне жалкое. При полиѣшемъ невѣдѣніи законовъ и уставовъ, они рады всякому совѣту товарища по заключенію, но совѣтъ этотъ въ большинствѣ случаевъ бываетъ самый нелѣпый. Получить дѣльный совѣтъ имъ положительно неоткуда, казенные защитники обыкновенно относятся къ дѣлу совершенно формально. Арестанты такъ резюмируютъ ихъ защитительныя рѣчи: „полагаюсь на ваше мнѣніе, господа присяжные засѣдатели!“ Но и послѣднимъ подсудимые не придаютъ большого значенія. По ихъ представленію, центральное мѣсто въ судѣ принадлежитъ предсѣдателю, они увѣрены, что отъ его поведенія всецѣло зависитъ приговоръ присяжныхъ. Вопросомъ первостепенной важности является для нихъ поэтому: по какому отдѣленію кому придется судиться (иначе, каковъ будетъ составъ суда). Если, напримѣръ, по второму, то бѣда,—тамъ предсѣдатель непременно закатаетъ, единственное средство оправдаться при этомъ предсѣдатель это сознаніе. Среди профессионаловъ за нимъ установилась опредѣленная репутация: онъ всегда поддер-

живаешь обвиненіе, защитникамъ почти не даетъ говорить. Изъ словъ арестантовъ можно, пожалуй, заключить, что судья этотъ руководствуется правиломъ: „лучше обвинить десять невинныхъ, чѣмъ оправдать одного виноватаго“. За то и достается ему (за глаза и на словахъ, конечно) отъ арестантовъ. Помню, распространилась по острогу вѣсть, что этотъ судья заболѣлъ: надо было послушать, какія пожеланія высказывались по его адресу его кліентами, какой накипѣвшей злобой къ нему дышали они..

Вообще отношенія профессиональныхъ преступниковъ къ суду носятъ чисто личный характеръ. Они никакъ не могутъ смотрѣть на слѣдователя, прокурора, судей, просто какъ на орудія правосудія, они видятъ въ нихъ прежде всего людей, такъ или иначе заинтересованныхъ въ своей служебной карьерѣ и направляющихъ дѣла примѣнительно къ своимъ видамъ на движеніе по службѣ. Быть можетъ, тутъ и есть доля правды. Слыша иные рассказы о мытарствахъ, какимъ подвергаются подслѣдственные, сначала въ самой грубой формѣ въ сыскныхъ отдѣленіяхъ, а затѣмъ въ болѣе утонченной въ камерахъ судебныхъ слѣдователей, лишній разъ приходится убѣждаться, что всѣ люди—люди, ставящіе на первый планъ свое личное я съ его мелкими житейскими интересами и задачами. Груда исходящихъ и входящихъ отодвигаетъ куда-то вдаль живую личность обвиняемаго и вѣсто нея оперируютъ со статьями, отношеніями, протоколами. Было бы гладко на бумагахъ!

Форменное отношеніе къ обвиняемымъ тяжелѣе всего отзывается на категоріи случайныхъ преступниковъ—для нихъ одиночка, эта предупредительно-предварительная мѣра, дѣйствительно страшна и мучительна; для человѣка, привыкшаго къ трудовой жизни, къ физической работѣ,—вынужденное бездѣйствіе или кропотливый ручной трудъ, практикующійся въ тюрьмахъ, положительно отравляютъ жизнь. Прибавьте къ этому мучительное безпокойство объ исходѣ дѣла, чувство незаслуженнаго позора, цинизмъ окружающаго, и, быть можетъ, у васъ создается картина нравственнаго состоянія человѣка, за случайное преступленіе не осужденнаго еще, но уже посаженнаго въ тюрьму.

Неподалеку отъ меня вотъ уже одиннадцатый мѣсяцъ сидитъ слесарь Ракитинъ, лѣтъ 22; обвиняется онъ въ предумышленномъ покушеніи на убійство своей мачихи. Дѣло его то направляется къ прекращенію, то снова разгорается, путешествуя отъ слѣдователя къ прокурору и обратно, а Ракитинъ все сидитъ и сидитъ. Это подслѣдственное сидѣніе убійственно отзывается на его психикѣ, онъ почти не можетъ говорить о чемъ либо другомъ, кромѣ своего дѣла, со всѣми совѣтуется, постоянно плачется на свою судьбу, переходя отъ жалобъ къ отчаяннымъ ругательствамъ и угрозамъ. противъ всѣхъ, кого считаетъ маломальски причастными къ его злоключеніямъ.

Арестанты изъ профессионаловъ относятся къ нему пренебрежительно, они не могутъ переварить такого отношенія къ своей судьбѣ. Сами они иной разъ, конечно, тоже жалуются на свою горькую долю, но въ самыхъ ихъ жалобахъ проскальзываетъ своего рода кокетничаніе своимъ положеніемъ, жалобы быстро смѣняются бахвальствомъ своими похождениями, строятся планы будущихъ подвиговъ. Такое бахвальство съ особымъ задоромъ проявляется у молодыхъ, но бывалыхъ арестантовъ. По сосѣдству съ Ракитинымъ сидитъ оголецъ (несовершеннолѣтній) Сенька; не смотря на свои 17 лѣтъ, онъ уже успѣлъ пройти и огонь и воду и общается въ будущемъ истаго профессионалиста. Онъ прямо не выноситъ жалобъ и разговоровъ Ракитина; какъ только послѣдній начинаетъ плакаться на свою горькую участь, Сенька выходитъ изъ себя и обрушивается на сосѣда цѣлымъ потокомъ отборной ругани. Въ благопріятномъ случаѣ Сенька издѣвается надъ Ракитинымъ, ввертывая въ свою рѣчь жаргонныя словечки, непонятныя для послѣдняго. Онъ начинаетъ, напримѣръ, перечислять свои удачныя „покупочки“: на Рязанскомъ „банѣ“ онъ взялъ золотыя „бока“ съ „паутиной“ (часы съ цѣпочкой), въ другомъ мѣстѣ у расфуфыренной марухи онъ вынулъ „шмеля“, набитаго золотомъ (кошелекъ), на гуляньѣ въ манежѣ онъ здорово обчистилъ зазѣвавшагося на балабачниковъ „фрейера“ (господина), у него изъ „чердачка“ (боковой карманъ пальто) онъ вынулъ „кожу“ (бумажникъ), и если бы стоявшій подлѣ „духъ“ (полицейскій) не трекнулъ (спохватился) и не „застремилъ“ (накрылъ) его неловкаго товарища, онъ добрался бы и до брилліантовой булавки въ галстухѣ своей жертвы. Сенька часто мечтаетъ вслухъ, какъ, когда онъ выйдетъ изъ центовки и его выплзутъ на мѣсто приписки, онъ заполучитъ себѣ хорошія „очки“ (фальшивый паспортъ), поселится въ столицѣ и будетъ „торговать“, спуская всѣ покупочки на „мельницѣ“ (игорный домъ). Къ марухамъ онъ пока относится равнодушно, сейчасъ его страсть—карты.

Для подобныхъ огольцовъ тюремное заключеніе играетъ роль своего рода высшаго профессиональнаго образованія. Постоянно слышатся здѣсь рассказы о лихихъ продѣлкахъ, подаются совѣты, какъ лучше проводить „лягавыхъ“ (сыщиковъ), „духовъ“ (полицейскихъ) и „дубаковъ“ (дворниковъ). Преподаются способы и приемы, какъ ходить въ „тихую“ (кражи тихимъ манеромъ изъ квартиръ), какъ держать себя въ качествѣ „поѣздушниковъ“ (железнодорожныхъ воровъ), сообщаются послѣднія техническія новости по части „гитаръ“ и „еомокъ“ (отмычекъ), интересныя для „домушниковъ“. Для всякой специальности требуется особая выучка, да и внутри отдѣльныхъ специальностей практикуется строгое раздѣленіе труда. Взять хотя бы профессию „ширмача“ (карманника). Для успѣшнаго хода дѣла тутъ, какъ оказывается,

нужна цѣлая организація со строгимъ распредѣленіемъ самаго акта кражи на рядъ частичныхъ операцій. Прежде всего предпринимается рекогносцировка: одинъ изъ членовъ шайки отправляется по „ходухѣ“. Онъ идетъ по людной улицѣ, безцеремонно толкая зѣвающую публику и незамѣтно ощупывая карманы верхняго платья гуляющихъ; опытному ширмачу достаточно легкаго прикосновенія, чтобы опредѣлить, есть-ли что у встрѣчнаго и даже стоитъ-ли овчина выдѣлки. Намѣтивъ жертву, ширмачъ даетъ знакъ коллегамъ. Выбирается узкое мѣсто и дѣлается „стойка“, т. е. устраивается толкучка. Жертва оказывается между двумя товарищами, въ одно мгновеніе карманы ея опустошаются и добыча моментально проходитъ черезъ нѣсколько рукъ, чтобы въ концѣ концовъ очутиться въ закладѣ у хозяина какой-либо чайной... И это одна изъ самыхъ простыхъ операцій. Немудрено, что тюремная молодежь съ жадностью прислушивается къ поучительнымъ рассказамъ выдавшей виды публики. Всякому, понятно, хочется показать, что у него тоже губа не дура, а потому огольцы цинизмомъ своимъ рассказовъ зачастую превосходятъ взрослыхъ.

Подлаживаясь подъ общій тонъ, и новички по преступленію, не успѣвшіе въ дѣйствительности зарекомендовать себя какимъ-либо подвигомъ, стараются хотя на словахъ выказать себя опытными ворами. Но это не такъ-то просто: „воръ вора чуетъ“, какъ выражается Кривецкій, и доподлинные профессионалы живо выводятъ на свѣжую воду завравшихся Хлестаковыхъ.

Рыжій Иванъ вздумалъ на первыхъ порахъ отрекомендоваться, что онъ уже „три раза судился“—А ну, покажи свой арестантскій билетъ,—предложили ему. Иванъ, ничтоже сумняся, протянулъ черезъ рѣшетку бѣлый ярлыкъ. Появленіе бѣлаго лоскутка бумаги вызвало дружный хохотъ шпанки. Въ окнахъ замелькали синіе и красные листики, въ одномъ мѣстѣ торжественно развѣвался даже зеленый. Дѣло въ томъ, что всѣмъ сидящимъ выдаются изъ тюремной конторы особые билеты съ отмѣтками о происхожденіи, судимости и т. п. Билеты эти печатаются на бумагѣ разныхъ цвѣтовъ въ зависимости отъ того, который разъ обладатель билета находится подъ судомъ. Бѣлый цвѣтъ билета означаетъ, что хозяинъ его впервые еще знакомится съ тюрьмою. Иванъ этого не зналъ и попалъ на удочку. Такъ и осталась за нимъ кличка: „Три раза судился“.

Этотъ Иванъ всѣми силами стремится сравняться съ заправскими ворами; здѣсь въ тюрьмѣ они представляются ему высшимъ идеаломъ. Самъ онъ—мастеровой, недавно работающій въ большомъ городѣ; онъ уже отбылъ воинскую повинность и выписанъ со службы старшимъ унтеръ-офицеромъ. Ни солдатчина, ни столичная жизнь не успѣли вытравить въ немъ первобытно-наивнаго міросозерцанія. На немъ незамѣтно даже внѣшняго налета городской „цивилизаци“. Крѣпка еще въ немъ и религіоз-

ность, хотя, разумѣется, религіозность эта ничто вѣшняя, от-лично уживающаяся съ полнымъ отсутствіемъ какимъ бы то ни было нравственныхъ устоевъ. / Впрочемъ, частенько, поддаваясь общему духу шпанки, Иванъ выкидываетъ то то, то другое колѣнце въ вольномъ духѣ. И всетаки его сильно смущаютъ такіа вещи, какъ пѣніе подъ праздникъ, скоромная ѣда въ постъ и т. д.; иной разъ онъ не останавливается даже заявлять свой протестъ противъ такихъ проявленій грѣховности. Но все это непослѣдовательно, наивно... Съ полнымъ довѣріемъ прислушивается Иванъ къ самымъ невѣроятнымъ розсказнямъ осторожныхъ героевъ, не допуская и мысли, что они мистифицируютъ его. Какъ истый ди-каръ, не умѣющий еще „научно предвидѣть“, онъ разсчитываетъ исключительно на удачу; „авось“ да „небось“ сохранили для него всю свою силу. Постоянно мечтаетъ онъ вслухъ объ устрое-ніи своей судьбы путемъ необычайно удачной кражи или чего-либо въ томъ же родѣ. Сомнительно однако, чтобъ ему повезло въ этомъ; больно ужъ онъ онъ наивенъ... Не разъ приходилось мнѣ слышать, какъ этотъ Иванъ громко разсказывалъ сосѣдямъ со всѣми подробностями обстоятельства своего дѣла; при этомъ онъ чрезвычайно убѣдительно просилъ собесѣдниковъ „никому не раскрывать“ его секрета. И это, когда окна во всѣхъ каме-рахъ раскрыты и всѣ разговоры отъ слова до слова слышны всѣмъ сидящимъ.

Словно для контраста, бокъ-о-бокъ съ Иваномъ посаженъ арестантъ совсѣмъ иного типа,—пронырливый выкрестъ Нахваксъ; это—продуктъ совсѣмъ иной культуры; онъ не профессиональный преступникъ и въ тюрьмѣ еще первый разъ; тѣмъ не менѣе по всѣмъ признакамъ Нахваксъ стоитъ весьма близко къ міру шир-мачей и домушниковъ, составляя необходимое его пополненіе. Онъ—мелкій торговецъ, не справляющійся у своихъ поставщи-ковъ о происхожденіи доставляемаго ему товара. Нахваксъ сто-итъ на рубежѣ безпаспортнаго міра и служить для послѣдняго передаточнымъ звеномъ. Профессионалы не причисляютъ его къ своимъ. Нахваксъ обвиняется въ сбытѣ краденыхъ билетовъ; у слѣдователя онъ выдастъ вора. Обыкновенно, по крайней мѣрѣ въ тюрьмѣ, воры относятся къ предателямъ крайне непріязненно и стараются такъ или иначе допекать ихъ. Но поведеніе Нах-вакса не возбудило въ шпанкѣ особеннаго негодованія. Профес-сіоналы говорили, что онъ не воръ, а потому и не обязанъ мол-чать. И тутъ, стало быть, дѣйствуетъ своего рода профессиональ-ная этика; однако этика эта, повидимому, соблюдается не слиш-комъ-то строго; то и дѣло приходилось слышать, что тотъ или другой донесъ, выдалъ и т. п. Надо, впрочемъ, сказать, что и приемы дознаній подчасъ бываютъ таковы, что не выдать, не оговорить соучастниковъ, а иной разъ и не участниковъ, будетъ шодъ силу не всякому.

Какъ относятся арестанты изъ профессиональныхъ преступниковъ, преобладающе въ тюрьмѣ, къ прочимъ разрядамъ заключенныхъ? Кое-что объ этомъ мнѣ уже приходилось говорить. Въ большинствѣ случаевъ шпанка, конечно, не возмущается самымъ фактомъ преступленія, ей интересна только личность преступника. Есть, однако, и такія преступленія, которыя, насколько я могъ замѣтить, вызывали общее негодованіе шпанки, это—истязанія и вообще жестокое обращеніе съ дѣтьми. Непріятно во многихъ отношеніяхъ положеніе уголовныхъ арестантовъ изъ привилегированныхъ; коренная шпанка относится къ этому разряду подозрительно. „Привилегированные“, привлекаясь по такимъ же въ сущности дѣламъ, какъ и сѣрая публика, пользуются въ тюрьмѣ многими льготами; это возмущаетъ шпанку, и свое возмущеніе она старается выказать всѣми доступными ей способами. Ведутъ ли „господъ“ отдѣльной группой въ баню—шпанка осыпаетъ ихъ сверху ядовитой насмѣшкой; на прогулкѣ то же самое... Бѣда, если процессъ пропечатанъ въ газетахъ, шпанка исхитрится добыть печатный отчетъ и несчастному не дается „ни отдыху, ни сроку“—его донимаютъ подробностями о его дѣлѣ, обильно сдабривая ихъ солью и перцемъ; пропечатанному впору не отерывать совѣсьмъ своихъ оконъ. Есть, впрочемъ, среди привилегированныхъ и такіе разряды, къ которымъ шпанка относится совершенно иначе; и быть можетъ эти отношенія даютъ наиболѣе свѣтлыя черты къ характеристикѣ тюремныхъ завсегда-таевъ; но говорить объ этомъ здѣсь пока не приходится...

Интересенъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ одинъ изъ уголовныхъ привилегированныхъ — Рудаковскій; жалокъ этотъ „дворянчикъ“, какъ презрительно зоветъ его демократъ Кривецкій. Рудаковского выгнали изъ 6-го класса столичной гимназіи за пристрастіе къ „барышнямъ“. Родители его, помѣщики, проживали гдѣ-то въ глуши, на гнѣздѣ; къ нимъ возвращаться не хотѣлось, да и неудобно было, и Рудаковскій покатился по торной дорожкѣ. Быстро попался онъ въ карманной кражѣ, судился, былъ приговоренъ „съ снисхожденіемъ“ на два мѣсяца тюрьмы; тамъ онъ завершилъ свое образованіе и карьера его окончательно опредѣлилась; ни къ чему не приспособленный бѣлоручка, безъ всякихъ устоевъ, Рудаковскій вполнѣ подчинился общему духу „исправительнаго“ учрежденія; отсидѣвъ срокъ, онъ занялся уже профессиональнымъ воровствомъ на желѣзнодорожныхъ вокзалахъ. Грустно было слѣшать его наивно хвастливые рассказы о своихъ подвигахъ: то у зазѣвавшейся барыни стащить „ридикль“ и выручить за него полтинникъ, то унести изъ 3-го класса чемоданъ, покараулить который его попросятъ. Крупныя „покупки“ ему не давались; наконецъ, стянулъ онъ бумажникъ съ нѣсколькими сотнями и „закурилъ“... Его, разумѣется, быстро накрыли и вотъ онъ снова въ предварительномъ. Здѣсь Рудаковскій держитъ себя

то задорно-хвастиливо, перебраниваясь съ сосѣдами, щеголяя цинизмомъ выраженій и жаргонными словечками; то, получивъ отпоръ, стихаетъ и начинаетъ заискивать передъ товарищами по тюрьмѣ. На надзирателей Рудаковскій то кричитъ по дворянски, то, напроказивъ, лебезитъ передъ старшимъ, чуть не слезно прося прощенія за всякую малость. Проказливъ онъ страшно, постоянно выкидываетъ онъ всякаго рода мальчишества, продѣлки его сейчасъ же выплываютъ наружу. Надзиратели относятся къ нему съ снисходительною презрительностью и не преслѣдуютъ его; Павлуша аттестуетъ его „шалуномъ“, но подличанье передъ нимъ дворянчика очевидно льститъ его самолюбію, и онъ спускаетъ ему многое.—Разумѣется, дорога и этого дѣтища столичной жизни намѣчена вполне отчетливо и опредѣленно. Тюрьма своею печатью окончательно закрѣпила въ немъ все то, чему дала начало ненормальная жизнь общества.

Дѣло перевоспитанія преступниковъ поставлено у насъ нельзя сказать, чтобы удачно—положительнаго тюрьма даетъ арестанту ничего или очень мало. Прежде всего: арестанты изнываютъ отъ скуки; не думаю, чтобы часы уединеннаго размышленія заставляли ихъ самоуглубляться и каяться. Праздная мысль гибнущаго человѣка врядъ-ли начнетъ работать надъ вопросами морали, да и извѣстная ему ходячая мораль не больно-то привлекательна. Нравственнаго же воздѣйствія съ чьей либо стороны на арестанта нѣтъ. Нельзя же принимать за таковое морализирующія сентенціи, быть можетъ и гуманнаго, но далекаго отъ арестантовъ начальника. Его резолюціи на арестантскихъ прошеніяхъ вызывали недоумѣнія или такіе комментаріи, какіе врядъ-ли поправились автору сентенцій. На просьбу о выдачѣ казеннаго чаю и сахару, положена была, напр., такая резолюція: „Тюрьма—не богадѣльня, будетъ работа, будетъ и чай, и сахаръ“.—Или: „Назначеніе тюрьмы исправлять преступника, арестантъ обязанъ видѣть въ надзирателяхъ своихъ воспитателей и относиться къ нимъ съ послушаніемъ и почтеніемъ“.

Заведенныя въ тюрьмѣ работы по самому характеру своему способны скорѣе вселить отвращеніе, нежели привлечь къ труду; заворачиваніе грифелей въ бумажки, приготовленія бумажныхъ колпачковъ для аптекарскихъ склянокъ, клеенье коробочекъ и т. п., все это кропотливо и монотонно... Нѣсколько занимательнѣе ткачество, но тканье на станкахъ въ тѣсныхъ одиночныхъ камерахъ губительно отражается на здоровьи.

Слабымъ просвѣтомъ въ жизни острога является тюремная бібліотека. Каталогъ ея самый случайный, составлялась она, повидимому, безъ всякой системы, сама собой, главнымъ образомъ изъ пожертвованныхъ книгъ. Много переводной беллетристики, есть кое что изъ русскихъ классиковъ, нѣсколько разрозненныхъ экземпляровъ толстыхъ журналовъ, какимъ-то случаемъ попали

два-три тома исторіи Соловьева, нѣсколько книжекъ научно-популярнаго содержанія, иллюстраціи за старые годы и т. д.

Завѣдуетъ библіотекой арестантъ изъ привилегированныхъ, какой-то купчикъ, отбывающій наказаніе; къ библіотечному дѣлу онъ относится, можно сказать, даже съ любовью; свое отношеніе онъ сумѣлъ, повидимому, передать и арестантамъ читателямъ; послѣдніе относятся къ нему съ уваженіемъ, называютъ его по имени отчеству; къ его совѣтамъ прислушиваются со вниманіемъ и охотно берутъ книги по его указаніямъ.

Большое влияніе на читаемость книги оказываютъ отзывы прочитавшихъ ее; на инныя книги нѣкоторое время держится настоящая мода: такъ одно время были въ большомъ ходу очерки Мельшиина: „Въ мірѣ отверженныхъ“. Установить, что именно нравится арестантамъ, было бы довольно затруднительно, какъ по полной безсистемности библіотеки, такъ и по разнохарактерности читателей. Большимъ успѣхомъ пользуются имѣющіеся въ библіотекѣ переводные романы бульварнаго типа. Но подборъ книгъ могъ бы и тутъ сыграть свою роль.

Для меня ясно только одно, что чтеніе могло бы послужить могучимъ орудіемъ въ дѣлѣ перевоспитанія арестантовъ. Я замѣчалъ, что такіе безразличныя въ нравственномъ отношеніи заключенные, какъ слесарь Иванъ, заинтересовывались популяризаціями, имѣвшими отношеніе до ихъ ремесла. Этотъ Иванъ, напр., сильно увлекался очерками по физикѣ, онъ проникся глубокимъ уваженіемъ къ академику Рихману, убитому при опытахъ съ грозвымъ электричествомъ; пока у Ивана была подъ руками эта книжка, онъ бросилъ свои дурачества, не трогалъ даже Нахвакса и съ увлеченіемъ передавалъ сосѣдямъ свои впечатлѣнія отъ книги. Чтеніе несомнѣнно могло бы сыграть видную роль въ жизни молодыхъ арестантовъ...

Ст. Пантовъ.

СОФЬЯ ПУШКАРЕВА.

Повѣсть.

XXV.

Такъ они прожили четыре года. Софья Николаевна пошелъ 27-й годъ. Въ этотъ годъ Николай Александровичъ получилъ важное перемѣщеніе по службѣ. Онъ былъ назначенъ прокуроромъ въ одинъ изъ сѣверо-западныхъ городовъ.

Въ новомъ городѣ жизнь, хотя по существу и осталась той же веселой и пріятной жизнью, но по формамъ нѣсколько измѣнилась. Теперь Софья Николаевна сдѣлалась важной дамой, женой одного изъ самыхъ значительныхъ въ городѣ лицъ. Сообразно съ этимъ и нужно было устроить свою жизнь.

Пушкарёвы пріѣхали осенью и наняли большую квартиру въ 6 комнатъ. Куплена была новая богатая мебель, и, когда всѣ эти зеркала, гардины, мягкія кресла, ковры и картины были разставлены и помѣщены на свои мѣста, все оказалось очень мило.

Кругъ знакомыхъ, которыхъ завели Пушкарёвы, состоялъ изъ самыхъ важныхъ чиновниковъ губерніи. Составивъ себѣ этотъ кругъ, Софья Николаевна стала держаться вдали отъ общества тѣхъ среднихъ чиновныхъ лицъ, съ которыми она поддерживала отношенія раньше, когда Николай Александровичъ былъ товарищемъ прокурора. Она нѣсколько видоизмѣнила свое времяпрепровожденіе и свои привычки. Теперь нельзя было вести такую свободную, безшабашную жизнь, какъ прежде. Нужно было жить такъ, какъ жили дамы ея круга: жена вице-губернатора и предсѣдателя. И Софья Николаевна стала такъ жить.

Главной заботой того кружка, въ которомъ теперь вращалась Софья Николаевна, было попечительство надъ пріютомъ для бѣдныхъ и благотворительность. Дѣлать добро было главное занятіе, монополія самыхъ важныхъ въ губерніи дамъ.

Дѣлать добро—значить устраивать вечера въ благородномъ собраніи съ благотворительной цѣлью, съ буфетомъ и шампанскимъ по увеличеннымъ цѣнамъ и танцовать на этихъ вечерахъ; засѣдать въ комитетѣ попечительства о бѣдныхъ: обходя пріюты, пробовать супъ, который готовятъ пріюткамъ, и жертвовать по 25 рублей на елку для бѣдныхъ дѣтей. Софья Николаевна прежде, женой товарища прокурора, вообще индифферентно относилась къ благотворительности. Теперь же, заразившись духомъ окружающей ее среды, она горячо принялась за нее и нашла въ ней новую, пріятную для себя и полезную для общества дѣятельность. Николай Александровичъ одобрялъ это, и они оба, и всѣ ихъ знакомые были согласны, что въ томъ положеніи, какое она занимала въ обществѣ, это было самое подходящее для нея дѣло.

Въ началѣ декабря было частное совѣщаніе у Софьи Николаевны. Собрались вице-губернаторша и жена председателя—„дамскій тріумвиратъ“, какъ называлъ ихъ шутя Николай Александровичъ. Послѣ недолгаго совѣщанія было рѣшено устроить, во 1-хъ, лотерею-аллегри, поручивъ полицмейстеру предложить купцамъ пожертвовать что-нибудь для этой цѣли и откомандировавъ Петра Дмитрича въ Москву для дополнительной закупки вещей по дешевымъ цѣнамъ. Во 2-хъ, устроить на масляной благотворительный балъ съ продажей винъ и фруктовъ и, наконецъ, основать домъ трудолюбія согласно плану, предначертанному еще тогда, когда проѣзжалъ черезъ городъ извѣстный баронъ NN, объѣхавшій всю Россію и вездѣ устраивавшій дома трудолюбія. Но на томъ, кого назначить директоромъ дома, Петра Дмитрича, или Дмитрія Петровича,—дамы разошлись и въ виду этого проектъ объ устройствѣ дома рѣшили отложить на неопредѣленное время.

Все было устроено и исполнѣ удалось. Софья Николаевна въ роскошномъ бѣломъ платьѣ, декольте, продавала билеты. Около нея собралась цѣлая толпа ея поклонниковъ, изъ которыхъ каждый былъ обязанъ, по мѣрѣ силъ, принести дань. Кто купилъ больше, съ тѣмъ Софья Николаевна больше разговаривала и улыбалась. Она обладала особеннымъ искусствомъ продавать, и у нея покупали билеты не только тѣ, кто хотѣлъ, но и тѣ, кто не думалъ ничего купить, а пришелъ только посмотрѣть аллегри. Она смѣялась, слегка кокетничала и незамѣтно подъ шумокъ всовывала билеты своему собесѣднику. Это было прямо „грабежъ на большой дорогѣ“, какъ выразился председатель, и эта острота, оцѣненная всѣми, ходила по залѣ. Николай Александровичъ, во фракѣ съ бѣлой грудью, стоялъ около жены, радуясь ея успѣху. Къ часу Софья Николаевна продала все, что у

нея было, а послѣ продажи распорядители и пришедшая молодежь устроили танцы и провели время до поздней ночи.

Слѣдующій благотворительный вечеръ, данный въ залѣ благороднаго собранія, былъ еще удачнѣе. Народу было столько, что вначалѣ тѣсно было стоять. Софья Николаевна съ двумя молодыми, хорошенькими дамами продавала шампанское въ прелестномъ кіоскѣ изъ пальмъ, украшенномъ флагами. Приѣзжіе кавалеристы не отходили отъ нея и пили одинъ за другимъ бокалы за ея здоровье. Директоръ вновь построенной въ городѣ большой фабрики, оставляя вторую двадцати-пяти-рублевку,—сказалъ, что это будетъ лучший вечеръ въ его жизни. Тихо плыли звуки вальса, молодежь танцевала. Софья Николаевна, смотря на танцующихъ, въ нарочно выписанномъ изъ Петербурга платьѣ, сидѣла къ кіоску, прелестная, милая, веселая. И когда она пошла танцевать, по общему мнѣнію,—она была царицей бала.

Такъ прошелъ годъ, другой. Въ это время основанъ былъ домъ трудолюбія, скончался предводитель дворянства, дано было много вечеровъ съ благотворительными и неблаготворительными цѣлями, нѣкоторые женились и нѣкоторые развелись. Жизнь города и жизнь Софьи Николаевны текли такъ же однообразно весело, какъ и раньше: гости, вечера, наряды, скука отъ ничего недѣланія, чтеніе романовъ, чай, обѣды и еонъ, и опять вечера и всякія развлеченія, и опять скука. Все разнообразіе и разнообразіе формы жизни и за этими перемѣнами все одно и то же: стараніе какъ-нибудь интереснѣе и скорѣе убить время и дотянуть отъ вечера до утра. И такъ незамѣтно шли эти дни, что она часто удивлялась, какъ много ихъ уже прошло. И хотя для Софьи Николаевны носить ярмо этой жизни было привычно, все же она чувствовала потребность не то, чтобы избавиться отъ него—она объ этомъ не думала и не могла думать, потому что носить ярмо ей казалось естественнымъ дѣломъ—но замѣнить его, хоть опять тяжелымъ, но новымъ ярмомъ. Бѣдныя и благотворительность стали надоѣдать ей. И это новое или, лучше сказать, старое въ новомъ одѣяніи явилось.

Весною старый губернаторъ, одиннадцать лѣтъ управлявшій губерніей и въ концѣ проворовавшійся такъ, что стало невозможнымъ держать его на службѣ, былъ уволенъ въ отставку по болѣзни, согласно прошенію. Назначенъ былъ новый губернаторъ, петербуржецъ, аристократъ. Сначала онъ понравился всѣмъ,—но когда пріѣхала его жена, то все перемѣнилось.

Вице-губернаторша и губернаторша поссорились изъ-за того, кому быть попечительницей дома трудолюбія: вице-

губернаторша имѣла на это право давности. Она такъ много положила хлопотъ на него, такъ привыкла смотрѣть на домъ, какъ на свой, что ей было тяжело уйти оттуда. Ссора съ жень перешла на мужей и, вспыхнувъ легкимъ пламенемъ, она разгоралась все сильнѣе и сильнѣе и обратилась въ пожаръ. Вице-губернаторъ, какъ человѣкъ ловкій, образовалъ себѣ партію изъ предводителя и предсѣдателя суда. Николай Александровичъ долго стоялъ въ сторонѣ отъ этой борьбы, не служа ни нашимъ, ни вашимъ, но стараясь заставить обѣ стороны служить себѣ. Но когда, наконецъ, онъ былъ принужденъ пристать къ какой-нибудь изъ двухъ партій, онъ взвѣсилъ силу той и другой и перешелъ къ вице-губернатору. Они рѣшили выжить губернатора изъ губерніи, тогда какъ губернаторъ рѣшилъ выжить ихъ. Такъ, стараясь причинять врагамъ всевозможныя каверзы, но наружно относясь вполне вѣжливо и деликатно, обѣ партіи боролись цѣлый годъ.

На новый годъ губернаторъ поѣхалъ въ столицу и тамъ наклеветалъ вышестоящему начальству на Николая Александровича и предсѣдателя такъ, что положеніе ихъ сдѣлалось неловко и шатко. Тогда предводитель, обладавшій большими связями, лично поѣхалъ въ Петербургъ и тамъ не только смылъ со своей партіи клевету, но, въ свою очередь, такъ нагадилъ губернатору, что назначена была сенаторская ревизія. Черезъ полгода губернаторъ былъ переведенъ, и Николай Александровичъ и его партія торжествовали.

Софья Николаевна, какъ и всѣ дамы ихъ партій, была всецѣло поглощена этой борьбой. И если она не принимала въ этой борьбѣ прямого участія, то все же, когда назначенъ былъ ревизовать губернію сенаторъ Теановичъ, большой эстетикъ и поклонникъ женщинъ, ухаживавшій за Софьей Николаевной, а пророс, между дѣломъ, и соединявшій этимъ пріятное съ полезнымъ,—все же ея участіе было далеко не послѣднимъ и не бесполезнымъ и оказало партіи большія услуги.

XXVI.

Въ этотъ годъ борьбы съ губернаторомъ, въ ея послѣднее время, Софья Николаевна встрѣтилась съ самыми дорогими своими подругами по гимназіи. Встрѣчи эти были неожиданны и недолговременны, и обѣ онѣ оставили въ ней какое-то грустное и неудовлетворенное впечатлѣніе.

Первая встрѣча была съ Вѣрой Троицкой, въ клубѣ. Не смотря на протекшіе годы и на перемѣну, происшедшую въ наружности Вѣры, Софья Николаевна сразу ее узнала и

такъ обрадовалась ей, что не могла сначала ничего говорить и только держала ее за руку и смотрѣла на подругу, какъ бы не вѣря тому, дѣйствительно ли это была ея Вѣра. Онѣ просидѣли весь вечеръ вмѣстѣ и, вспоминая прежнюю, теперь уже далекую, гимназическую жизнь, всѣ ихъ шалости, надежды, увлеченія, онѣ переживали все это и имъ обѣимъ казалось, что онѣ не взрослые, что онѣ дѣти и что онѣ не въ клубѣ, а въ гимназіи разсказываютъ свои секреты другъ другу, какъ бывало въ давнишнее милое время. И чѣмъ больше онѣ говорили и вызывали въ своей памяти прошлыя воспоминанія, тѣмъ болѣе отпадало въ Вѣрѣ то, чего Софья Николаевна не знала въ ней, и что образовалось послѣ гимназіи, и тѣмъ яснѣе выплывала въ этой худой дамѣ прежняя милая, умная и развитая Вѣра, которую Софья Николаевна такъ любила, и дружба съ которой и съ Катенькой Бекманъ была однимъ изъ лучшихъ воспоминаній ея жизни.

— Ты замужемъ?—спросила Софья Николаевна такъ, между прочимъ, нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что состоятельная, хорошенькая и умная Вѣра не могла не составить себѣ партіи.

— Нѣтъ... не вышла,—сказала Вѣра Андреевна и въ томъ тонѣ, которымъ она это сказала, и главное, въ ея взглядѣ, обращенномъ на Софью Николаевну, было что-то до того грустное, конфузящееся и просящее о чемъ-то, что Софья Николаевна смутилась и, понявъ, что она задѣла то, чего не должно было касаться, задала посторонній незначительный вопросъ, чтобы перевести разговоръ на другую тему.

Но Вѣра не слушала ее. Смотря куда-то вдаль сѣрыми прекрасными, теперь грустными, глазами и точно прислушиваясь къ внутреннему ходу своихъ мыслей, она думала о чемъ-то. Софья Николаевна повторила свой вопросъ. Вѣра встрепенулась точно отъ забытья.

— Ахъ, ты объ этомъ... да... нѣтъ, оставимъ это... Лучше поговоримъ откровенно... Я тебѣ разскажу о себѣ, о томъ, что ты раньше спрашивала—отчего я не вышла замужъ? Да это очень просто,—она сказала это какъ будто говорила о какой-то пріятной и интересной для себя вещи, — очень просто... Только сядь ко мнѣ поближе... какъ въ гимназіи, знаешь... Ну, я тебѣ разсказываю... Слушай!—и взявъ Софью Николаевну за руку, она стала какъ будто неохотно, а потомъ все болѣе и болѣе оживляясь, разсказывать ей о своей веселой жизни, отношеніяхъ къ мужчинамъ, и о томъ, какъ случилось— что она не вышла замужъ.

— Да вотъ, такъ-то я и осталась старой дѣвой,—сказала она, заканчивая разсказъ и улыбаясь, но такой жалобной улыбкой, что ее можно было принять за знакъ сожалѣнія къ себѣ и покорность передъ судьбою.

— Да, вотъ такъ все это печально и вышло...—Она вздохнула и лицо ея снова стало грустно.

„Бѣдная, бѣдная“,—подумала Софья Николаевна.

Она хотѣла ее спросить: „это тебѣ тяжело“? Но вмѣсто этого сказала:

— Ну, а какъ ты живешь теперь?

— Да какъ!—Вѣра махнула рукой, какъ-бы выражая этимъ, что не стоитъ и рассказывать, — какъ живу? монотонно и скучно: деревня, отецъ и сѣрые дни... вотъ и все... да еще книги—утѣшеніе для старой дѣвы...—И она рассказывала о своей жизни въ деревнѣ.

— Да, какъ подумаешь, какъ все началось, какъ смотрѣла на жизнь раньше и какъ кончилось все... Ты не возражай! Я знаю, что для меня жизнь кончена,—сказала она поспѣшно.—Какъ вспомнишь все это—станетъ тоскливо. Отчего все такъ сложилось... такъ бессмысленно, странно... и нѣтъ выхода.. А что нужно было раньше дѣлать—неизвѣстно. Ужаснѣе всего, когда несчастію нѣтъ объясненія.

— Ты напрасно не вышла замужъ, когда тебѣ дѣлали предложеніе въ послѣдній разъ,—сказала, помолчавъ, Софья Николаевна.

— Ахъ, я ничего не знаю... Мнѣ кажется все равно,—быстро отвѣтила Вѣра.—Бросимъ это, поговоримъ о тебѣ,—и она стала спрашивать Софью Николаевну объ ея жизни. Подруги долго еще сидѣли и болтали.

— Ну, прощай,—сказала Вѣра, когда они разставались въ концѣ вечера.—Да, прощай, а не до свиданія. Сегодня же ѣду къ отцу... доживать жизнь...—она опять болѣзненно и грустно улыбнулась.—Будь счастлива! Увидимся-ли еще разъ!

Софѣ Николаевнѣ было тяжело и обидно за Вѣру. Ночью, оставшись одна, она думала о судьбѣ Вѣры, о томъ, почему она несчастна, и не могла объяснить себѣ почему...

XXVII.

А Вѣра Андреевна, кончивъ гимназію, сейчасъ же уѣхала къ отцу (матери ея уже не было на свѣтѣ) въ деревню, гдѣ собрались ея родные и нѣкоторые изъ окружавшихъ ихъ знакомыхъ. Это первое лѣто въ деревнѣ было однимъ изъ лучшихъ періодовъ ея жизни. Веселье, ухаживаніе, пикники, прогулки, танцы смѣняли другъ друга, образуя какую-то непрерывную цѣпь удовольствій. Но это было не все. Она находила время для чтенія, познакомилась въ это время съ Дарвиномъ и пришла въ восхищеніе отъ Платона, которымъ

она занималась вмѣстѣ съ однимъ студентомъ-филологомъ. Жизнь ей казалась огромнымъ свѣтлымъ царствомъ, гдѣ для нея устроено одно изъ самыхъ лучшихъ мѣстъ. Будущее было подернуто розовымъ сіяніемъ и открывало передъ ней безконечныя перспективы. Всѣ люди любили ее, всѣ они были превосходны и со всѣми ними Вѣра сошлась. Но въ особенности она сблизилась въ это лѣто со своей старшей замужней сестрой Еленой.

Елена Андреевна была то, что обыкновенно называется „умницей и чистою душою“. И какъ въ ней самой все было прекрасно, такъ же прекрасно ей улыбнулась судьба. У нея былъ прекрасный умный мужъ, за котораго она вышла по любви и съ которымъ жила душа въ душу. У нея были прекрасные друзья, всѣ любившіе ее. У нея были прелестныя дѣти. Она не была подавлена ни нуждой, ни средою; была развита, начитана и интересовалась кромѣ семьи общественными вопросами, наукой и литературой... Жизнь ея была то, что называется „тихимъ семейнымъ счастьемъ“.

Но, не смотря на всѣ эти данныя для счастливой жизни, Елена все же не была счастлива. Мужъ, семья, свѣтская жизнь и чтеніе занимали только часть ея души; другая же часть не находила себѣ удовлетворенія. Еленѣ иногда казалось, что мужъ ея слишкомъ узокъ и однообразенъ... Ей было скучно, что она живетъ одними и тѣми же интересами, однимъ и тѣмъ же время-препровожденіемъ, и что она, какъ жила, такъ и проживетъ еще годъ, два, десять лѣтъ, всю жизнь. Ей хотѣлось чего-то иного... какой нибудь дѣятельности... бороться, любить, жертвовать. Ей хотѣлось больше жизни. Отсюда и получалось неудовлетвореніе семейнымъ тихимъ счастьемъ и тѣми формами жизни, которыми довольствовались окружающіе ее люди.

Сестра Вѣра знала о томъ, что Елена несчастлива, и, хотя ей было жаль сестры, она думала, что для нея лично жизнь сложится лучше, и она-то будетъ счастлива. Она вѣрила, что жизнь полна какого-то невѣдомаго смысла, который нужно найти и примѣнить къ своей личной жизни. Такъ она и жила въ это лѣто.

Зимой нарочно для нея отецъ, никуда не показывавшійся, переѣхалъ въ городъ, и здѣсь было продолженіе той же веселой и свѣтлой жизни. Въ первый же годъ Вѣрѣ Андреевнѣ представились двѣ хорошія партіи. Но она была слишкомъ счастлива дома, слишкомъ вѣрила въ глубокой смыслъ жизни; чтобы запереть себя въ узкія рамки супружества... И, сославшись на свою молодость, она отказала имъ.

Въ такомъ весельи, каждый годъ уменьшавшемся, она прожила нѣсколько лѣтъ и не замѣтила, какъ они прошли.

Всѣ ея подруги уже вышли замужъ. Ей самой пошелъ 24 годъ. Она удивилась, почему она тоже не вышла, и съ этой поры отношеніе ея къ мужчинамъ нѣсколько измѣнилось. Два сезона она прожила въ Кисловодскѣ и Крыму и на одно лѣто ѣздила за границу. Остальное время она жила въ городѣ, а лѣтомъ въ деревнѣ.

Ей представилась еще одна партія, но она опять отказала. Она была слишкомъ умна и развита—она слишкомъ много читала и думала, чтобы выйти за этого жениха. И, продолжая выѣзжать, въ заботахъ по хозяйству, въ заботахъ по тѣмъ дѣламъ, которыя какъ будто и не видны, но отнимаютъ много времени, она и не замѣтила, какъ прошло еще два года—ей стало 26 лѣтъ.

Тогда она поняла, что проиграла, не выйдя замужъ въ первый разъ, что ея веселью и счастьемъ приходитъ конецъ, что никакого особаго значенія въ жизни не было и что она стоитъ на порогѣ того страшнаго періода, который называется старымъ дѣвствомъ. Она испугалась и стала стремиться выйти замужъ.

Съ тѣхъ поръ розы стали скоро блекнуть, ея миловидность таяла медленно, но вѣрно. Каждый годъ приносилъ разочарованіе въ возможности новой жизни и приближалъ ее къ роковому періоду. Такъ, однообразно и скучно, съ кое-какими еще остатками веселья, безъ кавалеровъ, съ ужасными головными болями, разстройствомъ нервовъ, бессонницей по цѣлымъ ночамъ, безпричинными слезами, со всѣми муками умирающаго отъ дѣвства и кричавшаго о своей гибели тѣла,—она проводила со старикомъ отцомъ въ деревнѣ безцѣльные дни.

Она часто думала о себѣ. Сколько счастья сулила ей жизнь и что вмѣсто этого дала ей, и отчего случилось это, когда не было у нея никакихъ несчастій, и все шло хорошо и правильно. И, какъ ни старалась, она не могла ничего понять. Позади былъ рядъ тоскливо проведенныхъ годовъ—о раннемъ весельи она забыла—впереди еще болѣе скучная, тяжелая, сѣрая вереница.

И на вопросъ, который она иногда задавала себѣ, какой же смыслъ былъ въ ея жизни (а она знала, что смыслъ долженъ быть), слѣдоваль единственный неумолимый отвѣтъ: „Въ моей личной жизни смысла ни для меня, ни для кого не было и не будетъ“.

XXVIII.

Вторая встрѣча была съ еще болѣе милымъ для Софьи Николаевны существомъ, самой любимой ея подругой юности, Катенькой Бекманъ. И, какъ при встрѣчѣ съ Вѣрой, Софья Николаевна, не смотря на нѣкоторую перемѣну въ наружности подруги, сейчасъ же узнала знакомыя черты, такъ теперь, наоборотъ, узнавъ, что эта толстая, некрасивая женщина была ея милая, прелестная Катя, она долго не могла вѣрить этому и не понимала, какъ Катя могла такъ страшно измѣниться. Въ ея воображеніи Катя осталась воздушнымъ подросткомъ, съ дѣвственной невысокой грудью, тоненькая, какъ змѣйка, а та теперешняя Катя была полногрудая, широкобедрая, уже немолодая дама.

Подруги встрѣтились у знакомыхъ и бросились другъ къ другу въ объятія. Онѣ плакали, цѣловали другъ друга, смотрѣли одна на другую, какъ будто не могли насмотрѣться и опять начинали плакать. Онѣ были какъ сумасшедшія. Когда прошелъ первый порывъ радости, онѣ сѣли на диванъ рядышкомъ и взяли другъ друга за руки, какъ прежде, въ гимназическое время. Сначала имъ было трудно говорить. То, что онѣ могли и хотѣли сказать, было слишкомъ велико, чтобъ сказать сразу. Все было одинаково интересно и о всемъ хотѣлось поскорѣй узнать. Слова ихъ перебѣгали съ одного предмета на другой, лишь коснувшись его, а имъ казалось послѣ часового разговора, будто онѣ совсѣмъ еще и не говорили. Софья Николаевна испытывала чувство какого-то обмана, будто ей подсунули иную, чуждую ей, женщину, вмѣсто прежней Кати. Ей иногда казалось, по отдѣльнымъ словамъ знакомаго голоса, по манерамъ, по сохранившимся все еще прекраснымъ глазамъ, что вотъ-вотъ предстанетъ предъ ней ея дорогая, прежняя Катя... но это только казалось на мигъ, скоро проходило, и снова съ ней сидѣла незнакомая толстая дама. Онѣ обмѣнивались отрывочными фразами и все смотрѣли одна на другую и не вѣрили, что это онѣ. Обѣ были слишкомъ взволнованы.

— Знаешь что, приходи ко мнѣ завтра, Звенигородская, домъ Иванова. Я бы сама къ тебѣ пришла, да у меня дѣти. Не на кого ихъ оставить однихъ... Тогда поговоримъ по душѣ. Приѣдешь?—спросила Екатерина Владиміровна.

— Конечно,—отвѣтила Софья Николаевна,—въ часть.

— Хорошо. Такъ я буду ждать,—сказала Екатерина Владиміровна, вставая и цѣлуясь съ подругой.—Я сегодня такъ взволнована!.. Не буду ночь спать, вѣроятно.

— Ты это или не ты?—спросила себя Софья Николаевна, смотря на нее и все еще не вѣря тому, что случилось и что эта дама была Катя. Эй было отчего-то грустно и чего-то жалко... Но чего, она сама не знала.

XXIX.

На другой день, въ часъ, Софья Николаевна, проискавъ около получаса улицу, гдѣ жила Екатерина Владиміровна, подъѣхала въ щегольскомъ съ желтыми колесами экипажѣ, запряженномъ парой сѣрыхъ съ куцыми хвостами лошадей, къ небольшому одноэтажному деревянному дому.

— Дома барыня?—спросила она отворившаго ей деньщика въ черныхъ штанахъ и красной рубашкѣ.

— Такъ точно. Пожалуйте.

Первое ощущеніе, какое испытала Софья Николаевна, входя черезъ небольшой темный коридоръ въ маленькую переднюю и затѣмъ въ небольшую, уставленную дешевой мягкой мебелью, гостиную,—было ощущеніе крика и брани. Женскій голосъ бранилъ кого-то... Слышались отдѣльныя фразы:

— Экая дрянь, въ самомъ дѣлѣ!.. Ничего не умѣешь сдѣлать. Тебѣ сказано хорошаго масла купи, а ты что принесъ? Вонъ выкинуть, больше некуда...—говорилъ женскій голосъ.

— Да я, барыня, думалъ...

— Молчи, пожалуйста, хоть не оправдывайся. Не выводи меня изъ терпѣнія. Вотъ, погоди, скажу барину, онъ тебѣ задастъ,—сказалъ первый голосъ болѣе спокойно.—Кто это?.. А... такъ бы и сказалъ, а то бормочетъ—ничего не разбираешь.

Дверь въ гостиную отворилась, и Екатерина Владиміровна вошла, улыбаясь, но еще не успокоившись отъ недавняго гнѣва. Она была въ какомъ-то желтоватомъ съ бѣлыми цвѣтами капотѣ, въ туфляхъ, по домашнему. При дневномъ свѣтѣ, неодѣтая, она показалась Софьѣ Николаевнѣ еще болѣе некрасивою, чѣмъ вчера. Толстая грудь обвисла, большой животъ выдавался впередъ, лицо было опухшее, кожа поблекла.

— Прости, что я такъ выхожу къ тебѣ,—сказала Екатерина Владиміровна, обтирая руки о полотенце и здороваясь съ Софьей Николаевной. Варенье капало у нея съ пальцевъ и пачкало полотенце,—я варенье перекладывала въ другую банку. Да вотъ своего дурака бранила.

— Ахъ, такъ это ты его?—сказала Софья Николаевна, снимая перчатки, садясь и испытывая легкое отвращеніе къ тому, что Катя могла такъ ругаться.

— Нѣтъ, представь себѣ, что онъ, дуракъ, сдѣлалъ! По-сылаю его купить масла, а онъ принесъ какую-то дрянъ, да еще вдобавокъ разбилъ на дорогѣ колпакъ для лампы... Все портятъ, все бьютъ. Ахъ, если бы ты знала, сколько они мнѣ вещей перебили!..—сказала она, схватившись за голову.—Не знаю, что съ ними дѣлать. Мужъ ихъ билъ,—не помогаетъ. Надо будетъ другихъ искать, да и всѣ такіе же. У меня они чуть не каждый мѣсяцъ мѣняются.

— Да вѣдь у всѣхъ прислуга такая. У меня тоже горничная на нѣсколько рублей бьетъ ежемѣсячно. Что съ ними дѣлать...—сказала Софья Николаевна.

— Сравнила горничную съ нашими архаровцами. Женщина всегда ловчѣе все сдѣлаетъ и приберетъ, и подастъ. А вѣдь нашихъ прямо неприлично къ столу выпустить: чѣмъ-то отъ нихъ вѣчно воняетъ. Я бы съ такимъ удовольствіемъ взяла горничную, если бы средства позволяли,—сказала Екатерина Владиміровна, садясь на диванъ близъ подруги.

— Какъ далеко вы живете. Я еле нашла дорогу...—сказала Софья Николаевна.

— Что дѣлать—нынче квартиры такъ дороги стали. Просто невозможно деруть хозяева... Угадай, сколько я плачу за нее.

— У тебя сколько комнатъ?

— Пять, и всѣ меньше этой, вотъ дѣтская развѣ будетъ такая. И представь себѣ—300 рублей безъ дровъ! Сперва было и безъ воды, а теперь хозяинъ воду провель, такъ и за то слава Богу. Дорого вѣдь... Правда? А попробуй-ка переѣхать на другую,—не найдешь дешевле нигдѣ. Вотъ у насъ одинъ офицеръ вздумалъ перемѣнить квартиру. На лѣто уѣхалъ на дачу, а вещи сдалъ въ артиллерійскій складъ. Осенью пріѣхалъ, бѣгалъ-бѣгалъ, нѣтъ квартиры, хоть на дворъ оставайся. Представь себѣ, нанялъ ту же самую, только за болѣе дорогую плату... А вы сколько платите за свою?

— Теперь 700, а когда пріѣхали,—600.

— Да, ты можешь платить такія деньги,—не то съ горечью, не то завидуя, не то съ какимъ-то упрекомъ себѣ сказала Екатерина Владиміровна.—А для насъ и эта дорога. Не знаю, что будемъ дѣлать, когда цѣны еще подымутся. Ты знаешь, сколько мужъ получаетъ?

— Нѣтъ.

— Сто рублей въ мѣсяцъ, да еще съ вычетами, да съ долгами. Вотъ и живи, какъ хочешь. Тутъ такъ надо рассчитывать, чтобы ни одной копѣйки лишней не уходило. Считаю на квартиру 25, на столъ 30, меньше никакъ нельзя. 40 рублей какихъ-нибудь остается на все остальное: на одежду, на обувь, мало-ли на что еще выйдетъ. Такъ и при-

норавливаешься, чтобы до двадцатаго дотянуть,—сказала Екатерина Владиміровна. Она взволновалась. Видимо она попала на свою больную тему...

— Да-да... — промолвила Софья Николаевна неопредѣленно.

— Мы еще ничего, но есть у насъ офицеры, получающіе 50 рублей, да еще женаты, да съ дѣтьми!.. Какъ тутъ жить?.. И ихъ жены такія молодыя, совсѣмъ неопытныя хозяйки. Я всетаки уже понаучилась, знаю, какъ и гдѣ можно сѣкономить. Ни одной копѣйки лишней не истрачу. Приходится, конечно, дѣлать хорошія платья... вѣдь такъ, въ коготъ, въ гости не поѣдешь,—сказала она, засмѣявшись.—А съ этими гостями возня... Денегъ ни у кого нѣтъ, всѣ въ долгахъ, а лѣзутъ куда-то, закатываютъ вечера! Приходится по неволѣ бывать, а платьевъ нѣтъ... Ты по чемъ это покупала?—сказала она, щупая платье Софьи Николаевны и разглядывая его.

— По рублю тридцати, у Іордана.

— Я такъ и знала. Хорошая матерія. Я изъ такихъ не шью себѣ. Для себя я покупаю дешевле... А вотъ за это,—сказала она, показывая на капотъ, — по 30 коп. заплатила. Совсѣмъ простое, однако дома ходить можно... Только зачѣмъ ты сдѣлала здѣсь банты?.. Ихъ нужно бы сюда пересадить, а тутъ кружевомъ отдѣлать... кремовымъ... Это къ черному бы пошло.

— А развѣ такъ тебѣ не нравится? Это по модѣ.

— Да?...—Я перестала уже за модой слѣдить. Совсѣмъ собой не занимаюсь. Ты счастливица—можешь тратить на себя, сколько угодно. Сколько у тебя выходитъ въ мѣсяцъ на платья?

— Около ста,—сказала съ легкой гордостью Софья Николаевна. Какъ ни ничтожно было это сознаніе, все же оно доставляло ей удовольствіе.

— Вотъ видишь—все наше жалованье!.. Вотъ когда намъ прибавятъ, тогда сдѣлаю себѣ платье въ 50 рублей. А пока приходится сжиматься. Я беру теперь все у евреевъ, въ маленькихъ лавкахъ. Скорѣе что-нибудь выторгуешь. А у Іордана ни за что не уступятъ. Вотъ угадай, сколько я заплатила за это?—оказала Екатерина Владиміровна, вставая и принося Софѣ Николаевнѣ кусокъ матеріи темнаго цвѣта.

— Семьдесятъ,—сказала Софья Николаевна, пощупавъ.

Екатерина Владиміровна засмѣялась.

— Я такъ и знала. Это всѣ платятъ, а я покупаю... вотъ тутъ есть у меня лавочка,—за 48. На всемъ уступка. Намедни я бархатные штаны своему Колѣ сдѣлала. Ты бы навѣрно заплатила у Іордана 80, а я за 65 взяла. Тутъ въ лавочкѣ все дешевле.

— Да развѣ ты много этимъ выторгуешь?—Копѣйки!..

— Да копѣйки на одномъ, а если брать все въ разсчетъ, то и получатся рубли. На обѣдѣ, на примѣръ, какъ много можно съэкономить при умѣни. Ты почему, на примѣръ, платишь за яйца?

— Не помню, кажется 20.

— Не можетъ быть!.. По двадцати я сама плачу, на базарѣ меньше не отдають, какъ 25. Я каждый день не хожу, дѣти мѣшаютъ. Но раза два въ недѣлю бываю, чтобы денщикъ не обманывалъ насчетъ цѣны. А то они рады себѣ въ карманъ положить. Такъ вотъ, возьми, на десяткѣ яицъ я пять копѣекъ получаю, а на сотнѣ это выйдетъ полтинникъ. Тамъ рубль, тутъ рубль, смотришь—деньги. Такъ вотъ только и экономлю и держу хозяйство.

Она замолчала. Онѣ обѣ молчали, сидя другъ противъ друга. Такъ длилось нѣкоторое время.

— Ты не видала еще моей квартиры? Пойдемъ, я тебѣ покажу ее,—сказала Екатерина Владиміровна, вставая. Софья Николаевна пошла за ней.

— У насъ тутъ пять комнатъ. Ничего себѣ комнаты, только маленькія. Вотъ это столовая, довольно большая, только темная, и кухня здѣсь же,—говорила Екатерина Владиміровна, идя впередъ и отворяя дверь въ кухню. Два денщика, сидѣвшіе на скамейкѣ и игравшіе въ карты, вскочили при видѣ ея.

— Вы что здѣсь дѣлаете? Въ карты вѣрно играете—вотъ это мило. Кушанье на плитѣ, а поваръ въ карты играетъ. Вотъ погоди, я скажу барину,—погрозила она, выходя изъ кухни и затворяя дверь.—Вотъ здѣсь дѣтская.—Она отворила дверь, выходящую въ столовую, и вошла. Софья Николаевна прошла за ней.

Въ дѣтской, уставленной тѣсно тремя небольшими кроватками и одной люлькой, на грязномъ полу, залитомъ мыльной водой и забросанномъ орѣховой шелухой, тамъ и сямъ валялись какія-то разноцвѣтныя тряпки. Посреди дѣтской стоялъ картонный сѣрый конь съ отломанной ногой и барабанъ съ пробитымъ дномъ. Два мальчика,—одинъ постарше и почище, другой, пятилѣтній, совсѣмъ грязный, съ неутертымъ носомъ,—сидѣли въ лужѣ на полу и тащили за ноги коня другъ къ другу. Старшая дѣвочка лѣтъ десяти, худенькая, съ голубыми глазами и льняными волосами, стояла около люльки и, увидавъ Софью Николаевну, подошла къ ней и сдѣлала реверансъ. Другая дѣвочка, въ грязномъ платьѣ, сидѣла на скамейкѣ и болтала ногами.

— Вотъ мое потомство,—сказала Екатерина Владиміровна, улыбаясь,—Боже мой, уже грязные!.. Только что надѣли чистое и уже испачкались. А кто это лужу пролилъ? Зина, пойд

позови денщика,—говорила она, взявъ меньшую дѣвочку и передавая ее Софѣ Николаевнѣ.

— Это Катя, меньшая,—назвала она дѣвочку. Софья Николаевна, преодолевая легкое чувство брезгливости къ этой грязной дѣвочкѣ, взяла ее и посадила къ себѣ на колѣни. Дѣвочка стала брыкать ножками и старалась ускользнуть. Увидя, что это бесполезно, она заплакала и стала пускать слюни. Софья Николаевна поспѣшно сняла ее съ колѣнъ и, посадивъ на табуретку, подошла къ люлькѣ. Открывъ кисею, она увидала маленькое, красное, некрасивое спящее существо. Что это?—неужели этотъ гадкій красный кусокъ мяса—дита моей прежней Кати?—подумала она... Ее снова охватило чувство отвращенія, и она задержала занавѣску.

Сзади нея раздался громкій крикъ. Софья Николаевна обернулась. Большой мальчикъ, поваливъ меньшаго, валѣвъ на него и, пуская ему въ лицо слезы и слюни, билъ его кулакомъ по головѣ. Младшій вѣдпился ему въ волосы. Оба барахтались и кричали.

— Что это, вы съ ума сошли!—закричала Екатерина Владимировна, кидаясь къ нимъ и разнимая ихъ. Она схватила старшаго за руку и подняла его.—Что ты къ нему постоянно лѣзешь, гадкій мальчишка! Убирайся вонъ отсюда!—сказала она, отворяя дверь и выталкивая старшаго въ столовую. Мальчикъ упирался ногами въ полъ и не хотѣлъ идти.—А ты не лѣзь къ нему, пѣтухъ! Всегда первый лѣзешь. Видишь, онъ сильнѣе... Иди въ уголъ!—говорила она, беря младшаго за руку и ставя его въ уголъ. Мальчикъ плакалъ навзрыдъ и закрывалъ себѣ глаза руками. Грязныя слезы текли по его щекамъ.—Силь моихъ нѣтъ съ ними. Только одинъ отецъ страшенъ,—обратилась она къ Софѣ Николаевнѣ, сильно дыша и выходя въ залъ.—Такіе озорники растутъ! Шумять, кричать, что-нибудь разольютъ, всегда въ грязи. Боже мой, Боже мой, что дальше будетъ, ужъ и не знаю!—сказала она, выходя и садясь въ кресло.

„Такъ вотъ она семейная жизнь! Такъ вотъ, что называется счастьемъ имѣть дѣтей. И для того, для этой грязи, шума, дракъ, такъ страдать, рожая ихъ, и терять красоту. Нѣтъ, какъ хорошо, что у меня ничего этого нѣтъ. Какъ хорошо, что у меня одна только Лиля...“—думала Софья Николаевна, идя вслѣдъ за своей подругой и чувствуя, что она со своими дѣтьми стала ей еще болѣе чужда.

XXX.

— Расскажи мнѣ, Катя, какъ ты вышла замужъ? — сказала Софья Николаевна, садясь ближе къ подругѣ. — Мнѣ такимъ это кажется страннымъ... твоё замужество. Я никакъ не могла тебя представить иначе, какъ вѣчной дѣвочкой — гимназисткой, молоденькой и стройной. Расскажи мнѣ, какъ это случилось?

Екатерина Владиміровна посмотрѣла на нее и вздохнула.

— Что жъ тебѣ рассказывать!.. Я вышла замужъ, какъ и всѣ выходятъ и какъ ты, вѣроятно, вышла. Два года я жила у папы и мамы. Сначала было довольно весело: я выѣзжала и много танцевала. Потомъ это стало пріѣдаться. Въ то время встрѣтился со мной Алексѣй. Онъ былъ самый красивый и интересный изъ всѣхъ. Всѣ, кто меня окружалъ, ухаживали за мной и скоро подчинялись, влюбляясь, — сказала она, оживляясь отъ этихъ воспоминаній и испытывая, какъ всякая женщина, пріятное чувство тщеславія, что и въ нее влюблялись. — Всѣ ухаживали, одинъ только Алексѣй не обращалъ на меня никакого вниманія и видимо предпочиталъ другихъ. Это меня начало злить. Я хотѣла его, какъ и другихъ, подчинить своей власти, стала кокетничать съ нимъ... и не замѣтила, какъ влюбилась. А потомъ... потомъ было такъ, какъ всегда бываетъ. Все объяснилось, онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе... и я вышла. И теперь, вотъ, живу, какъ видишь... — сказала она задумчиво, какъ будто что-то припоминая изъ прошлаго, далекаго прошлаго. — Такъ-то, Соня! — прибавила она, и лицо ея приняло выраженіе покорной грусти и какого-то недоумѣнія.

— Да... вотъ оно какъ... Ну, и что-жъ, ты счастлива съ мужемъ? — спросила Софья Николаевна.

— Счастлива? — ахъ, право, не знаю. Кто изъ насъ можетъ сказать, что онъ счастливъ, не правда-ли?.. Все бываетъ. Онъ очень хорошій человекъ, мой мужъ... — сказала она, точно оправдываясь передъ кѣмъ-то за мужа. — Но, знаешь... — она наклонилась къ Софьѣ Николаевнѣ и понизила голосъ: — У всѣхъ бываютъ свои непріятности. Теперь я къ этому привыкла, а прежде, бывало, онѣ на меня дѣйствовали сильно... Да, да, ко всему привыкаешь...

Она подняла свои прекрасные глаза и посмотрѣла на Софью Николаевну. И въ этомъ грустномъ взглядѣ, и въ блескѣ голубыхъ глазъ, и въ манерѣ держаться вдругъ выглянула изъ этой толстой женщины гимназистка — Катя. Какъ это иногда бываетъ, въ душѣ Екатерины Владиміровны, при видѣ подруги

ги юности и при воспоминаніи о прошлой счастливой жизни, незамѣтно совершился переломъ. Все прошедшее, случившееся послѣ гимназіи, было отодвинуто. А на мѣстѣ этого разрушенія явилась прежняя, такъ не подходившая къ ихъ теперешнимъ разговорамъ и чувствамъ, подростокъ-Катя. И это, совершившись постепенно и не надолго, было незамѣтно ей самой...

— Какъ ты живешь теперь? Что дѣлаешь?—спросила Софья Николаевна.

— Право, не могу сказать, какъ я провожу время. Дни бѣгутъ незамѣтно, и только потомъ замѣчаешь, какъ много ихъ прошло. Одни дѣти отнимаютъ такъ много времени!.. Надо ихъ одѣть, умыть, покормить, потомъ смотрѣть, чтобы съ ними чего-нибудь не случилось, потомъ пойти погулять...

— Это тяжело, вѣрно—столько съ ними возиться!..—сказала Софья Николаевна.

— Нѣтъ, нисколько. Я привыкла. Я люблю это. Я люблю дѣтей, люблю возиться съ ними, шить имъ что-нибудь, работать для нихъ. Чувствуешь тогда, что жизнь твоя чѣмъ-то наполнена. Вотъ мы, матери, жалуемся на нихъ, что для нихъ нужно много дѣлать... А между тѣмъ, отними у каждой, у меня, напримѣръ, дѣтей,—я бы, право, умерла со скуки... Чѣмъ бы наполнила я жизнь?

Она встала, обдернула чехоль у кресла и сѣла по-удобнѣе, поближе къ Софьѣ Николаевнѣ. Въ сосѣдней комнатѣ что-то загремѣло и потомъ затихло.

— Да, и потомъ, вотъ что еще много отнимаетъ времени—это хозяйство. Я сама все время на кухнѣ. Одного денщика оставить нельзя, а то онъ все перепортитъ, надо ему все показать, научить. Потомъ послѣ обѣда я гуляю всегда съ дѣтьми. Вечеромъ тоже что-нибудь дѣлаю, занятіе всегда найдется. Вотъ мужчины говорятъ, что намъ нечего дѣлать. Нѣтъ, намъ именно, я нахожѣ, мало времени въ суткахъ, чтобы успѣть все сдѣлать. Когда ложишься спать, то всегда вспоминаешь, что что-нибудь забыла исполнить нужное. Теперь вотъ Зина будетъ въ гимназіи экзаменъ держать, а на будущій годъ Леня въ корпусъ. Я сама ихъ готовлю,—это тоже времени отнимаетъ не мало.

Софья Николаевна смотрѣла на нее, входила въ интимный, непонятный ни для кого, міръ ихъ былыхъ гимназическихъ интересовъ, видѣла въ той женщинѣ прежнюю Катю и чувствовала, что и она сама тоже перемѣняется. Ей казалось, что она не Софья Пушкирева, замужняя свѣтская дама, но что она Соня Любимова, что онѣ сидятъ съ Катей въ классѣ и бесѣдуютъ о своихъ гимназическихъ интересахъ. Ей казалось, что у нея былия чувства, мысли, былия желанія.

— Что-жъ, ты играешь что-нибудь?—сказала гимназистка Соня, показывая на рояль...—Не забыла?... помнишь нашу любимую пьесу въ четыре руки.

— Нѣтъ, не играю. Это мнѣ въ приданое дали, потому онъ здѣсь и стоитъ. Развѣ вотъ Зина будетъ заниматься. Самой мнѣ совсѣмъ некогда. Я все перезабыла. Я думаю, уже и руки не пойдутъ. Лѣтъ восемь ужъ не играла...—сказала Екатерина Владиміровна, подходя къ роялю и беря одной рукой нѣсколько аккордовъ.—Нѣтъ, не могу...

— А книги ты попрежнему любишь читать? Помнишь, какъ намъ приносили книги гимназисты и Вѣра читала ихъ намъ, а мы сидѣли и слушали. Бывало, такъ до полночи просидимъ. Помнишь это?—продолжала гимназистка Соня, блестя отъ возбужденія темными, прекрасными глазами.

Екатерина Владиміровна покачала головой.

— Нѣтъ, и это я бросила. Некогда, некогда!.. Гдѣ же тутъ читать и заниматься чѣмъ-нибудь, когда и другого по важнѣе не успѣваешь сдѣлать. Я скоро послѣ гимназіи, еще у папы, бросила всякое чтеніе. Тогда я танцевала, веселилась и мнѣ было не до того, да и никого не было, съ кѣмъ можно было поговорить. А потомъ я отвыкла и забыла все. Я и газетъ теперь не читаю... совсѣмъ некогда.

— Катя, помнишь наши мечтанія, наши мысли устроить жизнь...—продолжала семнадцатилѣтняя дѣвочка Соня, совсѣмъ увлекшись разговоромъ и перенесаясь вся въ міръ прошлыхъ таинственныхъ воспоминаній. И передъ ней сидѣла ея подруга Катя, точно также вошедшая въ міръ прежнихъ ощущеній и молодая, какъ она.

— Когда выходишь замужъ, мой другъ,—сказала Катя медленно, какъ бы вдумываясь въ смыслъ сказанныхъ словъ,—нужно забыть и бросить всякія гимназическія мечтанія. Если будешь одна и ни съ кѣмъ не связана, если отъ тебя не зависитъ судьба дорогихъ тебѣ людей, то можешь поступать, какъ хочешь. Потому-то мы и мечтаемъ только дѣвушками, еще не связанными ни съ кѣмъ. Когда выйдешь замужъ, все перемѣнится, пропадетъ...—Она подняла глаза, какъ бы обдумывая, сказать или нѣтъ то, что она хотѣла сказать. Лицо ея выразило на мгновеніе эту борьбу. Потомъ, какъ бы рѣшившись, она взяла за руку Софью Николаевну и сѣла ближе.

— Знаешь, Соня, я скажу тебѣ, одной тебѣ, откровенно мое мнѣніе: не стоитъ выходить замужъ. Да, да ни выходить замужъ, ни имѣть дѣтей...—сказала она, схвативъ руку Софьи Николаевны и говоря это подругѣ Сонѣ:—Разъ вышла,—все пропало! Мы думаемъ, что супружеская жизнь—жизнь съ любимымъ человѣкомъ будетъ какимъ-то безконечнымъ

счастьемъ... Но это все вздоръ!.. Да, вздоръ, вздоръ!..—сказала она рѣзко, какъ будто Софья Николаевна хотѣла ей возразить.—Подумай только, и ты поймешь, что я говорю правду... Мужъ, любимый мужъ...—сказала она не то насмѣшливо, не то съ горечью—да, онъ хорошъ, пока мы въ него влюблены. А вѣдь это проходить скоро и, когда пройдетъ, то окажется, что ты вышла за человѣка, котораго любишь вовсе не больше, чѣмъ другихъ. Мы, влюбленные дѣвочки—и я такой была, когда выходила,—мы думаемъ, что, выходя замужъ, избираемъ себѣ самаго лучшаго изъ всѣхъ мужчинъ, а, когда выйдемъ, только тогда поймемъ, что онъ не только не самый лучший, но самый худшій изъ всѣхъ, что мы обмануты. Неправда ли, и ты испытала такое чувство, да?

— Я не любила мужа и не знаю этого,—хотѣла сказать Софья Николаевна, но удержалась и ничего не сказала.

— Вотъ еще говорятъ, что дѣти—великая радость, счастье. И я сама тебѣ это недавно говорила. Но это счастье только тогда, когда ничего нѣтъ больше въ жизни, когда сама принижена... Дѣти—плодъ любви, любви!..—она зло засмѣялась,—да, физической любви... А сама она, эта любовь, такая гадость!.. Послушай, Соня... Я одной тебѣ скажу все откровенно. Я никому бы объ этомъ, кромѣ тебя, не сказала, да и тебѣ не всегда скажу. Но сегодня я разговорила, сегодня я прежняя Катя. Я все про себя думала и терпѣла, но сегодня на меня что-то небывалое нашло. Я одной тебѣ скажу...—прошептала она, наклоняясь ближе къ Софьѣ Николаевнѣ, какъ бы боясь, что она не услышитъ:—какая гадость бракъ. Медовый мѣсяцъ!.. за него-то я Алексѣя стала меньше любить. Вѣдь мы всѣ, невинныя дѣвочки, какой и я была, мы всѣ не желаемъ этого, боимся этой грубой стороны нашего чувства. Вѣдь мы любимъ въ мужчинахъ ихъ душу, волю, мужество... Зачѣмъ же портить, зачѣмъ же ломать это чувство гадостью?.. Какъ мужчины не понимаютъ, что мы изъ-за этого ихъ меньше любимъ... Мы хотимъ быть только друзьями... А они... все это ложь одна, что бракъ нѣчто духовное. Они любятъ себя только, а не насъ... Знаешь ихъ доводы: „Если любишь, то согласишься“... Ну,—сказала она рѣзко и грустно въ одно время,—и я согласилась... Ахъ, какъ непріятно вспоминать объ этомъ... гадость, гадость...

Она встала, прошлась по комнатѣ. Лицо ея горѣло, она была взволнована. Потомъ снова сѣла. Софья Николаевна была подавлена и молчала.

— Ну-съ, а потомъ...—одинъ ребенокъ, другой, третій... и такъ каждый годъ!.. У меня было семь человѣкъ за девять лѣтъ замужества, двое умерло. Когда постели находятся въ

одной комнатѣ рядомъ,—прибавила она зло, какъ бы издѣваясь надъ собой,—трудно, чтобы этого не было. Ну и потому, у насъ бывалъ каждый годъ ребенокъ... А у тебя какъ... вы спите отдѣльно?—спросила она, быстро оглядывая подругу.

— Нѣтъ, вмѣстѣ... какъ и у тебя,—сказала, почему-то конфузясь, Софья Николаевна.

— Ну да, у всѣхъ вмѣстѣ, у кого только я ни была. Теперь мнѣ все равно, но если бы я снова выходила замужъ, никогда бы этого не сдѣлала... Это животность какая-то, Соня...—сказала она страннымъ дрожащимъ голосомъ.—Вѣдь если любимъ, т. е. уважаемъ человѣка, то не хотимъ видѣть въ немъ животное. Только одни супруги не стыдятся другъ друга. Ну, да бросимъ это... Тебѣ, быть можетъ, надоѣла моя болтовня. Извини, я не знаю, съ чего это я разошлась...—сказала Екатерина Владиміровна, взглянувъ на подругу страннымъ, злымъ, обиженнымъ взглядомъ.

— Нѣтъ, пожалуйста, я очень рада, т. е. не рада... но какъ тебѣ выразить... Меня это очень волнуетъ. Говори, говори!—сказала Соня.

— Я одно только хотѣла сказать, что если выйти замужъ и имѣть дѣтей, то нужно бросить всякія мечтанія о томъ, чтобы дѣлать добро людямъ и проводить въ жизнь свои убѣжденія, какъ мы рѣшили въ гимназіи съ Вѣрой. Нужно думать, какъ бы самой и дѣтямъ прожить поудобнѣе. Будутъ дѣти, а съ ними расходы, и они все растутъ. Приходится биться все время, чтобы какъ-нибудь прожить прилично. И не я одна... мужъ... бѣдный, онъ бьется, какъ рыба, чтобы что-нибудь получить лишнее. На себя онъ ничего не тратитъ. Онъ прекрасный семьянинъ. Его и узнать нельзя: гдѣ блестящій танцоръ и офицеръ?.. Ты видѣла сегодня драку. Это бываетъ ежедневно. Всегда грязь, крикъ, шумъ, руготня съ прислугой, вѣчная борьба изъ-за копѣйки, отсутствіе покоя... И такъ и сегодня, и завтра, и всегда. Какіе тутъ идеалы... чтеніе... развитіе... Нѣтъ, я такъ думаю...—сказала она странно дрожащимъ голосомъ:—если удастся всѣхъ этихъ ребятъ поставить на ноги и сдѣлать изъ нихъ людей, такъ и того для насъ совершенно достаточно. Что можемъ сдѣлать мы, вдвоемъ съ мужемъ, слабые, небогатые люди... что можемъ сдѣлать мы особенно теперь, когда такъ трудно становится жить...

Она заплакала. Лицо ея сдѣлалось широкимъ, некрасивымъ, совсѣмъ обрюзглымъ. Руки и плечи дрожали. Такъ она проплакала съ минуту, потомъ встала, вышла, выпила воды и вернулась. Софья Николаевна чувствовала себя подавленной, разбитой. Она ничего не могла сказать, но хотѣла одного: не слышать этого больше, уйти, забыться.

— Я не потому плачу, что мнѣ жаль себя. Я еще счастливѣе другихъ. Всѣ, рѣшительно всѣ замужнія недовольны своей жизнью и жалуются и бьются. А красота...—вдругъ сказала она, снова оживляясь при этомъ,—знаешь ли, какъ она портится отъ дѣтей? Посмотри-ка..—Она взяла альбомъ, вынула оттуда карточку и показала Софѣ Николаевнѣ. Софья Николаевна посмотрѣла на карточку прелестной, дѣвственной Кати, смотрѣла на теперешнюю Екатерину Владиміровну, сравнила ихъ и, чуть не заплакавъ отъ какого-то тягостнаго недоумѣнія и безконечной жалости, поскорѣе положила ее въ альбомъ обратно.

— Что, похожа?—улыбнулась жалкой и натянутой улыбкой Екатерина Владиміровна.—Я умерла для себя лично. Я уже не женщина. А чего это стоило... Эхъ, лучше не вспоминать!..—сказала она, махнувъ рукою.—Теперь мнѣ все равно. Авось, хоть дѣтямъ будетъ лучше...

Обѣ молчали и не смотрѣли другъ на друга. Каждая думала о себѣ, о своей жизни, и имъ было тяжело оставаться наединѣ другъ съ другомъ. Въ сосѣднюю комнату вошелъ деньщикъ и загремѣлъ посудой.

— Ты что это, накрываешь, Андрей? Рано кажется,—спросила Екатерина Владиміровна.—Я пойду на минутку по хозяйству,—обратилась она подругѣ, какъ бы извиняясь передъ ней, встала и вышла.

— Вотъ, вотъ она—семейная жизнь, семейное счастье,—опять подумала Софья Николаевна.—Какъ я рада, что это не со мной, какъ я рада!

XXXI.

Раздался звонокъ. Изъ столовой пробѣжалъ поспѣшно въ переднюю деньщикъ въ красной рубашкѣ. Въ передней послышался звонъ шпоръ и мелкіе шаги. Кто-то раздѣвался. Мелькнуло офицерское пальто... „Мужъ“—подумала Софья Николаевна. Въ гостиную вошелъ высокій съ темной бородою офицеръ и, увидавъ незнакомую даму, на минуту остановился въ нерѣшимости, потомъ, вдругъ что-то вспомнивъ, пошелъ прямо къ Софѣ Николаевнѣ.

— Мнѣ жена говорила вчера о вашей встрѣчѣ,—сказалъ онъ, пожимая руку Софьи Николаевны.—Она такъ была рада этому.

— Да, такая неожиданность и вмѣстѣ такая радость. Вѣдь мы съ Катей такъ дружны были въ гимназіи!.. И главное, жили въ одномъ городѣ и не знали этого...—сказала Софья Николаевна, осматривая бѣглымъ взглядомъ мужа своей

Кати. Лицо его было довольно красиво и не лишено доброты. Но этотъ человекъ почему-то, — быть можетъ потому, что онъ былъ мужемъ Кати, — былъ ей какъ-то непріятенъ.

— Вашъ супругъ прокуроромъ?..

— Да, уже давно.

— А, и ты Алексѣй вернулся! — сказала Екатерина Владиміровна, входя и улыбаясь мужу. На лицѣ ея не было замѣтно слѣдовъ слезъ и недавняго возбужденія. Она была такая же спокойная, довольная, какъ и раньше. Во взглядѣ, которымъ она окинула мужа, выражалось взаимное пониманіе и сознаніе общихъ интересовъ. „Это мужъ мой“ — говорилъ этотъ взглядъ.

— Это моя Соня, о которой я тебѣ говорила вчера, — сказала она, обращаясь къ мужу и окидывая взглядомъ Софью Николаевну.

— Да, я очень радъ... — отвѣтилъ онъ.

— Между нами такая разниа по наружности, а на дѣлѣ мы однихъ лѣтъ!.. — проговорила Екатерина Владиміровна и въ ея глазахъ промелькнуло что-то натянутое, непріятное... — Ну, какъ же на службѣ? — обратилась она къ мужу.

— Ничего особеннаго. Генеральтъ почему-то пріѣхалъ въ казармы, распушилъ Лопухина, а меня пощадилъ, — сказалъ онъ.

— Вотъ какъ! Что-жъ это ему вздумалось?.. Ну что-жъ ты узналъ о мѣстѣ?

— Да какъ же, вакансія открывается, только врядъ ли меня назначатъ.

— Мы это говоримъ про службу. Можетъ быть, тебѣ это не интересно?.. — спросила Екатерина Владиміровна, обращаясь къ Софьѣ Николаевнѣ. — Дѣло въ томъ, что Алексѣй долженъ получить батарею, и насъ интересуеъ, куда онъ будетъ назначенъ. Да, — обратилась она къ мужу, — сегодня получила записку отъ Григорьевыхъ: просятъ тебя на винтъ.

— Ну ихъ, я не пойду! Надоѣло. У меня еще работы много осталось,

— Ты знаешь, вчера я узнала новость и совсѣмъ забыла тебѣ передать: Темлевъ женится... знаешь на комъ?.. на Аверьяновой.

— Да?.. что-жъ, молодецъ... много беретъ, вѣрно?

— Что ты!.. но вѣдь рожа какая у нея... Надо же имѣть хоть чуточку вкуса... — сказала Екатерина Владиміровна. Въ сосѣднихъ комнатахъ раздавался дѣтскій крикъ. — „Опять начали“ — замѣтила она, уходя.

Софья Николаевна и Тихоцкій — мужъ Кати, — когда она ушла, не находили, что говорить. Софьѣ Николаевнѣ было

почему-то неловко и неприятно. Екатерина Владиміровна вошла снова.

— Ну, что тамъ?—спросилъ Тихоцкій.

— Да ничего... Боря наступилъ на палецъ Васѣ, и они опять подрались... Какое теперь повѣтріе стало на браки,—сказала она, улыбаясь и обращаясь къ мужу:—сколько уже переженилось: Шубинъ, Берскій, Герне... и все въ одинъ годъ!

— Да, я тебѣ совсѣмъ забылъ передать: Бановцевъ... помнишь, что прибѣжалъ къ намъ въ Москву... такой представительный генералъ... товарищъ папашин...

— Ну?—оживилась Екатерина Владиміровна.

— Назначенъ помощникомъ командующаго войсками въ Вильнѣ...

— Что ты?—воскликнула радостно Екатерина Владиміровна.—**Какое счастье!** Что-жъ ты...—она не докончила вопросъ и посмотрѣла на мужа.

— Ну, конечно, надо съѣздить къ нему... Онъ такъ хорошо къ намъ относится... Можетъ быть, и удастся что-нибудь устроить...

— Поѣзжай, поѣзжай!—настаивала она радостно.—Нельзя упускать такого случая,—прибавила она, обращаясь къ Софьѣ Николаевнѣ.

Лицо ея оживилось. Разговоръ коснулся того, что ее особенно интересовало. Заговорили о службѣ, повышеніяхъ, кто получилъ какое мѣсто и что можно получить, если перевестись въ Вильно. Потомъ перешли на знакомыхъ, рассказывали сплетни, кто на комъ женился, кто имѣетъ любовника, у кого случились неприятности и почему. Всѣхъ разобрали по косточкамъ. Отъ сплетенъ разговоръ перешелъ къ хозяйству, дороговизнѣ жизни, цѣнамъ квартиръ. И во всемъ этомъ, во всѣхъ разговорахъ сквозило одно желаніе и одинъ интересъ: какъ бы устроиться въ жизни повыгоднѣе хотя бы насчетъ другихъ.

Софья Николаевна слушала все это, разговаривала, смотрѣла на Екатерину Владиміровну и уливлялась. Она не узнавала той Кати, которая часъ тому назадъ говорила съ ней совсѣмъ иначе и совсѣмъ о другомъ. Настоящая Катя была прежняя разжирѣвшая офицерская дама, жена ограниченного мужа и самка, ничѣмъ не интересующаяся, кромѣ городскихъ новостей, службы мужа, кухни и дѣтей. И это было видно по тому непосредственному оживленію, которое было у Екатерины Владиміровны во время такихъ разговоровъ.

Они продолжали говорить. Теперь разговоръ перешелъ на то, какимъ образомъ удобнѣе всего добиться высшихъ должностей. Екатерина Владиміровна рассказывала подругѣ,

про одного ихъ знакомаго, который ухитрился, ничего не дѣлая, получать 12 тысячъ, и восхищалась этимъ. Софья Николаевна слушала ее и понимала. Но другая часть ея самой ужасалась. Другая Софья Николаевна понимала, что теперешняя Екатерина Владиміровна и была настоящая Катя. А прежняя Катя мелькнула только на мигъ, подѣ вліяніемъ необыкновенныхъ обстоятельствъ—встрѣчи съ лучшей подругой и воспоминаній о гимназической жизни—и что она больше не вернется. Софья Николаевна чувствовала, что эта Катя чужда ей и что она не только не будетъ дружить съ ней, но будетъ стараться избѣгать ее. И она понимала это не умомъ, но чувствомъ, невольно. И потому, не оставшись обѣдать, не смотря ни на какія просьбы, поскорѣе простилась и уѣхала. Она готова была заплакать отъ тягостнаго чувства, ~~похожаго на то~~ на грусть, не то на какое-то недоумѣніе.

XXXII.

Судьба Екатерины Владиміровны Тихоцкой, превратившейся въ 12 лѣтъ изъ прелестной дѣвушки съ богатыми возможностями къ духовной разумной жизни, общавшей дать много счастья людямъ, съ которыми ей предстояло встрѣтиться въ жизни,—въ тупую самку, живущую ничтожными семейно-хозяйственными интересами и физическимъ воспитаніемъ дѣтей, судьба эта была самая обыденная, всегда повторяющаяся судьба тысячъ русскихъ женщинъ. И все это произошло очень просто.

Выйдя изъ гимназіи въ семью отца, она, какъ Вѣра и многія другія ея подруги, сразу попала въ блестящій провинціальныи свѣтъ—свѣтъ танцевъ, костюмовъ, выѣздовъ, ухаживанья офицеровъ, пустоты ничего-недѣланія. Отецъ ея, подполковникъ Бекманъ, былъ обыкновенный пожилой человѣкъ, вся жизнь котораго въ молодости прошла въ весельѣ, забавахъ и кутежахъ, а въ зрѣлые годы въ приличномъ, обезпеченномъ 2½ тысячами рублей, военномъ ничего-недѣланіи. Съ наружной стороны это былъ веселый человѣкъ, хорошій семьянинъ и любящій отецъ, съ внутренней же—погибшій для духовной жизни, добрый и ограниченный тунецъ. Мать Кати была, какъ многія матери, доброе, сѣрое и безсознательно живущее существо.

Въ эту жизнь и попала Катя, и этой жизнью ей предстояло прожить еще много лѣтъ. И выйти изъ этого міра было некуда, потому что въ томъ городѣ и въ то время другого міра—не по формѣ, а по существу—не было. Катя же, попавъ въ этой міръ, не была возмущена имъ потому,

что эту жизнь вели самые дорогіе для нея люди,—отецъ и мать и всѣ окружавшіе ее, потому, что сама она была такъ духовно-прекрасна, что считала и окружавшее ее прекраснымъ, а главное потому, что понять ужасъ этой жизни было слишкомъ трудно: для этого нужно было много думать и видѣть иную жизнь. И она повѣрила въ ея справедливость сердцемъ и стала жить, какъ всѣ.

Когда же она такъ прожила нѣсколько лѣтъ, случилось то, что и должно было случиться. Природный умъ, не получая развитія, сталъ гибнуть и началъ интересоваться тѣмъ, на что наталкивала жизнь; онъ сталъ не свѣтомъ, озаряющимъ жизнь и указывающимъ ея смыслъ, а оправданіемъ уже существующей жизни и смысломъ жизни практической. Прекрасныя возможности къ духовной жизни такъ и остались только возможностями, потому что имъ не на чемъ было осуществиться. Нравственные качества, при дурномъ направленіи жизни, стали безнравственными, выродились во виѣшнія формы религій и стали направляться къ тому, что было дурно, и отворачиваться отъ того, что хорошо,—поддерживать существующую жизнь и бояться иной, лучшей жизни.

И не нашлось ни одного человѣка, который указалъ бы ей на ужасъ ея положенія и вывелъ ее изъ него. Напротивъ, тотъ веселый, виѣшне-прекрасный и внутренно-убогій міръ, который ее окружалъ — міръ офицеровъ, бальной молодежи въ аксельбантахъ, мундирахъ и при шпорахъ, этотъ міръ только и говорилъ съ ней о пошлостяхъ, о любви, о значеніи цвѣтовъ и преимуществъ одного танца передъ другимъ. То же говорили и тѣ, которыми она увлекалась и которымъ потому наиболѣе вѣрила. Для нихъ она была только хорошенькая дѣвочка, съ которою можно пріятно провести время и поухаживать. И эти-то пустые и блестящіе тунеядцы окончательно погубили ее.

Когда же, черезъ три года такой жизни, въ нее влюбился красивый молодой штабсъ-капитанъ Тихоцкій, которымъ она сама сильно увлеклась, и когда онъ сдѣлалъ ей предложеніе, Катя уже такъ была принижена этой жизнью, что Тихоцкій казался ей самымъ лучшимъ, совершенно подходящимъ къ ея мечтамъ мужчиной. Жизнь дѣвическая не сулила ей ничего новаго, жизнь супружеская была жизнью съ тѣмъ, кого она полюбила, т. е. съ самымъ лучшимъ на свѣтѣ мужчиною. Отецъ и мать совѣтовали ей выйти. И она вышла.

Съ тѣхъ поръ и началась та жизнь, которая привела ее къ теперешней Екатеринѣ Владиміровнѣ. Небогатая, иногда и прямо бѣдная офицерская жизнь съ занятіями хозяйствомъ, кухней, дѣтьми вызвала превращеніе поэтической, тонко-ду-

ховной Кати въ умственно отупѣвшую и хозяйственно-домовитую женщину. Дѣти же погубили ея красоту.

Такъ она и жила теперь, какъ почти всѣ живутъ, и хотя тяготилась этой жизнью, но вѣрила, какъ многіе вѣрують, что если жизнь ненормальна и несчастлива, то только потому, что не хватаетъ еще ста рублей въ мѣсяцъ. Прежняя Катя погибла, и прелестный цвѣтокъ оказался пусто-цвѣтомъ. Никто не зналъ объ этой смерти. Только одна Софья Николаевна не разумомъ, а чувствомъ понимала это, потому что здѣсь было безобразіе, а тамъ прелесть. И потому-то она, уѣзжая отъ Екатерины Владиміровны, готова была заплакать о томъ, что прежняя Катя умерла.

XXXIII.

Въ этотъ годъ снѣгъ выпалъ довольно рано и сейчасъ же закрѣпился морозомъ. Настала чудесная зима: морозная, снѣжная, ясная. И опять, какъ и всегда зимой, началось веселе: вечера, танцы, театръ. Софья Николаевна чувствовала себя такъ хорошо, какъ никогда. Съ того времени, когда она увидѣла Вѣру и Катеньку и узнала несчастіе ихъ жизни, она поняла, что, выйдя замужъ за состоятельнаго человѣка и отказавшись имѣть дѣтей, а потому сохранивши красоту, она избрала себѣ лучшую участь. Она была молода,—ей было 29 лѣтъ,—свѣжа и прекрасна и испытывала то желаніе пожить, которое бываетъ часто у женщинъ, стоящихъ на порогѣ тѣхъ лѣтъ, переходъ черезъ которыя такъ страшенъ и которыя называются „тридцатыми“. Она чувствовала потребность пользоваться своей красотой, потребность въ чемъ-нибудь сильномъ, яркомъ—потребность отдаться, любить и быть любимой.

Въ январѣ шла очередная сессія. Слушалось интересное дѣло о томъ, какъ жена убила любовницу мужа. Но не въ этомъ былъ главный интересъ, а въ томъ, что подсудимую взялся защищать извѣстный столичный адвокатъ Паливинъ, который случайно жилъ въ это время въ N, у своего дяди и заинтересовался этимъ дѣломъ. Софья Николаевна, какъ и многія дамы, ходила въ судъ, слушала рѣчи прокурора и адвоката, восхищалась, какъ всѣ, адвокатомъ и, какъ очень немногія, познакомилась съ нимъ. Они проговорили другъ съ другомъ около часу, и разговоръ, начавшись съ процесса, перешелъ потомъ на другіе, болѣе интересные предметы. Софья Николаевна знала, что она слегка кокетничаетъ съ нимъ, но не сдерживалась, а, наоборотъ, отдавалась этому чувству. Она хотѣла заинтересовать этого человѣка, нравиться

ему. Было ли это простое кокетство женщины или желаніе чего-то большаго, надежда на то, чего мы въ тайнѣ хотимъ и въ чемъ не признаемся даже себѣ—она сама не знала. Ей это было пріятно и она дѣлала это. Паливинъ оказался очень интереснымъ собесѣдникомъ, и Софья Николаевна давно не говорила ни съ кѣмъ съ такимъ удовольствіемъ. Она приглашала его бывать у нихъ, и Паливинъ сказалъ, что завтра будетъ у нихъ съ визитомъ и надѣется бывать не разъ, если дѣла позволятъ ему остаться въ городѣ.

— Боже мой,—сказала Софья Николаевна, закутываясь въ шубу, которую подаль ей швейцаръ.—Неужели вы не господинъ своихъ дѣлъ?

— Да, но...—отвѣтилъ онъ.

— Никакихъ „но“! Если вы не хотите, — ваша воля... Если же вы пожелаете бывать у насъ, то вы сдѣлаете такъ, что это будетъ. Прощайте... нѣтъ, до свиданія!.. Надѣюсь скоро васъ видѣть, — сказала она, блестя своими чудными глазами и улыбаясь ему такъ, что эта улыбка значила и многое, и ничего въ одно и то же время.

Паливинъ поклонился.

— Сдавайтесь и не перечьте никогда женщинѣ!..—прибавилъ шутя Николай Александровичъ и, пожавъ ему руку, вышелъ за женой.

XXXIV.

Паливинъ скоро пріѣхалъ къ Пушкиаревымъ съ визитомъ и сталъ часто бывать у нихъ. Николай Александровичъ былъ этому очень радъ. Не говоря уже о томъ, что ему льстили посѣщенія извѣстнаго адвоката, онъ не находилъ въ этомъ ничего дурного, во-первыхъ, потому, что не допускалъ, чтобы Софья Николаевна могла позволить себѣ что-нибудь „предосудительное“, во-вторыхъ, свѣтъ не видѣлъ ничего дурного въ ухаживаніи за замужней женщиной, и, наконецъ, онъ самъ не замѣчалъ этого ухаживанія, и ему казалось, что Паливинъ сколько для Софьи Николаевны, столько и для него и, пожалуй, даже больше для него бываетъ у нихъ.

Хотя Николай Александровичъ самъ не такъ давно имѣлъ любовницу, но онъ, какъ всѣ мужья, считалъ, что его жена не можетъ измѣнить ему... Онъ зналъ, разумѣется, многихъ замужнихъ женщинъ, измѣнявшихъ мужьямъ, даже изъ ихъ теперешнихъ знакомыхъ,—Картазову, Шторхъ. Но это было совсѣмъ иное. То была Картазова, жена пожилого полковника, полная, молодящаяся дама. То была Шторхъ, жена глупаго члена. Но вѣдь Софья Николаевна совсѣмъ иное:

вѣдь она жена его, Николая Александровича!.. И Картазовой, и Шторхъ можно измѣнять мужьямъ, но для нея, Софьи Николаевны, это немислимо, не допустимо.

Паливинъ сначала и не думалъ о возможности какихъ-либо близкихъ отношеній съ Софьей Николаевной. Но почему же не поухаживать за женщиной, если она хороша и позволяетъ за собой ухаживать? И онъ сталъ ухаживать за ней, какъ это онъ дѣлалъ со всякой хорошенькой женщиной, не позволяя себѣ ничего лишняго и вмѣстѣ съ тѣмъ доставляя себѣ удовольствіе. Прошелъ мѣсяцъ, а онъ не только не уѣхалъ, но и не зналъ, когда уѣдетъ. Онъ совсѣмъ не думалъ объ этомъ. Онъ думалъ только о томъ, чтобы добиться отъ Софьи Николаевны того, о чемъ онъ теперь мечталъ и что составляло для него невозможное, но желаемое счастье. Незамѣтно для себя онъ влюбился въ Софью Николаевну и понималъ это лишь тогда, когда ему нужно было уѣзжать по неотложнымъ дѣламъ въ столицу, и когда онъ не поѣхалъ. Онъ сопровождалъ ее всюду; на вечера, на катокъ и все время сидѣлъ около нея, не обращая вниманія на то, что могутъ подумать. Сначала онъ думалъ, что достаточно ему будетъ объясниться въ любви Софьѣ Николаевнѣ, и все опредѣлится. Если она любитъ его, тогда счастье. Если нѣтъ, онъ уѣдетъ. Но когда онъ объяснился, онъ не только ничего не разъяснилъ, но все такъ спуталъ, что теперь уже рѣшительно ничего не могъ понять. Сегодня она мила, улыбается ему, кокетничаетъ и все время говоритъ съ нимъ, и онъ увѣренъ, что она его любитъ. Но завтра она съ нимъ холодна, улыбается другому, а на него—никакого вниманія, какъ будто вчера ничего не было. Какъ это понять? И онъ, какъ въ сѣтяхъ, все болѣе и болѣе путался въ этихъ противорѣчійхъ и все болѣе влюблялся. Всѣ знали, что онъ влюбленъ, знали даже то, чего не было. Не знали одинъ только Николай Александровичъ.

Софья Николаевна не была влюблена въ Паливина, но онъ ей нравился. Его ухаживаніе льстило ей и было пріятно. Она знала, чего добивается Паливинъ, и колебалась—исполнить или не исполнить то, чего они оба желали. Тайный голосъ говорилъ ей: „живи пока можно. Смотри, какъ скоро уходятъ годы. Бери отъ жизни все, что можешь взять. А остальное пустяки. Не думай“. И подъ шопотъ этого голоса она незамѣтно для себя рѣшила, что это будетъ. Она знала, что Николай Александровичъ никогда объ этомъ не узнаетъ, и желаніе любить, отдаться и быть любимой опять охватило ее. Какъ гимнастъ съ трудомъ одолѣваетъ первое препятствіе и легко прыгаетъ черезъ второе, такъ и Софья Николаевна, отдавшись разъ одному любовнику, легко могла отдаться

другому. Но, какъ женщина, она не могла сразу согласиться на это и мучила Паливина, обращая въ шутку его слова о любви и говоря ему о прелести дружбы, зная, что эти слова ложь.

Всякій разъ, когда Паливинъ говорилъ ей о своей любви, она говорила, что не вѣрить въ нее. А чудесные глаза ея говорили иное и сулили ему счастье. И Паливинъ еще болѣе мучился этимъ разладомъ между словами и выраженіемъ глазъ и еще болѣе путался и не зналъ, что дѣлать.

XXXV.

Была свѣтлая, лунная и морозная ночь. На неизмѣримомъ сѣро-синемъ небѣ высыпали частымъ, серебристымъ бисеромъ звѣзды и тихо трепетали и щурились, какъ ангельскіе глазки. Снѣгъ хрустѣлъ и переливался, какъ сахаръ, милліонами серебряныхъ брызговъ. Въ воздухѣ чувствовалась какая-то особенная упругость. Вездѣ былъ яркій, не меланхолическій, какъ лѣтомъ, но величественный, точно кованное серебро, бѣлый свѣтъ. И въ эту ночь Софья Николаевна ѣхала на извозчикѣ изъ гостиницы, гдѣ сбылось, наконецъ, столь сильное желаніе Паливина, что такъ мучило его, и исполненіе чего казалось ему невыразимымъ счастьемъ.

Софья Николаевна куталась въ ротонду. Испытывая смѣшанное чувство гадливости и вмѣстѣ съ тѣмъ легкости физической и чувство непонятной радости, она смотрѣла на звѣзды млечнаго пути, на небо, на окружавшіе улицу дома, облитые луннымъ свѣтомъ. Все было торжественно, спокойно и величаво. И это величіе природы являлось нѣмымъ контрастомъ людямъ, въ эту ночь, какъ и всегда отдававшимся своимъ бѣднымъ желаніямъ и ничтожнымъ, ограниченнымъ средствамъ для ихъ удовлетворенія.

„Какъ тихо, свято и величаво“—думала Софья Николаевна. „И какъ странно въ эту чудную ночь то, что случилось. И какъ удивительно то, что оно вообще было. Думала ли я когда-нибудь, что это случится со мной?... Какъ мало намъ извѣстна наша будущая жизнь и какъ часто бываетъ то и тогда, что совсѣмъ не предполагаешь. Да, никто не знаетъ себя, своихъ желаній, поступковъ,—да, никто!“..

Она посмотрѣла на свѣтлое, звѣздистое небо и вспомнила, какъ она въ дѣтствѣ любила смотрѣть на него. И сейчасъ же она почувствовала себя на мгновеніе перенесенной въ дѣтство.

„Въ такую же точно ночь я уѣзжала изъ клуба, гдѣ познакомилась съ Сережей,—подумала она. Но какъ далеко

и какъ отлично все это кажется отъ теперешняго“. Она задумалась. „Да, вотъ въ дѣтствѣ... развѣ я знала, что со мной будетъ, что я выйду замужъ за Nicolas, полюблю Анцева и случится то, что случилось теперь. Какимъ бы дурнымъ я считала это въ дѣтствѣ“, — сказала она себѣ и улыбнулась этой разницѣ взглядовъ.— „А теперь ничего, даже пріятно, только жалко чего-то. Да, какъ все скоро мѣняется“.

Вѣтеръ пахнулъ на нее. Она покрѣпче укуталась въ ронду и почувствовала ощущение бодрости, теплоты, счастья.— „Хорошо“—подумала она. „Какъ пріятна жизнь, и какъ я счастлива“. Она задумалась— „Понятно, счастлива“—сказала она себѣ и вспомнила Паливина, то, какъ онъ цѣловалъ ей руки и благодарилъ за дарованное счастье.

Извозчикъ выѣхалъ на большую площадь передъ соборомъ, ослѣпительно бѣлѣвшимъ теперь отъ луннаго свѣта. Отъ домовъ падали черныя тѣни. Было ужасно тихо. Только иногда барабанили трещотки ночныхъ сторожей.

„Какъ странно, что Николай считаетъ, будто я ему вѣрна. Что онъ теперь дѣлаетъ? Читаетъ и не подозреваетъ ничего. Какъ онъ, какъ мужья глупы въ этомъ отношеніи!.. Всѣ знаютъ, а онъ ничего не знаетъ. Всѣ знаютъ... Ну, такъ что-жъ? Всѣ то же дѣлаютъ. И прежде, и здѣсь, Картазова, Шторхъ, Лиза... всѣ, всѣ... не я одна. Такъ свѣтъ построенъ... Какъ я его долго мучила,—подумала она про Поливина.—Бѣдный!.. За то теперь онъ счастливъ. Что онъ обо мнѣ думаетъ?.. Впрочемъ, все равно“.

Она покрѣпче закуталась. Сани скрипѣли. И все мигали звѣздочки-глазки, и все стался по землѣ крѣпкій воздухъ, и все ходилъ серебрянымъ туманомъ лунный свѣтъ, и все попрежнему, въ контрастъ человѣческому горю и счастью, природа была величава и нѣма, точно смѣялась надъ ними.

XXXVI.

Прокуроръ Николай Александровичъ прослужилъ девять лѣтъ и былъ переведенъ въ столицу товарищемъ прокурора палаты.

Въ столицѣ, вслѣдствіе дороговизны жизни, пришлось нѣсколько сократить расходы, но, хотя они были уменьшены, денегъ въ общемъ выходило не только не меньше прежняго, но даже больше, такъ что въ годъ легко проживалось семь тысячъ. Этотъ годъ въ столицѣ былъ особенно тяжелъ для Пушкаревыхъ въ денежномъ отношеніи. Фабрика, однимъ изъ пайщиковъ которой былъ Николай Александровичъ, должна была остановиться вслѣдствіе рабочихъ беспорядковъ.

Рабочіе жаловались на чрезмѣрный трудъ и малую плату и хотѣли стачкой добиться ея повышенія. И хотя они были усмирены посланной ротой солдатъ, разсажены по тюрьмамъ и поставлены въ еще худшее положеніе, чѣмъ раньше, все же эта остановка работъ отняла у Николая Александровича нѣсколько тысячъ, такъ что денегъ на столичную жизнь не хватало. Но жить, не имѣя семи тысячъ въ годъ, такъ, какъ они привыкли и какъ требовало положеніе Николая Александровича, здѣсь, въ столицѣ, вслѣдствіе дороговизны было нельзя. Нужно было сдѣлать долги. Николай Александровичъ, какъ это ему ни было непріятно, сдѣлалъ ихъ.

Софья Николаевна было 34 года. Это было опасное время, на рубежѣ старости, когда одинъ годъ могъ сдѣлать ее неузнаваемой. Она была все еще хороша, но появилась чуть замѣтная блеклость кожи, образовались складочки около губъ—всѣ эти враги женщины, которые незамѣтны при появленіи, но, что ни день, дѣлаются грознѣе. Но все это было ничтожно и еще не пугало, нужно было только слегка попудрить лицо и умыться туалетной водой—и все проходило. Она пользовалась въ своемъ судейскомъ кругу репутаціей *belle femme* и нравилась многимъ, и многіе за нею ухаживали.

Пушкарёвы наняли квартиру на Литейномъ, оставили ее старинными вещами, которыя такъ легко купить въ Петербургѣ, и зажили милымъ семейнымъ кругомъ. У нихъ не бывало такъ много народу, какъ въ провинціи,—жить такъ широко здѣсь было нельзя—но только свои судейскіе, избранное общество. И интересы были тоже свои, судейскіе. Говорили преимущественно о томъ, кто назначенъ на мѣсто того-то, что сказалъ министръ при открытіи новаго суда, кто будетъ защищать Иванову, кто обвинять. Николая Александровича очень любили въ палатѣ, какъ хорошаго товарища, и къ Пушкарёвымъ охотно приходили поиграть въ винтъ и поболтать. Дамы разговаривали съ дамами о своихъ дамскихъ дѣлахъ, мужчины усаживались за зеленый столъ и щелкали картами. Пріятно было чувствовать себя въ уютной квартирѣ, за интересной игрой, съ тонко-воспитанными людьми въ бѣлыхъ манжетахъ и чистомъ бѣлѣ, между тѣмъ, какъ на дворѣ—петербургская слякоть и непогода. Потомъ ужинали и уходили, и все это было удобно, пріятно и хорошо.

Были развлечения и болѣе общаго характера, такіа, какими можно пользоваться только въ столицѣ: напр., поѣздки въ Михайловскій или къ Немецки смотрѣть пріѣзжую знаменитость. Это, т. е. знаменитость, въ чудномъ театрѣ, при огромномъ оркестрѣ и съ прекраснымъ ансамблемъ, нельзя было видѣть въ провинціи, и потому надо было пользоваться

этимъ здѣсь. А итальянская опера, а литературные вечера, а передвижныя выставки...

А дома—швейцарь, покрытая ковромъ лѣстница, утромъ свѣжія газеты, всѣ удобства столичной жизни. И Пушкиревы наслаждались, истощивъ это удовольствіе вполне. Весной ѣздили кататься на острова, смотрѣли заходъ солнца со Стрѣлки или отправлялись въ Павловскъ послушать музыку. Лѣтомъ жили въ Лѣсномъ и пользовались удобствами настоящей хорошей дачи.

Но не смотря на все это, времени, свободнаго времени, когда нечего было дѣлать, оставалось много, и Софья Николаевна употребила его на воспитаніе дочери. Лиліа было въ это время 12 лѣтъ. Она была миловидная дѣвочка, очень напоминавшая Софью Николаевну въ дѣтствѣ. Она училась въ Екатерининской гимназіи вмѣстѣ съ дочерью генерала З. и княжной Каразиной. Софья Николаевна любила ее и смотрѣла за ней. Она часто брала ее кататься на Невскій и интересовалась ея ученіемъ. Но теперь она рѣшила обратить на дочь особенное вниманіе. Лилія была въ томъ возрастѣ, когда правильное воспитаніе, по мнѣнію Софьи Николаевны, было ей въ особенности нужно. И все время, когда они жили въ столицѣ, было посвящено тому, чтобы незамѣтно, день за днемъ, вложить въ нее правильныя взгляды и сдѣлать изъ нея барышню, хорошо воспитанную и вполне свѣтскую.

Воспитаніе всякой дѣвочки хорошаго круга, по мнѣнію Софьи Николаевны, требовало трехъ вещей: первое состояло въ томъ, чтобы дѣвочка не знала и не могла никакъ узнать тѣ тайны природы, которыя всѣ родители скрываютъ отъ дѣтей и которыя дѣти окольнымъ путемъ узнаютъ отъ подружекъ или кухарокъ. Хотя Софья Николаевна не могла отвѣтить на вопросъ, что же дурного въ знаніи того, что есть, она, какъ и многіе люди, чѣмъ менѣе понимала смыслъ чего-нибудь, тѣмъ болѣе была увѣрена въ томъ, что это надо дѣлать. Софья Николаевна помнила, какъ ее научили этому нѣкоторыя подружки въ гимназіи съ таинственными улыбками и двусмысленными словами, помнила ощущеніе гадливости, наполнившее ея душу, когда она узнала такое страшное про папу и маму, и когда разрушились ея мечты объ аистахъ, приносящихъ дѣтей. Софья Николаевна не хотѣла быть старшей подружкой своей дочери и дать ей знаніе тогда, когда это было нужно по ея лѣтамъ и въ такой формѣ, чтобы это знаніе не оскорбило дочь и чтобы Лилія смотрѣла на это, какъ на самую обыкновенную вещь, которой нечего стыдиться и которую нужно принимать такъ, какъ она есть... Она не хотѣла этого и вмѣстѣ не хотѣла, чтобы дочь узнала это отъ кухарокъ, какъ нѣчто сальное и грязное. И потому она стала

стремиться, чтобы Лилия ничего не знала. Софья Николаевна считала, что нужно выйти замужъ, и что замужество всему научить.

Изъ этого главнаго требованія вытекали два другихъ: чтобы избѣгнуть знанія пошлости, нужно вращаться въ обществѣ приличныхъ и благовоспитанныхъ дѣтей, которыя сами ничего не знали и не могли ничему научить, однимъ словомъ—въ обществѣ дѣтей, принадлежащихъ къ ихъ кругу. И, наконецъ, третье требованіе, котораго Софья Николаевна сама хорошо не сознавала, но которое, незамѣтно для себя старалась привить дочери, состояло въ томъ чтобы смотрѣть на мальчиковъ, какъ на какія-то особыя, совершенно чуждыя имъ, дѣвочкамъ, существа. Они не были тѣ же люди, какъ Катя и Люба, они были другіе, совсѣмъ другіе. Ихъ нужно было стыдиться, и то, что было прилично по отношенію къ дѣвочкамъ, по отношенію къ нимъ было совсѣмъ не прилично. Они должны были быть кавалерами и ухаживать за барышнями, но на нихъ нельзя было смотрѣть такъ, какъ на подругъ.

И вѣдря въ дочь незамѣтно и постепенно эти взгляды и уча, главное, тому, что самое важное на свѣтѣ ея, Лилино, счастье—это говорилось прямо какъ истина, непосредственно данная, которую нечего доказывать и которой руководствовались всѣ люди—Софья Николаевна думала, что она желаетъ дочери добра, что она ее правильно учитъ, и что изъ этого сѣмени вырастутъ добрые плоды, которые составятъ счастье дочери и сдѣлаютъ ея жизнь истинно человѣческой. И она никогда не сомнѣвалась, что это такъ. И въ томъ не сомнѣвалась не только она, но и миллионы людей...

XXXVII.

Въ столицѣ Николай Александровичъ прослужилъ не долго: всего два года, и былъ назначенъ предсѣдателемъ окружнаго суда въ одну изъ центральныхъ русскихъ губерній. Это было мѣсто въ служебномъ отношеніи предѣльное для него. Онъ зналъ это и прочно устроился въ новомъ городѣ. Нанялъ хорошую квартиру, обзавелся новыми знакомыми и сталъ жить, чтобы съ удовольствіемъ прожить остатокъ жизни такъ, какъ жилъ всегда, спокойно, пріятно и прилично и, не ожидая уже чиновъ, ждалъ лишь ордена къ новому году.

Для Софьи Николаевны въ это время по формѣ многое переѣнилось,—исчезли прежніе интересы, появились новыя... Но по существу было то же: спокойная, обеспеченная жизнь

для себя. Да и какъ быть иному, когда иного и не нужно, когда прекрасно и такъ, какъ они жили. И она жила такъ. Меньше, правда, было развлеченій, больше свободного времени и скуки. Но все это было старое, налаженное, въ определенныхъ рамкахъ, выработанныхъ издавна... За тѣмъ, за другимъ, за третьимъ, за ѣдой, гуляніемъ, посѣщеніемъ гостей и не замѣчалось, какъ проходило время и приходила пора ложиться спать. Чего-жъ больше—какъ хорошо! Если бы такъ можно было прожить и завтра. Скучно—можно почитать или лучше пригласить знакомыхъ на партію въ винтъ—Софья Николаевна пристрастилась къ этой игрѣ и довольно тонко играла. И такъ проходили и уходили мѣсяцы и годы, и уходила жизнь... Прожито много, въ будущемъ длинной лентой тянулась та же дорога жизни и конца ей не видать. А идти по этой дорогѣ было такъ спокойно—ни буря, ни вѣтеръ не вздымають непріятной пыли.. Только нужно не раздумывать много, не сомнѣваться въ томъ, то ли взято направление, и неся свою кладь, не помогать нести ее другому. Что изъ того, что садилось солнце—солнце жизни, и меньше стало свѣту и легли темныя тѣни, и что скоро оно совсѣмъ скроется навѣки... Нужно не думать объ этомъ: думать тяжело и бесполезно, а такъ, какъ и всѣ, мало-по-малу подвигаться, куда ведетъ дорога, все дальше, дальше и дальше...

XXXVIII.

Съ внѣшней стороны было хорошо, но внутренняя жизнь была ужасна. То, что для Софьи Николаевны было главнымъ условіемъ счастья, что одно давало смыслъ и значеніе жизни и утрата чего казалась невозможной, была красота, и красота эта теперь пропадала.

Когда и какъ случилось это паденіе, когда пришелъ этотъ грозный моментъ, Софья Николаевна сама не знала, потому, что такого страшнаго момента вообще не было. Она всегда была хороша: и сегодня, и завтра, и годъ, и два. И не смотря на это, красота пропадала. Время такъ было велико, а паденіе такъ незамѣтно... Но въ томъ-то и заключался ужасъ, что неизвѣстно когда это началось и какъ оно шло, а между тѣмъ разрушилось все. Точно въ ней поселился какой-то невидимый врагъ, который неустанно дѣлалъ свое дѣло и незамѣтно убивалъ. Когда она была прокуроршей, она была все время красива. Но въ послѣдніе годы появились признаки паденія: вялость кожи, морщинки и опухлость глазъ. Все это было, однако, такъ ничтожно, что

Софья Николаевна не обращала на это никакого вниманія. Такъ и въ столицѣ: та же прелесть, глаза хороши и фигура, но кожа еще больше поблекла и еще больше выбѣжало морщинокъ, и талія слегка пополнѣла. Но въ общемъ все это только слегка и совсѣмъ не пугало. Страшно было бы, если бы сразу. Но все шло, шло изо дня въ день, растягивалось, дѣлалось привычнымъ, и страхъ проходилъ и наступало примиреніе съ едва замѣтнымъ измѣненіемъ. И то же тогда, когда Николай Александровичъ получилъ предсѣдательство. Въ первый годъ она все еще была красива. Но внутренній врагъ, сидѣвшій въ ней, продолжалъ работу, и все болѣе выступали морщины, и талія полнѣла, и волосы на вискахъ стали не то, что-бы сѣдые, а какіе-то сѣрые. Прошелъ годъ и другой, и третій, и все шла таинственная работа, и очевиднѣе были ея результаты: красота подтачивалась. Красота была, правильность линій въ лицѣ оставалась нетронутой. Но она все полнѣла, у нея сталъ выступать другой подбородокъ, волосы кое-гдѣ сѣдѣли, кожа совсѣмъ поблекла, глаза стали угасать и уже не сіяли. Красота еще была, и ея не было уже въ одно и то же время, и это-то было ужасно. Точно два знака—плюсь и минусъ—вели въ ней борьбу. Плюсь оставался, но минусъ дѣлался больше и плюсь пропадалъ. Лицо хорошо, но нѣтъ свѣжести, молодости, которая выливалась во всякомъ движеніи, въ улыбкѣ, въ смѣхѣ, въ блескѣ глазъ. Нѣтъ больше внутреннихъ силъ и нѣтъ внутренняго жара, а то, что оставалось безъ него, казалось совсѣмъ инымъ. И такъ шло время и чѣмъ дальше, тѣмъ равномернѣе все хуже и хуже...

„Красота пропадала!“ Это легко сказать, а какъ много это значитъ. Лицо было прекрасное, молодое, полное нѣги и огня, точно народившееся солнце. Глаза красивы, темны и смѣются, и очаровываютъ всѣхъ. Зубы бѣлы и улыбка играетъ, и дивно бѣломраморное тѣло, и прелестны полныя руки. И хочется все смотрѣть и смотрѣть на эту прелесть и оторваться нельзя и ее впиваешь въ себя, и нельзя упиться, и теряешь разумъ и боготворишь тѣло—пасть бы на колѣни и цѣловать ее и только смотрѣть!.. А потомъ—красота пропадаетъ, и все это проходитъ и прелести нѣтъ. Проходитъ,—какъ это глубоко ужасно! Проходитъ—теряютъ блескъ глаза и тускнѣютъ и не очаровываютъ никого. Нѣтъ въ нихъ огня, жизни, нѣтъ счастья, и въ душѣ не родится имъ отѣлика. Проходитъ—бѣлые зубы крошатся и выпадаютъ, и гниютъ... Прежде была яркая прелесть, а теперь—что? Нѣжная кожа не ласкаетъ взора, набѣгаютъ и рябятъ ее морщины и теперь отвернешься отъ того, что боготворилось недавно. Проходитъ—фигура полнѣетъ, теряетъ стройность, и безобразіе готово. Талія нѣтъ,

грудь обвисаетъ, плечи не манятъ ничьего взора, черты лица дурнѣютъ. Красота проходитъ—и умираетъ женщина, умираетъ ея женская прелесть и сила. И прожить такъ нужно не одинъ годъ, а десять, двадцать... некрасивой, состарившейся, безъ поклонниковъ, безъ любви, безъ счастья...—ужасно!

XXXIX.

Софья Николаевна всегда, во всю свою жизнь, вѣрила, что то, что случается съ другими, не можетъ случиться съ ней. Она видѣла, какъ многія женщины были хороши, какъ онѣ дурнѣли потомъ изъ году въ годъ и становились стары. Она видѣла, какъ Катя изъ прелестной дѣвочки въ двѣнадцать лѣтъ превратилась въ толстую некрасивую самку, и она плакала надъ этой гибелью. Она знала, что это естественно и что красота не можетъ быть вѣчной, она даже не жалѣла тѣхъ женщинъ, съ которыми это случалось. Для другихъ, для женщинъ всего міра, даже для Кати, какъ это ни было непріятно, все это было естественно и возможно. Но для нея, Софьи Николаевны Пушкаревой, съ ея умомъ и душой, съ ея мыслями, чувствами и желаніями—для нея это было совсѣмъ другое. Другія женщины были вообще другія, постороннія, существующія только по отношенію къ ней, вообще люди. Но она вѣдь была совсѣмъ отличное отъ всѣхъ людей существо, она была „я“ съ „моими“ радостями, „моимъ“ горемъ, и ясно, что то, что примѣнимо къ нимъ, постороннимъ, совсѣмъ не можетъ относиться къ ней. Иначе—къ чему отреченіе отъ дѣтей, къ чему было выходить замужъ, не любя, за состоятельнаго Николая Александровича, къ чему выѣзжать на балы, увлекать мужчинъ и дѣлать все то, что она дѣлала въ жизни?.. Разсужденіе ея было самое простое.

Она видѣла, какъ Катя и другія женщины дурнѣли, и, должна была, казалось, сказать себѣ: красота Кати пропала и красота другихъ женщинъ тоже пропадаетъ, пропадетъ и моя красота. А если такъ, если красота исчезнетъ въ концѣ концовъ, то нельзя такъ жить, какъ я живу, нельзя выше всего ставить ее и приносить ей жертвы, а надо искать чего-нибудь другого, высшаго, безсмертнаго, и ему служить. Но она говорила какъ разъ наоборотъ: Катя подурнѣла и другія женщинъ дурнѣютъ. Какъ это ужасно. Значитъ мнѣ нужно стараться, чтобъ у меня всегда была красота, и для этого нужно не думать, что она можетъ пропасть, а вѣрить, что она всегда остается, и тогда будетъ все спокойно, и можно будетъ жить такъ, какъ я всегда жила. Такъ

она думала и такъ она вѣрила и жила, а вотъ теперь оказалось иное. Вся жизнь прошла такъ, а въ концѣ жизни явилось уничтоженіе того, чѣмъ держалась жизнь. Такъ какъ же отъ этого не страдать?

XL.

Но не одно то было ужасно, что пропала красота. Съ этимъ, какъ оно ни непріятно, еще можно было помириться. Гораздо хуже было то, что съ красотою проходило время любви, не той любви, скучной и сѣрой, которая по евангельски служить другому и утѣшаетъ страждущихъ, а той, которая даетъ прелесть и очарованіе жизни, любви сладко-жгучей, съ таинственными свиданіями, со страстными объятіями, со всею прелестью взаимнаго обладанія, совсѣмъ тѣмъ упоительнымъ, плотски-прекраснымъ, что несетъ съ собою физическая любовь. И это время влюбленности и ухаживанія мужчинъ проходило, потому что любовь была не что иное, какъ очарованіе лицомъ и боготвореніе тѣла. И когда исчезла красота, безвозвратно исчезла и нѣга любви, и теперь не осталось ничего, никакого очарованія...

По опыту всей своей жизни, всѣхъ своихъ прожитыхъ лѣтъ, Софья Николаевна знала, какъ много значить въ жизни любовь мужчинъ и ухаживаніе кавалеровъ и какія это доставляетъ наслажденія. Она узнала всю ея волнующую прелесть еще въ юности—всѣ эти флирты, эти мало-значительные, но интересные разговоры, этотъ потокъ улыбокъ, пожатіе рукъ, кокетство глазъ и сладко-таинственные намеки. Лучшее время жизни было время любви: свиданія съ Анцевымъ, ночныя посѣщенія извѣстнаго адвоката. И дальше то же. Одно только скрашивало время, одно только давало смыслъ и прелесть, одно только занимало такъ много незанятыхъ дней, одно только волновало, заставляло биться сердце и работать умъ и среди мертвеннаго однообразія жизни истинно жить, одно,—любовь! Все заключалось въ мужчинахъ, кавалерахъ. Кавалеры, кавалеры вездѣ. На вечерахъ, на балахъ въ клубѣ, въ театрѣ, въ тѣсномъ семейномъ кругу,—вездѣ они,—веселые, милые, ухаживающіе со сладкими комплиментами, съ блестящими глазами, съ изящными поклонами, съ неоскудѣвающимъ запасомъ любезныхъ рѣчей. У другихъ часто никого нѣтъ, другія страдаютъ, а она окружена, у нея толпа, она веселится. Она не знала, чѣмъ безъ любви, безъ мужчинъ она наполнила бы рядъ утомительныхъ скучныхъ дней своего существованія. Она привыкла любовь ставить выше всего въ жизни. Она жила ею — жила!.. А теперь—что же теперь?..

XII.

Какъ пропадала ея красота и разрушалось ея дивное тѣло, какъ изъ интересной женщины она, какъ и всѣ другія, стала обращаться въ пожилую, когда-то прелестную, а теперь некрасивую даму, какъ произошелъ весь этотъ страшный процессъ разрушенія—это видѣли всѣ. То же, что она испытывала при этомъ, какъ страдала, мучилась и боролась, это знала только она одна. Изъ дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяца, шли сѣрые скучные годы и во все это время она томила не яркимъ, но тупымъ, растянутымъ, холоднымъ отчаяніемъ предъ ужасомъ наступающей женской смерти.

Она не сдавалась въ началѣ, но, замѣтивъ грозные признаки паденія, увеличивающуюся блеклость кожи и порчу чудеснаго бюста, она тѣмъ тщательнѣе стала скрывать все это и бороться всѣми женскими средствами, косметиками, водами, пудрою, ваннами, красивыми платьями, всѣмъ тѣмъ, что могли выдумать люди и гигиена, противъ медленно неумолимаго врага. Бороться—къ чему? Она была бесполезна, эта борьба, постепенно приходилось складывать оружіе и сдаваться. Что сдѣлать противъ времени, когда фатально вѣрно разрушеніе тѣла, идущее шагъ за шагомъ, не покоряясь ничему, разрушеніе холодное, вѣрное, неумолимое? Его, какъ быстрый потокъ, можно остановить на мигъ, съ тѣмъ, чтобы его прорвало еще больше. Доктора? что они могутъ сдѣлать противъ неумолимаго теченія времени. Каждый зналъ, что лѣкарства безсильны, прописывалъ безвредныя вещи и уѣзжалъ, получивъ деньги, и въ результатъ ничего—никакого улучшенія!.. И куда она ни бросалась, къ лѣченію, къ вышнимъ украшеніямъ, къ поѣздкамъ на воды,—все это не улучшало ничего, было напрасно, бессмысленно, безцѣльно...

И во все время холодный ужасъ, что она, настоящая Софья Николаевна умираетъ, ужасъ не одновременный, но растянутый на цѣлые годы, плачь о томъ, что ее больше не будутъ любить, что приходится проститься съ этимъ чуднымъ временемъ утонченно-трепетныхъ чувствъ, съ этими нѣжными разговорами, пожатіями милой ручки... Прощай любовь!.. Жизнь идетъ, и съ ней проходитъ красота, любовь и счастье, а куда, зачѣмъ—нѣтъ отвѣта. И не только любви, но нѣтъ и простого ухаживанія, флирта, вниманія къ ней, какъ къ хорошенькой женщинѣ. Прежде, бывало, она пріѣдетъ въ гости и, если скучно, мигомъ развеселитъ мужчинъ, около нея толпа, и всѣ рады ея пріѣзду. Теперь не то. Къ ней не подходитъ молодежь, съ нею не спѣшаютъ заговорить... Другія, моложе, свѣ-

жѣе, чѣмъ она, привлекають мужское вниманіе. А она сидитъ весь вечеръ съ пожилыми дамами, слушаетъ ихъ разговоры о квартирахъ, о городскихъ сплетняхъ... А тамъ, въ залѣ, танцы, веселье, смѣхъ.

И все это,—эти страданія, эти тяжелыя мысли, всѣ эти грустные и больные аккорды въ гаммѣ ея жизненныхъ ощущеній и томительные годы разрушенія красоты—все это было одно долгое мученіе. То были тоска и ужасъ неизвѣстно зачѣмъ и за что.

XLII.

Не менѣе страшна была и скука, которая явилась, когда пропала красота и исчезли всѣ радости, горести, заботы, которыя были нераздѣльны съ ней. Онѣ исчезли и неизвѣстно, чѣмъ теперь заполнить день съ утомительно-длинными часами. Нечего дѣлать: больше спать, больше ѣсть и читать, больше гулять, и всетаки времени оставалось много. И нельзя убить эту скуку, можно только скрасить ее, занимаясь больше хозяйствомъ, вышиваніемъ, вязаньемъ или чѣмъ-нибудь другимъ. Виды жизненной дороги стали хуже, сѣрѣе. Солнце клонится совсѣмъ близко къ закату и блескъ его не яркій, какъ прежде, а тихій, меланхолическій. Что впереди, страшно подумать и лучше не задаваться этимъ. Лучше поддержать жизнь такъ, какъ она есть, принимать гостей, вести хозяйство, посѣщать другихъ, стараться какъ-нибудь только заполнить время, жить, какъ она всегда жила, и привыкать къ новому положенію, примиряясь съ тѣмъ, что прошло невозвратно, и отыскивая пріятное въ настоящемъ. Какъ бы то ни было, а приходилось доживать жизнь,—жить и скучать..

XLIII.

Николай Александровичъ за все время своего предсѣдательства не то, чтобы былъ вполне счастливъ, но не испытывалъ никакихъ несчастій. Онъ не только ихъ не испытывалъ, онъ и не могъ испытывать. Онъ устранилъ то, что считалъ самой большой причиной всего непріятнаго въ жизни—заботу о другихъ. Если кто-нибудь возбуждалъ его сожалѣніе и приводилъ его въ умиленное состояніе—въ этомъ состояніи онъ могъ все сдѣлать для другого—онъ старался побороть это настроеніе и сдерживался. Онъ привыкъ это дѣлать давно въ судѣ и перенесъ эту способность въ жизнь, считая ее большимъ достоинствомъ своего характера.

Жизнь Николая Александровича вообще была ясная, спокойная и определенная. Утромъ, за чаемъ—„Губернскія Вѣдомости“, затѣмъ судъ—судъ Николай Александровичъ особенно любилъ. Онъ любилъ сойтись въ своей комнатѣ съ членами перваго отдѣленія, фонъ-Гольце и Рыбаковымъ, слушать отъ нихъ городскія и политическія новости и подвергать ихъ оцѣнкѣ. Любилъ выслушивать ихъ мнѣнія по поводу подсудности или неподсудности дѣла, или примѣненію къ нему такой-то, а не такой статьи, и самому съ легкой улыбкой опытнаго юриста, превосходящаго знаніемъ другихъ, разрѣшить это дѣло. Николай Александровичъ любилъ также провести своего протеже въ кандидаты на должность слѣдователя или поговорить о судѣ съ завѣдующимъ административнымъ. Послѣ обѣда Николай Александровичъ всегда спалъ часовъ до восьми. Вечеромъ, если оставалось время отъ занятій или когда онъ не былъ въ гостяхъ и къ нимъ никто не приходилъ,—онъ читалъ книги по антропологии (въ последнее время онъ увлекся Тейлоромъ), которой онъ очень интересовался. Николай Александровичъ привыкъ къ чтенію и высоко цѣнилъ въ себѣ начитанность, тѣмъ болѣе, что его товарищи—судьи очень мало читали.

Отношенія къ Софьѣ Николаевнѣ были такія же, что и прежде. Это были два уважающихъ другъ друга человѣка, которые надѣли на себя уваженіе къ другому, чтобы скрыть отчужденность. Николай Александровичъ обращался съ женой, какъ спокойный, сознающій свое достоинство человѣкъ, съ легкимъ оттѣнкомъ покровительства и уваженія къ ней, какъ къ своей женѣ. Они часто разговаривали, какъ приходится двумъ людямъ, которые живутъ въ одной квартирѣ и уже прожили вмѣстѣ двадцать лѣтъ, и интересы которыхъ совпадаютъ. Но внутренній міръ обоихъ былъ строго разграниченъ. Вообще же жизнь Николая Александровича была ясная и пріятная жизнь.

Дочь Лилия воспитывалась въ Петербургѣ, въ гимназій, и на праздники пріѣзжала къ родителямъ. Николай Александровичъ въ душѣ гордился дочерью, хотя старался этого не показывать. Онъ гордился тѣмъ, что она хороша собой и хорошо учится, что на нее уже теперь обращаютъ вниманіе молодые люди, а въ будущемъ, когда она кончитъ гимназію, на нее еще больше будутъ обращать вниманіе... и онъ зналъ, что она навѣрное сдѣлаетъ себѣ хорошую партію.

Такъ текла его жизнь.

XLIV.

Николай Александровичъ во всю свою жизнь не отличался крѣпкимъ здоровьемъ, но и никогда не болѣлъ серьезно.

Однажды, воротившись изъ сессіи, онъ почувствовалъ боль въ желудкѣ и слегъ раньше въ постель, принявъ слабительное и думая, что все пройдетъ. Однако ночью съ нимъ сдѣлался припадокъ, его стало рвать. Послали за докторомъ, который всегда лѣчилъ ихъ. Докторъ пріѣхалъ, осмотрѣлъ больного и прописалъ лѣкарство. Онъ затруднился опредѣлить сразу болѣзнь, пріѣхалъ на другой день, снова осмотрѣлъ и нашелъ заворотъ кишекъ.

Отъ этого заворота онъ и сталъ лѣчить Николая Александровича. Но время шло. Николаю Александровичу было не хуже и не лучше. Позвали другого доктора. Тотъ осмотрѣлъ, выслушалъ, постукалъ и опредѣлилъ болѣзнь иначе: воспаление почекъ. Въ концѣ концовъ, они столковались на чемъ-то среднемъ между кишками и почками и стали вмѣстѣ лѣчить его.

Прошло нѣкоторое время, и Николаю Александровичу стало лучше. Онъ сталъ поправляться. Къ веснѣ онъ совсѣмъ выздоровѣлъ и сталъ ходить въ судъ. На лѣто они наняли дачу у помѣщика, въ деревнѣ. Николай Александровичъ сталъ пользоваться чистымъ воздухомъ, много гулялъ, купался, пилъ молоко и минеральныя воды. Онъ долженъ былъ, по мнѣнію доктора, выздороветь и пріѣхать неузнаваемымъ. Но этого не случилось, хотя онъ исполнялъ тщательно всѣ совѣты доктора и героически мучилъ себя молокомъ, которое онъ не любилъ, и дачей, гдѣ ему было очень скучно. Если онъ и поправился, то очень немного; чувствовалъ онъ себя всетаки нехорошо, жаловался на общее недомоганіе и все надѣялся, что это пройдетъ. Осенью они пріѣхали въ городъ, и Николай Александровичъ сталъ снова ходить въ судъ и за знакомой, привычной, любимой дѣятельностью ему показалось, что ему и дѣйствительно лучше.

Такъ прошелъ октябрь. Но въ ноябрѣ стало опять хуже. Николай Александровичъ почувствовалъ окончательно, что онъ не долѣчился и что онъ такъ не можетъ работать. Нельзя было сказать опредѣленно, что болѣло, какъ будто въ сердцѣ кололо, было больно и тамъ, гдѣ раньше, и еще гдѣ-то, въ другомъ мѣстѣ. Николай Александровичъ снова пригласилъ врача. Тотъ далъ ему какія-то капли, онъ сталъ принимать ихъ, но сдѣлаемое хуже. Докторъ былъ добросовѣстный человекъ и на заявленіе Николая Александровича, что лѣкар-

ство не помогаетъ, сказалъ, что онъ и самъ не надѣялся, что оно поможетъ, что болѣзнь какая-то сложная, и что онъ не Богъ, а лучше сѣздить въ Москву къ знаменитости.

— Тамъ вамъ все быстро починять. Тамъ и приборы для этого есть, и знаніе лучше нашего. Поѣжайте, мой совѣтъ. Приѣдете молодцомъ!... — сказалъ докторъ, улыбаясь, точно было хорошо, что онъ не можетъ вылѣчить, и, получивъ три рубля, уѣхалъ.

Николай Александровичъ передалъ слова доктора Софьѣ Николаевнѣ. Она сказала, что и давно нужно было это сдѣлать, и что, если бы Николай Александровичъ сразу поѣхалъ въ Москву, какъ она совѣтовала, то теперь ничего бы не было. Но время не ушло и лучше поздно, чѣмъ никогда. Николай Александровичъ взялъ отпускъ и уѣхалъ.

Въ столицѣ онъ прибѣгъ къ совѣтамъ знакомыхъ, чтобы опредѣлить, къ какому изъ профессоровъ обратиться, чтобы сразу вылѣчить болѣзнь. — Одни хвалили А и ругали Б и указывали, что Б заморилъ вотъ такого-то, а А дѣлаетъ чудеса; другіе хвалили Б и ругали А и говорили, что Б молодъ, а А уже устарѣлъ...

Послѣ всѣхъ этихъ колебаній, Николай Александровичъ рѣшилъ ѣхать къ А, потому что А бралъ больше денегъ за визитъ, и, значитъ, была вѣроятность, что онъ лучше.

У знаменитости было больше великолѣпія и важности, чѣмъ у провинціальныхъ врачей. Николай Александровичъ вмѣстѣ съ другими посѣтителями дожидался своей очереди въ большой пріемной, богато уставленной мягкой мебелью, зеркалами и цвѣтами и украшенной тарелками на стѣнахъ и картинами. Больныхъ было десять. Изъ нихъ болѣе всего бросились въ глаза Николаю Александровичу четверо: толстый съ краснымъ лицомъ и сѣдыми волосами, но на видъ очень здоровый купецъ, въ длинномъ черномъ кафтанѣ и высокихъ сапогахъ; молодой человѣкъ въ сюртукѣ, худой и блѣдный, полная дама съ большой грудью и добрымъ выраженіемъ лица, и хорошенькая, типа Гётевской Гретхенъ, чухоточная дѣвушка. Дѣвушка видимо волновалась, ожидая очереди, краснѣла и теребила платокъ. Ее пригласили въ кабинетъ, и она, оправляя платье и волнуясь, скрылась за дверь. Остальные, кромѣ молодого человѣка, совсѣмъ не казались больными, но скорѣе людьми, собравшимися послушать интересную лекцію и только скучавшими въ ожиданіи, когда она начнется.

— Чѣмъ изволите болѣть? — спросилъ, подсаживаясь къ Николаю Александровичу, купецъ, которому видимо было скучно и хотѣлось поговорить.

— Да такъ, въ сердцѣ что-то... — отвѣтилъ Николай Але-

ксандровичъ, и они разговорились. Купецъ сказалъ, что у него болитъ печень и что онъ отъ скуки не можетъ жить на свѣтѣ. Николай Александровичъ разсказалъ свое, и купецъ внимательно слушалъ, одобрительно кивая головой на его слова. Онъ сказалъ, что самъ не вѣрить въ докторовъ, и что все будетъ, какъ Богъ пошлетъ. Николай Александровичъ хотѣлъ отвѣтить что-то въ родѣ того, что на Бога надѣйся, а самъ не плошай, какъ вдругъ дверь кабинета отворилась и оттуда вышла, вся въ слезахъ, хорошенькая дѣвушка. Она испуганно, по-дѣтски, какъ преслѣдуемый звѣрекъ, посмотрѣла на всѣхъ и, путаясь въ юбкѣ, прошла по пріемной. Всѣ смотрѣли на нее съ удивленіемъ. Николай Александровичъ почувствовалъ ощущеніе жалости и страха. И съ этого времени онъ отвернулся, сталъ смотрѣть въ окно и не сказалъ ни слова, пока его не позвали въ кабинетъ.

Въ кабинетѣ, такомъ же большомъ и богатомъ, какъ пріемная, съ какими-то медицинскими приборами и банками на столѣ, знаменитость, — плѣшивый, полный человекъ, сталъ задавать Николаю Александровичу вопросы, а молодой человекъ записывалъ его отвѣты въ книгу. Разспросивши и осмотрѣвши, обстукавъ и ощупавъ его, знаменитый врачъ, со свойственной ученымъ докторамъ грубой откровенностью, объявилъ, что у Николая Александровича не одна, а нѣсколько болѣзней сразу, что положеніе серьезно и лучше лечь въ больницу. Когда Николай Александровичъ спросилъ, нельзя ли не ложиться въ больницу, врачъ отвѣтилъ, что его дѣло только сказать, но что можно лѣчиться и дома и онъ напишетъ все, что нужно, провинціальному врачу. Онъ написалъ письмо, прописалъ лѣкарство и сказалъ, что, если Николай Александровичъ будетъ добросовѣстно лѣчиться, то можетъ поправиться. При этомъ знаменитость всталъ и направился къ шкафу, какъ будто чего-то ища. Николай Александровичъ понялъ, положилъ деньги на тарелку и вышелъ.

Проходя по пріемной и скользя по гладкому полу, Николай Александровичъ вдругъ вспомнилъ, что вѣдь онъ забылъ спросить, насколько опасно его положеніе. „Ну все равно, — подумалъ онъ. — Буду лѣчиться, какъ сказано, а тамъ посмотримъ. Теперь все будетъ хорошо. Это не наши коновалы“. Въ пріемной было еще больше народу. Толстый купецъ, когда Николай Александровичъ проходилъ около него, посмотрѣлъ и, какъ показалось Николаю Александровичу, подмигнувъ ему, какъ бы говоря: „Что, братъ, отдѣлался. А мнѣ то каково!“

Николай Александровичъ вышелъ радостный, далъ подтильникъ швейцару и такъ и поѣхалъ домой съ сознаніемъ, что теперь все будетъ хорошо и что нужно только исполнять

сказанное профессоромъ. „А на лѣто поѣду на воды, въ Ессентуки или за границу, и поправлюсь окончательно“—подумалъ онъ. Всю дорогу мысль о томъ, что онъ скоро будетъ здоровъ, не оставляла его, и онъ рассчитывалъ, во сколько обойдется ему лѣчение за границей.

XLV.

Сначала было хорошо. Николай Александровичъ показалъ доктору нисѣмо знаменитости и сталъ лѣчиться тѣми лѣкарствами и сообразно тому діагнозу, который былъ установленъ. Діагнозъ оказался вѣрнымъ, и Николай Александровичъ уже почувствовалъ облегченіе, сталъ ходить въ судъ и заниматься, какъ вдругъ, въ одну ночь, опять произошло то, старое, возобновилась болѣзнь и стало плохо. Докторъ растерялся и совсѣмъ забывъ, что онъ самъ говорилъ раньше, обвинилъ знаменитость. Воспользовавшись этимъ случаемъ, онъ сказалъ язвительно, что вотъ, въ прошломъ году какъ-никакъ, онъ все-таки вылѣчилъ Николая Александровича, а лѣкарства знаменитости привели вотъ къ чему. „Да ужъ эти наши знаменитости!... Только слушай, живо отправятъ на тотъ свѣтъ“—сказалъ онъ раздражительно и, отмѣнивъ лѣкарства знаменитости, сталъ лѣчить своими. Онъ лѣчилъ ими недолго, и когда лучше не стало, бросилъ свои и принялся снова за прежнія, и опять не стало лучше. Николай Александровичъ сталъ жаловаться на почки. Позвали другого доктора, составленъ былъ консиліумъ, опредѣлена болѣзнь и лѣкарства и начали лѣчить еще на новый ладъ.

Съ этихъ поръ такъ все и пошло. И сколько ни лѣчили, но болѣзнь не угадали и не вылѣчили. И какія ни давали лѣкарства, болѣзнь шла своимъ, независимымъ отъ всего этого лѣченія, ходомъ, и больному дѣлалось все хуже. Не то, чтобы было больно—боли не было, но сердце расширилось, и былъ бѣлокъ въ большемъ количествѣ, и была еще какая-то особая болѣзнь, которую докторъ охарактеризовалъ латинскими названіями.

Внѣшнее теченіе болѣзни было таково: Николай Александровичъ сначала вставалъ, двигался и разговаривалъ, потомъ какъ-то сталъ слабѣть и не могъ ходить, а только лежалъ въ постели. Онъ сталъ меньше разговаривать, большей частью былъ недвижимъ, смотрѣлъ впередъ въ одну точку по цѣлымъ часамъ полузакрытыми усталыми глазами. О чемъ онъ думалъ, что онъ чувствовалъ и думалъ ли онъ вообще что-нибудь, никто не зналъ. Доктора, наконецъ, напали на истинную болѣзнь и нашли, что у него болѣзнь почекъ и

склерозъ сердца. Болѣзнь эта прогрессивно ухудшалась, но такъ постепенно, что этого нельзя было замѣтить тѣмъ, кто былъ постоянно около больного. Онъ такъ ослабъ, что его обкладывали подушками, и жалко было смотрѣть на его худыя руки и лицо. Сначала еще надѣялись, что онъ выживетъ, но, когда прошло такимъ образомъ нѣсколько мѣсяцевъ и было все хуже, перестали надѣяться, знали, что онъ умираетъ и что весь вопросъ только въ томъ, когда это будетъ.

Всѣ знакомые Николая Александровича знали, что онъ тяжело боленъ, что надежды нѣтъ, и пользовались этимъ сообразно своимъ интересамъ. Очищалось мѣсто въ судѣ, и это было для всѣхъ важно. Товарищъ предсѣдателя Голубевъ поѣхалъ уже въ Петербургъ заручиться на случай смерти Николая Александровича обѣщаніемъ его мѣста. Сначала его посѣщали, но видъ его наводилъ на всѣхъ такое унылое настроеніе, напоминая, что вѣдь съ каждымъ изъ нихъ тоже можетъ случиться и что всѣ они умрутъ, и онъ самъ такъ неохотно разговаривалъ, что перестали бывать. Нѣкоторые, недовольные имъ, въ душѣ были рады, что онъ умираетъ, другимъ было жалъ, что вообще умираетъ человѣкъ. Людей же, искренно огорченныхъ, не было. И не было въ этомъ ничего удивительнаго, потому что у Николая Александровича были хорошіе знакомые, съ которыми было пріятно поговорить и поиграть въ винтъ, но такихъ, которые бы его истинно любили и которыхъ бы онъ любилъ до забвенія своего „я“—такихъ людей не было. Николай Александровичъ хотя и жилъ въ обществѣ, жилъ въ сущности одинъ. То единеніе и братство людей, о которомъ Николай Александровичъ зналъ изъ евангелія и рассуждалъ въ гимназіи, казалось ему во всю остальную жизнь безсмысленной мечтой и социалистической утопій, или, по крайней мѣрѣ, какимъ-то отдаленнымъ, не касающимся его и непримѣнимымъ къ теперешней жизни, теоретическимъ идеаломъ. Изъ близкихъ же родныхъ оставалась въ живыхъ только сестра, бывшая замужемъ за гвардейцемъ Дубасовымъ, которая вела еще болѣе роскошную жизнь, чѣмъ онъ самъ, и съ которой у него были холодно-родственныя отношенія, да племянникъ; съ нимъ Николай Александровичъ порвалъ всякія отношенія, потому что тотъ попался въ политическомъ преступленіи и запятналъ этимъ свое имя. Оставалась одна Софья Николаевна, которая находилась около него, жалѣя его и ухаживая за нимъ.

XLVI.

Софья Николаевна во всю свою жизнь жила отдѣльнымъ внутреннимъ міромъ отъ мужа. Хотя въ послѣдніе годы они сошлись, но этотъ союзъ былъ внѣшнимъ, основаннымъ на сознаніи общихъ интересовъ и совмѣстной жизни. Софья Николаевна иногда даже желала, — хотя она боялась въ этомъ себѣ признаться, — чтобы Николай Александровичъ умеръ. Теперь же, когда Николай Александровичъ дѣйствительно умиралъ, и въ этомъ для нея не было уже никакого сомнѣнія, въ душѣ ея совершился неожиданный переломъ. Почему онъ явился и почему именно теперь, — она не знала, но она вдругъ ощутила въ себѣ совсѣмъ иное отношеніе къ мужу. Она открыла въ себѣ такой живой источникъ сожалѣнія и любви къ нему, — не влюбленности, но именно настоящей человѣческой любви, — которой она въ себѣ никогда не предполагала, и этотъ умиравшій человѣкъ, всю жизнь бывшій для нея мужемъ только физически, теперь сдѣлался мужемъ въ настоящемъ духовномъ смыслѣ. Она ухаживала за нимъ съ героическимъ самоотверженіемъ, никому не позволяя заботиться о немъ, сама готовила ему купанья, предписанныя докторомъ, перемѣняла бѣлье, подкладывала подушки и не спала по цѣлымъ ночамъ. Софья Николаевна никогда въ жизни не отрекалась отъ своего „я“ въ пользу другихъ, и ей всегда казалось самымъ пріятнымъ заботиться о себѣ и самымъ тяжелымъ дѣлать что-нибудь для другихъ во вредъ себѣ. Теперь же она неожиданно открыла, что ничего не можетъ быть радостнѣе любви къ другому и служенія ему, и она отдалась этому впервые открывшемуся для нея альтруистическому чувству и испытала какое-то умиленіе въ этомъ дѣланіи добра другому человѣку, мужу. Жалко его, его страданія, и нужно уменьшить ихъ, забывши себя. И она теперь поступала такъ.

И самыя отношенія ихъ со времени болѣзни Николая Александровича вдругъ стали совсѣмъ иныя. Прежде они были чуть не враги, теперь сдѣлались больше, чѣмъ друзья. Николай Александровичъ видимо замѣчалъ, что что-то особенное, небывалое происходитъ въ Софьѣ Николаевнѣ, и чувствовалъ ея безкорыстное служеніе ему. Онъ позволялъ ухаживать за собой только Софьѣ Николаевнѣ и радовался когда она входила къ нему. Онъ сталъ по-прежнему, какъ въ первый годъ женитьбы, называть ее милой, Соней и съ любовью смотрѣлъ на нее. Онъ любилъ, когда она сидѣла около него и держала его за руку, и всегда звалъ ее къ

себѣ, точно отъ ея сочувствія его страданія дѣлались меньше. Въ началѣ болѣзни, когда онъ еще разговаривалъ, онъ сталъ часто говорить съ Софьей Николаевной, рассказалъ ей о себѣ многое такое, чего не говорилъ никогда, рассказалъ ей о своей жизни, о своемъ отношеніи къ ней въ первое время женитьбы, о своей связи съ Madelaine и просилъ простить его. И часто они плакали вмѣстѣ, вспоминая прошлое. Послѣ двадцати лѣтъ разъединеннаго супружества, они вдругъ обрѣли другъ друга и подъ вліяніемъ самаго страшнаго акта въ жизни — смерти, совершилось чудо: они снова дружески сошлись. Софья Николаевна давно не чувствовала себя, не смотря на близкую смерть мужа, такъ хорошо, покойно, какъ теперь. Она часто молилась, чтобы онъ выздоровѣлъ. И, глядя на его блѣдное, исхудавшее лицо и впавшую грудь, неровно дышавшую ночью, она вспоминала, что это тотъ самый человѣкъ, который былъ такой бодрый и живой двадцать лѣтъ тому назадъ, когда она увидала его впервые на балу, тотъ человѣкъ, который ходилъ, жилъ около нея, судилъ... И вотъ теперь онъ умираетъ и уходитъ съ каждымъ днемъ.

Куда?

Болѣзнь шла, и все было хуже и хуже. И онъ, какъ свѣча, таялъ на глазахъ всѣхъ и лежалъ недвижимый по цѣлымъ днямъ, теперь ужъ не разговаривая ни съ кѣмъ, блѣдный и худой. Его кормили, какъ малаго ребенка, и перемѣняли ему бѣлье. И онъ, дѣйствительно, казался ребенкомъ и точно куда-то уходилъ отсюда. И всѣ спрашивали съ ужасомъ и недоумѣніемъ, когда же кончится этотъ страшный актъ?..

XLVII.

Тѣло Николая Александровича умирало. Но болѣзнь, разрушавшая тѣлесную оболочку, не могла разрушить духовнаго человѣка. И этотъ духовный человѣкъ жилъ во все время болѣзни отдѣльно отъ плотскаго, чего съ Николаемъ Александровичемъ давно уже не было. Во все время въ его душѣ шла таинственная работа, создавая одно и уничтожая другое. И эта духовная работа была его вторая и настоящая жизнь.

Въ первое время, когда Николай Александровичъ думалъ, что онъ можетъ выздоровѣть, что это только вопросъ времени,—и когда онъ принужденъ былъ цѣлые дни лежать въ постели, ему было мучительно скучно. Онъ привыкъ работать, т. е. писать, разговаривать съ себѣ подобными и заниматься своимъ судейскимъ дѣломъ. Но когда болѣзнь

ухудшилась и всё стали реже посещать его, а в концѣ концовъ совсѣмъ перестали бывать, Николай Александровичъ ощутился одинъ и почувствовалъ мучительную скуку. Тогда-то, лежа неподвижно цѣлые дни и смотря на потолокъ и стѣны, онъ сталъ припоминать свою прожитую жизнь, думать о ней и вызывать въ своей памяти всё лучшія событія этой жизни.

И странное дѣло: перебирая свою жизнь отъ гимназическихъ лѣтъ до предсѣдательства, свои радости, мысли и поступки, онъ, куда ни обращался, нигдѣ не находилъ того, на чемъ бы могъ остановиться съ удовольствіемъ. Скучные, сдавленные суровой рамкой, безконечные годы въ гимназій съ одной мечтою—поскорѣй вырваться изъ нея; университетъ, энциклопедія, сюртукъ съ голубымъ воротникомъ и золочеными пуговицами, поѣздки въ Альказаръ и въ Крестовскій весной—все это сливалось въ одно ощущеніе путаницы, скуки, дурноты... И дальше: жизнь кандидатская, кутежи и канцелярія, тяжелое слѣдовательство съ безконечными дѣлами въ уединенномъ городкѣ, бракъ, муки разочарованія, отчужденность, прокуратура и жизнь въ столицѣ и, наконецъ, какъ вѣнецъ всего, предсѣдательство, приближающаяся старость... И ничего яркаго, сильнаго, живого!.. Жизнь ушла и въ общемъ не было жизни...

Во всей своей жизни Николая Александровичъ нигдѣ не видѣлъ сильнаго счастья. Все—гимназія, университетъ и дальнѣйшіе годы, за исключеніемъ отдѣльныхъ проблемъ, мелькавшихъ точно молніи,—все было такъ ничтожно и сѣро, что при одномъ воспоминаніи Николаю Александровичу дѣлалось тоскливо. И сколько онъ ни старался припомнить что-нибудь яркое и отрадное,—ничего не оказывалось...

Болѣзнь все шла обычнымъ ходомъ, и ему дѣлалось все хуже и хуже. У него образовались пролежни, причинявшіе ему мученія. Все тѣло его страдало то тамъ, то здѣсь. Онъ совсѣмъ ослабъ, не могъ сидѣть, и голова его свѣшивалась, точно ее давила какая-нибудь тяжесть. И эта боль физическая и ощущеніе скуки и тоскливости прожитой жизни слились въ одно. Жизнь была боль и, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе. Онъ желалъ отдѣлаться отъ этого, онъ усталъ страдать, онъ хотѣлъ чего-то иного,—освобожденія, счастья... А въ это время подошло то, чего боялись больше всего доктора: онъ сталъ умственно слабѣть, плохо соображать и какъ-то забываться. И тутъ-то, неизвѣстно, какъ и когда, всплыло въ немъ смутное сознаніе, что такъ дальше нельзя,—что нельзя жить, испытывая эту духовную и физическую боль... Необходимо что-то иное. Сначала оно было ничтожно.

Но время шло, и стремленіе къ этому иному возрастало. Онъ не хотѣлъ выздоровѣть, потому что зналъ, что отъ этого не уменьшится страданіе, что ему предстоитъ еще болѣе скучная и пошлая жизнь старѣющаго человѣка, и болѣзнь и съ нею сознаніе страданія. Онъ такъ привыкъ во время болѣзни къ страданію, что для него болѣзнь, т. е. жизнь и страданіе стали одно, а онъ хотѣлъ уничтоженія муки. И вотъ, Богъ знаетъ когда, мелькнула у него даже не мысль, а скорѣе чувство, что нужно прекратить это, уйти отсюда. Ему казалось, что, если онъ захочетъ, онъ можетъ самъ прекратить свою боль, только нужно знать, куда уйти. Онъ задалъ себѣ этотъ вопросъ, и отвѣтъ пришелъ черезъ нѣсколько времени сначала неопредѣленный, какъ сознаніе необходимости освобожденія отъ жизни, потомъ все болѣе ясный и упрямый. Онъ не только не испугался, но обрадовался, какъ будто, наконецъ, нашелъ то, чего давно искалъ и что одно давало успокоеніе. На вопросъ „куда уйти“—былъ ясный отвѣтъ: „туда... на тотъ свѣтъ къ Богу“.

XLVIII.

Николай Александровичъ всегда вѣрилъ въ дѣтствѣ и въ послѣдующей жизни въ существованіе добраго, великаго Бога, Того, который посылаетъ намъ мячикъ, если мы его потеряли и просимъ возвратить. Онъ вѣрилъ не только въ Бога, но и въ безсмертіе души и иную, загробную жизнь. Въ дѣтствѣ у него были обо всемъ этомъ опредѣленные понятія рая и ада, но потомъ въ дальнѣйшей жизни дѣтскія мнѣнія пропали, а остались какія-то неопредѣленные безформенныя, но все же остались. Зачѣмъ тутъ Богъ и безсмертіе, когда есть жалованіе, знакомые, судъ и такъ опредѣлено все въ жизни и такъ хорошо жить здѣсь? Такъ онъ и жилъ. Но теперь, когда онъ умиралъ и вся жизнь разстилалась передъ его умственнымъ взоромъ, какъ сѣрая скучная лента, онъ почувствовалъ необходимость иной жизни и пожелалъ Бога. Онъ вспомнилъ о немъ, повѣрилъ въ него и сталъ стремиться къ нему, потому что въ немъ одномъ было счастье и истинный свѣтъ „Уйти бы отъ этой жизни и жить иной свѣтлой и безсмертной жизнью. Какъ хорошо бы это—туда“. И, лежа въ постели, недвижимый, онъ не то, чтобы думалъ объ этомъ раѣ—это было настолько неопредѣленно, что нельзя было думать о немъ—но желалъ его и грезилъ о немъ.

Это случилось на второмъ мѣсяцѣ болѣзни, какъ разъ въ то время, когда домашній докторъ предложилъ ему отвести его въ клинику, въ Москву. Николай Александровичъ сна-

чала не понять, чего хочет отъ него докторъ, а когда понялъ, что докторъ хочетъ заставитьъ его снова жить этой сѣрой жизнью, которую Николай Александровичъ отвергъ, то испугался и отказался. Взоръ его укорялъ доктора, зачѣмъ онъ тянетъ его отъ блага—смерти—въ прежнюю жизнь... И этотъ взглядъ смутилъ доктора.

Вскорѣ послѣ этого Николай Александровичъ еще ослабѣлъ физически и, какъ говорили доктора, духовно. На самомъ же дѣлѣ духовная сторона его существа измѣнялась, и это измѣненіе выражалось во внѣ въ ухудшающейся болѣзни почекъ и сердца. Онъ такъ желалъ перейти въ иную жизнь, что незамѣтно для самого себя, безболѣзненно сталъ уходить въ иной міръ—міръ, гдѣ не было сознанія и горя, а только свѣтло и легко.

XLIX.

Это было на десятой недѣлѣ. Когда онъ сталъ нравственно переходить къ иному міру, къ Богу, счастью, любви, доктора потеряли всякую надежду на его выздоровленіе и объявили Софьѣ Николаевнѣ, что онъ умретъ. Болѣзнь стала быстро ухудшаться. Онъ совсѣмъ ослабъ, сталъ какъ дитя и мало говорилъ съ окружающими. Онъ желалъ избавленія отъ жизни и уходилъ отъ нея съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Онъ сталъ забываться и это ему было пріятно и главное легко. Ему казалось, что у него нѣтъ тѣла; когда онъ приходилъ въ себя, то удивлялся, что онъ все еще здѣсь, а не тамъ. Всѣ люди, всѣ вещи, всѣ интересы этихъ людей казались ему такими ничтожными сравнительно съ новымъ, обрѣтеннымъ имъ міромъ... И онъ совсѣмъ ушелъ отъ нихъ. Для Софьи Николаевны, для докторовъ жизнь его тянулась еще три недѣли, и это было послѣдняя борьба тѣла со смертью. Но для него все съ этой жизнью было покончено и настоящій Николай Александровичъ былъ уже не здѣсь.

Только разъ—это было 10 февраля—онъ точно проснулся отъ глубокаго сна. Онъ проснулся, попросилъ ѣсть, и почувствовалъ, что хочетъ жить и что будетъ жить. О прошломъ онъ не то чтобы забылъ, но ему казалось, что его и не было. „Какъ хорошо жить. И какъ хорошо, что я буду здоровъ. И опять будутъ: судъ, засѣданія, товарищи, жизнь“. Онъ сказалъ это доктору. Но для доктора это состояніе было началомъ конца. И хотя онъ сказалъ больному: „скоро молодцомъ будете“, уходя, заявилъ Софьѣ Николаевнѣ, что больной не проживетъ двухъ дней, и хорошо бы его причастить.

Софья Николаевна вошла въ комнату. Николай Алексан-

дровичъ сидѣть на постели, обложенный подушками. худой, но веселый. Онъ пилъ бульонъ, который ему вливать въ ротъ ложкой лакей. Больной допилъ. Ему стерли ротъ. Онъ легъ на подушки и молчалъ.

— Какъ хорошо, Соня,—сказать онъ вдругъ.—Скоро выздоровѣю.—Сказавъ это, онъ замолчалъ и улыбнулся ей. Эта улыбка была такъ болѣзненна и жалка, что Софья Николаевна не могла удержаться, вышла изъ комнаты и заплакала.

I..

Онъ умеръ въ ночь на 11 февраля.

Вечеромъ, въ 9 часовъ онъ заснулъ. Ему показалось во снѣ, что кто-то схватилъ его за ноги и потащилъ вверхъ куда-то очень далеко. Онъ летѣлъ такъ все выше, ничего не соображая, зачѣмъ и куда. Вдругъ остановился, ощутилъ боль и проснулся отъ этой боли. И когда онъ проснулся, то сначала не могъ ничего понять, а потомъ почувствовалъ, что какіе-то люди ходятъ и суетятся около него. Съ усиленіемъ открывъ глаза, Николай Александровичъ увидалъ домашняго доктора и еще какого-то другого незнакомаго военнаго. Одинъ изъ нихъ нагнулся, посмотрѣлъ на него и, взявъ его за руку, открылъ часы и сталъ щупать пульсъ. Другой что-то громко говорилъ кому-то, что именно—Николай Александровичъ не могъ разобрать. „Докторъ, зачѣмъ докторъ?—подумалъ онъ.—Что я, гдѣ я?“ Онъ хотѣлъ подняться, но не могъ и только слабо зашевелился, и снова сдѣлалось больно. Вдругъ что-то водянистое, горячее капнуло на его руку. Онъ посмотрѣлъ и увидалъ Софью Николаевну. Она стояла на колѣняхъ около его постели, полуодѣтая, съ нечесаными волосами, со страшно испуганнымъ и заплаканнымъ лицомъ. Онъ услыхалъ ея рыданія, но не понималъ, зачѣмъ она плачетъ. Онъ закрылъ глаза и хотѣлъ снова забыться, заснуть. Какъ вдругъ съ нимъ произошло что-то необыкновенное. Сердце стало рвать въ ту и другую сторону до боли—оно не билось, оно прямо колотилось. Дыханіе сдѣлалось прерывисто и часто-часто. Ему казалось, что кто-то другой, противъ его воли, дѣлаетъ все это съ нимъ, а онъ только подчиняется: хочетъ не подчиниться, не дышать, и не можетъ. И въ это время онъ понималъ, что что-то необычайно-важное—важнѣе чего никогда и не было—совершается съ нимъ, что онъ словно игрушка въ рукахъ другого, который отнимаетъ у него дыханіе и жизнь. И тогда ему открылось, по особенному ощущенію, что вотъ-вотъ сейчасъ навѣки уйдетъ все, и онъ погрузится туда, въ безсознательное, что вѣдь это-то и есть желанное, смерть!..

Но онъ не только не испугался смерти, но, понявъ, что эта она приходитъ, обрадовался ей. „Смерть... освобожденіе“—почувствовалъ онъ, И сразу въ его душѣ сдѣлалось удивительно легко и хорошо. Боли не было. Было счастье.

Вмѣстѣ съ этимъ сознаніемъ легкости, онъ почувствовалъ, что снова теряетъ вообще сознаніе. Опять кто-то схватилъ его за ноги и потащилъ впередъ, а голова его погружалась и не помнила ничего. Это было нѣсколько секундъ и онъ, сдѣлавъ усилие, проснулся.

Опять онъ увидалъ всѣхъ троихъ: жену и двухъ докторовъ. Жена уже не стояла на колѣняхъ. Она сидѣла на стулѣ и, закрывъ лицо платкомъ, вздрагивала плечами, всхлипывала по-дѣтски и почти мычала: „о-о“. Свѣча, которая стояла на столикѣ около него, заставила его зажмуриться.

„Какъ, я еще не умеръ?—подумалъ онъ удивленно, не переводя эту мысль на слова.—Чего она плачетъ?—подумалъ онъ про жену.—Ахъ да, это обо мнѣ. Да, она не знаетъ, какъ это легко. Какъ я ее люблю... Только скорѣй бы... туда“.

И въ третій разъ онъ началъ терять сознаніе. Ему казалось, что подъ него просунули доску и потомъ быстро выдернули, а онъ погружается внизъ. Онъ стихъ. Сердца не было слышно, онъ только медленно и все тише, и тише дышалъ.—Уходитъ,—подумала Софья Николаевна и стала быстро креститься. Онъ трепеталъ тѣломъ, погружаясь въ невѣдомое и непостижимое, наконецъ, вдохнулъ въ послѣдній разъ, открылъ ротъ и такъ и остался недвижимъ.

Онъ умеръ.

Въ этотъ мигъ лицо его вдругъ перемѣнилось. Точно свѣтъ, который всегда таился въ немъ, но во время жизни былъ скрытъ и невидимъ, теперь, когда онъ ушелъ, хлынулъ откуда-то, разлился по всѣмъ его чертамъ и придалъ имъ глубокое, неземное выраженіе. Лицо Николая Александровича сдѣлалось торжественно, одухотворенно и свято. Примиреніе съ высшимъ, покой отъ страдальческой жизни и тихая радость безжеланія свѣтилась на немъ, и докторамъ, и Софьѣ Николаевнѣ, которые взглянули на него въ этотъ мигъ, лицо это ясно сказало: какъ хорошо, что все это, наконецъ, кончилось. И они, прочтя это выраженіе, на мигъ пожалѣли, что это самое не случилось съ ними.

Борисъ Гегидзе.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Любовь и мистеръ Льюисгэмъ.

Романъ Уэльса.

(Переводъ съ англійскаго).

З. Журавской.

I.

Знакомить съ м-ромъ Льюисгэмомъ.

Начинающаяся глава еще не имѣетъ дѣла съ Любовью—этотъ врагъ нашего героя появляется только въ третьей главѣ—и мы видимъ м-ра Льюисгэма за работой. Дѣйствіе происходитъ десять лѣтъ назадъ, въ тѣ дни, когда онъ былъ помощникомъ завѣдующаго Вортлейской школой, въ графствѣ Суссексъ, на жалованьи сорокъ фунтовъ въ годъ, и въ продолженіе учебнаго сезона еженедѣльно платилъ изъ этого жалованія пятнадцать шиллинговъ за комнату м-рсъ Мундэй, владѣтельница цѣль небольшой лавочки въ Вэстъ-стритъ. Въ отличіе отъ учениковъ старшаго класса, дѣло которыхъ было не учить, а учиться, его звали „мистеромъ“, и ученикамъ было строго предписано, обращаясь къ нему, прибавлять слово „сэръ“.

Онъ покупалъ готовое платье; черная куртка стояла на немъ коломъ и была запачкана мѣломъ спереди и на рукавахъ; лицо его было покрыто легкимъ пушкомъ, и усы существовали пока только въ зародышѣ. Это былъ юноша лѣтъ восемнадцати, недурной наружности, бѣлокурый, довольно плохо выбритый и съ совершенно ненужными очками на довольно таки выдающемся носу;—очки онъ носилъ для того, чтобы казаться старше и чтобы ему легче было поддерживать дисциплину. Въ тотъ моментъ, когда начинается эта исторія, онъ находился въ своей спальнѣ. То было чердачное помѣщеніе, съ слуховыми окнами въ свинцовыхъ рамахъ, покатымъ потолкомъ и выпуклой стѣной, покрытой, какъ

показывали многія ободранныя мѣста, безчисленными слоями цвѣтистыхъ старомодныхъ обоевъ.

Судя по убранству комнаты, м-ръ Льюисгэмъ думалъ очень мало о Любви и очень много о Величіи. Такъ, напримѣръ, надъ изголовьемъ кровати, гдѣ добрые люди вѣпаютъ тексты изъ Писанія, красовались слѣдующія двѣ сентенціи, начертанныя смѣлымъ, четкимъ, юношескимъ почеркамъ, съ многочисленными росчерками и завитушками:—„Знаніе—Сила“ и „Что сдѣлалъ одинъ человѣкъ, то можетъ сдѣлать и другой“—подъ другимъ подразумѣвался м-ръ Льюисгэмъ. Этихъ истинъ не слѣдовало забывать ни на одну минуту, и м-ръ Льюисгэмъ каждое утро перечитывалъ ихъ съизнова, просовывая голову въ ворота сорочки. А надъ выкрашеннымъ въ желтый цвѣтъ сундукомъ, на которомъ, за отсутствіемъ полокъ, помѣщалась библіотека м-ра Льюисгэма, висѣла программа занятій и будущихъ успѣховъ юнаго ученаго, для пуцей важности озаглавленная латинскимъ словомъ „Schema“. Изъ этой схемы было видно, что въ 1892 г. м-ръ Льюисгэмъ предполагалъ получить въ Лондонскомъ университетѣ степень В. А. (бакалавра искусствъ) съ „похвальными отзывами по всѣмъ предметамъ“, а въ 1895 г. „золотую медаль“. Далѣе шли „памфлеты въ защиту либерализма“ и тому подобныя сочиненія, помѣченныя соотвѣтствующими датами. „Кто хочетъ руководить другими, долженъ прежде научиться властвовать собой“, гласила надпись на стѣнѣ надъ умывальникомъ, а за дверьми, напротивъ праздничныхъ брюкъ, висѣлъ портретъ Карлейля.

Дѣло не ограничивалось однѣми угрозами міру: военныя дѣйствія уже начались. Въ перемежку съ Шекспиромъ, „Опытами“ Эмерсона и „Жизнью Конфуція“ въ дешевомъ изданіи, лежали истрепанные и перепачканные учебники, съ десяткомъ превосходныхъ руководствъ Общества Всемирной корреспонденціи, тетради, чернила (красныя и черныя) въ грошевыхъ бутылочкахъ и гуттаперчевый штампъ съ именемъ м-ра Льюисгэма. Третью стѣну украшалъ трофей, свидѣтельство объ успѣхахъ молодого человѣка въ черченіи, астрономіи, физиологіи, физиографіи и неорганической химіи. А напротивъ портрета Карлейля висѣлъ рукописный списокъ французскихъ неправильныхъ глаголовъ.

Приколотая чертежной иглой надъ умывальникомъ къ крышѣ, которая, благодаря тому, что комната помѣщалась на чердакѣ, обнаруживала въ этомъ мѣстѣ почти опасный наклонъ, болталась таблица распредѣленія времени. М-ру Льюисгэму полагалось вставать въ пять часовъ, и что это было не пустою похвалой—о томъ свидѣтельствовалъ дешевый американскій будильникъ, стоявшій на ящикѣ съ книгами.

Свидѣтельство это подтверждали остатки шоколада въ порошокъ на оклеенной бумагой полкъ надъ изголовьемъ кровати. „Французскій—до восьми“, лаконически гласила таблица. На завтракъ полагалось двадцать минутъ; затѣмъ двадцать пять минутъ на литературу, или, говоря точнѣе, на изученіе выдержекъ (по преимуществу риторическихъ) изъ драмъ Уильяма Шекспира; затѣмъ слѣдовали школа и выполнение обязанностей наставника. Далѣе таблица предписывала заниматься латинскими сочиненіями въ часы перемѣнъ и обѣда (но за самымъ обѣдомъ опять-таки занятія литературой) и предлагала различныя занятія для остальныхъ часовъ изъ двадцати четырехъ, составляющихъ сутки,—занятія, варьирующіяся соотвѣтственно днямъ недѣли. Ни минуты не было удѣлено диаволу и его искушеніямъ. На отдыхъ и, слѣдовательно, на праздность полагалось за цѣлый день всего только часть и десять минутъ.

Подумайте только, какая великолѣпная схема. Въ пять часовъ уже на ногахъ и уже за дѣломъ—въ пять часовъ, когда всѣ вокругъ хранятъ еще горизонтальное положеніе и, тепло укрывшись, видятъ сны, или глупо храпятъ, а если и просыпаются, то лишь для того, чтобы промывать что-то невнятное, вздохнуть и, перевернувшись на другой бокъ, снова предаться забвенію. Къ восьми вы уже имѣете за собою три часа умственной работы и нѣкоторую сумму прибрѣтенныхъ знаній; вы на три часа опередили весь прочій міръ. Одинъ извѣстный ученый говорилъ мнѣ, что для того, чтобы вполне изучить языкъ, требуется около тысячи часовъ добросовѣстнаго труда—послѣ того, какъ вы уже изучили три-четыре языка—значительно меньше; при такихъ условіяхъ вы можете изучить языкъ въ годъ, занимаясь только до завтрака. Даръ языковъ, найденный безъ всякаго труда, словно какой-нибудь грибокъ! Потомъ эта „литература“—удивительная идея. Въ послѣобѣденные часы занятія математикой и науками. Можетъ ли быть что-нибудь проще и великолѣпнѣе? Въ шесть лѣтъ м-ръ Льюисгэмъ изучитъ пять или шесть языковъ, получитъ рациональное всестороннее образованіе и усвоитъ себѣ привычку къ энергичному, усидчивому труду. Къ этому времени ему исполнится всего лишь двадцать четыре года, а онъ будетъ уже обладателемъ почетнаго университетскаго диплома и, слѣдовательно, можетъ выбирать себѣ любую дорогу. Вы понимаете, что въ этихъ памфлетахъ въ защиту либерализма вы не встрѣтите туманныхъ и общихъ мѣстъ. Можно себѣ представить, чего достигнетъ м-ръ Льюисгэмъ въ тридцать лѣтъ. Разумѣется, по мѣрѣ того, какъ опытъ его будетъ расти, будетъ видоизмѣняться и схема; рамки ея

могутъ раздвинуться, но духъ останется тотъ же, а духъ ея—это всепожирающее пламя.

М-ръ Льюисгэмъ сидѣлъ напротивъ ромбоидальнаго окна и быстро-быстро что-то писалъ. Столомъ ему служилъ другой желтый сундучекъ, перевернутый на бокъ и пустой внутри; крышка была открыта, и колѣни писавшаго помѣщались внутри сундучка. Постель была завалена книгами и литографированными листками инструкцій отъ его далекихъ наставниковъ, преподававшихъ письменно. Вѣрный росписанію, болтавшемуся на потолкѣ, онъ переводилъ съ латинскаго на англійскій языкъ.

Мало-по-малу, незамѣтно, онъ сталъ писать медленнѣе: „Urit me Gliceræ tutor“ смущало его, „Urit me“ пробормоталъ онъ и глаза его перенесли съ книги на окно, а затѣмъ на крышу противоположнаго дома, съ трубами, обвитыми плющомъ. Онъ сдвинулъ брови и наморщилъ лобъ.

Онъ взялъ перо въ ротъ и оглянулся посмотриѣть, гдѣ словарь.

Внезапно выраженіе его лица измѣнилось. Рука, протянутая за словаремъ, остановилась на полдорогѣ. Онъ прислушивался къ легкому стуку—звуку шаговъ—на улицѣ.

Онъ вдругъ вскочилъ и, вытянувъ шею, сталъ пристально вглядываться сквозь ненужные очки и ромбоидальныя стекла окна въ то, что происходило на улицѣ. Наклонившись, елико возможно, и напрягая зрѣніе, онъ оказался въ состояніи рассмотреть женскую шляпу, украшенную розовато-бѣлымъ цвѣткомъ, кусочекъ жакета и самые кончики носа и подбородка. Это, навѣрное, прѣзжая барышня, которая сидѣла прошлое воскресенье подъ хорами, рядомъ съ Фробишерами. Онъ и въ тотъ разъ видѣлъ ее только въ профиль и краемъ глаза...

Онъ слѣдилъ за нею, пока было видно, и неестественно вытягивался, чтобы увидать ее, когда она завернула за уголъ, что было уже совсѣмъ невозможно...

Затѣмъ онъ вздрогнулъ, нахмурился, вынулъ перо изъ рта. „Удивительно трудно сосредоточить вниманіе. Всякій пустякъ отвлекаетъ. На чемъ я остановился? Чшша!“ онъ поскрипѣлъ зубами, чтобы выразить свое негодованіе, сѣлъ и снова всунулъ колѣни въ опрокинутый ящикъ. „Ugag“ сказалъ онъ, кусая кончикъ пера и отыскивая словарь.

Была пятница, день полупраздничный, въ послѣднихъ числахъ марта—чудный весенній день, съ яркимъ свѣтомъ, ослѣпительно бѣлыми облаками и необычайно синимъ небомъ, съ пятнами удивительно яркой зелени тамъ и сямъ между деревьями, съ шумными ликующими пѣснями птицъ,—день волнующій, манящій, приковывающій къ себѣ ваше

вниманіе, настоящій вѣстникъ лѣта. Близость его уже чувствовалась въ воздухѣ; нагрѣтая земля уже готова была разступиться надъ набухшими сѣменами; сосновые лѣса были полны легкимъ трескомъ раскрывающихся почекъ. И не только землѣ, воздуху и деревьямъ былъ внятень голосъ матери природы; онъ волновалъ и юную кровь м-ра Льюисгэма, будя его сердце, маня его къ жизни—жизни совсѣмъ иной, чѣмъ та, какую предписывала схема.

Изъ подъ бумагъ выглянуть уголокъ словаря. Молодой человѣкъ посмотрѣлъ „Urit me“ оцѣнилъ сверкающую „nitog“ плечъ Глицеры и опять задумался и опять выбранилъ себя за разсѣянность.

— Не могу сосредоточиться.

М-ръ Льюисгэмъ снялъ бесполезные очки, вытеръ ихъ и прищурилъ глаза.—Этотъ проклятый Горацій съ его волнующими эпитетами! Пойти развѣ прогуляться?

— Не поддамся я!—объявилъ онъ себѣ, снова надѣлъ очки, рѣшительно облокотился обоими локтями на сундучекъ; такъ, что даже гулъ пошелъ по комнатѣ и, запустивъ обѣ руки въ волосы, зажалъ себѣ уши...

Черезъ пять минутъ онъ поймалъ себя на наблюденіи за ласточками, кружившимися надъ садомъ викарія.

— Приходилось ли комунибудь такъ дьявольски трудно съ самимъ собою, какъ мнѣ?—вопрошалъ онъ неопредѣленно, но яростно.—А все оттого, что я слишкомъ снисходителенъ къ самому себѣ: работать сидя—это уже начало лѣни.

Онъ всталъ и продолжалъ писать стоя, причемъ ему все время видна была улица.

— Если она повернула за уголъ, возлѣ почты, она опять покажется дальше, возлѣ палисада—шевелилась неотвязная мысль въ какомъ-то неизвѣданномъ и недисциплинированномъ уголкѣ мозга м-ра Льюисгэма...

Но она не показывается. Повидимому, она не сворачивала за уголъ возлѣ почты. Удивительное дѣло! Куда она могла дѣваться? Или она просто пошла гулять за городъ?.. Тутъ облачко неожиданно набѣжало на солнце, на улицѣ вдругъ стало прохладно, краски потускнѣли и воображеніе Льюисгэма подчинилось контролю разума. Благодаря этому „Mater saeva cupidinium“ „неукротимая мать желаній“ Горація (книга вторая Одъ), автора, рекомендованнаго м-ру Льюисгэму для изученія къ экзамену для внесенія въ матрикулы, была благополучно переведена до своего пророческаго конца.

Какъ только часы на церковной башнѣ пробили пять, минута въ минуту м-ръ Льюисгэмъ съ пунктуальностью, почти неумѣстной въ истинномъ ученомъ, серьезно относя-

щемся къ дѣлу, закрылъ Горація, взялъ Шекспира и спустился по узенькой, кривой, непокрытой ковромъ лѣстницѣ, ведущей съ его чердака въ жилую комнату, гдѣ онъ обѣдалъ и пилъ чай, вмѣстѣ со своей хозяйкой, мистрисъ Мундэй. Добрая женщина была одна и, обмѣнявшись съ ней нѣсколькими учтивыми фразами, м-ръ Льюисгэмъ открылъ Шекспира и началъ читать съ того мѣста, на которомъ остановился—кстати сказать, отмѣтка приходилась посрединѣ сцены,—машинально уничтожая одинъ за другимъ ломтики хлѣба, намазаннаго брусничнымъ вареньемъ.

М-съ Мундэй смотрѣла на него черезъ очки и думала о томъ, какъ должно быть вредно для глазъ такъ много читать, пока звонъ и скрипъ открывшейся двери не вызвали ее въ лавку, возвѣстивъ о приходѣ покупателя. Въ двадцать пять минутъ шестого онъ положилъ книгу обратно на подоконникъ, стряхнулъ крошки съ платья, надѣлъ студенческую четырехугольную фуражку, лежавшую на подносѣ, и пошелъ въ школу, на вечернія репетиціи.

Вѣсть-стрить была пуста и залита золотымъ свѣтомъ заката. Красота ея поразила м-ра Льюисгэма и онъ забылъ повторить монслогъ изъ Генриха VIII, который положилъ себѣ повторить по пути въ школу. Вмѣсто того, онъ все время думалъ о томъ, что онъ мелькомъ видѣлъ въ окно, въ моментъ, когда его непокорный умъ отвлекся отъ занятій, о розоватомъ кончикѣ носа и подбородка. Глава его приняли мечтательное выраженіе...

Дверь школы ему отворилъ услужливый мальчуганъ-первоклассникъ съ переписанной задачей въ рукахъ, которую слѣдовало просмотрѣть.

Войдя, м-ръ Льюисгэмъ ощутилъ странную перемену атмосферы. Дверь захлопнулась за нимъ съ неприятнымъ шумомъ. Передняя, съ назойливо бьющими въ глаза напоминаніями о школѣ, съ желтыми мраморными обоями, длинными рядами вѣшалокъ для шляпъ и множествомъ сваленныхъ въ кучу зонтиковъ, съ разбитой грифельной доской и разорванными и разбросанными листками *Principia*—казалась темной и мрачной, въ сравненіи съ яркимъ освѣщеніемъ ранняго мартовскаго утра. Необычное сознаніе сѣраго однообразія жизни учителя,—жизни вообще всѣхъ, посвятившихъ себя умственному труду,—мелькнуло въ его умѣ. Онъ взялъ тетрадь, гдѣ были съ превеликимъ трудомъ переписаны три страницы изъ книги, и на каждой поставилъ огромныя Дж. Э. Л., чудовищно нацарапанныя поперекъ страницы. Въ открытую дверь до него доносились съ площадки для игръ знакомый смѣшанный шумъ и голоса.

II.

„Подуль вѣтеръ и нѣтъ его.“

Очевиднымъ пробѣломъ въ программѣ занятій, совершенно не дающей доступа демонамъ разсѣянности, которые могли бы стать помѣхой на пути м-ра Льюисгэма къ величію, было отсутствіе параграфа, воспрещающаго занятія на открытомъ воздухѣ. Пробѣлъ этотъ особенно сказался на другой день послѣ тривіальнаго заглядыванія въ окно, описаннаго въ предыдущей главѣ. День выпалъ, если возможно, еще болѣе прелестный и соблазнительный, чѣмъ его предшественникъ, и въ половинѣ двѣнадцатаго, вмѣсто того, чтобы вернуться изъ школы прямо къ себѣ домой, м-ръ Льюисгэмъ сдѣлалъ большое упущеніе и направился—съ Гораціемъ въ карманѣ—къ воротамъ парка и дальше, въ старую аллею, идущую кругомъ всего Вортлейскаго помѣстья. У него мелькнуло было подозрѣніе насчетъ побудительнаго мотива, но онъ безъ труда отогналъ его. Въ аллеѣ можно читать безъ помѣхи—туда почти никто не ходитъ. Свѣжій воздухъ, ходьба, прямое положеніе тѣла, все это несомнѣнно гораздо полезнѣе, чѣмъ сидѣть въ душной, расслабляющей атмосферѣ спальни. Свѣжій воздухъ полезенъ здоровью, бодритъ...

День былъ вѣтренный и въ вѣтвяхъ, покрытыхъ почками деревьевъ, слышался нескончаемый шелестъ и шорохъ.

Тонкая сѣть вѣтвей буковъ была пронизана золотымъ солнечнымъ свѣтомъ, а на нижнихъ вѣтвяхъ уже виднѣлись горизонтальные блики молодой зелени.

„Tu nisi ventis
Debes ludibrium, cave“.

Вотъ о чемъ заставлялъ думать себя м-ръ Льюисгэмъ, машинально стараясь держать книгу раскрытой въ трехъ мѣстахъ заразъ—среди текста, примѣчаній и подстрочнаго перевода—отыскивая въ то же время въ словарѣ слово *ludibrium*, какъ вдругъ его вниманіе, блуждавшее съ большимъ рискомъ для себя по краю страницы, упало за бортъ и съ невѣроятной быстротой умчалось внизъ по аллеѣ...

Навстрѣчу нашему герою шла дѣвушка въ соломенной шляпкѣ съ бѣлымъ цвѣткомъ. Она тоже была занята какой-то литературной работой. Она такъ усердно писала, что, очевидно, и не замѣчала его.

Безразсудное волненіе овладѣло м-ромъ Льюисгэмомъ—волненіе, которое не можетъ быть объяснено простымъ пред-

положеніемъ о случайной встрѣчѣ. Онъ прошепталъ что-то, звучавшее подозрительно похоже на слова: „это она“. Онъ шелъ, заложивъ пальцы въ книгу, готовый укрыться за ея страницами; если бы дѣвушка подняла глаза, и наблюдая за нею поверхъ страницъ... *Ludibrium* совершенно вылетѣло у него изъ головы. Дѣвушка, очевидно, не замѣчала его близости—такъ по крайней мѣрѣ онъ думалъ—занятая своимъ писаніемъ. Онъ никакъ не могъ угадать, что такое она дѣлаетъ. Ея лицо, укороченное, благодаря опущеннымъ глазамъ, казалось совсѣмъ дѣтскимъ. Развѣвающаяся юбка была коротка, такъ что видны были башмаки и даже полоска чулокъ. Онъ замѣтилъ ея легкую, граціозную поступь. Вся ея фигура, залитая солнцемъ, дышала свѣжестью и здоровьемъ. Словно къ нему шла навстрѣчу сама жизнь, какъ онъ не безъ удивленія вспоминалъ впослѣдствіи, совершенно не включенная въ Схему.

Она подходила все ближе и ближе, все еще не подымая глазъ. Онъ былъ полонъ смутныхъ и нелѣпыхъ стремленій къ совершенно ненужному разговору съ ней. Даже странно, что она не замѣчала его. Онъ почти съ замираніемъ сердца ждалъ момента, когда она подыметъ глаза...—хотя чего тутъ собственно было ждать? Онъ думалъ о томъ, какимъ она найдетъ его, когда увидитъ, и спрашивалъ себя, не свѣсилась-ли внизъ кисточка отъ его шапки—она иногда свѣшивалась такъ, что закрывала глазъ. Протянуть руку, чтобы убѣдиться въ этомъ, было, разумѣется, абсолютно невозможно. Обыкновенно, онъ двигался, какъ автоматъ, не замѣчая, что идетъ. Теперь онъ шелъ нетвердой поступью, поминутно замедляя шаги. Можно было подумать, что онъ никогда въ жизни не встрѣчалъ на своемъ пути живой души. Все ближе! теперь остается только десять шаговъ, девять, восемь... Неужели она пройдетъ, не взглянувъ?...

Въ эту минуту глаза ихъ встрѣтились. У нея были глаза газели. М-ръ Льюисгэмъ, большой знатокъ въ такихъ вещахъ, не находилъ словъ для похвалы. Она степенно посмотрѣла на него. Его лицо, повидимому, ничего не сказало ей. Она перевела свой взглядъ на деревья и прошла, и передъ нашимъ героемъ не осталось ничего, кромѣ пустой аллеи,—залитой солнцемъ и мѣстами прорѣзанной зеленью пустоты.

Они встрѣтились и разошлись.

Откуда-то издали подулъ вѣтеръ и въ одно мгновеніе всѣ деревья вокругъ зашумѣли и задрожали и вѣтки ихъ затрепали подъ напоромъ вѣтра. Этотъ вѣтеръ точно гналъ его прочь отъ нея. Поблекшіе прошлогодніе листья, когда-то молодые и зеленые, кружились въ воздухѣ, догоняли другъ дружку, прыгали, плясали и выдѣлывали всевозможные пи-

руэты. Вдругъ что-то большое ударило его въ шею, одну секунду оставалось на ней, затѣмъ отвалилось и вѣтеръ снова погналъ его вверхъ по аллеѣ.

Что-то ярко бѣлое! Листокъ бумаги, листокъ, на которомъ она писала!

Онъ довольно долго не могъ сообразить, что ему дѣлать—ему показалось, что прошла цѣлая вѣчность. Затѣмъ, онъ оглянулся черезъ плечо и вдругъ понялъ. Всю его неловкость какъ рукой сняло. Съ Гораціемъ въ рукѣ онъ помчался за листкомъ и въ одинъ мигъ достигъ бѣглеца, затѣмъ повернулъ къ ней, краснѣя отъ своего торжества, съ добычей въ рукѣ. Поднимая листокъ, онъ прочелъ, что на немъ было написано, но опять таки не сразу сообразилъ, что ему дѣлать. Онъ шагнулъ къ ней навстрѣчу и только тогда понялъ, что онъ видѣлъ. Строчки одинаковой длины съ прописными буквами въ началѣ. Неужели же это?.. Онъ остановился, опять взглянулъ на листокъ, поднялъ брови и, держа передъ собою листокъ, уже совсѣмъ откровенно вытаращилъ на него глаза. На листкѣ было написано стилографическимъ перомъ:

„Come! Sharp's the word“

и опять:

„Come! Sharp's the word“

и снова:

„Come! Sharp's the word“

„Come! Sharp's the word“

и такъ до конца страницы мальчишескимъ почеркомъ, чрезвычайно похожимъ на почеркъ Фробишера П.

— Эге, вотъ такъ штука,—вскричалъ м-ръ Льюисгэмъ, не вѣря глазамъ и отъ удивленія забывая о хорошихъ манерахъ... Онъ отлично помнилъ, что задалъ Фробишеру П написать дома нѣсколько лишнихъ страницъ за наказаніе: Фробишеръ П шумѣлъ въ классѣ—онъ самъ виноватъ. Значить, она писала вмѣсто него. Это какъ-то странно не согласовалось съ тѣмъ смутнымъ представленіемъ о ней, которое уже успѣлъ составить себѣ нашъ герой. Ему казалось, что она какъ будто обманула его. Но, конечно, это казалось только одну минуту.

Теперь они поровнялись.—Могу я получить обратно мой листокъ?—спросила она, съ трудомъ переводя духъ. Она была вершка на два ниже его. „Замѣтилъ ты, какой у нея хорошенькій полуоткрытый ротикъ?“—звучно шепнула мать при рода на ухо Льюисгэму.—Впослѣдствіи онъ припомнилъ эти слова. По глазамъ дѣвушки видно было, что она догадывается и немножко боится.

— Позвольте,—сказалъ онъ, негодованіе пока еще пере-
вѣшивало въ немъ все остальное:—вамъ не слѣдовало этого
дѣлать.

— Чего?

— Этого. Домашнихъ работъ. Для моихъ школьниковъ.

Она подняла брови, нахмурилась и посмотрѣла на него.

— Развѣ вы м-ръ Льюисгэмъ?—спросила она, притворяясь
чрезвычайно удивленной, какъ будто ей и въ голову не при-
ходила эта мысль.

Она отлично знала его и отчасти потому именно взялась
написать заданное Фробисеру П, но притворилась, что не
знаетъ: это давало ей предлогъ что-нибудь сказать.

М-ръ Льюисгэмъ кивнулъ головой.

— И надо же было!.. Ну, что дѣлать! Попалась, такъ по-
палась. Вы поймали меня.

— Боюсь, что такъ,—сказалъ Льюисгэмъ.—Боюсь, что я
дѣйствительно поймалъ васъ.

Они посмотрѣли другъ на друга, не зная, что говорить
дальше. Она рѣшила, что необходимо оправдаться.

— Тедди Фробисеръ—мой кузень. Я знаю, что это очень
нехорошо, но у него была такая куча дѣла, и онъ такъ вол-
новался... А мнѣ совершенно нечего было дѣлать. Собственно
говоря, это даже я предложила...

Она остановилась и посмотрѣла на него, повидимому, на-
ходя, что такого оправданія вполне достаточно.

Глаза ихъ снова встрѣтились, и это какъ-то странно сму-
тило м-ра Льюисгэма. Тѣмъ не менѣе, онъ попытался дер-
жаться дѣла.—Вамъ не слѣдовало этого дѣлать,—повторилъ
онъ, отважно глядя ей прямо въ глаза.

Она потупила глазки и снова подняла ихъ.

— Вы правы. Я тоже думаю, что мнѣ не слѣдовало этого
дѣлать. Мнѣ очень жаль.

Эта ея манера то подымать, то опускать глаза опять таки
какъ-то странно смущала м-ра Льюисгэма. Ему казалось, что
они говорятъ о чемъ-то, не имѣющемъ никакого отношенія
къ предмету ихъ разговора—предположеніе явно нелѣпое,
которое можетъ быть объяснено только общимъ разстройствомъ
его умственныхъ способностей въ это время. Онъ сдѣлалъ
серьезную попытку сохранить за собою позицію и продолжалъ
тѣмъ же укоризненнымъ тономъ:

— Вѣдь я все равно замѣтилъ бы, что почеркъ не его.

— Разумѣется. Это очень нехорошо съ моей стороны, что
я соблазнила его. Но, увѣряю васъ, что виновата я одна.
Онъ былъ въ такомъ горѣ, и я думала...

Она опять запнулась, и краска на ея щекахъ чуть-чуть
сгустилась. И вдругъ юноша почувствовалъ, что у него у

самого пылають щеки. Это было невыразимо глупо.—Нѣтъ, это надо прекратить. Необходимо освободиться отъ этого страннаго ощущенія двойного разговора.

— Могу васъ увѣрить,—сказалъ онъ, на этотъ разъ очень серьезно,—что я никогда не налагаю незаслуженныхъ наказаній,—никогда! У меня... э... э... это мое правило. Я очень остороженъ въ такихъ вещахъ...

— Мнѣ, право, очень жаль,—прервала она его съ искреннимъ огорченіемъ.—Это было, дѣйствительно, очень глупо съ моей стороны.

Льюисгэму сдѣлалось почему-то вдругъ обидно, что ей приходится извиняться, и онъ снова заговорилъ, надѣясь спокойной рѣчью согнать съ своихъ щекъ этотъ глупый румянецъ.—*Этого* я не думаю,—воскликнулъ онъ съ какой-то запоздалой живостью.—Въ сущности, это было очень мило съ вашей стороны. Право, знаете, очень мило. И я знаю, что... я вполнѣ понимаю, что... э... э... ваша доброта...

— Не принесла никакой пользы. Теперь бѣдному маленькому Тедди еще больше достанется за то, что онъ позволилъ мнѣ...

— О, нѣтъ!—вскричалъ м-ръ Льюисгэмъ, поспѣшивъ ухватиться за такой удобный предлогъ и стараясь не улыбнуться отъ радости.—Я не имѣлъ права заглядывать въ этотъ листокъ, когда поднималъ его—никакого права. Не мое дѣло знать, что тамъ написано. А слѣдовательно...

— Вы сдѣлаете такъ, какъ будто ничего не видѣли? Да неужели?

— Ну разумѣется.

Ея лицо засіяло улыбкой, и м-ръ Льюисгэмъ проникся горячимъ сочувствіемъ къ ней.—Это такіе пустяки!—иначе я и не могъ бы поступить.

— Однако многіе на нашемъ мѣстѣ не сдѣлали бы этого. Школьные учителя не всегда проявляютъ такое... рыцарство.

Онъ поступилъ, какъ рыцарь. Эта похвала подѣйствовала на него, какъ шпоры на коня. Онъ не могъ, положительно не могъ удержаться отъ искушенія.

— Если хотите...—началъ онъ.

— Что?

— Онъ можетъ этого не дѣлать... то есть не списывать. Я освобожу его.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Я могу это сдѣлать.

— Это страшно мило съ вашей стороны.

— Мнѣ все равно. Это такіе пустяки. Если вы въ самомъ дѣлѣ думаете...

Онъ готовъ былъ апплодировать себѣ за это постыдное принесеніе въ жертву справедливости.

— Это страшно мило съ вашей стороны,—повторила она.

— Это пустяки, совершенные пустяки.

— Однако большинство на нашемъ мѣстѣ...

— Я знаю.

Пауза.

— Ну что же? значить, все уладилось?

Онъ отдалъ бы въ эту минуту цѣлый міръ за то, чтобы придумать сказать что нибудь еще, что нибудь остроумное и оригинальное, но ничего не приходило въ голову.

Пауза затянулась. Она оглянулась черезъ плечо на пустую аллею. Ихъ свиданіе—рядъ несказанныхъ словъ и невысказанныхъ мыслей—приходило къ концу. Она посмотрѣла на него нерѣшительно и опять улыбнулась, потомъ протянула руку. Безъ сомнѣнія, это и слѣдовало сдѣлать. Онъ взялъ ея ручку, напрасно ища въ своемъ опустѣвшемъ, смятенномъ умѣ подходящаго слова.

— Это страшно мило съ вашей стороны,—повторила она еще разъ.

— Пустяки, ничего не значить,—сказалъ м-ръ Льюисгэмъ, напрасно ища другой фразы, которая могла бы послужить переходомъ къ разговору на другія темы. Ручка у нея была холодная, нѣжная и крѣпкая, восхитительная для пожатія, и это ощущеніе вытѣсняло все остальное. Онъ удержалъ ее въ своей рукѣ, но всетаки не находилъ словъ.

Они одновременно замѣтили, что стоятъ, держась за руки. Оба разсмѣялись и почувствовали себя глупыми. Затѣмъ обмѣнялись крѣпкимъ рукопожатіемъ, словно старые друзья, и каждый поспѣшилъ неловко отдернуть руку. Она повернулась, робко посмотрѣла на него черезъ плечо, подождала немного, нерѣшительно выговорила „прощайте“ и вдругъ отошла.

Онъ поклонился ей въ спину, граціозно взмахнувъ своей студенческой шапочкой, на манеръ поклоновъ семнадцатаго столѣтія, но въ неизвѣданныхъ областяхъ его духа что-то вдругъ возмутилось и возстало противъ такого исхода.

Не успѣла она отойти на десять шаговъ, какъ онъ уже былъ возлѣ нея.

— Позвольте,—сказалъ онъ, самъ боясь своей смѣлости и неловко приподымая свою студенческую шапочку съ такой торжественностью, какъ будто встрѣтился съ похоронной процессіей.—Этотъ листокъ бумаги...

— Ну?—спросила она съ удивленіемъ, совершенно естественнымъ.

— Можно мнѣ взять его?

— Зачѣмъ?

У него захватило духъ отъ удовольствія, какъ захватываетъ, когда съѣзжаешь съ ледяной горы.—Мнѣ было бы пріятно сохранить его.

Она улыбнулась и подняла брови, но его волненіе было уже слишкомъ велико для того, чтобы улыбаться.—Посмотрите сюда. Видите?—сказала она, разжимая руку и показывая ему листокъ, свернутый въ шарикъ. Она засмѣялась, не безъ усилія.

— Это мнѣ все равно,—сказалъ м-ръ Льюисгэмъ, тоже смѣясь. Онъ властнымъ жестомъ схватилъ листокъ и разглаживалъ его дрожащими пальцами.

— Вы не будете сердиться?

— За что?

— Если я оставлю его у себя?

— За что же тутъ сердиться.

Пауза. Глаза ихъ снова встрѣтились. Обоимъ было какъ-то странно не по себѣ отъ этого волнующаго молчанія.

— Мнѣ право нужно идти,—сказала она вдругъ, заставивъ себя нарушить очарованіе. Она повернулась и пошла, оставивъ его съ измятымъ листкомъ бумаги въ рукѣ. Прижимая къ себѣ этой рукой листокъ и книгу, онъ другой опять приподнялъ свою шапочку для почтительнаго поклона.

Онъ смотрѣлъ вслѣдъ ея удалявшейся фигуркѣ. Сердце его билось необычайно быстро. Какая у нея легкая, воздушная походка! Маленькія круглыя пятна солнечнаго свѣта гнались за ней, скользя внизъ по ея платью. Она шла быстро, потомъ медленнѣе, по временамъ оглядываясь по сторонамъ, но не назадъ, пока не дошла до воротъ парка. Тутъ она остановилась, обернулась, посмотрѣла въ его сторону, дружески кивнула ему головкой и скрылась.

Лицо его пылало, глаза сіяли. Странное дѣло, ему трудно было дышать. Онъ долго смотрѣлъ на опустѣвшій конецъ аллеи, потомъ перевелъ глаза на свой трофей, который онъ горячо прижималъ къ закрытому и забытому Горацию.

III.

Удивительное открытіе.

По воскресеньямъ обязанностью м-ра Льюсгема было дважды сопровождать пансіонеровъ-школьниковъ въ церковь. Мальчики сидѣли на хорахъ надъ клиросомъ, какъ разъ напротивъ органа и подъ прямымъ угломъ къ остальнымъ прихожанамъ. Это была выдающаяся позиція и нашъ герой обыкновенно чув-

ствовавъ себя неловко отъ сознанія, что онъ у всѣхъ на виду, за исключеніемъ тѣхъ рѣдкихъ минутъ, когда онъ воображалъ, что всѣ на него смотрятъ и восхищаются его высокимъ лбомъ, находя, что онъ удивительно гармонируетъ съ его прекрасными аттестатами. Въ тѣ дни онъ особенно много думалъ о своемъ лбѣ и своихъ аттестатахъ, но очень мало о своемъ открытомъ, юношески-свѣжемъ лицѣ. (Сказать правду, лобъ его не представлялъ собою ровно ничего замѣчательнаго). Онъ рѣдко смотрѣлъ внизъ, воображая, что если онъ посмотритъ, то непременно встрѣтитъ взоры всѣхъ прихожанъ, устремленные на него. А потому, въ то утро, о которомъ идетъ рѣчь, онъ не замѣтилъ, что скамья Фробишеровъ до самаго молебствія оставалась пустою.

Но вечеромъ, идя въ церковь, во главѣ цѣлой шеренги мальчишекъ, маршировавшихъ по западной сторонѣ площади, онъ увидалъ на другой сторонѣ Фробишеровъ съ ихъ гостей. На гостѣ было надѣто новенькое свѣтлое платье, какъ будто уже пришла Пасха, а лицо ея, обрамленное темными волосами, показалось ему странно новымъ и вмѣстѣ знакомымъ. Она спокойно посмотрѣла на него. Ему стало страшно неловко и онъ готовъ былъ уже оборвать это новое знакомство, но не рѣшился и вдругъ порывисто приподнялъ шляпу, словно кланяясь мистриссъ Фробишеръ. Ни одна изъ дамъ не отвѣтила на его поклонъ, можетъ быть, потому, что онъ былъ нѣсколько неожиданнымъ. Въ эту минуту юный Сиддонсъ уронилъ молитвенникъ, наклонился поднять его и Льюисгэмъ, споткнувшись на него, чуть не упалъ... Онъ вошелъ въ церковь съ мрачнымъ отчаяніемъ въ душѣ.

Но скоро онъ немного утѣшился. Онъ ясно видѣлъ, что, сядя на свое мѣсто, она взглянула на хоры; позже, опустившись на колѣни, онъ сквозь пальцы взглянулъ въ ея сторону—и опять она смотрѣла на хоры. Она безусловно не смѣялась надъ нимъ.

Въ тѣ дни, многое въ душѣ Льюсгэма было еще невѣдомой страной для него самого. Онъ думалъ, напримѣръ, о себѣ,—что онъ, какъ разумное человѣческое существо, дѣйствуетъ и мыслить всегда логически, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, подъ извѣстными воздѣйствіями, онъ становился вовсе не разсудительнымъ и не логичнымъ, а являлся совершенно недисциплинированнымъ человѣкомъ, съ богатой фантазіей и способностью къ сильнымъ душевнымъ эмоціямъ. Музыка и пѣніе многихъ голосовъ въ униссонъ дѣйствовали на него очень сильно, уносили его куда-то вдаль и, подъ вліяніемъ ихъ, всякое его душевное состояніе переходило въ какое-то смутное, но радостное волненіе. Вечерняя служба въ Вортлейской церкви—вечеромъ священники служили въ облаче-

ніяхъ—пѣніе, мерцающій блескъ свѣчей, близость толпы, одушевленной однимъ и тѣмъ же чувствомъ, одновременно опускающейся на колѣни, встающей, шумно отвѣчающей на возгласы священника, неизмѣнно опьяняли его—если хотите, вдохновляли его и превращали прозу его жизни въ поэзію. Случай пришелъ на помощь природѣ и подсказалъ ему какъ разъ то, что было нужно, а его слухъ, особенно, чуткій и воспріимчивый въ это время, моментально уловилъ эту мысль и запомнилъ.

Второй гимнъ былъ очень извѣстный и простой, на тему о вѣрѣ, надеждѣ и милосердіи, и каждый стихъ оканчивался словомъ „любовь“. Представьте себѣ этотъ протяжный мотивъ, эти расчленяемые, прекрасныя слова:

Вѣра ис . . . чезнетъ для . . . взора
Надежда пре . . . вратится . . . въ вос . . . торгъ,
Любовь въ небесахъ засіяетъ . . . лишь ярче
Господи, . . . дай намъ . . . Любовь!

Послѣ третьяго повторенія припѣва Льюисгэмъ посмотрѣлъ черезъ алтарь внизъ и встрѣтился съ нею глазами...

Голосъ его вдругъ оборвался. Затѣмъ, сознаніе близости толпы, тѣсными рядами сидящей внизу, овладѣло имъ съ подавляющей силой и онъ не осмѣлился еще разъ взглянуть на нее. Онъ чувствовалъ, какъ кровь прилиwała къ его лицу.

Любовь! Она выше надежды и вѣры, выше всего на свѣтѣ, выше славы, выше знанія. Великое открытіе потокомъ хлынуло въ его душу, вмѣстѣ со словами гимна, и, одновременно съ этимъ, волна крови хлынула ему въ лицо, залила даже лобъ. Остатокъ службы былъ только фантасмагорическимъ фономъ, правда, нѣсколько бьющимъ въ глаза, къ великой дѣйствительности: онъ, м-ръ Льюисгэмъ, влюбленъ.

„А..минь“.

М-ръ Льюисгэмъ былъ такъ поглощенъ своимъ открытіемъ, что всѣ уже сѣли на мѣста, а онъ все еще продолжалъ стоять восхищенный. Онъ, судорожно опустилсѣ на скамью, съ такимъ шумомъ, что, какъ ему показалось, гулъ пошелъ по всей церкви.

Сумерки уже сгущались, когда ученики вышли на паперть, и м-ру Льюисгэму казалось, что онъ всюду видитъ ее. Ему почудилась ея фигурка впереди, и онъ сталъ торопить мальчиковъ, надѣясь нагнать ее. Они пробивались сквозь толпу смутно вырисовавшихся фигуръ, направлявшихся домой. Поклониться ей еще разъ, или не кланяться?.. Но это оказалась Сюзи Гопбрау, въ свѣтломъ платьѣ, ворона въ перьяхъ голубки. Онъ почувствовалъ странную смѣсь облегченія и разочарованія.

Изъ школы онъ поспѣшилъ домой. Онъ чувствовалъ настоятельную потребность быть одному. Онъ пошелъ наверхъ, въ свою комнату, и усѣлся передъ опрокинутымъ ящикомъ, съ раскрытой на немъ апологіей Бутлера. Онъ не унижился до такой формальности, какъ зажечь свѣчу. Откинувшись назадъ, онъ замеръ въ блаженномъ созерцаніи одинокой звѣздочки, мерцавшей надъ садомъ викарія.

Онъ вынулъ изъ кармана смятый листокъ бумаги, разглаженный имъ и тщательно сложенный снова—листокъ, исписанный почеркомъ, довольно близко напоминающимъ почеркъ Фробишера II, и послѣ минутнаго колебанія поднесъ свое сокровище къ губамъ. Схема и таблица распредѣленія времени бѣлѣди въ темнотѣ, словно призраки самихъ себя.

Мистриссъ Мундэй пришлось три раза звать его къ ужину.

Тотчасъ-же послѣ ужина онъ вышелъ и бродилъ при свѣтѣ звѣздъ, пока не дошелъ до холма, который находится за городомъ. Онъ взобрался наверхъ; отсюда видѣнь былъ домъ Фробишеровъ. Одно только окно было освѣщено. Онъ рѣшилъ, что это ея окно, и сталъ смотрѣть. За спущенной шторой, м-ръ Фробишеръ (дама лѣтъ подь сорокъ), крутила папиюльки изъ бумаги—она предпочитала этотъ способъ завивки, потому что онъ не портитъ волосъ—и высказывала лаконическія замѣчанія на счетъ кое-кого изъ сосѣдей м-ру Фробишеру, уже лежавшему въ постели. Затѣмъ, она поднесла свѣчу ближе къ зеркалу, чтобы разсмотрѣть какое-то пятнышко на лицѣ, уже нѣсколько дней тревожившее ее.

А на холмѣ, м-ръ Льюисгэмъ (восемнадцати лѣтъ) добрыхъ полчаса стоялъ и слѣдилъ за продолговатымъ желтымъ огонькомъ, пока онъ не погасъ, оставивъ домъ пустымъ и темнымъ. Тогда юноша глубоко вздохнулъ и вернулся домой въ превосходномъ настроеніи духа.

На другое утро онъ проснулся съ чувствомъ, что произошло что-то чрезвычайно серьезное, но не припоминая ясно, что именно. Взглядъ его упалъ на часы. Было уже шесть часовъ, а онъ не слышалъ звона будильника; очевидно, будильникъ не былъ заведенъ съ вечера. Онъ вскочилъ съ постели и попалъ ногами прямо на свои лучшіе брюки, валявшіеся безформенной массой на полу, вмѣсто того, чтобы лежать аккуратно сложенными на стулѣ. Намыливая себѣ голову, онъ попытался, согласно своимъ правиламъ, припомнить прочитанное наканунѣ, но это ему абсолютно не удавалось. Истина осѣнила его, только когда онъ сталъ надѣвать сорочку. Голова его завязла въ воротѣ; манжеты, болтавшіеся въ воздухѣ, съ минутой оставались неподвижными.

Затѣмъ, его голова медленно вынырнула на свѣтъ Божій, съ удивленнымъ выраженіемъ на лицѣ. Онъ припомнилъ—

припомнилъ случившееся, какъ смѣлое открытіе и безъ малѣйшаго волненія, со всей ахроматической ясностью, и полнымъ отсутствіемъ романическаго колорита, который придаетъ мыслямъ раннее утро...

Да. Теперь онъ вспомнилъ совершенно ясно. Онъ ничего не прочелъ вчера. Онъ влюбленъ.

Сказавъ себѣ это, онъ ощутилъ въ душѣ какой-то смутный разладъ. Съ минуту онъ стоялъ, глядя передъ собою въ пространство, потомъ сталъ разсѣянно оглядываться, ища глазами записку. Проходя передъ Схемой, онъ остановился и посмотрѣлъ на нее.

IV.

Приподнятыя брови.

— Надо же, однако, дѣло дѣлать,—сказалъ себѣ м-ръ Льюисгэмъ, но никогда еще необычайныя преимущества занятій на открытомъ воздухѣ не представлялись такъ ясно его уму.

Передъ завтракомъ онъ съ полчаса читалъ на открытомъ воздухѣ, расхаживая по переулку, прилегавшему къ дому Фробишеровъ; послѣ завтрака и до начала занятій въ школѣ, онъ ходилъ по аллеѣ, съ книгой въ рукахъ; *возвращаясь* домой онъ сдѣлалъ крюкъ, чтобы зайти въ аллею и на вечернія занятія въ школу пошелъ опять таки кружнымъ путемъ, черезъ аллею. Въ эти періоды занятій на открытомъ воздухѣ, м-ръ Льюисгэмъ, если не смотрѣлъ впередъ поверхъ книги, такъ поминутно оглядывался черезъ плечо назадъ. И подъ конецъ, кого же онъ увидѣлъ, какъ не...

Онъ увидалъ ее краемъ глаза и тотчасъ же отвернулся, представляясь, будто не видитъ ее. Все его существо какъ бы вдругъ озарилось свѣтомъ. Руки судорожно сжали книгу. Онъ не оглянулся назадъ второй разъ, но медленно и упорно шелъ впередъ, читая оду, которую не могъ бы перевести даже ради спасенія жизни, и чутко прислушиваясь. Ему показалось, будто прошла цѣлая вѣчность; наконецъ, послышался легкій шумъ шаговъ и шелестъ юбокъ позади.

Ему показалось, что кто-то держитъ въ желѣзныхъ тискахъ его голову и направляетъ ее впередъ.

— М-ръ Льюисгэмъ,—произнесъ ея голосъ надъ самымъ его ухомъ. Онъ судорожно обернулся и неуклюже приподнялъ шляпу.

Ея протянутую ручку онъ взялъ не сразу и держалъ, пока она не отняла.

— Я такъ рада встрѣтиться съ вами,—сказала она.

— И я тоже,—просто сказать Льюисгэмъ.

Съ минуту они молчали, глядя въ лицо другъ другу, причемъ эта пауза была очень выразительна, затѣмъ она сдѣлала движеніе впередъ и тѣмъ показала свое намѣреніе идти дальше рядомъ съ нимъ.—Мнѣ такъ хотѣлось,—начала она, глядя внизъ, на свои ножки,—поблагодарить васъ за то, что вы освободили Тедди. Я потому именно и хотѣла видѣть васъ.—Льюисгэмъ шагнулъ впередъ.—Странно, неправда-ли?—сказала она, подымая на него глазки, что я встрѣтила васъ здѣсь и на томъ самомъ мѣстѣ... мнѣ кажется... да, да, на этомъ самомъ мѣстѣ.

М-ръ Льюисгэмъ не могъ отвѣтить ни слова.

— Вы часто приходите сюда?—спросила она.

— Я?—Голосъ его звучалъ до странности хрипло.—Нѣтъ. Нѣтъ... то есть—во всякомъ случаѣ не часто. Отъ времени до времени. Хотя я, собственно, люблю здѣсь читать и все такое. Здѣсь такъ спокойно.

— Вы, должно быть, много читаете?

— Преподавателю это необходимо.

— Но вы?..

— Разумѣется, чтеніе доставляетъ мнѣ удовольствіе, а вамъ?

— Я *люблю* читать.

М-ръ Льюисгэмъ былъ радъ, что она любитъ читать. Если бы она отвѣтила иначе, онъ былъ бы разочарованъ. Но она говорила съ неподдѣльнымъ жаромъ. Она *любитъ* читать! Это было пріятно. Въ такомъ случаѣ, она, можетъ быть, пойметъ его.

— Конечно, я не такъ умна, какъ нѣкоторые. И я читаю только то, что попадаетъ мнѣ подъ руку.

— Я тоже. Кстати... {вы читали... Карлейля?

Разговоръ теперь совсѣмъ наладился. Они шли рядомъ; надъ головами ихъ качались вѣтви деревьевъ. М-ръ Льюисгэмъ былъ въ полномъ экстазѣ, омрачаемымъ только страхомъ случайной встрѣчи съ какимъ-нибудь школьникомъ. Она не особенно много читала Карлейля. Она всегда желала этого, даже когда была еще совсѣмъ маленькой дѣвочкой—она такъ много слышала о немъ. Она знала, что онъ настоящій крупный писатель, великій писатель. Все, что она читала изъ его сочиненій, ей нравится. Это она можетъ сказать. Чрезвычайно нравится. Кромѣ того, она видѣла его домъ въ Челси.

На Льюисгэма, который бывалъ въ Лондонѣ лишь изрѣдка и ненадолго, это произвело сильное впечатлѣніе, какъ будто онъ вдругъ узналъ, что она состоитъ въ близкомъ знакомствѣ съ этой замѣчательною личностью. Онъ никогда не пред-

ставлялъ себѣ ясно, что такіе великіе писатели живутъ, какъ обыкновенные люди, въ обыкновенныхъ домахъ. Она въ нѣсколькихъ словахъ описала ему домъ Карлейля, такъ живо, что онъ самъ какъ будто увидѣлъ этотъ домъ. По ея словамъ; она жила совсѣмъ близко отъ дома Карлейля по крайней мѣрѣ, настолько близко, что туда можно было дойти пѣшкомъ, въ Клапгэмѣ. М-ръ Льюисгэмъ моментально позабылъ о своемъ смутномъ намѣреніи дать ей прочесть „Sartor Resartus“, такъ ему захотѣлось побольше узнать о ея собственномъ домѣ.

— Клапгэмъ, это почти въ Лондонѣ, неправда ли?

— О, да,—сказала она, но не рѣшилась сообщить ему что-нибудь еще о своихъ домашнихъ обстоятельствахъ.—Я люблю Лондонъ,—продолжала она говорить вообще,—въ особенности зимою.—И она начала хвалить Лондонъ, публичныя библіотеки, магазины, толпу народа на улицахъ, легкость жизни: „вы можете дѣлать, что вамъ угодно“, концерты, театры, которые можно посѣщать при желаніи (она, повидимому, вращалась въ очень хорошемъ обществѣ).—Тамъ всегда есть на что посмотреть, даже когда вы вышли просто пройтись, а здѣсь нечего читать, кромѣ глупыхъ романовъ. Да и тѣ не новые.

М-ръ Льюисгэмъ съ грустью долженъ былъ согласиться, что культурная жизнь и умственная дѣятельность Вортлейскаго общества дѣйствительно страдаетъ недостаткомъ этого. Это сознаніе страшно принижало его передъ нею. Всему этому онъ могъ противопоставить только свою начитанность и аттестаты,—а она видѣла домъ Карлейля.—Здѣсь,—говорила она, не о чемъ даже поговорить, развѣ о какомъ-нибудь скандалѣ.—Это было слишкомъ справедливо.

На углу, воалѣ плетня, за которымъ на голубомъ фонѣ неба вырисовывались чудныя ивы, съ серебряными сережками и золотистымъ пушкомъ на вѣтвяхъ, они, какъ бы по взаимному уговору, повернули и пошли въ обратную сторону.

— Мнѣ здѣсь прямо-таки не съ кѣмъ поговорить,—сказала она,—такъ, какъ я это понимаю.

— Я надѣюсь,—сказалъ Льюисгэмъ, нырнувъ сразу на самое дно,—что, пока вы останетесь на Вортлей...

Онъ вдругъ запнулся и она, слѣдуя направленію его взгляда, увидала приближающуюся къ нимъ внушительнаго вида черную фигуру.—Намъ, можетъ быть, придется еще когда-нибудь встрѣтиться,—докончилъ м-ръ Льюисгэмъ.

Онъ готовъ былъ предложить ей встрѣтиться гдѣ-нибудь по уговору. Ему пришелъ на умъ восхитительный лабиринтъ тропинокъ на берегу рѣки. Но появленіе м-ра Джорджа Боновера, завѣдывающаго Вортлейской школой, удивительно какъ охладило его пылъ. Встрѣчу юной парочки, несомнѣнно,

устроила сама природа, но о Боноверъ она, очевидно, позабыла—это была съ ея стороны преступная небрежность. Теперь она малодушно ступевалась, отступивъ далеко на второй планъ и м-ръ Льюисгэмъ, съ самыми непріятными чувствами въ душѣ, очутился лицомъ къ лицу съ типичнымъ представителемъ общественной организаціи, весьма сильно неодобряющей *inter alia* неразборчивыхъ знакомствъ и разговоровъ, со стороны молодыхъ и неженатыхъ младшихъ преподавателей.

— ...Еще когда-нибудь встрѣтятся,—уныло dokonчили м-ръ Льюисгэмъ, чувствуя внезапно упадокъ духа.

— Я тоже надѣюсь,—сказала она.

Пауза. Лицо м-ра Боновера, въ особенности его густыя нависшія черныя брови, были уже совсѣмъ близко и брови эти были уже приподняты, повидимому, для того, чтобы выразить крайнее изумленіе.

— Это, кажется, м-ръ Боноверъ?—спросила она.

— Да.

Долгая пауза.

Интересно знать, остановится ли онъ, заговорить ли съ ними? Какъ бы тамъ ни было, этому ужасному молчанію надо положить конецъ. М-ръ Льюисгэмъ искалъ въ умѣ какой-нибудь приличной случаю фразы, какого-нибудь замѣчанія, которое можно было бы высказать при встрѣчѣ съ начальствомъ и, къ удивленію своему, не находилъ. Умъ его представлялъ собою пустыню. Онъ сдѣлалъ надъ собою колоссальное усиліе. Если бы они только могли разговаривать, держать себя непринужденно! Но это явное смущеніе—краснорѣчивый признакъ вины.

— А хорошая сегодня погода,—сказалъ м-ръ Льюисгэмъ.—Неправда ли?

Она согласилась съ нимъ.—Неправда ли?

Въ эту минуту прошелъ м-ръ Боноверъ, какъ-то весь подтянувшись и выразительно поджимая губы. М-ръ Льюисгэмъ приподнялъ шапочку и, къ его удивленію, м-ръ Боноверъ отвѣтилъ ему необычайно официальнымъ поклономъ, бросилъ на него испытующій, неодобрительный взглядъ и прошелъ мимо. Льюисгэмъ былъ подавленъ изумленіемъ при видѣ этой замѣны обычнаго фамиллярнаго кивка головы при встрѣчѣ такимъ формально вѣжливымъ поклономъ, но тѣмъ и кончилась пока эта страшная встрѣча.

На мигъ онъ ощутилъ приливъ негодованія. Въ сущности, какое право имѣетъ м-ръ Боноверъ, да и кто бы то ни было вмѣшиваться въ его жизнь? Подумаешь, какое преступленіе разговаривать съ барышней! При томъ же, они могли бы познакомиться и не на улицѣ, ихъ могъ бы кто-нибудь пред-

ставить другъ другу,—ну, скажемъ, юный Фробисеръ. Тѣмъ не менѣе, весеннее настроеніе Льюисгэма смѣнилось зимнимъ. Во все продолженіе ихъ разговора онъ чувствовалъ себя до странности глупымъ, и восхитительное чувство отваги, до тѣхъ поръ вдохновлявшее и въ то же время изумлявшее его, при обращеніи къ ней, какъ-то позорно съежилось и улизнуло. Онъ былъ радъ, положительно радъ, когда ихъ разговоръ пришелъ къ концу.

У воротъ парка она протянула руку.—Боюсь, что я помѣшалась вамъ читать?

— Ничуть,—возразилъ Льюисгэмъ, слегка отогрѣваясь.—Такая пріятная бесѣда...

— Боюсь, что это было нарушеніемъ правилъ этикета—то, что я заговорила съ вами, но мнѣ такъ хотѣлось поблагодарить васъ...

— Полноте, не стоитъ говорить объ этомъ,—сказалъ м-ръ Льюисгэмъ, втайнѣ смущенный словомъ „этикетъ“.

— Прощайте.

Онъ постоялъ въ нерѣшимости у сторожки и повернулъ назадъ по аллеѣ, намѣреваясь пойти потомъ за нею по Вестъ-стритъ, но поодаль отъ нея, чтобы не обращать на себя вниманія.

Идя по аллеѣ, онъ вспомнилъ, что не далъ ей книги, которую хотѣлъ дать и не уговорился насчетъ будущихъ встрѣчъ. Она, можетъ быть, завтра же покинетъ Вортлей и вернется ко всѣмъ прелестямъ жизни въ Клапгэмъ. Онъ остановился и съ минуту постоялъ въ нерѣшимости. Не догнать ли ее? Но тутъ онъ вспомнилъ загадочное выраженіе лица Боновера и рѣшилъ, что бѣжать за нею вслѣдъ будетъ неловко, что это будетъ слишкомъ замѣтно. И однако же... Онъ медлилъ въ постыдной нерѣшимости и не трогался съ мѣста, а время уходило.

Вернувшись домой, онъ засталъ м-рсъ Мундэй уже за вторымъ блюдомъ.

— Это все ваши книги,—возмущалась м-рсъ Мундэй, относившаяся къ своему жильцу съ материнскимъ участіемъ,—вы читаете и читаете и совсѣмъ не замѣчаете времени. А теперь вонъ обѣдъ простылъ и извольте ѣсть холодное, потому разогрѣвать некогда—скоро вамъ опять нужно въ школу. Вы себѣ желудокъ испортите такимъ манеромъ.

— Пожалуйста, не заботьтесь о моемъ желудкѣ, м-рсъ Мундэй,—сказалъ Льюисгэмъ, отрываясь отъ своихъ сложныхъ и, повидимому, мрачныхъ мыслей,—это ужъ мое дѣло.—Для него это было совсѣмъ грубо.

— А я всетаки предпочитаю хорошій, исправно дѣйствующий

пій желудокъ хорошо набитой головѣ, — замѣтила м-рсъ Мундэй.

— Какъ видите, у насъ различные вкусы, — отрѣзалъ м-ръ Льюисгэмъ и снова впалъ въ свое мрачное молчаніе.

— Ну, ну,—пробормотала себѣ подъ носъ м-рсъ Мундэй.

V.

Колебанія.

М-ръ Боноверъ, зрѣло обдумавъ все происшествіе и подготовивъ соотвѣтствующее внушеніе, преподнесъ его Льюисгэму въ послѣбѣденное время, когда молодой человекъ наблюдалъ за игрой учениковъ въ крокетъ. Въ видѣ вступленія, онъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній насчетъ видовъ на будущее нѣкоторыхъ изъ учениковъ старшаго класса, и Льюисгэмъ согласился съ нимъ, что за послѣдній учебный сезонъ Фробишеръ I очень сложился и возмужалъ.

Послѣдовала пауза. Завѣдующій школой что-то напѣваль себѣ подъ носъ, затѣмъ, какъ бы продолжая разговоръ и въ то же время наблюдая за игрой, сказалъ:

— Кстати, я думалъ, что вы новый человекъ здѣсь въ Вортлеѣ.

— Оно такъ и есть,—сказалъ Льюисгэмъ.

— Но вы всетаки нашли друзей по сосѣдству.

На Льюисгэма вдругъ напалъ кашель, и уши его—проклятыя уши—покраснѣли.

— Да,—сказалъ онъ, оправляясь,—о, да, да. У меня есть друзья.

— Здѣшніе жители, по всей вѣроятности.

— Нѣтъ, не совсѣмъ.

Краска разлилась отъ ушей Льюисгэма по всему его лицу.

— Я видѣлъ васъ,—сказалъ Боноверъ,—въ аллеѣ, бесѣдующимъ съ молодой леди. Ея лицо показалось мнѣ знакомымъ. Кто она такая?

Сказать, что она гоститъ у Фробишеровъ, или не говорить? Если сказать, Боноверъ съ его предательской любезностью, пожалуй, вздумаетъ завести объ этомъ рѣчь съ Фробишерами, и выйдутъ непріятности для нея.

— Она,—началъ Льюисгэмъ, запинаясь, густо краснѣя отъ такого насилія надъ своею честностью и понижая голосъ до бормотанія,—она... она... старый другъ моей матери. Я встрѣчался съ ней въ Сольсбери.

- Гдѣ?
- Въ Сольсбери.
- А какъ ея фамилія?
- Смитъ.

Льюисгэмъ нѣсколько поторопился, и не успѣла эта ложь слетѣть съ его устъ, какъ онъ уже раскаялся.

— Ловко попалъ, Гаррисъ,—крикнулъ Боноверъ и захопалъ въ ладоши.—Это ловко, сэръ.

— У Гарриса очень мѣткій ударъ,—сказалъ м-ръ Льюисгэмъ.

— Очень. И и... ахъ, о чемъ бишь я говорилъ? Ахъ, да. Я хотѣлъ сказать, какія на свѣтѣ бываютъ странныя сходства. У насъ въ городкѣ есть нѣкая миссъ Гендерсонъ,—или Генсонъ—она гоститъ у Фробишеровъ—это вылитый портретъ вашей миссъ...

— Смитъ,—докончилъ Льюисгэмъ, мужественно встрѣчая его взглядъ и краснѣя до корней волосъ.

— Это странно,—сказалъ Боноверъ, задумчиво глядя на него.

— Очень странно,—пробормоталъ Льюисгэмъ, проклиная собственную глупость и глядя въ сторону.

— Очень, очень странно. Правду говоря,—сказалъ Боноверъ, поворачивая къ школѣ,—я не ожидалъ этого отъ васъ, м-ръ Льюисгэмъ.

— Чего не ожидали, сэръ?

Но мистеръ Боноверъ притворился, что онъ уже не слышитъ.

— Чортъ побери!—сказалъ мистеръ Льюисгэмъ,—о, чортъ побери!—выраженіе, несомнѣнно, предосудительное и въ тѣ дни рѣдко имъ употребляемое. Онъ почти былъ готовъ догнать своего начальника и спросить его, неужели онъ сомнѣвается въ его словѣ. Но было слишкомъ очевидно, какой послѣдуетъ отвѣтъ.

Съ минуту онъ постоялъ въ нерѣшимости, затѣмъ повернулся на каблукахъ и свирѣпо зашагалъ домой. Каждый мускулъ дрожалъ въ его тѣлѣ, а лицо подергивалось. Смятеніе, царившее въ его душѣ, разрѣшилось, наконецъ, взрывомъ гнѣва и негодованія.

— Да будь онъ проклятъ!—восклицалъ м-ръ Льюисгэмъ, обращаясь къ своей собственной кровати.—Какого чорта онъ суетъ носъ не въ свое дѣло?

— Не мѣшайте не въ свое дѣло,—громилъ м-ръ Льюисгэмъ умывальникъ.—Чортъ бы васъ побралъ, сэръ, не лѣзьте туда, гдѣ васъ не спрашиваютъ.

Умывальникъ безмолствовалъ.

— Вы превышаете вашу власть,—продолжалъ м-ръ Льюисгэмъ уже нѣсколько смягченнымъ тономъ.—Поймите меня! Въѣ школы я самъ себѣ господинъ!

Тѣмъ не менѣе въ теченіе четырехъ дней и нѣсколькихъ часовъ послѣ внушенія м-ра Боновера, м-ръ Льюисгэмъ настолько принялъ къ свѣдѣнію его указанія, что оставилъ занятія на открытомъ воздухѣ и упорно боролся съ собой, каждый день все съ меньшимъ успѣхомъ заставляя себя соблюдать не только букву, но и духъ предписанія своей таблицы. Большую часть времени онъ сидѣлъ за работою, досадуя, что ея накопилось такъ много, но дѣлалъ ее кое-какъ, или просто глядѣлъ въ окно. Голосъ благоразумія говорилъ ему, что встрѣчаться и разговаривать съ этой дѣвущкой снова значитъ навлечь на себя выговоры и непріятности, что это будетъ помѣхой подготовкѣ къ экзаменамъ, гибелью всякой дисциплины, и онъ сознавалъ всю справедливость этихъ утвержденій. Всѣ эти влюбленія—глупости; никакой любви нѣтъ на свѣтѣ, развѣ только въ плохенькихъ повѣстухахъ. А вниманіе вдругъ ускользало, приковывалось къ ея глазамъ, сіяющимъ въ тѣни полей шляпы, и его приходилось тащить силой. Въ четвергъ, возвращаясь изъ школы, онъ увидалъ ее вдали, на другомъ концѣ улицы и поспѣшилъ войти въ домъ, чтобы избѣжать встрѣчи, причемъ упорно глядѣлъ въ противоположную сторону,—но это было поворотнымъ пунктомъ. Послѣ этого подвига на него напалъ стыдъ. Въ пятницу его вѣра въ любовь снова ожила, и сердце его было полно угрызеній за то, что онъ потерялъ столько времени.

Въ субботу утромъ онъ былъ такъ полонъ мыслью о ней, и воображеніе такъ живо рисовало ему ея образъ, что онъ путался, даже читая самый легкій для преподаванія предметъ—алгебру,² и къ концу уроковъ рѣшеніе было принято, и голосъ благоразумія обращенъ въ позорное бѣгство. Богъ съ ней, съ карьерой. Сегодня онъ опять увидитъ ее и будетъ говорить съ ней, а тамъ пусть будетъ, что будетъ. Возникла было мысль о Боноверѣ, но м-ръ Льюисгэмъ тотчасъ отогналъ ее. Притомъ же...

Боноверъ въ эти часы отдыхаетъ.

Да, онъ пойдетъ и отыщетъ ее и будетъ говорить съ ней. Ничто не остановитъ его.

Какъ только это рѣшеніе было принято, онъ сталъ представлять себѣ, что онъ ей скажетъ и какъ скажетъ и какую при этомъ приметъ позу; въ умѣ его виталъ рои смутныхъ и прекрасныхъ грезъ—все о ней. Ни о чемъ другомъ, кромѣ нея и своей любви, онъ думать не могъ. Какая низость была прятаться отъ нея. О чемъ онъ только думалъ? Какъ онъ ей объяснить, если они, дѣйствительно, встрѣтятся? Предположимъ, что онъ будетъ откровененъ...

Онъ сталъ соображать, до какой степени можно быть от-

кровеннымъ. Повѣрить ли она, если онъ скажетъ, что не видѣлъ ее тогда, въ четвергъ? Если онъ станетъ увѣрять ее?

И вдругъ, о ужасъ, въ самый разгаръ этихъ соображеній, явился Боноверъ съ просьбой подежурить сегодня вечеромъ на крокетной площадкѣ, вмѣсто Дункерлея. Дункерлей былъ старшій помощникъ завѣдывающаго, единственный сослуживецъ Льюисгэма. Боноверъ былъ опять прежній. Послѣдніе слѣды неодобренія исчезли съ его лица. При его автократическихъ замашкахъ, попросить объ одолженіи для него было все равно, что протянуть оливковую вѣтвь мира. Но для Льюисгэма эта просьба явилась тяжкимъ наказаніемъ. Одинъ роковой моментъ онъ уже готовъ былъ согласиться. Но воображеніе мгновенно нарисовало ему обстановку томительнаго послѣобѣденнаго дежурства—во время котораго она, можетъ быть, укладываетъ вещи, чтобы ѣхать въ Клапгэмъ. Онъ побѣлѣлъ. М-ръ Боноверъ наблюдалъ за его лицомъ.

— *Нѣтъ*,—брякнулъ Льюисгэмъ, высказывая единственное, въ чемъ онъ былъ убѣжденъ и затѣмъ уже начиная ломать свою неопытную голову въ поискахъ уважительнаго предлога. — Мнѣ очень жаль, что я не могу исполнить вашей просьбы, но... я обѣщаль... я, собственно говоря, далъ слово, быть въ одномъ мѣстѣ...

Это была явная ложь. Мистеръ Боноверъ поднялъ брови и пояснилъ уже не такъ ласково:—Видите ли, м-рсъ Боноверъ ждетъ сегодня вечеромъ гостью, и м-ръ Дункерлей нуженъ намъ, чтобы составить партію въ крокетъ; у насъ не достаетъ четвертаго...

— Мнѣ очень жаль,—сказалъ м-ръ Льюисгэмъ все такъ-же рѣшительно, отмѣтивъ въ умѣ, что Боноверъ будетъ играть въ крокетъ.

— Можетъ быть, вы играете въ крокетъ?—спросилъ Боноверъ.

— Нѣтъ, понятія не имѣю.

— Если бы м-ръ Дункерлей попросилъ васъ?—настаивалъ Боноверъ, зная, какъ Льюисгэмъ преклоняется предъ этикетомъ.

— О, вѣдь я не потому,—сказалъ Льюисгэмъ, и Боноверъ отошелъ съ поднятыми бровями, всей фигурой выражая изумленіе и обиду, оставивъ Льюисгэма на томъ же самомъ мѣстѣ, блѣднымъ, неподвижнымъ и дивящимся собственной дерзости.

VI.

Скандальная прогулка.

Какъ только ученики разошлись, Льюистэмъ махнулъ рукой на непоправленныя ученическія работы и поспѣшилъ домой, чтобы провести время до обѣда—какъ?.. Можетъ быть, съ нашей стороны не совсѣмъ хорошо по отношенію къ Льюистэму говорить это; я не увѣренъ, что долгъ романиста мужчины передъ людьми одного съ нимъ пола не велить ему воздерживаться отъ такихъ сообщеній, но такъ какъ надпись на стѣнѣ возлѣ слухового окна гласила „Magna est veritas et prevalebit“, мы должны говорить всю правду. Придя домой, м-ръ Льюистэмъ тщательно пригладилъ щеткой свои волосы, потомъ живописно взбилъ ихъ, перепробовалъ всѣ свои галстуки и выбралъ бѣлый, смахнулъ пыль съ сапогъ старымъ носовымъ платкомъ, перемѣнилъ брюки, ибо тѣ, которые онъ носилъ ежедневно, обились у каблуконъ, и подмазалъ чернилами локти своего сюртука въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ швы побѣлѣли. Мы пойдемъ даже дальше—онъ долго изучалъ передъ зеркаломъ свое безбородое юношеское лицо подъ различными углами зрѣнія и, въ концѣ концовъ, пришелъ къ убѣжденію, что его носъ съ успѣхомъ могъ бы быть нѣсколько меньше...

Тотчасъ же послѣ обѣда онъ вышелъ и направился кратчайшимъ путемъ въ аллею, говоря себѣ, что ему рѣшительно все равно, если онъ встрѣтитъ Боновера на улицѣ. Онъ самъ не зналъ хорошенько, что онъ намѣренъ дѣлать, но для него было ясно, что онъ увидитъ дѣвушку, съ которой встрѣтился въ аллеѣ. Онъ долженъ увидѣть ее. Сознаніе препятствія только разжигало его, и это было даже пріятно. Онъ взобрался по каменнымъ ступенькамъ на холмъ, съ котораго былъ видѣнъ домъ Фробишеровъ, къ тому самому мѣсту, откуда онъ наблюдалъ за окномъ Фробишеровской спальни. Тутъ онъ сѣлъ, сложилъ руки и сталъ глядѣть на домъ.

Было безъ десяти минутъ два. Въ двадцать минутъ третьяго онъ все еще сидѣлъ тамъ же, но уже заложивъ руки глубоко въ карманы куртки, угрюмо хмурясь и отъ нетерпѣнія стуча каблуконъ по ступенькѣ. Его бесполезныя очки были спрятаны въ жилетный карманъ, гдѣ они и оставались до конца дня; шапочка нѣсколько сдвинулась назадъ, и изъ-подъ нея выбилась прядь волосъ. Два-три человѣка прошли по аллеѣ, онъ сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ ихъ; для развлечения, онъ наблюдалъ за двумя какими-то птичками, го-

нявшимися другъ за другомъ по межѣ залитаго солнцемъ и колеблемаго вѣтромъ овсянаго поля. Было, конечно, нелѣпо сердиться на нее за то, что она не шла, но, по мѣрѣ того, какъ проходили минуты, лицо его вытягивалось.

Онъ услышалъ чьи-то шаги на улицѣ, позади себя, но не оглянулся—ему непріятно было думать, что люди видятъ его въ этомъ положеніи. Его скромность, чувство, которое было очень сильно въ немъ, хотя теперь онъ и поборолъ его, все еще глухо протестовала противъ его затѣи. Шаги внизу на улицѣ остановились совсѣмъ близко.

— Нечего паялить на меня глаза,—сквозь зубы пробормоталъ Льюисгэмъ.

Затѣмъ начались таинственные шумы, шорохъ, шелестъ вѣтвей; казалось, кто-то нѣсколько разъ притопнулъ ножкой.

Послѣ очень недолгой борьбы, любопытство побѣдило, Льюисгэмъ обернулся, и что же?—то была она. Она стояла спиной къ нему, стараясь достать цвѣтокъ колючаго терна, росшаго на противоположной изгороди. Замѣчательная вещь! Она не видала его.

Въ одно мгновеніе ноги Льюисгема очутились по другую сторону плетня. Онъ спустился съ каменныхъ ступенекъ съ такой быстротою, что съ разбѣга взбѣжалъ на противоположный пригорокъ и черезъ минуту уже стоялъ возлѣ нея.

— Позвольте, я сорву,—сказалъ онъ, слишкомъ взволнованный для того, чтобы замѣтить, что она не была удивлена.

— М-ръ Льюисгэмъ,—сказала она съ притворнымъ удивленіемъ и отодвинулась, чтобы дать ему мѣсто.

— Который цвѣтокъ вы хотите?—восклициалъ онъ видя себя отъ радости.—Самый бѣлый? Тотъ, что всѣхъ выше? Все равно какой?

— Вотъ этотъ,—сказала она наудачу,—съ чернымъ шипомъ, торчащимъ изнутри.

Бѣлоснѣжная шапка куста качнулась, красиво выдѣлившись на синемъ апрѣльскомъ небѣ, и Льюисгэмъ, старавшійся достать до цвѣтка, что было не такъ-то легко,—съ страннымъ удовольствіемъ увидалъ на своей рукѣ бѣлую царалину, скоро окрасившуюся въ красный цвѣтъ. Онъ соскочилъ съ плетня торжествующій и запахавшійся.—Вотъ, возьмите. Тамъ, выше, на концѣ улицы, есть еще тернъ... тотъ не въ примѣръ красивѣе...

Она засмѣялась и посмотрѣла на него съ наивнымъ удовольствіемъ. Такимъ, съ пылающими щеками, съ ликующимъ взоромъ, онъ ей нравился. Въ церкви, на хорахъ, видимо въ ракурсѣ лицо его показалось ей тоже интереснымъ въ своемъ родѣ, но это было совсѣмъ другое.

— Покажите мнѣ,—сказала она, хотя отлично знала, что на милою вокругъ больше нѣтъ ни одного тернового куста.

— Я *знаю*, что увижу васъ,—сказалъ онъ вмѣсто отвѣта.

— Это, можетъ быть, послѣдній день, когда мы могли встрѣтиться,—призналась она также искренно.—Въ понедѣльникъ я уѣзжаю домой, въ Лондонъ.

— Я такъ и зналъ,—вскричалъ онъ съ торжествомъ.—Въ Клапгэмъ?

— Да. Я получила мѣсто. Вы не подозрѣвали, что я знаю стенографію и умѣю писать на пишущей машинкѣ, правда? А я умѣю. Я только что вышла изъ школы, Грогранской школы, а тутъ объявился одинъ старій джентльмэнъ, которому нужна переписчица.

— Такъ вы стенографистка? Теперь я понимаю, почему у васъ было стилографическое перо. Эти строки были написаны... Онъ до сихъ поръ у меня.

Она улыбнулась и подняла брови.

— Здѣсь,—сказалъ м-ръ Льюисгэмъ, похлопывая рукою по жилетному карману.

— Эта улица,—сказалъ онъ—ихъ разговоръ былъ до странности непослѣдователенъ,—вѣдь это на этой улицѣ, кажется за холмомъ, есть ворота, идущія—то есть, я хочу сказать, ведущія на тропинку, которая идетъ вдоль берега рѣки? Вы были тамъ?

— Нѣтъ.

— Во всемъ Вортлеѣ нѣтъ лучшаго мѣста для прогулки. Тропинка выводитъ на Имерійскій лугъ. Вы *должны* побывать тамъ прежде, чѣмъ уѣдете.

— *Теперь?*—спросила она и глаза ея запрыгали.

— Почему же нѣтъ?

— Я сказала м-рсу Фробишеръ, что вернусь домой къ четыремъ.

— Такую прогулку жаль терять.

— Ну хорошо, пойдемте.

— На деревьяхъ уже распускаются почки, тростники зазеленѣли, вдоль всего берега множество маленькихъ бѣленькихъ цвѣточковъ, плавающихъ на водѣ. Я не знаю, какъ они называются, но они очень красивы... Можно мнѣ понести эту вѣтку?

Когда онъ бралъ вѣтку, руки ихъ на одно мгновеніе соприкоснулись—и опять наступила многозначительная пауза.

— Посмотрите на эти облака,—круто переимѣнилъ разговоръ Льюисгэмъ, боясь, чтобы у него не сорвалось съ устъ что-нибудь лишнее, и размахивая вѣткой, какъ пѣной, покрытой бѣлыми цвѣтами.—Посмотрите, какое синее небо между ними.

— Это восхитительно. Погода все время стояла прекрасная,

но такого дня, какъ сегодня, еще не бывало. Мой послѣдній день. Самый послѣдній.

Юная парочка шла все дальше и дальше въ самомъ наэлектризованномъ состояніи, шла все дальше и дальше, къ невыразимому удивленію м-рсъ Фробишеръ, глядѣвшей ей вслѣдъ изъ окна мезонина, бодро шагая впередъ и воображая, что и солнце свѣтитъ, и весь міръ принарядился специально для ихъ удовольствія. Какія необычайныя открытія они дѣлали и сообщали о нихъ другъ другу въ этотъ вечеръ на берегу!—Что весна дивно хороша, молодые листочки прелестны, почки раскрываются изумительно быстро, а облака ослѣпительно бѣлы и принимаютъ самыя разнообразныя формы,—и все это съ такимъ видомъ, какъ будто они открывали Америку. И съ какимъ наивнымъ удивленіемъ они при каждомъ новомъ открытіи замѣчали, что они совершенно согласны въ мнѣніяхъ! Такое совпаденіе они не могли объяснить даже игрой случая; оно казалось имъ просто непостижимымъ. Они пошли по тропинкѣ, извивающейся между деревьями, вдоль берега рѣки, и, конечно, не успѣли они сдѣлать нѣсколькихъ сотъ шаговъ, какъ она уже раскаялась и пожелала перебраться на нижнюю тропинку, ту, что шла возлѣ самаго берега. Льюисгэму пришлось отыскивать мѣстечко, гдѣ ей удобно было спуститься, гдѣ большое дерево дружески простирало ей навстрѣчу свои корни, которые ей замѣнили перила, и она осторожно спустилась внизъ, держась за его руку.

Затѣмъ водяная крыса, моющая въ водѣ свою мордочку, послужила новымъ поводомъ схватиться за руки и обмѣняться довѣрчивыми признаніями шопотомъ, прерываемымъ знаменательными паузами. Послѣ того Льюисгэмъ полѣзъ для нея въ воду за вѣткой проскурняка—съ опасностью жизни, какъ она увѣряла,—и досталъ вѣтку, но при этомъ набралъ полный сапогъ воды. У воротъ чернаго и блестящаго шлюза, тамъ, гдѣ перегороженная тропинка отклоняется въ сторону отъ рѣки, молодая дѣвушка поразила его неожиданнымъ подвигомъ, безстрашно вскарабкавшись при его помощи на самую верхнюю перекладину шлюзной рѣшетки и съ воздушной граціей соскочивъ внизъ на землю.

Они смѣло пошли цѣлиной черезъ лугъ, пестрѣвшій цвѣтами, причемъ онъ, по ея особой просьбѣ, помѣстился между нею и тремя престарѣлыми коровами—и при этомъ чувствовалъ себя, какъ Персей, вступившій въ борьбу съ морскимъ чудовищемъ. Они прошли мимо мельницы и по крутой тропинкѣ поднялись на Имерійскій выгонъ. По пути Льюисгэмъ коснулся ея занятій.—Неужели вы, дѣйствительно, уѣзжаете отсюда, для того, чтобы сдѣлаться переписчицей?—спросилъ

онъ и тѣмъ навелъ ее на разговоръ о ней самой—тема, къ которой она отнеслась съ большимъ энтузіазмомъ. Они разрабатывали эту тему по сравнительному методу и такъ увлеклись, что не замѣтили, какъ солнце скрылось за тучу, и мягкій шумъ мелкаго дождика захватилъ ихъ совершенно врасплохъ.

— Смотрите,—сказалъ онъ,—тамъ сарай. И они побѣжали вмѣстѣ. Она бѣжала смѣясь, но быстро и легко. Онъ обѣими руками помогать ей перелѣзать черезъ изгородь, высвободилъ ея юбку, зацѣпившуюся за сучекъ; такимъ образомъ они добрались до небольшого темнаго сарая, гдѣ была спрятана заржавленная гиганскихъ размѣровъ борона. Онъ удивлялся, какъ она легко дышитъ послѣ такого бѣга.

Она присѣла на борону и сконфузилась.—Нѣтъ, я все-таки должна снять шляпу,—сказала она,—не то дождь испортитъ ее. Это дало ему возможность убѣдиться, что ея локоны не фальшивые,—хотя онъ никогда и не сомнѣвался въ этомъ. Она наклонилась надъ шляпкой, съ носовымъ платкомъ въ рукѣ, граціозно вытирая серебристыя капельки. Онъ стоялъ у входа въ сарай и любовался пейзажемъ, окутаннымъ мягкой дымкой апрѣльскаго дождика.

— На этой боронѣ довольно мѣста для двоихъ,—сказала она.

Онъ пробормоталъ что-то невнятное, вродѣ отказа, но все-таки пришелъ и сѣлъ рядомъ съ ней, совсѣмъ близко, такъ что почти касался ея. Онъ чувствовалъ безумное желаніе схватить ее въ объятія и поцѣловать, и лишь съ большимъ усиліемъ отогналъ отъ себя эту безумную мысль.—Я даже не знаю вашего имени,—сказалъ онъ, надѣясь въ разговорѣ найти спасеніе отъ такихъ опасныхъ мыслей.

— Гендерсонъ.

— Миссъ Гендерсонъ.

— Да, миссъ Гендерсонъ.

Ея глаза, атмосфера, которую она вносила собою, дѣйствовали удивительно странно. Онъ никогда еще не испытывалъ такого ощущенія, такого страннаго волненія, почти близкаго къ слезамъ. Ему хотѣлось спросить ея другое, крестное имя, назвать ее дорогой и посмотреть, что она скажетъ. Вмѣсто этого онъ пустился въ подробное описаніе своего столкновенія съ Боноверомъ и того, какъ онъ солгалъ относительно ея и назвалъ ее миссъ Смитъ—и это помогло ему удержаться.

Шорохъ дождя за стѣнами сарая постепенно стихалъ и замеръ, и солнышко весело засіяло надъ далекимъ лѣсомъ за выгономъ. Какъ разъ въ эту минуту разговоръ ихъ былъ снова прерванъ паузой, полной дерзкихъ мыслей для м-ра

Льюисгэма. Онъ вдругъ передвинулъ свою руку и положилъ ее сзади дѣвушки, на край бороны.

— Пойдемте,—сказала она вдругъ,—дождь пересталъ.

— Эта узенькая тропинка ведетъ прямо къ выгону.

— Но вѣдь меня будутъ ждать въ четыре часа.

Онъ вынулъ часы и сдвинулъ брови: было уже почти четверть пятого.

— Уже больше четырехъ?—спросила она; и оба вдругъ поняли, что разлука близка. Что Льюисгэму самому нужно быть на дежурствѣ съ половины пятого, объ этомъ онъ вовсе не думалъ. Это казалось ему такими пустяками!

— Правда,—сказалъ онъ, съ трудомъ начиная понимать, что они разстанутся навсегда.—Правда... Но развѣ вамъ такъ необходимо идти? Мнѣ—мнѣ нужно поговорить съ вами.

— Развѣ вы все это время не говорили со мною?

— Это не то, и потомъ... нѣтъ.

Она стояла и смотрѣла на него.—Я общалась быть домою къ четверемъ. У мистриссъ Фробишеръ пьютъ чай...

— Мы, можетъ быть, никогда больше не встрѣтимся.

— Ну такъ что же?

Льюисгэмъ вдругъ весь побѣлѣлъ.

— Не оставляйте меня,—сказалъ онъ, прерывая натянутое молчаніе, съ неожиданной дрожью въ голосѣ.—Не уходите. Побудьте со мною еще... еще немножко. Вы... вы могли заблудиться.

— Вы, кажется, думаете,—сказала она съ принужденнымъ смѣхомъ,—что я могу обходиться безъ пищи и питья?

— Мнѣ столько нужно сказать вамъ. Въ первый разъ, когда я увидѣлъ васъ... Сначала я не смѣлъ... я не зналъ. Позвольте ли вы мнѣ говорить... а теперь, какъ разъ, когда я... счастливъ,—вы уходите.

Онъ вдругъ остановился. Ея глаза были опущены.—Нѣтъ,—сказала она, чертя кругъ на землѣ кончикомъ ботинка.—Нѣтъ. я не ухожу.

Льюисгэмъ едва удержался, чтобы не крикнуть отъ радости.—Такъ мы пойдемъ на Имеринъ?..—Идя вслѣдъ за ней по узенькой тропинкѣ, по мокрой травѣ, онъ чистосердечно признался ей, какъ онъ дорожитъ ея обществомъ.—Этой прогулки я не промѣнялъ бы—онъ оглянулся вокругъ, ища, чѣмъ бы пожертвовать—ни на что въ мірѣ... Я не пойду на дежурство. Мнѣ все равно, пусть будетъ, что будетъ, лишь бы намъ сегодня быть вмѣстѣ.

— И мнѣ все равно,—сказала она.

— Спасибо вамъ, что пришли,—вскричалъ онъ въ порывѣ благодарности.—Благодарю васъ, благодарю васъ!—онъ протянулъ руку, а она взяла и пожала, и такъ они шли рука

объ руку до самой деревни. Ихъ смѣлое рѣшеніе прогулять назначенный срокъ удивительно сблизило ихъ. — Я не могу называть васъ миссъ Гендерсонъ,—сказалъ онъ. — Вы понимаете — не могу. Знаете ли... скажите мнѣ ваше крестное имя.

— Этель.

— Этель.—Онъ посмотрѣлъ на нее, собираясь съ духомъ.— Этель—это хорошенькое имя. Но никакое имя не можетъ быть достаточно красиво для васъ, Этель... милая...

Лавочка въ Имеринѣ помѣщалась въ глубинѣ палисадника, полного желтофіолей. Содержательница ея, веселая, проворная толстуха, ни за что не хотѣла вѣрить, что они не братъ и сестра, и называла ихъ обоихъ миленькими. Въ виду этого, она напоила ихъ удивительно вкуснымъ чаемъ, который стоилъ удивительно дешево. Обоимъ казалось, что они никогда не пили такого вкуснаго чая и никогда не ѣли такого вкуснаго хлѣба съ масломъ и брусничнымъ вареньемъ.

На столѣ въ кружкѣ стояли желтофіолы, съ сильнымъ тяжелымъ запахомъ, и, когда они уходили, толстуха-лавочница убѣдила ее взять одну вѣтку съ собою.

Скандальной сдѣлалась эта прогулка, собственно, уже послѣ того, какъ они вышли изъ Имерина. Солнце уже превратилось въ золотой шаръ, спускавшійся къ синимъ холмамъ на западѣ—въ лучахъ его фигуры молодыхъ людей казались огненными—а они, вмѣсто того, чтобы идти домой, пошли по Вентвортской дорогѣ, углубляющейся въ Форшавскій лѣсъ. Позади ихъ повисъ надъ вершинами деревьевъ почти полный мѣсяцъ, призрачный и туманный, вбирая въ себя понемногу свѣтъ, оставшійся на небѣ послѣ заката солнца.

Выйдя изъ Имерина, они стали говорить о будущемъ. Очень юные влюбленные признаютъ только самое ближайшее будущее и не заглядываютъ далеко впередъ.

— Вы должны писать мнѣ,—сказалъ онъ, а она возразила, что она пишетъ такія глупыя письма.

— Я буду исписывать цѣлыя стопы бумаги,—сказалъ онъ.

— Но какъ же вы будете писать мнѣ? По какому адресу?— Они стали обсуждать это новое препятствіе, возникшее между ними. На домъ невозможно писать—абсолютно невозможно. Это для нея не подлежало сомнѣнію.—Моя мать...—начала она и запнулась

Это запрещеніе кольнуло его, ибо въ этотъ моментъ онъ былъ способенъ писать ей письма необъятныхъ размѣровъ. Но что же дѣлать?—этого слѣдовало ожидать. Весь міръ не благосклоненъ къ нимъ—жестокъ... Ну что-жъ? Это будетъ дивное уединеніе вдвоемъ.

Нельзя ли ей посылать письма на чье-нибудь имя? Но это ей казалось обманомъ.

Такъ шли они рука объ руку, юные, радостные, полные счастьемъ сознанія, что они любятъ и, въ то же время, исполненные такой юношеской робости, что слово „любовь“ въ этотъ день ни разу не сорвалось ни у одного изъ нихъ съ устъ. Но, по мѣрѣ того какъ ласковые сумерки сгущались вокругъ, голоса ихъ звучали все тише и сердца бились все чаще. Если записать ихъ рѣчи на бумагѣ, онѣ, можетъ быть, покажутся пошлыми, поэтому я не стану приводить ихъ здѣсь. Имъ эти вещи не казались пошлыми.

Когда, наконецъ, они вышли на большую Вортлейскую дорогу, молчаливыя деревья были черны, какъ чернила, а ея лицо при лунномъ свѣтѣ казалось блѣднымъ и страннымъ, а глаза сіяли, какъ звѣзды. Она все еще несла въ рукѣ вѣтку терновника, хотя блѣденькіе цвѣточки почти всѣ осыпались. Желтофіоли продолжали благоухать. Издали, смягченная разстояніемъ, доносилась музыка. Это Вортлейскій оркестръ первый разъ въ этомъ году игралъ на площадкѣ передъ домомъ викарія, игралъ медлительную и сантиментальную арію. Не знаю, извѣстна ли читателю эта любимая пѣсенка начала восьмидесятыхъ годовъ, нѣжная, съ медленнымъ темпомъ и съ постояннымъ припѣвомъ „пумъ-пумъ“. Это „пумъ-пумъ“ звучало удивительно весело, до странности весело въ сравненіи съ плачевнымъ напѣвомъ и грустнымъ содержаніемъ пѣсни. Но молодежь воспринимаетъ все по своему.

— Люблю музыку,—сказала она.

— И я.

Они стали спускаться по крутому наклону Вестъ-стрита, прошли мимо оркестра, вѣнчавшаго теперь во всю своими мѣдными и кожаными инструментами, сквозь полосу свѣта, исходившаго отъ небольшого круга желтыхъ лампъ. Многіе видѣли ихъ и дивились, до чего нынче дошли мальчишки и дѣвчонки, а одинъ очевидецъ, рассказывая объ этомъ вполслѣдствіи, даже нашелъ такое поведеніе „безстыдствомъ“. Мистеръ Льюисгэмъ былъ въ своей четырехугольной студенческой шапочкѣ—не узнать его было нельзя. Они прошли мимо школы и увидали въ рамкѣ окна за стекломъ желтую фигуру м-ра Боновера, дежурившаго за своего отсутствовавшего помощника. Передъ домомъ Фробисперовъ они, наконецъ, разстались—поневолѣ.

— Прощайте,—повторилъ онъ въ третій разъ,—прощайте, Этель.

Она колебалась, потомъ вдругъ кинулась къ нему. Онъ почувствовалъ ея ручки на своихъ плечахъ и ея мягкія,

теплыя губки на своей щекѣ, но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ схватить ее въ объятія, она ускользнула и скрылась въ тѣни дома.—Прощайте,—прозвенѣлъ оттуда нѣжный ласковый голосокъ и, пока онъ придумывалъ, что отвѣтить, дверь отворилась.

Онъ увидалъ ея темную фигуру въ дверяхъ, услыхалъ какія-то невнятные слова; потомъ дверь захлопнулась, и онъ остался одинъ. Луна свѣтила по прежнему, щека его еще горѣла отъ ея поцѣлуя...

Такъ кончился первый день знакомства м-ра Льюисгэма съ Любовью.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ вопросу о „положительныхъ“ и „отрицательныхъ“ сторонахъ капитализма.

Уже давно, очень давно русскіе марксисты утверждаютъ, что только они одни какъ слѣдуетъ поняли ту великую истину, что капитализмъ имѣетъ не только „темныя“, но и „свѣтлыя“ стороны (В. Богучарскій), что онъ есть „факторъ, не только разрушающій, но и создающій“ (П. Струве), что онъ имѣетъ не только „отрицательныя“, но и „положительныя“ стороны (Туганъ-Барановскій). Уже давно они твердятъ, что, напротивъ того, „народники“ ни за что не хотятъ видѣть въ капитализмѣ хорошихъ сторонъ, а только одни дурныя; что для народниковъ капитализмъ — „зло“, и только; они и не видятъ, что „это зло есть огромный факторъ культурнаго процесса“ (П. Струве). Отсюда и заключаютъ наши марксисты, что ихъ антагонисты — которыхъ они почти безъ разбору обозначаютъ одною кличкой „народниковъ“ — не знаютъ и не понимаютъ Маркса, не цѣнятъ промышленнаго прогресса, и готовы пожертвовать имъ изъ-за своей любви къ „мужичку“, который закованъ въ своихъ заплесневѣлыхъ „устояхъ“, и котораго промышленный прогрессъ грозитъ вышибить изъ вѣкового сна, освободивъ отъ обузы — земли. Отсюда вытекали, наконецъ, и дальнѣйшіе ихъ выводы — о томъ, что экономическая программа „народничества“ реакціонна, что народничество есть, въ сущности, течение мелкобуржуазное, что народники только воображаютъ себя прогрессистами, а на дѣлѣ они консервативны, желая приостановить „колесо исторіи“, etc., etc.

Уже отсюда видно, насколько „кардинальнымъ“ вопросомъ въ спорѣ между такъ называемыми марксистами и защитниками „идейнаго наслѣдства 70-хъ годовъ“ является вопросъ о „положительныхъ“ и „отрицательныхъ“ сторонахъ капитализма. Вплотную заняться этимъ вопросомъ, разъяснить, въ чемъ, дѣйствительно, сходятся и расходятся здѣсь обѣ стороны и что является въ спорахъ лишь плодомъ недоразумѣнія, кажется мнѣ задачей чрезвычайно важною. Ее однажды поставилъ себѣ въ „Русскомъ Богатствѣ“ Вл. Короленко, взявши исходнымъ пунктомъ для своей

статьи слова также человѣка 70-хъ г.г. Н. В. Шенгунова: „Пробуждающійся промышленный геній русскаго народа является новою движущею силою, развитіе которой внесетъ въ жизнь массу новыхъ понятій и отношеній“.

Намѣреваясь въ этой статьѣ освѣтить данный вопросъ въ связи съ той стороною ученія Маркса, на которую, какъ мнѣ кажется, русскіе ученики его обращали до сихъ поръ мало вниманія, я считаю въ высшей степени цѣлесообразнымъ привести здѣсь важнѣйшія мѣста, въ которыхъ Вл. Короленко сформулировалъ основную точку зрѣнія „Русскаго Богатства“ въ данномъ вопросѣ. „Развитіе промышленнаго генія — говоритъ онъ — есть несомнѣнное благо. Оно усиливаетъ человѣка, его значеніе и силу его мысли среди неосмысленной природы. Оно усложняетъ человѣка и, значитъ, вноситъ также новые моменты въ самую жизнь общества. Такимъ образомъ, необходимость техническаго прогресса не подлежитъ спору. Слѣдуетъ только при всѣхъ дальнѣйшихъ спекуляціяхъ съ этимъ понятіемъ твердо помнить, что „промышленный геній“ и „капитализмъ“ — понятія далеко не тождественныя. Капитализмъ есть лишь условіе, и при томъ далеко не лучшее изъ мыслимыхъ условій, сопровождающихъ эволюцію „промышленнаго генія“ человѣчества. Последнее есть несомнѣнно благо *само въ себѣ*, родившееся еще въ тѣ древнія времена, когда человѣкъ впервые освѣтилъ мракъ и холодъ ночи открытіемъ огня, и ведущее его въ будущемъ къ безконечнымъ завоеваніямъ.... Капитализмъ же „самъ въ себѣ“ есть лишь временное условіе, внѣшняя оболочка, историческій костюмъ и при томъ такой, въ которомъ европейская идеологія давно уже вскрыла неудобства и прорѣхи, теперь видныя и простому, невооруженному глазу. Развитіе промышленнаго генія есть процессъ глубоко „человѣчный“, условіе же, о которомъ мы говоримъ, само въ себѣ, наоборотъ, многими своими сторонами противочеловѣчно...“ „Намъ приходится, или, вѣрнѣе, пришлось уже принимать вѣстѣ съ вышеуказаннымъ благомъ и его оболочку, это ясно. Въ первыя времена послѣ освобожденія крестьянъ русскій мыслящій человѣкъ останавливался въ раздумьи на распутьи, такъ сказать, разныхъ дорогъ русскаго прогресса. И ему казалось, что онъ можетъ получить сущность извѣстнаго блага, самое развитіе „промышленнаго генія“ безъ данной его исторической оболочки“.

Исторія во многомъ рѣшила иначе. Это, однако, не значитъ, чтобы соотвѣтствующія усилія „русскаго мыслящаго человѣка“ были напрасны. Исторія, въ концѣ концовъ, всегда представляетъ равнодѣйствующую силу, тянущихъ влѣво и тянущихъ вправо. И если она по этому самому не совпадаетъ съ тенденціей силъ, влекущихъ ее влѣво, этимъ еще ничего не сказано противъ ихъ *raison d'être*. Напротивъ. Въ равнодѣйствующей учтено и дѣйствіе лѣвыхъ силъ. Не будь ихъ вовсе, равнодѣйствующая могла

бы отклониться вправо еще сильнѣе. У исторіи нужно запрашивать большее, чтобы получить что-нибудь. И потому, на нашъ взглядъ, и сейчасъ, не смотря на всѣ уроки исторіи, — а лучше сказать, въ силу этихъ уроковъ—правы будутъ не тѣ, кто будетъ изывать: „смертный, силѣ насъ гнетущей, покоряйся и терпи“ — разъ капитализмъ развивается, „признаемъ нашу некультурность и пойдемъ на выучку къ капитализму“,—а тѣ, кто, по примѣру нашихъ славныхъ предшественниковъ, хотя и будетъ видѣть въ капитализмъ неизбѣжную временами оболочку желательнаго для насъ развитія „промышленнаго генія“, но въ то же время будетъ дѣлать между тѣмъ и другимъ строгое различіе, и въ каждый данный моментъ будетъ дѣлать все возможное для того, чтобы свести на *minimum* первое и доводить *maximum* а второе. Высшій критерій остается тотъ же: желательно развитіе производительныхъ силъ, но, по скольку лишь это отъ насъ зависитъ, въ процессѣ *некапиталистической* эволюціи. Для этого должны быть использованы всѣ условія, всѣ формы народной жизни, всѣ взгляды и привычки, которые могутъ содѣйствовать росту производительныхъ силъ, коопераціи, солидарности, и которые въ то же время существуютъ внѣ капитализма, и вызваны (или могутъ быть вызваны) къ жизни не имъ. И, само собой разумѣется, предварительно должна быть расчищена дорога для этой некапиталистической эволюціи—дорога широкая и свободная отъ внѣшнихъ давящихъ препятствій. Болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ была установлена эта точка зрѣнія, и въ существѣ нѣтъ надобности и сейчасъ отказываться отъ нея.

„Прогрессъ, — продолжаетъ В. Короленко, развернулся въ возможныхъ по данному времени условіяхъ, и благо, которое онъ съ собою несетъ, значительно превышаетъ сопряженные съ „условіями“ неудобства. Однако, эти неудобства существуютъ, и они громадны... И вотъ почему особенно важно не только помнить, но и никогда не упускать изъ виду, что сущность „промышленнаго генія“ — одно, а условія процесса — другое. И поэтому, въ видахъ правильной перспективы... необходимо, чтобы ни одна капля энтузіазма и преклоненія, довлѣющаго „человѣческому благу“, не расточалась на „условія“ и „обстановку“. Между тѣмъ, мы, русскіе люди, очень склонны ко всякимъ преувеличеніямъ и абераціямъ... Мы считаемъ себя порой какъ бы призванными прославлять не только сущность процесса, но и его обстановку“.

Казалось бы, что эти положенія являются настолько самоочевидной истиной, что ихъ не требуется даже подробно развивать, мотивировать, обновлять; казалось бы, ихъ совершенно достаточно для того, чтобы разсѣять всякія недоразумѣнія и установить дальнѣйшую почву для серьезнаго и вполне дружескаго общія мнѣній, безъ всякихъ преувеличеній, безъ возведенія мыслей противниковъ въ квадратъ, а тѣмъ болѣе безъ тенденціоз-

ныхъ, хотя и бессознательныхъ искаженій. На дѣлѣ, однако, оказалось иное. На статью Вл. Короленко въ различныхъ марксистскихъ и полу-марксистскихъ органахъ отозвались возгласами полнаго недоумѣнія. Въ одномъ кратко отвѣчали: о чемъ вы говорите? когда мы завели рѣчь о „промышленномъ геніѣ“, такъ мы именно капитализмъ подъ этимъ и разумѣли! Въ другомъ—болѣе политично отозвались, что дальнѣйшее обсужденіе того же вопроса покажетъ, насколько тѣснѣ въ реальной дѣйствительности связь „оболочки“ съ „сущностью“ хозяйственного блага, чѣмъ это представляется Вл. Короленкѣ. Но „дальнѣйшаго обсужденія“ просто не вослѣдовало... и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ все осталось по старому *). И въ этомъ заключается достаточное основаніе для возвращенія къ вопросу о „положительныхъ“ и „отрицательныхъ“ сторонахъ капитализма.

Пишущій эти строки имѣлъ уже случай вполне опредѣленно высказаться по этому вопросу. „Мы нисколько не отрицаемъ зерна истины въ томъ положеніи, что „капитализмъ заключаетъ въ самомъ себѣ и разрушительныя, и созидательныя силы“, или, согласно другой подобной же формулировкѣ, имѣетъ не только „темныя“, но и „свѣтлыя“ стороны, не только „отрицательныя“, но и „положительныя“. Но мы... во избѣжаніе всякой двусмысленности и всякихъ недоразумѣній, оговариваемся, что „созидательныя“ или „положительныя стороны капитализма, собственно говоря, принадлежатъ не капитализму, какъ таковому, т. е. какъ *опредѣленной формѣ* общественнаго сочетанія силъ,—а самому этому сочетанію силъ, крупному производству, коопераціи, независимо отъ ея формы“ („Р. Б.“ 1900, № 4, стр. 140). Именно этого-то и не видятъ наши марксисты. Они систематически смѣшиваютъ конкретную, преходящую историческую форму съ постояннымъ нарастающимъ содержаніемъ, и съ легкимъ сердцемъ относятъ на счетъ *капитализма, какъ таковаго*, все, что вытекаетъ и изъ первой, и изъ второго. А затѣмъ уже становится нетруднымъ пѣть гимны не только капитализму, но даже и „ростовщичеству-кулачеству“, какъ „фактору прогресса“. Это и есть та самая „абerraція“, про которую говорилъ Вл. Короленко. Атрибутомъ капитала (т. е. узкой и тѣсной исторической оболочки развитія производительныхъ силъ, данныхъ общественныхъ рамокъ, въ которыя заключенъ „промышленный геній“) неправильно считается то, что на самомъ дѣлѣ причинно связано съ кроющимся за этой оболочкой содержаніемъ—содержаніемъ, которому въ этой оболочкѣ всегда болѣе или менѣе тѣсно, которое находится со своею оболочкой въ отношеніяхъ постоянного антагонизма. За иллюстраціей ходить недалеко.

*) Такъ, напр., упреки въ «экономической» реакціонности повторены вновь въ прежней формѣ въ совсѣмъ недавно вышедшей книгѣ г. Бердяева. № 4. Отдѣлъ I.

Такъ, напримѣръ, возьмемъ *общественную производительную силу труда*. И по отношенію къ ней не только возможна, но и постоянно имѣетъ мѣсто та же абберрація. Психологическій процессъ, которымъ она создается, проанализированъ Марксомъ съ тѣмъ свойственнымъ ему мастерствомъ, которому мы удивляемся, напримѣръ, въ особенно удачныхъ страницахъ, посвященныхъ характеристикѣ „товарнаго и денежнаго фетишизма“.

Всякая кооперація,—говоритъ Марксъ *)—какъ простая, такъ и сложная, имѣетъ свойство увеличивать производительность труда. „Сила натиска кавалерійскаго эскадрона, или сила сопротивленія батальона пѣхоты существенно отличны отъ силы натиска и сопротивления, которую могли бы оказать отдѣльно взятые кавалеристы и пѣхотинцы“. Эта новая, *совокупная* ихъ сила, такимъ образомъ, вовсе не равняется простой, механической суммѣ отдѣльных, индивидуализированныхъ силъ, а значительно превосходитъ ее, даетъ эффекты, которыхъ то же количество силъ въ состояніи разъединенія дать бы не могло. Итакъ, самый фактъ координированности этихъ силъ даетъ извѣстный плюсъ, извѣстный прибавокъ къ итогу произведеннаго ими вліянія. То же и въ производительной дѣятельности. „Точно такъ же сумма механическихъ силъ отдѣльныхъ работниковъ отлична отъ механической силы, развивающейся въ то время, когда множество рукъ участвуютъ сообща и одновременно въ одной и той же нераздѣльной операціи. То дѣйствіе, которое совершаетъ при этомъ комбинированный трудъ, либо *вовсе* не могло бы быть достигнуто одиночными усиліями отдѣльныхъ работниковъ, либо могло бы быть исполнено ими только въ гораздо болѣе продолжительный періодъ времени, или только въ ничтожномъ разиѣрѣ. Здѣсь дѣло идетъ не только объ увеличеніи, посредствомъ коопераціи, индивидуальной производительной силы, но о *созданіи особенной производительной силы*—силы массы“ **).

Общественная производительная сила труда, слѣдовательно, какъ разъ и проявляется въ томъ плюсѣ, въ той прибавкѣ къ механической суммѣ вліянія изолированныхъ индивидуальныхъ силъ, который вытекаетъ изъ одного факта совмѣстности, совокупности ихъ дѣйствія. Плюсъ этотъ, какъ мы видѣли, отчасти обусловливается общими механическими законами силъ, отчасти, какъ мы увидимъ ниже, чисто-психологическими законами, проявляющимися во всѣхъ явленіяхъ коопераціи. „Помимо новой потенциальной механической силы, возникающей изъ сліянія многихъ силъ въ одну общую силу, уже простое общественное соприкосновеніе порождаетъ между работниками въ большей части производительныхъ работъ особенное соревнованіе, особенное возбужденіе духа,

*) Кап., т. I, стр. 278. (цитирую, какъ и ниже, по второму русскому изданію).

**) Кап., I, 278.

которое увеличиваетъ индивидуальную способность къ труду *каждаго отдѣльнаго работника*“. Этотъ психологическій феноменъ генетически однороденъ хотя бы съ тѣмъ, который формулируется пословицей: „на міру и смерть красна“ *). Психическая энергія толпы, массы совершенно такъ же не можетъ быть сведена на механическую сумму психическихъ энергій отдѣльныхъ лицъ, какъ и механическая сила ея дѣйствія. И тамъ, и здѣсь она вырастаетъ въ своеобразную новую силу.

Въ простой формѣ коопераціи, при непосредственно-общественномъ контролѣ за ея дѣйствіями, никакой аберраціи получиться не можетъ. Всякія мірскія, общинныя, артельныя работы даютъ мѣсто развиваться и проявиться *общественной* производительной силѣ и безошибочно показываютъ истинный источникъ созданія этой новой силы—сложеніе, кооперацію, координированіе отдѣльныхъ усилій. Именно этотъ фактъ и отмѣченъ малороссійской пословицей: „громада—великій человекъ“.

Иное получается при *капиталистическомъ* приложеніи коопераціи, *капиталистической* эксплуатаціи „общественной производительной силы труда“. Кооперація наемныхъ работниковъ есть просто дѣйствіе того капитала, который употребляетъ ихъ одновременно для своихъ цѣлей. Взаимная связь ихъ функций и ихъ единство, какъ одного обширнаго производительнаго тѣла, лежитъ *внѣ ихъ*, а именно въ томъ капиталѣ, который свелъ ихъ и держитъ ихъ вмѣстѣ...**) „Рабочіе, какъ независимыя личности, представляютъ собою отдѣльныя единицы, которыя вступаютъ въ нѣкоторое отношеніе къ одному и тому же капиталу, но не одна къ другой. Ихъ кооперація начинается впервые только въ процессѣ труда; но въ процессѣ труда они перестали уже принадлежать самимъ себѣ. Со вступленіемъ въ этотъ процессъ они входятъ въ составъ капитала. Какъ кооперирующіе между собою работники, какъ члены одного работающаго организма, они представляютъ собою только особенную форму существованія капитала. Поэтому, та производительная сила, которую работникъ развиваетъ, какъ общественный работникъ, есть производительная сила капитала. Общественная производительная сила труда развивается безвозмездно, какъ бы само собою, каждый разъ, какъ только работникъ будетъ поставленъ въ извѣстныя опредѣленныя условія; а капиталъ ставитъ его именно въ эти условія. Такъ какъ общественная производительная сила труда не стоитъ капиталу ничего, и такъ какъ, съ другой стороны, она *не можетъ быть обнаружена работникомъ прежде, чѣмъ самый трудъ его уже станетъ принадлежать капиталисту*, то она

*) Кап., I, 278—279.

**) Кап., I, 284.

представляется производительной силой, дарованной капиталу отъ природы, производительной силой капитала“)*.

Самостоятельный производитель-работникъ, для котораго всё отношенія его въ коопераціи къ другимъ равноправнымъ работникамъ были совершенно ясны и прозрачны, безошибочно опредѣлялъ источникъ этого приращенія силы. Кооперирующая масса работниковъ есть уже нѣкоторое новое цѣлое съ новыми, приращенными силами: громада—великій человѣкъ. Для того же работника, сначала насильственно оторваннаго отъ средствъ производства, нагулявшагося, намыкавшагося по бѣлу свѣту въ качествѣ предоставленной собственнымъ силамъ единицы, а потомъ снова „припущеннаго“ къ средствамъ производства, отношенія затемняются. „Капиталъ“ вырастаетъ для него въ самостоятельную производительную силу, тѣ эффекты, которые раньше имъ безошибочно относились на счетъ „громады“ самихъ работниковъ, теперь относятся къ тяготящей надъ нимъ громадѣ капитала... Но любопытно, что въ ту же абerraцію легко впадаетъ не только рабочій пролетарій, но даже и его близорукій идеологъ. Если этотъ идеологъ согласенъ признавать живымъ воплощеніемъ трудового принципа только оторваннаго отъ средствъ производства пролетарія; если онъ презрительно отворачивается отъ такого же рабочаго, только отъ средствъ производства еще не оторваннаго; если онъ игнорируетъ всё отношенія, создающіяся на почвѣ коопераціи самостоятельныхъ производителей, съ презрительной увѣренностью „развѣ что можетъ быть добраго изъ Назарета“—то при такомъ суженіи своего кругозора и ему нетрудно впасть въ ту же ошибку: замѣтить общественную производительную силу труда лишь какъ атрибутъ капитала, ибо вѣдь „она можетъ быть обнаружена... не прежде, чѣмъ самый трудъ уже станетъ принадлежать капиталисту“, а потому „она представляется производительной силой, присущей капиталу“...

За иллюстраціей этого ходить недалеко. Нашъ экономистъ, М. И. Туганъ-Барановскій, принадлежалъ именно къ числу такихъ *одностороннихъ* идеологовъ труда. Односторонне концентрируя свое вниманіе на созданіи общественной производительной силы подъ эгидой капитала, онъ пришелъ, наконецъ, къ той самой абerraціи, которая такъ мастерски обнаружена и выведена, такъ сказать, на чистую воду, его великимъ учителемъ, Марксомъ...

Какъ извѣстно, недавно М. И. Туганъ-Барановскій повѣдалъ со страницъ „Научнаго Обзорнія“ *urbi et orbi* о произведенномъ имъ переворотѣ въ наукѣ—упраздненіи теоріи Маркса въ ея цѣломъ и выработкѣ изъ ея элементовъ „новой теоріи“. Такъ вотъ, по этой-то новой теоріи, между прочимъ, и выходитъ, что

*) Кап., I, 286.

„капиталъ, напимѣрь, такой же реальный факторъ цѣны, какъ и трудъ. Можно относить на долю труда все, создаваемое капиталомъ, но нельзя игнорировать создаваемого капиталомъ. Въ дѣйствительности, въ производствѣ цѣнныхъ продуктовъ, а слѣдовательно и въ созданіи цѣнности, какъ основы (?) цѣны, участвуютъ какъ трудъ, такъ и капиталъ“. „Въ результатъ производства получается увеличеніе цѣны: цѣна продукта превышаетъ цѣну затраты, и этотъ избытокъ есть прибыль капиталиста. Откуда является этотъ избытокъ цѣны, а, слѣдовательно, и цѣнности?.. избытокъ этотъ, реально, въ такой же мѣрѣ продуктъ капитала, какъ и труда“. „Въ дѣлѣ созданія прибыли капиталъ эквивалентенъ труду“. „Въ дѣйствительности, трудъ производителенъ какъ разъ въ той же мѣрѣ, какъ и капиталъ“*).

И при болѣе общей постановкѣ вопроса, если мы спросимъ: создаютъ-ли новую цѣнность и орудія труда, а не только живой трудъ? возможна та же аберація и въ силу тѣхъ-же условий. Для непосредственнаго производителя или для товарищества непосредственныхъ производителей все дѣло до нельзя ясно и прозрачно. Если этотъ производитель, вмѣсто того, чтобы прикладывать трудъ непосредственно къ данному процессу производства, часть этого труда затратить на изготовленіе вспомогательнаго средства или орудія производства, то, понятно, онъ этимъ съэкономитъ извѣстную часть усилій. Приступивши съ новымъ инструментомъ къ тому-же процессу производства, онъ получитъ то же количество продукта при меньшихъ затратахъ труда или при той-же затратѣ труда большее количество продуктовъ. Въ чемъ сущность происшедшаго хозяйственнаго измѣненія? Это просто и ясно: въ томъ, что работникъ нашелъ способъ болѣе производительно приложить тотъ-же самый трудъ, болѣе цѣлесообразно выѣшаться въ стихійную игру природныхъ силъ, вслѣдствіе этого *его трудъ сталъ производительнѣе, ему легче стало отвоевать у природы извѣстное* необходимое для него количество благъ. Эти блага стали доставаться ему дешевле, *цѣнность* ихъ для него понизилась. Ему стоитъ меньшихъ затратъ, меньшихъ усилій, меньшаго напряженія получать эти блага, они обходятся ему не такъ дорого. Переводя съ этого субъективно-психологическаго языка на объективно-научный, мы скажемъ: цѣнность единицы продукта упала вслѣдствіе повышенія производительности труда.

Такъ просто обстоитъ дѣло съ точки зрѣнія непосредственнаго производителя. Для него всякій инструментъ, всякое орудіе — только пассивный продуктъ его собственнаго труда, только мертвый придатокъ къ его рукъ. Иначе для производителя, *оторваннаго* отъ средствъ производства, и вновь, послѣ долгихъ мы-

*) М. И. Туганъ-Барановскій «Трудовая цѣнность и прибыль», стр. 622—623, 632.

тарствъ, къ нимъ „припущеннаго“. Уже не инструментъ по отношенію къ нему есть мертвый, пассивный „придатокъ“—нѣтъ, онъ самъ „придатокъ къ машинѣ“, по рѣзкому выраженію Маркса. Машина для него уже властная, тяготящая надъ нимъ внѣшняя сила. Средства производства, выдѣлившись въ самостоятельную социальную категорію, какъ-бы одухотворились, получили самостоятельное бытіе, выдѣлились въ „независимый факторъ производства“ и выступили съ своеобразными притязаніями даже на полъ теоретической мысли. Близорукій идеологъ труда, отрозненаго отъ средствъ производства, задумывается надъ, казалось-бы, столь простымъ фактомъ, какъ увеличеніе производительности труда. Ему уже кажется, что въ сравнительной оцѣнкѣ роли труда и машины, послѣдняя несправедливо обижена въ пользу перваго. Почему она — мертвый результатъ, мертвый продуктъ производства? Почему ея цѣнность опредѣляется величиной создаваемаго ею труда? Почему машина не можетъ сама создавать цѣнности?

„Въ дѣлѣ созданія цѣнныхъ предметовъ рѣшительно никакого принципиальнаго различія между человѣкомъ и машиной не существуетъ. Человѣкъ и машина въ этомъ отношеніи вполне эквивалентны“. Болѣе того, роль машины, „въ дѣлѣ созданія цѣнныхъ предметовъ“ все растетъ, а роль труда сравнительно все уменьшается. „Повышеніе производительности труда есть не что иное, какъ другое выраженіе для обозначенія паденія роли труда въ общихъ затратахъ производства. Понятное дѣло, что если общій результатъ работы Петра и Ивана я считаю работой Петра, то чѣмъ больше сработалъ Иванъ, тѣмъ производительнѣе я долженъ считать трудъ Петра. Марксъ повѣрилъ, что Иванъ, дѣйствительно, ничего не дѣлаетъ, и заключилъ: если Иванъ беретъ на себя работу Петра—если машина замѣщаетъ рабочаго—значитъ, ихъ общая выработка сокращается“. Отсюда и необходимость реформы въ политической экономіи, чтобы исправить ошибку Маркса. „Трудовая теорія цѣнности, въ примѣненіи къ реальнымъ фактамъ, должна быть конструирована такимъ образомъ, чтобы эквивалентность человѣка и машины находила себѣ въ ней выраженіе“ *).

Словомъ, опять получается тотъ-же выводъ: въ дѣлѣ созданія цѣнности капиталъ — и даже болѣе того, средства производства вообще—эквивалентны труду. Производительная сила труда и въ частности его общественная производительная сила — употребляя формулировку Маркса—„представляется производительной силой, дарованной капиталу отъ природы, производительной силой капитала“.

Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробности цѣлаго ряда ошибокъ и смѣшеній, допущенныхъ М. И. Туганъ-Барановскимъ въ его критикѣ экономической теоріи Маркса. Мимоходомъ лишь

*) Ibid., стр. 624—625.

укажу, какъ грубо смѣшиваетъ онъ роль машины „въ созданіи цѣнныхъ предметовъ“ съ ея ролью „въ созданіи цѣнности“, какъ будто *цѣнность* и цѣнный *предметъ*, мѣновая и потребительная цѣнность тождественны! или съ какимъ постоянствомъ онъ смѣшиваетъ роль средствъ производства вообще съ ихъ ролью въ формѣ капитала! Здѣсь М. И. Туганъ - Барановскій насъ интересовалъ лишь въ качествѣ простого примѣра, живой иллюстраціи къ словамъ Маркса о тѣхъ aberrацияхъ, о томъ фетишированіи машины и капитала, которыя вытекаютъ изъ сложныхъ и противорѣчивыхъ явленій буржуазнаго хозяйственнаго строя.

Нетрудно понять, какимъ психологическимъ процессомъ дошелъ М. И. Туганъ - Барановскій до своихъ новыхъ открытій. Онъ явился жертвою того настроенія, которое охватило нашихъ марксистовъ въ ихъ борьбѣ за существованіе съ другими литературно-общественными теченіями. Увлечшись полемикою противъ „народничества“, русскіе марсисты принялись на всѣ лады превозносить положительную миссію капитала. Тѣмъ самымъ они встали на „вѣроломную покатость“, которая кончалась въ болотѣ вульгарной апологетики капитализма. И увы! далеко не всѣ во время замѣтили это и спохватились. Большинство сдѣлало цѣлый рядъ шаговъ по наклонной плоскости, одни дальше, другіе ближе. Нѣкоторые сами замѣтили, что оказались совсѣмъ по сосѣдству съ вульгарными экономистами, и—подобно М. И. Туганъ-Барановскому—принялись иронизировать надъ выходками Маркса противъ вульгарныхъ экономистовъ. Оказалось, напримѣръ, что Марксъ, будто-бы, въ сущности, „уступаетъ вульгарнымъ экономистамъ все, чего они требовали“ путемъ „хитрой стратегической операціи“, исполненной „съ неподражаемымъ искусствомъ“, а потомъ торжествуетъ надъ ними мнимую побѣду *). Слова „вульгарный“ и „буржуазный“ столпы нашего марксизма уже заключаютъ въ убійственно-ироническія ковычки, въ которыхъ раньше заковывали только многогрѣшную „интеллигенцію“, да любезнаго ей „мужичка“.

Сущность той ошибки, въ которую впадаютъ при этомъ наши „марксисты“ (послѣ упраздненія ими экономической теоріи Маркса, мнѣ кажется, имѣю право и я не употреблять этого термина безъ ковычекъ), заключается въ слѣдующемъ. *Форму* современной крупной промышленности они смѣшиваютъ съ *содержаніемъ*. Какъ бы ни былъ организованъ хозяйственный строй, какова ни была-бы форма производства, обмѣна и распредѣленія благъ, подъ разными этими оболочками кроется одно и то же нарастающее содержаніе — общественный процессъ производства, кооперація силъ, дѣйствующихъ при развивающейся Technikѣ и при растущей производительности труда. Въ каждый данный историческій мо-

*) М. Туганъ-Барановскій, *op. cit.*, стр. 620.

ментъ форма и содержаніе хозяйственнаго положенія народа представляютъ, однако, само собою разумѣется, одно цѣлое. Въ социальныхъ результатахъ функционированія этого „цѣлага“ нужно опредѣлить, что именно изъ этихъ результатовъ является социальной функціей данной общественной оболочки производственнаго процесса, и что—функціей извѣстной степени, извѣстной высоты развитія самого этого процесса и входящихъ въ него составныхъ элементовъ. Смѣшеніе того и другого, отнесеніе на счетъ общественной формы процесса того, что на самомъ дѣлѣ вытекаетъ просто изъ природы обобществленнаго труда, и наоборотъ—отнесеніе на счетъ природныхъ условій всякаго производства отрицательныхъ явленій, вытекающихъ изъ преходящей общественной организаціи его—такова обычная ошибка вульгарной экономіи. Такъ, мальтузіанство пыталось представить, какъ неизбежное слѣдствіе самой природы всякаго производственнаго процесса—несоотвѣтствіе между ростомъ продукта и ростомъ населенія. Марксъ устранилъ это смѣшеніе, доказавъ, что „законъ народонаселенія Мальтуса“ есть законъ, дѣйствующій въ капиталистическомъ строѣ и вытекающій изъ несовершенство этого строя, а вовсе не изъ самой природы производственнаго процесса. А вотъ обратный примѣръ. Вульгарный экономистъ думаетъ найти апологію власти капитала въ томъ обстоятельствѣ, что капиталъ исполняетъ полезную функцію: верховной организаціи, контроля и управленія производствомъ. Это на дѣлѣ ошибочно. Въ современномъ обществѣ „капиталистъ не потому капиталистъ, что онъ въ промышленности всегда играетъ роль распорядителя, но онъ играетъ роль распорядителя въ промышленности именно потому, что онъ—капиталистъ. Главенство въ сферѣ промышленности становится атрибутомъ капитала, все равно, какъ въ феодальную эпоху начальство на войнѣ и предсѣдательство въ судѣ было атрибутомъ поземельной собственности. Поэтому Ог. Контъ и его школа могли бы доказать вѣчную необходимость существованія феодальныхъ бароновъ тѣми же доводами, какими они доказывали это по отношенію къ капиталистамъ“. Разсматриваемая методологически, ошибка вульгарнаго экономиста, утверждаетъ Марксъ, состояла въ слѣдующемъ: „при разсмотрѣніи капиталистическаго способа производства, онъ отождествляетъ функцію управленія, *поскольку она вытекаетъ изъ самой природы общественнаго процесса труда*, съ той же самой функціей, *поскольку она обуславливается капиталистическимъ, а, слѣдовательно, антагонистическимъ характеромъ этого процесса*“ *).

И Марксъ вездѣ самымъ тщательнѣйшимъ образомъ проводить это различіе. Такъ, говоря о мануфактурномъ раздѣленіи труда, онъ не упускаетъ случая замѣтить: „наконецъ, это раздѣ-

*) Кап., I., 285.

леніе труда представляетъ особенный родъ коопераціи, и многія изъ его *выгодныхъ* сторонъ возникаютъ изъ *общей сущности* коопераціи, а не изъ какихъ либо *спеціальныхъ* достоинствъ именно этой особенной формы ея“ *). Переходя къ введенію въ производство новаго фактора, машины, онъ прибавляетъ: „здѣсь, какъ и вездѣ, слѣдуетъ различать увеличеніе производительности, исходящее отъ развитія общественнаго процесса производства, отъ увеличенія производительности, зависящаго отъ капиталистической эксплуатаціи этого процесса“ **). Къ сожалѣнію, все это для марксистовъ осталось „тонкостями“, которыхъ они „и не примѣтили“. Выгодныя стороны развитія производительности труда цѣликомъ, безъ всякихъ разграниченій, для нихъ представляется дѣломъ капитализма—слава же капитализму, и пойдемъ на встрѣчу капитализму! Выгодныя стороны коопераціи точно также цѣликомъ относятся на счетъ капиталистической формы коопераціи—капитализмъ соединяетъ и обобществляетъ людей,—слава же капитализму, будемъ привѣтствовать всякій шагъ капитализма въ его „торжественномъ шествіи по всѣмъ языкамъ“!

Марксисты совершенно искренно и добросовѣстно убѣждены, что „народники“—враги промышленнаго прогресса. Къ этому заключенію, со своей точки зрѣнія, они пришли вполне логично. Вотъ, напр., какъ рассуждаетъ объ этомъ г. Туганъ-Барановскій въ своей книгѣ о „Русской фабрикѣ“. У Н. К. Михайловскаго онъ нашелъ слѣдующее мѣсто: „Кредитъ, промышленность, эксплуатація природныхъ силъ страны—все это вещи сами по себѣ прекрасныя... Но, тѣмъ не менѣе, всѣ эти сами по себѣ прекраснѣйшія вещи, если они направлены не ко благу непосредственно трудящихся классовъ, а ко благу пирамидальнаго общественнаго цѣлаго, даютъ прискорбнѣйшіе результаты... Развитие кредита въ нашемъ отечествѣ, если онъ не будетъ особыми путями направленъ ко благу народа, дастъ только средства обирать народъ. Всякому извѣстно, что когда акціонерная компанія беретъ на себя какое-нибудь производство, то она раззоряетъ въ районѣ своихъ дѣйствій всѣ мелкія хозяйства и вводитъ нищету... Поэтому всякому понятно, что вся публицистика, ратующая за развитие кредита въ нашемъ отечествѣ, за умноженіе акціонерныхъ обществъ въ Россіи, за развитие отечественной промышленности ратуетъ за гибель и нищету русскаго народа“ ***). Этого для М. И. Туганъ-Барановскаго вполне достаточно. „Такимъ образомъ“, — говоритъ онъ—„мы имѣемъ предъ собой экономическую программу, въ которой развитіе отечественной промышленности прямо объ-

*) Кап., I., 291.

**) Кап., I., 369

***) Цитата взята изъ «Собранія сочиненій» Н. К. Михайловскаго, т. I стр. 833—834.

является равносильнымъ нищетѣ и гибели русскаго народа. Единственнымъ средствомъ спасенія русскаго народа отъ гибели, *слѣдовательно*, является прекращеніе промышленнаго развитія Россіи“ *).

Какъ хорошо это „слѣдовательно“! М. И. Туганъ-Барановскій забылъ даже слова своего учителя, Карла Маркса, — „національное богатство есть нищета народа“. Онъ не видитъ, что слова Н. К. Михайловскаго есть только перефразировка этихъ словъ: вмѣсто *національнаго* богатства поставлено „развитіе *отечественной* промышленности“, вмѣсто „*нищеты* народа“ — „нищета и гибель“. Но, можетъ быть, и слова Маркса отскочать отъ логики М. И. Туганъ-Барановскаго, какъ отъ каменной стѣны? Можетъ быть, онъ отвѣтитъ: „такимъ образомъ, здѣсь (у Маркса) мы имѣемъ передъ собой экономическую программу, въ которой развитіе національнаго богатства прямо объявляется равносильнымъ нищетѣ народа. Единственнымъ средствомъ спасенія народа отъ нищеты, *слѣдовательно*, является прекращеніе во всѣхъ странахъ роста національнаго богатства“.

Логика М. И. Туганъ-Барановскаго прямо подводитъ его подъ убійственный огонь сарказмовъ Маркса, направленныхъ противъ апологетовъ капитализма. Марксъ и не подозревалъ, что его ученики, люди, клянушіеся его именемъ, смогутъ впасть въ такія ошибки, въ такіе „промахи незрѣлой мысли“, что въ нихъ станутъ попадать стрѣлы, направленные противъ ихъ злѣйшихъ враговъ, адвокатовъ существующаго хозяйственнаго строя!

Буржуазный экономистъ, — говоритъ Марксъ, — услышавъ критику соціальнаго вліянія машинъ, впадаетъ въ справедливое негодованіе и спѣшитъ стать на стражу культуры и прогресса. „Онъ уже дальше и не трудится ломать себѣ голову и навязываетъ, сверхъ того, своему противнику нелѣпость, что будто тотъ оспариваетъ не капиталистическое приложеніе машинъ, а самыя машины“. „Какое бы то ни было приложеніе машинъ, кромѣ капиталистическаго, для него представляется невозможнымъ... *Стало быть*, всякій, кто разоблачаетъ дѣйствительное положеніе вещей при капиталистическомъ приложеніи машинъ, тотъ врагъ какого бы то ни было ихъ приложенія и врагъ общественнаго прогресса! Разсужденіе это совершенно подобно разсужденію знаменитаго убійцы Bill Sykes'a. „Господа присяжные, — сказалъ онъ, — безъ сомнѣнія горло этого коммивояжера было перерѣзано. Но это не моя вина, а вина ножа! Но развѣ вслѣдствіе такого временнаго неудобства намъ слѣдуетъ отказаться отъ употребленія ножа? Подумайте только, что будетъ съ земледѣліемъ и промыслами безъ ножа? Развѣ онъ не приноситъ спасенія въ хирургіи, развѣ

*) «Русская фабрика» т. I, стр. 495.

онъ не поучаетъ въ анатоміи? Къ тому же развѣ это не услужливый помощникъ за пиршественнымъ столомъ? Если вы уничтожите ножъ, вы ввергнете насъ вновь въ пучину варварства!“

Не такъ-ли во многомъ разсуждаетъ и М. И. Туганъ-Барановскій? Онъ убѣжденъ въ необходимости капитализма, какъ чистилища, черезъ которое идетъ путь въ Элизіумъ; онъ преисполненъ негодованія на народниковъ, которые этого не понимаютъ и чуждаются капитализма, какъ чумы. Ну, и прекрасно. Пусть онъ правъ, пусть его взгляды такая же святая истина, какъ то, что Александръ Македонскій былъ великій герой, но зачѣмъ же стулья-то ломать? Къ чему привязываться ко всякой критикѣ капиталистическаго приложенія кредита, капиталистической эксплуатаціи промышленности и техническаго развитія производительныхъ силъ? А между тѣмъ г. Т.-Барановскій такъ именно и поступаетъ. Выслушавши такую критику, онъ „уже дальше и не трудится ломать голову“ и „навязываетъ, сверхъ того, своему противнику (Н. К. Михайловскому) нелѣпость, что будто тотъ оспариваетъ не капиталистическое приложеніе“ кредита, машинъ, промышленнаго техническаго процесса, а самыя эти вещи. Не то, конечно, чтобы ему такъ-таки „какое нибудь приложеніе“ этихъ вещей „кромя капиталистическаго, представлялось невозможнымъ“. Нѣтъ, для туманнаго будущаго онъ признаетъ возможность и другихъ формъ ихъ приложенія. Но для настоящаго онъ знаетъ только одинъ путь приближенія къ этому туманному будущему. И всякіе другіе пути для него настолько исключаются, что онъ совершенно забываетъ, такъ-ли дѣло обстоитъ съ точки зрѣнія противника. Онъ сразу навязываетъ противнику въ этомъ пунктѣ свою логику: если у него есть хоть тѣнь желанія противопоставить что нибудь дальнѣйшему *капиталистическому* присвоенію результатовъ техническаго хозяйственнаго прогресса, то, очевидно, онъ не хочетъ и самого этого прогресса, ибо въ иныхъ формахъ онъ по даннымъ условіямъ вплоть до очень далекаго времени невозможенъ. „Но вѣдь вашъ противникъ думаетъ, что очень возможенъ“ перебиваете вы его: „вашъ противникъ признаетъ возможность прямого, непосредственнаго перехода самостоятельныхъ производителей къ высшимъ хозяйственнымъ формамъ; для него возможнымъ представляется не только обобществленіе *сверху*, подъ эгидой капитала, но и обобществленіе *снизу*, при помощи кооперативнаго, общиннаго и муниципальнаго коллективизма; предварительно нужно лишь устранить препятствующія этому „надстройки“ правоваго и политическаго характера“... Но г. Туганъ-Барановскій непреклоненъ. Онъ и не раздумываетъ надъ вашими словами, а прямо возвращается къ тому мѣсту, на которомъ вы его перебили, чтобы высказать свой готовый выводъ: „*следовательно*, единственнымъ спасеніемъ народа отъ нищеты и гибели является прекращеніе промышленнаго раз-

витія Россіи“. Точь въ точь, какъ въ каррикатурномъ изображеніи Маркса: „стало быть, всякій, кто разоблачаетъ дѣйствительное положеніе вещей при капиталистическомъ приложеніи машинъ (а также кредита и пр.) тотъ противъ какого бы то ни было ихъ приложенія и врагъ общественнаго прогресса“.

Это сопоставленіе выйдетъ еще рельефнѣе, если мы заглянемъ въ ту самую статью Н. К. Михайловскаго, изъ которой взята цитата „Русской фабрики“. Что оказывается? тамъ, гдѣ въ цитатѣ г. Т.-Барановскаго стоитъ второе многоточіе, Н. К. Михайловскій говоритъ: „Мы вовсе не претендуемъ на новостъ и оригинальность взглядовъ“ и прямо обращается къ примѣру Маркса: „Кому же неизвѣстно, что всякая новая машина, введенная въ пирамидальное общество, прежде всего уменьшаетъ спросъ на человѣческій трудъ, оставляетъ людей безъ заработка?...“ И затѣмъ онъ доказываетъ, что таково же дѣйствіе и многихъ другихъ прекрасныхъ вещей—сочетанія силъ, кредита и пр.; а еще дальше поминаетъ и Маркса, и Зиберера, и Чернышевскаго, какъ научныхъ обоснователей отстаиваемой имъ точки зрѣнія. Ничего этого г. Барановскій „и не примѣтилъ“...

Даже еще лучше. Г. Туганъ-Барановскій быстро забываетъ, гдѣ кончаются слова Н. К. Михайловскаго и гдѣ начинается сдѣланный уже самимъ имъ выводъ изъ этихъ словъ. Онъ забываетъ про свое „слѣдовательно“ и дальше говоритъ: „какъ видно изъ приведенныхъ цитатъ, передовые публицисты 70-хъ г.г. пошли еще дальше своихъ предшественниковъ, и г. Михайловскій *прямо и открыто* заявилъ себя противникомъ экономическаго прогресса страны. Дальше идти было некуда“ *).

„Некуда“ идти, конечно, было Н. К. Михайловскому и др. „передовымъ публицистамъ“, а М. И. Туганъ-Барановскій сумѣлъ пойти еще дальше, чѣмъ въ приведенныхъ отрывкахъ. Парой строчекъ ниже онъ уже заявляетъ, что „эта своеобразная позиція передовыхъ дѣятелей того времени... заставила ихъ защищать экономическую *реакцію*“. Такъ быстро изъ противника экономическаго прогресса, т. е. въ худшемъ случаѣ изъ *консерватора* онъ превращаетъ Н. К. Михайловскаго уже въ *реакціонера*. Конечно! Вѣдь „если вы уничтожите ножъ, вы ввергнете насъ вновь въ пучину варварства!“ Это ли не прямая реакція?

Бѣда только въ томъ, что „*прямо и открыто*“ въ той же самой статьѣ, которую цитировалъ г. Т.-Барановскій, Н. К. Михайловскій „заявляетъ“ не о своемъ желаніи „уничтожить ножъ и ввергнуть этимъ насъ въ пучину варварства“, а кое о чемъ совершенно противоположномъ. Онъ противопоставляетъ „служителямъ отечественной промышленности“ другихъ служителей, „служителей непосредственно народа, только народа“. Какова же ихъ роль

*) «Русская фабрика» стр. 495.

въ изображеніи Н. К. Михайловскаго? „Они не только не про-
воцируютъ облегченія учрежденія акціонерныхъ компаній, раз-
витія отечественной промышленности, кредита и пр., но постоянно
обращаютъ вниманіе общества на оборотную сторону этихъ
явленій“; они „вырабатываютъ широкую систему спеціально-народ-
наго кредита“; „вмѣсто всевозможныхъ субсидій, гарантій и при-
вилегій частнымъ предпринимателямъ и обществамъ, они *тре-
буютъ* государственной помощи для сохраненія въ народѣ имѣю-
щихся у него орудій производства и приобрѣтенія новыхъ; нор-
мальнымъ сочетаніемъ экономическихъ силъ они признаютъ не
акціонерныя компаніи, а *производительныя артели*“... „Что бу-
детъ, спрашиваетъ затѣмъ Н. К. Михайловскій, если всѣ эти до-
могательства... осуществляются или приблизятся къ осуществленію?“
Производство и потребление будутъ конечно *расти*—отвѣчаетъ
онъ,—потому что наши гипотетическіе служители *народа и только
народа* „и не думаютъ враждовать съ кредитомъ, съ машинами,
съ принципомъ сочетанія экономическихъ силъ и всѣми другими
помощниками челоуѣка. Но такъ какъ машины, напримѣръ, они
предполагаютъ состоящими въ рукахъ трудящихся классовъ, то
машины эти не могутъ еще однять у кого нибудь заработокъ.
Или, такъ какъ нормальнымъ сочетаніемъ экономическихъ силъ
они признаютъ не акціонерную компанію, подрывающую и раззо-
ряющую въ извѣстной мѣстности мелкія хозяйства, а *соединеніе
этихъ самыхъ хозяйствъ*, то понятно, что такому товариществу
раззорять некого. Добываясь національнаго богатства, мы его
получаемъ, но получаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ нищету народа; доби-
ваясь благосостоянія народа, мы получаемъ и его, и *національное
богатство*“ *).

Что же это значить? Неужели г. Т.-Барановскій не читалъ
толкомъ даже той небольшой статейки Н. К. Михайловскаго, ко-
торую цитировалъ? Или неужели онъ недобросовѣстно отнесся
къ своему противнику, утаивъ отъ публики какъ разъ тѣ мѣста,
которыя совершенно противорѣчатъ данному имъ истолкованію
словъ Н. К. Михайловскаго? Я думаю, ни то, ни другое. Такъ какъ
приведенная нами цитата начинается на той же самой страницѣ,
изъ которой бралъ М. И. Т.-Барановскій свои цитаты, то прогля-
дѣть ее онъ, конечно, не могъ. Она представляетъ непосредствен-
ное продолженіе и развитіе предыдущихъ, такъ изумившихъ на-
шего критика положеній. Всякую мысль о тенденціозной недобро-
совѣстности мы также устранимъ; считать М. И. Туганъ-Бара-
новскаго способнымъ на нее было бы слишкомъ тяжкимъ оскорбле-
ніемъ по его адресу и мы не имѣемъ права на это. Какъ всякій
фанатикъ извѣстной доктрины, г. Барановскій просто не можетъ,
физически не въ состояніи ни на минуту перенестись на точку

*) Н. К. Михайловскій, т. I, стр. 824—835.

зрѣнія противника, войти въ кругъ его идей, освоиться съ его терминологіей и вкладывать въ его слова тотъ смыслъ, который имъ придавалъ самъ авторъ,—а не тотъ, какой придалъ бы имъ г. Туганъ-Барановскій, если бы онъ ихъ произнесъ... Не будучи въ состояніи ни на минуту перенестись на точку зрѣнія своего противника, г. Барановскій, естественно, не можетъ и слѣдить за нитью его аргументаціи. Онъ просто *не понимаетъ*. Слышитъ, и не понимаетъ, какъ будто онъ говоритъ на совершенно другомъ языкѣ. Ключа къ пониманію этого языка у г. Барановскаго нѣтъ, да онъ и не старается отыскать его. Онъ нетерпѣливо слушаетъ наборъ словъ, который ему вовсе непонятенъ, и пропускаетъ его мимо ушей. А когда мелькнетъ въ словахъ противника что-то знакомое, какія-то случайныя созвучія одного языка съ другимъ, то, понятно, г. Барановскій ловить ихъ и, само собой разумѣется, истолковываетъ на свой ладъ. Въ результатъ и получается та „полюшка“, которою насъ столько времени угощали наши неомарксисты.

Смѣшивая все время въ современной промышленности *форму съ содержаніемъ*, г. Барановскій убѣжденъ, что врагъ той конкретной формы, въ которой современная крупная промышленность развивается, есть неминуемо и врагъ всякаго промышленнаго развитія... Если же онъ и наталкивается на противорѣчащія этому утвержденія своего противника, онъ, вѣроятно, совершенно добросовѣстно принимаетъ ихъ просто за нелогичности, за неумѣніе провести основную точку зрѣнія до конца—а вѣдь за всѣми нелогичностями не угоняешься... И вотъ, г. Барановскій становится въ самое вопіющее противорѣчіе съ истиной, въ то же время, вѣроятно, считая себя совершенно правымъ...

Пусть г. Барановскій все таки попытается вдуматься въ слова Н. К. Михайловскаго о достиженіи національнаго богатства „только не путемъ раззоренія независимыхъ трудовыхъ хозяйствъ капиталистическими“, а путемъ „соединенія этихъ самыхъ хозяйствъ“. Можетъ быть, и понявши эти слова, г. Барановскій съ ними не согласится, но я, по крайней мѣрѣ, увѣренъ, что онъ прекратитъ всякіе разговоры объ „открытой враждѣ“ Н. К. Михайловскаго къ хозяйственному прогрессу. Итакъ, обратимся опять къ той же цитатѣ.

Что говорятъ здѣсь Н. К. Михайловскій? Да то же самое, что говорятъ нынѣ многіе талантливейшіе представители западно-европейской демократіи, хотя бы, напримѣръ, Эмиль Вандервельдъ. Въ брошюрѣ послѣдняго, посвященной пятидесятилѣтію выхода въ свѣтъ знаменитаго „манифеста“ Маркса и Энгельса, мы читаемъ, между прочимъ: „можно признать, что въ болѣе или менѣе недалекомъ будущемъ дробная земельная собственность и культура обречены на исчезновеніе, точно также какъ должна исчезнуть работа на дому и домашніе промыслы. Но изъ этого

вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы это исчезновеніе должно было непременно произойти въ пользу крупной собственности и капиталистическаго производства, что законъ о трехъ социологическихъ состояніяхъ — собственности личной, собственности капиталистической и собственности коллективной — дѣйствительно обладаетъ такой неизмѣнной прямолинейностью, какую ему вообще приписываютъ ради удобства пропаганды и опроверженія противниковъ. Преимущество крупной капиталистической культуры надъ мелкой заключается, главнымъ образомъ, въ раздѣленіи труда и ассоціаціи капиталовъ. Но люди никакъ не могутъ себя представить, чтобы кооперация могла имѣть успѣхъ даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ уже господствуетъ капитализмъ; а между тѣмъ нѣтъ ровно никакого матеріальнаго препятствія къ тому, чтобы отдѣльные земледѣльцы, да и вообще независимые мелкіе производители осуществляли между собою для своей обоюдной выгоды ту же самую ассоціацію капиталовъ, необходимыхъ для производства“.

Въ чемъ разница между словами Вандервельда и Н. К. Михайловскаго? Разница есть, и очень существенная. Слова Михайловскаго взяты нами изъ статьи, написанной въ 1872 г., а Вандервельда — изъ брошюры, появившейся въ 1898 г., т. е. болѣе, чѣмъ на цѣлую четверть вѣка поздиѣ... Четверть вѣка, въ теченіе которой, наконецъ, пришлось отказаться отъ „закона трехъ социологическихъ состояній“, господствовавшаго благодаря марксизму такъ долго и почти безраздѣльно надъ умами и отвергнутого таки верховной судебной инстанціей — жизнью. А г. Туганъ-Барановскій не только навязываетъ мыслящей Россіи вѣру въ этотъ устарѣлый псевдо-законъ, но и наивно принимаетъ невѣріе въ него за „враждебное отношеніе къ экономическому прогрессу“...

„Практическіе дѣятели капиталистическаго производства и ихъ идеологическіе болтуны одинаково неспособны представить себя средства производства отдѣльными отъ тѣхъ антагонистическихъ общественныхъ формъ, въ которыхъ они фигурируютъ въ настоящее время, — какъ неспособенъ рабовладѣлецъ представить рабочаго не въ видѣ раба“ — говоритъ, между прочимъ, Марксъ въ своемъ „Капиталѣ“ *).

Нео-марксисты впадаютъ въ ошибку, не особенно далеко ушедшую отъ этой. Они не могутъ себя представить *развитія* средствъ производства изъ индивидуальныхъ въ общественныя, независимаго и отдѣльнаго „отъ тѣхъ антагонистическихъ общественныхъ формъ, въ которыхъ они фигурируютъ въ настоящее время“.

И вотъ во всякомъ призывѣ на борьбу съ капитализмомъ —

*) Кап., I, §31.

если только призывъ этотъ дѣлается во имя всего трудящагося народа, а не во имя одной только категоріи трудящихся—пролетаріата—имъ уже чудится „мелко-буржуазная точка зрѣнія“, и они выступаютъ съ готовымъ обобщеніемъ: „русское народничество вполне мирится съ мелкимъ, разрозненнымъ производствомъ“...

Нужды нѣтъ, что одинъ изъ крупнѣйшихъ писателей, причисляемыхъ ими къ народникамъ, самымъ вразумительнымъ образомъ объясняетъ, что рѣчь идетъ не о самомъ *принципѣ* сочетанія, ассоціаціи силъ, а о различныхъ конкретныхъ воплощеніяхъ этого принципа. Въ глазахъ нео-марксистовъ такъ тѣсно сросся самый принципъ съ одной конкретной формой воплощенія, — а именно съ капиталистической формой, что Марксъ какъ будто бы прямо для нихъ писалъ объ одной изъ тѣхъ aberrаций, которыя создаются благодаря антагонистическому характеру буржуазныхъ производственныхъ отношеній, гдѣ все представляется въ перевернутомъ видѣ: „исторически капиталистическая форма коопераціи развивается въ противоположность крестьянскому хозяйству и независимой ремесленной промышленности... По сравненію съ послѣдними, капиталистическая кооперація является не какъ *особенная историческая форма коопераціи*, но сама кооперація представляется лишь особой исторической формой, *свойственной капиталистическому процессу производства и специфически отличающей его* отъ другихъ способовъ производства“ *). Отсюда и выводъ: стало быть, врагъ капиталистической формы коопераціи, не признающій за ней „положительныхъ сторонъ“, долженъ „мириться съ мелкимъ разрозненнымъ производствомъ“.

Нетрудно видѣть, что въ общемъ эта ошибка нео-марксизма совершенно подобна предыдущей. И основывается она на томъ же смѣшеніи *формы* и *содержанія* крупной промышленности, которое мы видѣли у г. Т.-Барановскаго, когда онъ признавалъ капиталъ и трудъ эквивалентными въ созданіи общественной производительной силы. Это сходство указывается и Марксомъ; „подобно тому, какъ общественная сила труда, развивающаяся въ слѣдствіе коопераціи, является какъ производительная сила капитала, точно такъ же и сама кооперація является какъ специфическая форма капиталистическаго процесса производства, въ отличіе отъ процесса производства отдѣльныхъ независимыхъ работниковъ“ **).

Но вѣдь въ томъ то и дѣло, что это — иллюзія, оптический обманъ, такъ какъ не капитализмъ породилъ кооперацію и техническій прогрессъ, и не капитализмомъ ихъ прогрессъ покончится, да и въ настоящее время капитализмъ — далеко не единственный рычагъ ихъ развитія. „Кооперацію въ процессѣ труда можно наблюдать уже при самомъ началѣ человѣческой куль-

*) Кап., I, 287.

**) Кап., I, 287.

туры“, считаетъ нужнымъ тутъ же напомнить Марксъ; или, говоря уже цитированными выше словами Вл. Короленко, кооперація, какъ и техническій прогрессъ, „есть, несомнѣнно, благо само въ себѣ, родившееся еще въ тѣ древнія времена, когда человѣкъ освѣтилъ мракъ и холодъ ночи открытіемъ огня, и ведущее его въ будущемъ къ безконечнымъ завоеваніямъ... Капитализмъ же „самъ въ себѣ“ есть лишь временное условіе, внѣшняя оболочка, историческій костюмъ“...

Для рѣшенія проблемы о такъ называемыхъ „положительныхъ“ и „отрицательныхъ“ сторонахъ капитализма это различіе имѣетъ чрезвычайно важное значеніе. Всякій разъ, когда мы имѣемъ дѣло съ одной изъ этихъ „положительныхъ“ или „отрицательныхъ“ сторонъ, мы должны разобраться, вытекаетъ ли она —говоря приведенными выше словами Маркса, „изъ самой природы общественнаго процесса труда“ или же „обуславливается капиталистическимъ, а слѣдовательно антагонистическимъ характеромъ этого процесса“. И если бы наши нео-марксисты взглядылись хорошенько въ соотвѣтствующія мѣста „Капитала“, то они убѣдились бы, какая крупная ошибка говорить о *положительныхъ сторонахъ капитализма, какъ такового*.

Марксъ говоритъ, что въ эпоху мануфактуры „положительная сторона дѣленія труда и коопераціи въ мастерскихъ обнаружилась именно въ томъ, что сдѣлала трудъ рабочихъ производителнѣе“ *). Уже было указано относительно раздѣленія труда въ мануфактурѣ, что „многія изъ его выгодныхъ сторонъ возникаютъ изъ общей сущности коопераціи, а не изъ какихъ-либо специальныхъ достоинствъ этой именно формы ея“. И дальше мы увидимъ, что „положительныя стороны“ современной крупной промышленности вытекаютъ изъ общей сущности, изъ содержанія ея, а не изъ формы. Такъ, напримѣръ, по словамъ Маркса, „крупная промышленность технически устраняетъ мануфактурное раздѣленіе труда, съ его прикрѣпленіемъ человѣка на всю жизнь къ какой-нибудь специальной операціи, но въ тоже время капиталистическая форма крупной промышленности воспроизводитъ это дѣленіе труда еще чудовищнѣе на настоящихъ фабрикахъ—обращеніемъ рабочаго въ живой придатокъ къ машинѣ“ и т. д. **). Или, тремя страницами дальше: „по самой природѣ своей, крупная промышленность требуетъ перемѣны занятій рабочихъ, непостоянства работы, всесторонней подвижности рабочаго. Съ другой стороны, въ своей капиталистической формѣ, она воспроизводитъ старое дѣленіе труда, съ его окаменѣлыми специальностями. Мы уже видѣли, какъ это безусловное противорѣчіе—между техническими потребностями крупной промышленности и присущимъ ей обще-

*) Кап., I, 376.

**) Кап., I, 423.

ственнымъ характеромъ — уничтожаетъ всякую опредѣленность, прочность, обезпеченность положенія рабочаго; постоянно угрожаетъ вырвать у него изъ рукъ вмѣстѣ съ средствами труда и средства существованія; постоянно стремится вмѣстѣ съ упраздненіемъ его спеціальнаго занятія сдѣлать и его самого излишнимъ. Намъ также извѣстно, какъ это противорѣчіе порождаетъ чудовищность запасной промышленной арміи, содержимой въ нищетѣ, для того, чтобы всегда находиться въ распоряженіи капитала; какъ оно ведетъ къ принесенію человѣческихъ жертвъ изъ среды рабочаго класса; къ самой безрасудной тратѣ рабочихъ силъ и къ погромамъ, вызываемымъ общественной анархіей, которая всякій экономическій прогрессъ превращаетъ въ общественное бѣдствіе. Это — *сторона отрицательная* *). Или, еще дальше: „ясно, что составъ коллективнаго рабочаго персонала изъ лицъ обоого пола и самыхъ различныхъ возрастовъ при соответственныхъ обстоятельствахъ долженъ обратиться въ источникъ человѣческаго развитія, хотя его *грубая капиталистическая форма*, гдѣ рабочій служитъ для процесса производства, а не процессъ производства для рабочаго, есть источникъ нравственной порчи и рабства“ **).

Трудно, мнѣ кажется, ярче и рельефнѣе показать, до какой степени противоположны по своему историческому значенію данная конкретная форма крупной промышленности и ея содержаніе. Насколько послѣднее является *положительнымъ началомъ*, настолько же первая — *отрицательнымъ и разрушительнымъ*. Они находятся въ отношеніяхъ рѣзкаго антагонизма. Капитализмъ, *какъ таковой*, никакихъ положительныхъ сторонъ не имѣетъ. Все, что кажется его „положительными сторонами“, при болѣе глубокомъ анализѣ оказывается функціей не капиталистической формы промышленности, а ея содержанія, которому всегда въ этой формѣ болѣе или менѣе тѣсно. Насколько тѣсно — это зависитъ какъ отъ степени развитія *содержанія*, такъ и отъ степени развитія *формы*. Содержаніе можетъ всецѣло наполнить форму и даже перерости ее; форма можетъ развиться на счетъ содержанія и даже подавлять его развитіе. Въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ конкретныхъ условій хозяйственнаго развитія каждой данной страны, въ ней можетъ установиться различное отношеніе между *формой* и *содержаніемъ*, а, соответственно этому, и между развитіемъ положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ промышленнаго строя. Развитіе *отрицательныхъ* его сторонъ — *ceteris paribus* — прямо пропорціонально развитію его капиталистической *формы* и обратно пропорціонально развитію *содержанія*. Съ другой стороны, развитіе его *положительныхъ* сторонъ, наоборотъ, прямо пропорціо-

*) Кап., I, 426.

**) Кап., I, 429.

нально развитію этого *содержанія* и обратно пропорціонально развитію капиталистической *формы* его эксплуатаціи.

Этотъ законъ *частично* уже развитъ въ первомъ томѣ „Капитала“ и во всякомъ случаѣ логически вытекаетъ изъ даннаго въ немъ анализа. „Экономія средствъ производства—говоритъ, напр., въ одномъ мѣстѣ Марксъ—впервые систематически проводимая машиннымъ производствомъ съ самаго его возникновенія и сопровождаемая самымъ безразсуднымъ расточеніемъ рабочей силы и лишеніемъ нормальныхъ условій, требуемыхъ для работы,—экономія эта, въ настоящее время, *тѣмъ болѣе выдвигаетъ впередъ свою отрицательную и челоукоубійственную сторону, чѣмъ меньше* развиты въ данной отрасли промышленности общественная производительная сила труда и техническое основаніе для комбинирования рабочихъ процессовъ“ *). Но такъ какъ, благодаря обнаруженной выше аберраціи, общественная производительная сила труда кажется созданіемъ *капитала*, то понятно, что близорукіе идеологи труда въ тѣхъ странахъ, гдѣ капиталистическая форма промышленности развивается въ ущербъ содержанію, вѣчно плачутся на *недостаточное* развитіе капитализма, какъ на причину бѣдственной хозяйственной депрессіи, вѣчно призываютъ спасительный капитализмъ и зовутъ страну „идти на выучку къ капитализму“.

Какъ рѣшительно выражается М. И. Туганъ-Барановскій, „единственное спасеніе отъ всѣхъ золъ капитализма заключается въ его дальнѣйшемъ развитіи“ **).

Это положеніе было бы вѣрно лишь въ томъ случаѣ, если бы было доказано, что нѣтъ и не можетъ быть такихъ конкретныхъ условій въ развитіи страны, которыя бы привели къ систематическому развитію капиталистической формы промышленности на счетъ содержанія, и, слѣдовательно, къ тому, что ростъ отрицательныхъ сторонъ капитализма сталъ бы въ ней обгонять ростъ положительныхъ, творческихъ сторонъ. Далѣе, это положеніе было бы вѣрно лишь въ томъ случаѣ, если бы было доказано, что нѣтъ и такихъ *отраслей производства*, въ которыхъ вторженіе капитализма производило бы тотъ же результатъ, т.-е. рѣшительно неблагоприятное соотношеніе между положительными и отрицательными, творческими и разрушительными сторонами хозяйственного строя. А между тѣмъ по меньшей мѣрѣ вѣроятно, что Марксъ и Энгельсъ допускали и то, и другое. Первое—для странъ, которыя могутъ испытать „всѣ страданія современнаго развитія безъ его благъ и наслажденій“ и „въ одно прекрасное утро увидѣть себя на уровнѣ европейскаго паденія, безъ того, чтобы когда бы то ни

*) Кап., т. I, стр. 405.

**) «Фабрика, etc.» стр. 411.

было находиться на уровнѣ европейской эмансипаціи^{*)}; второе— для такихъ, напримѣръ, отраслей производства, какъ лѣсоводство и земледѣліе (Марксъ, какъ извѣстно, считалъ „развитіе отрицательной стороны современнаго земледѣлія“ „безсмертною заслугою“ Либиха и др.).

Эти исключенія и оговорки надо имѣть въ виду тѣмъ, кто желаетъ обобщить и превратить въ „супра-историческую истину“ частичный отзывъ Маркса относительно Германіи 1867 г.: „мы страдаемъ не только отъ развитія капиталистическаго производства, но и отъ недостаточности такого развитія“. Не говоря уже о томъ, что въ 1844 г. онъ и относительно Германіи держался иного взгляда,—достаточно вспомнить, какъ рѣшительно протестовалъ уже однажды самъ Марксъ противъ превращенія его *конкретныхъ* сужденій въ абстрактныя и *всеобщія*.

Впрочемъ, помимо всего этого, данное утвержденіе Маркса можетъ быть понято *sim grano salis*, и въ этомъ видѣ оно глубоко вѣрно. Да, есть такія „непосвященные“ (*profane*) страны, которыя *фатально* обречены страдать не только отъ развитія капиталистическаго производства (поскольку оно—капиталистическое), но и отъ *недостаточности* этого развитія (поскольку оно всетаки есть развитіе производства, хотя и въ капиталистической формѣ). Иначе говоря, это и есть страны, въ которыхъ *капиталистическая форма* промышленности развивается быстрѣе содержанія и часто на счетъ этого содержанія. Для всего типа хозяйственнаго развитія этихъ странъ имѣетъ силу характеристика, которая приложима лишь къ нѣкоторымъ неблагоприятнымъ фазамъ развитія другихъ странъ, странъ—избранницъ.

Но надъ всѣми этими различіями, конечно, наши нео-марксисты и не задумывались, когда въ противовѣсъ народничеству начинали пѣть гимны „положительнымъ“, „свѣтлымъ“ сторонамъ капитализма.

Они забыли даже о томъ, какъ Марксъ ядовито высмѣивалъ Прудона за то, что „по его мнѣнію всякая экономическая категория имѣетъ двѣ стороны—хорошую и дурную“, такъ что „онъ рассматриваетъ категоріи, какъ мелкій буржуа рассматриваетъ великихъ историческихъ дѣятелей: Наполеонъ великій человекъ; онъ сдѣлалъ много добра, но онъ принесть также много зла“. Всѣ марксисты полны самаго убійственнаго презрѣнія къ Прудону и его „мелкобуржуазности“, тѣмъ болѣе убійственнаго, чѣмъ менѣе съ нимъ знакомы. Но именно поэтому имъ слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, помнить, чѣмъ въ этомъ пунктѣ Марксъ отличается отъ Прудона. По мнѣнію Маркса, Прудонъ въ каждомъ экономическомъ явленіи различалъ хорошую и дурную сторону, которыя, вмѣстѣ

^{*)} К. Марксъ въ своемъ «Введеніи къ философіи права Гегеля» см. Fr. Mehring, «Geschichte etc.» стр. 126 (I т.).

взятыя, составляютъ противорѣчіе; это противорѣчіе должно быть залѣчено нѣкоторымъ коррективомъ, извѣстной мѣрой, которая бы парализовала дурную сторону, неудобство даннаго явленія. Иначе разрѣшалъ дѣло Марксъ. Онъ сводилъ всѣ *отрицательныя* стороны къ данной *формѣ* промышленности—формѣ капиталистической; всѣ же *положительныя* онъ сводилъ къ совершенно другому началу—самому общественному процессу труда, взятому независимо отъ формы. И вотъ почему вмѣсто соціального реформаторства онъ ставилъ въ итогѣ совершенно иную, гораздо болѣе радикальную задачу—*полнаго устраненія* капиталистической формы промышленности, чтобы общественный процессъ производства могъ развивать свои *положительныя* стороны свободно и безпрепятственно, въ формѣ *непосредственно-общественной*. Вмѣсто искусственно придуманныхъ мѣръ для устраненія всѣхъ золъ капитализма при неприкосновенности самыхъ основъ буржуазнаго режима, гарантирующихъ сохраненіе его *положительныхъ* сторонъ (это Марксъ уподоблялъ стремленію уничтожить папство, оставивъ католицизмъ), въ системѣ Маркса стоитъ замѣна одного принципа—другимъ.

Но—возразятъ намъ—вѣдь капитализмъ даетъ усиленный толчекъ развитію производительныхъ силъ, примѣненію техническихъ усовершенствованій; этотъ толчекъ дается именно капитализмомъ, капитализмомъ, какъ таковымъ. Та бѣшеная погоня за рынками, которая при капитализмѣ неизбѣжна, она-то вѣдь и заставляетъ отдѣльныхъ капиталистовъ удешевлять и улучшать свое производство. Не будь капитализма, не будь этой борьбы за рынки, не было бы и этого могучаго стимула къ прогрессу промышленности! А если такъ, то очевидно, что и нѣкоторыя *специфическія* черты *капиталистическаго* порядка имѣютъ свои *положительныя* стороны.

Дѣлая такое возраженіе, забываютъ, что буржуазная конкуренція есть лишь частное проявленіе, частный видъ болѣе общаго фактора—соревнованія между людьми. И болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы капиталистическая форма соревнованія стояла къ соревнованію *an und für sich* въ лучшемъ отношеніи, чѣмъ капиталистическая форма сочетанія силъ и раздѣленія труда къ самому принципу того и другого. Не говоря уже о непомѣрномъ бесплодномъ расточеніи силъ, обусловливаемомъ этой формой конкуренціи, упомянемъ, что благодаря антагонизму интересовъ, прямой борьбой за существованіе между отдѣльными производителями страшно затрудняется распространеніе многихъ изобрѣтеній и усовершенствованій (такъ, напр., всевозможные „секреты производства“ имѣютъ специальною цѣлью мѣшать такому распространенію; то же значеніе имѣютъ привиллегіи на изобрѣтенія etc.). Кромѣ того, технически лучшее производство при капитализмѣ далеко не всегда въ то же время экономически выгоднѣйшее. Тотъ же Марксъ до-

казалъ, напримѣръ, что капиталистическое примѣненіе машинъ по необходимости съуживается сравнительно съ некапиталистическимъ: капиталисту машина выгодна не тогда, когда она экономитъ больше труда, чѣмъ сколько затрачено на ея производство, а лишь тогда, когда она экономитъ больше *оплаченнаго* труда, когда стоитъ дешевле, чѣмъ замѣщаемыя ею рабочія руки. Капиталистъ не считаетъ ту часть труда, которая достается ему даромъ, экономія отъ примѣненія машины въ этой части труда для него не экономія. И такъ, капитализмъ и здѣсь только узкая и тѣсная рамка „промышленнаго генія“.

Но, говорятъ намъ, капитализмъ создаетъ въ массѣ людей ту психологію, которую мы называемъ специфически пролетарской. Пусть концентрація этихъ людей въ индустріальныхъ центрахъ „вытекаетъ изъ самой природы общественнаго процесса труда“ независимо отъ капиталистической формы его; пусть данная форма дѣлаетъ эту концентрацію болѣе механической, чѣмъ это было бы при другихъ условіяхъ. Но своеобразная *пролетарская* психика — это ужъ, конечно, дѣло „капитализма, какъ таковаго“, какъ определенной формы промышленнаго строя. А если такъ, то не является ли это безусловно „положительной стороной капитализма“ въ точномъ и строгомъ смыслѣ этихъ словъ? Вѣдь эта психика есть рычагъ прогресса, факторъ историческаго движенія!

Это выраженіе можетъ быть обобщено, и оно пѣликомъ содержится въ слѣдующемъ мѣстѣ изъ той же „Нищеты философіи“ Карла Маркса: „Феодальное производство, въ свою очередь, заключало въ себѣ два непримиримыхъ элемента, которые называютъ также *хорошей и дурной стороной* феодализма, не замѣчая при этомъ, что дурная сторона, въ концѣ концовъ, всегда беретъ верхъ надъ хорошей. Именно *дурная сторона*, обуславливая собою *борьбу*, создаетъ историческое движеніе“.

Вся соль здѣсь — въ послѣдней фразѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что она въ извѣстномъ смыслѣ выражаетъ собою святую истину *). Еще бы! Капитализмъ, какъ таковой, какъ данная конкретная форма, и притомъ именно своей *отрицательной, челоукоубійственной* стороной и вызываетъ противъ себя оппозицію, и даетъ начало определенному общественному движенію, арена котораго — цѣлый міръ. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Неужели то вліяніе можно отмѣтить, какъ „положительную сторону“ капитализма? Но тогда и всякая мерзость имѣетъ свою „положительную сторону“, ибо, конечно, нѣтъ такой мерзости на землѣ, которая бы не принуждала челоучество что-нибудь создать ей въ противо-

*) Кстати же, эта «святая истина» въ то же время выражена въ вполне диалектической формѣ: «дурная сторона» какъ разъ и оказывается «положительной», обуславливающей прогрессъ. Гегелевское противорѣчіе!

вѣсь. И чѣмъ огромнѣе, чѣмъ ощутительнѣе она, тѣмъ „положительнѣе“ ея роль; чѣмъ она хуже, тѣмъ, слѣдовательно, она лучше!

Холода, стужи, вьюги, сырость и морозы имѣютъ положительную сторону: они создали строительное и портняжье искусство, шитье и архитектуру. Лихорадка имѣетъ положительную сторону: она заставила открыть дѣйствіе хинина. Всѣ болѣзни, включая чуму и сифилисъ, имѣютъ положительную сторону: онѣ — двигатели медицины. Воровство имѣетъ положительную сторону: безъ него не было бы замочныхъ издѣлій. Давайте же подрядъ пѣть гимны всѣмъ этимъ „положительнымъ факторамъ“! Пусть они развиваются какъ можно сильнѣе, до *plus ultra*, ибо такимъ образомъ они будутъ давать самый сильный толчекъ развитію благодѣтельной медицины, архитектуры, и пр., и пр. Пусть существуютъ утописты, которые хотятъ приостановить развитіе этихъ благодѣтельныхъ въ послѣднемъ счетѣ факторовъ (чумы, мора и пр.). Эти утописты хотятъ задержать колесо исторіи, они — консерваторы и даже болѣе того — реакціонеры. Повидимому, ихъ тайныя намѣренія — вернуть человѣчество ко временамъ первобытнаго варварства, лишить его и медицины, и архитектуры, не говоря уже о машинномъ производствѣ и объ употребленіи ножей. Довольно утопій! Пойдемъ на выучку къ капитализму, пойдемъ на выучку также къ чумѣ, язвѣ, „трусѣ, гладу, огню и мечу и нашествію иноплемennныхъ“. Это — лучшіе учителя чело-вѣчества! „Единственное спасеніе отъ всѣхъ золъ, приносимыхъ ими, заключается въ ихъ дальнѣйшемъ развитіи“. „Это зло есть огромный факторъ культурнаго прогресса“, скажемъ мы, слегка перефразируя М. И. Туганъ-Барановскаго и г. Струве.

Вернемся, однако, отъ общей формулировки рассматриваемаго возраженія къ частной. Рѣчь шла о пролетарской психикѣ. Разберемся же въ ней серьезно. Въ созданіи этой психики приходится отмѣтить два основныхъ вліянія. Одно идетъ отъ „самой природы общественнаго процесса труда“, другое — специально отъ капиталистической его оболочки. Когда мы рассматриваемъ совокупное дѣйствіе обоихъ этихъ началъ, намъ трудно разобратъся, что именно приносится однимъ, и что — другимъ. Но дѣло быстро разъяснится, когда мы анализируемъ тѣ случаи, гдѣ дѣйствуютъ порознь — или первый, или второй изъ указанныхъ факторовъ: или общественный процессъ труда, развивающійся въ некапиталистической формѣ, или капиталистическая форма эксплуатаціи труда безъ общественнаго процесса производства. Тогда тотчасъ же между двумя этими крайними полюсами распредѣлятся и всѣ „положительныя“ и „отрицательныя“ стороны того, что мы называемъ пролетарской психикой. Съ одной стороны, мы будемъ имѣть, скажемъ, героевъ Максима Горькаго, у которыхъ тоже „пролетарская“ психологія; всѣ они — *declassés*, выбитые хозяйственной эволюціей изъ тѣхъ или иныхъ „устоевъ“ жизни,

но не испытывшие или лишь в слишком малой степени испытывшие дисциплинирующую сторону „общественного процесса труда“. И не характерно ли, что в нашей странѣ, гдѣ, какъ уже было выше сказано, капиталистическая форма промышленности в своемъ развитіи обгоняетъ содержаніе, отрицательныя, разрушительныя стороны ея преобладаютъ надъ положительными—не характерно ли, что послѣ Левитова, а отчасти и Рѣшетникова, Горькій уже третій крупный художникъ, сосредоточивающій свое вниманіе на „резервной арміи“ пролетаріата, надъ которой хозяйственный прогрессъ прошелъ всѣми своими темными сторонами, и почти никакими—свѣтлыми? Не характерно ли, что мы в то же время до сихъ поръ не имѣемъ художника, который далъ бы намъ типы пролетаріевъ другого рода, на которыхъ новѣйшая хозяйственная жизнь наложила отпечатокъ своихъ общественныхъ организаціонныхъ началъ?

Въ противовѣсъ героямъ Максима Горькаго, полнымъ стихійнаго отрипанія и вражды ко всякимъ цѣлямъ и узамъ, налагаемымъ общественностью, возьмемъ другую картину, прямо противоположнаго характера. Мы перенесемся на противоположный конецъ Европы, в тотъ особый, своеобразный мірокъ, который описываетъ намъ Э. Вандервельдъ в своей статейкѣ о „внутренней организаціи бельгійской рабочей партіи“. Она, по его словамъ, представляетъ болѣе, чѣмъ обыкновенную партійно-политическую организацію. Нѣтъ, она представляетъ гораздо болѣе многостороннее и в то же время единое цѣлое, нѣкоторымъ образомъ „государство въ государствѣ, коллективистическій эмбрионъ среди капиталистическаго общества“. Луи Варлэ такъ характеризуетъ одну изъ типичныхъ „федераций“, на которыя распадается вся организація въ цѣломъ: „она состоитъ изъ цѣлаго ряда учреждений, которыя имѣютъ цѣлью удовлетворить всѣ потребности рабочаго, втянуть в сферу своего вліянія всѣ стороны его социальнаго бытія и жизнедѣятельности, создать коллективистскій микрокосмъ, гдѣ каждый членъ можетъ найти все, что можетъ быть ему полезно или интересно“.

„Возьмемъ для примѣра — говоритъ Вандервельдъ — пекаря или разносчика хлѣба изъ Брюссельскаго „Народнаго дома“. Какъ акціонеръ товарищества, онъ принимаетъ участіе в прибыляхъ соразмѣрно величинѣ своего потребленія; какъ производитель, онъ работаетъ в *своей* хлѣбопекарнѣ 8 часовъ ежедневно, при 5-ти франковомъ вознагражденіи (+2½% прибыли); какъ потребитель, онъ закупаетъ в *своихъ* лавкахъ себѣ хлѣбъ, мясо, колоніальные товары, молоко и масло (продукты устроенной на коллективистскихъ началахъ Герфелингенской молочной), одежду, начиная со шляпы и кончая сапогами, уголь, табакъ, книги, газеты; словомъ, все, что онъ зарабатываетъ, исходитъ отъ партіи; все, что онъ расходуетъ—исключая квартирной платы, налоговъ

и мелкихъ покупокъ „мимоходомъ“—идеть въ партію. Все, что онъ дѣлаетъ, начиная отъ своей повседневной работы, и кончая служеніемъ тѣмъ или инымъ образомъ распространенію партійныхъ идей—по воскресеньямъ—опять-таки дѣлается для партіи. Такимъ образомъ, въ каждомъ изъ нашихъ индустріальныхъ центровъ образуется среда, которая почти совершенно изолирована отъ вліянія окружающаго буржуазно-капиталистическаго міра и внутри которой — группа передовыхъ дѣятелей, до мозга костей проникнутыхъ тѣми началами, на которыхъ зиждется весь этотъ мірокъ“.

Такъ совершается процессъ духовнаго и матеріальнаго „обобществленія“ трудящихся независимо отъ капиталистической формы, отъ благотѣльнаго вліянія которой данная „среда“ тщательно „изолируется“...

Вотъ—два крайнихъ полюса. Съ одной стороны, чистое организационное вліяніе общественнаго процесса труда, освобожденнаго отъ антагонистической формы съ ея пертурбаціонными вліяніями; какъ результатъ—духъ солидарности и братства. Съ другой—столь же чистое вліяніе антагонистическихъ формъ общественнаго процесса производства—и въ результатъ — босякъ Максима Горькаго, инстинктивно отчужденный отъ всего окружающаго, чувствующій глухую вражду и антагонизмъ ко всѣмъ окружающимъ его общественнымъ началамъ,—но и только, не болѣе. Между этими двумя крайностями расположится цѣлый рядъ переходныхъ ступеней сверху до низу, по возрастающимъ степенямъ развитія капиталистической формы эксплуатаціи съ присущими ей отрицательными вліяніями и по нисходящимъ степенямъ развитія *содержанія*, общественнаго процесса труда съ присущими ему вліяніями положительнаго характера.

Во всякомъ случаѣ и здѣсь, на данномъ конкретномъ примѣрѣ, мы снова видимъ, что если „дурная сторона, обуславливая собою борьбу, создаетъ историческое движеніе“—то само по себѣ это вліяніе „дурной стороны“ чисто отрицательнаго характера и можетъ даже не оплодотворять этого движенія, этой борьбы никакимъ творческимъ началомъ *). Творческое же начало появляется лишь въ той мѣрѣ, въ какой есть на лицо вліянія, исходящія отъ развивающагося общественнаго процесса труда—пробивается-ли онъ сквозь тѣсныя рамки капиталистической организаціи или свободно, самостоятельно зарождается среди трудящагося населенія, питаясь порою остатками старыхъ общинныхъ или артельныхъ традицій. Болѣе глубокій анализъ въ каждомъ частномъ случаѣ опредѣлить, изъ какихъ сторонъ хозяйственной жизни вырастаютъ

*) Какъ ни поэтизируетъ порою Горькій своихъ героевъ, болѣе тѣмъ ясно, что въ ихъ идейномъ настроеніи нѣтъ ни признака какихъ-либо *положительныхъ* началъ—одно стихійное, безпредметное отрицаніе.

тѣ или иные элементы пролетаріатской психологіи. Кромѣ того, необходимо всегда имѣть въ виду, что „соотношенію положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ капитализма“ въ опредѣленіи этой психики принадлежитъ рѣшающая роль лишь *caeteris paribus*, ибо жизнь многосложна, и производственныя отношенія—лишь одна изъ ея сторонъ, далеко не исчерпывающая всей картины...

Какія же еще можно привести основанія въ пользу того положенія, что капитализмъ, *какъ таковой*, имѣетъ не только отрицательныя, но и положительныя стороны? Какія могутъ быть еще оправданія для тѣхъ славословій творческому и культурному вліянію капитализма, которыя такъ рѣжутъ нашъ слухъ въ произведеніяхъ многихъ русскихъ марксистовъ? Какія еще оправданія для рѣзкихъ обвиненій противъ „народничества“, не примѣтившаго, будто бы, „положительныхъ сторонъ“ современной „власти денегъ“?

Быть можетъ, намъ укажутъ, что капитализмъ смѣнилъ еще болѣе грубыя формы эксплуатаціи человѣка человѣкомъ? Быть можетъ, въ этомъ его „положительная заслуга“? О да, конечно, кто же станетъ отрицать, что съ этой „вышей“ точки зрѣнія капитализмъ есть прогрессивное начало. Въ этомъ смыслѣ прогрессивно и крѣпостное право, ибо оно смѣнило собою рабство; въ свою очередь, прогрессивное начало можно открыть и въ рабствѣ—ибо оно смѣнило собою людоедство.

Какой непритязательный народъ эти господа объективисты, которые во всемъ умудряются открыть „положительную сторону“. Та мораль, которую они извлекаютъ изъ исторіи, напоминаютъ мнѣ мораль буддиста, у котораго спросили: „что скажешь ты о человѣкѣ, который тебя обругаетъ?“ Буддистъ отвѣтилъ: „я скажу: вотъ хорошій и добрый человѣкъ, который только обругалъ меня, а не ударилъ: другой на его мѣстѣ могъ бы и это сдѣлать“.—„Ну, а если онъ тебя ударить?“—„Я скажу: вотъ добрый и хорошій человѣкъ, онъ не избилъ меня, а только ударилъ“.—„А если онъ тебя избьетъ?“—„Я скажу: вотъ добрый и хорошій человѣкъ, который, избивая меня, не лишилъ меня жизни“.—„Ну, а если онъ тебя станетъ убивать?“—„Я подумаю: вотъ добрый и хорошій человѣкъ, который избавляетъ меня отъ всѣхъ горечей и страданій брэннаго земного существованія!“

Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, это стремленіе мѣркой прошлаго оцѣнивать настоящее? Такъ поступаютъ обычно буржуазныя апологеты, когда сравниваютъ положеніе современнаго рабочаго съ положеніемъ дикаря, и находятъ, что какъ бы плохо положеніе перваго ни было, онъ уже не ходитъ, подобно послѣднему, безъ штановъ, не пьетъ изъ пригоршни, не живетъ въ пещерѣ и т. п.,—слѣдовательно, „прогрессивнаго начала“ и „положительныхъ сторонъ“ въ тягостной пролетарской долѣ отрицать нельзя. Всякій марксистъ, какъ нельзя болѣе правильно отвѣтитъ

на это, что положеніе рабочихъ надо оцѣнивать совершенно другой мѣркой, мѣркой настоящаго и будущаго, а не давно-прошедшаго. Почему же они не остаются вѣрными себѣ и въ вопросѣ о тѣхъ „положительныхъ сторонахъ капитализма“, которые насъ интересуютъ? Зачѣмъ въ этомъ вопросѣ они напоминаютъ тѣхъ историковъ, про которыхъ Марксъ какъ-то выразился, что имъ старуха исторія, какъ древній іудейскій богъ одному изъ своихъ вѣрныхъ слугъ, показываетъ только свое *a posteriori*?

Рѣшительно никакой логической необходимости во всемъ этомъ не было. Исключительно полемическія увлеченія противъ „народничества“ заставили нашихъ „марксистовъ“ занять ту двусмысленную позицію, которая заставляла ихъ порою вести рѣчи, пахнувшія прямо „апологіей власти денегъ“ и составлявшія въ этомъ отношеніи печальный „признакъ времени“..

М. И. Туганъ-Барановскій въ своей „Фабрикѣ“ не разъ съ негодующей ироніей говоритъ о томъ, что его и его единомышленниковъ хотятъ выставить „апологетами капитализма“. Разъ навсегда нужно опредѣленно высказаться по этому поводу и устранить возможность всякихъ перетолкованій и недоразумѣній. Само собой разумѣется, что никто и не подумаетъ никогда обвинять Т.-Барановскаго и др. въ прислуживаніи капиталу. И если слова объ „аполоніи власти денегъ“ онъ хочетъ понять именно въ этомъ смыслѣ, то здѣсь никто не виноватъ, кромѣ самого г. Туганъ-Барановскаго и его чрезмѣрно уязвленного чувства. Рѣчь шла и теперь идетъ только объ одномъ. Гг. Струве, Туганъ-Барановскій и др. черезчуръ увлеклись обличеніемъ „народничества“. Соперничая другъ съ другомъ, стараясь побить рекорды въ отысканіи у народниковъ всѣхъ смертныхъ грѣховъ, они впали въ крайности и преувеличенія прямо невѣроятныя. Достаточно было найти у какого-нибудь народника пару словъ объ отрицательной, разрушительной работѣ капитала, чтобы обвинить его въ идеализаціи стараго натурального хозяйства и разрозненнаго мелкаго производства, въ отрицаніи техническаго прогресса, чуть-чуть не въ крѣпостничествѣ... А мотивировка этихъ обвиненій и полемика противъ „народническихъ нападокъ на капитализмъ“ окончательно увлекали нашихъ авторовъ внизъ по наклонной плоскости.

Вотъ, для примѣра, нѣсколько тирадъ, которыя безъ малѣйшаго удивленія вы встрѣтили бы, конечно, въ любой либерально-плутократической газетѣ, но которыя не могутъ не звучать диссонансомъ въ устахъ демократа:

„Техническая нераціональность хозяйства, а не капитализмъ— вотъ тотъ врагъ, который отнимаетъ хлѣбъ насущный у нашего крестьянина. Если капиталистическій строй и исполненъ противорѣчій, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что капитализмъ всюду, гдѣ онъ ни существуетъ, виноватъ во всѣхъ бѣдствіяхъ“...

„Не капитализмъ—виновникъ крестьянской бѣдности“... „Капитализмъ же, или, вѣрнѣе, товарное производство указываетъ выходъ изъ этого положенія. Онъ дѣлаетъ возможнымъ и вынуждаетъ техническую рациональность“. „Въ непосильности податей капитализмъ совершенно не при чемъ“. „Я не знаю книги, которая бы болѣе убѣдительно, чѣмъ „Національная система“ (Листа), говорила объ исторической неизбежности и законности капитализма въ широкомъ смыслѣ слова“... „Національная система“ Листа—побѣдная пѣснь торжествующаго капиталистическаго производства, во всеуслышаніе провозглашающая его культурно-историческую мощь и побѣдоносное шествіе по всѣмъ языкамъ“. „Вся современная матеріальная и духовная культура тѣсно связана съ капитализмомъ *): она выросла или вмѣстѣ съ нимъ или на его почвѣ“. „Такимъ образомъ, капитализмъ не только зло, но и могущественный факторъ культурнаго прогресса,—факторъ, не только разрушающій, но и созидаящій“. „Признаемъ же нашу некультурность и пойдемъ на выучку къ капитализму“. „Россія должна развивать у себя промышленный капитализмъ... Россія изъ бѣдной капиталистической страны должна стать богатой капиталистической страной“. „Если государство по какимъ-либо соображеніямъ желаетъ укрѣплять не крупное, а мелкое землевладѣніе, то, при данныхъ экономическихъ условіяхъ, оно можетъ достигнуть этой цѣли не тѣмъ, что будетъ гоняться за неосуществимымъ экономическимъ равенствомъ въ средѣ крестьянства, а только путемъ поддержанія его жизнеспособныхъ элементовъ, путемъ созданія изъ нихъ экономически-крѣпкаго крестьянства“. „Политика, которая направится на созданіе такого крестьянства, будетъ единственно разумной и прогрессивной политикой“ etc., etc.

Это пишетъ не нашъ извѣстный протекціонистъ и поклонникъ капитализма г. Менделѣвъ, и не г. А. С. Суворинъ, а—человѣкъ совершенно другого калибра—г. П. Струве. Слово нѣтъ, одна нѣмецкая пословица весьма справедливо говоритъ, что если два совершенно различныхъ человѣка говорятъ одно и то же, то это одно и то же—не одно и то же. Слово нѣтъ, г. Струве говоритъ не только то, что приведено нами выше, а и многое такое, чего не скажутъ никакіе Суворины и никакіе Менделѣвы. Но ненормально уже и то, что такіе люди, какъ Струве, иногда впадаютъ въ тонъ Менделѣвыхъ, а ненормальность эта просто объясняется полемическими увлеченіями противъ народничества и вызваннымъ ими игнорированіемъ очень существенныхъ различій Маркса.

Мы не придираемся хотимъ. Употребляйте себѣ, сколько хотите, терминъ „положительная стороны капитализма“:—для краткости и мы готовы употреблять этотъ терминъ, оговорившись

*) Мимоходомъ: эта «тѣсная связь» не бываетъ ли иногда похожа на тѣсную связь повѣшеннаго съ его висѣлицей? В. Ч.

только, что подъ этимъ, строго говоря, разумѣются вовсе не положительные стороны капитализма, какъ такового, а лишь кроющееся подъ этою соціальною формою *содержаніе*, у котораго съ данною формою лишь временное соединеніе и которое по своему генезису представляется совершенно самостоятельнымъ началомъ. Но не упрекайте же и насъ за то, что мы, будто бы, хотимъ видѣть только темныя стороны капитализма, и не дѣлайте изъ этого столь быстрыхъ и неосновательныхъ выводовъ, какъ, напр., будто бы мы просто на-просто враги всякаго экономическаго прогресса. Иначе мы вправѣ будемъ заявить, что вы существо этого прогресса не отдѣляете отъ его временной формы, т.-е. впадаете въ обычную ошибку апологетовъ буржуазіи. Мы вправѣ будемъ сказать, что у васъ получается „аналогія власти денегъ“, хотя у васъ это—невольный грѣхъ, тогда какъ у заправскихъ, сознательныхъ апологетовъ—вольный.

Различеніе между формою и содержаніемъ современной крупной промышленности разсѣветъ многое множество тѣхъ недоразумѣній, въ которыя вы впадали въ вашей полемикѣ противъ „Н. К. Михайловскаго и передовыхъ публицистовъ его лагеря“. И вы скоро увидите, что ³/₁₀ вашихъ нападокъ на то, что вы называли „народничествомъ“, состоитъ изъ такихъ недоразумѣній. Вы увидите, что основные, дѣйствительно кардинальные вопросы, въ отвѣтахъ на которые можетъ получиться дѣйствительное, а не мнимое и раздутое расхожденіе, часто оставались въ тѣни, просто потому, что обѣ спорящія стороны говорили на разныхъ языкахъ и плохо понимали другъ друга.

Каковы тѣ общія условія, которыми опредѣляется то или иное отношеніе между положительными и отрицательными сторонами современной крупной промышленности, между ея формою и ея содержаніемъ? Является ли это отношеніе различнымъ только для послѣдовательныхъ фазъ процесса развитія крупной промышленности? Или оно различно и для различныхъ отраслей производства? Или, наконецъ, въ связи съ этимъ оно различно и для различныхъ народо-хозяйственныхъ организмовъ, взятыхъ въ цѣломъ? Далѣе: какое значеніе имѣетъ это различіе въ отношеніяхъ а) для выработки тѣхъ или иныхъ чертъ пролетарской психики, б) психики буржуазіи, какъ соціально-политическаго типа, в) для того или другого настроенія интеллигенціи, г) для тактики передовыхъ партій, и, въ частности, д) для отношенія передовыхъ партій къ такимъ явленіямъ народной и общественной жизни, которыя могутъ облегчать развитіе „промышленнаго генія“ помимо капиталистической формы (кооперативное движеніе, общинное землевладѣніе, общинный и муниципальный коллективизмъ). Тѣмъ самымъ освѣщенъ будетъ и вопросъ о рациональномъ соотношеніи элементовъ экономическаго и политическаго въ программахъ сказанныхъ партій.

За этими общими вопросами, какъ естественное ихъ дополненіе, встанетъ конкретный вопросъ о томъ, какова комбинація условий, опредѣляющая для Россіи это соотношеніе положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ современной крупной промышленности? И какія естественныя слѣдствія вытекаютъ отсюда для тѣхъ, кто въ своей практической дѣятельности желаетъ не рабски копировать тактику тѣхъ или иныхъ сосѣдей, а самостоятельно найти путь, соотвѣтствующій всѣмъ особенностямъ окружающей его обстановки?

Какъ бы ни рѣшались различными людьми и различными литературно-общественными фракціями всѣ эти вопросы, сколько бы „разногласій“ ни получилось въ результатѣ, во всякомъ случаѣ споръ будетъ продолжаться уже по существу дѣла и будетъ основываться на взаимномъ пониманіи, а не просто на произвольномъ или непроизвольномъ извращеніи чужихъ взглядовъ, которое грозитъ дойти до того, что одна сторона будетъ обвинять другую въ стремленіи заставить человѣчество ползать на четверинкахъ, обходясь не только безъ ножей и вилокъ, а даже и безъ носовыхъ платковъ, а та, въ свою очередь, будетъ обвинять первую въ прислуживаніи къ капитализму. Идя этимъ путемъ, можно, конечно, наговорить другъ другу много непріятностей, можно вызвать много личного раздраженія и даже ненависти (причемъ *tertius gaudens* будетъ, съ одной стороны, настоящій апологетъ капитализма а съ другой—настоящій сторонникъ „добраго стараго времени“),—только не разяснить вопросъ.

И ужъ во всякомъ случаѣ результатомъ такого болѣе вдумчиваго отношенія къ дѣлу должно быть то, что въ общее сознаніе, независимо отъ всякихъ фракціонныхъ разногласій, войдутъ слова Вл. Короленко: сущность „промышленнаго генія“—одно, а условія процесса—другое. И поэтому, въ видахъ правильной перспективы необходимо, чтобы ни одна капля энтузіазма и преклоненія, довлѣющаго „человѣческому благу“, не расточалась на „условія“ и „обстановку“...

Викторъ Черновъ.

Видѣнія профессора Менделѣева на Уралѣ

I.

Профессоръ Менделѣевъ предсказываетъ блестящую будущность уральской горной промышленности. По его словамъ, не позднѣе, какъ лѣтъ черезъ 5, цѣны на желѣзо дойдутъ „до небывало малыхъ“ *) и, наконецъ, такъ понизятся, „какъ въ Западной Европѣ это просто немыслимо“ **). Производительность Урала возрастетъ до 300 милл. пудовъ „на древесномъ углѣ“, внутренний рынокъ переполнится горнозаводскими продуктами, и „тогда повезутъ уральское желѣзо въ Англію опять (?) массами, съ рельсовъ начиная“, а новыя металлургическія предпріятія будутъ расти, „какъ грибы“. Все это, увѣряетъ г. Менделѣевъ, будетъ достигнуто „послѣ выполненія немногихъ, неособенно дорого стоящихъ и, во всякомъ случаѣ, казнѣ выгодныхъ мѣръ“, но при томъ непремѣнномъ условіи, если всѣ эти мѣры будутъ выполнены въ точности, „безъ пропусковъ“. „Если же упущенія сдѣлаются, хотя бы на видѣ и малыя (въ родѣ отнесенія желѣзныхъ заводовъ къ тому или другому министерству) — вину на меня прошу не налагать.“ Тогда, говоритъ онъ, все пойдетъ прахомъ и лучше ужъ ничего не затѣвать; — „толку мало будетъ“, потому что въ выводахъ, навѣянныхъ „поѣздкой и долгимъ обдумываніемъ“, одно съ другимъ „такъ связано, что страсть“, тутъ, „какъ въ пѣснѣ—слова не выкинешь“

Центральнымъ пунктомъ заключеній г. Менделѣева является необходимость раздачи казенныхъ заводовъ частнымъ предпринимателямъ въ постоянное „владѣніе или въ арендное содержаніе“, съ тѣмъ, чтобы послѣдніе получали руды и лѣсъ изъ казенныхъ

*) Всѣ цитаты безъ ссылокъ на страницы приводятся изъ заключительной главы книги г. Менделѣева: «Уральская желѣзная промышленность въ 1899 году.»

**) Чугунъ, по мнѣнію г. Менделѣева, можетъ подешевѣть до 23—33 к., рельсы до 60—80 к., листовое кровельное желѣзо до 1 р. 40—1 р. 80 к.

дачь на льготныхъ облегченныхъ условіяхъ, „дабы черезъ то частная *) металлургическая промышленность стала развиваться на Уралѣ при содѣйствіи новыхъ предпріимчивыхъ силъ“, „борьба которыхъ должна служить умноженію количества и удешевленію желѣза.“

Въ средней Россіи, а также и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ уже замѣчается сильное оживленіе промышленности. Конечно, говорить г. Менделѣвъ, „капиталисты давно бы многое сдѣлали и въ центрѣ Урала—да нельзя; мѣста нѣтъ тутъ никому новому, все занято, они и кинулись на сѣверъ (напр., Волжско-Вихерское общество) и на югъ (напр., Урало-Волжское общество), а корень дѣла, центръ, старый Уралъ и остался при старомъ, съ казенными заводами во главѣ, оттого и медленность, развѣдать которую меня послали“.

Такимъ образомъ, главной причиной медленнаго развитія уральской промышленности, корнемъ зла, по мнѣнію г. Менделѣва, являются казенные заводы. Помимо приносимыхъ ими убытковъ, они являются постояннымъ тормазомъ промышленнаго прогресса, агентами косности и застоя. Пока они существуютъ, ничто не въ силахъ оживить уральскую промышленность: пусть казна построитъ заводоладѣльцамъ на свой счетъ желѣзныя дороги, пусть обезпечитъ ихъ дешевымъ топливомъ и рудой—все будетъ напрасно, если останутся казенные заводы, потому что хотя „явиться то явятся тогда новыя дѣла, но все же не могутъ быть ихъ операціи ни быстрыми, ни очень крупными, ни очень увѣренными, если останутся казенные заводы, такъ какъ они заняли лучшія мѣста, къ нимъ провели уже желѣзныя дороги, около нихъ уже сложились традиціи, и казнѣ невольно жаль будетъ видѣть свои заводы захудалыми, она, особенно при единствѣ управленія своими и частными заводами, часто будетъ невольно отдавать перевѣсъ требованіямъ своихъ заводовъ“. Предлагая „сразу покончить съ казенными горными заводами“, г. Менделѣвъ надѣется пресѣчь этимъ зло въ самомъ корнѣ.

Если же, говорить онъ, это не будетъ сдѣлано, то „скараго умноженія и удешевленія желѣза не дождаться ни мнѣ, ни поколѣнію нашему“.

Изъ приведенныхъ выше словъ г. Менделѣва о томъ, что капиталисты могли бы многое сдѣлать на Уралѣ, да мѣста нѣтъ, „все занято“, можно заключить, что центръ Урала весь, безъ остатка, составляетъ исключительную собственность казны, а капиталисты въ теченіе двухъ вѣковъ тщетно пытаются проникнуть въ эту недоступную для нихъ область. Если читатель понялъ г. Менделѣва именно въ такомъ смыслѣ, то я долженъ преду-

*) Гдѣ не сдѣлано особыхъ оговорокъ, курсивъ вездѣ принадлежитъ г. Менделѣву.

предить его, что онъ заблуждается. Г. Менделѣвъ не скрываетъ, да этого и нельзя скрыть, что на Уралѣ изъ всѣхъ 110 дѣйствующихъ заводовъ казенныхъ насчитывается только 14, а изъ 10 милліоновъ земли, занятой горнозаводскими округами, казнѣ принадлежитъ всего 2 милліона десятинъ. Извѣстно также, что частная горная промышленность существуетъ на Уралѣ не первый годъ: она возникла 200 лѣтъ тому назадъ и въ теченіе этихъ двухъ вѣковъ всегда имѣла громадное преобладаніе надъ казеннымъ горнозаводскимъ хозяйствомъ какъ по числу заводовъ, такъ и по величинѣ земельныхъ владѣній, какъ въ центрѣ Урала, такъ и на его окраинахъ. Въ настоящее время Екатеринбургскій и Верхотурскій уѣзды Пермской губерніи („центр“, „корень дѣла“, „старый Уралъ“) заключаютъ въ себѣ только 5 казенныхъ заводовъ съ дачами въ 525 тыс. десятинъ и 35 частныхъ заводовъ съ дачами въ $3\frac{1}{2}$ милліона десятинъ (въ 7 разъ болѣе пространства казенныхъ дачъ въ тѣхъ же уѣздахъ). Въ остальныхъ же мѣстностяхъ Урала насчитывается 9 казенныхъ заводовъ съ 1.729 тысячъ десятинъ и 62 частныхъ завода съ 5 милл. дес.

Какой широкій просторъ открытъ на Уралѣ для частныхъ владѣльцевъ, видно изъ того также, что, кромѣ горнозаводскихъ дачъ, имъ принадлежитъ еще $4\frac{1}{2}$ милліона десятинъ негорнозаводскихъ земель (все частное землевладѣніе на Уралѣ измѣряется 13 милліонами десятинъ *).

Къ этому надо прибавить еще площадь надѣльной земли горнозаводскаго населенія, гдѣ, въ силу закона 19 мая 1893 года и рѣшенія Сената 13 сентября 1893 года за № 3400, право распоряженія земными нѣдрами также принадлежитъ заводууправленіямъ. Г. Менделѣвъ такъ и говоритъ: центральный Уралъ „давно разобранъ по рукамъ“, раздѣленъ „между казенными, посессионными и частными заводами“, которые „не пускаютъ“ новыхъ предпринимателей. Для частныхъ и посессионныхъ владѣльцевъ г. Менделѣвъ находитъ оправданіе: „легко понять, говоритъ онъ, что крупные заводы, подобные, напримѣръ, Уфалейскимъ, не пускаютъ на свои земли постороннихъ предпринимателей потому, что сами они или потребляютъ свой годовой приростъ лѣса, или готовятся потребить въ желѣзное же дѣло. Посессионеры, подобные Яковлевымъ или Демидовымъ, не только находятся въ томъ же положеніи, но и не могутъ уступать посессионной земли. Собственники же, подобные гр. Строганову,

*) Отдѣльныя горнозаводскія дачи (не считая вотчинныхъ владѣній) составляютъ громадныя площади, измѣряющіяся сотнями тысячъ десятинъ. Такъ, къ заводамъ гр. Шувалова приписано 630 тысячъ десятинъ; къ заводамъ гр. Стенбокъ-Ферморъ—704; кн. Абамелекъ-Лазарева 716; кн. Санъ-Донато 784; къ Алапаевскимъ заводамъ 789; къ заводамъ гр. Строганова 681 т. д.; послѣдній владѣлецъ, кромѣ горнозаводскихъ дачъ, имѣетъ еще массу земель. Вся его земельная собственность превышаетъ $1\frac{1}{2}$ милліона десятинъ.

хотя владѣютъ около 1½ милл. десятинъ земли, но она не очень рудоносна, такъ что имъ самимъ приходится дорого платить за руду, а потому ихъ земли и не особенно подходятъ нынѣ (когда имѣть подѣздныхъ путей для подвоза руды) къ большому расширенію производительности желѣза“. Но для казны, которая тоже „держится системы частныхъ владѣльцевъ, то есть, все бережетъ про себя“ („пусть лучше лѣсъ гніетъ, но сдать его нельзя, такъ какъ онъ можетъ-де пригодиться своимъ заводамъ“), г. Менделѣвъ не находитъ ни оправданія, ни снисхожденія тѣмъ болѣе, что въ упраздненіи казенныхъ заводовъ онъ видитъ не только „средство сократить казенные расходы“, но и „единственный способъ“ привлечь на Уралъ „новыхъ частныхъ предпримчивыхъ капиталистовъ“.

Второй мѣрой къ расширенію желѣзнаго производства (кромѣ раздачи казенныхъ заводовъ) является предположеніе г. Менделѣва обезпечить частныхъ предпринимателей дешевой рудой: „чтобы сбить цѣны на руды желѣза“, по его мнѣнію, необходимо оставить казенные рудники (а также и каменноугольные копи) за казной, съ тѣмъ, чтобы отпускать руды „въ малыхъ доляхъ и дѣлянкахъ всѣмъ и каждому за невысокую, заранее определенную, разъ установленную—лѣтъ хоть на 50—плату“. Тогда „частные владѣльцы неисчерпанныхъ запасовъ поневолѣ будутъ дѣлать уступки, дѣло то и пойдетъ на ладъ, то есть, будетъ возможность быстро и вѣрно разсчитывать новыя желѣзныя дѣла всякихъ размѣровъ на Уралѣ“.

Казенные лѣса „не только въ Пермской, Вятской и Уфимской губерніяхъ, но даже и во всей сѣверной части Тобольской—вплоть до Иртыша и Оби“, г. Менделѣвъ предлагаетъ тоже оставить за казной („за изытіемъ, развѣ, 10—20%“), для снабженія заводовъ древеснымъ сгораемымъ, во 1-хъ, за „разумную“ попенную плату, „определенную заранее на долгій срокъ, напр., лѣтъ на 50 вперед“ (отъ 25 коп. до 1 руб. съ куб. сажени) и, во 2-хъ, путемъ сдачи заводовладѣльцамъ лѣсныхъ пространствъ или въ долгосрочную аренду тѣмъ, кто обязуется выплавлять „столько-то (?) чугуна въ годъ“, или „на сроки краткіе (остальнымъ заводчикамъ), лѣтъ на 10—20 не болѣе и по жребію, а не съ торговъ“, дабы не набивать цѣнъ, такъ какъ „надбавка цѣнъ“, хотя и представляетъ изъ себя „кажущійся фискальный интересъ“, но за то помѣшаетъ удешевленію чугуна, желѣза и стали, то есть, поясняетъ г. Менделѣвъ, „не будетъ отвѣчать государственной надобности въ скоромъ и вѣрномъ развитіи желѣзнаго дѣла на Уралѣ“.

Имѣя въ виду „нужду въ желѣзѣ и великую для того (?) пригодность именно приуральскихъ и уральскихъ лѣсовъ“, г. Менделѣвъ рекомендуетъ тщательно сохранять ихъ для этой цѣли и „прежде всего въ тѣхъ лѣсахъ не выдѣлять крестьянскіе надѣлы,

потому что крестьянинъ-земледѣль по существу есть истребитель лѣсовъ." (Курсивъ мой).

Кромѣ „заглавной причины“ медленнаго развитія уральской промышленности (каковой признается существованіе казенныхъ заводовъ и казенныхъ горнозаводскихъ дачъ, недоступныхъ теперь для частныхъ предпринимателей), г. Менделѣвъ усматриваетъ серьезное препятствіе къ улучшенію горнозаводскаго дѣла въ незаконченности „землевладѣльческихъ отношеній на Уралѣ.“

Во 1-хъ, законы о посессионномъ владѣніи, по его мнѣнію, „не отличаются полнотой и ясностью“, вслѣдствіе чего, „косвенно задерживаютъ развитіе желѣзнаго и многихъ другихъ дѣлъ на Уралѣ“. Посессионеры, говоритъ онъ, „находятся въ невѣдѣніи, что останется подъ конецъ у нихъ, что отберется крестьянамъ, зачислится ли что обратно въ казну или за какой либо выкупъ перейдетъ въ полную ихъ собственность“.

А при этихъ условіяхъ „непремѣнно явятся неизбежная медленность общаго движенія. А она заразительна. Если Демидовы и Яковлевы придерживаются,—идти никому скоро не хочется, всё съ сторожкой не отступаютъ отъ заведеннаго стараго, путаннаго“. Дабы покончить съ „неопредѣленностью посессионнаго владѣнія, г. Менделѣвъ высказывается за выкупъ посессионерами въ собственность находящихся въ ихъ пользованіи дачъ съ тѣмъ, чтобы выкупная сумма была опредѣлена капитализаціей добавочной горной подати.

Во 2-хъ, какъ выражается г. Менделѣвъ, крестьянъ „не надѣляютъ землей“: нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ неполные надѣлы, другіе же ничего не имѣютъ, кромѣ усадебъ, а отъ этого, говоритъ г. Менделѣвъ, „страдаютъ больше землевладѣльцы“, такъ какъ заводчику „было бы выгоднѣе держать постоянныхъ рабочихъ въ должномъ и, конечно, наименьшемъ возможномъ количествѣ, но нельзя этого сдѣлать—онъ всёмъ долженъ дать работу, потому что иначе кругомъ закрѣпленнымъ на его землѣ жителямъ нечего будетъ дѣлать и они станутъ озорничать“.

Старые заводы, говоритъ онъ далѣе, „связаны по рукамъ и по ногамъ сложными отношеніями къ окружающему крестьянству, тѣмъ болѣе, что *надѣлы полные рано или поздно будутъ же* (курсивъ мой) и всё это знаютъ, и почти нельзя кореннымъ образомъ улучшать землю и лѣса“, ибо владѣльцамъ неизвѣстно, какіе именно лѣса останутся за ними и которые отойдутъ крестьянамъ. Съ другой стороны, обостренныя отношенія между населеніемъ и заводоуправленіями, по словамъ г. Менделѣва, грозятъ въ будущемъ новой пугачевщиной, корни которой, „какъ и исторической, конечно, въ незаконченности помѣщичьихъ порядковъ“. Первыми признаками грядущей пугачевщины, повидимому, слѣдуетъ считать практикуемыя будто бы населеніемъ потравы, порубки, *умышленные поджоги* („причину частыхъ по-

жаровъ здѣсь видятъ въ обостренности отношеній владѣльцевъ дачъ съ мѣстными крестьянами“) и открытые бунты *) (!) Между тѣмъ предупредить пугачевщину нетрудно: для этого стоитъ только „покончить благую мѣру надѣла крестьянъ“. А „кончатся надѣлы, да справедливо — все старое быльемъ поростетъ“.

Съ одной стороны, г. Менделѣвъ констатируетъ дурныя отношенія между заводоуправленіями и обездоленнымъ населеніемъ, тяжбы, недоразумѣнія и свары между ними изъ-за земли, а съ другой—онъ же усматриваетъ въ отношеніяхъ владѣльцевъ къ населенію особенную сердечность, жалостливость и доброту — черту „истинно русскую“, „отъ газетъ и беллетристовъ совершенно невыясняемую“. Въ душѣ симпатизируя ей, г. Менделѣвъ находитъ ее, однако, вредной для дѣла, потому что, подъ влияніемъ этой доброты, заводчики „всѣмъ хотятъ заработокъ дать, смѣлы затѣваютъ и всякую путаницу черезъ то только умножаютъ“. Мало того, благодаря этой же „чисто русской“ жалостливости, заводовладѣльцы рискуютъ громадными капиталами только для того, чтобы мужичкамъ заработокъ дать. Напримѣръ, въ Инженскомъ краѣ крестьяне бѣдствовали, „не на чемъ имъ было достать заработка, такъ графъ Строгановъ пожалѣлъ—и заводъ завелъ: пусть люди кормятся“. И это будто бы не исключеніе. „Видалъ и знаю“, говоритъ г. Менделѣвъ, „не одинъ такой случай, почти невѣроятный во многихъ частяхъ западной Европы“, „говорю по правдѣ, что и сейчасъ черта эта русскаго характера не только не исчезла, а дѣйствуетъ во всю силу... И тянется поэтому медленная канитель сложнѣйшихъ отношеній. Когда тутъ сосредоточиться на техникѣ дѣла, сконцентрировать на ней знаніе, вниманіе, трудъ и капиталъ, когда первая забота сводится на отношеніе къ окружающему населенію, отлично понимающему то зависимое отъ нихъ положеніе, въ которое поставленъ нынѣ неосвобожденный заводчикъ “. (Курсивъ мой).

Горнозаводскіе крестьяне до такой степени будто бы набалованы добротой заводовладѣльцевъ, что „разсматриваютъ заводъ чуть не какъ собственность, или вѣрнѣе, какъ мѣсто гдѣ они *имѣютъ право требовать себѣ работу*“ (курсивъ мой) **). Г. Менделѣвъ прямо возмущенъ этой, по его мнѣнію, нелѣпой увѣренностью населенія въ томъ, „что заводъ *обязанъ* кормить рабочаго, т. е., давать ему работу во всякое время“ **), особенно же его возмущаютъ „земскіе начальники и полиція“, которые будто бы „склонны поддерживать“ эту „невѣрную идею“, крайне притомъ опасную, по мнѣнію г. Менделѣва, такъ какъ „недоразумѣнія на

*) См. часть 1-ю. стр. 165, 166, 294, 363, 366 и другія.

**) Уральская желѣзная промышленность въ 1899 г. ч. 1-я стр. 126.

***) Тамъ же, стр. 165—166.

этой почвѣ приводятъ къ открытымъ бунтамъ“ *). Для характеристики мѣстнаго крестьянства („грубая кичливость“ котораго будто бы несомнѣнна) г. Менделѣевъ приводитъ такой случай. Ёхалъ онъ въ открытыхъ парныхъ дрожкахъ съ „многоуважаемымъ“ управляющимъ Кыштымскими заводами, Павломъ Михайловичемъ Карпинскимъ. „На съѣздѣ съ моста оказались возы и пустыя телѣги, ѣхавшія въ такомъ безпорядкѣ и въ тѣснотѣ, что не оставалось мѣста для проѣзда. Кучеръ, конечно, кричить, требуя пропуска. Его дали другіе, но на одной телѣгѣ парень при этомъ сталъ такъ браниться, что въ любомъ городѣ его немедленно забрали бы въ полицію“ **). Для характеристики же попустительства мѣстной администраціи по отношенію къ горнозаводскому населенію ученый изслѣдователь Урала даетъ мѣсто въ своей книгѣ своеобразному описанію „многоуважаемымъ“ П. М. Карпинскимъ случившагося съ нимъ инцидента 4 января 1898 г., когда заводское населеніе единогласнымъ приговоромъ отъ 1200 бывшихъ на соединенномъ сходѣ домохозяевъ постановило ходатайствовать предъ правительствомъ „объ удаленіи его, г. Карпинскаго, навсегда изъ Кыштымскихъ заводовъ“. Конечно, значитъ въ этомъ разсказѣ, приговоръ былъ отмѣненъ, но „*слѣдствіемъ непринятія администраціей никакихъ мѣръ*“ (курсивъ мой) было то, что 9 ноября 1899 г., (т. е. по прошествіи почти 2 лѣтъ послѣ составленія приговора) населеніе оказало „вооруженное сопротивленіе судебному и становому приставамъ при продажѣ имущества въ возмѣщеніе убытковъ за самовольное пользованіе, причемъ толпа доходила до 100 человѣкъ“... Таковы, какъ увѣряетъ г. Менделѣевъ, послѣдствія, съ одной стороны, „доброты“ и „жалостливости“ заводоуправленій, съ другой—„грубой кичливости“ крестьянства и съ третьей — „попустительства“ администраціи.

Третьей важнѣйшей причиной медленнаго развитія горнозаводскаго дѣла на Уралѣ г. Менделѣевъ признаетъ „гузовой провозъ“, медленный по своей природѣ, на смѣну которому необходимо для Урала на каждые 50 милліоновъ чугуна, „по крайней мѣрѣ, 2500 верстъ специальныхъ желѣзныхъ дорогъ, кромѣ существующихъ“. Пока г. Менделѣевъ проектируетъ 4 дороги: *Тобольскую* (отъ Кушвы, черезъ Верхотурье и Тавду до Тобольска)—для доставки лѣса, *Магнитно-Пермскую* (отъ горы Магнитной и отъ Комаровскихъ рудниковъ на Пермь черезъ Бѣлорѣцкій и Артинскій заводы)—для подвоза рудъ, *Омско-Кыштымскую*—для облегченія великой Сибирской дороги и *Егоршинскую* (продолженіе Каменской вѣтви до линіи Омскъ-Кыштымъ на югъ, съ тѣмъ, чтобы проектируемая дорога прошла черезъ Егоршинскія каменно-

*) Тамъ же.

**) Часть 1-я, стр. 460.

угольные копи и дошла пока до Ирбита, а впоследствии—до Тобольской линии) — для подвоза каменноугольного и древесного топлива.

Кромѣ устраненія трехъ основныхъ причинъ застоя уральской промышленности (существованіе казенныхъ заводовъ, которые „не пускаютъ“ новыхъ предпринимателей, земельное неустройство и „гужевой провозъ“), г. Менделѣвъ отмѣчаетъ рядъ другихъ, менѣе важныхъ, которыя, по его мнѣнію, могутъ быть устранены слѣдующими мѣропріятіями:

1) отнесеніемъ управленія горными заводами въ вѣдѣніе министерства финансовъ, такъ какъ металлургическія производства „ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ другихъ фабрично-заводскихъ производствъ, вѣдаемыхъ министерствомъ финансовъ“ и въ корнѣ связаны „съ торговой политикою страны“;

2) установленіемъ явочнаго порядка для открытія заводовъ (взаимнѣ существующаго нынѣ разрѣшительнаго) съ тѣмъ, чтобы инспекція ихъ производилась чинами министерства финансовъ („а не горными“);

3) покровительствомъ и особо внимательнымъ поощреніемъ („не деньгами, что очень рискованно, а мѣропріятіями“) среднихъ и мелкихъ („почти ремесленныхъ“) заводовъ, для выращиванія крупныхъ предпріятій;

4) учрежденіемъ на Уралѣ, „при министерствѣ финансовъ“ specialнаго высшаго учебнаго заведенія (металлургическаго института) и расширеніемъ средняго и низшаго профессиональнаго горнотехническаго образованія.

Кромѣ того, г. Менделѣвъ, какъ и всегда, является въ своихъ заключеніяхъ объ уральской горной промышленности ортодоксальнымъ протекціонистомъ и защитникомъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ на горнозаводскіе продукты.

Въ заключение г. Менделѣвъ заявляетъ, что онъ находитъ „неумѣстнымъ“ входить въ разсмотрѣніе вопросовъ болѣе общаго характера, хотя и близко касающихся заводскаго дѣла, каковы: „вопросъ о правахъ на нѣдра, долженствующій встать на очередь тотчасъ за полнымъ уясненіемъ правъ на поверхность земли, о правахъ на отводы, о ссудахъ, о банкахъ“ и прочіе, „требующіе особо подробнаго разсмотрѣнія и изложенія“.

II.

Таковы выводы г. Менделѣва изъ его специальной поѣздки на Уралъ, въ правильности которыхъ онъ непоколебимо увѣренъ, что, между прочимъ, видно изъ слѣдующихъ вступительныхъ словъ его заключительной главы: „когда поѣздка наша кончилась и всѣ мы, четверо, собрались и столковались, стало яснымъ,

что главные выводы у всѣхъ тождественны и что они у насъ сложились не въ концѣ, даже не въ срединѣ пути, а *при самомъ его началѣ* (курсивъ мой), отъ первыхъ личныхъ впечатлѣній, только подтверждавшихся и дополнявшихся послѣдующими — до того многое однородно по всему Уралу. Обстоятельства все укладываются въ однѣ рамки. Если бы, вмѣсто недѣль, мы ѣздили годы, вышло бы въ концѣ то же самое заключеніе“.

Не спорю, г. Менделѣвъ и его сотрудники, можетъ быть, и дѣйствительно не измѣнили бы своихъ заключеній, если бы, вмѣсто недѣль, ѣздили по Уралу цѣлые годы, можетъ быть, и дѣйствительно подѣ влияніемъ какихъ-то обстоятельствъ, все укладывавшихъ „въ однѣ рамки“, они „столковались“ очень скоро („не въ концѣ, даже не въ срединѣ пути, а при самомъ его началѣ“). Но едва-ли это, само по себѣ очень странное, обстоятельство говорить въ пользу изслѣдователей и доказываетъ незыблемость ихъ выводовъ. Разрѣшеніе „первыми личными впечатлѣніями“ сложныхъ экономическихъ вопросовъ — указываетъ лишь на то, что объективныхъ изслѣдованій г. Менделѣвымъ и его сотрудниками вообще не производилось и что „впечатлѣнія“ подготовлялись какими-то особенными условіями, которыя охраняли стройную гармонію этихъ впечатлѣній отъ посягательства на нее нестройныхъ звуковъ пестрой дѣйствительности. Изъ рассказовъ самого г. Менделѣва обнаруживается, что онъ самъ и его сотрудники, дѣйствительно, съ самого начала пути и до конца поѣздки были отдѣлены отъ жизни, подлежащей ихъ изученію, плотной стѣной заинтересованныхъ результатами изслѣдованія мѣстныхъ горнопромышленныхъ дѣятелей, „высокочтимыхъ“, „многоуважаемыхъ“, „теплыхъ“, „симпатичныхъ“, „просвѣщенныхъ“, какъ называетъ ихъ г. Менделѣвъ, очарованный гостепріимствомъ, любезностью, опытностью, умомъ, энергіей и другими высокими ихъ достоинствами.

„За чаемъ (говоритъ г. Менделѣвъ, на страницѣ 453 въ 1-ой части своей книги) отъ этого собранія просвѣщеннѣйшихъ, вдумчивыхъ и опытныхъ мѣстныхъ дѣятелей я столько слышалъ важныхъ и свѣжихъ свѣдѣній о желѣзномъ и лѣсномъ дѣлѣ центральнаго Урала, что это освѣтило мнѣ разнообразнѣйшія отношенія“. Въ другомъ мѣстѣ, благодаря гостепріимнымъ хозяевамъ, г. Менделѣвъ обогатился новыми свѣдѣніями о нуждахъ Урала: „Когда я поговорилъ денежъ съ гг. Дружиниными, одними изъ хозяевъ завода, и съ многоуважаемымъ управителемъ всѣхъ Кыштымскихъ заводовъ (ихъ пять), Павломъ Михайловичемъ Карпинскимъ, то стали еще полнѣе мои усиленные сужденія о томъ, — какими мѣрами можно расшевелить Уралъ. День былъ прекрасный, люди, съ которыми бесѣдовалъ, теплые, просвѣщеннѣйшіе, полные опытности и оживленные; подробности смотрѣлъ С. П. Вуколовъ (стр. 176), а мнѣ пришлось услышать и, никуда почти

не выходя, видѣть множество интереснѣйшаго, оставаясь въ уютномъ семейномъ кругу Павла Михайловича, который занимаетъ нижній этажъ превосходнаго барскаго дома, отъ котораго дышетъ прошлымъ, но гдѣ живетъ все новое и молодое, начиная съ воспитываемой горной козочки, фотографія съ которой, къ сожалѣнію, не удалась *).

Въ Н. Тагилѣ „багажъ мыслей“ почтеннаго изслѣдователя увеличился по вопросамъ, касающимся поссессіоннаго владѣнія и отношеній между казенными и частными заводами. Здѣсь, какъ и вездѣ, радушное гостепріимство, изысканная любезность, импонирующая обстановка заранѣе подготовляли почву для воспріятія тѣхъ „впечатлѣній“, которыя сыграли рѣшающую роль въ изученіи Урала г. Менделѣевымъ.

„Вхожу, повѣствуетъ онъ о тагильскихъ впечатлѣніяхъ, въ богатые залы, по стѣнамъ старинные портреты предковъ Демидовыхъ и картины не новаго покроя; такова же вся обстановка, даже терраса подъ окнами, даже видъ въ садъ и на окрестности,—все дышетъ чѣмъ-то почтеннымъ, устоявшимся и не вчерашнимъ. Выходитъ бодрый, но уже сѣдой Анатолій Октавовичъ, явно дополняющій картину своею любезностью, видимо хорошо взвѣшенными сужденіями и всѣми приѣмами; приходитъ и управляющій Нижне-Тагильскими заводами, путеецъ, многоуважаемый Павелъ Иринарховичъ Замятинъ, и тутъ видишь во всемъ, отъ разговоровъ до жестовъ,—положительность, спокойную увѣренность и настойчивость, какихъ рѣдко встрѣтишь въ нынѣшнихъ людяхъ дня и современной спѣшливой суеты. День, проведенный мною съ этими лицами, и множество предметовъ, на которые переходили разговоры,—все оставило во мнѣ эти впечатлѣнія, и я долженъ сознаться, что выѣхалъ изъ Тагила съ очень увеличеннымъ багажемъ мыслей, касающихся Урала, особенно, по отношенію къ поссессіоннымъ владѣніямъ и къ отношенію между казенными и частными заводами“ **).

Въ той же средѣ „высокопочтимыхъ“ и „многоуважаемыхъ“ г. Менделѣевъ воспринялъ взгляды (если не составилъ ихъ еще до поѣздки) на „грубую кичливость“ горнозаводскихъ крестьянъ, на безпокойность ихъ нрава, на неосновательность требованій мѣстнаго населенія, на его высокую будто-бы матеріальную обеспеченность. Читатель можетъ по достоинству оцѣнить способы изученія г. Менделѣевымъ условій быта горнозаводскаго населенія, основываясь на собственныхъ словахъ ученаго изслѣдователя: въ Шайтанскомъ заводѣ, говоритъ онъ, „народъ весь одѣтъ такъ исправно, что я приписалъ это воскресному дню; но назадъ ѣхалъ въ будни—все то-же и не тутъ только, а вездѣ, гдѣ при-

*) Часть 1-ая, стр. 457.

**) Часть 1-ая, стр. 412.

ходило видѣть много крестьянъ на Уралѣ. Довольство, видное тутъ, очевидно, зависитъ отъ заработковъ на заводахъ. Объ ихъ количествѣ сообщилъ мнѣ подробнѣе земскій начальникъ въ Билимбаѣ. Онъ завѣрялъ, что нѣтъ такого крестьянина въ этихъ мѣстахъ, который зарабатывалъ бы менѣе 10 руб. въ мѣсяцъ, работая очень исподволь и все почти издѣльно, т. е., получая не поденную плату, а подрядную съ количества вырубки дровъ, выжиганія угля, подвозки и т. п. Работающіе же и непыющіе крестьяне достаютъ среднимъ числомъ рублей по 15 — 20 въ мѣсяцъ. Земскій начальникъ доказывалъ хорошую обезпеченность крестьянъ здѣшнихъ мѣстъ особенно тѣмъ, что на каждого жителя здѣсь приходится по 15—20 и даже болѣе рублей въ годъ выпитой водки и тѣмъ, что чайная торговля тутъ процвѣтаетъ *).

Конечно, уже самые источники, изъ которыхъ г. Менделѣвъ черпалъ свѣдѣнія объ Уралѣ, способы изслѣдованія, обстановка, которой онъ былъ заботливо окруженъ во время поѣздки, заранѣе предрѣшали общій смыслъ будущихъ „авторитетныхъ“ заключеній, и заранѣе же всѣ интересовавшіеся здѣсь экспедиціей знаменитаго ученаго поняли, что ничего новаго, оригинальнаго и справедливаго по важнѣйшимъ основнымъ вопросамъ горнозаводскаго Урала онъ не скажетъ; поняли это съ перваго же момента, какъ только узнано было, что г. Менделѣвъ прямо съ парохода очутился въ средѣ „высокочтимыхъ“ и „многоуважаемыхъ“.

И тѣмъ не менѣе, г. Менделѣву всетаки удалось, не смотря на тяготѣвшія надъ нимъ условія, составить совершенно вѣрные взгляды: о необходимости завершения земельного устройства горнозаводскихъ крестьянъ (хотя онъ пришелъ къ этому, исходя изъ интересовъ заводовладѣльческихъ), объ отмѣнѣ стѣсненій кустарной и мелкой промышленности, объ установленіи явочнаго порядка для открытія заводовъ и промышленныхъ заведеній, объ учрежденіи высшаго учебнаго заведенія на Уралѣ и улучшеніи средняго и низшаго горнотехническаго образованія, наконецъ, о подчиненіи горной промышленности, въ смыслѣ надзора, фабричной инспекціи, съ упраздненіемъ существующей организаціи надзора черезъ горныхъ чиновъ, дѣйствительно вредной для дѣла, по установившимся въ этомъ вѣдомствѣ традиціямъ и привычкамъ, имѣющимъ свою очень длинную и очень печальную исторію.

Перечисленными пунктами исчерпываются положительные результаты изслѣдованія. Всѣ остальные заключенія г. Менделѣва являются грубыми заблужденіями и во многихъ случаяхъ обнаруживаютъ поразительную неосвѣдомленность его ни съ подлинными условіями частной горной промышленности, застоявшейся, по выраженію одного изъ знатоковъ Урала, „отъ излишняго питанія“, ни съ положеніемъ горнозаводскаго населенія, ни съ за-

*) Часть 1-ая, стр. 452.

конами о горнозаводскихъ крестьянахъ, ни съ исторіей края. Не лишены интереса мотивы, при помощи которыхъ онъ укрывается отъ уроковъ прошлаго: „Только съ середины 80-хъ годовъ“ (?) говоритъ онъ, „стали заботиться о водвореніи въ Россіи своего желѣзнаго дѣла единственнымъ возможнымъ для того путемъ—покровительствомъ внутреннему производству. Слѣдовательно (?), вопросъ о медленности надо разбирать не за прошлыя или давнія времена, а только за періодъ 90-хъ годовъ“ (!)...

Не останавливаясь на этомъ, ни съ чѣмъ не сообразномъ, заявленіи г. Менделѣева, перехожу къ разсмотрѣнію его основныхъ положеній и прежде всего къ заключенію „авторитетнаго“ изслѣдователя о необходимости раздать казенные заводы частнымъ лицамъ.

III.

Идея раздачи казенныхъ заводовъ частнымъ предпринимателямъ не представляетъ собой чего-либо новаго: она возникла вскорѣ же послѣ смерти Петра, въ царствованіе Екатерины I, но въ началѣ не имѣла успѣха, благодаря настойчивому противодействию со стороны извѣстнаго Петровскаго дѣятеля—де-Геннинъ. Позднѣе, въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, эта мысль возродилась съ новою силою и встрѣтила вполне благоприятную для себя почву. Во главѣ управленія горною частью на Уралѣ находился тогда ставленникъ извѣстнаго временщика Вирона, соплеменникъ его, нѣкто Шембергъ, который, въ званіи бергъ-директора, получилъ власть распоряжаться Ураломъ единолично (до него существовало коллегіальное управленіе, установленное Петромъ I подъ именемъ бергъ-коллегіи). Пользуясь этою властію и будучи воодушевленъ исключительно стремленіемъ къ наживѣ, Шембергъ задумалъ смѣлый планъ быстрого обогащенія за счетъ чужого ему края. Но даже и этотъ завѣдомый проходимецъ нашелъ необходимымъ облечь свои стремленія въ приличную форму заботъ о государственной пользѣ. Свои соображенія о необходимости раздать казенные заводы, въ виду убыточности ихъ, „охочимъ людямъ въ компанію“ онъ представилъ къ тому же не отъ себя лично, а въ видѣ заключенія особой „коммиссіи о горныхъ дѣлахъ“.

Въ 1738 г. мнѣніе послѣдней было принято, а въ 1739 г. послѣдовало изданіе особаго закона (бергъ-регламентъ), въ которомъ идея Шемберга получила широкое развитіе. „Хотя въ Сибири и другихъ нашихъ пространныхъ провинціяхъ, значится въ этомъ законѣ *), не малое число тѣхъ заводовъ, мѣдныхъ и желѣзныхъ, казеннымъ коштомъ построено и съ оныхъ довольно

*) Введеніе къ бергъ-регламенту.

число мѣди и желѣза происходитъ, и не токмо на государственное употребленіе и на продажу въ народѣ производится, но и въ иностранныя государства дѣйствительно въ продажу отпускаются. Однако же, оныя наши заводы для многихъ околичностей и излишнихъ изживеній не столько прибыточны и государству нашему полезны, какъ оныя, которые на изживеніи партикулярныхъ людей содержатся, ибо партикулярные люди, имѣя заводы и фабрики въ своемъ собственномъ владѣніи, для лучшей своей пользы, старанія прилагаютъ всякимъ удобовозможнымъ образомъ тѣ заводы и фабрики распространять... И того ради, мы всемилостивѣйшее намѣреніе воспріяли... всѣ наши казенные рудопромышленныя заводы, которые нашимъ изживеніемъ построены и дѣйствительно дѣломъ производятся, такъ и новообъсканныя рудныя мѣста, въ которыхъ заводовъ еще не построено, отдать въ разныя компаніи или партикулярнымъ людямъ россійскимъ и заграничнымъ“.

Въ томъ же 1739 г. стремленія Шемберга увѣнчались полнымъ успѣхомъ, ибо, въ качествѣ перваго „охочаго человѣка“, онъ получилъ въ свое владѣніе лучшее казенное имущество—гору Благодать съ людьми, заводами, дачами и со всѣми матеріалами, имуществомъ и выработанными продуктами, а въ слѣдъ затѣмъ громадныя казенныя ссуды, новые отводы земель, тысячи приписныхъ крестьянъ и проч. Положимъ, судьба вскорѣ же измѣнилась Шембергу: послѣ паденія Бирона онъ былъ низложенъ и высланъ за границу, причемъ тогда же (въ 1742 г.) была уничтожена самая должность бергъ-директора, которую онъ занималъ. Но изобрѣтенный Шембергомъ способъ расхищенія казеннаго добра былъ воспринятъ новыми дѣятелями, которые пользовались имъ уже безъ всякаго стѣсненія. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ они раздѣлили между собой всѣ казенныя заводы на Уралѣ, кромѣ Екатеринбургскаго и Каменскаго. Графъ П. М. Шуваловъ взялъ себѣ Туринскіе, Кушвинскій и Баранчинскій заводы, (съ дачами, крестьянами, выдѣланнымъ чугуномъ и желѣзомъ), причемъ ему же была выдана казенная ссуда, а уплата денегъ за заводы разсрочена на 10 лѣтъ; гр. Чернышевъ получилъ Юговскіе заводы, Гурьевъ—Алапаевскій, Синячихинскій и Суксунскій, Ягузинскій—Сылвинскій и Уткинскій, М. Л. Воронцовъ—Пыскорскій, Висимскій и Мотовилихинскій, Р. Л. Воронцовъ—Верхъ-Исетскій и Турчаниновъ—Сысертскій, Полевской и Сѣверскій. Захвативъ казенное имущество, новые владѣльцы не обременяли себя заботами о развитіи и улучшеніи дѣла, о которомъ едва-ли имѣли какое-нибудь понятіе; не сочли нужнымъ даже уплатить казнѣ деньги за купленные заводы *), а всѣ усилія направили на то, чтобы выжать изъ нихъ какъ можно болѣе денегъ. Наиболѣе простымъ и легкимъ средствомъ къ обогащенію являлись

*) Изъ всѣхъ покупателей деньги уплатилъ одинъ Турчаниновъ.

тогда приписные крестьяне. Получить их было нетрудно: для этого стоило только указать рядъ деревень, населенныхъ государственными крестьянами, и ходатайствовать о припискѣ ихъ къ тому или другому заводу. Правительство относилось къ этимъ ходатайствамъ благосклонно, такъ какъ, по увѣренію заводчиковъ, они терпѣли крайній недостатокъ въ рабочихъ. Легкость добычи вызывала среди заводоуправляющихъ алчность и соревнованіе: каждый старался захватить какъ можно больше крестьянъ и опередить въ этомъ отношеніи своихъ соперниковъ. По мѣрѣ того какъ разбирались по рукамъ наиболѣе близкія къ заводамъ деревни, кругъ этихъ операций все расширялся: впоследствии уже приписывались къ заводамъ деревни, отстоявшія отъ нихъ на разстояніи 400, 500 и болѣе верстъ! До чего доходила тогда жадность заводчиковъ, видно изъ того, что одинъ графъ Шуваловъ въ теченіе 5 лѣтъ приписалъ къ своимъ заводамъ около 30 тысячъ крестьянъ.

Въ средствахъ для извлеченія выгодъ изъ этого живого имущества заводчики не стѣснялись. Помимо обычныхъ для того времени жестокихъ расправъ, бывали случаи, когда озвѣрѣлые заводскіе приставники „строенія жгли, скотъ и хлѣбъ грабили, самихъ крестьянъ мучили“ *).

Невѣроятныя звѣрства „этихъ представителей промышленности, говорить г. Бѣловъ, совершавшіяся только ради корысти, дѣйствительно способны были поднять на самозащиту самый спокойный народъ“. И дѣйствительно народъ, доведенный до отчаянія, поднимался много разъ, много разъ спеціальныя слѣдствія раскрывали послѣ того ужасное, невыносимое положеніе приписныхъ крестьянъ, измученныхъ на заводской работѣ, но, въ концѣ концовъ крестьяне принуждались къ повиновенію воинской силой и затѣмъ дѣлались лишь незначительныя смягченія ихъ участи, такъ какъ „для расширенія горнозаводскаго дѣла“ жертвы признавались необходимыми.

Такимъ образомъ, опытъ оживленія уральской горной промышленности путемъ передачи казенныхъ заводовъ „на иждивеніе партикулярныхъ людей“ произведенъ былъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ еще въ XVIII вѣкѣ. Условія, въ которыхъ были поставлены тогда „партикулярные“ промышленники, казались идеальными: казна уступила имъ всѣ свои заводы, дачи, крѣпостныхъ людей, заготовленные матеріалы и выработанные продукты, къ уплатѣ денегъ за отданное имущество не понуждала, позволяла заводчикамъ закрѣпощать государственныхъ крестьянъ въ неограниченномъ числѣ, на поддержаніе дѣла выдавала щедрыя ссуды.

*) Изъ дописанія губернатора Чичерина (см. Бѣловъ «Историческій очеркъ Уральскихъ горныхъ заводовъ»).

И тѣмъ не менѣе, все это оказалось напраснымъ: розданные „партикулярнымъ людямъ“ заводы не только не процвѣли, но быстро пришли въ упадокъ и, окончательно разстроенные, были взяты обратно въ казну за долги, причемъ самая ликвидація „партикулярнаго иждивенія“ потребовала отъ казны новыхъ жертвъ: графъ Шуваловъ при роздѣлѣ заводовъ долженъ былъ уплатить за нихъ (но не уплатилъ) 179 тыс. руб., а въ казну въ разстроенномъ видѣ сдать ихъ за 680 тысячъ; графъ Чернышевъ, вмѣсто 92 тыс., которые онъ долженъ былъ уплатить за Юговскіе заводы (но тоже не уплатилъ), сдать ихъ за 430 тыс.

Столь печальныя послѣдствія „партикулярнаго содержанія“ казенныхъ заводовъ надолго дискредитировали идею ликвидаціи казеннаго горнозаводскаго хозяйства. Она не появлялась съ тѣхъ поръ болѣе 100 лѣтъ и только во второй половинѣ XIX в. вновь была вызвана изъ мрака временъ роковой убыточности казенныхъ заводовъ. Въ 1870 г. признано было необходимымъ продать въ частную собственность слѣдующіе казенные горные заводы на Уралѣ: Богословскій, Песковскій, Кирсинскій, Серебрянскій, Н. Туринскій, Н. Исетскій, Артинскій, Юговской и Екатеринбургскую механическую фабрику *). Изъ нихъ Богословскій округъ, съ дачей въ 385 тыс. десятинъ, въ 1875 г. проданъ ст. сов. Башмакову за 2.050.000 руб., съ разсрочкою уплаты на 37 лѣтъ, и два завода Вятскаго округа—Кирсинскій и Песковскій, съ дачами въ 209½ тыс. дес., въ 1879 г. проданы Пастуховымъ за 270 тыс. руб., съ безпроцентной разсрочкою уплаты этой суммы на 7 лѣтъ, и, наконецъ, въ 1883 г. зданія Екатеринбургской механической фабрики и монетнаго двора были переданы въ вѣдѣніе министерства путей сообщенія.

Условія этихъ отчужденій нашли себѣ справедливую оцѣнку во всеподданнѣйшемъ отчетѣ бывшаго тогда министра госуд. имущ. М. Н. Островскаго, „Продавать казенныя земли, значитъ въ этомъ отчетѣ, съ лѣсами, минеральными мѣсторожденіями и заводскими строеніями по 5 р. 32 коп. (для Богословскаго округа) или по 1 р. 30 коп. (для Вятскихъ заводовъ) за десятину, не значить-ли отчуждать казенныя имущества за слишкомъ ничтожную цѣну?“ Позднѣе (во всеподданнѣйшемъ докладѣ о результатахъ поѣздки на Уралъ въ 1874 г.) г. Островскій уже прямо называетъ продажу Богословскаго округа неправильной; продажа эта, по его мнѣнію, была произведена, вопреки „правилъ 1871 г. безъ предварительнаго ограниченія надѣловъ населенія, безъ оцѣнки и при помощи торговъ съ крайне ограниченною конкурен-

*) Кроме уральскихъ, назначались въ продажу и другія горнозаводскія имѣнія: Луганскій заводъ (Екатеринославской губ.), Лисичанскій съ каменно-угольными копями (той же губ.), Алаирскій серебро-свинцовый заводъ съ рудниками и дачей (Терской области).

цію: къ состязанію были приглашены немногія лица, которыхъ бывшій министръ госуд. имущ. призналъ достаточно благонадежными. Но даже и тѣ „необременительныя“ условія продажи Богословскаго округа, которыя явились слѣдствіемъ нарушенія правилъ 1871 г., по словамъ г. Островскаго, „не были строго соблюдены“: при наступленіи перваго же срока уплаты разсроченной суммы, покупщикъ просилъ и получилъ отсрочку этого платежа на 2 года и разсрочку его на 8 лѣтъ. Затѣмъ наслѣдникамъ покупщика дана была новая льгота въ видѣ зачета въ уплату покупной суммы представленнаго при торгахъ залога и отсрочки всѣхъ платежей на 4 года. До какой степени это предпріятіе выгодно было для покупщика, видно изъ того, говоритъ г. Островскій, что въ 1884 г. владѣльцы Богословскаго округа продали его за 5.707,606 рублей.

Признавая дальнѣйшее отчужденіе казенныхъ заводовъ „неосторожною мѣрою“ *), г. Островскій находилъ болѣе цѣлесообразнымъ другой способъ передачи убыточныхъ для казны горнозаводскихъ имуществъ въ частныя руки—аренду заводовъ.

Первымъ опытомъ въ этомъ направленіи является сдача горнымъ инженерамъ Урбановичу и Захаровскому въ арендное содержаніе Юговскаго казеннаго завода. Условія этой аренды чрезвычайно характерны. По договору, заключенному 13 августа 1892 года, заводъ „въ полномъ составѣ“, съ различными зданіями, „сооруженіями, мастерскими, механизмами, инструментами, плотиною, прудомъ, казенною заводскою землею“, переданъ на 36 лѣтъ, съ правомъ получать въ теченіе этого срока лѣсъ и топливо „по мѣрѣ потребности“ изъ Юговской и Аннинской казенныхъ дачъ (притомъ въ первые 3 года—„изъ ближайшихъ участковъ“ дрова по 45 коп. за куб. сажень и строевой лѣсъ—по низшей таксѣ). Кромѣ того, арендаторамъ предоставлено право безплатно пользоваться для надобностей завода какъ свободными мѣдными рудниками, такъ и вновь открываемыми мѣсторожденіями въ Аннинской и Юговской дачахъ, съ условіемъ воспрещенія развѣдокъ этой руды постороннимъ лицамъ, а также разработкою торфа и строительныхъ ископаемыхъ матеріаловъ.

За все это арендаторы обязаны по договору уплачивать, во 1-хъ, горную подать съ выплавленной мѣди въ размѣрѣ, установленномъ для заводовъ владѣльческихъ, и, во 2-хъ, попенныя деньги съ потребленныхъ лѣсныхъ матеріаловъ. Въ обезпеченіе же цѣлости сданнаго въ аренду имущества и исправной уплаты арендныхъ денегъ, г.г. Урбановичъ и Захаровскій обязывались внести залогъ въ суммѣ 3 тысячъ рублей.

*) Изъ всѣхъ казенныхъ заводовъ Островскій находилъ возможнымъ продать только три: Камскій, Юговской и Н. Исетскій.

Значеніе этого „аренднаго“ договора для интересовъ казны едва ли требуетъ разъясненій.

Прежде всего онъ не можетъ быть признанъ арендной сдѣлкой, потому что имъ не установлено никакой арендной платы. Въ данномъ случаѣ право пользованія заводомъ подарено „арендаторамъ“ и подарено къ тому же съ большой приплатой отъ казны.

Въ 8 пунктѣ договора буквально значитъ слѣдующее: „*въ вознагражденіе казны за отдачу въ арендное содержаніе Юговскаго мѣдноплавительнаго завода мы, арендаторы, уплачиваемъ: 1) горную подать... и 2) попенныя деньги*“... Но горною податью обложены всѣ заводы, безъ исключенія; лѣсомъ казенныхъ дачъ безплатно никто изъ нихъ не пользуется, а отсюда очевидно, что ни горная подать, ни попенныя деньги не могутъ служить *вознагражденіемъ* казны за отчужденное право пользованія этимъ имуществомъ, замѣной арендной платы.

Приплатой казны къ даровому пользованію казеннымъ заводомъ является необычайно льготный, тоже почти даровой, отпускъ арендаторамъ дровъ и лѣса. Послѣдній, въ силу договора, они получаютъ по низшей таксѣ, по которой за еловое или пихтовое бревно 3 саж. длины и 6 вершковъ толщины, на разстояніи 10—15 верстъ отъ завода, взимается всего на всего 14 копѣекъ, тогда какъ на мѣстномъ рынкѣ такое же бревно продается по 1 руб. 30 коп.

Дрова по договору отпускаются арендаторамъ по 45 коп. за кубическую или по 15 коп. за квадратную сажень.

Имѣя въ виду столь неудачные опыты продажи и сдачи въ аренду казенныхъ заводовъ *), министръ государств. имуществъ, г. Ермоловъ, рѣшительно возсталъ противъ дальнѣйшаго отчужденія казенныхъ горнозаводскихъ имуществъ. „Предшественникъ мой,—писалъ онъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о поѣздкѣ на Уралъ въ 1895 г.,—находилъ возможнымъ продать только Камскій, Юговской и Н. Исетскій заводы, я же лично полагалъ бы необходимымъ... не отчуждать ни одной пяди казенной земли, ни одного руднаго мѣсторожденія, не продавать и не закрывать ни одного завода“. Для устраненія же убыточности казеннаго хозяйства и наилучшей эксплуатаціи дачъ и рудныхъ мѣсторожденій г. Ермоловъ проектировалъ упрощенный типъ хозяйства, заключающійся въ добычѣ руды и выплавкѣ чугуна на продажу по умѣреннымъ, но „прибыльнымъ для казны“ цѣнамъ, съ цѣлью противодействовать „пагубному стремленію частныхъ заводчиковъ искусственно повышать цѣны для доставленія себѣ громадныхъ, ничѣмъ не

*) Я не упоминаю случаевъ продажи заводовъ и дачъ, взятыхъ въ казну за долги и состоявшихъ въ казенномъ управленіи, каковыя операціи тоже никоимъ образомъ нельзя признавать удачными.

оправдываемых, барышей въ ущербъ интересамъ всѣхъ прочихъ отраслей промышленности и общенародному благосостоянію“. Сдачу заводовъ и дачъ въ аренду г. Ермоловъ признавалъ нежелательной и опасной „для интересовъ казны“ мѣрой, въ виду трудности предупредить хищническую эксплуатацію арендаторами земельныхъ, лѣсныхъ и рудныхъ богатствъ. Яркимъ примѣромъ такого хищничества, по мнѣнію г. Ермолова, могутъ служить Невьянскіе заводы, „которые настолько успѣли истощить обширные, предоставленные имъ въ пользованіе лѣсныя дачи, что теперь для нихъ возникаетъ серьезный вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи за полнымъ оскудѣніемъ запасовъ топлива въ заводскихъ дачахъ“.

Достоинство особаго вниманія то обстоятельство, что г. Менделѣвъ, съ готовностью и сочувствіемъ излагающій взгляды мѣстныхъ дѣятелей („высокочтимыхъ“ и „многоуважаемыхъ“), *)—совершенно замалчиваетъ проектъ министра земледѣлія и госуд. имущ. о реорганизаціи казеннаго горнозаводскаго хозяйства, проектъ, повидимому, вполне осуществимый и для казны выгодный. Съ одной стороны, операція добычи и плавки рудъ слишкомъ не сложна, чтобы возможно было опасаться техническихъ неудачъ, а съ другой—возможное даже и при существующемъ обратномъ капиталѣ увеличеніе выплавки чугуна (при условіи прекращенія остальныхъ производствъ) является гарантіей возможно полной и правильной эксплуатаціи лѣсныхъ и рудныхъ богатствъ. Финансовая сторона дѣла также, повидимому, не вызываетъ серьезныхъ опасеній, такъ какъ въ сбытѣ чугуна (хотя и по умѣреннымъ, но „прибыльнымъ для казны“ цѣнамъ) затрудненій не предвидится. Напротивъ,—спросъ на чугунъ сильно возрастетъ, если казна удержитъ въ своихъ рукахъ всѣ казенныя рудныя мѣсторожденія и лѣса, принявъ за правило, ни въ какомъ случаѣ не отчуждать ихъ и не сдавать въ аренду частнымъ лицамъ. Единственнымъ крупнымъ недостаткомъ министерскаго проекта является отсутствіе въ немъ предположеній объ утилизаціи доменныхъ газовъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ техническій вопросъ на практикѣ можетъ быть разрѣшенъ наивыгоднѣйшимъ образомъ, примѣненіемъ энергіи, какую могутъ дать доменные газы (въ томъ или другомъ видѣ) на удешевленіе и усовершенствованіе того же чугунно-плавильнаго производства.

*) Въ одномъ только случаѣ г. Менделѣвъ позволялъ себѣ усомниться въ достовѣрности свѣдѣній, сообщаемыхъ «высокочтимыми» собесѣдниками. Слышалъ я, рассказываетъ онъ, на стр. 454 въ I-ой части своей книги, что на Уралѣ «часть лѣсныхъ пожаровъ производится поджогомъ по той причинѣ, что на пожаръ собираютъ сосѣднихъ крестьянъ и всякому пришедшему платится по 50 к. въ день.» Вслѣдъ за этимъ г. Менделѣвъ прибавляетъ: «не знаю ужъ, правда ли это?» Но тѣмъ не менѣе эту злостную сплетню встаки пускаетъ въ обращеніе, хотя негѣдность ея очевидна.

IV.

Но если бы даже участь казеннаго горнозаводскаго хозяйства была рѣшена и ликвидація его оказалась неизбежной (хотя невозможность правильнаго и выгоднаго для казны веденія этого хозяйства опровергается примѣрами другихъ вѣдомствъ),—все-таки раздача казенныхъ заводовъ и льготная разверстка между частными предпринимателями лѣсныхъ и рудныхъ богатствъ отнюдь не представлялись бы удачнымъ, а тѣмъ болѣе единственнымъ выходомъ изъ этого положенія. Прежде всего въ этомъ случаѣ съ особенною настойчивостью выдвинулся бы вопросъ о свободѣ горнаго промысла, являющійся испытанной вѣрнѣйшей и полезнѣйшей мѣрой къ оживленію промышленности и справедливому распредѣленію между предпринимателями эксплуатируемыхъ площадей. Объ этомъ вопросѣ и вообще о правахъ на нѣдра земли г. Менделѣевъ не говоритъ ни одного слова, ограничиваясь извѣстнымъ уже читателю въ высшей степени страннымъ проектомъ льготной разверстки между заводчиками казенныхъ рудъ, по цѣнамъ, установленнымъ „лѣтъ на 50 впередъ“. Съ прекращеніемъ заводскаго производства казна въ своихъ горнозаводскихъ дачахъ, вѣроятно, организовала бы правильное лѣсное хозяйство, съ продажей на сторону по наивыгоднѣйшимъ для себя цѣнамъ дровяного и строительнаго матеріала на корню, или въ переработанномъ видѣ (дрова, бревна, брусъ, доски, уголь, продукты сухой перегонки и проч.). Прибыльность такого чисто лѣснаго хозяйства, вполнѣ достижимая и въ настоящее время, несомнѣнно возрастала бы по мѣрѣ увеличенія производительности заводовъ и усиленія спроса на древесное сырье. Что же касается заводскихъ устройствъ, со всѣми зданіями, сооружениями, машинами, инструментами, плотинами и прудами, то способовъ ликвидаціи всего этого имущества, конечно, открылось бы очень много. Изъ нихъ укажу только на одинъ, уже испытанный, очень оригинальный, имѣющій притомъ большое общественное значеніе.

Въ своей весьма интересной книгѣ — „Историческій очеркъ уральскихъ горныхъ заводовъ“ В. Д. Бѣловъ описываетъ попытку эксплуатаціи казенныхъ заводовъ артелями заводскихъ рабочихъ,—попытку, давшую блестящіе результаты, которые превзошли всякія ожиданія. „Въ 1860 годахъ, говоритъ г. Бѣловъ, въ Н. Туринскомъ заводѣ (Гороблагодатскаго округа) сосредоточены были три казенныхъ производства: приготовленіе ударныхъ трубокъ, по заказамъ артиллерійскаго вѣдомства, кричное и самаго несчастнаго вида листокатальное производство“. Неудачное веденіе дѣла заводоуправленіемъ, поднявшее стоимость производства ударныхъ трубокъ до 1 руб. 20 коп. за штуку, навело „горнаго

начальника Гороблагодатскаго округа, В. А. Граматчикова, на мысль передать это дѣло мастеровымъ на артельныхъ началахъ. Артель открыла свои дѣйствія въ 1867 году, не имѣя „никакихъ денежныхъ средствъ“, но съ перваго же раза понизила цѣны на трубки „съ 1 и 1 руб. 20 коп., до 44 коп. за штуку“, увеличивъ выдѣлку съ 30 тыс. до 180 тыс. на другой же годъ (1868 г.) и вскорѣ же до 270 тыс. (1872).

Блестящій опытъ веденія рабочими крупнаго производства на артельныхъ началахъ стоитъ того, чтобы разсказать о немъ подробнѣе, тѣмъ болѣе, что въ литературѣ говорилось о немъ очень мало. Артельное производство, въ противоположность крупной частной промышленности, шло и развивалось безъ всякихъ субсидій, льготъ и какихъ бы то ни было охранительныхъ мѣръ. Напротивъ,—пользуясь способностью артели къ усовершенствованію дѣла, казна сбавляла цѣны на заказы съ необыкновенной поспѣшностью: вмѣсто цѣнъ въ 1 руб. и 1 руб. 20 коп. за штуку, существовавшихъ при казенномъ управленіи, въ первый годъ артель работала трубки за $44\frac{3}{8}$ коп., при послѣдующихъ заказахъ цѣны прогрессивно уменьшились и въ 1873 г. дошли до 37 коп. Затѣмъ артель соглашалась уменьшить ихъ „даже до 25 коп.“. Кромѣ того, артель, по требованію казны, принуждена была затратить громадную для нея сумму (до 5000 руб.) на переносъ казенной фабрики въ другое мѣсто, тоже безъ какой бы то ни было субсидіи. Между тѣмъ „казенные заказы, говорить г. Бѣловъ, исполнялись съ удивительной исправностью, издѣлія улучшались, бракъ уменьшался; вообще дѣло такъ быстро и хорошо направилось, что тотчасъ оказался недостатокъ въ работѣ. Тогда артель принялась за недоработки Златоустовскаго завода, гдѣ приготовленіе трубокъ по-прежнему производилось неудачно, способомъ казеннаго хозяйствованія; но и этого подспорья оказалось мало: оставалось всетаки свободныхъ отъ 3 до 6 мѣсяцевъ въ году, для которыхъ артель такъ-таки и не могла найти казенной работы; частныхъ заказовъ она не имѣла права принимать. Производство было доведено до того, что на каждого артельщика приходилось уже около 13 трубокъ въ день, тогда какъ казна не приготовляла и $1\frac{1}{2}$ трубокъ на человѣка. Такіе блестящіе результаты были достигнуты при помощи раздѣленія работы и введенія въ дѣло механическихъ приспособленій. То и другое указываетъ на значеніе Нижнетуринской артели, какъ интеллигентной силы, а потому заслуживаетъ нѣсколько словъ. Каждая трубка въ казнѣ отливалась и отдѣливалась отдѣльно; этотъ примитивный способъ работы артель оставила тотчасъ же. Работа была разбита ею на 38 передѣловъ, съ знаніемъ дѣла и практичностью опытнаго организатора—техника. Равнымъ образомъ артель получила отъ казны только небольшую часть то-марныхъ и слесарныхъ станковъ; требовалось приспособить ихъ

къ дѣлу, сообразно новымъ условіямъ работы, большую же часть станковъ (точка шпилекъ, точка винтовъ) артель вынуждена была проектировать и исполнить сама. Разъ возбужденная успѣхомъ изобрѣтательность не остановилась и на этомъ: явились разныя приспособленія и измѣненія въ механизмахъ, подавшія поводъ къ установленію внутри самой артели привилегій, права которыхъ строго охранялись ея членами... Нельзя не подивиться безропотности, съ которой артель соглашалась на частныя измѣненія въ самомъ разгарѣ работъ въ чертежахъ трубокъ; измѣненія эти слѣдовали отъ артиллерійскаго вѣдомства. Всякій другой контрагентъ видѣлъ бы въ этомъ справедливое основаніе къ увеличенію цѣны и къ разнымъ льготамъ, а Нижнетуринская артель знала одно—съ каждымъ годомъ понижать цѣну и все исполнять безропотно. Артель все время существовала безъ устава; не смотря на всѣ старанія, она не могла его добиться только потому, что, дѣйствуя, на территоріи и на сгораемомъ казны, она не могла брать частныхъ заказовъ, безъ разрѣшенія мѣстнаго горнаго начальства; между тѣмъ артель нуждалась всего въ какой-нибудь сотнѣ куб. сажень дровъ и въ самомъ ничтожномъ количествѣ угля. Еще одинъ замѣчательный фактъ: зданіе, въ которомъ помѣщались мастерскія, было тѣсно; станки стояли такъ близко одинъ къ другому, что между ними съ трудомъ можно было проходить. Между тѣмъ, за періодъ работъ артели съ 1867 по 1874 г. всего былъ только одинъ несчастный случай"... *).

Вслѣдъ за Нижнетуринской возникли другія артели: „въ Верхней Турѣ для отливки снарядовъ, въ Кушвинскомъ заводѣ для выплавки чугуна, въ Екатеринбургѣ для исполненія временныхъ механическихъ работъ**). Всѣ онѣ шли удачно. Результаты первой изъ нихъ были настолько удовлетворительны, что она нашла возможнымъ при оставленіи В. А. Граматчиковымъ мѣста, начальника Гороблагодатскаго округа, *образовать въ честь его имени стипендію въ 2.000 рублей (курсивъ мой)*“.

Своеобразная организація крупнаго заводскаго производства привилась, окрѣпла, казалась преисполненной жизненныхъ силъ и обѣщала широкое развитіе артельного начала и небывалое оживленіе казенныхъ горнозаводскихъ округовъ. Но, тѣмъ не ме-

*) «Историческій очеркъ Уральскихъ горныхъ заводовъ». Стр. 156.

**) Въ Н. Туринскомъ заводѣ, кромѣ артели по изготовленію ударныхъ трубокъ, вскорѣ же возникла артель кричныхъ рабочихъ. Кричный цехъ былъ сданъ имъ съ условіемъ понизить цѣну желѣза противъ казеннаго производства на 10 коп. въ пудѣ. «Но, кромѣ этой сбавки, на нихъ возложено было особое тяжелое условіе: нижнетуринскій дворъ издавна былъ заваленъ тяжелѣйшими отливками въ 100 и 150 пудовъ штука. Кричная артель обязалась передѣлать ихъ со сбавкою тоже 10 к. за пудъ желѣза и *передѣлала*» (курсивъ г. Бѣлова).

***) «Историческій очеркъ Уральскихъ горныхъ заводовъ», стр. 156.

нѣе, новое строгое горное начальство, какъ и 1½ вѣка тому назадъ, пресѣкло зарождавшееся дѣло въ самомъ корнѣ. Артели находились въ полной зависимости отъ казны, работая въ казенныхъ заводскихъ зданіяхъ, при посредствѣ казенныхъ устройствъ, получая топливо изъ казенныхъ дачъ и выполняя казенные же заказы; поэтому онѣ существовали до тѣхъ поръ, пока были терпимы горнымъ начальствомъ. Но какъ только казенные заказы прекратились и „горное начальство, съ уходомъ Граматчикова, стало относиться къ артелямъ иначе, онѣ естественно должны были рушиться“ *). Одна только нижнетуринская механическая артель могла бороться за свое существованіе. Она являлась вполне установившимся дѣломъ. Организациа ея сложилась прочно, и она успѣла даже обзавестись нѣкоторымъ капиталомъ.

Съ прекращеніемъ заказовъ на ударныя трубки „она не задумалась перейти къ приготовленію разныхъ издѣлій для рынка и по заказамъ и дѣятельно стала хлопотать объ утвержденіи представленнаго ею устава, безъ котораго, при новыхъ условіяхъ своей дѣятельности, не могла ни получать заказовъ, ни пользоваться кредитомъ, да не имѣла прара даже и на самое существованіе“ **). Послѣ долгихъ хлопотъ артель получила, наконецъ, разрѣшеніе работать, но заказы дозволялось ей принимать не иначе „какъ съ дозволенія мѣстнаго горнаго начальства“ ***). (Курсивъ мой). Конечно, для дѣла, рассчитаннаго исключительно на частные заказы, такое ограниченіе предвѣщало неизбежную гибель, и артель „только поэтому должна была разойтись“ (курсивъ мой). А между тѣмъ, говоритъ г. Бѣловъ, она, „безъ всякаго сомнѣнія, развилась бы теперь въ обширное предпріятіе“, „если бы ей въ свое время было дано только право на существованіе; ничего другого она не требовала и ни въ чемъ болѣе не нуждалась (курсивъ г. Бѣлова). Но и это скромное требованіе не было удовлетворено“ ****).

Имѣя передъ собою, съ одной стороны, столь яркое доказательство способности уральскаго горнозаводскаго рабочаго къ самостоятельному веденію заводскаго дѣла, къ совершенствованію и удешевленію производства безъ всякой сторонней помощи, безъ оборотнаго капитала, при условіяхъ крайне неблагоприятныхъ для дѣла и, съ другой—видимую несостоятельность въ этомъ отношеніи современной частной промышленности, избалованной поощреніями, застоявшейся, отяжелѣвшей, благодаря „излишнему питанію“, имѣя все это въ виду, не трудно найти справедливое рѣшеніе вопроса: кто долженъ наследовать казенные заводы, если только ликвидаціа ихъ будетъ признана неизбежной?

*) «Историческій очеркъ Уральскихъ горныхъ заводовъ», стр. 157.

**) Тамъ же, стр. 157.

***) Тамъ же, стр. 158.

****) Тамъ же, стр. 158.

Сказаннаго, думаю, достаточно, чтобы проект раздачи казенныхъ заводовъ и льготной разверстки между заводчиками казенныхъ же рудныхъ и лѣсныхъ богатствъ предсталъ передъ читателемъ во всей своей несообразности.

Предсказывая Уралу блестящую будущность, г. Менделѣвъ опредѣляетъ максимумъ годовой выплавки чугуна въ 300 милліоновъ пудовъ на древесномъ углѣ. Возможность развитія доменной плавки на каменноугольномъ коксѣ онъ не принимаетъ въ расчетъ и тѣмъ самымъ ставитъ въ полную зависимость будущій прогрессъ горнозаводскаго дѣла отъ лѣсныхъ площадей, которыя, по его мнѣнію, какъ на Уралѣ, такъ и въ ближайшихъ мѣстностяхъ Сибири (выплоть до Оби и Иртыша) должны быть отчислены (кромѣ нѣкоторой части ихъ, необходимой для удовлетворенія нуждъ мѣстнаго населенія) исключительно на потребности горной промышленности. Между тѣмъ, для расширенія промышленности требуется не усиленіе эксплуатаціи лѣсныхъ богатствъ края, а переходъ всѣхъ вообще заводскихъ производствъ съ древеснаго отопленія на каменный уголь, мощныя залежанія котораго на Уралѣ почти не эксплуатируются заводчиками изъ особыхъ соображеній, не дѣлающихъ чести ни предпримчивости, ни дальновидности этихъ дѣятелей, привыкшихъ извлекать выгоды изъ настоящаго привилегированнаго положенія, не загадывая о далекомъ будущемъ.

V.

Уральскіе заводы „значительно подорвали свои лѣса и потребляютъ въ большинствѣ случаевъ не только предѣльный максимумъ древесной массы, соотвѣтствующей площади округа, но и переходятъ за этотъ возможный предѣлъ“. „Имѣя въ виду это обстоятельство и очень медленный годичный приростъ лѣса на Уралѣ, нужно ожидать не развитія, а сокращенія желѣзнаго производства на Уралѣ, даже и въ ближайшемъ будущемъ, если оно будетъ ведено, какъ теперь, почти исключительно на древесномъ топливѣ“. Такъ говоритъ профессоръ Штукенбергъ въ своей запискѣ, напечатанной въ книгѣ г. Менделѣва особымъ приложеніемъ *). „Только утилизація торфа и каменнаго угля при металлургическихъ операціяхъ“, утверждаетъ г. Штукенбергъ въ той же запискѣ, „можетъ увеличить производительность заводовъ“. „Открытіе залежей каменнаго угля въ западной Сибири“,—говоритъ онъ далѣе,—„можетъ послужить новой эрой въ желѣзномъ дѣлѣ Урала“. Сотрудникъ г. Менделѣва, г. Егоровъ, осматривавшій Екибастускія копи (въ западной Сибири), нашелъ, что уголь этого мѣсторож-

*) Часть 2-я, стр. 228.

денія имѣть вообще высокія достоинства, что „есть цѣлые пласты коксующихся углей, дающихъ спекающійся коксъ“ и что весь Уралъ можетъ обезпечить коксомъ „одинъ только пластъ, а именно Мартовскій *). Кромѣ того и на самомъ Уралѣ имѣются громадныя, но малоизслѣдованныя залежи угля. По вычисленію управителя Кизеловскихъ копей, только въ развѣданной углесодержащей полосѣ Кизеловской дачи общій запасъ угля равенъ $5\frac{1}{4}$ миллиардамъ пудовъ. Хотя угли Кизеловскаго мѣсторожденія не отличаются высокими качествами, но все же они „способны къ коксованію“ и, по мнѣнію г. Менделѣева, „слѣдовало бы пытаться получать чугуны, исходя изъ Кизеловскихъ углей, особенно если коксъ этого угля мѣшать съ древеснымъ углемъ“ **). Уголь другого уральскаго мѣсторожденія—Луньевскаго,—по словамъ г. Менделѣева, „отлично коксуется въ смѣси съ антрацитистымъ“ и „даетъ образцы кокса прекраснаго по равномерной плотности своей“. Изъ этого г. Менделѣевъ дѣлаетъ такой выводъ: „владѣя частію Егоршинскихъ и Луньевскими копиями, заводы могутъ поставить свое чугунное дѣло на коксѣ, что было бы не малымъ прогрессомъ для уральской желѣзной промышленности“ ***). Егоршинскія залежи (въ Покровской и Шогринской волостяхъ Ирбитскаго уѣзда) содержатъ громадныя запасы угля прекраснаго качества.

„Казалось бы, говорить завѣдующій Егоршинскими копиями г. Гамильтонъ, для Урала такой сортъ угля драгоцѣненъ и могъ бы имѣть обширное примѣненіе въ заводскихъ печахъ и домнахъ. Между тѣмъ копи не имѣютъ еще до сихъ поръ настоящей коммерческой почвы“ ****).

Экономическими причинами, которыя дѣлаютъ труднымъ для уральскихъ заводовъ переходъ съ древеснаго на каменно-угольное отопленіе, по словамъ г. Гамильтона, служатъ: „1) необходимость затраты капиталовъ на нѣкоторыя приспособленія доменныхъ печей къ минеральному отопленію, 2) боязнь не найти необходимаго числа опытныхъ мастеровъ, 3) могущія возникнуть коммерческія трудности при сбытѣ желѣза, выдѣланнаго на минеральномъ топливѣ, 4) удаленность копей отъ желѣзной дороги“.

Боязнь расходовъ, боязнь новыхъ, еще не испытанныхъ условій производства—обычныя мотивы для уральскихъ монополистовъ, огражденных попечительными мѣрами отъ иностранной и внутренней конкуренціи. Но въ данномъ случаѣ заводоуправленія руководствуются кромѣ того еще однимъ соображеніемъ, которымъ, съ откровенностію, доходящею до цинизма, они мотиви-

*) Часть 1-я, стр. 283.

**) Часть 1-я, стр. 402.

***) Тамъ же, стр. 413.

****) Изъ письма г. Гамильтона въ Ирбитскую уѣздную земскую управу отъ 9 марта 1889 года.

вируютъ свое ходатайство, представленное министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ 22 іюня 1897 года. „Почти во всѣхъ уральскихъ заводахъ, говорятъ они, потребляется весь приростъ лѣса“, а нѣкоторые („какъ напримѣръ Невьянскій“) уже окончательно вырубилъ свои лѣса, но употребляютъ для заводскаго дѣйствія каменный уголь или торфъ нѣтъ никакого разсчета, при дешевизнѣ дровъ и древеснаго угля. Посему, для поддержанія „еще не успѣвшаго окрѣпнуть“ уральскаго горнозаводскаго дѣла заводчики просили министра земледѣлія и госуд. имущ., путемъ скорѣйшаго проведенія намѣченныхъ ими желѣзныхъ дорогъ, приблизить къ заводамъ лѣса сѣверной части Урала и Тобольской губерніи *).

Г. Менделѣвъ, высчитывая возможное увеличеніе выплавки чугуна на древесномъ сгораемомъ и высказываясь за то, чтобы всѣ лѣсныя площади не только Урала, но и западной Сибири, вплоть до Оби и Иртыша, были обращены на потребности горнозаводскаго дѣла, въ сущности только повторяетъ желанія самихъ заводчиковъ.

Стремясь отвоевать для нихъ преимущественное пользованіе уральскими и сибирскими лѣсами, г. Менделѣвъ восхваляетъ хозяйственную мудрость частныхъ заводоуправленій и порочитъ всѣхъ остальныхъ потребителей лѣса. Онъ утверждаетъ, что „лѣсъ—врагъ землепашца“ и „другъ желѣзозаводчика“ **), что переселенцы—зло для сибирскихъ лѣсовъ („въ Тарскихъ урманахъ, куда пустили переселенцевъ, за послѣдніе годы зло это истребило много вѣковѣчныхъ урмановъ“***); что пожары опустошаютъ уральскіе лѣса по винѣ крестьянъ, которые практикуютъ „палы“ и „поджоги умышленные“****). Надо удивляться, восклицаетъ г. Менделѣвъ, „какъ еще цѣль лѣсъ, какъ еще Уралъ не окончательно обнажился отъ него“ *****); „лѣсное хозяйство не можетъ быть даже названо этимъ именемъ“ въ казенныхъ дачахъ, которыя „представляютъ склады валежника, бурелома, и эксплуатируются по типу чисто хищническому“ *****). Не то въ частныхъ дачахъ: тутъ, говоритъ г. Менделѣвъ, „чуть не на каждомъ шагу видишь лѣса холёные, чистыя чередовыя вырубкі, дороги по нимъ, канавы, просѣки на версты, порядокъ, точно въ иное, не русское царство попалъ. И земледѣльцу лѣсъ нуженъ, но онъ его не бережетъ, травитъ и портитъ. Нуженъ онъ и же-

*) Въмѣстѣ съ этимъ заводууправленія ходатайствовали о проведеніи желѣзной дороги черезъ Егоршинскія каменноугольныя копи.

**) Часть 1-я, стр. 53.

***) Часть 1-я, стр. 422.

****) Тамъ же стр. 294.

*****) Тамъ же.

*****) Часть 1 стр. 116.

лѣзаводчику, но тотъ ужъ по опыту научился беречь... А будетъ развиваться еще желѣзное дѣло Урала, и еще больше станутъ беречь, промыслить о немъ. Желѣзное дѣло, выходить, школа лѣсоводства“ *).

Современные лѣса, говоритъ г. Менделѣвъ, прирастаютъ еще сравнительно медленно, потому что „за ними въ ранней молодости или не смотрѣли, или смотрѣли плохо“ и „коровы объѣдали верхушки“ (?), а такъ какъ впредь уже этого не будетъ, то сборъ будто бы увеличится „едва ли не въ два раза“ **).

Обвиненіе горнозаводскихъ крестьянъ въ умышленныхъ поджогахъ, на которые они будто бы рѣшаются не только по злобѣ, но и съ корыстной цѣлью,—заработать потомъ 50 коп. поденной платы за тушеніе пожаровъ—не стоитъ того, чтобы на немъ останавливаться.

Пожары, дѣйствительно, производятъ страшныя опустошенія въ лѣсныхъ дачахъ; каждое лѣто Уралъ окутывается дымомъ, каждое лѣто, вмѣсто солнца, надъ нимъ стоитъ на небѣ зловѣщій багровый дискъ, каждое лѣто съ любого пункта здѣсь можно наблюдать черныя полосы дыма, а по ночамъ зарево лѣсныхъ пожаровъ въ разныхъ мѣстахъ одновременно. Но виновникомъ этого зла является никто другой, какъ сами владѣльцы лѣсныхъ дачъ, жалѣющіе расходовъ на очистку лѣса отъ валежника, хвой и сучьевъ и вообще на правильную постановку лѣсного хозяйства. Если бы дѣйствительно, на самомъ дѣлѣ, а не въ воображеніи г. Менделѣва лѣса на Уралѣ были „холеные“, съ „чистыми чередовыми вырубками“, „канавами“, „просѣками на версты“, то лѣсные пожары не были бы чудовищно опустошительными. Конечно, правильное лѣсное хозяйство кое-гдѣ есть, но вообще оно большая рѣдкость на Уралѣ.

По словамъ лѣсничаго посессионныхъ дачъ г. Эгонъ-Бессеръ, въ настоящее время „въ казенныхъ дачахъ горнаго вѣдомства хозяйство поставлено въ удовлетворительныя условія“, но „нельзя сказать этого про посессионныя дачи. Въ нихъ не ведется лѣсоустройства, управленіе ими ввѣряется лицамъ, обыкновенно, безъ всякой научно-спеціальной подготовки, не имѣющимъ никакого представленія о веденіи лѣснаго хозяйства; владѣльцы мало обращаютъ вниманія на правильную эксплуатацію лѣсовъ. Эти обстоятельства имѣютъ громадное значеніе для будущности посессионныхъ лѣсныхъ дачъ въ смыслѣ прогрессивнаго истощенія лѣсныхъ массъ до невозможности удовлетворять потребностямъ заводовъ и мѣстнаго населенія. Последнее будетъ поставлено въ нѣкоторыхъ заводахъ въ очень критическое положеніе, если владѣльцы заранѣе не позаботятся многія производства перевести

*) Часть 3, стр. 111.

**) Часть 3-я, стр. 111.

на другой горючій матеріалъ *), что весьма возможно при наличности каменного угля на Уралѣ и въ Сибири" **).

Кому вѣрить—г. Эгонъ-Бессеръ, утверждающему, что въ казенныхъ дачахъ ведется правильное лѣсное хозяйство, а въ посессионныхъ хищническое лѣсоистребленіе, или г. Менделѣву, который казенныя дачи называетъ складомъ „валежника, бурелома“ и казенное лѣсное хозяйство—хищническимъ, а въ дачахъ частныхъ заводовъ, наоборотъ, усматриваетъ образцовый порядокъ („точно въ иное, не русское царство попалъ“)? Такое различіе тѣмъ болѣе удивительно, что гг. Менделѣвъ и Эгонъ-Бессеръ высказываютъ свои взгляды въ одной и той же книгѣ, вышедшей подъ редакціей г. Менделѣва. Это послѣднее обстоятельство, на первый взглядъ совершенно непостижимое, можно объяснить только тѣмъ, что г. Менделѣвъ просто не читалъ записки г. Эгонъ-Бессеръ ***). Но объ отсутствіи правильного лѣсного хозяйства на Уралѣ говоритъ не одинъ г. Эгонъ-Бессеръ. Въ началѣ этой главы приведены слова извѣстнаго знатока Урала профессора Штукенберга, который, въ особой запискѣ, напечатанной приложеніемъ къ книгѣ г. Менделѣва, утверждаетъ, что уральскіе заводы „значительно подорвали свои лѣса“, что многіе изъ нихъ потребляютъ „не только предѣльный максимумъ древесной массы“, но и „переходятъ этотъ возможный предѣлъ“, что въ ближайшемъ же будущемъ „нужно ожидать не развитія, а сокращенія желѣзнаго производства на Уралѣ“, если оно будетъ по прежнему вестись почти исключительно на древесномъ топливѣ. Объ отношеніи къ лѣснымъ богатствамъ частныхъ предпринимателей говоритъ также и министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, который приводитъ къ тому же поразительные примѣры хищническаго истребленія ими лѣсныхъ богатствъ на громадныхъ пространствахъ.

Вычисленное г. Менделѣевымъ предѣльное увеличеніе выплавки

*) Но заводууправленія не спѣшатъ перейти на минеральное топливо, или установить правильное расходованіе древеснаго сгораемаго. Напримѣръ, Верхъ-Нейвинскій заводъ, по словамъ самого г. Менделѣва, «принадлежитъ къ числу тѣхъ, которымъ не хватаетъ не руды, а топлива. На заводѣ есть домна, но она уже 20 лѣтъ не дѣйствуетъ, по недостатку угля» (часть 1-я, стр. 122). Между тѣмъ, въ этомъ же заводѣ до сего времени существуетъ архаическое кричное производство, пожирающее отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ ежегоднаго прироста древесной массы.

**) Записка г. Эгонъ-Бессеръ (см. часть 2, стр. 151 книги г. Менделѣва).

***) Подобные промахи въ книгѣ г. Менделѣва встрѣчаются нерѣдко: напримѣръ, на стр. 38 въ 1-й части онъ утверждаетъ, что «заводы бр. Каменскихъ и г-на Кондюрина», «производятъ только передѣлку чугуна въ желѣзо», и тутъ же, рядомъ (стр. 40 и 41) сообщаетъ, что у бр. Каменскихъ есть доменная печь, что въ 1896 ими выплавлено чугуна 72 тыс. пудовъ, а желѣза не выдѣлано ни одного пуда и что въ 1898 г. его изготовлено всего 6 тыс. пудовъ.

чугуна на древесномъ углѣ (до 300 милл. пуд.) есть выводъ изъ цѣлаго ряда произвольныхъ предположеній. Оно не соотвѣтствуетъ состоянію лѣсныхъ дачъ и равносильно призыву къ повсемѣстному истребленію всѣхъ уральскихъ лѣсовъ въ кратчайшій срокъ. Если потребуются, могу доказать г. Менделѣву неосновательность его соображеній, пользуясь его же данными и официальными свѣдѣніями.

Если же увеличеніе уральскаго горнозаводскаго производства на древесномъ сгораемомъ не возможно безъ прогрессивнаго истощенія дачъ или возможно лишь въ незначительной степени, если будущее этой промышленности находится въ зависимости отъ перехода ея на минеральное отопленіе, — то и всѣ старанія г. Менделѣва отвоевать для заводчиковъ преимущественное пользование уральскими и сибирскими лѣсами теряютъ силу. А если это такъ, то, не взирая на заявленія г. Менделѣва, можно и должно отводить надѣлы крестьянамъ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ, можно „пускать“ переселенцевъ въ сибирскіе „урманы“, можно не устанавливать особыхъ стѣсненій для населенія въ пользованіи лѣсомъ, можно, наконецъ, не приводить въ исполненіе оригинальнаго проекта разверстки лѣсныхъ богатствъ между заводчиками „по жребію, а не съ торговъ“ по „разумнымъ“ цѣнамъ, установленнымъ этакъ „лѣтъ на 50 впередъ“

VI.

Я нахожу излишнимъ останавливаться на соображеніяхъ, высказываемыхъ г. Менделѣвымъ съ чужого голоса, о выкупѣ посессионерами въ собственность находящихся въ ихъ пользованіи казенныхъ земель, во 1-хъ, потому, что на страницахъ „Русскаго Богатства“ я уже имѣлъ случай говорить довольно подробно на эту тему, и, во 2-хъ, потому, что г. Менделѣвъ видимо совершенно не освѣдомленъ ни съ вопросами посессионнаго права, ни съ исторіей края, вслѣдствіе чего тѣ немногія строки, которыя онъ посвящаетъ посессионному праву, не заслуживаютъ возраженія. По его словамъ, заводчики будто бы „бросовыя земли окранны“ и „пустыни населили“, „къ пермякамъ, вогуламъ и башкирамъ умѣли прибавить подавляющую массу русскихъ людей, завели металлургическія и всякія инныя дѣла на Уралѣ“, что „безъ нихъ не было бы уральской желѣзной промышленности“ *)... И это все, что онъ приводитъ въ своей книгѣ по исторіи посессионнаго права въ обоснованіе своего заключенія о передачѣ посессионныхъ земель въ собственность заводовладѣльцамъ. Но кому же неизвѣстно, что на Уралѣ воз-

*) Часть 3, стр. 127..

никла и развилась жизнь, благодаря вольной колонизаціи, когда заводчиковъ не было и въ поминѣ, что съ появленіемъ ихъ свободная колонизація была прекращена насильственно, что поселенцы, а не заводчики открыли здѣсь руды и начали выплавлять металлы, что свободно развивавшаяся народная промышленность, которую ожидала блестящая будущность, была задуплена въ угоду монополюющей частной промышленности, что послѣдняя и въ слѣдъ затѣмъ, за все время своего существованія, держалась услугами крестьянъ-рудонискателей, что первые крупные заводы были построены казною, а не частными предпринимателями, что роль послѣднихъ въ исторіи Урала имѣетъ вообще мрачный, глубоко агрессивный характеръ, что благодаря имъ и условіямъ, выдвинувшимъ ихъ, жизнь края приняла уродливыя формы и развитіе ея было на долго задержано.

Вопросу о протекціонизмѣ и таможенныхъ пошлинахъ на продукты горной промышленности мною была посвящена особая статья въ „Русскомъ Богатствѣ“ *). Поэтому вновь трактовать этотъ вопросъ я не буду, а отмѣчу лишь отношеніе къ нему г. Менделѣева

Будучи „лично приверженцемъ протекціонизма, я съ величайшимъ удовольствіемъ встрѣчалъ повсюду, въ столь отдаленныхъ углахъ, какъ уральскіе и тобольскіе, такое ясное пониманіе плодотворности для страны протекціонныхъ началъ, что еще не часто встрѣчается и въ самомъ Петербургѣ“ **). Такъ восхваляетъ г. Менделѣевъ мудрость мѣстныхъ дѣятелей, проявляющихъ столь „ясное пониманіе“ собственныхъ выгодъ. Но для самого г. Менделѣева обязательна другая точка зрѣнія. Вопросы таможенной политики онъ долженъ былъ разсматривать со стороны общегосударственныхъ польвъ; прежде чѣмъ высказываться за покровительственныя мѣры, по отношенію къ горнопромышленности надлежало ему выяснить, нуждается-ли она въ дальнѣйшихъ поощреніяхъ. Для этого г. Менделѣевъ долженъ былъ прежде всего раскрыть заводскія книги, изучить коммерческую сторону предпріятій и опредѣлить доходность производства, ибо пока эта темная область не освѣщена, нельзя вѣрить заявленіямъ заводчиковъ объ ихъ нуждахъ, а къ жалобамъ ихъ, ходатайствамъ и требованіямъ надлежитъ относиться съ крайней осторожностью, тѣмъ болѣе, что исторія уральскаго горнозаводскаго дѣла раскрываетъ передъ нами рядъ поразительныхъ, почти невѣроятныхъ случаевъ, когда заводчикамъ удавалось ложными свѣдѣніями о положеніи заводовъ вводить въ заблужденіе правительство и выпрашивать у него покровительственныя мѣры, въ которыхъ не было никакой надобности.

*) 1900 г., кн. 9-я «О горной свободѣ».

**) Часть I-я, стр. 16.

водовъ рабочими. Но при этомъ само собой подразумѣвалось, что отнынѣ и отвѣтственность за дальнѣйшую судьбу горнозаводскаго населенія возлагается также на заводоуправляющихъ: отнынѣ мастера, не получившіе надѣла, необходимаго для веденія земледѣльческаго хозяйства, и лишены возможности перемѣнить родъ занятій, получали право на заработокъ или на соотвѣтствующее обезпеченіе въ случаѣ приостановки или сокращенія заводскаго дѣйствія.

Позднѣе это подразумѣвавшееся право мастеровыхъ было выражено вполнѣ опредѣленно законами 3 декабря 1862 г. и 12 марта 1868 г., которые сводятся къ слѣдующимъ главнѣйшимъ положеніямъ:

1) о предполагаемомъ закрытіи завода заводоуправленіе (а въ отношеніи казенныхъ заводовъ—горное начальство) обязано предупредить за годъ впередъ мирового посредника и мастеровыхъ, обезпечивъ послѣднихъ полнымъ провіантомъ на 1 годъ;

2) мастеровымъ, оставшимся безъ работы послѣ предваренія о закрытіи завода, хотя бы онъ и не былъ еще закрытъ, предоставляется право на земельный надѣлъ: мастеровымъ частныхъ и посессионныхъ заводовъ въ размѣрѣ высшаго надѣла помѣщичьихъ крестьянъ, а мастеровымъ казенныхъ заводовъ—въ томъ же количествѣ, какое установлено для крестьянъ государственныхъ; и

3) при отсутствіи заводскихъ земель мастеровымъ предоставляется право переселяться на казенныя земли съ тѣми же льготами, какія установлены для государственныхъ крестьянъ *).

*) Въ виду исключительной важности этихъ законовъ и во избѣжаніе какихъ либо сомнѣній, обращаюсь къ точному ихъ тексту.—О мастеровыхъ казенныхъ заводовъ въ пунктѣ 11 ст. 3 закона 12-го марта 1868 г. значится: изложенныя правила обезпеченія земель мастеровыхъ въ случаѣ закрытія завода «примѣняются и въ тѣхъ случаяхъ, когда заводское управленіе предполагаетъ уменьшить дѣйствіе завода, или вообще если часть мастеровыхъ, до того времени на заводахъ работавшихъ, вслѣдствіе сокращенія потребности въ рабочихъ, останется безъ работы. Сверхъ того въ случаѣ уменьшенія заводскаго дѣйствія въ теченіе 3-хъ лѣтняго срока со времени обнародованія настоящихъ правилъ примѣняется и мѣра, указанная въ пунктѣ 1-мъ относительно обезпеченія продовольствіемъ оставшихся безъ работы мастеровыхъ».—О мастеровыхъ посессионныхъ и частныхъ заводовъ статья 7-я правилъ 3-го декабря 1862 года гласитъ: перечисленные мѣры (полученіе высшаго надѣла, льготный отпускъ дѣла и топлива, право переселенія на казенныя земли) «примѣняются и въ тѣхъ случаяхъ, когда заводчикъ предполагаетъ уменьшить заводское дѣйствіе, и отъ такого уменьшенія часть мастеровыхъ, до того времени у него работавшихъ, останется безъ работы, сверхъ того въ сѣхъ случаяхъ въ теченіе 3-лѣтняго со времени обнародованія настоящихъ правилъ срока примѣняются и мѣры, указанныя въ ст. 3-й (обезпеченіе мастеровыхъ провіантомъ). На ту же часть мастерового населенія, которая съ 1-го октября 1862 г. или не обращалась уже въ дѣйствительныхъ заводскихъ работахъ или, по крайней мѣрѣ, не значилась по заводскимъ спискамъ въ числѣ потребныхъ для завода мастеровыхъ, примѣняются только мѣры, указанныя въ статьяхъ 4, 5 и 6» (надѣленіе земель, отпускъ дѣла и топлива, переселеніе).

Законы 3 декабря 1862 г. и 12 марта 1868 г. имѣютъ весьма важное значеніе для мастеровыхъ, потому что дѣйствіе ихъ распространяется и на тѣ случаи, когда заводское производство хотя и не прекращается, но, вслѣдствіе уменьшенія потребности въ рабочихъ, часть ихъ остается безъ работы.

Такимъ образомъ, освобождая мастеровыхъ отъ обязательныхъ горнозаводскихъ работъ, законодатель преслѣдовалъ двѣ цѣли: съ одной стороны, въ интересахъ горнозаводской промышленности, онъ имѣлъ въ виду образовать достаточный контингентъ горнорабочихъ и съ другой—предупредить послѣдствія безработицы въ этомъ классѣ населенія, предоставивъ избытку рабочихъ рубль средства для перехода отъ горнозаводскихъ работъ къ хлѣбопашеству, а также и для облегченія трудностей этого перехода высшаго надѣла, выдача годового провіанта, льготный

надѣлъ и топлива, переселеніе на казенныя земли).
Имѣвъ въ виду эти цѣли, Менделѣевъ надѣ законными правами населенія, вытекающія изъ невѣжества или недобросовѣстности, тѣмъ же закономъ 12 марта 1868 г. въ отношеніи казенныхъ заводовъ далъ прямое указаніе о томъ, что въ случаѣ прекращенія или уменьшенія заводскаго дѣйствія „отводъ земли изъ заводскихъ дачъ и надѣленіе ею мастеровыхъ производится по надлежащемъ сношеніи губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій съ горнымъ управленіемъ“ (ст. 5). Но по отношенію къ частнымъ и посессионнымъ заводамъ такихъ опредѣленныхъ указаній въ законѣ 3 декабря 1862 г. не было сдѣлано; нѣтъ также указаній (и въ томъ, и въ другомъ законѣ) о томъ, что именно должно служить гарантіей исполненія заводами ихъ обязанности предупреждать, когдѣ слѣдуетъ, о предстоящемъ прекращеніи или уменьшеніи заводскаго дѣйствія и какія мѣры должны быть принимаемы въ томъ случаѣ, если такихъ предупрежденій заводоуправленія дѣлать не будутъ.

Благодаря отсутствію особаго, правильнаго надзора за частными и посессионными заводчиками, законъ 3 декабря 1863 года до сего времени примѣнялся лишь въ отношеніи заводовъ, окончательно прекратившихъ свое дѣйствіе. Что же касается мастеровыхъ дѣйствующихъ заводовъ, лишенныхъ заводскаго заработка, вслѣдствіе сокращенія производства или уменьшенія потребности въ рабочихъ, то законъ этотъ нигдѣ не имѣлъ примѣненія. Между тѣмъ изъ дѣйствующихъ частныхъ и посессионныхъ заводовъ въ одной Пермской губерніи насчитывается болѣе 20, гдѣ число рабочихъ послѣ изданія закона уменьшилось абсолютно, и до 10 заводовъ, гдѣ абсолютное число рабочихъ почти не увеличилось *).

*) Въ слѣдующихъ частныхъ и посессионныхъ заводахъ Пермской губерніи.
М 4. Отдѣлъ II.

Но кромѣ того, громадное большинство остальныхъ заводовъ также обеспечиваетъ работой только часть населенія. Группа безработныхъ и здѣсь составляетъ громадную армію, которая все увеличивается (вслѣдствіе прироста населенія, привлеченія приплылыхъ рабочихъ, наконецъ, вслѣдствіе улучшения техники производства, уменьшающей потребность въ рабочихъ).

При этомъ необходимо имѣть въ виду, что возрастаніе группы безработныхъ маскируется заводоуправленіями раздачей работъ мастеровымъ по очередямъ, чрезъ извѣстные, такъ называемые „гулевыя“ промежутки *), вслѣдствіе чего заводскихъ рабочихъ

беряи число рабочихъ, по свѣдѣніямъ ученаго горнаго комитета, абсолютно уменьшилось послѣ 1863 г. (годъ слѣдующій за изданіемъ закона):

	Число рабочихъ	
	въ 1863 г.	въ 1897 г.
Въ Нейво-Алапаевскомъ	1.748	1.710
» Нейво-Шайтанскомъ	708	648
» Александровскомъ	553	341
» Богослонскомъ	484	157
» Верхъ-Нейвинскомъ	630	555
» Верхъ-Тагильскомъ	660	380
» Нейво-Рудяиномъ съ вспомогательными	342	132
» Шемахинскомъ	277	204
» Кыновскомъ	1.180	660
» Лысьвинскомъ	1.913	1.303
» Бисерскомъ	400	218
» Петрокаменскомъ	786	125
» Невьянскомъ	810	337
» Выйскомъ	1.431	644
» Очерскомъ и Павловскомъ	2.559	1.338
» Бисертскомъ	500	400
» Полескомъ	1.470	1.158
» Нижне-Уфалейскомъ	645	499
» Верхне-Уфалейскомъ	1.194	460

Въ слѣдующихъ частныхъ и посессионныхъ заводахъ число рабочихъ хотя и увеличилось, но въ крайне незначительной степени:

	Число рабочихъ	
	въ 1863 г.	въ 1897 г.
Въ Верхне-Синячихинскомъ	303	380
» Режевскомъ	583	600
» Уткинскомъ (В. Исетскаго округа)	448	449
» Сылвинскомъ и Н. Сылвинскомъ	580	661
» Черноисточинскомъ	623	694
» Висимо-Уткинскомъ	633	698
» Ревдинскомъ	1.670	1.700
» Михайловскомъ	1.025	1.135

*) По свѣдѣніямъ Пермской губернской земской управы изъ 88 дѣйствующихъ заводовъ Пермской губерніи (откуда были получены свѣдѣнія) только въ 22 заводахъ нѣтъ «гулевыхъ» дней, въ двухъ заводахъ въ предѣлахъ одного рабочаго мѣсяца «гулевыя дни» (не считая праздниковъ) достигаютъ 10%, въ 20 заводахъ—25%, въ 24—50% и въ 13 заводахъ—75% и выше.

числится вдвое, втрое болѣе того количества ихъ, которое фактически необходимо. Эту мѣру заводоуправленія практикуютъ не по добротѣ сердечной, какъ наивно думаетъ г. Менделѣвъ, не потому они „всѣмъ хотятъ заработка дать и смѣны затѣваютъ“, что въ нихъ жива какая-то особенная, чисто русская черта, „отъ газетъ и беллетристовъ не выясняемая“, а исключительно для того, чтобы правила о надѣленіи земель безработныхъ мастеровыхъ остались безъ примѣненія и впредь, чтобы у мастеровыхъ не было ни основаній, ни поводовъ для возбужденія ходатайствъ объ осуществленіи правъ, предоставленныхъ имъ закономъ 3 декабря 1862 г.

Мастеровые нѣкоторыхъ заводовъ, гдѣ уменьшеніе числа рабочихъ и увеличеніе группы безработныхъ скрыть было невозможно, пытались было ходатайствовать о надѣленіи ихъ земель, но попытки ихъ не увѣнчались успѣхомъ, благодаря особымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ, для характеристики коихъ не лишнимъ будетъ разсказать одну очень поучительную исторію.

Въ Очерскомъ и Павловскомъ заводахъ число рабочихъ сильно сократилось послѣ изданія закона 3 декабря 1862 г.: по свѣдѣніямъ ученаго горнаго комитета въ 1863 г. ихъ было 2559, въ 1897 г. насчитывалось всего 1338. Такимъ образомъ, населеніе этихъ заводовъ имѣетъ неоспоримое право на полученіе надѣловъ по закону 3 декабря 1863 г. Мастерские Павловской волости въ теченіе 10 лѣтъ, начиная съ 1881 г., настойчиво добивались осуществленія этого права, при чемъ для обоснованія своихъ ходатайствъ подробно и правдиво рисовали условія своего быта. Въ послѣднемъ своемъ прошеніи на имя пермскаго губернатора они утверждали, что „заводоуправленіе, въ видахъ прикрытія излишка въ мастеровыхъ, отказываетъ отъ работъ всѣмъ мастеровымъ, имѣющимъ отъ роду 55 лѣтъ, которые потомъ остаются безъ средствъ“, что вслѣдствіе избытка рабочихъ „только четвертая часть ихъ попадаютъ на работу“, что число рабочихъ противъ прежнихъ лѣтъ уменьшилось, но, для замаскированія этого обстоятельства, заводоуправленіе, вмѣсто „задолженія мастеровыхъ на 12 час. въ сутки, устанавливаетъ работу трехсмынную, потомъ четырехсмынную“ и т. д.

Прошеніе это, для выясненія обстоятельствъ дѣла, было передано непремѣнному члену оханскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, чѣмъ судьба крестьянскаго ходатайства, конечно, не предрѣшалась ни въ ту, ни въ другую сторону. Однако этотъ обычный пріемъ административнаго дѣлопроизводства подвергся рѣзкому порицанію со стороны владѣльца Павловскаго завода. „Главное управленіе пермскаго моего майоратнаго имѣнія, писалъ онъ пермскому губернатору, донесло мнѣ о томъ, что вашимъ превосходительствомъ предписано непремѣнному члену оханскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія собрать по-

дробныя свѣдѣнія о томъ, насколько заслуживаетъ уваженія ходатайство мастеровыхъ Павловскаго моего желѣзодѣлательнаго завода о предоставленіи имъ надѣла изъ моихъ маіоратныхъ земель. Единственнымъ законнымъ основаніемъ обязательнаго для заводовладѣльца надѣленія мастеровыхъ землею можетъ быть случай, указанный въ п. 7 высочайше утвержденныхъ правилъ объ обезпеченіи горнозаводскаго населенія частныхъ горныхъ заводовъ, а именно уменьшеніе заводскаго дѣйствія. Такого уменьшенія въ Павловскомъ заводѣ не было и не предполагается, а потому на основаніи нынѣ дѣйствующихъ законовъ ходатайство павловскихъ мастеровыхъ не можетъ подлежать удовлетворенію безъ моего согласія. Что же касается послѣдняго, то одна изъ многихъ причинъ, по которымъ я не согласенъ удовлетворить ходатайство мастеровыхъ, заключается въ томъ, что ихъ заработокъ даетъ имъ возможность жить несравненно лучше окружающихъ крестьянъ“.

Свой взглядъ на существо дѣла владѣлецъ завода подкрѣпилъ слѣдующими общими соображеніями: „реформы, предпринятыя правительствомъ въ области мѣстной администраціи, доказываютъ, что имъ признана необходимость положить конецъ той распушенности, которая произошла отъ передачи власти выборнымъ лицамъ и учрежденіямъ“. Тѣмъ болѣе „долженъ быть положенъ конецъ тѣмъ изъ претензій мастеровыхъ, которыя не подлежатъ законному удовлетворенію“, ибо „всякая потачка подобнымъ поползновеніямъ на чужую собственность со стороны правительственной власти (а безконечное собираніе свѣдѣній и безпрестанно повторяющееся разсмотрѣніе въ сущности одного и того же ходатайства, конечно, поощряетъ мастеровыхъ)—служить къ удаленію того времени, когда окончательно установится порядокъ“. Посему,—заключаетъ гр. С.—если будутъ нужны „какія-либо свѣдѣнія о Павловскомъ моемъ заводѣ, то прошу за таковыми обращаться непосредственно ко мнѣ“.

Какова была дальнѣйшая судьба крестьянскаго ходатайства можно видѣть изъ слѣдующихъ строкъ донесенія губернатору непремѣннаго члена оханскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія (отъ 17 сентября 1890 г. за № 174): „Населеніе мастеровыхъ Павловскаго завода, значителенъ въ этомъ любопытномъ документѣ, всесторонне эксплуатируетъ избыточно для себя самый заводъ, а также и вотчину гр. С—ва по всѣмъ отраслямъ производительности и имущественнаго ея богатства. Поэтому внѣшній даже видъ селенія отражаетъ довольство и нѣкотораго рода изящество, что производитъ отрадное впечатлѣніе, получаемое только въ средѣ культурныхъ народовъ“, такъ что „воплъ и жалобы этихъ довѣренныхъ исходятъ не отъ нужды, а изъ желанія имѣть болѣе, что, конечно, слишкомъ заманчиво въ глазахъ ихъ довѣрителей. А эта человѣческая

слабость, будучи надежнымъ и сильнымъ двигателемъ умовъ мастеровыхъ, подмѣчена довѣренными, которые въ свою очередь изъ этой слабости почерпаютъ силу и мощь въ своихъ дѣйствіяхъ, перенося ихъ на почву личныхъ только интересовъ. Именуя себя при этомъ ходатаями и благодѣтелями народа, они стараются затемнять, извращать истинный разумъ закона и толкованіе начальства, чтобы долѣе водить довѣрителей въ темнотѣ и въ ней находить себѣ славу, авторитетъ и наживу. Обличительнымъ доказательствомъ тому можетъ служить тотъ фактъ, что въ 1889 г. на предметъ ходатайства о землѣ были избраны также довѣренными Н—въ и Ч—въ, которые, урезонившись данными мною всѣмъ довѣреннымъ въ томъ-же году указаніями и разъясненіями законоположеній, отказались отъ даннаго имъ довѣрія и, какъ люди честные, нерѣшившіеся обманывать своихъ довѣрителей, не пожелали принимать участія въ подачѣ Б—вымъ и В—нымъ прошенія на имя вашего превосходительства. Выставляя на видъ достойный похвалы честный поступокъ мастеровыхъ Ч—ва и Н—ва, не могу скрыть возмутительно дерзкаго и нахальнаго поведенія товарищей Б—ва и В—на, которые въ бытность мою въ Павловскомъ водостномъ правленіи на предъявленные имъ вопросы и внушенія отвѣчали неприличными выраженіями, оскорбляющими самое мѣсто, власть и владѣльца, за что я вынужденъ былъ приказать старшинѣ арестовать Б—ва для возстановленія тишины и порядка, нарушенныхъ имъ неистовымъ крикомъ и позиціей наступательнаго свойства, выразившую внушительный протестъ на мои толкованія закона и правъ обоюдныхъ отношеній владѣльца и мастеровыхъ“.

Переходя затѣмъ къ самому ходатайству крестьянъ, непремѣнный членъ крестьянскаго присутствія нашелъ его „неподлежащимъ даже разсмотрѣнію“, при чемъ въ предупрежденіе на будущее время „подобныхъ несвоевременныхъ и неподлежательно подаваемыхъ прошеній и въ виду того, что гр. С—въ категорически отказался надѣлать землею мастеровыхъ“, тотъ же уѣздный чиновникъ находилъ необходимымъ „уничтожить самый приговоръ полномочія, а довѣренными В—ну и Б—ву, по неблагонадежности ихъ, воспретить ходатайствовать по всѣмъ общественнымъ дѣламъ“. Мало того — онъ предлагалъ даже установить особое правило, по которому общества избирали-бы довѣренныхъ „только лишь съ разрѣшенія непремѣнныхъ членовъ крестьянскихъ присутствій“...

Надѣюсь, что рассказанный эпизодъ, вообще весьма характерный для горнозаводскаго міра, будетъ особенно поучительнымъ для профессора Менделѣева, открывшаго какую-то особенную „чисто русскую“ черту въ характерѣ уральскихъ заводчиковъ, благодаря которой они будто-бы только о томъ и думаютъ, какъ

бы облагодѣтельствовать мужичка и упрочить его благосостояніе *)...

На этомъ я заканчиваю свою статью. Хотя мнѣ удалось приподнять лишь незначительный уголь завѣсы, скрывающей то темное царство, которое долженъ былъ развѣдать и освѣтить г. Менделѣвъ, но для избранной мною цѣли и сказаннаго вполне достаточно. Изъ всего предыдущаго явствуетъ, что г. Менделѣвъ не выполнилъ задачи своего изслѣдованія, вмѣсто правдиваго изображенія жизни, подлежащей его изученію, развернулъ передъ читателемъ какую-то фантазмагорію, стараясь выдать ее за подлинныя снимки съ натуры. Г. Менделѣвъ, повидимому, и самъ чувствуетъ, что вызываетъ въ читателѣ нежелательное для себя впечатлѣніе, но не останавливается передъ этимъ: „пусть смѣются—говоритъ онъ, мнѣ все равно“ **), пусть даже „обвиняютъ въ чемъ кому угодно“, но, увѣряетъ онъ, „арендовать казенные заводы или покупать руды не предполагаю“ ***). Конечно, ни смѣяться надъ г. Менделѣвымъ, ни обвинять его въ какихъ-либо неблагоприятныхъ мотивахъ я отнюдь не намѣренъ, и попытки съ его стороны предупредить подобныя подозрѣнія представляются мнѣ нѣсколько странными. Напротивъ, я охотно допускаю, что ошибки и заблужденія, въ которыя впалъ г. Менделѣвъ, въ значительной мѣрѣ объясняются особыми условіями, сопровождавшими его путешествіе по Уралу, а также и тѣми предвзятыми воззрѣніями, которыя онъ вывезъ изъ Петербурга.

И. Сиговъ.

*) Кстати сказать,—выясняя эту черту характера заводовладѣльцевъ, г. Менделѣвъ допускаетъ нѣкоторую неточность при передачѣ единственнаго факта, иллюстрирующаго его «наблюденіе». На стр. 100 въ 3-й части своей книги онъ говоритъ: Въ Инвенскомъ краѣ крестьяне бѣдствовали, «такъ графъ Строгановъ пожалѣлъ и заводъ завелъ—пусть люди кормятся». Между тѣмъ въ запискѣ Строгановскаго служащаго (ч. 2-я, стр. 206), на которой основывается г. Менделѣвъ, значится: «Возникновеніе горнаго завода было желательнымъ, какъ для владѣльца маіората, такъ и для населенія Инвенскаго края», особенно для владѣльца, потому что «Инвенскій край изобиловалъ лѣсами, сбыта которымъ не было».

**) Часть 3-я, стр. 134.

***) Тамъ-же, стр. 137.

У ХИЩНИКОВЪ НА ЗОЛОТОМЪ КЛЮЧѢ.

Отъ редакціи. Въ „Русскомъ Богатствѣ“ 1896 года (№ 9) была помѣщена статья г-на А. Лебедева „Желтугинская республика въ Китаѣ“, рисовавшая своеобразную жизнь большаго приискаго стана на Желтугѣ (одна изъ рѣчекъ Амурскаго бассейна). Въ 1886 году эти „вольные прински“ были заняты китайскими войсками. Сибирская вольница вскорѣ, однако, нашла себѣ другую Желтугу, уже на русской территоріи, на рѣчкѣ Гилюѣ, правомъ притоцѣ Зей (того же Амурскаго бассейна). Здѣсь, на „Милліонномъ ключѣ“, закипѣла опять работа вольныхъ золотопромышленниковъ и завязалась новая приисковая „республика“. Безхитростное описаніе очевидцемъ ея своеобразнаго строя, ея кратковременной исторіи и ея конца—составляетъ предметъ настоящаго очерка.

Попался я къ хищникамъ золота на Милліонный ключъ совершенно случайно... Въ г. Благовѣщенскѣ я служилъ у парикмахера. Жалованье я получалъ—одни гроши... А тутъ еще взяли у насъ изъ семьи двухъ моихъ старшихъ братьевъ въ солдаты. Старику-отцу, игравшему на скрипкѣ въ оркестрѣ и этимъ зарабатывавшему средства для пропитанія семьи, стало трудно; въ семьѣ была большая нужда.

Узнавъ какъ-то, что на золотопромышленной Зейской пристани можно много заработать моимъ ремесломъ, я, недолго думая, въ маѣ мѣсяцѣ 189* года сѣлъ на пароходъ и отправился туда. Во время пути на пароходѣ дѣла для меня оказалось много. Не осталось, кажется, ни одного человѣка на пароходѣ, котораго я не стригъ бы или не брилъ... Приѣхавъ на Зейскую пристань, я обошелъ все дома и кое-гдѣ заработалъ деньги. Но народу на пристани было мало, такъ какъ большая часть жителей ушла на приисковую работу въ тайгу. Мнѣ предстояло быть опять безъ работы. Вдругъ одинъ изъ жителей пригласилъ меня къ себѣ въ приказчики, обѣщая хорошее жалованье; обязанность же моя состояла въ томъ, чтобы сопровождать хозяина въ его поѣздкахъ по тайгѣ и помогать въ продажѣ на приискахъ разныхъ товаровъ. Звали моего хозяина Яковомъ Ивановичемъ Дукинымъ.

Въ половинѣ іюня мы съ нимъ отправились въ тайгу. Съ нами на двухъ лошадахъ въ вьюкахъ былъ разный товаръ, банки съ провизіей и спиртомъ. Нѣсколько дней ѣздили мы по тайгѣ, по

самымъ глухимъ мѣстамъ, заѣзжали на одинъ или два пріиска, гдѣ продавали кое-какой товаръ.

Когда мы доѣхали до одного мѣста, гдѣ былъ перевозъ черезъ рѣчку Гилію, хозяинъ сказалъ мнѣ: „Теперь намъ надо ѣхать вверхъ по рѣкѣ на лодкѣ, тамъ есть еще одинъ пріискъ“.

Мы сѣли въ большую лодку, куда взяли и лошадей, и поѣхали вверхъ по рѣкѣ...

Черезъ нѣсколько часовъ на берегу показался густой дымъ, какія-то постройки и большая толпа народа. Я спросилъ у хозяина, что это такое, а онъ мнѣ сказалъ: „Это и есть пріискъ, на который мы ѣдемъ“.

Мѣстность кругомъ была дикая. Все горы высокія да крутыя, а лѣсъ густой, непроходимый. Мнѣ стало какъ-то жутко.

Не доѣзжая до пріиска, мы встрѣтили нѣсколько человѣкъ рабочихъ, которые, увидѣвъ хозяина, сказали ему, смѣясь: „А, это ты, Яковъ Ивановичъ, спирту намъ везешь“. Поздоровавшись и поговоривши съ ними, отправились мы дальше на самый пріискъ. Народу тамъ было множество. Шумъ и гамъ слышался со всѣхъ сторонъ. Куда ни глянешь—всюду подъ деревьями, по ямамъ роятся лопатами, кайлами рабочіе, а другіе моютъ песокъ на лоткахъ.

Мы поѣхали въ ту сторону, гдѣ на горѣ виднѣлись какія-то постройки и толпился народъ... Постройки эти были гостиницами.

На полянкѣ большая куча рабочихъ играла въ карты, высыпая золото изъ мѣшечковъ. Хозяинъ направился сюда, поздоровался со всѣми и сейчасъ же засѣлъ вмѣстѣ съ ними играть въ карты. Черезъ нѣсколько часовъ онъ проигралъ не только всѣ свои деньги, но и лошадей съ товаромъ и спиртомъ, и даже одежду.

Я до этого времени никогда не бывалъ на пріискахъ и не зналъ, на какой пріискъ пріѣхали мы съ хозяиномъ. Последній, проигравшись до чиста, объявилъ мнѣ, что я болѣе ему не нуженъ, а деньги могу заработать здѣсь своимъ ремесломъ. Не имѣя ни копѣйки денегъ съ собой, мнѣ ничего не оставалось больше дѣлать. Я сталъ ходить по здѣшнимъ гостиницамъ, балаганамъ и землянкамъ и занимался бритьемъ и стрижкою рабочихъ-пріискателей, которые нерѣдко щедро меня награждали, конечно, не деньгами, а золотымъ пескомъ...

Мало-по-малу я присмотрѣлся и обжился.

Извѣстно мнѣ стало, что я неожиданно-негаданно попалъ къ хищникамъ - пріискателямъ на „Милліонный“ ключъ, и рѣшилъ, заработавъ побольше денегъ, уйти отсюда при первомъ случаѣ. А заработокъ у меня былъ порядочный, такъ какъ пріискатели при хорошей добычѣ золота были очень щедры.

Надо сказать, что, хотя на ключѣ работало больше двухъ съ половиною тысячъ человѣкъ, все тамъ шло своимъ порядкомъ, заведеннымъ самими пріискателями. Они строго слѣдили, чтобы всѣ соблюдали здѣшній порядокъ, а кто поступалъ своевольно, того

безпощадно наказывали. Слѣдить за порядкомъ на ключѣ и подвергать ослушниковъ наказанію, хищники выбрали всѣмъ своимъ обществомъ старшину, ссыльно-поселенца, Николая Прохоровича Бастрикова, а въ помощь къ нему кандидата, запаснаго унтеръ-офицера Разбойникова. Они получали отъ всего общества хорошее жалованье, которое собиралось, главнымъ образомъ, изъ пошлинъ съ привозимыхъ на ключъ товаровъ, особенно спирта и вина; съ хлѣба, мяса и вообще съѣстныхъ припасовъ пошлины не бралось.

Старшина Бастриковъ, узнавъ, что я грамотный и, кромѣ своего ремесла—стрижки и бритья волосъ, къ прискательской работѣ неспособный, предложилъ мнѣ поступить къ обществу на службу десятникомъ за 60 рублей въ мѣсяцъ жалованья. Я согласился. Обязанности мои въ качествѣ десятника состояли въ томъ, что я, по приказанію старшины, собиралъ народъ на сходку, призывалъ требуемыхъ старшиною людей, приносилъ розги, когда на сходѣ приговаривали кого-нибудь къ этому наказанію, и вообще исполнялъ всѣ приказанія старшины. Въ свободное же время я могъ заниматься своимъ ремесломъ. Общественные сходы на ключѣ собирались почти всякій день. Совершить-ли кто буйство, драку, кражу—въ тотъ же день онъ приглашался на сходъ, гдѣ и присуждался обществомъ къ наказанію, которое тутъ же на сходѣ и исполняли. Нарушители порядка на сходѣ, крикуны и буяны, мѣшавшіе рѣшать дѣла, тутъ же схватывались и подвергались поркѣ. Вслѣдствіе такихъ строгихъ наказаній драки на ключѣ были рѣдки.

Иногда, особенно во время игры на „Орловомъ полѣ“, за картами рабочіе поссорятся, начнутъ страшно кричать и ругать другъ друга, но до драки дѣло никогда не дойдетъ. Разозлившійся прискатель лишь свирѣпо замахнетъ кулакомъ или поднесетъ его къ самому носу противника, но всегда во время сдержитъ себя и лишь отъ гнѣва и досады крикнетъ: „эхъ, если бы не „горка“, я бы тебѣ показалъ“!

Эта „горка“, гдѣ собирался сходъ и пороли провинившихся, наводила страхъ на всѣхъ, такъ какъ тамъ не миловали никого, а драли беспощадно, и, кромѣ того, наказанному „поркой“ потомъ житья не было отъ насмѣшекъ прискателей. Особенно жестоко наказывали за кражу у товарища добытаго золота, которое обыкновенно хранилось у каждаго въ маленькомъ мѣшочкѣ, привязанномъ подъ рубахою къ поясу. Ночью иногда случалось, что съ соннаго прискателя снимали такой мѣшочекъ съ золотомъ, но если вора удавалось обнаружить, то сходъ подвергалъ его жестокой поркѣ и удалялъ съ ключа.

Былъ у насъ одинъ бѣглый каторжникъ, по прозванію „Чертовъ Носъ“, который никогда не выходилъ изъ тайги, опасаясь шоймки. Однажды ночью залѣзъ онъ въ балаганъ къ одному прискателю и было уже успѣлъ отвязать у него мѣшочекъ съ золо-

томъ, но тотъ въ это время проснулся и закричалъ. „Носъ“ ошеломилъ его ударомъ въ голову и выскочилъ изъ балагана. Все же крикъ рабочаго былъ услышанъ. Многие, увидѣвъ бѣжавшаго, задержали его. При немъ нашли украденный мѣшочекъ съ золотомъ. Тутъ же собрали сходъ, выслушали обиженнаго рабочаго и подвергли каторжника-вора такой жестокой поркѣ, послѣ которой его подняли безъ чувствъ; послѣ этого вора выгнали совсѣмъ съ ключа, запретивъ ему приходить туда. Старшина изъ жалости иногда посылалъ ему хлѣбъ, такъ какъ онъ продолжалъ скитаться по близости. Другой разъ въ одну палатку, гдѣ жилъ женатый прискатель, въ отсутствіе мужа забрался одинъ хищникъ, здоровенный дѣтина. Женщина не захотѣла удовлетворить его желанія, тогда онъ прибѣгъ къ насилію, но на крикъ ея обѣжался народъ; женщину освободили, а насилователю задали жестокою порку.

Такъ какъ изъ-за женщинъ вообще могли быть безпорядки на ключѣ, то на сходѣ всѣ порѣшили: женщинъ больше ни подѣ какимъ видомъ не допускать на ключъ, а находившихся оттуда удалить, а кто останется съ женщиною или приведетъ ее тайно, того вмѣстѣ съ нею подвергать поркѣ. Послѣ этого женщинъ на ключѣ больше не было. Общество все строго слѣдило за этимъ. У одного старика-хищника жена открыла на другомъ берегу рѣки лавочку для продажи кваса и булокъ. Общество удалило ее и оттуда, чтобы не было никакого соблазна. Общество порѣшило также не допускать на ключъ китайцевъ и корейцевъ, которыхъ множество всегда бродитъ по амурской тайгѣ. Если китайцевъ ловили на ключѣ, то обыкновенно связывали ихъ другъ съ другомъ косами и съ побоями выгоняли съ ключа, забавляясь тѣмъ, что отъ толчковъ китайцы время отъ времени падали одинъ за другимъ на землю.

Такимъ образомъ, сходъ на ключѣ собирали почти каждый день. По приказанію старшины я обходилъ балаганы и землянки и созывалъ прискателей. Когда народъ собирался на горку, то старшина объявлялъ всѣмъ, что сегодня будутъ обсуждать. Я же приводилъ на сходъ и провинившихся прискателей, которыхъ долженъ былъ судить сходъ.

Старшина обращался къ собравшимся людямъ, называя ихъ всегда „господа общественники“, и объяснялъ, кто въ чемъ обвинялся. Каждому обвиняемому сходъ назначалъ защитника. Роль его исполняли запасный солдатъ Дементьевъ, который умѣлъ хорошо говорить, хотя иногда приходилъ въ ярость и ругался. Потомъ выслушивали самого обвиняемаго и рѣшали дѣло всѣмъ сходомъ по большинству голосовъ поднятіемъ рукъ. Голоса считалъ старшина. Большею частью на сходѣ приговаривали къ поркѣ отъ 20 до 200 розогъ за крупныя проступки, а за мелкіе—къ штрафу въ нѣсколько золотниковъ золота въ пользу

общества. Рѣшеніе всегда приводилось въ исполненіе тутъ же на сходѣ. На ключѣ строго было запрещено стрѣлять и виновнаго подвергали 25 ударамъ розги и штрафу. На сходахъ нерѣдко поднимался страшный шумъ, крикъ и гвалтъ, но порядокъ всегда восстанавливали, а крикунамъ сильно доставалось. Кромѣ старшины и кандидата, на ключѣ былъ еще и писарь, который велъ всѣ записи для старшины по сбору пошлинъ. Всѣ они помѣщались въ особомъ домѣ, называвшемся „Управленіемъ“.

Меня сначала заставляли, какъ десятника, пороть провинившихся, но вслѣдствіе моего отказа и слабосилія—пороли всегда другіе.

Работать на ключѣ допускали всѣхъ безъ различія, только ни одинъ изъ мѣстныхъ золотопромышленниковъ не смѣлъ туда показаться. А когда одинъ такой золотопромышленникъ съ Зейской пристани, Лыковъ, явился на ключъ, то его попросили уйти по-доброу по-здорову; онъ не ушелъ, тогда его поймали, привели на сходъ и тутъ порѣшили дать Лыкову 50 розогъ, чтобы отвадить его отъ ключа. Тутъ же Лыкова повалили на землю и стали наказывать розгами; послѣ 42 ударовъ пучекъ розогъ весь изломался и сходъ закричалъ: „довольно! восемь розогъ пусть за тобою, Лыковъ, остаются!“ Послѣ этого Лыковъ уже больше на ключъ не являлся.

Старшина Бастриковъ старался поддерживать на ключѣ порядокъ и тишину. Когда разнесся слухъ, что по близости показалась шайка бѣглыхъ черкесовъ, общество по заявленію старшины наняло нѣсколько конныхъ людей, вооружило ихъ ружьями и послало для поимки разбойниковъ, но послѣдніе куда-то скрылись. Никто никогда не заявлялъ неудовольствія на старшину.

Добыча золота на ключѣ шла очень хорошо. Работали артелями по 5, по 7 человекъ въ ямахъ, а промывали золото на лоткахъ. Самый ключъ, такъ какъ золото находилось въ руслѣ, отвели въ сторону. Хищникъ, первый открывшій золото въ этомъ ключѣ, назывался „Прошкой“ — прозвища не помню. Каждый на ключѣ въ день намывалъ больше золотника золота, а нѣкоторые до фунта и больше; случалось нѣкоторымъ поднимать и самородки золота значительной величины; вообще золота добывали много; работа была легкая, такъ какъ рыть приходилось неглубоко до породы; самый трудъ заключался лишь въ оттаиваніи мерзлой породы. Народу на ключѣ съ каждымъ днемъ все прибывало; приходили даже изъ отдаленныхъ мѣстностей Забайкальской области, Иркутской и Томской губерній и др., прослышавъ о богатомъ золотѣ на ключѣ. Въ гостиницахъ нашихъ всегда было шумно и весело; играли музыканты, ушедшіе съ Зейской пристани; готовили повара, такъ какъ прискатели, благодаря хорошему золоту, любили поѣсть хорошо. Въ лавкахъ на базарѣ можно было достать даже ананасы, конфекты, всевозможныя вина

и закуски. Веселая и привольная жизнь была на ключѣ. Жили, работали, пили, играли, веселились, не думая о завтрашнемъ днѣ. Были такіе, которые, добывъ нѣсколько фунтовъ золота, удалялись домой, не довѣряя будущему, но ихъ было немного. Большинство же думало, что такому веселью и приволью и конца не будетъ. О томъ, что нарушали законъ, никто и не думалъ. Вольную работу для добычи золота не считали беззаконіемъ. „Не все же работать на богачей, поработаемъ и на самихъ себя, довольно въ кабалу ходили, погуляемъ на волѣ, золото—даръ Божій“—такъ говорили приискатели...

На ключѣ, находившемся среди густого лѣса, водилось замѣчательно много кукушекъ... Бывало закукуетъ кукушка—приискатели и скажутъ со смѣхомъ: „вонъ, оно—наше начальство—генералъ Кукушкинъ“!

Приходилось мнѣ отъ нѣкоторыхъ хищниковъ слышать рассказы, какъ ихъ прогоняли съ китайской Желтуги, какъ китайцы безъ пощады казнили тамъ своихъ, какъ наши казаки разгоняли хищниковъ на Бомѣ... Среди разказчиковъ были такіе, которые давно уже забыли про свою родину, десятки лѣтъ бродя по тайгѣ всюду, гдѣ только открывалось золото; тайга для нихъ—все равно что дома, не знаютъ они ни начальства, ни паспортовъ, другіе даже отреклись отъ семьи...

Приискатели, собравшіеся на ключѣ, образовали, по ихъ словамъ, „общество вольныхъ старателей-приискателей“ и почему-то рассчитывали, что, если на ключѣ все будетъ идти тихо, безъ всякихъ беспорядковъ, то начальство не будетъ ихъ трогать и разгонять, а они тѣмъ временемъ выработаютъ всю площадь съ золотомъ и разойдутся по своимъ мѣстамъ...

Май и почти весь іюнь дѣйствительно прошли безъ всякой тревоги и помѣхи. Народу валило на ключъ съ каждымъ днемъ все больше... и кого тутъ только не было... были даже чиновники изъ Благовѣщенска, купцы, мѣщане, много запасныхъ солдатъ и всякаго сброда... Всѣхъ прельщала надежда разбогатѣть... Принимали всякого, не спрашивая паспорта, лишь бы работалъ да подчинялся „обществу“... Много было и ссыльныхъ бѣглыхъ; были даже каторжные, но послѣднихъ не много. Было, напримѣръ, семь бѣглыхъ черкесовъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы ружьями и кинжалами, но зла они никому на ключѣ не сдѣлали... Много было бѣглыхъ рабочихъ съ сосѣднихъ богатыхъ присковъ, побросавшихъ хозяйскія работы, не дававшія имъ заработка, благодаря притѣсненіямъ и прижимкамъ присковыхъ управляющихъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ моего прихода, стало быть, въ концѣ іюня, на ключѣ разнесся слухъ, что изъ города Благовѣщенска отправленъ отрядъ солдатъ съ офицеромъ, чтобы разогнать приискателей съ ключа. Вѣсть эта испугала немногихъ. Почти все продолжали работать, и каждый день подходило много новаго на-

рода... Впрочемъ, общество поставило въ разныхъ мѣстахъ караульныхъ, которые должны были давать знать о приближеніи отряда. Скоро стало уже извѣстно, что отрядъ изъ 20 человекъ солдатъ, подъ начальствомъ офицера, выйдетъ съ Зейской пристани и будетъ черезъ нѣсколько дней на ключѣ. По этому случаю былъ собранъ сходъ; долго обсуждали, что дѣлать... Много шумѣли, кричали, спорили, но уходить съ ключа никто не имѣлъ и въ мысляхъ... Въ концѣ концовъ порѣшили: отрядъ принять безъ всякой вражды, офицеру оказать всякій почетъ... Запрещено было показываться съ оружіемъ, а за выстрѣлы внутри стана полагалось строгое наказаніе... Для приѣма офицера устроили особую палатку, убрали ее зеленью, коврами и цвѣтною матеріей; всѣ строенія на ключѣ разукрасили флагами... Въ день прибытія отряда порѣшили приготовить для офицера и солдатъ роскошное угощеніе, которымъ занялись наши повара, наготовившіе пироговъ съ осетриною, разныхъ закусокъ и проч. Въ палаткѣ былъ накрытъ столъ и уставленъ винами и закусками. Кромѣ того, было рѣшено на сходѣ собрать для офицера и отряда значительную сумму денегъ въ подарокъ. Работать же не только не бросали, а работали еще усерднѣе...

27-го іюня днемъ караульные прибѣжали и дали знать, что отрядъ приближается. И, дѣйствительно, часамъ къ шести вечера отрядъ солдатъ показался... Пріискатели громадною толпой высыпали навстрѣчу отряду, который медленно двигался по противоположному берегу р. Гилоя...

Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за отрядомъ... Не дойдя до ключа шаговъ шестьсотъ, отрядъ остановился и сдѣлалъ привалъ. Отъ отряда отдѣлился одинъ солдатъ верхомъ и, подъѣхавъ къ толпѣ, закричалъ:

— Поручикъ, командиръ отряда, требуетъ отъ васъ трехъ человекъ, высылайте кого потолковѣе да поскорѣе.—И онъ удался къ отряду.

Толпа пріискателей заволновалась и зашумѣла... Кому идти къ офицеру для переговоровъ? Наконецъ, рѣшили идти: старшина Бастриковъ, кандидатъ Разбойниковъ и адвокатъ Дементьевъ. Они должны были, вмѣстѣ съ тѣмъ, просить офицера пріѣхать въ станъ и принять хлѣбъ-соль отъ общества...

Черезъ нѣсколько времени они, повидавшись съ офицеромъ, возвратились. Толпа обступила ихъ съ разспросами. Старшина объявилъ: Собирайте сходъ, тамъ рѣшимъ, что дѣлать. Офицеръ ни на что не соглашается, отъ приѣма, угощенія и подарковъ отказался наотрѣзъ и приказываетъ всѣмъ очистить ключъ немедленно, а то грозить, всѣмъ будетъ плохо, такъ какъ онъ пришелъ не шутки шутить съ нами...

Тутъ поднялся страшный гвалтъ и крикъ... Старшина кричалъ:

— Не гадите, не шумите зря, слушайте! Когда шумъ замолкъ, старшина сказалъ:

— Господа общественники, обсудимъ дѣло спокойно; силою намъ съ отрядомъ бороться не приходится, поэтому лучше намъ всѣмъ разойтись.

Тутъ въ толпѣ закричали:—Не слушайте его, онъ все вреть! Офицеръ не посмѣетъ насъ тронуть, мы его лопатами и кайлами закидаемъ! Онъ не имѣетъ права употреблять противъ насъ силу, будемъ работать!

На томъ и порѣшили: пока что, оставаться на ключѣ и продолжать работы.

— Ваша воля, господа общественники: оставаться, такъ оставаться,—сказалъ старшина,—пусть будетъ, что будетъ, а завтра надо какой-нибудь отвѣтъ офицеру дать.

Рѣшили—утро вечера мудренѣе, и легли спать.

На утро офицеръ опять прислалъ солдата съ приказаніемъ, чтобы пришли къ нему опять тѣ же люди, которые ходили вчера. Они пошли, но неохотно, а толпа кричала имъ: „Такъ и скажите: народъ рѣшилъ оставаться, мы, дескать, поработаемъ недѣльку-другую и сами уйдемъ, а то многіе, придя на ключъ, не успѣли еще ничего заработать и находятся въ большой нуждѣ, трогать насъ не за что, такъ какъ мы зла никому не дѣлаемъ“.

Черезъ нѣсколько времени посланные возвратились и передали обществу, что офицеръ назвалъ всѣхъ бунтовщиками и не сталъ больше разговаривать съ ними, а приказалъ немедленно убрать съ того берега караульныхъ, а не то онъ съ ними самъ расправится. Въ толпѣ поднялся страшный шумъ и крикъ. Многіе ругали офицера всякими словами. Многіе ругали и самого старшину, который продолжалъ уговаривать хищниковъ-прискателей исполнить требованіе офицера. Въ толпѣ кричали: „Нечего его слушать, ребята, пустяки онъ болтаетъ, офицеру съ 20 солдатами съ нами ничего не подѣлать, не тронетъ онъ насъ пальцемъ, а чуть что, мы ему покажемъ!..“

Караульные сами съ того берега пришли въ станъ на ключъ, не считая себя больше въ безопасности отъ солдатъ. Толпа мало-по-малу разбрелась по ключу, по своимъ ямамъ, и нѣкоторые снова стали работать, но много народу оставалось со старшиной на сходѣ и слѣдило за отрядомъ. Между тѣмъ, офицеръ съ солдатами перешелъ на гору, поближе къ нашему стану.

Видно было, какъ солдаты развели огонь, чтобы варить себѣ обѣдъ. По краю горы ходили часовые. Послѣ обѣда погода измѣнилась. Небо покрылось густыми темными тучами. Въ узкой долинь, между высокими хребтами, покрытыми высокимъ частымъ дремучимъ лѣсомъ, гдѣ расположенъ былъ нашъ станъ, стало такъ темно, какъ ночью. По ямамъ на стану мелькали огни отъ пожеговъ, которыми оттаиваютъ прискатели мерзлую породу, но

вообще стало темно и страшно... Вдругъ поднялся страшный ураганъ... Вѣтеръ закрутилъ вихремъ, по временамъ онъ проносился съ такою страшною силою, что высокія толстыя деревья, вырванныя съ корнемъ, съ трескомъ и шумомъ валились прямо на шалаши рабочихъ... Полился крупный дождь цѣлымъ ливнемъ. Грянулъ громъ, засверкала молнія... Гроза поднялась такая, какой я сроду не видывалъ... Молнія ослѣпляла глаза, громъ страшными ударами просто оглушалъ... я совсѣмъ очумѣлъ отъ страху, словно въ столбнякъ... Однимъ ударомъ расщепило громадную листовицу въ самомъ стану. Всѣ у насъ перепугались и растерялись...

Среди этого переполоха никто сперва и не замѣтилъ, что отрядъ сталъ приближаться къ намъ... Спихнулись тогда, когда отрядъ подошелъ къ самому стану. Офицеръ что-то кричалъ, но за шумомъ и ураганомъ ничего нельзя было слышать. Народъ топился кучею около построекъ.

Вдругъ раздался ружейный залпъ. Пули просвистѣли мимо меня. Это отрядъ сталъ стрѣлять по насъ. Всѣ въ станѣ заволновались... „Стрѣляетъ, стрѣляетъ, т.....мать“, кричали въ толпѣ. Другіе бѣжали по стану, крича: „что теперь дѣлать“... Одни бѣжали, прятались за постройки, въ ямы, другіе ложились на землю, укрывались за деревьями. Раздался второй залпъ... третій... пули зашвистѣли кругомъ.. я видѣлъ, какъ около меня молодой парень, Степка Синицынъ, шедшій съ топоромъ съ работы, пораженный пулею въ високъ, упалъ и тутъ же умеръ.. Онъ только что пришелъ на ключъ и работалъ всего первый день.. У него осталась жена съ двумя дѣтьми на Зейской пристани... Еще упало нѣсколько человѣкъ раненыхъ.. они стонали и кричали отъ боли... Тутъ закричали, что надо идти къ офицеру и просить его не убивать людей, а другіе, ожесточившись, хотѣли идти бить солдатъ.. Одинъ изъ черкесовъ съ крикомъ; „вотъ я сейчасъ ссажу этого офицера“, прицѣлился изъ ружья, но какой-то рабочій выхватилъ ружье у черкеса и самого его сталъ бить прикладомъ. Старшина съ нѣсколькими людьми рѣшился немедленно идти къ офицеру и просить его не стрѣлять, пока онъ соберетъ сходку. Многіе кричали старшинѣ: „Спроси у офицера, по какому онъ праву стрѣляетъ и убиваетъ людей, есть ли на это какая бумага?“

Пошли. Отрядъ больше не стрѣлялъ.. Всѣ смотрѣли, какъ наши посланные, подойдя къ отряду, вели переговоры съ офицеромъ.. Вотъ они пошли назадъ.. Возвратившись въ станъ, старшина собралъ всѣхъ прискаателей на сходъ и объявилъ, что офицеръ никакой бумаги отъ губернатора не захотѣлъ показать, а приказалъ немедленно уходить всѣмъ съ ключа, иначе грозить, что у него патроновъ хватитъ на всѣхъ насъ. Сколько ни шумѣли и ни галдѣли, что не надо уходить съ ключа, а лучше напасть самимъ на отрядъ и прогнать его отсюда, въ концѣ-концовъ порѣшили оставить всѣмъ ключъ и попросить у офицера два дня сроку на сбо-

ры въ дорогу, изготовку плотовъ и паромовъ для сплава по рѣкѣ и проч. Старшина съ тремя людьми снова пошелъ къ офицеру и передалъ ему рѣшеніе схода.

Офицеръ далъ согласіе. Тутъ по всему стану закипѣла работа: купцы, торговцы, рабочіе стали укладывать свои пожитки. Одни рубили деревья на постройку плотовъ и паромовъ, нѣкоторые пекли на дорогу хлѣбъ, другіе жгли все, что не могли взять съ собою; постройки, шалаши пылали. Часть же хищниковъ продолжала работать до послѣдняго льготнаго часа. Убитаго обмыли, одѣли въ саванъ и приготовили все къ похоронамъ. 29 іюня, въ послѣдній день срока, народъ сталъ уходить цѣлыми толпами.

Съ одной изъ партій вышелъ и я, навсегда простившись съ „Милліоннымъ ключемъ“. Все заработанное мною здѣсь на дорогѣ у меня отобрали казаки, какъ и у многихъ другихъ рабочихъ, такъ что на Зейскую прастанъ я опять пришелъ безъ копѣйки. Отсюда кое-какъ, съ помощью добрыхъ людей, добрался я, наконецъ, и до Благовѣщенска.

И. К.

НОВЫЯ КНИГИ.

А. Н. Сальниковъ. Русскіе поэты за сто лѣтъ. Сборникъ лучшихъ лирическихъ произведеній русской поэзіи (съ 119 портретами). Спб. 1901.

Не успѣлъ скончаться XIX вѣкъ, какъ представители различныхъ специальностей уже спѣшаты подвести итоги дѣятельности великаго покойника. Любители и знатоки поэзіи также озабочены итогами. Хотя поэзія русская и не достигла такого всемірнаго признанія, какъ художественная проза, хотя къ концу вѣка она и пришла въ страшный упадокъ и не имѣетъ въ настоящее время ни одного представителя, равнаго даже нѣкоторымъ изъ *dii minores* современной прозы (не говоримъ ужъ о Львѣ Толстомъ), но все же не подлежитъ сомнѣнію, что въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ она прошла великое и славное поприще. По силѣ, красотѣ, искренности и оригинальности своихъ созданій русская лирическая поэзія XIX вѣка, безспорно, представляетъ рѣдкую сокровищницу, и нужно обладать положительно особымъ даромъ, чтобы, черпая изъ этой сокровищницы, умудриться достать не брилліанты чистой воды, а простыя битыя стекла...

„При составленіи настоящей книги,—заявляетъ г. Сальниковъ

въ предисловіи,—я имѣлъ въ виду дать читателю возможно полный сборникъ *лучшихъ* образцовъ русской лирической поэзіи, который бы, *по богатству и разнообразію своего содержанія*, могъ удовлетворить *самымъ взыскательнымъ* литературнымъ вкусамъ и требованіямъ“.

Г. Сальниковъ имѣлъ полное право поставить себѣ болѣе скромную задачу—дать, напр., хрестоматію историческаго характера, куда, разумѣется, должны были бы войти и многіе изъ плохихъ образцовъ нашей лирики, разъ только они пользовались въ свое время нѣкоторымъ успѣхомъ (какъ Бенедиктовъ и Розенгеймъ въ 40—50-хъ годахъ). Но г. Сальникова такая задача не удовлетворяла, и онъ добровольно наложилъ на себя трудную обязанность,—сохраняя полное безпристрастіе относительно различныхъ литературныхъ направленій,—дать намъ *„все то, что только обладаетъ большими или меньшими поэтическими достоинствами, проникнуто искреннимъ чувствомъ и отличается красотою формы“*. Посмотримъ же, въ какой мѣрѣ выполнено это смѣлое обѣщаніе.

При необходимости на небольшомъ, сравнительно, пространствѣ 600 страницъ уместить избранныя произведенія 123 поэтовъ, составитель хрестоматіи прежде всего долженъ былъ, думается намъ, позаботиться о взаимной пропорціональности отдѣловъ, посвященныхъ разнымъ поэтамъ. Г. Сальниковъ, къ сожалѣнію, совсѣмъ объ этомъ не подумалъ, и иной простодушный читатель его книги можетъ въ самомъ дѣлѣ вообразить, что, напр., гг. Фофановъ и... Пановъ подарили русской лирикѣ то же количество „лучшихъ“ образцовъ, что и Лермонтовъ съ Некрасовымъ! Г-ну Медвѣдеву и г-жѣ Ольгѣ Чюминой г. Сальниковъ удѣляетъ точь въ точь такое же вниманіе, какъ и Кольцову; нѣсколько меньше ихъ цѣнитъ онъ Аполлона Коринфскаго, Черниговца, Быкова, Пальмина, Пушкарева, Бальмонта, Ѳедорова, Порфиорова и г-жу Щецкину-Куперникъ, въ одной компаніи съ которой помѣщаетъ Жуковскаго, Полежаева, Никитина, Фета, Надсона... Наконецъ, еще меньше мѣста отводитъ Тютчеву, Майкову, Полонскому, Огареву, Ал. Толстому, Жемчужникову, Щербинѣ, уравнивая всѣхъ ихъ (о, боги Олимпа!) съ гг. Буренинымъ, Ясинскимъ, Афанасьевымъ, Льдовымъ, Сафоновымъ, Шуфомъ и, ужъ не знаемъ—съ кѣмъ еще! Прибавимъ къ этому, что, ставя столь высоко, съ позволенія сказать—лирику гг. Ясинскихъ, Коринфскихъ и т. д., г. Сальниковъ *вовсе опускаетъ*: изъ новѣйшихъ поэтовъ—Симборскаго, Мартова, Горбунова-Посадова, Александрова-Корсака, Боровиковскаго, а изъ старыхъ—Цыганова, Глинка, Бернета-Жуковскаго и Теплякова. Не говоримъ уже о великомъ множествѣ другихъ, художественная цѣнность которыхъ можетъ быть спорной, но которые все же имѣютъ не меньшее право на титулъ поэтовъ, чѣмъ добрая половина избранниковъ г. Сальникова,—

о Мятлевѣ, Ершовѣ, Гребенкѣ, Тимофеевѣ, О. Миллерѣ, о гг. Навроцкомъ, Влад. Ахшарумовѣ, Познерѣ, Андреевѣ, Тхоржевскомъ, Ленцевичѣ, Бунинѣ, Дрентельнѣ, Гессенѣ, Вл. Жуковскомъ, Колтоновскомъ и т. д. и т. д. до безконечности.

Взглянемъ теперь на самые „образцы“. Г. Черниговецъ такъ воспѣваетъ бурю:

Въ тактъ плечомъ (sic!) подергивали дубы,
И въ развертъ (?) крутились вязъ и ель;
Вѣтръ *гремя* лихую пляску въ трубы (?),
Съ посвистомъ носилась по лѣсу мятель.
Вьюга радостно, *какъ бысь*, визжала
И въ безуміи крутилася, *какъ бысь*.

Это—перлъ по части „чистаго искусства“, а вотъ и по части „гражданской“:

Мысли! облетѣ ты всѣ царства извѣстныя
И... и отвѣтъ ты мнѣ: гдѣ,
Гдѣ въ нихъ злодѣи, глушцы и безчестныя
Вѣчно не въ шелкѣ, а умный и честныя
Вѣчно не гибнуть въ нуждѣ?
— Гдѣ? Да нигдѣ! (Пушкаревъ).

У третьяго поэта (г. Случевского) „тѣни, въ громадныхъ разлитрахъ своихъ, лежать, повалившись, одинъ на другихъ“. Это-ли, въ самомъ дѣлѣ, не „лучшіе образцы русской лирической поэзіи“?!

Но не счастливѣе г. Сальниковъ и въ выборѣ образцовъ изъ поэтовъ болѣе прославленныхъ. Мей (совершенно à la г. Аполонъ Коринфскій) завываетъ:

Что ты, зорька, что, рожденица желанная,
Что ты—блѣдная такая и туманная?
Не въ приборѣ и безъ алаго понойничка?
Али чуешь по околицѣ покойничка?

Изъ Ивана Козлова („поэта-слѣнца“) приводятся, между прочимъ, такія строки: „Вина всѣхъ думъ, и грустныхъ и веселыхъ, моя жена и мать моихъ дѣтей... Я стремлю... рой думъ моихъ... на двухъ дѣтей, взлелѣянныхъ тобою, и на тебя, *почти милый мнѣ изъ!*“ Выборъ стиховъ изъ Никитина, Плещеева, Полонскаго, Фета и даже г. Фофанова нужно назвать совершенно неудачнымъ: у перваго не взято даже стихотвореніе „Вырыта заступомъ яма глубокая“, у послѣдняго—„Звѣзды ясныя, звѣзды прекрасныя“...

Нельзя назвать также счастливой идею распредѣленія поэтовъ не по періодамъ, въ которые пѣла и славилась ихъ поэзія, а по десятилѣтіямъ рожденія на свѣтъ, причемъ въ каждой такой группѣ поэты расположены по алфавиту. Благодаря этому, получилось, напр., что Козловъ фигурируетъ рядомъ съ Батюшковымъ, Бенедиктовъ и Тютчевъ съ Полежаевымъ и Кольцовымъ, Алексѣй Толстой—съ Лермонтовымъ; Дельвигъ и Тютчевъ появляются

раньше Пушкина, г. Жемчужниковъ—раньше Некрасова, гг. Величко, Льдовъ, Коринфскій, Гиппиусъ и др. раньше Надсона. Читателю не безынтересно, быть можетъ, узнать, почему г. Сальниковъ принялъ такое курьезное распредѣленіе? Оказывается, что расположить поэтовъ по годамъ выступленія ихъ на литературное поприще было „положительно невозможно“ въ виду того, что большинство (?) біографическихъ данныхъ о нашихъ поэтахъ страдаетъ, будто бы, ужасными неточностями и противорѣчіями: такъ, Гербель назвалъ Подолинскаго Александромъ, вмѣсто Андрея, а родиной И. С. Аксакова показалъ, вмѣсто Оренбургской, Уфимскую губернію... Но спрашивается, во-первыхъ,—развѣ на Гербель свѣтъ клиномъ сошелся, и развѣ не могъ г. Сальниковъ заглянуть: хотя бы въ энциклопедическій словарь Брокгауза? И, во-вторыхъ, какое же отношеніе имѣютъ примѣры этихъ мелкихъ неточностей Гербеля къ датамъ выступленія нашихъ поэтовъ на литературное поприще? Едва ли не такое же, какъ въ огородѣ бузина къ живущему въ Кіевѣ дядьку...

Краткія біографіи поэтовъ, приводимыя г. Сальниковымъ, также достойны вниманія. Удѣляя Лермонтову всего 25 строкъ, онъ распространяется о предкахъ г. Ясинскаго: „Подобно тому, какъ Русь (юго-западная) становилась то польскою провинціею, то русскою,—и Ясинскіе превращались то въ русскихъ, то въ поляковъ. Вотъ почему они являются то въ роли польскихъ депутатовъ и патріотовъ, то въ роли ревнителей русской идеи и даже православія“. Правда, эта превосходная апологія предковъ проливаетъ нѣкоторый свѣтъ и на характеръ ихъ потомка-поэта, такъ отлично умѣющаго приспособляться къ господствующему духу времени, но не слишкомъ ли все же обременительны такія подробности о г. Ясинскомъ для хрестоматіи „русскихъ поэтовъ за 100 лѣтъ“? Въ біографіи г. Андреевскаго поражаетъ другого рода странность. „Въ послѣднее время,—пишетъ г. Сальниковъ,—г. А. заявилъ себя довольно интересными и мѣткими критическими этюдами о Баратынскомъ, Достоевскомъ („Братья Карамазовы“) и Вс. Гаршинѣ“. Это сообщается намъ въ 1901 году, а вотъ что сообщалось о томъ же г. Андреевскомъ *десять лѣтъ* тому назадъ въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза-Ефрона: „Въ послѣднее время С. А. заявилъ себя довольно сильною и мѣткою критикою (Баратынскаго, Достоевскаго—Братьевъ Карамазовыхъ—и Гаршина)“. Комментаріи, какъ говорится, излишни...

Единственное неотъемлемое достоинство книги г. Сальникова—это обиліе приложенныхъ портретовъ, исполненныхъ довольно удовлетворительно. Изъ поэтовъ стараго времени, кажется, впервые дается здѣсь изображеніе М. Л. Михайлова. Иному читателю, быть можетъ, любопытнымъ покажется взглянуть и на новыхъ „знаменитостей“, на всѣхъ этихъ г-жъ Гиппиусъ, Щепкиныхъ-Куперникъ, гг. Бальмонтъ, Коринфскихъ и т. д., со включеніемъ

какого-то неизвѣстнаго намъ (и, увы! бездарнаго, несмотря на рекомендацію Чайковскаго), г. Ратгауза. Любопытный читатель долженъ только помнить, что, кромѣ этого удовольствія, стоящаго 1 р. 65 коп., г. Сальниковъ не дастъ ему ровно ничего.

Стихотворенія М. Е. Ш. м. 1901.

Изъ стихотвореній г-на М. Е. Ш. намъ больше всего понравились напечатанныя, какъ, напримѣръ, на стр. 29, такъ:

IV.

И больше ничего. Изъ 58 страницъ, составляющихъ книжку, семь заняты этими необыкновенно выразительными произведеніями. Къ сожалѣнію, г. М. Е. Ш. не всегда такъ величаво молчаливъ. Такъ на стр. 57 напечатано стихотвореніе уже въ цѣлую строку:

Примѣръ.

Гей, молодые орлы!

А на стр. 15—16 столь длинное, что мы только начало его выпишемъ:

Замѣчать
И увлекаться,
И влюбляться
Безъ конца!

Сони ручки,
Кати глазки,
Лизы ласки,
Олинъ умъ.

Воздыханья,
Жажда встрѣчи
Сладость рѣчи,
Поцѣлуй!

И т. д.

Больше мы о стихотвореніяхъ г-на М. Е. Ш. ничего сказать не имѣемъ.

Александръ Новиковъ. По закону. Романъ изъ деревенской жизни. Спб. 1901.

Книжка эта задумана съ благими намѣреніями, продиктована искреннимъ стремленіемъ къ правдѣ и, несомнѣнно, принесетъ свою долю поэзы. Но, какъ художественное произведеніе, романъ г. Новикова можетъ удовлетворить лишь читателей съ не-требовательнымъ вкусомъ или очень чувствительнымъ сердцемъ. Авторъ напрасно придалъ своему изложенію беллетристическую

форму: онъ не беллетристъ и не годится въ художники. „Мыслить образами“ нашъ авторъ не умѣетъ, а только опиываетъ, что наблюдалъ; тѣ или другія подробности или отдѣльныя черты дѣйствующихъ лицъ или событій онъ комбинируетъ чисто разсудочно, и въ его произведеніи не замѣчается и слѣдовъ творческаго синтеза. Неудивительно поэтому, что дѣйствующія въ романѣ лица нарисованы въ общемъ грубо, топорно, что они производятъ впечатлѣніе не живыхъ людей, а чего-то отвлеченнаго отъ жизни, придуманнаго и произвольно напичканнаго тѣмъ или другимъ реальнымъ содержаніемъ; они нужны автору исключительно для публицистическихъ цѣлей, для иллюстраціи кое какихъ положеній и нѣкоторыхъ интересующихъ его особенностей деревенской жизни. Впрочемъ, эти недостатки автора, какъ беллетриста, искупаются до нѣкоторой степени его искренностью и безприязнательностью, а также жизненнымъ содержаніемъ его романа. Гораздо больше терпитъ отъ такого незаконнаго смѣшенія публицистическаго элемента, насильственно закованнаго въ беллетристическую форму. Для автора публициста написать романъ—это значитъ сознательно наложить на себя узду, поставить тормазъ на своемъ пути. Но и отвѣтственности за то на публицистѣ больше. Онъ не можетъ ограничиться указаніемъ на интересующее его явленіе, онъ долженъ и объяснить его. Общественныя явленія какого нибудь одного порядка (въ данномъ случаѣ, напр., правового) такъ тѣсно связаны съ общимъ строемъ жизни и со всѣми прочими ея сторонами, что говорить о нихъ въ отдѣльности, не касаясь цѣлаго и не разобравшись такъ или иначе въ этомъ цѣломъ, невозможно. А разобратся не всегда и не всякому легко,—въ особенности не легко, когда рѣчь идетъ о такомъ предметѣ, какъ жизнь русской деревни, и такому публицисту, какъ г. Новиковъ. Дѣло не въ томъ только, что вопросъ о положеніи и судьбахъ деревни—трудный и большой вопросъ нашей современности, а еще и въ томъ, что какъ только начнешь себя уяснять его и съ какой стороны ни подойдешь къ нему,—такъ сейчасъ же и неизбежно упруешься въ самыя, такъ сказать, „основы“ и, пожалуй, растеряешься. Не этого ли боялся г. Новиковъ, выступившій на этотъ разъ въ несвойственномъ ему амплуа романиста? Вѣдь для того, чтобы разобратся такъ или иначе въ сложномъ вопросѣ, освѣтить его и свести при этомъ концы съ концами, нужно имѣть опредѣленное и цѣльное общественное міровоззрѣніе, выработанныя и обоснованныя убѣжденія. А какія же у г. Новикова убѣжденія? Онъ просто честный человѣкъ, который не можетъ и не хочетъ черное называть бѣлымъ и говорить, что все обстоитъ благополучно, когда далеко не все благополучно. Только это качество, поскольку оно вообще цѣнно, и заслуживаетъ вниманія въ публицистикѣ г. Новикова, а вовсе не убѣжденія, позволяющія автору безъ большихъ неудобствъ

занимать мѣсто въ литературной компаніи, гдѣ бокъ о бокъ съ нимъ кутится самый разношерстный сбродъ, гдѣ процвѣтають пріемы ссыска и доноса и преобладающей чертой является именно отсутствіе убѣжденій. Съ этой компаніей г. Новиковъ не разстался, и она, въ свою очередь, не махнула на г. Новикова рукой, какъ на пропащаго человѣка. Когда онъ написалъ „записки земскаго начальника“, въ которыхъ рѣшился назвать беззаконіе и произволъ ихъ собственными именами, къ нему изъ разныхъ подворотенъ сбѣжались литераторы съ тонкимъ обоняніемъ и подвижными хвостиками и стали его обнюхивать. Понюхали, встревожились и поспѣшили сдѣлать внушеніе. Статьи г. Новикова особенно не по душѣ пришлись этимъ стражникамъ, охраняющимъ и домъ, и дворъ, и каждую кучку навоза въ немъ, чувствительно ихъ задѣли и поставили втупикъ: свой, какъ будто, и вдругъ—либеральничаетъ! и даже обругать его какъ слѣдуетъ нельзя, напр., нигилистомъ или чѣмъ нибудь подобнымъ, потому что, какъ ни какъ—свой! Недоумѣніе понятное, но его не понялъ г. Новиковъ и пустился въ полемику. Та же исторія и теперь повторяется, съ публицистическимъ романомъ „По закону“. Какой-то ехидный критикъ поспѣшилъ замѣтить г. Новикову, что тотъ писатель, который „проповѣдывалъ въ запискахъ земскаго начальника „о вредѣ произвола“, долженъ „отстаивать законность“, а не „доказывать, что по закону все дѣлается дурно“,—т. е., другими словами, критиковать тотъ или другой законъ—это значитъ провозглашать беззаконіе, произволъ. Съ такими намеками нечего дѣлать: ихъ просто не читають. Но г. Новиковъ опять не понялъ. Въ своемъ посвященіи „вмѣсто предисловія“, удивляясь легкомыслію „обычно-серьезнаго“ (!) критика, онъ пытается убѣдить этого ехиднаго и задорнаго человѣка, въ томъ, что хуже произвола ничего на свѣтѣ нѣтъ, но и законъ плохой—вещь нехорошая. Напрасный трудъ, г. Новиковъ!—вашему „серьезному“ критику не нужны ваши доказательства, а васъ, сидящаго между двухъ стульевъ, онъ всегда сможетъ уязвить въ больное мѣсто...

Ту задачу, которую поставилъ себѣ авторъ „романа изъ деревенской жизни“: обнаружить несостоятельность нѣкоторыхъ сторонъ деревенскаго правопорядка, указать, сколько слезъ, горя и физическихъ страданій порождаютъ и къ какому возмутительному надругательству надъ человѣческой личностью приводятъ нѣкоторые архаическіе „законы“ и на ряду съ ними функционирующій „узаконенный произволъ“,—эту задачу онъ выполнялъ удовлетворительно. Вѣрно отмѣтилъ авторъ и то обстоятельство, что отъ устарѣлаго закона больше всего терпятъ лучшіе элементы деревни, люди болѣе культурные и чуткіе, въ особенности изъ молодого поколѣнія. Такія жертвы выведены г. Новиковымъ въ лицѣ героини романа, Машы, и ея жениха Сергѣя: дальнѣй-

шая судьба этих молодых людей, загубленных „по закону“, и составляет фабулу повествования. Машу, любящую, чуткую и дорожающую своимъ человеческимъ достоинствомъ, насильно разлучаютъ съ женихомъ и отдаютъ, какъ вещь какую нибудь, пошлостному претенденту, при чемъ родитель, по распространенному въ такихъ случаяхъ обычаю, выколачиваетъ изъ дочери упрямство. „Писанный законъ говорить, что бракъ совершается только съ добровольнаго и полнаго согласія брачующихся, а въдѣ въ дѣйствительности ведутъ къ вѣнцу насильно и такой союзъ всей Россіей считается „закономъ“. Мужъ истязаетъ Машу, свекровь ненавидитъ ее и поощряетъ сына; но обѣжавшую отъ издѣвательствъ и мученій Машу насильно водворяютъ къ мужу „по закону“, для новыхъ истязаній. „И это не только не противорѣчить ни обычному, ни административному праву, но и считается основой патріархальнаго семейнаго быта“. Въ концѣ концовъ измученная Маша умираетъ отъ чахотки... А Сергѣй? Его злоключенія начинаются съ тѣхъ поръ, какъ отецъ его подъ давленіемъ крайней нужды стащилъ у богатой помѣщицы, чтобы спасти отъ голода околѣвавшую лошадь, охапку мякны и отсидѣлъ за это „по закону“ полтора мѣсяца въ острогѣ. По отцу и Сергѣй попадаетъ въ „острожники“, лишается любимой дѣвушки и терпитъ всевозможныя оскорбленія. А дальше—наговоръ, необоснованныя подозрѣнія въ кражахъ, и Сергѣя, безъ вины и безъ суда, но „по закону“, какъ порочнаго члена крестьянскаго общества, приговариваютъ къ ссылке въ Сибирь и увозятъ въ тюрьму. Тамъ онъ и умираетъ отъ тифа.

Романъ, какъ видите, чувствительный, и надо отдать справедливость автору—онъ не пожалѣлъ красокъ. Если малъ выборъ красокъ, остается ихъ только погуще положить: страданіе—такъ ужъ страданіе, почти даже безъ протеста со стороны изстрадавшихся людей... Но если эта деревенская драма плохо нарисована, все же ея непосредственные источники ясны всякому читателю, а ея содержаніе взято изъ живой дѣйствительности: въ этомъ смыслѣ авторъ рѣшительно ничего не перекрасилъ. Еще одно замѣчаніе о „законѣ“, который такъ возмущаетъ г. Новикова и который сыгралъ такую видную роль въ трагической судьбѣ героини его романа. Когда свирѣпый родитель насильно навязываетъ Машѣ немилаго жениха и бьетъ ее „толстой веревкой“, чтобы физической болью вынудить согласіе, мать Маши не выдерживаетъ этого зрѣлища и отправляется къ отцу Петру. „Она ему рассказала все: про страданія Маши, про побой Евтѣя Евтѣича, и просила заступиться“. И вотъ какой отвѣтъ получила эта мать, не пожелавшая губить душу своего ребенка. „Небось, дѣвка-то твоя слюбится съ новымъ женихомъ. Богъ велѣлъ дѣтямъ слушаться родителей. Она что? она глупа—все хочеть своимъ умомъ дѣлать; да и тебѣ грѣшно ее противъ отца ста-

вить! Не хорошо, не хорошо. Вѣдь Евѣй Евѣичъ дочь не за кого нибудь отдаетъ; вѣдь Кириллъ—женихъ прекрасный. А она вздумала отца не слушать. Грѣхъ одинъ, а ты за нее стоишь—постыдилась бы“. А когда Маша умирала, то другой священникъ, о. Семень, по закону отнялъ у нея послѣднее утѣшеніе, запретивъ ей даже думать о Сергѣѣ. „Какъ же мнѣ—возражала Маша—не думать о немъ, коли въ немъ вся жизнь моя заключалась, коли я теперь умираю съ радостью, потому что онъ уже на небѣ и я туда же пойду?“—„Думать о немъ ты не должна, потому что любила его, какъ жениха и какъ любовника. Ты Богомъ отдана мужу, и если съ любовью вспоминаешь о другомъ, то снова грѣшишь съ нимъ... Это грѣхъ и грѣхъ великій; старайся, по крайней мѣрѣ, не думать о немъ, чтобы умереть тебѣ, побѣдивъ эту *грѣшную любовь*. Онъ долженъ для тебя быть совѣтъ чужимъ человѣкомъ“...

Мы вполнѣ понимаемъ автора, который жалѣетъ свою героиню и не одинъ разъ на протяженіи романа соболѣзнуетъ: „бѣдная Маша!“ Да, она бѣдная, эта деревенская Маша, и участь ея жалкая. Но читателю мало жалости, и онъ не можетъ удовлетвориться ссылкой на тотъ или другой законъ. У него является стремленіе понять общія условія жизни, на фонѣ которыхъ разыгрываются многочисленныя деревенскія драмы, объяснить себѣ, почему именно функционируетъ въ деревнѣ устарѣлый и плохой законъ. А въ этомъ отношеніи, какъ мы уже говорили, г. Новиковъ не въ состояніи оказать читателю никакой существенной услуги. Сюжетъ нарисованной имъ картины ясенъ, но общій фонъ картины расплывчатъ и какъ-то ускользаетъ отъ взора. И если читатель попробуетъ всетаки уяснить себѣ по книжкѣ г. Новикова жизнь деревни въ ея цѣломъ, онъ не найдетъ руководящей нити и запутается въ противорѣчивыхъ оцѣнкахъ и недомолвкахъ автора.

Ө. Ромеръ. Подъ разными флагами. Романъ въ трехъ частяхъ. Спб. 1901.

Авторъ этой воинственной книжонки гораздо лучше сдѣлалъ бы, если бы выпустилъ ее не въ видѣ романа „Подъ разными флагами“, а въ формѣ какого-либо научнаго или богословскаго разсужденія, подъ своимъ собственнымъ, опредѣленнымъ флагомъ. Матеріала для такой работы у него, повидимому, было достаточно, да и вопросы, о которыхъ трактуется въ этомъ романѣ, по своей сложности и отвлеченности, совершенно не вмѣщаются въ рамки беллетристическаго произведенія. А полемическій задоръ автора нашелъ бы для себя тамъ, въ статьѣ научно-публицистическаго характера, болѣе опредѣленную, болѣе удобную и приличную форму выраженія. Тамъ необходимо было бы точнѣе указать, о чемъ именно говоритъ авторъ, пришлось бы называть

вещи ихъ собственными именами и не такъ легко было бы злоупотреблять подстановкой понятій, произвольными обобщеніями и туманными намеками. Словомъ, предметъ спора былъ бы ясенъ, а самъ полемистъ не прятался бы за спины третьихъ лицъ, имъ сочиненныхъ. Но можетъ быть, дѣйствительно, „споръ вѣры съ разумомъ рѣшается не такъ просто“? Тогда нечего было и писать о томъ, что представляется неразрѣшимымъ. А упрощать задачу, бить изъ подтишка, не имѣя силы выступить открыто,—это уже совсѣмъ нехорошо: сущность вопроса и позиція, занятая въ немъ г. Ромеромъ, обязывали его или выступить открыто, или же молчать. Но у воинствующаго писателя война на первомъ планѣ, а истина и справедливость обрѣтаются въ загонѣ. И ему, конечно, показалось гораздо легче и удобнѣе повліять на читателей въ желаемомъ направленіи при помощи романа, какъ болѣе доступной для нихъ литературной формы и при томъ такой, въ которую, подъ видомъ объективнаго изображенія дѣйствительности, можно навалить какой угодно отсебятины. *A la guerre comte à la guerre.* Тактику военныхъ дѣйствій можно было бы еще болѣе упростить, чѣмъ то сдѣлалъ г. Ромеръ—у насъ имѣются и не такіе еще вояки!—но и тѣ приемы, которыми онъ пользуется, не дѣлаютъ ему чести.

„Подъ разными флагами“ выступаютъ въ романѣ, съ одной стороны, идеалисты, а съ другой—матеріалисты, причемъ первые непременно люди вѣрующіе, а вторые—безнравственные и эгоисты. Такимъ образомъ идеализмъ объявляется монополіей вѣрующихъ, а всякій вѣрующій—идеалистомъ; у матеріалистовъ же отрицаются какія либо идеальныя стремленія, альтруизмъ и вообще этические императивы. Кромѣ того, между нравственностью и вѣрою въ ходячемъ смыслѣ слова въ романѣ не дѣлается различія, такъ что первое понятіе сплошь и рядомъ подмѣнивается вторымъ, которое и противопологается разсудку, логикѣ. Таковы „флаги“. А видѣ ихъ, такъ сказать, между флагами стоитъ нѣкое вводное лицо, въ образѣ курсистки, которой приходится разбираться въ томъ и другомъ направленіи и оцѣнивать боевые шансы диспутирующихъ противниковъ. Однако, разобраться въ этихъ своеобразныхъ направленіяхъ не такъ то легко, и мы вполне понимаемъ бѣдную барышню, названную курсисткой, когда она восклицаетъ: „Господи, какая путаница! Голова кругомъ идетъ...“ Нельзя лучше охарактеризовать романъ г. Ромера, какъ словомъ „путаница“: это дѣйствительно путаница, подъ покровомъ которой автору, какъ мы уже говорили, очень легко расправляться съ врагами, оставаясь въ тѣни. И эта путаница во всемъ. Если, напр., читатель пожелаетъ точнѣе выяснить себѣ, о какихъ матеріалистахъ такъ пространно и самоувѣренно разсуждаетъ авторъ, онъ непременно запутается: матеріалистъ — скверная штука, вотъ и все. Сначала читателю покажется, что матеріа-

листы—это люди, которые душу, мысль, вообще всю психику человеческую выводят изъ „кусочка гуся съ капустой“. Но дальше начинаются осложнения. Такъ, старый профессоръ-естественникъ, который всю жизнь проповѣдывалъ съ кафедры, по-видимому, философскій матеріализмъ,—этотъ профессоръ дѣлаетъ въ угоду автору слѣдующее признаніе: „Мы, люди XIX вѣка, исповѣдуя исключительный матеріализмъ, такъ сказать, играли въ жмурки съ собственною совѣстью“, но мы были воспитаны „въ преданіяхъ чести, долга и добра... За то шибѣннее юное поколѣніе, воспитанное уже на нашихъ теоріяхъ, тотчасъ всѣмъ фронтомъ повернуло къ логикѣ, не стѣсняясь ничѣмъ“, и стало исповѣдывать „безпринципность и безнравственность“. Дѣло, стало быть, не столько въ матеріализмѣ, сколько въ его адептахъ, у которыхъ еще чего-то недостаетъ, и главнымъ образомъ—въ молодомъ поколѣніи. Старика-матеріалиста г. Ромеръ похваливаетъ—дѣло прошлое:—человѣкъ „поигралъ въ жмурки“, да и образумился,—но къ молодому, сыну профессора, относится безпощадно и представляетъ его полнѣйшимъ нравственнымъ уродомъ: „Ничего ни чудовищнаго, ни нечудовищнаго на свѣтѣ нѣтъ. А есть лишь простое, логическое право всякаго человѣка просуществовать какъ можно пріятнѣе, не интересуясь безсмысленными химерами этики, но за то твердо памятуя, что своя шкура непременно болитъ больнѣе всякой чужой“. Это и многое еще въ томъ же родѣ говоритъ человѣкъ „выдающагося ума“, говорить, во первыхъ, отъ лица науки и, во вторыхъ, отъ лица молодого поколѣнія. Наука, видите ли, порождаетъ невѣріе, а отсутствіе вѣры равносильно „безнравственности и безпринципности“. „Атеистъ“ не можетъ быть человѣкомъ „истинно прекрасной души“ и творить добрыя дѣла: „нельзя этого допустить“. Если человѣкъ напр., „лечить бѣдняковъ (рѣчь идетъ о докторѣ), да еще деньгами кое кому помогаетъ“, такъ онъ не атеистъ: „можетъ быть, онъ вѣритъ не по нашему, но всетаки вѣритъ, непремѣнно“. Что же это значить „вѣритъ не по нашему“? какъ и во что еще можно вѣрить? Объ этомъ г. Ромеръ не говоритъ въ своемъ романѣ, а также не объясняетъ, почему старый профессоръ (и вообще „люди XIX вѣка“), который, по-видимому, совмѣщалъ философскій матеріализмъ съ какимъ то идеализмомъ и во что-то вѣрилъ, не передалъ этой вѣры своему сыну... Итакъ, у молодежи нѣтъ вѣры. Но куда же, спрашивается, г. Ромеръ, сражающійся съ матеріализмомъ, дѣвалъ тѣхъ молодыхъ людей,—а ихъ не мало,—которые не вѣрятъ такъ, какъ хотѣлъ бы г. Ромеръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не исповѣдуютъ метафизическаго матеріализма? Это, читатель, праздный вопросъ, праздный потому, что автора интересуетъ не та или другая научно-философская доктрина, не матеріалисты непремѣнно, а разные „листы“ вообще, въ лицѣ молодого поколѣнія. Со своей

позиціи, которая ему, быть можетъ, кажется неприступной, авторъ хочетъ лягнуть гораздо дальше. И онъ постепенно строитъ соединительный мостикъ отъ тѣхъ „софизмовъ“, которые признала молодая курсистка у своего кузена, молодого Незнамова, къ тѣмъ „якобы истинамъ, которыми она позаимствовалась у представителей самаго послѣдняго и моднаго ученія“. Вотъ у кого нѣтъ идеаловъ и кто приравнивается къ безнравственному чудовищу, нарисованному авторомъ въ образѣ Незнамова—сына! Они, эти „представители“,—а вмѣстѣ съ ними, значить, и вся передовая интеллигенція,—только „въ теоріи за народъ“, а на дѣлѣ—что имъ „въ нашей грубой толпѣ? въ будничной погонѣ за кускомъ хлѣба? въ безобразномъ мужицкомъ горѣ или страданіи, которыя тонутъ въ сивухѣ?..“ И такъ отзываться объ отношеніи интеллигенціи къ народу осмѣливается какой-то кривляка-офисерикъ, который, наговорившись вдосталь о своемъ стремленіи приносить пользу народу и равнодушій къ „карьерѣ“, пользуется представившимся случаемъ перейти на службу въ столицу, гдѣ легче „обратить на себя благосклонное вниманіе властей“! Вотъ одинъ изъ образчиковъ поклепа въ связи или вслѣдствіе путаницы понятій. И какъ бы для того, чтобы окончательно запутать читателя, авторъ увѣряетъ его, что курсистка, воспринявшая „модное ученіе“, назвала службу въ гвардіи „солидной задачей жизни“, а сельскій священникъ, идеальный человекъ—„въ самомъ дѣлѣ подвижникъ, истинное чудо труда, терпѣнія, вѣры, любви къ людямъ и совершеннаго пренебреженія къ земнымъ благамъ“, впрочемъ—„явленіе не такое ужъ и рѣдкое у насъ на святой Руси“,—этотъ священникъ благословилъ отказъ отъ „подвига смиренія и любви“ „ради блистанія въ гвардейскомъ мундирѣ“ и напутствовалъ колеблющагося офицера такими словами: „не будетъ ли грѣшно преднамѣренно проглядѣть волю Промысла, который явно указываетъ вамъ на другую, болѣе широкую дорогу?..“

Мы съ охотой поставили бы здѣсь точку и разстались со всѣми „флагами“ г. Ромера. Но не можемъ обойти молчаніемъ еще одного поклепа на нашу, въ общій, высоконравственную молодежь,—поклепа, быть можетъ, самаго ужаснаго, по своей удобопонятности для невѣжественныхъ читателей г. Ромера. Раскритиковавъ свою курсистку (причемъ курсы—„великое, святое дѣло“, но... посмотрите на курсистокъ) и окончательно развѣнчавъ ее въ глазахъ читателей, авторъ, на придачу, заставляетъ эту дѣвушку вступить въ любовную связь съ женатымъ кузеномъ. Это развратный половой союзъ. У дѣвушки, *замѣтите*, не было „ни любви, ни страсти“, но „она оправдывала свое положеніе и осмѣливалась свой страхъ всѣми возможными софизмами, занятыми на прокатъ у Жоржа (кузена), у нѣкоторыхъ писателей, у знакомыхъ ей ораторовъ изъ учащейся молодежи, которая всегда такъ щедра на оправданіе самыхъ рискованныхъ опытовъ во

имя протеста противъ „буржуазныхъ предразсудковъ“... Стыдно, г. О. Ромеръ!.. Но во имя чего же, въ концѣ концовъ, г. Ромеръ теряетъ стыдъ и сражается такими „негодными средствами“? Каковы его собственные „идеалы“? Во имя чего—мы знаемъ: надо вѣрить такъ, какъ требуетъ г. Ромеръ, и тогда онъ не будетъ преслѣдовать. А истинно вѣрующій, т. е. стремящійся къ идеалу человѣкъ,—если судить о немъ по идеальной женѣ „кузена“, Надѣ,—долженъ „помнить какъ ничтожно или суетно наше земное счастье, какъ глупо и грѣшно считать его нѣкоторою для себя необходимостью, или, тѣмъ болѣе, цѣлью своихъ стремлений, какъ безконечно мелко оно, это наше презрѣнное эгоистическое счастье земное, въ сравненіи со святыми истинными вѣры, неугасимой любви и безконечнаго упованія“.

А. И. Лукинъ. (Скромный наблюдатель). Отголоски жизни.
Наблюденія и замѣтки. Москва 1901.

Заглядывать въ прошлое полезно не только ради тѣхъ назидательныхъ уроковъ, которые мы извлекаемъ изъ такого ретроспективнаго обзора, но и въ виду достиженія ясности отвѣта на вопросъ, откуда есть пошла „современная смута“. Дѣло въ томъ, что какъ ни однообразна наша общественная жизнь, какъ ни устойчива она въ своихъ традиціонныхъ устояхъ, ея главнѣйшія теченія отличаются крайнимъ непостоянствомъ и склонностью отъ движенія впередъ возвращаться къ повторенію изжитаго: отъ напряженнаго и торопливаго оживленія наша общественная жизнь быстро переходитъ къ застою и унынію, недолгое поступательное движеніе незамѣтно переходитъ въ отступленіе назадъ, высокіе подъемы духи и порывы въ высъ нерѣдко круто обрываются въ вулгарную и низменную обыденщину. Отсюда и та неуравновѣшенность въ общественномъ развитіи, то отсутствіе строгой преемственности между предыдущими и послѣдующими направленіями, которыя такъ поражаютъ наблюдателя. Разобраться въ этихъ противорѣчіяхъ, сложныхъ неожиданностяхъ и неожиданныхъ осложненіяхъ, бываетъ иногда очень трудно, и лучшимъ руководствомъ въ этомъ дѣлѣ могутъ служить показанія самихъ современниковъ, относившихся къ происходящему и окружающему не въ качествѣ созерцателей, а дѣятельно, критически, но меньшей мѣрѣ. А наилучшимъ показателемъ изъ всѣхъ свидѣтельскихъ показаній является литературная дѣятельность писателя, обнимающая извѣстную интересующую насъ эпоху. Конечно, не всякая такая дѣятельность отвѣчаетъ вполне нашимъ желаніямъ, и не у каждой изъ нихъ мы найдемъ отвѣтъ на всѣ наши запросы: одна представляетъ формулировку выдающихся проблемъ времени, другая изображаетъ господствующія настроенія его, третья отражаетъ наиболѣе сильные удары общественнаго пульса, еще одна

даетъ только нѣкоторыя черты пережитого, извѣстную сторону общественной жизни и т. д. Но такъ или иначе въ каждой изъ нихъ найдемъ что нибудь новое, отмѣчающее сглаженный временемъ напластованія и объясняющее происхожденіе самаго верхняго изъ этихъ слоевъ. Быть можетъ, не случайно и какъ бы въ отвѣтъ на назрѣвшій вопросъ являются въ послѣднее время сборники и собранія сочиненій, обнимающихъ почтенный періодъ времени въ 30—40 лѣтъ и болѣе или менѣе захватывающихъ цѣлую полосу нашей исторіи, еще не ставшей преданіемъ и частью еще переживаемой и нынѣ.

Къ нимъ принадлежитъ и собраніе избранныхъ статей извѣстнаго фельетониста „Русскихъ Вѣдомостей“ г. Лукина, который началъ свою публицистическую дѣятельность еще въ шестидесятихъ годахъ. Не смотря на то, что нѣкоторые изъ этихъ фельетоновъ печатались очень давно и почти всѣ они отвѣчали на злобу дня, общественное значеніе ихъ и теперь не подлежитъ сомнѣнію. Любопытно отмѣтить, что факты и событія, отдѣляемые промежуткомъ времени въ 25—30 лѣтъ, повторяются съ поразительнымъ тождествомъ, и основныя мысли, высказанныя авторомъ вначалѣ, по необходимости должны повторяться 25 лѣтъ и болѣе спустя. Поэтому авторъ совершенно правъ, когда, какъ въ предисловіи сказано, надѣется, что онѣ представляютъ интересъ, „какъ характеристика извѣстнаго періода времени нашей общественной жизни“. Но подъ этимъ періодомъ мы не можемъ разумѣть означенную выше 35 лѣтнюю эпоху, такъ какъ большая часть статей обоихъ томовъ относится къ послѣднимъ двумъ десятилѣтіямъ и только самая незначительная изъ написанныхъ къ 60-мъ и 70-мъ годамъ. Но и за вычетомъ послѣднихъ мы все же получимъ не полную и не все объясняющую характеристику, а только нѣкоторыя черты, преимущественно, изъ отрицательныхъ сторонъ нашей общественной жизни за послѣднее время и въ особенности новѣйшихъ явленій въ области нашей повседневной печати. Вотъ почему мы не будемъ останавливаться на беллетристическихъ опытахъ автора, впервые напечатанныхъ еще въ „Современникѣ“ и по личнымъ воспоминаніямъ изображающихъ типы, нравы и обиходъ крѣпостного режима. Не задержимся мы также и на статьяхъ начала 70-хъ годовъ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ даютъ любопытный матеріалъ для сравненій, и, напр., фельетонъ о саратовскомъ голодѣ въ 1873 г. („Въ пользу голодающихъ“) даетъ намъ понятіе о томъ огромномъ впечатлѣніи, которое произвело на общество такое необычайное явленіе, какъ голодъ въ житницѣ Россіи, между тѣмъ какъ нынѣ такіе факты уже всѣмъ примелькались и прежняго „шуму“ не вызываютъ. Обратимся прямо къ статьямъ позднѣйшаго происхожденія.

За беллетристическими очерками въ 1-мъ томѣ слѣдуетъ большой отдѣлъ подъ общимъ названіемъ „На скамьѣ подсудимыхъ“,

обнимающій всё наиболѣе выдающіеся уголовные процессы за послѣднюю четверть вѣка, начиная съ знаменитаго дѣла Струсберга и Ко. („Банкокравды“) и кончая прошлогодней „Мамонтовской эпопеей“. Не смотря на огромный промежутокъ времени, ихъ отдѣляющій, всё эти гомерическія хищенія (а также насилія и злоупотребленія всякаго рода въ другихъ процессахъ) почти тождественны въ источникахъ происхожденія, въ причинахъ, ихъ породившихъ, и общихъ условіяхъ ихъ успѣха. Въ числѣ этихъ условій главное мѣсто занимаютъ низкій культурный уровень общественныхъ слоевъ, изъ которыхъ вышли и среди которыхъ дѣйствовали герои хищенія, равнодушіе и непривычка къ общественной дѣятельности, отсутствіе общественнаго контроля и спроса на личную инициативу.

Г. Лукина особенно интересуется отношеніе текущей прессы къ явленіямъ жизни, вотъ почему и въ этомъ отдѣлѣ, и въ другихъ статьяхъ онъ преимущественно свое вниманіе отдаетъ воздѣйствію жизни на направленіе повседневной прессы и вліянію въ свою очередь этой прессы на ходъ событій и направленіе жизни. Такимъ образомъ, если расположить статьи въ ихъ хронологическомъ порядкѣ, мы получимъ своего рода послѣдовательную исторію нашей текущей, преимущественно мелкой, повседневной прессы. Изъ названнаго отдѣла мы приведемъ только одинъ примѣръ, рисующій два крайніе и конечные фазиса развитія, черезъ которое прошла московская, главнымъ образомъ, охранительная печать въ своемъ поступательномъ шествіи къ тому положенію, которое она теперь занимаетъ. Прочтите II главу этого отдѣла „Дѣло генерала Гартунга и первая попытка опорочить новый судъ“ и послѣднюю—„Мамонтовская эпопея“, и вамъ сразу станетъ яснымъ пройденный путь: въ 1876 году „пытались“, „подрывались“, „подкапывались“ и нападали, а въ 1900 году торжествовали и самоувѣренно провозглашали свое торжество, побѣдноносно воспѣвали „генія промышленности“ и мецената. А промежуточнымъ звеномъ въ эту цѣль развитія мы должны вставить такіа неслыханныя по нынѣшнему рѣчи, какъ отчеты о двухъ крестьянскихъ процессахъ, преданныхъ гласности въ 1880 году (Глава III и IV).

Второй томъ начинается съ очень содержательной статьи „Смутное время“, написанной въ поворотный моментъ пореформенной исторіи, когда растерявшееся общество поддалось паникѣ, и впервые властно и гласно раздались крики „назадъ! назадъ!“ Самъ авторъ предпосылаетъ статьѣ особое примѣчаніе, въ которомъ приносить „благодареніе Богу, что оно (тяжелое время) миновало“, не принеся всѣхъ ужасныхъ послѣдствій, какія могли бы произтечь, если бы были выполнены всѣ дикія фантазіи тогдашней „охранительной“ и иной добровольческой прессы. Но сразу сгустившаяся атмосфера дикости, сыска и развращенія дала плоды

сразу же, и мы изъ многочисленныхъ фактовъ, сообщаемыхъ въ статьѣ, укажемъ на краснорѣчивую авторскую параллель между судомъ присяжныхъ, нѣкогда обвинившемъ знаменитаго въ свое время доносчика Булюбаши, и оправдательнымъ приговоромъ присяжныхъ въ 1881 г. въ аналогичномъ же дѣлѣ. Необузданная пропаганда „Московскихъ Вѣдомостей“, „Современныхъ Извѣстій“ и „Руси“ не только отражала господствующія вѣянія и растерянность общества, но и сама плодила необузданность и самоуправство. А не далѣе, какъ къ 1884 году относится статья на болѣе обширную тему, а именно: „О поврежденіи литературныхъ нравовъ“ (т. 1, стр. 327—341) и въ ней съ понятнымъ возмущеніемъ сообщаются факты, невозможные не то, что въ излюбленную авторомъ эпоху шестидесятыхъ годовъ, но гораздо позже. А еще далѣе, и упадка, всякаго „поврежденія нравовъ“ еще больше, о чемъ свидѣлствуютъ двѣ слѣдующія статьи (первая изъ нихъ помѣчена 1890 годомъ—„Злобы дня“ стр. 342—379) и другая „На базарѣ печатнаго слова“, стр. 379—414). „Злобы дня“ такъ и начинаются съ неслыханнаго въ литературѣ уголовного преступленія: „Шестнадцать театральныхъ рецензентовъ и отмѣтчиковъ разныхъ петербургскихъ газетъ уличены административной властью въ шантажъ и во взяточничество“. Слѣдующая статья посвящена также небывалому ранѣ назойливому зазыванію въ свои лавочки, безстыдному рекламированію себя и своего товара. Наконецъ, послѣдняя статья I-го тома „Наши „спеціальныя“ корреспонденты“, въ начальной же своей фразѣ констатируетъ, что за послѣднія десять—двадцать лѣтъ у насъ выработался особый типъ „спеціального“ корреспондента и этотъ типъ изображенъ намъ во всѣхъ его разновидностяхъ: 1) корреспондентъ „Биржев. Вѣдом.“ сообщаетъ, какъ очевидно, о канонадѣ съ Триумфальныхъ воротъ, съ Тверской каланчи и съ Ивана Великаго 71 пушечнымъ салютомъ, 2) корреспонденты „Новаго Времени“ и „Минуты“, вопрошающіе другъ друга: „какой ты сынъ отечества“... 3) корреспонденты „Свѣта“ и „Гражданина“,—представители „русскаго народа“ на всѣхъ интернаціональныхъ и дипломатическихъ торжествахъ и т. п. Мы оставляемъ въ сторонѣ такіе перлы литературной этики, какіе разсыяны въ „Полемическихъ красотахъ“, статьѣ, относящейся по времени къ „смутному времени“, или въ статьѣ „Литературные башибузуки“, такъ какъ скандальный процессъ г. Абрахова еще вѣснѣе памятенъ, и объ эти замѣтки характеризуютъ опять же конечныя точки пройденной кривой. Двухъ мнѣній о ея направленіи быть не можетъ, но все же мы не можемъ согласиться въполнѣ съ обобщеніемъ автора въ его предисловіи, когда онъ говоритъ: „Единственно, чего не было у насъ прежде, и что народилось въ самое послѣднее время, это наша такъ называемая уличная печать и занимающая въ ея средѣ первенствующее мѣсто—печать шантажа,

сплетни, пасквиля и скандала". Признавая вполне продуктомъ новѣйшаго времени эту позорную разновидность литературы, мы не можемъ видѣть въ ней *единственное* новое, „чего не было у насъ прежде и что народилось въ самое послѣднее время". Правда, за этотъ періодъ произошла порядочная вульгаризація ежедневной печати, но съ ней надо мириться, какъ съ неизбѣжнымъ спутникомъ общедоступности и демократизаціи чтенія вообще и въ особенности нарожденія читателя тамъ, гдѣ его прежде не было. Вкусы этого новаго читателя, быть можетъ, еще не опредѣлились, и нерѣдко онъ является жертвой неудобоваримой духовной пищи, но въ этомъ мало повиненъ самый принципъ демократизаціи, да и вообще многіе грѣхи печати могутъ быть снесены съ ея специальныхъ счетовъ и не поставлены въ ея давно уже покрытый минусъ. Намъ также мало возмущаетъ и общедоступность писанія, которое въ сравнительно недавнее время перестало быть священнодѣйствіемъ и прерогативой немногихъ избранныхъ, отмѣченныхъ особой печатью вдохновенія. Эта черта вульгаризаціи писанія, какъ и въ чтеніи, имѣетъ свои дурныя послѣдствія, но въ принципѣ и она намъ симпатична, нѣкоторые же печальные спутники ея проявленія опять же должны быть отнесены къ причинамъ временнымъ и преходящимъ.

Мы отиѣтили только нѣкоторыя стороны литературной и общественной жизни, захваченныя статьями настоящаго сборника. На самомъ же дѣлѣ содержаніе ихъ богаче и разнообразнѣе. Вниманіе автора привлекалось всѣми вопросами, которые въ той или иной формѣ волновали современную печать. Поэтому въ настоящихъ двухъ книгахъ мы находимъ статьи о системахъ образованія и воспитанія у насъ юности, о выдающихся явленіяхъ въ сферѣ научной и артистической дѣятельности, о правахъ различныхъ круговъ средняго и высшаго общества и о проявленіяхъ профессиональной этики въ замкнутыхъ специализировавшихся группахъ того же общества. Мы имѣемъ характеристики давно сошедшихъ со сцены публицистовъ и такіе характерные эпизоды, какъ совсѣмъ недавній сенсационный выходъ въ публику г. Горькаго съ неожиданной нотацией. Книга читается легко и съ большимъ интересомъ, и даже тѣ страницы ея, которыя посвящены очень давнимъ фактамъ, привлекаютъ вниманіе не менѣе, чѣмъ посвященные самымъ послѣднимъ, извѣстнымъ намъ событіямъ.

Адольфъ Гаусератъ. Средневѣковые реформаторы. Переводъ съ нѣмецкаго пр. Э. Л. Радлова. Т. II. Спб. 1900.

Предметъ изслѣдованія Гаусерата—тѣ разрозненные, хотя иногда и яркіе, проблески свободной мысли, которые, подобно блуждающимъ огонькамъ, вспыхиваютъ въ угрюмой тьмѣ среднихъ вѣковъ. Онъ называетъ свою книгу „свѣтскимъ мартирологомъ“,—и это

может показаться страннымъ тому, кто знаетъ, что мученики, о которыхъ онъ говоритъ, были безконечно далеки отъ того, чтобы стоять внѣ церкви. Наоборотъ, одинъ изъ нихъ даже возведенъ католической церковью въ святые, другіе всѣ также цѣлко держались за нее, стараясь внести новое содержаніе въ ея жизнь. Но по настоящему канонизовала ихъ свѣтская мысль: ея мучениками были эти темные монахи и проповѣдники, протестъ которыхъ былъ слабъ по содержанію, но могучъ по формѣ, по своимъ послѣдствіямъ, по той всеобъемлющей готовности умереть за него, которая была его неизмѣннымъ спутникомъ. Недалеко шла ихъ критика, смѣлая въ области жизни и робкая въ области мысли, но въ основѣ этой критики лежала всетаки идея свободного пониманія и толкованія того, что вгонялось въ извѣчныя и нерушимыя рамки традицій. Менѣе всего, однако, можно назвать мотивы этого движенія теоретическими; его рационалистская тенденція прикрывала иррациональные запросы: запросы сердца, требованія морали. Возвращеніе къ возвеличенному въ католической теоріи и попоранному въ жизни Евангелію—вотъ основной мотивъ дѣятельности всѣхъ этихъ убѣжденных „борцовъ за бѣдность“, этихъ нищихъ, бродягъ, святыхъ въ одеждѣ армарочныхъ скомороховъ, то затерянныхъ въ толпѣ безымяннаго люда, то вдругъ вырастающихъ въ героев и вождей народныхъ движеній. Не во всѣхъ этихъ движеніяхъ вѣялъ духъ новой жизни; на этотъ счетъ Гаусратъ разрушаетъ иногда легенду. Такъ, напримѣръ, за вальденцами, которые считались провозвѣстниками евангельской истины въ то время, какъ церковь совершенно забыла о ней, авторъ не признаетъ этой исторической заслуги. Онъ утверждаетъ, что „несправедливо считали ихъ маленькой лампой, которая одна среди долгой ночи среднихъ вѣковъ давала свѣтъ евангельской истины; въ дѣйствительности они не имѣютъ этого значенія уже потому, что евангельскій свѣтъ, горящій въ позднѣйшихъ писаніяхъ вальденцевъ, они зажгли впервые на кострѣ Гуса и на кострѣ въ Виттенбергѣ; до тѣхъ поръ они оставались сынами среднихъ вѣковъ, съ католической вѣрой во внѣшнія средства къ спасенію“. Но даже здѣсь есть попытки критики; онѣ ширятся и усиливаются, чтобы разростись въ то могучее движеніе, которое, въ сущности, далеко не закончено и въ наши дни.

Платформа, ея возникновеніе и развитіе. (Исторія публичныхъ митинговъ въ Англіи). Соч. Генри Джефсона. Томъ I. Спб. 1901.

Отдѣлъ государственнаго права—одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ въ нашей литературѣ, какъ научной, такъ и популярной. Въ то время, напримѣръ, какъ по политической экономіи издается книга за книгой, не говоря уже о множествѣ статей, переполняющихъ наши журналы,—въ области государственнаго права каждая мало

мальски хорошая книга уже составляет цѣлое событіе и является весьма замѣтною величиною. До чего наша литература бѣдна въ этомъ отношеніи, можно судить уже по тому, что у насъ до сихъ поръ нѣтъ (если не считать старой и давно распроданной монографіи Градовскаго) толковаго изложенія государственнаго устройства Германіи,—страны, духовная и политическая жизнь которой уже давно возбуждаетъ живѣйшій интересъ русской образованной публики. Сравнительно болѣе у насъ посчастливилось Англіи: здѣсь мы имѣемъ нѣсколько недурныхъ книгъ и среди нихъ классическое изслѣдованіе Дайси. Видное мѣсто здѣсь займетъ и книга Джефсона, русскій переводъ которой лежитъ передъ нами.

Заглавіе этой книги—„платформа“—нуждается въ нѣкоторыхъ поясненіяхъ. По опредѣленію самого автора, „въ широкомъ смыслѣ понятіе платформы обнимаетъ собою всякую политическую рѣчь, произнесенную въ публичномъ собраніи, за исключеніемъ рѣчей съ церковной кафедры и на судѣ“. Далѣе авторъ добавляетъ, что это опредѣленіе „обнимаетъ собою все, что лежитъ между парламентскими рѣчами, съ одной стороны, и аргументами, высказанными въ печати—съ другой“. (Введеніе, стр. 1). Такимъ образомъ, подъ понятіе платформы подходитъ и рѣчь на публичномъ обѣдѣ, и политическая лекція, но, главнымъ образомъ, исторія платформы есть исторія публичныхъ митинговъ. Возникши сравнительно недавно—„почти на памяти современныхъ поколѣній“—„платформа заняла свое мѣсто между наиболѣе жизненными, дѣятельными и могущественными правящими силами англійскаго политическаго строя... Поэтому изученіе происхожденія, роста и настоящаго положенія такой крупной силы въ государствѣ представляетъ самый животрепещущій интересъ не только для всякаго, принимающаго близко къ сердцу благосостояніе Англіи, но также и для тѣхъ, кто интересуется болѣе широкою задачей—наукою объ управленіи“. (стр. 6). Интересъ, который возбуждаетъ этотъ оригинальный институтъ англійскаго политическаго строя, усиливается еще тѣмъ, что „платформа представляетъ собою попытку прививки къ древней конституціи Англіи демократическаго правленія,—или, другими словами, попытку разрѣшенія той великой задачи народнаго управленія, которая получила въ настоящее время столь громадное значеніе“ (стр. II). Книга Джефсона прекрасно выясняетъ этотъ вопросъ. Особеннымъ достоинствомъ ея слѣдуетъ признать тотъ яркій колоритъ эпохи и національности, которымъ проникнуто все изложеніе Джефсона. Всѣ излагаемые событія авторъ, по возможности, передаетъ подлинными извлеченіями изъ архивныхъ матеріаловъ, мемуаровъ, писемъ, политическихъ рѣчей того времени, резолюцій публичныхъ митинговъ и петицій, подававшихся королю и парламенту. Все это такъ характерно, картинно, живо, что невольно увлекаетъ читателя и заставляетъ его переживать всѣ перипетіи борьбы

англійскаго общества за демократизацію политическаго строя. Борьба была продолжительна и упорна. На одной сторонѣ стояли корона, стремившаяся расширить свои прерогативы, министры, не желавшіе признавать общественнаго контроля, наконецъ, парламентъ, всецѣло зависимый отъ министровъ и составленный изъ депутатовъ, покупавшихъ свои мѣста въ „гнилыхъ мѣстечкахъ“. На другой—стояли англійскіе граждане, лишенные представительства въ парламентѣ или недовольные его дѣятельностью, начиная съ отдѣльных аристократовъ, большинства крупныхъ промышленниковъ и кончая широкими и все разроздавшимися кругами промышленныхъ рабочихъ. Одни стремились сохранить свои привилегіи, другіе цѣль поднятой борьбы видѣли въ реформѣ парламента, расширеніи избирательныхъ правъ, полной свободѣ слова и собраній. Платформа была главнымъ средствомъ борьбы и главнымъ предметомъ преслѣдованій правительства,—и преслѣдованій весьма рѣшительныхъ: въ числѣ наказаній фигурировали и тюремное заключеніе, и многолѣтняя ссылка (стр. 224, 227 и др.), и даже смертные приговоры (241).

Нѣсколько разъ торжество платформы смѣнялось новымъ ея подавленіемъ, но въ концѣ-концовъ она вышла побѣдительницей. Первый томъ книги г. Джефсона, теперь переведенный по-русски, охватываетъ періодъ отъ 1760 по 1825 гг. и оканчивается освобожденіемъ платформы. Въ этомъ томѣ читатель найдетъ много характерныхъ бытовыхъ картинокъ, описаній митинговъ (см. стр. 280—81; 392—95; 582—83 и др.), гдѣ какой-нибудь „достопочтенный мистеръ Парксъ взлѣзъ на верхъ экипажа и произнесъ рѣчь, въ которой убѣждалъ народъ быть твердымъ и смѣлымъ въ настоящее критическое время“ (392); резолюціи, въ которыхъ „достопочтенный лордъ виконтъ такой-то признается виновнымъ въ грубомъ нарушеніи закона и измѣнѣ своему долгу“ (320), а „достопочтенный джентльменъ такой-то обвиняется въ соучастіи и пособничествѣ мошеннической сдѣлкѣ“ (340) и т. д., и т. д. Въ то же время многія цитаты, приводимыя Джефсономъ, касаются самыхъ существенныхъ вопросовъ государственнаго права и часто даютъ имъ прекрасное истолкованіе, которое и въ наше время вполне сохраняетъ свое значеніе. Вотъ, напримѣръ, выдержки изъ журнальной статьи 1818 года. Обсуждая значеніе выборной агитации, авторъ статьи говоритъ: „Всѣ политическія страсти разгораются въ борьбѣ. Даже внѣшнія условія этой борьбы дѣйствуютъ на воображеніе и усиливаютъ страстность чувства. Описаніе подробностей ея изо дня въ день пробуждаютъ энтузіазмъ во всей странѣ. Ея различныя перипетіи возбуждаютъ тревогу и волненіе въ сторонникахъ всѣхъ партій и даютъ поводъ къ обсужденію всевозможныхъ политическихъ вопросовъ, причѣмъ слушатели и читатели всѣмъ сердцемъ участвуютъ въ этомъ обсужденіи и слѣдятъ за какимъ-нибудь политическимъ споромъ, какъ за ходомъ

сраженія. Такимъ образомъ, растетъ власть демократіи, высшее выраженіе которой есть воздѣйствіе наибольшаго числа независимыхъ мнѣній на правительственныя мѣропріятія. Образование можетъ, разумѣется, увеличивать и расширять кругозоръ тѣхъ, чьи воззрѣнія въ совокупности составляютъ общественное мнѣніе, но мужество и рвеніе, придающія ему такую силу, воспитываются только многочисленными публичными собраніями и, слѣдовательно, народными выборами“ (464).

Мы надѣмся, что все сказанное выше и приведенныя выдержки дали читателю общее представленіе о книгѣ Джефсона и ея крупныхъ достоинствахъ. Единственный недостатокъ книги—непріятный, буржуазно-самодовольный тонъ, который звучитъ въ нѣкоторыхъ (см. 353, 398, 566 стр.), правда, немногихъ ея мѣстахъ, вполне искупается ея общимъ содержаніемъ и высокими литературными качествами. Поэтому мы горячо рекомендуемъ книгу Джефсона нашимъ читателямъ и надѣмся, что второй томъ ея не заставитъ себя долго ждать. Съ внѣшней стороны книга представляетъ нѣчто исключительное по изяществу изданія, чѣмъ, вѣроятно, и объясняется нѣсколько высокая цѣна ея (3 р. 50 к.).

Монтескье. О Духѣ Законовъ. Переводъ съ франц. подъ ред. А. Г. Горняфельда со вступительной статьей М. М. Ковалевскаго. Спб. 1900.

Передъ нами лежитъ новый переводъ знаменитаго сочиненія Монтескье. Трудно преувеличить историческое значеніе этой книги. По выраженію М. М. Ковалевскаго, „она заставила современниковъ призадуматься надъ многими вопросами законодательства, суда и администраціи; она вынудила съ ихъ стороны признаніе несовершенства существующихъ учреждений и поставила имъ на видъ образцы для подражанія; Духъ Законовъ былъ первымъ серьезнымъ призывомъ къ восстановленію утраченной системы самоуправленія сословій въ обновленной формѣ англійскаго конституціонализма; онъ раскрылъ глаза на преимущества представительнаго образа правленія, солидарнаго и отвѣтственнаго министерства; онъ указалъ на тотъ путь, какимъ правосудіе можетъ быть ограждено отъ вторженія политики; ему европейскія общества обязаны въ значительной мѣрѣ установленіемъ въ своей средѣ суда присяжныхъ и состязательнаго процесса. Равенство людей передъ закономъ и судомъ, бесполезность и вредъ суровыхъ наказаній, необходимость отмѣнить пытку, какъ ненужную жестокость, ни мало не ведущую къ раскрытію истины, призывъ къ упраздненію крѣпостничества, рабства и питающаго его торга неграми, совѣтъ братскаго общенія между народами и государствами въ мирное время и возможнаго сокращенія неизбежныхъ бѣдствій войны, раскрытіе той тѣсной зависимости, въ которой завоевательная по-

литика стоитъ съ подавленіемъ народной свободы и податныя изытія и хозяйственныя монополіи двухъ высшихъ сословій съ безправіемъ снизу и произволомъ сверху,—вотъ тѣ истины, какія читатели XVIII вѣка могли найти въ Духѣ Законовъ и на которыхъ держится его неувядающая слава“ (Вступительная статья, стр. I-II).

Въ теченіе многихъ лѣтъ и даже поколѣній „Духъ Законовъ“ былъ своего рода политическимъ откровеніемъ: его знали наизусть, имъ аргументировали законодатели, его цитировали, какъ Евангеліе. О Монтескье столько писали, его столько излагали, комментировали, переводили, что если бы собрать всю литературу, посвященную „Духу Законовъ“, она составила бы громадную библиотеку. „Можно было бы—говорить М. М. Ковалевскій—наполнить цѣлые томы исключительно описаніемъ „тѣхъ потоковъ подражаній“, какіе вызваны были выходомъ въ свѣтъ Духа Законовъ и не только въ юридико-политической литературѣ, но и въ законодательной практикѣ“ (стр. II). Достаточно вспомнить Екатерину II, которая у Монтескье заимствовала аргументы своего знаменитаго „Наказа“ или С. Американскіе Соединенные Штаты, въ государственномъ устройствѣ которыхъ многія политическія идеи Монтескье получили непосредственное осуществленіе. Мало того, все современное государственное право и теорія правового государства въ значительной мѣрѣ покоится на политическихъ принципахъ, впервые высказанныхъ въ „Духѣ Законовъ“.

Уже сказанного достаточно, чтобы признать, что знакомство съ замѣчательнымъ трудомъ Монтескье необходимо для всякаго образованнаго человѣка. Но есть еще обстоятельство, которое для насъ, русскихъ, дѣлаетъ знакомство съ этимъ произведеніемъ особенно полезнымъ, интереснымъ, поучительнымъ. У насъ основные принципы правового государства не только въ жизни не получили полного осуществленія, но даже въ общественномъ сознаніи не встрѣчаютъ общаго признанія. Поэтому знакомство съ великимъ произведеніемъ, которое было однимъ изъ главныхъ идейныхъ источниковъ современнаго правового государства,—источникомъ, изъ котораго равно черпали и народы, и ученые, и монархи,—имѣетъ для русскаго читателя не только историческое, но, во многихъ частяхъ, и вполне современное значеніе.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ главы, посвященныя установленію общихъ принциповъ государственнаго и уголовного права. Центромъ всего сочиненія являются книги XI и XII, а въ частности глава VI одиннадцатой книги: „о государственномъ устройствѣ Англіи“. „Много было—пишетъ проф. Алексѣевъ—потрачено учености и остроумія, чтобы доказать, что ученіе Монтескье о раздѣленіи властей не выдерживаетъ критики, что онъ невѣрно изобразилъ политическій строй Англіи, упустилъ изъ виду правительственныя функціи парламента, не замѣтилъ осо-

бенностей мѣстнаго самоуправленія и проглядѣлъ министерство въ Англіи. И съ тѣхъ поръ было написано не мало солидныхъ трудовъ, которые точнѣе и вѣрнѣе изобразили намъ государственный строй Англіи и во всѣхъ деталяхъ и подробностяхъ познакомили насъ съ ея политическими учрежденіями. А между тѣмъ коротенькая глава „Духа Законовъ“ объ англійской конституціи сдѣлала больше для уразумѣнія внутренняго смысла англійскихъ учреждений и оказала несравненно больше вліянія на политическую жизнь Западной Европы, чѣмъ всѣ эти сочиненія, взятые вмѣстѣ. И объясняется это тѣмъ, что Монтескье, не смотря на всѣ недочеты и недомолвки въ его изображеніи англійской конституціи, указалъ первый на Англію, какъ на страну свободы, и сумѣлъ намѣтить наиболѣе характерныя черты ея политическаго устройства и возвести эти черты на степень общихъ принциповъ, которые и легли въ основаніе политическаго развитія современнаго государства“ (Рус. гос. пр., изд. III, стр. 101).

Въ понятіи политической свободы Монтескье различаетъ два элемента: „свобода по отношенію къ строю“ и „свобода по отношенію къ гражданину“. Свобода по отношенію къ строю устанавливается преимущественно законами основными, свобода по отношенію къ гражданину зависитъ главнымъ образомъ отъ доброты законовъ. Поэтому книга XII: „о законахъ, которые устанавливаютъ политическую свободу по отношенію къ гражданину“, въ значительной мѣрѣ посвящена вопросамъ уголовного права. Тѣмъ же вопросамъ посвящена и книга VI. Принципамъ, выставленнымъ въ этой области, мы въ значительной степени обязаны современнымъ улучшеніемъ судопроизводства и смягченіемъ суровости уголовныхъ каръ. Съ большимъ интересомъ прочтутся читателями книги XXIV и XXV: о законахъ въ ихъ отношеніяхъ къ религіи.

Если для Западной Европы эти главы сохранили лишь историческій интересъ, то для насъ онѣ еще во многомъ дышутъ прелестью современности. Весьма любопытна также и книга XXVI, которой собственно и заканчивается „Духъ Законовъ“.

Переводъ подъ редакціей г. Горнфельда сдѣланъ прекрасно, какъ по близости къ подлиннику, такъ и по стилистическимъ достоинствамъ русскаго текста. Однако изданіе вызываетъ нѣкоторыя замѣчанія. Прежде всего намъ казалось бы умѣстнымъ выпустить всю шестую часть, представляющую собою частныя историческія изслѣдованія, теперь уже совсѣмъ устарѣвшія; между тѣмъ эта часть занимаетъ почти треть книги. Не лишними были бы и нѣкоторыя другія сокращенія: это сдѣлало бы книгу болѣе доступной и по объему, и по цѣнѣ. Во всякомъ случаѣ въ теперешнемъ своемъ видѣ русскій переводъ „Духа Законовъ“, уже благодаря своей слишкомъ высокой цѣнѣ (4 рубля),

врядъ ли можетъ разсчитывать на то широкое распространѣніе, которое было бы такъ полезно и котораго мы горячо ему желаемъ.

Основные принципы земской организаціи. Весеьгонца.
СПБ. 1901.

Выступая на чуждую ему литературную арену, г. Весеьгонецъ считаетъ необходимымъ облечься въ тогу безпристрастія и въ самые тяжелые научные доспѣхи. На обложкѣ онъ пишетъ классическій девизъ безстрастнаго изслѣдователя: *Sine ira et studio*. Текстъ онъ снабжаетъ цифровыми выкладками, заимствованными изъ статистическихъ сборниковъ. Такъ же свободно черпаетъ онъ доводы изъ біологіи и не боится даже такихъ жупеловъ, какъ „ограниченный комплексъ группъ дифференцированныхъ клѣточекъ, интегрированныхъ въ формѣ существованія высшей индивидуальности.“ При всей тяжести доспѣховъ, г. Весеьгонецъ стремится быть галантнымъ, развязнымъ и даже остроумнымъ. Преклоняясь предъ авторитетами гг. Щербины и Васильчикова, онъ не прочь мимоходомъ отмѣтить свое разногласіе съ гр. Толстымъ во взглядахъ... на терапевтику. Его остроуміе пріобрѣтаетъ подчасъ легкость каламбура, вродѣ хотя бы того, что нынѣшнее земство представляетъ собою ампутированную голову, въ которой не можетъ быть не только „вредныхъ“, но и полезныхъ мыслей. Однако, и забрало, и щитъ съ девизомъ, и ученая броня, и публицистическое обхожденіе не помѣшаютъ читателю узнать въ г. Весеьгонцѣ типичнаго обывателя. Книжка и любопытна именно своей обывательской стороной. Если весеьгонцевъ (Весеьгонскій уѣздъ — одинъ изъ самыхъ глухихъ уѣздовъ Тверской губерніи) начинаетъ раздумывать объ „основныхъ вопросахъ земской организаціи“ или, говоря словами Козьмы Пруtkова, „смотрѣтъ въ корень“, то это не спроста. Если обыватель облачается въ несвойственные ему доспѣхи и отправляется въ поиски за радикальными средствами, то, очевидно, ему стало не въ моготу. Къ дилеммѣ, что „пришло время или упразднить, или демократизировать земскія учрежденія“, привели г. Весеьгонца не бюджетныя изслѣдованія Щербины и не выводы біологіи, а протесты г. тверскаго губернатора на земскія смѣты и обобщившій ихъ законъ о предѣльности земскаго обложенія. Только напрасно г. Весеьгонецъ думаетъ, что смотрѣтъ въ корень значитъ смотрѣтъ внизъ. По нынѣшнимъ временамъ это совсѣмъ другое означаетъ. Взять хотя бы ту же антитезу между обѣдненіемъ массъ и ростомъ общественныхъ потребностей, вокругъ да около которой такъ безуспѣшно бродитъ обывательская логика г. Весеьгонца. Каждому понятно, а весеьгонцу это и доподлинно должно быть извѣстно, что къ земству эта антитеза притянута за волосы, и что губернаторскіе протесты, напримѣръ, или законъ о предѣльности вы-

званы вовсе не крестьянскимъ дефицитомъ, который констатируютъ статистическія изслѣдованія. Правда, „плательщикъ вопилъ о защитѣ его кармановъ“ и вопль плательщика былъ услышанъ, но какого плательщика? И вопросъ сейчасъ совсѣмъ не въ томъ, чтобы заставить плательщика „охотнѣе раскошелиться“, а въ томъ, чтобы ему не чинили препятствій раскошелиться на что нужно. Безсословная волость тутъ сама по себѣ не поможетъ. Отношеніе г. Весеьгонца къ удручающей его антитезѣ любопытно и съ другой стороны. Г. Весеьгонецъ — не либераль только: по крайней мѣрѣ, самоуправленіе онъ цѣнитъ не съ формальной только его стороны, но и со стороны тѣхъ матеріальныхъ послѣдствій, какими должно сказаться широкое развитіе общественнаго хозяйства въ жизни массъ. Онъ знаетъ разницу „между союзомъ добровольнымъ, какъ, на примѣръ, акціонерное предпріятіе, гдѣ каждый изъ пайщиковъ получаетъ дивидендъ, пропорціонально внесенному имъ въ предпріятіе капиталу, и общественнымъ союзомъ населенія для удовлетворенія общихъ хозяйственныхъ нуждъ и интересовъ.“ Онъ понимаетъ, что общественное хозяйство не можетъ быть цѣликомъ построено на принципѣ *do ut des* и что въ немъ долженъ найти себѣ выраженіе и другой принципъ, который онъ называетъ принципомъ взаимопомощи. Но обывательская логика боится крутыхъ подъёмовъ и острыхъ переваловъ: мысль г. Весеьгонца не можетъ отдѣлаться отъ частно-правовыхъ понятій, съ которыми она свыклась, и боязливо относится къ тѣмъ перспективамъ, которыя открываетъ общественное хозяйство. Принципъ взаимопомощи, или, правильнѣе, принципъ помощи бѣдному за счетъ богатаго и защиты слабого противъ сильнаго, онъ склоненъ признать лишь какъ „подсобный“, а не какъ „основной“ принципъ общественнаго хозяйства. Между тѣмъ, широкое развитіе этого принципа и представляетъ изъ себя самое вѣрное средство для разрѣшенія антитезы между объединеніемъ массы и ростомъ ея потребностей. Станемъ, однако, на точку зрѣнія г. Весеьгонца. „Въ основѣ земской организаціи, говоритъ онъ, должна быть самоуправляющаяся ячейка, гдѣ принципъ *do ut des* получаетъ наивозможно широкое примѣненіе, а въ вершинѣ послѣдней такой крупный общественный союзъ, какъ губернское земство...“ Стало быть, и съ его точки зрѣнія, нельзя смотрѣть въ одну сторону, въ сторону безсословной волости. Это не значитъ, конечно, что мы имѣемъ что-нибудь противъ самоуправляющейся ячейки. Напротивъ, органы самоуправления на всемъ ихъ протяженіи — сверху до низу — мы склонны отстаивать съ не меньшимъ, пожалуй, рвеніемъ, чѣмъ г. Весеьгонецъ. Наша мысль, по крайней мѣрѣ, не можетъ помириться съ тѣмъ неожиданнымъ компромиссомъ, къ которому приводитъ обывательское безпристрастіе г. Весеьгонца. Какъ ни плохо современное земство, мы не скажемъ, какъ го-

ворить онъ, что „не только продовольственная организація, но и любая хозяйственная сфера дѣятельности доступна администраціи не менѣе, чѣмъ земству.“ Безпристрастіе не должно ослаблять памяти, *sine ira*—это не значить „съ закрытыми глазами“. Отмѣчая чрезмѣрную приверженность г. Весеьгонца къ безусловной волости, мы желали бы одного, чтобы онъ и читатель усомнились въ справедливости его каламбура, будто бы нынѣшнее земство представляет собою ампутированную голову. Нѣтъ не голову... Мы понимаемъ, что направленіе, въ которомъ г. Весеьгонцу пришлось дѣлать изысканія, въ значительной мѣрѣ опредѣлили тѣ многоточія, которыми такъ часто прерывается рѣчь въ современной литературѣ. Однако и въ предѣлахъ многоточій онъ могъ бы лучше формулировать основные принципы земской организаціи. Во всякомъ случаѣ, это хорошо, что обыватель начинаетъ „смотреть въ корень“. Корни онъ скоро найдетъ. Важно, чтобы онъ понялъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что рассчитывать на одинъ стыдъ, который, по мнѣнію г. Весеьгонца, „служить намъ порукой славной будущности земскаго начала въ нашей общественной жизни,“—теперь уже нельзя. Надъ этой будущностью надо не только думать, но и настойчиво работать.

Н. Новиковъ. Наука школа и жизнь. Одесса. 1900.

Небольшая брошюра, лежащая предъ нами, принадлежитъ къ наиболѣе содержательнымъ и оригинальнымъ произведеніямъ обширной литературы, вызванной у насъ ожиданіемъ школьной реформы. Авторъ увѣренно разбирается въ подробностяхъ нашей учебной системы, ясно формулируетъ и ставитъ твердо свои требованія. Если считать практическимъ результатомъ немедленное примѣненіе выводовъ къ жизни, то такого пракческаго результата книжка г. Новикова, конечно, имѣть не будетъ: онъ слишкомъ далекъ отъ нашей дѣйствительности, роковымъ образомъ обреченной, даже въ лучшемъ случаѣ, на безцѣльное вливаніе вина новаго въ мѣхи старые. Судорожной боязни жупела „коренной ломки“ онъ противопоставляетъ основательную критику всякой системы, сохраняющей связь съ тѣмъ періодомъ въ исторіи нашей школы, который уже не имѣетъ защитниковъ. Реформа, предлагаемая имъ, по существу не представляетъ ничего особенно новаго; въ ней лишь хорошо сведены, формулированы и иногда развиты требованія, выставленные уже тамъ и здѣсь въ литературѣ. Но „коренная ломка“ составляетъ настолько существенное и необходимое условіе этой реформы, что, конечно, и самъ авторъ не имѣетъ наивности считать свои требованія осуществимыми въ нашихъ условіяхъ; его школа съ перваго мгновенія стала бы въ такія противорѣчія со всѣмъ нашимъ обще-

ственнымъ укладомъ, что не прожила бы и часа—или-же сохранила-бы лишь пустую форму. Достаточно указать, что первымъ условіемъ осуществленія системы автора является такое увеличеніе школьнаго бюджета, „чтобы, съ одной стороны, въ школахъ не было недостатка, чтобы ни одинъ юный или взрослый гражданинъ земли русской не былъ лишенъ возможности учиться въ школѣ, а съ другой стороны, чтобы преподаватели дѣйствительно преподавали, учили своихъ учениковъ“. Недурно мирятся также съ нашими условіями требованія свободы обученія и изученія, а равно реального и непрерывнаго общественнаго контроля надъ школой; для послѣдняго рекомендуются: гласность педагогическихъ совѣтовъ, безпрепятственность доступа взрослымъ на уроки, экзамены и практическія занятія учащихся.

Какъ ни далека отъ дѣйствительнаго примѣненія педагогическая идеологія г. Новикова, какъ бы мы ни расходились съ нимъ въ нѣкоторыхъ возможныхъ выводахъ и подробностяхъ, мы видимъ въ его теоріи зерно здоровой истины.

С. В. Куринъ. Что читать дѣтямъ? Сборникъ рецензій изъ журналовъ, преимущественно педагогическихъ. М. 1900.

„Необходимость въ пособіи для изученія дѣтской литературы, въ видѣ указателя или сборника рецензій, чувствуется давно. Родителямъ и воспитателямъ при выборѣ дѣтскихъ книгъ въ большинствѣ случаевъ приходится пользоваться указаніями торговцевъ, что не всегда служитъ въ пользу подходящаго выбора соответствующей книжки“.

Составитель лежащей предъ нами книжки вздумалъ помочь этому горю весьма простымъ способомъ. Ничѣмъ не обнаруживая своего знакомства съ дѣтской литературой, онъ просто взялъ и перепечаталъ въ своей книгѣ около трехсотъ отзывовъ о разныхъ дѣтскихъ книгахъ. Чѣмъ онъ руководился, перепечатывая однѣ рецензіи и откладывая другія до „послѣдующихъ выпусковъ“ не видно; по полной случайности матеріала можно заключить, что онъ бралъ то, что попадалось подъ руку. Поэтому въ его книжку попали отзывы прямо противоположные; такъ, на стр. 19 съ полнымъ одобреніемъ указано, что двѣ сказки г. Авенаріуса „О пчелѣ мохнаткѣ“ и „Что комната говоритъ“ премированы Фребелевскимъ обществомъ, а на стр. 40 г. Кругловъ разноситъ объ эти сказки. Чѣмъ же будутъ руководиться злополучные „родители и воспитатели“ въ сужденіи объ этихъ сказкахъ, которыя къ тому же на стр. 19 предназначены для младшаго возраста, а на стр. 71—для средняго. Составитель говоритъ, что помѣстилъ въ своемъ сборникѣ выдержки изъ рецензій о *лучшихъ* книгахъ; между тѣмъ, мы находимъ здѣсь и весьма неодобрительные отзывы, и горячія похвалы посредственнымъ вещамъ; нако-

нецъ—и это самое главное—здѣсь обойдены полнымъ молчаніемъ десятки дѣйствительно „лучшихъ“ дѣтскихъ книгъ, которыя такъ и останутся неизвѣстными родителямъ и воспитателямъ, которые вздумаютъ пользоваться просвѣщеннымъ руководствомъ г. Курнина. Здѣсь нѣтъ Андерсена (отзывъ о *двухъ* сказкахъ), нѣтъ Бичеръ Стоу, Диккенса, Жюль Верна, Біара, Вальтеръ Скотта, Асбьернсена; здѣсь нѣтъ Майнъ-Рида, Купера, Эмара, вопросъ о которыхъ долженъ быть поставленъ и рѣшенъ, быть можетъ, отрицательно; здѣсь нѣтъ ни слова даже о „Донъ-Кихотѣ“. Изъ русскихъ писателей, пользующихся установившеюся извѣстностью въ дѣтской литературѣ, здѣсь нѣтъ ни Чистякова, ни Кота Мурлыки, ни Водовозовыхъ, ни Анненской, ни Кайгородова, ни Рязина. Четыреста отзывовъ, въ сущности, было бы достаточно: хорошихъ дѣтскихъ книгъ не такъ ужъ много; но отзывы эти слѣдовало собирать и дѣлать по опредѣленной системѣ, безъ недѣльных пробѣловъ—и только тогда, они могли бы имѣть ту цѣну, которую имъ приписываетъ составитель. Его же сборникъ никакой цѣны не имѣетъ.

Книга издана неряшливо, —для сборника перепечатокъ,—стоитъ дорого; при многихъ отзывахъ совсѣмъ не указано, откуда они заимствованы. Много опечатокъ, иногда недѣльных и извращающихъ смыслъ. Очевидно, мы имѣемъ дѣло не съ настоящимъ „пособіемъ при изученіи дѣтской литературы“, а съ книжной спекуляціей.

Д-ръ Угетти. Врачи и пациенты. Переводъ съ итальянскаго подъ редакціей А. П. Колтановскаго. Спб. 1901.

Вопросъ о взаимномъ отношеніи врачей и публики есть одинъ изъ интересныхъ и важныхъ вопросовъ современной общественной жизни. При все возрастающемъ усложненіи общественной жизни представители каждой профессіи, заваленные собственными дѣлами, не имѣютъ ни времени, ни охоты ознакомиться съ психологіей представителей другихъ профессій; отсюда взаимное непониманіе и раздраженіе, столь легко возникающее, когда два совершенно чуждыхъ другъ другу лица почти внезапно оказываются тѣсно связанными другъ съ другомъ. Поэтому весьма желательно, чтобы лица компетентныя, врачи, много лѣтъ проведеншіе въ частной практикѣ, рассказали публикѣ о своей жизни и о жизни своихъ сотоварищей, разъяснили-бы публикѣ психологію врача-практика; откровенно сознались-бы въ темныхъ сторонахъ врачебной дѣятельности; но вмѣстѣ съ тѣмъ и указали-бы на несправедливости, которыя дозволяетъ себѣ публика относительно врачей.

Къ сожалѣнію, книжка д-ра Угетти совершенно неспособна выполнить эту роль. Хотя авторъ ея и врачъ, знакомый съ жизнью врача-практика, но, очевидно, это человѣкъ легкомыслящій, неспособный къ самоуглубленію. Онъ даетъ читателю рядъ

болтливыхъ фельетоновъ, которые могли-бы быть написаны и не врачемъ, а просто бывалымъ человѣкомъ, имѣвшимъ среди своихъ знакомыхъ и врачей.

Фельетонный характеръ книжки замѣтенъ даже при бѣгломъ обзорѣ содержанія каждой главы. Вотъ, напр., содержаніе главы первой: „Представленіе въ театрѣ „Санъ-Карменъ“.—Какъ и почему комикъ Петито сдѣлался врачомъ.—Молоко ослицы.—Косто-правъ.—Миѣніе Литтра.—Фридрихъ Великій бьетъ врачей.—Александръ Великій распинаетъ ихъ.—Разрушающіеся дома.—Человѣческая машина.—Генелла.—Слуга Бартеци и швейцаръ Пейссе.—*Vulgus vult decipere*.—Скептики.—Другая латинская поговорка.—Языкъ Наполеона.—Сѣверный пейзажъ.—Пилюли и сиропъ.—Врачи и жрецы“.

Книжка снабжена еще рекламнымъ предисловіемъ. Этою рекламою является письмо къ автору Мантегаццы, заканчивающееся словами: „Прощайте, дорогой Угетти! Будьте счастливы,—на-столько же, какъ вы честны и благородны!“ Въ другомъ мѣстѣ (по аналогіи съ извѣстными просьбами выслать еще партію чудодѣйственныхъ пилюль) Мантегацца пишетъ: „Вышлите мнѣ еще одинъ экземпляръ, который я хочу подарить моему сыну-врачу, чтобы доставить ему такое-же удовольствіе, какое было испытано мною“ (стр. 3). Точно книжку Угетти нельзя купить въ любомъ книжномъ магазинѣ и, вѣроятно, не дороже 1—2 лиръ!

Полезно еще замѣтить, что, не говоря уже о другихъ мѣстахъ книги Угетти, въ обзорѣ содержанія главы VII мы находимъ слѣдующее: „Мантегацца—его неутомимость и плодовитость... почему Мантегацца неподражаемъ?“

Книжка Угетти не только неспособна научить чему-либо публику, но даже можетъ сбить ее съ толку. Напр., на стр. 24—5 мы читаемъ слѣдующее: „Будь здоровъ, какъ рыба въ водѣ, остерегайся всякаго рода злоупотребленій, пей кофе Кнейпа (?!), одѣвайся во фланель Геріона, не кури, ѣшь не болѣе, чѣмъ полагается по совѣту Мошешота, соблюдай точно седьмую и десятую (?) заповѣди,—и проживешь хорошо, но ни на день не больше твоего сосѣда Х., распутника, пьяницы и курильщика, или твоего друга У., который проводитъ жизнь въ постели или на кушеткѣ, по четверти часа разсматриваетъ свой языкъ передъ зеркаломъ, три раза въ мѣсяцъ принимаетъ слабительное и боится вечеромъ сырости, утреннихъ тумановъ и дневныхъ сквозняковъ“.

Къ чему-же тогда сводится не только медицина, но и гигиена? Угетти указываетъ на то, что сильный и воздержанный Шарко умеръ всего на 61 году, авторъ же зналъ одного священника 96 лѣтъ, относительно котораго, правда, „нельзя сказать, чтобы онъ былъ пьяница и большой курильщикъ, такъ какъ эти привычки не доходятъ у него до степени пороковъ; но мнѣ извѣстно, что онъ имѣлъ большую слабость къ мѣстнымъ Лоламъ и

Венерамъ". Такъ вотъ къ этому 96-лѣтнему любителю Венеры зашелъ однажды нашъ авторъ и, „какъ вы думаете: гдѣ мы его застали?.. Онъ сидѣлъ на фиговомъ деревѣ и лакомился его вкусными плодами“ (стр. 25).

Если Угетти, благодаря своему легкомыслію, вообще мало знакомить публику съ психологіей врачей, то для насъ, русскихъ, его книга вдвойнѣ негодна: она негодна не только благодаря своей внутренней малоцѣнности, но еще и потому, что изображаемыя имъ сцены изъ жизни итальянскихъ врачей не имѣютъ никакого приложенія къ нашей жизни. Такъ, напр., всякій, даже никогда не видавшій консилиума русскихъ врачей, пойметъ, что у насъ не возможны описываемыя авторомъ сцены изъ жизни южной Италіи, „гдѣ консилиумъ—открытое представленіе, на которомъ присутствуютъ, прежде всего, самъ больной, затѣмъ родственники, друзья, сосѣди и, случается, даже мѣстные власти. При этомъ въ маленькихъ городахъ всѣ заботы ведущаго лѣченіе врача направлены, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы изложить исторію болѣзни на чистѣйшемъ итальянскомъ языкѣ и украсить ее всякими изысканными фразами и цвѣтами краснорѣчія“ (стр. 107).

Оспопрививаніе есть заблужденіе. Популярно - научный очеркъ А. Р. Уолесса. Переводъ съ англійскаго Л. Лакіера. Спб. 1901.

Хотя со времени открытія оспопрививанія прошло уже болѣе ста лѣтъ, хотя уже накопился огромный матеріалъ, „огромная масса національнаго опыта“, несомнѣнно доказывающая дѣйствительность оспопрививанія, тѣмъ не менѣе все еще время отъ времени появляются брошюры, вроде разбираемой теперь нами, гдѣ можно найти такія слова: „Смѣю думать, что мнѣ удалось представить наилучшіе изъ ...статистическихъ фактовъ такимъ образомъ, чтобы мои читатели могли убѣдиться въ абсолютной *безполезности* вакцинацій, какъ предохранительнаго средства противъ оспы, и въ то же время увидѣть, что тѣ же самые факты дѣлаютъ въ высшей степени вѣроятнымъ предположеніе, что вакцинація лишь усиливаетъ воспримчивость къ заболѣванію оспой“ (стр. 62).

Нашъ авторъ доказываетъ, что замѣчаемое въ настоящее время сильное уменьшеніе оспенныхъ эпидемій есть результатъ не оспопрививанія, а общаго улучшенія гигиеническихъ условій жизни, благодаря чему въ Европѣ вообще не бываетъ такихъ эпидемій, какія бывали въ прежнія времена. Легко показать, что эти соображенія не выдерживаютъ критики. Конечно, противъ указанія на то, что въ Германіи, гдѣ вакцинація и ревакцинація обязательны, на одинъ миллионъ жителей отъ оспы умираетъ ежегодно 2,3 человека, а въ Россіи 836,4, противъ этого указанія можно возразить, что въ Германіи и просвѣщенность лицъ, и об-

щее благосостояніе гораздо значительнѣе, чѣмъ въ Россіи,—но чѣмъ объяснить то обстоятельство, что въ просвѣщенной и благоденствующей, но не достаточно ревакцинирующей Франціи эта смертность отъ оспы равняется 147,6 на миллионъ жителей? „Можно-ли объяснить случайностью, говоритъ Эйхгорстъ (Частная патологія и терапія, т. IV, стр. 361), тотъ фактъ, что въ 1870—71 году во время франко-прусской войны изъ невакцинированныхъ французскихъ солдатъ умерло отъ натуральной оспы 23,469 человекъ, тогда какъ въ германскихъ вакцинированныхъ и ревакцинированныхъ войскахъ было всего 261 случай смерти отъ оспы“?

Оспопрививаніе, какъ извѣстно, всегда подвергалось нападкамъ. Если даже не обращать вниманія на такія обвиненія противъ вакцинаціи, какъ обвиненія Ротлея, будто у вакцинированныхъ людей лицо мало-по-малу утрачиваетъ человѣческія черты и превращается въ морду, подобную коровьей, если даже имѣть въ виду одни правдоподобныя обвиненія, то и тогда можно указать на достаточное число враговъ вакцинаціи. Доводы этихъ враговъ можно разбить на двѣ категоріи: намъ говорятъ, что оспопрививаніе бесполезно и что оно опасно. Нашъ авторъ поддерживаетъ оба эти обвиненія: даже заглавіе его брошюры (видоизмѣненное русскимъ переводчикомъ) гласитъ, что вакцинація и „бесполезна, и опасна“ (both Useless and Dangerous).

Что неумѣло и небрежно произведенная вакцинація можетъ быть опасна, этого, конечно, не станетъ отрицать никто, знающій, что даже простой уколъ булавкою при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ можетъ имѣть серьезныя послѣдствія, можетъ даже кончиться смертію. Современная научная техника выработала подробныя правила, какъ для добыванія и храненія детрита, такъ и для самой вакцинаціи, и тщательное выполненіе этихъ правилъ, конечно, гарантируетъ отъ всякихъ серьезныхъ непріятностей. Но намъ говорятъ еще и то, что оспопрививаніе бесполезно. А на вопросъ, почему-же теперь оспа не имѣетъ такого распространенія, какъ въ былыя времена, отвѣчаютъ указаніемъ на самыя разнообразныя причины, способствовавшія, будто-бы, сокращенію оспенныхъ эпидемій. Мы выше уже говорили о несостоятельности этихъ возраженій. Теперь мы прибавимъ только, что еще лѣтъ 10—15 тому назадъ противники оспопрививанія могли, по крайней мѣрѣ, указывать на совершенно исключительное положеніе оспопрививанія среди остальныхъ медицинскихъ пріемовъ. Но теперь, когда органотерапія и всевозможныя прививки съ цѣлью предупрежденія и лѣченія болѣзней являются самымъ многообещающимъ и жизненнымъ изъ пріемовъ медицины; теперь, когда лѣченіе собачьяго бѣшенства прививкою пользуется общимъ признаніемъ, когда лѣченіе и предупрежденіе дифтерита и чумы при помощи сыворотки широко практикуется, когда горячо пропагандируется

лѣченіе и другихъ заразныхъ болѣзней при помощи впрыскиванія сыворотки,—теперь именно походъ противъ перваго и наиболѣе твердо установившагося изъ способовъ прививки является особеннымъ анахронизмомъ. Прежде защитники оспопрививанія могли только указывать на фактъ уменьшенія оспенныхъ эпидемій, но этотъ фактъ можно было (хотя и съ большими натяжками) объяснить и инымъ образомъ. Теперь-же мы имѣемъ рациональное объясненіе этого факта, мы имѣемъ широкое біологическое обобщеніе, противъ котораго противники оспопрививанія ничего еще не возразили и ничего не могутъ возразить.

Разбираемая нами брошюра написана знаменитымъ А. Р. Уолесомъ, раздѣляющимъ съ Дарвиномъ честь открытія закона измѣняемости видовъ. И хотя этому автору приходилось впослѣдствіи не разъ удивлять ученый міръ странностью нѣкоторыхъ своихъ выводовъ, тѣмъ не менѣе мы не можемъ не подчеркнуть того обстоятельства, что эта его брошюра написана чуть не двадцать лѣтъ тому назадъ, когда, слѣдовательно, современное ученіе объ иммунитѣ еще не существовало, и когда, значитъ, взгляды нашего автора не являлись такимъ анахронизмомъ. Очень жалъ, что русскій переводчикъ еще и теперь счелъ эту брошюру современной, и что она издана такою фирмою, какъ фирма покойнаго Ф. Павленкова.

Н. Ф. Плюшкинъ, земскій санитарный врачъ. Бесѣды по школьной гігіенѣ. Псковъ. 1900.

Въ настоящей брошюрѣ изложены элементарныя свѣдѣнія по вопросамъ школьной гігіены, послужившія предметомъ бесѣдъ автора на курсахъ для учителей и учительницъ земскихъ начальныхъ школъ Псковской губерніи, устроенныхъ по инициативѣ губернскаго земства въ іюлѣ и августѣ истекшаго года.

Педагогическіе курсы для народныхъ учителей, какъ извѣстно, не вездѣ пользуются сочувствіемъ представителей мѣстнаго самоуправления. Еще недавно въ „Русскомъ Богатствѣ“ приводилась любопытная рѣчь одного саратовскаго земца (г. Кривскаго), въ которой педагогическіе курсы признавались крайне вредными для народныхъ учителей, т. к. „учителя, наслушавшись лекцій, разѣдутся по деревнямъ и начнутъ проповѣдывать, что души у насъ нѣтъ, что безсмертіе и загробная жизнь—вздоръ!“

Авторъ разсматриваемой брошюры приводитъ вполне резонные и убѣдительные доводы въ пользу необходимости самой широкой популяризаціи среди народа гігіеническихъ знаній. Совершенно справедливо полагаетъ онъ, что наилучшимъ разсадникомъ этихъ знаній среди деревенскаго люда должна явиться народная школа, та самая школа, которая въ настоящее время, къ сожалѣнію, служитъ разсадникомъ заразительныхъ болѣзней среди дѣтей. Зем-

ская народная школа, дѣлая деревню грамотной, должна въ то же время способствовать оздоровленію современной деревни, уменьшенію смертности среди сельскаго населенія и увеличенію его благосостоянія. Правда, условія существованія современнаго русскаго крестьянина по истинѣ отвратительны, къ нимъ съ большимъ трудомъ могутъ быть примѣнимы требованія гигиены, такъ какъ по существу дѣла эти условія гораздо болѣе соотвѣтствуютъ жалкому прозябанію новозеландскаго дикаря, чѣмъ разумному существованію гражданъ культурной страны. Но это печальное обстоятельство вовсе не исключаетъ необходимости пробужденія въ народѣ сознанія полной неудовлетворительности своего матеріальнаго быта и желанія иныхъ, болѣе гигиеническихъ условій существованія. Эта задача всецѣло лежитъ на земскихъ интеллигентныхъ работникахъ: врачѣ и учителѣ. Вотъ почему земства, устраивающія гигиеническія собесѣдованія съ народными учителями и учительницами, заслуживаютъ глубокаго сочувствія, разумѣется, если врачъ-лекторъ сумѣетъ удовлетворительно справиться со своей задачей. Врачъ псковскаго земства Н. Ф. Плюшкинъ со своей задачей справился и его краткая, но содержательная брошюра дѣйствительно даетъ возможность педагогическому персоналу земскихъ школъ „имѣть подъ рукой справочную книгу при возникновеніи вопросовъ, касающихся области школьной гигиены, и представить для учительницъ и учителей, которые почему-либо не были на курсахъ, средство пополнить пробѣлъ въ этомъ отношеніи“. Желательно, чтобы и другія земства почаще устраивали подобные курсы, имѣющіе цѣлью посредствомъ школы проводить въ народное сознаніе мысль о необходимости съ меньшей неряшливостью относиться къ собственному здоровью. Почтенный авторъ разсматриваемой брошюры совершенно справедливо полагаетъ, что земская народная школа должна явиться въ деревнѣ „тѣмъ свѣточемъ истины и знанія, который просвѣтитъ и согрѣетъ своимъ огнемъ сердца и малыхъ, и взрослыхъ обитателей нашей деревни, разбудитъ ихъ спящее сознаніе, внушитъ мысль цѣнить знанія, здоровье, выведетъ, наконецъ, изъ дверей тьмы и невѣжества на новую дорогу, на которой нашъ русскій народъ найдетъ облегченіе своему тяжелому труду, избавится отъ своей безпомощности, своей забитости“. (стр. 84).

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя комиссіи по приобретенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Скупой рыцарь. *А. С. Пушкина*. Изданіе А. де-Бюнкуръ. Подъ редакціей Л. Бѣльскаго. М. 1901. Ц. 2 р. 50 к.

Полное собраніе стихотвореній *А. А. Фета*. Подъ ред. Б. В. Никольскаго. 3 тома. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1901. Ц. за 3 тома 5 р.

Андрей Колтоновскій. Стихотворенія. Изд. Б. Н. Звонарева. Спб. 1901. Ц. 1 р.

Стихотворенія *А. М. Жемчужникова*. Въ двухъ томахъ. Съ портретомъ автора и автобіографич. очеркомъ. Изд. 3-е. Спб. 1901. Ц. за два тома 3 р.

Его-же. Пѣсни старости. Стихотворенія 1892—1898 гг. Изд. 2-ое. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Иванъ Рукавишниковъ. Стихотворенія и проза. Книга первая. Спб. 1901. Ц. 2 р.

Записки ипохондрика. Повѣсть давно минувшихъ дней *Дж. Лобанова*. («Дорожная Биба». 1). Кутаисъ. 1900. Ц. 75 к.

Т. Барвенкова. Раздолье. (Повѣсть). На мели и По способу Коха. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М. 1901. Ц. 80 к.

А. Серафимовичъ. Очерки и рассказы. Книга 1. Изд. Б. Н. Звонарева. Спб. 1901. Ц. 1 р.

Евг. Чириковъ. Очерки и рассказы. Книга третья. Изд. О. Н. Поповой и А. Е. Колпинскаго. Спб. 1901. Ц. 1 р.

П. Россіевъ. Общія знакомые. Очерки и рассказы. М. 1901. Ц. 1 р.

Любимцы каторги. Рассказъ. *Л. Мельшица*. Изд. В. И. Риппъ и В. И. Потапова. Харьковъ. 1901. Ц. 7 к.

Б. Уитби. Въ свѣтлую пору жизни. Повѣсть для юношества. Съ англ. Изданіе В. Бекманъ. Спб. 1901. Ц. 1 р. 25 к.

В. В. Березовскій. Туманные зори. Рассказы. Спб. 1901. Ц. 1 р.

Алексій Мошинъ. Штрихи и настроянія. М. 1901. Ц. 1 р.

№ 4. Отдѣлъ II.

Фридрихъ Шпилгагенъ. Жертва. Романъ. Переводъ съ нѣм. А. В. Черелыгиной. Изданіе кн. склада Д. П. Ефимова. М. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Ломакинъ. Робеспьеръ. Драматическія сцены въ 4-хъ дѣйств. съ прологомъ. М. 1901. Ц. 50 к.

Библіотека «Всходовъ». Спб. 1901. *А. Е. Заринъ*. Увлеченіе. Повѣсть. Ц. 40 к.—*А. Алтаевъ*. Отъ земли. Повѣсть. Ц. 40 к.—*А. Алтаевъ*. Милуэль Сервантесъ. Ц. 40 к.

Изданія книжнаго склада Д. П. Ефимова. М. 1901. *Е. Поливанова*. Находка. Рассказъ для дѣтей. Съ рис. Ц. 25 к.—*П. Левицкій*. Андрейка-мытарь. Рассказъ. Съ рис. Ц. 25 к.—*А. В. Кругловъ*. Жизнь. Рассказы для дѣтей. Съ рис. Ц. 40 к.—*А. А. Федоровъ-Давыдовъ*. Заячье счастье и другіе рассказы и сказки. Съ рис. Ц. 25 к.—*Г. Любичъ-Кочуровъ*. Канарейка. Рассказъ. Съ рис. Ц. 20 к.—*Его-же*. Души живыя. Очерки и рассказы. Съ рис. Ц. 30 к.—*Его-же*. Дядя Вакъ. Приключенія одной лягушки. Съ рис. Ц. 30 к.

Иллюстрированная сказочная бібліотека Ф. Пяленкова. Арабскія сказки. Переводъ Б. Д. Порозовской. №№ 105, 106, 107 по 10 к., № 108. Ц. 13 к., №№ 109, 110 по 10 к. Спб. 1901.

В. А. Гольцевъ. Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? 4-ое изд. ред. журн. «Русская Мысль». М. 1901. Ц. 3 к.

Ив. Левицкій. Баба Параска и баба Палажка. Оповідання. Кіевъ. 1901. Ц. 4 к.

О. Я. Коньскій. Млынъ. Оповідання. Кіевъ. 1901. Ц. 4 к.

П. О. Булишъ. Про злодія въ селі Гаквицыці. Кіевъ. 1901. Ц. 3 к.

Иванъ Фратто. Лесыщина челядь. Малый Мыранъ. Грыцева шкільна наука. Кіевъ. 1901. Ц. 4 к.

Музыка Янко. Кіевъ. 1901. Ц. 1½ к.

Б. Глаголинъ. Новое въ сѣнчѣ-

скомъ искусствѣ. Очеркъ. Спб. 1901. Ц. 1 р.

Б. И. Михайловъ-Стойня. Нашъ театръ и его нужды. Посвящается русскимъ артистамъ. М. 1901. Ц. 50 к. Воспоминанія, статьи и письма изъ за границы **И. Е. Рѣпина.** Подъ редакціей Н. Б. Сѣверовой. Спб. 1901. 1 р.

Изданіе С. Гринберга. Критическія статьи о произведеніяхъ Максима Горькаго. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Н. Соколовъ. Кто воскресъ въ романѣ, гр. Л. Н. Толстого «Воскресеніе». Изд. книжн. магаз. Е. Д. Добровольной. М. 1901. Ц. 40 к.

А. С. Пушкинъ, его публицистическая и журнальная дѣятельность. Историко-литературный очеркъ **Б. Кузьминскаго.** Изд. И. П. Жемочкина. М. 1901. Ц. 80 к.

Т. Г. Шевченко, пѣвецъ Украины и Запорожья. Очеркъ **Вл. П. Бранихфельда.** Съ портретомъ и рис. Изд. «Вѣстника казачьихъ войскъ». Спб. 1901.

Е. Воскресенскій. Литературныя чтенія. Пушкинъ - Гоголь - Бѣлинскій. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1901. Ц. 45 к.

М. Чайковский. Жизнь Петра Ильича Чайковского. Изд. П. Юргенсона. Т. I. Вып. V. М. Ц. 40 к.

Послѣдняя дуэль Пушкина. Біографическій очеркъ **Б. В. Никольскаго.** Спб. 1901. Ц. 85 к.

Галерея русскихъ писателей. Текстъ редактировалъ И. Игнатовъ. Изданіе С. Смирмунта. М. 1901. Ц. 3 р. 50 к.

Девятнадцатый вѣкъ. Обзоръ науки, техники и политическихъ событій. Подъ общей редакціей М. М. Филиппова. Съ 300 портретами. Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 1901. Ц. 2 р.

Большая Энциклопедія. Словарь общедоступныхъ свѣдѣній по всемъ отраслямъ знанія, подъ ред. С. Н. Южкова и П. Н. Милокова. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Вып. 41—42 и 43—44. Спб. 1901. Ц. 50 к. за выпускъ.

Куно Фишеръ. Исторія новой философіи. Т. IV. Иммануэль Кантъ и его ученіе. Часть первая. Перев. съ 4-го нѣм. изд. Н. Н. Полидова, Н. О. Лосскаго и Д. Е. Жуковскаго. Съ портретомъ И. Канта. Изд. Т-ва «Знаніе». Спб. 1901. Ц. 4 р.

Джеймс Селли. Очерки по психологіи дѣтства. Перев. съ англ. Александра Громбаха. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1901. Ц. 2 р. 50 к.

А. В. Бирилевъ. Объ осязаніи сабпныхъ. Казань. 1901.

Общественно-этическія замѣтки **С. Н. Кулябки.** Изд. В. Линдъ и Д. Байкова. М. 1901. Ц. 30 к.

П. Г. Мижусевъ. Вліяніе народнаго образованія на народныя богатство, здоровье и нравственность и другія стороны общественной жизни. Изд. журнала «Русская Школа». Спб. 1901. Ц. 80 к.

С. Веббъ и С. Вельсъ. Универсальныя учрежденія для рабочихъ въ Лондонѣ (Лондонскіе политехникумы). Перевелъ и дополнилъ П. Г. Мижусевъ. Изд. ред. журн. «Техническое Образование». Спб. 1901. Ц. 40 к.

Краткія свѣдѣнія о Ново-Александрійскомъ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства. Варшава. 1900.

Учебникъ русскаго языка. Этимологія и синтаксисъ. Составилъ **Н. Доброхотовъ.** Новгородъ. 1900. Ц. 40 к.

Краткій обзоръ (конспектъ) средне-вѣковой исторіи. Курсъ V-го класса. 20 картъ съ объяснительнымъ текстомъ. Сост. **А. Е. Фриде.** Спб. 1900. Ц. 80 к.

Н. Рожковъ. Учебникъ русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. М. 1901. Ц. 60 к.

Н. Карпезъ. Учебная книга древней исторіи. Съ историческими картами. Спб. 1901. Ц. 1 р. 20 к.

Духовныя и договорныя грамоты московскихъ князей, какъ историко-географическій источникъ изслѣдованія **В. Н. Дебольскаго.** Спб. 1901.

М. О. Общедоступное объясненіе Евангелія въ порядкѣ земной жизни Христа Спасителя. Спб. 1901. Ц. 90 к.

С. Н. Прокоповичъ. Къ критикѣ Маркса. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1901. Ц. 2 р.

Е. В. Тарле. Общественныя воззрѣнія Томаса Мора въ связи съ экономическимъ состояніемъ Англіи его времени. Изд. ред. журнала «Міръ Божій». Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Ф. О. Гертузъ. Аграрные вопросы въ связи съ социализмомъ Съ предисловіемъ Эд. Бернштейна. Переводъ съ нѣм. подъ редакціей И. С. Дурново. Изданіе кн. склада Д. П. Ефимова. М. 1901. Ц. 1 р.

В. А. Косинскій. Учрежденія для мелкаго кредита въ Германіи, Т. I. М. 1901.

М. Н. Штрикъ. Организационныя краткосрочнаго мелкаго кредита или проектъ устройства «Народнаго банка». Спб. 1901. Ц. 50 к.

Ч. Вятринскій. Среди латышск.

Очерки. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушниковъ. М. 1901. Ц. 25 к.

Д. Еуприянова. Австралія и Новая Зеландія. Спб. 1901. Ц. 1 р.

«Новая Библіотека». Изд. ред. журнала «Русская Мысль». **Н. А. Дьячковъ.** Приуральскій край, его население и минеральныя богатства. М. 1901. Ц. 15 к.—Проф. **К. Эмштейнъ.** Борьба человека съ животными. Перев. съ нѣм. Г. А. Котляра. Съ рис. М. 1901. Ц. 30 к.

А. В. Погосевъ. Взаимодѣйствіе техники и медицины по охранѣ жизни и здоровья рабочихъ. М. 1901. Ц. 40 к.

Библіотека народнаго здоровья. Спб. 1901. Проф. **Р. Штанцигъ.** Спичная сухотка въ общедоступномъ изложеніи. Ц. 20 к.—Проф. **Сенаторъ.** Болѣзни почекъ въ общед. изложеніи. Ц. 20 к.—Проф. **А. Розенбергъ.** Болѣзни горла въ общед. изложеніи. Ц. 20 к.—Проф. **Шеффъ.** Болѣзни зубовъ и полости рта въ общед. изложеніи. Ц. 20 к.

Проф. **К. Э. Бокъ.** Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ. Настольная книга и руководитель семьи. Перев. съ нѣм. подъ ред. д-ра С. Б. Орѣшкіна. Съ рис. Изд. Ф. В. Щепанскаго. Т. I, половина 2 и Т. II, половинны 1 и 2. Спб. 1899—1900. Ц. 4-хъ полутомовъ 4 р.

Д-ръ **Г. Плоссъ.** Женщина, въ естественнѣйшій и народовѣднѣй. Антропологическое изслѣдованіе. Перев. съ 5-го нѣм. изд. подъ ред. д-ра А. Г. Рейнорга. Изд. Ф. В. Щепанскаго. Т. II, половинны 1 и 2. Спб. 1899—1900. Ц. двухъ томовъ 10 р.

Д-ръ **Ленгорскій.** Стоить ли выходить замужъ? Экскурсія гигиениста въ область супружеской этики. Одесса. 1901. Ц. 25 к.

Луи Проаль. Любовь и преступленіе. Общественно-психологическое изслѣдованіе. Перев. съ франц. Изд. Веge. Спб. 1901. Ц. 35 к.

Д-ръ **И. В. Михайловъ.** Алкоголизмъ и развратъ. М. 1900.

Къ статистикѣ сифилиса въ сельскомъ населеніи Московской губерніи.

Диссертация на степень д-ра медицины **Н. С. Сперанскаго.** М. 1901.

О чумѣ, согласно новѣйшимъ даннымъ. Д-ра медп. **В. П. Кашина-дамова.** Спб. 1901. Ц. 60 к.

А. Бенлей. Жизнь и ея дѣти. Очерки животной жизни отъ амебы до насѣкомыхъ. Съ 94 рис. Перев. съ англ. съ измѣненіями и дополненіями В. Н. Львова. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1901. Ц. 2 р.

Примѣненіе магнетита въ металлургіи. Горн. Инж. **А. Ф. Шуппе.** Спб. 1901.

Золотопромышленность въ Баргузинскомъ округѣ и ея нужды. Очеркъ, изданный **Я. Д. Фризеръ.** М. 1901.

Изд. К. И. Тихомирова. М. 1901.—Овраги, укрѣпленіе и облѣсеніе ихъ простыми способами. Составилъ **В. Н. Спасскій.** Ц. 5 к.—**Маръ.** Мыловареніе въ малыхъ и среднихъ размѣрахъ. Ц. 10 к.—**Н. Мурашкинцевъ.** Ветеринарія въ примѣненіи къ сельскому хозяйству. Ветеринарное акушерство. Вып. 2-й. Ц. 5 к.—**И. Иноземцовъ.** Яблоня. Практическія свѣдѣнія при выращиваніи яблони. Ц. 8 к.

Устройство городскихъ, сельскихъ и домашнихъ библіотекъ. Очеркъ **Н. Глухарева.** М. 1901. Ц. 40 к.

Отчетъ о дѣятельности общества защиты несчастныхъ женщинъ въ Казани за 1900 г. Казань. 1901.

Отчетъ Пензенской общественной библіотеки имени М. Ю. Лермонтова съ 1-го окт. 1899 г. по 1-ое окт. 1900 г. Пенза. 1901.

Отчетъ Одесской городской публичной библіотеки за 1900 годъ. Одесса. 1901.

Краткій историческій обзоръ 25-лѣтней дѣятельности библіотеки о взаимнаго вспоможенія приказчиковъ-евреевъ г. Одессы и отчетъ библіотеки за 1900 годъ. Одесса. 1901.

L'évolution industrielle des Etats-Unis. Par **C. D. Wright.** Traduit par L. Lepelletier. Avec une préface de E. Levasseur. Paris. 1901. Prix. 7 fr.

L'évolution des doctrines médicales au dix-neuvième siècle. Par **Léon Chénisse.** Paris. 1901.

Японская журналистика.

I. Тебля.

(Переводъ съ французскаго С. Б.).

Лѣтъ сорокъ тому назадъ Японію знали въ Европѣ только по имени. Спустя 15—20 лѣтъ при мысли о Японіи въ воображеніи рисовалась волшебная страна изящныхъ бездѣлушекъ, тонкаго фарфора и пышныхъ хризантемъ. Въ чащѣ гигантскихъ бамбуковъ и искривленныхъ сосенъ, надъ которыми парятъ сказочныя птицы, вдали, въ туманѣ виднѣлась небольшая группа островковъ, разбросанныхъ какъ-бы случайно на поверхности океана, а надъ нею фантастическая бѣлоснѣжная вершина священной Фуіюамы. Объ обитателяхъ этой страны знали не много: говорили, что это маленькіе желтые карлики, съ безбородыми пергаментными лицами, съ миндалевидными глазами и кривыми ногами; говорили, что люди эти носили когда-то по двѣ сабли и распарывали ими себѣ животъ, мстя такимъ образомъ врагу за незаслуженное оскорбленіе. Похожіе на обезьянъ, которыя любятъ копировать все, японцы начали будто-бы носить сюртуки и фраки и обмѣниваться визитными карточками въ день Новаго года. Словомъ, о нихъ говорили въ такомъ-же тонѣ, какъ о дикаряхъ Борнео или Новой Зеландіи.

А желтолицые карлики, между тѣмъ, работали не надъ дѣтскими игрушками. Они взялись за гигантскій трудъ, результаты котораго должны были удивить весь міръ. Теперь, когда дѣло уже выполнено почти на три четверти, его можно назвать: это великая мирная революція, превосходящая своею смѣлостью все, записанное исторіей до сихъ поръ, революція, которая вызоветъ удивленіе грядущихъ вѣковъ. Я не стану разбирать всѣ детали различныхъ фазъ этой революціи и предоставляю другимъ предсказывать будущее Японіи: отъ этой необыкновенной страны можно ожидать всего и, быть можетъ, послѣдній сюрпризъ, который она готовитъ міру, такъ-же удивить, какъ катастрофа на *Бандаи-чанъ*. Около двѣнадцати лѣтъ назадъ въ ночной тиши здѣсь раздался оглушительный взрывъ, потрясшій на сотни верстъ кругомъ всю провинцію *Иваширо*. Одинокій, безмолвный пикъ, казавшійся безъ кратера, вдругъ, подъ вліяніемъ подземнаго огня, разорвался пополамъ, и пламя вылетѣло изъ него со страшной силой.

Нельзя съ увѣренностью сказать, чтобы послѣдній актъ эволюціи Японіи, которую сами японцы называютъ *тенсаи-коку*—страною катаклизмовъ, былъ именно таковъ. Можетъ быть и такъ.

Но въ ожиданіи приговора времени надъ прочностью или хрупкостью зданія, воздвигнутаго въ послѣднія тридцать лѣтъ, мы все-таки не можемъ не признать, что японцы выполнили далеко не заурядную работу: радикальныя преобразованія въ гражданской жизни, въ политикѣ, въ экономическихъ и социальныхъ отношеніяхъ, въ наукѣ и религіи—таковъ балансъ послѣднихъ лѣтъ. Рядомъ съ такими изумительными реформами, наши шумныя революціи въ сущности ничто иное, какъ топтаніе на одномъ мѣстѣ. И что еще болѣе замѣчательно и безпримѣрно: измѣнивъ все въ основѣ съ верху до низу, страна осталась сама собой: старая Японія лишь одѣлась по новому.

Благодаря блестящей побѣдѣ надъ китайцами въ 1895 году, пересмотру торговыхъ договоровъ и открытію для всѣхъ своей страны въ 1899 г., благодаря, наконецъ, прекрасному поведенію во время послѣднихъ китайскихъ событій, Японія болѣе или менѣе стала извѣстна всему міру. Но въ ней еще много неизвѣстныхъ сторонъ, не только интересныхъ, но и заслуживающихъ подражанія. Исторія печати въ Японіи, ея настоящее положеніе и роль въ событіяхъ, результаты которыхъ мы видимъ теперь, все это мало извѣстно и составитъ содержаніе настоящаго очерка.

I.

Исторія японской журналистики.

Въ Токио существуетъ довольно распространенная ежедневная газета, выразительное названіе которой указываетъ на скромное за рожденіе первобытной японской журналистики. Газета печатается и издается на *Гинзѣ* (Площадь денегъ) и называется *Томи-ури*. Трудно переводимое названіе въ буквальномъ смыслѣ значитъ: продажа чтенія, яснѣе—уличный крикунъ. И дѣйствительно, такъ началась газета въ Японіи въ феодальную эпоху, до появленія иностранцевъ. Другого начала и быть не могло.

Привыкнувъ къ свободѣ, мы, а также и современные японцы, совершенно забыли, что газета требуетъ извѣстныхъ условій для своего существованія. Необходимъ минимумъ общественной жизни, гдѣ сталкивались-бы интересы общественныхъ классовъ, необходима политическая, коммерческая, научная или литературная жизнь и нѣкоторая гражданская свобода. Само собою разумѣется, что нужны еще сложныя типографскія приспособленія. Ничего этого не было въ Японіи въ эпоху власти شوгуновъ.

Тогда не было и слѣда общественной и политической жизни. Окруженный принципами крови и *кугесами*, микадо жилъ въ своемъ дворцѣ въ Киото уединенно, какъ боги на Олимпѣ. Шогуны и его офицеры, богатые вассалы (даймюсы) и ихъ свита удостоивали показываться внѣ дворца только подъ условіемъ абсолютнаго за-

прещенія смотрѣть на нихъ; самуран, мелкое вооруженное дворянство, появлялось среди низшихъ кастъ только для того, чтобы или оскорблять ихъ, или при случаѣ, по самому ничтожному поводу, пробовать клинки своихъ сабель на тѣлѣ какого нибудь сектанта. Нѣкоторая солидарность и жизнь наблюдалась только среди ремесленниковъ, крестьянъ и торговцевъ, т. е. среди мелкаго, совершенно безграмотнаго люда. Вся интеллектуальная жизнь сосредоточивалась тогда въ средѣ сочинителей стиховъ и чтецовъ, въ родѣ странствующихъ рапсодовъ и трубадуровъ, и среди актеровъ или драматурговъ. Общество, жизнь котораго текла въ желѣзномъ руслѣ, отлитомъ могущественною рукою Токугавы, не имѣло ни желаній, ни стремленій и едва-ли даже подозрѣвало о существованіи другихъ странъ. Все было предусмотрено, рассчитано и предписано. Придумать что нибудь новое—значило совершить преступленіе, которое каралось смертью,—что и случилось, разъ въ правленіе одного изъ послѣднихъ шогуновъ.

Но любознательность свойственна человѣку, а любознательность толпы сильнѣе всего направляется къ тому, что говоритъ ей о ней самой, рисуетъ ея собственные нравы, ошибки и заблужденія. Разныя извѣстія, судебные отчеты и фельетоны всегда привлекаютъ и даютъ преимущество одной газетѣ надъ другими. Въ Японіи не изъ чего было выбирать. Тамъ съ давнихъ временъ существовало особое ремесло частью для удовлетворенія грубаго любопытства толпы, частью для эксплуатаціи ея легковѣрности. Въ извѣстные дни улицы столицы пробуждались и приходили въ волненіе отъ неистоваго и громкаго стука деревянныхъ кастаньетъ или оглушительнаго треска бамбуковыхъ трещотокъ въ рукахъ какихъ-то оборванцевъ, кричавшихъ: „Юми-ури! юми-ури! вотъ уличный крикунъ!“ Въ мгновеніе ока всѣ прохожіе, какъ-бы ни торопились, останавливались; женщины потихоньку раздвигали *шюи* своихъ жилищъ *) и всѣ прислушивались къ чтенію извѣстій. Содержаніе ихъ было довольно однообразно: какое нибудь ужасное убійство, рѣдкое, впрочемъ, въ прежнія времена; дерзкая кража, самоубійство двухъ влюбленныхъ въ Юшиварѣ, рассказъ о ловкомъ надувательствѣ и т. п. Но этихъ извѣстій было достаточно, чтобы дать пищу толкамъ у домашняго очага и на улицѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Окончивъ чтеніе въ одномъ кварталѣ, юми-ури собирали нѣсколько мелкихъ монетъ съ дырочками по срединѣ, нанизывали ихъ на веревку и уходили въ другое мѣсто.

Въ настоящее время мѣсто юми-ури заняли *шимбунъ-ури*, продавцы газетъ, которые, вмѣсто собственнаго чтенія, предлагаютъ нѣсколько большихъ и прекрасныхъ газетныхъ листовъ, наполненныхъ политическими и коммерческими статьями и массой разныхъ извѣстій, уже иного направленія, чѣмъ въ эпоху шогуновъ.

*) *шюи*—подвижныя створки ставней изъ бумаги.

Прогрессъ выразился также и въ томъ, что, вмѣсто трещотки, на поясъ или на шею современнаго продавца газетъ виситъ колокольчикъ, издающій серебристый звонъ при малѣйшемъ движеніи (японцы любятъ шумъ).

Но весь этотъ прогрессъ достигнуть цѣной огромнаго терпѣнія и настойчиваго труда. Никто и представить себѣ не можетъ, какимъ образомъ японцы, хотя и одаренные отъ природы ловкостью, могли однимъ скачкомъ перепрыгнуть огромную пропасть, отдѣляющую *іоми-ури* эры *Темто* *) отъ „іоми-ури“, издающейся теперь на Гинзѣ. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ исторія возникновенія журналистики въ Японіи.

Въ 1853 году, въ послѣдній годъ эры *Ки-си*, первый годъ правленія *Токугавы Іезада*, въ портѣ Урага появился американскій флотъ, подъ командою адмирала Перри. Волей-неволей шогунское правительство вынуждено было пустить „варваровъ“ и согласиться на ихъ далеко не лестныя предложенія. Дорога была указана: за американцами прошли англичане, французы и русскіе, и въ 1858 году насильно было заключено четыре или пять договоровъ со страной, совершенно замкнутой до тѣхъ поръ. Громъ съ яснаго неба не произвелъ-бы на населеніе большого впечатлѣнія. Гнѣвъ и ярость вскорѣ охватили всю страну. Для крупныхъ вассаловъ (*даймиосовъ*) все это явилось прекраснымъ предлогомъ сломить могущество династіи Токугавы, которая уже болѣе двухсотъ лѣтъ удерживала власть въ своихъ рукахъ. Съ наибольшимъ рвеніемъ дѣйствовала *даймио* изъ Мито, проповѣдовавшій крестовый походъ противъ иностранцевъ и шогуна. Онъ дошелъ даже до похищенія колоколовъ изъ буддійскихъ храмовъ, чтобы перелить ихъ въ пушки. Вся страна была охвачена приготовленіями къ возстанію, во время котораго измѣннически было убито нѣсколько французскихъ и англійскихъ моряковъ.

Всѣ говорили объ иностранцахъ, но никто достовѣрно не зналъ, ни кто они, ни откуда явились. На ихъ счетъ сочинялись самыя нелѣпыя басни. Старинные испанскіе и португальскіе миссіонеры оставили по себѣ смутное представленіе, какъ о какихъ-то колдунахъ и фокусникахъ, а голландскіе протестанты, поселенные на островкѣ Дешима въ награду за услуги противъ этихъ католиковъ, вели торговлю только съ портомъ Нагасаки и въ сущности были подъ надзоромъ, какъ преступники. Всей остальной Японіи они были совершенно неизвѣстны. Надо было во что бы то ни стало познакомить страну съ иностранцами.

Средствомъ для этого явились переводы иностранныхъ газетъ,

*) Вся исторія Японіи дѣлится на эры или *немю*,—въ одинъ годъ или нѣсколько лѣтъ, безъ всякаго отношенія къ исторической эпохѣ. Эти эры носятъ символическія названія. Со времени возстановленія императора въ 1868 г., Японія находится въ эрѣ *Мейи*—блестящаго правленія.

преимущественно голландскихъ, которые проникали въ Нагасаки. Однимъ изъ первыхъ переводчиковъ, навсегда прославившимся въ исторіи интеллектуальнаго движенія въ Японіи, былъ *Фукузава Юкичи*, нынѣ редакторъ самаго большого независимаго органа въ Токио и основатель блестящаго университета *Кейо-Гіи*. Въ эру *Ансей* (1854—59 г.) въ Йокагамѣ былъ распространенъ листокъ „*Каи-Кванхинъ*“, печатавшійся въ Гонъ-Конгѣ.

Въ теченіе двухъ лѣтъ эры *Бунки* (1861—63 г.) задуманы были два изданія, печатавшіяся китайскими буквами: „*Хугвай-шимпо*“ и „*Рикиго-цаши*“. Около этого же времени нѣкто *Гори Татсуносуки*, подъ влияніемъ одной голландской газеты, сталъ издавать въ Нагасаки „*Батавіа-Шимбунъ*“ — „*Батавскую газету*“. Таковы первые основатели японской журналистики, придумавшіе и японскій терминъ „*шимбунъ*“ для слова—газета, уцѣлѣвшій и по сіе время.

Въ апрѣлѣ 1864 году эры *Генъи*, *Ганадо Шинзо*, *Кишида Гинко* и *Гомма Санзо*, имена которыхъ теперь почти забыты, соединились вмѣстѣ и основали въ Йокагамѣ газету „*Шимбунши*“. Они—истинные отцы японской журналистики, хотя англичане, жадные до всякой славы, увѣряютъ, что первымъ журналистовъ въ Японіи былъ англичанинъ Р. Джонъ Блэкъ.

Толчокъ былъ данъ. Къ тому-же насильно вторгшіеся иностранцы и близость революціи возбудили массу вопросовъ. Общественное любопытство было сильно возбуждено, тѣмъ болѣе, что такъ долго находилось подъ гнетомъ.

Въ эру *Кей-о* (1865—67 г.), передъ самой реставраціей, явились другъ за другомъ: „*Банкоку-Шимбунши*“—Всеобщая газета, „*Мошио-гуза*“ и „*Хугвай-шимпо*“. Къ сожалѣнію, въ эту эпоху въ Японіи не извѣстенъ былъ нашъ подвижной шрифтъ, и печатаніе газетъ производилось посредствомъ гравированія на деревѣ. Само собою понятно, что при этомъ газеты, выходившія въ видѣ маленкихъ книжечекъ, не могли появляться ежедневно.

Приблизительно въ томъ же году нѣкто *Иосифъ Гекко*—уроженецъ провинціи Гарима, побывавшій въ Америкѣ, вернулся на родину и предпринялъ изданіе „*Кайгвай-Шимбунъ*“—Заморской газеты.

Въ наступившей революціи печать не играла никакой роли. Въ первые три года смута была слишкомъ сильна. Затѣмъ явилась внутренняя и вѣшняя политика: послы разосланы были въ Старый и Новый свѣтъ; у самураевъ были отняты ихъ двѣ сабли, у даймйосовъ—ихъ помѣстья. Казалось бы, наступило благоприятное время для развитія журналистики. Но всѣ фазы японской революціи, продолжающейся еще и до сихъ поръ, характеризуются величайшей осторожностью и скрытностью. Въ 1871 г. появился только небольшой листокъ, подъ заглавіемъ „*Шимбунъ-цаши*“—газета-журналъ, руководимый принцемъ *Кидо*, однимъ изъ самыхъ видныхъ политическихъ дѣятелей послѣ событій 1868 года.

„Нисшинъ-Шингиси“ Блека явилась позже, въ 1872 г., и если я отказываю ему въ первенствѣ въ дѣлѣ созданія періодической японской печати, то охотно признаю превосходство его газеты надъ всѣмъ, что появилось до сихъ поръ.

Перенявъ газету, какъ и многое другое, отъ ненавистныхъ дьяволовъ-иностранцевъ, японцы, по ихъ примѣру, начали соединять капиталы, основывать общества,—словомъ, организовывать печать по образцу европейской. Съ тѣхъ поръ ежегодно возникаетъ одна или нѣсколько газетъ: „Гоши-Шимбунъ“ пригласила редакторомъ *Куримата-Сугекумо*; *Нариниима-Риубоки* руководить „Шоуа-Шимбунъ“, а знаменитый *Фукухи Охи*, прекрасно знающій французскій языкъ, извѣстный романистъ и драматургъ, сотрудничаетъ въ „Токго-Нихинихи“.

Такимъ путемъ возникшая журналистика сдѣлалась главною силою новаго общества.

II.

Въ 1878 году насчитывалось уже 260 газетъ и журналовъ, выходившихъ въ количествѣ 28 миллионъ экземпляровъ. Статистика послѣдняго года показываетъ, что въ теченіе двадцати лѣтъ количество ежедневныхъ или періодическихъ листовъ увеличилось въ десять разъ. Ихъ выходитъ приблизительно до 2,000 названій, въ числѣ 91.519,154 листовъ или номеровъ. Въ этомъ числѣ ежедневныя газеты составляютъ почти пятую часть. Въ одномъ городѣ Токио ихъ болѣе двадцати. Число ихъ тѣмъ не менѣе растетъ со дня на день, превышая, быть можетъ, истинную потребность въ нихъ населенія.

Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ „Тайо“ (Солнце), одинъ изъ лучшихъ журналовъ столицы. „Казалось бы,—говоритъ онъ,—надо бы радоваться и поздравить себя съ такимъ развитіемъ печати. Но оказывается совершенно наоборотъ. Въмѣсто десяти безграмотныхъ и безобразно составленныхъ листовъ, общество выиграло бы гораздо больше, если бы имѣло только пять или шесть серьезныхъ и безукоризненно составленныхъ газетъ. По нашему мнѣнію, плохой расчетъ основывать газету безъ достаточныхъ денежныхъ средствъ, такъ какъ это обрекаетъ газету на существованіе путемъ изворотливости и компромиссовъ, что, въ свою очередь, лишаетъ ее независимости“.

Въ другомъ мѣстѣ, въ томъ же номерѣ отъ 3 марта 1900 г. говорится: „Чтеніе газетъ распространяется теперь до самыхъ низшихъ общественныхъ слоевъ. Обращаемъ вниманіе редакторовъ на ту нравственную отвѣтственность, которую они принимаютъ на себя“.

Не смотря на правильность этихъ предупрежденій, указы-

вающихъ, что журналистика стала ремесломъ, заработкомъ для цѣлой толпы разночинцевъ, ищущихъ общественнаго положенія. Новыя изданія возникаютъ почти каждый мѣсяцъ. Въ особенности, журналы нарождаются цѣлыми роями, какъ микроскопическія мошки ранней весною. Японцы зовутъ ихъ „буйю“, и, по японскому двустипію, онѣ утромъ рождаются, чтобы вечеромъ умереть.

Для большаго ознакомленія съ японской печатью, думаю, не безынтересно будетъ перечислить названія главныхъ газетъ, съ поясненіемъ ихъ политической окраски, а также заглавія наиболѣе распространенныхъ журналовъ съ ихъ программой, не смотря на неблагозвучность этихъ заглавій для европейскаго уха.

Газеты.

- „Квампо“ (Государственныя извѣстія)—газета официальная.
- „Токио Нихи-Нихи“ (День за днемъ Токио)—оффиціозный органъ маркиза Ито.
- „Ийи-шимпо“ (Извѣстія времени)—независимая.
- „Юми-ури“ (Уличный крикунъ)—прогрессистская.
- „Кокуминъ“ (Народная)—независимая.
- „Нигонъ“ (Японія)—консервативная, сектантская.
- „Майнихи“ (Ежедневная)—прогрессистская.
- „Ииминъ“ (Народъ)—либеральная.
- „Кенсей“ (Конституціонное государство)—либеральная.
- „Юроцу-кого“ (Десять тысячъ столичныхъ новостей)—независимая.

„Кейга-ниппо“ (Столичный листокъ)—консервативная, партійная, покровительствуемая маркизомъ Ямагата.

Всѣ эти газеты издаются въ Токио. Сюда же можно присоединить „Гохи“, „Мийяко“, „Ямато“, „Ху“, „Нироку“ и „Шиннигонъ“. О послѣднихъ двухъ я скажу ниже, по поводу блестящей борьбы, которую онѣ ведутъ противъ открытой проституціи.

Провинціальныя газеты менѣе читаются и менѣе значительны, исключая „Азаги“ (Восходящее солнце) въ Осакѣ, „Гинодэ“ (Восходъ солнца) въ Кіото, „Кіуши-ниппо“ (Извѣстія кіуши) и нѣкоторые другіе.

Сатира и карикатура слабо представлены въ видѣ двухъ незначительныхъ еженедѣльных листковъ: „Мару-мару-шимбунъ“ и „Понхи“ (исковерканное слово *Punch*).

Истинный характеръ различныхъ газетъ выяснится на протяжении этого очерка. Но, *si licet parva componere magnis*, я иногда занимался сравненіемъ руководящихъ японскихъ газетъ съ таковыми же французскими. Если у кого-нибудь хватитъ любознательности и любопытства постигнуть тайну китайской или японской азбуки, то онъ увидитъ, что „Ийи-шимпо“ похожа на

степенную „Temps“, „Токио-нихи-нихи“ на „Débats“, „Майнихи“ на „Radical“, „Гороцу Хого“ на „Libre parole“, „Юми-ури“ на „Figaro“, „Асаги“ Осаки на „Dépêche de Toulouse“ и т. д.

III.

Ж у р н а л ы.

Количество періодическихъ журналовъ, ежемѣсячныхъ, двухъ и трехмѣсячныхъ, относится къ количеству газетъ какъ 5:1. Это не должно удивлять, потому что интересы борьбы политическихъ партій, обычная тема ежедневной печати, совершенно чужды массѣ японскаго народа, лишеннаго права всеобщей подачи голосовъ и прямого участія въ дѣлахъ государственнаго управленія. Журналы, касаясь вопросовъ жизни самого народа, его прошлаго, настоящаго и будущаго, а также важнѣйшихъ вопросовъ всего человѣчества, привлекаютъ весь грамотный людъ, который представляетъ теперь большинство и стремится расширить свои познанія, ограничивавшіяся до сего времени лишь матеріаломъ случайныхъ листковъ. Изъ этого не слѣдуетъ, что газеты имѣютъ меньше читателей, чѣмъ журналы; достовѣрно только, что, по изложеннымъ причинамъ, эти послѣдніе гораздо болѣе распространены здѣсь, чѣмъ во Франціи. Слѣшу прибавить, что большинство этихъ журналовъ, за нѣкоторыми рѣдкими исключеніями, очень незначительны по объему и баснословно дешевы, что также содѣйствуетъ ихъ широкому распространенію. Философскіе или научные журналы почти отсутствуютъ. Преобладаютъ журналы литературные, коммерческаго и общеобразовательнаго содержанія. Существуютъ также прекрасные журналы для дѣтей и для юношества. Многіе изъ нихъ иллюстрируются массою фотографическихкихъ видовъ всѣхъ частей свѣта.

Вотъ нѣкоторые изъ главнѣйшихъ журналовъ:

„Тайіо“ (Солнце) ежемѣсячный журналъ въ 160 стран. in—4°, со смѣшаннымъ содержаніемъ, трактуетъ о всевозможныхъ вопросахъ знанія и, сверхъ того, о политикѣ. Снабженъ прекрасными иллюстраціями и стоитъ всего 25 сеновъ—75 сантимовъ.

„Секаи но Нигонъ“ (Японія въ мірѣ) почти исключительно политической, издаваемый *Каитакуша*.

„Нигонъ-шуги“ (Японизмъ) политическій и научный, смѣшнаго шовинистскаго направленія.

„Тенхінъ“ (Вселенная) органъ независимый, философскій, научный, литературный и религіозный, инспирируемый католической миссіей въ Токио.

„Шакваи“ (Общество) трактуетъ обо всѣхъ политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ вопросахъ.

„Онна но томо“ (Другъ женщинъ) феминистскій журналъ,

занимающийся главнымъ образомъ домашнимъ и общественнымъ воспитаніемъ женщины.

„Бунген-курабу“ (Артистическій и литературный клубъ) печатаетъ только романы, какъ и его собрать „Шинсосегу“.

„Кюнку-иронъ“ (Кафедра образованія)—научное обозрѣніе.

„Ногіо-секаи“ (Земледѣльческій міръ).

„Шогіо-секаи“ (Коммерческій міръ).

„Тенкоку-бунгаку“ (Литература имперіи).

„Родо-секаи“ (Міръ работниковъ) органъ нарождающихся въ Японіи социалистовъ.

Часто издатели, для обезпеченія болѣе широкаго распространенія своему органу, прибѣгаютъ не только къ перемѣнѣ формата, обложки или къ какому-нибудь другому поверхностному видоизмѣненію, но даже къ перемѣнѣ и самого направленія,—что можетъ когда-нибудь плохо отразиться на обычномъ составѣ читателей и на самихъ журналахъ.

Такова въ цѣломъ исторія печати въ Японіи и настоящее ея положеніе. Нѣсколько замѣчаній о ея матеріальной организаціи, влияніи и свободѣ дополняютъ этотъ вопросъ.

IV.

Организація, редакція, печатаніе и продажа.

Мы на *Гинзѣ*, главной артеріи, ведущей отъ вокзала *Шимбаши* до моста *Кюбаши* и продолжающейся, то суживаясь, то расширяясь, подъ различными названіями до вокзала *Уэно* въ сѣверномъ концѣ столицы Японіи. *Гинза*—улица большихъ лавокъ, чередующихся съ *биру-галл*'ами (испорченное англійское beer hall) или кабачками, не имѣющими элегантности кафэ Севастопольскаго бульвара, и съ магазинами европейскихъ издѣлій, лучшими во всей имперіи. Тутъ же устроились три или четыре большихъ газеты, претенціозныя помѣщенія которыхъ плохо скрываютъ недостатокъ комфорта и денегъ.

На переднемъ фасадѣ ихъ домовъ гигантскою кистью наложено китайскими буквами названіе газеты. На стѣнахъ на уровнѣ глазъ прохожихъ вывѣшаны за рѣшотками самыя свѣжія новости дня. Этотъ примитивный способъ рекламы стоитъ дешево, прохаживающіе получаютъ даромъ кой-какіе обрывки новостей и рано или поздно отблагодарятъ за это. Войдемъ въ домъ. Бѣглый обзоръ ознакомитъ насъ со всѣмъ персоналомъ и механизмомъ большой газеты. Къ тому же, редакція и типографія соединены обыкновенно вмѣстѣ.

Вотъ редакціонный залъ, гдѣ каждое утро сходятся принимающіе участіе въ составленіи ежедневнаго листка. Современные журналисты являются одѣтыми въ болѣе или менѣе выдержан-

ный европейскій костюмъ. Разумѣется, циновки (татами) обыкновенныхъ домовъ въ этомъ залѣ замѣнены столами и стульями. Журналисты бросили также маленькую металлическую трубку ради ароматной сигаретки Кимура. Но ничто не можетъ замѣнить въ Японіи зеленого чая, если не считать пива лѣтомъ. Гдѣ нибудь въ сторонѣ на жаровнѣ стоитъ небольшой желѣзный котелокъ и рядомъ—неизбѣжный фарфоровый чайникъ съ маленькими чашечками. Заваренный съ утра чай въ теченіе дня разбавляется горячей водой по мѣрѣ надобности. Каждые четверть часа сотрудники наливаютъ себѣ по чашкѣ, величиною въ три орѣховыхъ скорлупы, и благодѣтельный напитокъ служитъ для нихъ такимъ же возбуждителемъ, какъ для французовъ кофе.

Главный редакторъ—*шигитсу* (первая кисть) составляетъ руководящія статьи—*шасетсу* по какому-нибудь очередному вопросу въ духѣ направленія газеты. Главнымъ редакторомъ бываетъ иногда политическій дѣятель или видный депутатъ: напр., *Шимадо Сабуро*, редакторъ „Манихи-шимбунъ“, былъ долго безсмѣннымъ лидеромъ радикальной партіи; *Токутоми Шоитиро* былъ редакторомъ „Когуминъ-шимбунъ“, органа наиболѣе серьезнаго и независимаго, до тѣхъ поръ, пока его не обвинили въ томъ, что онъ проданъ либераламъ. Часто главный редакторъ состоитъ въ тоже время и главнымъ акціонеромъ какого-нибудь предпріятія, имѣя наибольшее количество акцій; иногда же онъ одна изъ тѣхъ важныхъ особъ, которымъ поручается составленіе кабинета, какъ маркизъ *Ито*, редакторъ „Нихи-нихи“, и маркизъ *Ямагата* изъ „Рейгва-ниппо“. За главнымъ редакторомъ идутъ завѣдующіе отдѣлами, *киша*, на обязанности которыхъ лежитъ составленіе политическихъ статей и замѣтокъ по текущимъ дѣламъ.

На послѣднемъ планѣ стоятъ репортеры, *тампоша*, которые доставляютъ свѣдѣнія изъ полиціи о преступленіяхъ въ различныхъ городскихъ кварталахъ, о скандалахъ въ подозрительныхъ домахъ и другія мелкія извѣстія.

За помѣщеніемъ одобренныхъ статей, въ газетной рамѣ остается мѣсто для иллюстрированнаго фельетона, стихотвореній и страница для объявленій или рекламъ. Эти послѣднія служатъ источникомъ хорошаго дохода для тощей кассы газеты и иногда по своей наглости переходятъ всякіе границы... Рекламы объ излѣченіи извѣстныхъ болѣзней въ нашихъ газетахъ печатаются гдѣ нибудь въ уголкѣ; здѣсь же онѣ выставляются на первый планъ и печатаются жирнымъ шрифтомъ.

Нѣкоторыя газеты, на ряду со статьями на японскомъ языкѣ, пробуютъ давать одинъ столбецъ по англійски, какъ напр., „Юроцу-хого“; очень часто такая статья крайне плоха и написана какимъ-нибудь нуждающимся студентомъ.

Глядя на важныхъ, хорошо одѣтыхъ сотрудниковъ газеты, можно подумать, что съ ихъ кистей, вмѣстѣ съ китайской тушью,

течетъ золото, и что они получаютъ огромные оклады. Но это далеко отъ истины, потому что *первыя кисти* первыхъ газетъ въ Японіи получаютъ едва отъ 80 до 100 іеновъ въ мѣсяцъ, приблизительно 220—260 франковъ. Завѣдующіе отдѣлами довольствуются 30—60 іенами, т. е. 80—160 фран. въ мѣсяцъ; репортеры получаютъ еще меньше, 20—40 іеновъ; но имъ даютъ разъѣздныя. Японецъ довольствуется малымъ, лишь-бы только придать себѣ видъ джентельмена или чиновника. Дома онъ охотно питается нѣсколькими горстями риса и солеными овощами ради того, чтобы, выходя на улицу, надѣть красивое пальто, золотыя очки и имѣть въ карманѣ пахучій портсигаръ.

Каковъ умственный цензъ этихъ журналистовъ? За исключеніемъ нѣсколькихъ извѣстныхъ лицъ, большинство—бѣдняки, безъ всякой подготовки, поступили въ редакцію тотчасъ по выходѣ изъ лицея или университета, предчувствуя, что журналистика вскорѣ откроетъ имъ всѣ двери. Одинъ серьезный журналъ, „Теикоку-Бунгаку“, въ маѣ 1900 г., высказалъ пожеланіе, чтобы въ Токио открылась школа для редакторовъ, по образцу существующей въ Парижѣ и въ Берлинѣ, при этомъ онъ предлагаетъ принимать туда и молодыхъ дѣвушекъ. Изъ этого видно, что женскій вопросъ стоитъ на вѣрной дорогѣ въ странѣ, гдѣ онъ насчитываетъ еще и 20 лѣтъ своего существованія. Уже и теперь японки сотрудничаютъ въ маленькихъ педагогическихъ журналахъ, печатаютъ фельетонные романы, но отъ этого еще далеко до возможности видѣть ихъ настоящими журналистами.

Идея о святости и могуществѣ печати легко утвердилась въ умахъ нашихъ юныхъ журналистовъ, и одинъ изъ нихъ *Матсумото-Кумпекъ*, пораженный словами одного изъ членовъ англійской Нижней палаты: „вотъ четвертое сословіе, несравненно болѣе сильное, нежели духовенство, дворянство и народъ“, поспѣшилъ обнародовать книгу, подъ заглавіемъ „Шимбунъ-гаку“—наука о газетѣ (320 стр., книгоиздательство *Гакубункванъ* въ Токио). Издатель этой книги говоритъ ни болѣе ни менѣе: „Дѣйствительно, духовенство, дворянство и третье сословіе принуждены склониться передъ журналистомъ, какъ передъ ученымъ, пророкомъ, законодателемъ и спасителемъ міра“! Наши европейскіе собратья врядъ-ли когда цѣнили себя такъ высоко. Я знакомъ съ этой книгой только по заглавію и по имени автора. Но, судя по именамъ написавшихъ предисловіе къ ней: *Шимадо-Сабуро*, *Сугаматсу-Кениш*, *Тагухи*, *Митаке* и *Азагима*, она должна имѣть большое значеніе.

Если изъ залы редакціи мы перейдемъ въ типографію, то увидимъ очень оригинальную картину. Японскій наборщикъ—это командиръ маленькаго батальона. Подъ его командой находится группа дѣтей, въ возрастѣ отъ 10 до 15 лѣтъ. Какъ рой осъ вокругъ гнѣзда, летаютъ они взадъ и впередъ, мурлыча или

напѣвал про себя гнусавымъ голосомъ названіе буквъ, которыя они должны отыскать въ одной изъ десяти тысячъ кассъ. Надо замѣтить, что у японцевъ нѣтъ собственнаго алфавита и для печати они употребляютъ китайскія буквы. Въ числѣ приблизительно 9,500, онѣ разложены въ порядкѣ по извѣстнымъ знакамъ, называемыхъ корнями. Кромѣ того, 200 или 300 кассъ собственно японскихъ буквъ, *Ката-кана* и *Гира-кана*, въ томъ числѣ 48 слоговъ, которые употребляются въ четырехъ или пяти различныхъ комбинаціяхъ. Понятно, что при такой массѣ кассъ, одинъ человѣкъ употребилъ бы цѣлый день для набора одной страницы, и дѣйствительно необходима армія юркихъ помощниковъ для выполненія работы. Къ счастью для газеты, эти рабочія руки поразительно дешевы. Лучшій наборщикъ получаетъ едва 40—50 сеновъ (1—1½ фр.) въ день. Что же касается дѣтей, собирателей буквъ, то они работаютъ изъ-за хлѣба, и только старшіе изъ нихъ получаютъ еще около 7—8 фр. въ мѣсяцъ.

Отсюда понятно, почему газеты такъ легко возникаютъ и продаются по дешевой до смѣшного цѣнѣ, не смотря на относительно слабое ихъ распространеніе. Бумага очень дешева, печатаніе также, наборъ почти ничего не стоитъ, а жалованье разныхъ редакторовъ крайне ничтожно. Въ провинціяхъ сплошь и рядомъ всѣ функціи по отношенію къ газетѣ исполняютъ сами члены редакціи. Такъ, мнѣ пришлось быть въ помѣщеніи одной газеты въ городѣ Кофу. Въ нижнемъ этажѣ находились двѣ или три ручныя машины. Съ боку подъ рядъ стояли безчисленные наборныя кассы. По лѣстницѣ, болѣе чѣмъ примитивнаго устройства, я поднялся въ слѣдующій этажъ, нѣчто вродѣ палатей, и очутился въ редакціонномъ залѣ. Здѣсь сидѣли человѣка четыре или пять, которые поочередно исполняли обязанности редакторовъ, репортеровъ и корректоровъ. Правда, газетка была всего въ четыре страницы и печаталась въ 1500 экземплярахъ.

Большинство большихъ газетъ имѣетъ не менѣе шести страницъ; нѣкоторыя доходятъ до 10 и даже до 12. Эти 12 страницъ въ розничной продажѣ стоятъ 2 сена, т. е. немного больше 5 сантимовъ. „Ии-Шимпо“ въ мѣсяцъ стоитъ 50 сеновъ, 1 фр. 30 сант. Газеты меньшаго значенія продаются по одному сену въ розницу и 25 сеновъ въ мѣсяцъ. Но распространеніе даже самыхъ популярныхъ газетъ ничто въ сравненіи съ распространеніемъ французскихъ или американскихъ органовъ. Говорятъ, что уличная газета „Юроцо-Хого“ въ Токио, благодаря своимъ язвительнымъ статейкамъ, сплетнямъ и разнымъ извѣстіямъ, расходуется въ 100,000 экземплярахъ. Въ Японіи у нея есть только одна соперница, „Азаги“, въ Озакѣ. Солидныя газеты въ Токио расходятся въ количествѣ 20 — 50,000 экз. Провинціальныя органы имѣютъ еще меньшій сбытъ, и я часто удивлялся, какъ они существуютъ. Очень немногія ежедневныя газеты могутъ

оплачивать экстраординарные извѣстія о какихъ-нибудь мировыхъ событіяхъ, въ родѣ Китайской войны или Парижской выставки. Нѣкоторые, однако, послали своихъ представителей на выставку, о которой они давали не совсѣмъ лестные отзывы, вѣроятно, чувствуя себя обиженными, когда увидѣли, что ихъ страна не во всемъ еще опередила другія страны. „Ийи-Шимпо“, руководимая *Фукузова-Юкихи*, и *Iapan-Times*, печатающаяся исключительно на англійскомъ языкѣ, хотя и японцами, имѣютъ спеціальныя договоры съ агентствомъ Рейтера, Гаваса и др., благодаря чему все, что совершается въ Европѣ или въ Америкѣ, въ Японіи извѣстно уже черезъ 48 часовъ. Телеграммы эти тотчасъ же перепечатываются остальными газетами.

Доходы журналовъ еще менѣе обезпечены. „Кукушка“—*Готомизу*, журналъ довольно интересный, въ послѣднемъ номерѣ говоритъ,—что, принимая на себя изданіе журнала, приходится чуть-ли не жертвовать жизнью. И я, дѣйствительно, слышалъ, что ни одинъ журналъ не окушаетъ своихъ расходовъ.

Продажа газетъ и журналовъ производится при посредничествѣ большихъ компаній, которыя оплачиваютъ впередъ каждый номеръ по рину (около $\frac{2}{5}$ сентима). Это избавляетъ читателей отъ неудобствъ непосредственной подписки на журналъ или газету, за то для издателей остается неизвѣстнымъ число ихъ подписчиковъ. Конечно, продажа по номерамъ менѣе рискована для издателя, но разносчики по домамъ и оборванные уличные крикуны, оплачивая впередъ свой дешевый товаръ, едва зарабатываютъ себѣ на пропитаніе. Единственную выгоду извлекаютъ они отъ продажи номеровъ *гогваи*, или прибавленій, потому что на ихъ долю достается половина чистаго барыша отъ сбыта этихъ четырехугольныхъ бумажныхъ доскутковъ, которые они продаютъ по *сену*, какъ большія газеты. Съ наступленіемъ ночи въ большихъ городахъ на разные лады раздаются выкрикиванія: *Гогваи, гогваи!* точно воскресли старинныя *йоми-ури*. Заунывный звонъ колокольчика сопровождаетъ эти завыванія. Но *гогваи-ури* не останавливаются на перекресткахъ, какъ когда-то дѣлали ихъ предки. Ихъ приходится догонять, чтобы купить листокъ. Вотъ онъ въ вашихъ рукахъ, вы разворачиваете его съ волненіемъ возбужденнаго любопытства: навѣрно, сегодня сообщается о паденіи министерства, объ окончаніи трансваальской войны, о смерти какого-нибудь государя, и вдругъ наталкиваетесь на ничтожный разсказъ. Восемь разъ изъ десяти ошибаешься такимъ образомъ, а любопытство все не уменьшается.

V.

Могущество японской печати.

Могущество печати вообще зависитъ отъ того, что, создавая „общественное мнѣніе“, она становится его господиномъ и руководитъ имъ по своему усмотрѣнію. Общественное же мнѣніе, по японски *йоронъ* — не только разумъ всѣхъ, но и воля большинства, взятая въ совокупности. На ограниченномъ пространствѣ газетъ приходятъ въ столкновение всѣ общественные и частные интересы, борются страсти, истины и нелѣпости, и въ этомъ столкновеніи и борьбѣ проявляется общественная совѣсть. Все, что было разъединено, стояло отдѣльно другъ отъ друга, стремится облизиться, слиться, и мало-по-малу создается колоссальная общая воля, выраженіе которой находитъ себѣ мѣсто на знамени, какимъ является для общества газета. Съ этого момента газета становится грозной силой. Это великая трибуна, къ подножію которой направляется всякая борьба и съ которой отнынѣ долженъ считаться всякій деспотизмъ. Такимъ образомъ, легко понять, что въ современномъ мірѣ народъ, лишенный газетъ, есть народъ мертвый, скованный во всѣхъ проявленіяхъ своихъ способностей и энергій.

Юная Японія, стремясь гигантскими шагами къ современному прогрессу, ко всякаго рода свободѣ, должна была прежде всего развить у себя печать. Мы видѣли, какъ она это сдѣлала. Удивительнѣе всего, что эта печать сразу, безъ всякой борьбы заняла то положеніе, въ какомъ находится теперь, не смотря на вѣковой деспотизмъ, подъ которымъ томилаcь страна. Впослѣдствіи я возвращусь еще къ этому вопросу. Теперь же ограничусь указаніями на нѣкоторыя фактическія данныя относительно вліянія японской журналистики на почвѣ политическихъ, нравственныхъ и религіозныхъ вопросовъ, а также на всю социальную и экономическую жизнь.

Революція 1868 года, поставившая вновь императора во главѣ правительства, имѣла въ политическомъ смыслѣ гораздо меньше значенія, чѣмъ это можно думать. Свергнутыхъ *Токугава* замѣстили роды *Сатсума* и *Нагато*, которые сдѣлались приближенными императора и иногда поддерживались, а иногда и свергались фамиліями *Тоза* и *Гицэнъ*. Названія титуловъ и должностей были измѣнены, касты уничтожены, но правительство осталось то же, и до послѣднихъ лѣтъ власть находилась въ рукахъ нѣсколькихъ могущественныхъ вассаловъ и ихъ креатуръ. Народъ не протестовалъ и могъ только молчать и покоряться тому, что ему навязывали.

Около этого времени на политической аренѣ появились графъ *Итагаки* и графъ *Окума*, истинные вожди народнаго движенія. Пользуясь большимъ вліяніемъ, они постепенно заставили признать необходимость права народа на участіе въ государственной жизни. Больше двадцати лѣтъ они боролись неослабно за торжество народной партіи *минто*, надъ партіей, стоявшей у власти—*бамбатсу*. Добившись мало-по-малу образованія своихъ партій, *Итагаки*—либеральной, *Окума*—прогрессивной, они основали газеты и клубы, чтобы подготовить общественное мнѣніе къ измѣненію конституціи. И можно смѣло сказать, что новая конституція, провозглашенная въ 1889 г. и дѣйствующая до сихъ поръ, есть дѣло ихъ рукъ. „Ію-шимбунъ“ (Свобода), „Кайшинъ-шимбунъ“ (Прогрессъ преобразованій) и масса другихъ газетъ, возникшихъ вслѣдъ за этими двумя пионерами, боролись такъ удачно, что самый видный политическій дѣятель Японіи, маркизъ *Ито*, глава настоящаго кабинета, предвидя окончательную побѣду народной партіи, уже давно старался сблизиться то съ либералами, то съ прогрессистами и въ концѣ концовъ совершенно покинулъ правительство знатныхъ, *бамбатсу-сейфу*. Припоминаю страстные нападки всей печати на это правительство зажившихся старцевъ, которымъ давно уже пора на покой, много язвительныхъ замѣчаній по адресу новаго дворянства и смѣшныхъ претензій новыхъ сановниковъ.

Благородные защитники человѣческаго достоинства и народныхъ правъ достигли полнаго триумфа, когда маркизъ *Ито*, первое лицо въ государствѣ, сложилъ къ ногамъ императора всѣ знаки своихъ отличій, всѣ дворянскіе титулы и, сдѣлавшись простымъ депутатомъ, сталъ во главѣ огромной народной партіи, гдѣ всѣ таланты и лучшія стремленія, каково-бы ни было ихъ происхожденіе, всегда находятъ себѣ приложеніе и мѣсто. Это было три года тому назадъ; время, оказалось не подходящимъ для отставки маркиза *Ито*, и императоръ не согласился освободить его. Въмѣсто того, для удовлетворенія народной партіи, онъ поручилъ *Итагаки* и *Окума* составить новый кабинетъ. Лидеромъ прогрессивной партіи сдѣлался *Озаки Юкіо*, и, такимъ образомъ, въ первый разъ среди министровъ очутился старый провинціальный журналистъ. Но либералы и прогрессисты—не сіамскіе близнецы: соединяясь для борьбы съ общимъ врагомъ, аристократическимъ правительствомъ, они, внѣ этой борьбы, готовы уничтожить другъ друга. *Озаки Юкіо* имѣлъ несчастье заговорить однажды съ чисто теоретической точки зрѣнія о возможности республики въ Японіи. Среди либераловъ, добивавшихся его мѣста, поднялся страшный шумъ, его обвинили въ оскорбленіи величества, въ преступленіи противъ священной особы императора. *Озаки Юкіо* палъ, но въ своемъ паденіи увлекъ весь кабинетъ. Старыя развалины *Сатсума* и *Хошю* вмѣстѣ съ

Ямагатой стали вновь у власти. Въ прошломъ октябрѣ, судя по газетнымъ извѣстіямъ, упорный маркизь *Ито* добился, наконецъ, образованія большой народной партіи, *сейюкван*, въ составъ которой вошли либералы, націоналисты и нѣкоторые изъ прогрессистовъ, какъ *Озак* *Юкио*. Ему же поручено было сформировать кабинетъ и замѣстить уволеннаго *Ямагату*. На этотъ разъ стала у власти дѣйствительно народная партія, потому что всѣ министры, за исключеніемъ военнаго и морского, вышли изъ среды борцовъ за свободу.

Было-бы слишкомъ долго перечислять всѣ политическія побѣды, одержанныя съ помощью печати. Можно съ достовѣрностью сказать, что въ настоящее время ни одна важная реформа, ни одна значительная перемѣна въ политикѣ не обходится безъ инициативы со стороны печати, или безъ ея поддержки. Я упоминалъ о нападкахъ на титулы дворянства, долженъ прибавить: и на дворянъ, которые ихъ унижаютъ. Личности не щадятся, и если нѣкоторые дворяне исключены изъ своего сословія, то этимъ они всецѣло обязаны нескромнымъ разоблаченіямъ газетъ.

Другой, болѣе энергичный походъ былъ предпринятъ одной газетой года три—четыре назадъ противъ распространеннаго конкубината. Въ то время, какъ умѣренная „*Ии-шимпо*“, поддерживаемая ежедневной и періодической печатью, старалась доказать, что замаскированная полигамія японцевъ—позоръ для страны и цивилизаціи вообще, ея пылкій товарищъ „*Гороцу-хого*“ стала нападать прямо на отдѣльных лицъ, разоблачая имена и частную жизнь. Ежедневно на ея страницахъ появлялся портретъ того или другого виднаго дѣятеля, котораго она обвиняла въ томъ, что онъ у себя на квартирѣ или въ городѣ содержитъ одну или нѣсколько наложницъ. Не думайте, что доносчика преслѣдовали судомъ за диффамацию. Напротивъ, нѣкоторые изъ тѣхъ, которые не попали въ эту своеобразно-почетную галерею, жаловались, что имъ нанесли тяжкое оскорбленіе, предполагая, что у нихъ нѣтъ достаточно средствъ, чтобы содержать нѣсколько женщинъ заразъ.... Тѣмъ не менѣе „*хикушо-мондаи*“, вопросъ о конкубинатѣ, стоялъ на очереди въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и я не сомнѣваюсь, что здоровая мораль приобрѣла нѣсколько новыхъ приверженцевъ. Такъ, хотя съ незапамятныхъ временъ императоръ имѣетъ право обладать дюжиной женъ второго разряда,—наслѣдныи принцъ, рожденный одною изъ такихъ второстепенныхъ женъ и женившійся въ 1900 году, повидимому, уже желаетъ придерживаться обычая цивилизованныхъ странъ и не имѣть больше одной жены. Ему не придется даже ссылаться на безплодіе будущей императрицы, чтобы оправдать свое многоженство, такъ какъ по послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ молодая женщина подарить странѣ наслѣдника *Иимудъ-Теуно*, надежду Японіи.

Проповѣдь моногаміи—излюбленная тема стараго *Фукузава-*

Юкиги, который вообще много сдѣлалъ для улучшенія нравовъ своей страны въ европейскомъ смыслѣ. Этотъ добродушный старикъ и философъ не проповѣдуетъ строгой морали, непонятной еще для слишкомъ грубыхъ умовъ, но рекомендуетъ сохранять приличіе и достоинство передъ низшими: добродѣтель придетъ потомъ сама собой. Его сотрудники изъ „Ии-шимпо“, вмѣстѣ съ профессорами его университета *Кейо-гійякиу*, предпринимали нѣсколько разъ путешествія по странѣ, съ цѣлью популяризаціи въ народѣ, новыхъ европейскихъ понятій о нравственности, взаимны узкихъ теорій Конфуція и Будды. Повидимому, успѣхъ ихъ растеть день ото дня.

Послѣдній годъ былъ также свидѣтелемъ интересной борьбы, предпринятой всѣми независимыми газетами противъ листовъ, подкупленныхъ бонзами, недовольными новымъ проектомъ закона о религіяхъ. Проектъ проникнутъ духомъ истиннаго либерализма и безпартійности и долженъ уравнивать всѣ религіи. Бонзы, естественно, противъ него. Владѣя если не душою народа, то значительными матеріальными средствами, они желали бы исключительнаго закона, который покровительствовалъ бы только восьми буддѣйскимъ сектамъ, съ ихъ 80.000 священниковъ и 100.000 храмовъ въ Японіи. Чего только они ни предпринимали, чтобы объявить буддизмъ господствующей религіей, и все напрасно, благодаря удивительно единодушному противодѣйствію печати, разоблачавшей ихъ безстыдное поведеніе, ихъ пороки и невѣжество. Попробовали они провести билль о специальномъ покровительствѣ своей братіи, но и тутъ провалились. Благодаря золоту и хлопотамъ, имъ удалось только отложить разсмотрѣніе проекта до слѣдующей сессіи. Можно поздравить японскую журналистику, что она не уступила фанатизму и разрушила идеи, которыя были-бы анахронизмомъ въ XX вѣкѣ.

Другой вопросъ, въ которомъ печать всегда дѣйствовала какъ одинъ человѣкъ,—это вопросъ о повышеніи уровня умственнаго, нравственнаго и общественнаго развитія японскихъ женщинъ. Голосъ печати услышанъ, и каждый день замѣчается прогрессъ въ улучшеніи участи женщинъ, которыхъ до сихъ поръ считали за ничто. Слѣдовало бы коснуться этого вопроса болѣе подробно, но размѣры моего очерка не позволяютъ этого сдѣлать; отмѣчу только достойное глубокаго уваженія поведеніе всѣхъ газетъ въ вопросѣ о реформѣ публичной проституціи.

Публичныя женщины были до сихъ поръ настоящими рабынями, не имѣвшими даже права покинуть ту яму, куда бросила ихъ жадность и корыстолюбіе ихъ родителей. Онѣ закабалались своимъ позорнымъ ремесломъ до окончательной уплаты долговъ, которые никогда не погашались, и законъ не былъ на ихъ сторонѣ. Въ прошломъ мартѣ въ Нагойа нашелся одинъ независимый и развитой судья, оправдавшій одну изъ такихъ несчастныхъ, ко-

торая не въ силахъ была больше терпѣть и убѣжала изъ притона. Основанія такого рѣшенія были по истинѣ достойны великихъ гуманныхъ принциповъ, освободившихъ французское общество въ 1789 году. Печать защищала судью очень энергично и мало по малу завоевала общественныя симпатіи. Дѣло на столько подвинулось впередъ, что Армія Спасенія, которая считаетъ позволительными всякія рѣзкія выходки, выдумала своеобразный крестовый походъ противъ разврата.

Въ одинъ прекрасный день батальоны Арміи наводнили кварталы публичныхъ домовъ въ Гахюи (городъ съ 30 тыс. жителей въ 40 килом. на западъ отъ Токио). Раздались громовыя рѣчи противъ содержателей притоновъ, призывая къ свободѣ бѣдныхъ рабынь, изнывающихъ въ нихъ помимо собственной воли. Произшли кровопролитныя драки, но дѣло было затѣяно и пошло въ ходъ. За него ухватилась печать. Нѣкоторые журналисты, особенно изъ газетъ „Нироку“ и „Шіу-Нигонъ“, поплатились даже собственными боками, явившись съ требованіемъ выдачи дѣвухъ, которыя, какъ имъ было извѣстно, хотѣли бѣжать. Волненія продолжались до тѣхъ поръ, пока министерство совершенно не измѣнило закона о положеніи этихъ несчастныхъ. Нынѣ вопросъ этотъ окончательно рѣшенъ: ужасные дома, заставлявшіе содрогаться всѣхъ, кто ихъ видѣлъ, мало по малу пустѣютъ. Честь и слава въ этой побѣдѣ по праву принадлежитъ японской печати, игравшей въ этомъ дѣлѣ первую роль. Несомнѣнно, она добьется и полного уничтоженія публичной проституціи, что упорно преслѣдуется нѣкоторыми газетами, между которыми главное мѣсто занимаетъ „Манихи-шимбунъ“, руководимая графомъ *Окума*.

Но всякая борьба ведетъ и къ эксцессамъ. Несдержанность „кисти“ встрѣчается нерѣдко среди японской журналистики. Иногда нѣкоторыя газеты избираютъ себѣ даже спеціальностью диффамацию. Пальма первенства въ этомъ направленіи принадлежитъ „Гороцхого“. Приведу образчикъ ея любезностей по адресу маркиза *Ито* въ октябрѣ 1900 года: „Давно уже *Ито* получилъ приказаніе сформировать министерство; но онъ всеказывается больнымъ и не двигается съ мѣста. Обезпокоенный императоръ время отъ времени посылаетъ къ нему придворнаго доктора, съ совѣтомъ лѣчиться, а между тѣмъ въ это время хозяйки квартиръ для свиданій, танцовщицы и даже публичныя женщины являются къ нему въ домъ. Маркизь безстыдно погрузился во всѣ излишества пьянства и роскоши. Если-бы нѣчто подобное случилось въ Европѣ, такой человѣкъ не только не могъ-бы занимать видное политическое положеніе, но съ нимъ поступили-бы, какъ съ самымъ послѣднимъ мужикомъ“... и т. д.

Очевидно, кисти, хотя бы изъ барсучей шерсти, могутъ быть такъ же остры, какъ и наши стальные перья. Уважающіе себя органы избѣгаютъ такихъ рѣчей и единодушно порицаютъ газету,

которая, желая вліять на общество, прежде всего прицѣливается въ спину ближняго.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о свободѣ печати въ Японіи.

VI.

Свобода печати.

Законы о печати до 1897 года были очень строги и суровы. Малѣйшія нападки на членовъ правительства, на политику кабинета не пропускались цензурой, и газета часто закрывалась. Но въ этой странѣ упорнаго преслѣдованія цѣлей неминуемо должна восторжествовать всякая свобода. Въ 1897 году свобода печати была объявлена и вотирована обѣими палатами. Осталось только три исключенія, которыя даютъ просторъ произволу, но на дѣлѣ совсѣмъ не стѣсняютъ журналистовъ, хотя и мало привыкшихъ къ европейской смѣлости. Всякое оскорбленіе императорской фамиліи, всякое порицаніе существующихъ учреждений, покушеніе противъ нравственности или противъ общественнаго спокойствія—суть преступленія, подлежащія карѣ. Кромѣ того, министры военный и морской имѣютъ право запретить печатать документы, могущіе компрометтировать національную оборону.

Первое преступленіе самое важное. Коснуться священной особы императора или членовъ его семьи (*кошицсу*— царская комната) японцу и въ голову не приходило нѣсколько лѣтъ назадъ. Но разъ регламентировали наказаніе—значить признали возможность совершенія проступка, и эта возможность серьезнѣе, чѣмъ могли предполагать сами составители закона. Въ самомъ дѣлѣ: императоръ представитель старой династіи, насчитывающей 2.500 лѣтъ, отпрыскъ богини солнца (*Аматеразу о миками но микато*), сынъ солнца, словомъ, *Тенши*. И японцы, проникнутые этой мыслью изъ поколѣнія въ поколѣніе, обожаютъ его, какъ божество, если не любятъ, какъ отца. Даже, когда они говорятъ о немъ, то обязаны употреблять разныя гиперболы и метафоры, возвышающія какъ само божество, такъ и престижъ его власти.

Такимъ образомъ, если-бы какой нибудь журналистъ случайно, говоря объ императорѣ, употребилъ обыкновенныя выраженія разговорнаго языка и глаголы въ простыхъ формахъ, то онъ былъ бы обвиненъ въ измѣнѣ и подвергся преслѣдованію за оскорбленіе величества. Въ моихъ странствованіяхъ по редакціямъ японскихъ газетъ мнѣ приходилось слышать рассказы о невольномъ оскорбленіи величества, часто вслѣдствіе ошибочно поставленной наборщикомъ буквы. Мнѣ, напр., рассказывали, что въ какой-то газетѣ невнимательный или безграмотный наборщикъ вмѣсто знака, который произносится *хин*—я, когда императоръ говоритъ о самомъ себѣ, поставилъ другую букву. Издатель га-

зеты былъ тотчасъ же арестованъ; его подвергли продолжительному допросу и чуть-чуть не поступили, какъ съ тяжкимъ преступникомъ.

Понятно также, почему газеты не должны даже намекать на возможность другой формы правленія. Чисто теоретическое разсужденіе о преимуществѣ республиканскаго образа правленія было-бы истолковано, какъ покушеніе на власть императора.

Впрочемъ, японскіе знаки, выражающіе цѣлую идею, легко подчиняются всякому капризу писателя, и этотъ образный языкъ, менѣе грубый, чѣмъ латинскій, напримѣръ, способенъ къ большей выразительности. Если какое нибудь собственное имя оказывается неудобнымъ для печати, то его замѣняютъ количествомъ ничего не выражающихъ знаковъ, соотвѣтствующимъ числу буквъ имени: принципъ сохраненъ, цензура придаться не можетъ, но всѣ понимаютъ, о комъ идетъ рѣчь.

Года три уже, какъ цензура стала довольно благосклонной. Тѣмъ не менѣе, когда она находитъ что нибудь противозаконное по ея мнѣнію, она запрещаетъ преступный номеръ и привлекаетъ виновнаго къ судебной отвѣтственности. Въ ожиданіи судебного приговора газета приостанавливается на семь дней. По приговору суда газета можетъ быть совсѣмъ закрыта и всѣ типографскія принадлежности конфискованы. Существуютъ и болѣе легкія наказанія. Оскорбленія въ печати караются штрафомъ отъ 500 до 1.500 фр. и заключеніемъ въ тюрьмѣ отъ одного мѣсяца до двухъ лѣтъ.

Но правосудіе и въ Японіи обрушивается не на издателя газеты, а на особое лицо, единственная обязанность котораго состоитъ въ томъ, чтобы отвѣчать передъ цензурой и отсиживать въ тюрьмѣ. Это—мнимый „главный издатель“—*генъ-гунинъ*, „подставное лицо“ или „отвѣтственный редакторъ“ нашихъ газетъ.

Свобода печати—несомнѣнный прогрессъ Японіи, если вспомнить, что еще такъ недавно здѣсь господствовалъ феодальный строй. Я убѣжденъ, что наступитъ день, когда печать добьется отвѣтственности кабинета не только передъ императоромъ, но и передъ Палатой, избранной всеобщей подачей голосовъ. Всѣ эти вопросы часто ставились на судъ общественнаго мнѣнія, разбирались въ газетахъ и журналахъ. Они совершаютъ свой путь медленно, шагъ за шагомъ, какъ неутомимые пилигримы съ далекихъ окраинъ страны, перебирая свои четки, бредутъ къ священной вершинѣ Фудзіама...

Образовательный цензъ земскихъ начальниковъ.

(Статистическая замѣтка*).

Земскіе начальники введены въ настоящее время въ тридцати шести губерніяхъ Европейской Россіи. Губерніи эти, съ показаніемъ въ скобкахъ числа участковъ въ каждой изъ нихъ, суть слѣдующія: астраханская (28), бессарабская (43), владимірская (52), вологодская (26), воронежская (67), вятская (87), екатеринославская (55), казанская (64), калужская (47), костромская (52), курская (73), московская (52), нижегородская (52), новгородская (59), олонекская (21), оренбургская (41), орловская (63), пензенская (50), пермская (106), полтавская (79), псковская (42), рязанская (60), самарская (79), с.-петербургская (38), саратовская (76), симбирская (47), смоленская (55), таврическая (38), тамбовская (81), тверская (62), тульская (57), уфимская (69), харьковская (68), херсонская (60), черниговская (72) и ярославская (41). Общее количество участковъ равно 2062. Къ 1-му марта 1900 года 50 участковъ были вакантны. Изъ наличнаго числа 2012 земскихъ начальниковъ о 32 не имѣется свѣдѣній относительно образованія (1,09%), остальные же получили образованіе въ самыхъ разнообразныхъ учебныхъ заведеніяхъ, между которыми на первомъ планѣ стоятъ учебныя заведенія военнаго вѣдомства.

Число земскихъ начальниковъ, бывшихъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, равно 880, что составляетъ 43,74% на общее число всѣхъ, о коихъ имѣются свѣдѣнія. По отдѣльнымъ учебнымъ заведеніямъ это количество распределяется слѣдующимъ образомъ: (въ скобкахъ приведены числа не окончившихъ курсъ): въ академіи генеральнаго штаба 6, въ военно-юридической, инженерной 7 (2), въ военныхъ училищахъ 316 (2), въ юнкерскихъ училищахъ 313 (3), въ кадетскихъ корпусахъ, военныхъ гимназій и дворянскомъ полку 197 (17), въ пажескомъ корпусѣ 34 (1), въ бывшемъ училищѣ военныхъ аудиторовъ 1, въ московской учительской семинаріи военнаго вѣдомства 2, въ школахъ военныхъ

*) Списокъ лицъ, служащихъ по вѣдомству Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ губерніяхъ, областяхъ и градоначальствахъ на 1900 годъ, по 1-ое марта. Часть II. Спб., 1900.

топографовъ 1. Сюда же причислены 2, сдавшихъ экзаменъ на офицера, и одинъ, выдержавшій экзаменъ на вольноопредѣляющагося 3-го разряда.

Въ университетахъ получали образованіе 473 (50) человекъ, въ лицеяхъ—демидовскомъ, александровскомъ, нѣжинскомъ, цесаревича Николая, филологическомъ институтѣ 56 (4), въ бывшей медико-хирургической, а теперь военно-медицинской академіи 7 (1), въ прежней петровской сельско-хозяйственной и въ теперешнемъ сельско-хозяйственномъ московскомъ, а также въ ново-александрійскомъ институтѣ 31 (3), въ училищѣ правовѣдѣнія 25 (8), въ ветеринарныхъ институтахъ 19 (1), въ лѣсномъ институтѣ 10, въ горномъ 5 (2), въ лазаревскомъ 4, въ константиновскомъ межевомъ институтѣ 16, въ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ (технологическій, институтъ инженеровъ путей сообщенія, московское техническое училище и пр.) 21 (3), въ духовныхъ академіяхъ 10, въ гимназіяхъ 175 (62), въ реальныхъ училищахъ 80 (11), въ духовныхъ семинаріяхъ 28 (8), въ учительскихъ институтахъ 3, въ коммерческомъ училищѣ 4, въ учительской семинаріи 1, въ земледѣльческихъ училищахъ 9, въ уѣздныхъ училищахъ 47, въ духовныхъ училищахъ 1, въ училищѣ дѣтей канцелярскихъ служителей 3, въ таксаторскихъ землемѣрныхъ классахъ 8, въ академіи художествъ 1, въ московскомъ училищѣ живописи, ваянія и зодчества 1, въ консерваторіи 1 (курса не кончилъ). Кромѣ того, одинъ имѣетъ степень провизора, двое выдержали экзаменъ по курсу восточныхъ языковъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, одинъ имѣетъ свидѣтельство о выдержаніи экзамена на званіе младшаго землемѣрнаго помощника, 43 значатся получившими домашнее образованіе и 13—учившимися въ частныхъ пансіонахъ и училищахъ безъ указанія разряда послѣднихъ.

Изъ представленнаго видно, что если не считать низшихъ народныхъ училищъ, почти нѣтъ ни одного разряда учебныхъ заведеній, который не выпустилъ бы изъ своихъ стѣнъ лицъ, занявшихъ впослѣдствіи должность земскаго начальника. Преобладаніе военного образованія легко объясняется, съ одной стороны, сословнымъ составомъ интересующаго насъ института, а съ другой,—традиціями дворянской службы „на полѣ брани“. Въ частности обращаетъ на себя вниманіе малое количество лицъ, не окончившихъ курса въ военныхъ и юнкерскихъ училищахъ, служащихъ, какъ видно изъ представленныхъ цифръ, главными разсадниками будущихъ земскихъ начальниковъ. Тогда какъ университеты, гимназіи, реальные училища, даже кадетскіе корпуса выпускаютъ изъ своихъ стѣнъ отъ 10 до 35% не окончившихъ курса, въ военныхъ и юнкерскихъ училищахъ послѣдніе составляютъ только 0,8%.

Положеніе о земскихъ начальникахъ (ст. 6) первыми канди-

датами на занятіе должностей ставить лицъ, прослужившихъ не менѣе трехъ лѣтъ въ должности предводителей или депутатовъ дворянства. Количество лицъ этой категоріи не могло быть особо значительнымъ при среднемъ числѣ 5 — 6 участковъ на каждый уѣздъ (2062 земскихъ начальника на 363 уѣзда). Вторыми кандидатами являются мѣстные дворяне, кончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ или прослужившіе въ должности мирового посредника, судьи, непремѣннаго члена не менѣе трехъ лѣтъ. Для этихъ лицъ высшее образованіе или прежняя служба являются, по положенію, какъ бы возмѣщеніемъ недостачи земельного ценза: они могутъ быть назначены земскими начальниками при владѣніи землей въ половинномъ размѣрѣ земскаго ценза (дающаго права участія въ земскомъ избирательномъ собраніи). Статья 7-я „положенія о земскихъ начальникахъ“, предвидя могущій быть недостатокъ заполнения всѣхъ мѣстъ и лицами второй категоріи, въ третью очередь ставить лицъ, кончившихъ среднее учебное заведеніе, но уже обладающихъ полнымъ земскимъ цензомъ. И, наконецъ, въ четвертую очередь идутъ лица съ высшимъ образованіемъ, хотя бы и не обладающіе обширными земельными угодіями, но еще сохранившіе усадьбу „въ предѣлахъ подлежащаго участка“. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ бы не нашлось достаточнаго количества переименованнаго персонала, министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется замѣненіе вакантныхъ должностей дворянами другихъ уѣздовъ или губерній изъ числа получившихъ высшее образованіе (ст. 15). Въ особенности это правило распространяется на губерніи астраханскую, вятскую, олонеккую, пермскую и на вельскій и тотемскій уѣзды вологодской губерніи*) (ст. 16).

Группируя приведенныя выше цифры по разрядамъ учебныхъ заведеній, мы узнаемъ, что среди теперешняго состава земскихъ начальниковъ законченное высшее образованіе получили 620 человекъ (30,80%), законченное среднее — 1061 (52,73%), незакончившихъ средняго и высшаго и получившихъ низшее 240 (11,87%), получившихъ домашнее образованіе и учившихся въ частныхъ пансіонахъ 59 (2,93); неизвѣстно 32 (1,09%).

Такимъ образомъ, ясно видимое изъ „Положенія о земскихъ начальникахъ“ стремленіе законодателя предоставить мѣста земскихъ начальниковъ преимущественно лицамъ, обладающимъ высшимъ образованіемъ, исполнилось на практикѣ далеко не въ полномъ видѣ: менѣе трети теперешнихъ земскихъ начальниковъ кончило курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и нѣсколько болѣе половины въ среднихъ. Въ отдѣльности для губерній астраханской, вятской, олонекской и пермской, гдѣ, судя по положенію, предоставлялся бы, казалось, болѣе просторъ для кончившихъ

*) Въ этихъ уѣздахъ земскихъ начальниковъ теперь нѣтъ.

высшее и среднее образованіе, процентныя отношенія еще ниже. Изъ общаго числа 239 земскихъ начальниковъ (не считая трехъ свободныхъ вакансій) въ этихъ губерніяхъ было кончившихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ было 67 (23,8%), и въ среднихъ 102 (42,7%).

М. Н

Рабочее законодательство министерства Вальдека Руссо*).

I.

Прежде чѣмъ говорить о стоящемъ въ заголовкѣ моихъ лекцій рабочемъ законодательствѣ министерства В. Руссо, я считаю полезнымъ опредѣлить—для устранения съ самаго начала всякой неясности въ понятіи, съ которымъ намъ придется имѣть дѣло,—что такое рабочее законодательство вообще и что составляетъ его предметъ и задачу. Подъ рабочимъ законодательствомъ слѣдуетъ понимать совокупность законовъ, имѣющихъ специальное примѣненіе къ рабочему классу, т. е. къ той категоріи гражданъ, которая работаетъ въ настоящее время за счетъ и въ зависимости отъ крупнаго или мелкаго предпринимателя, получая отъ него за эту работу вознагражденіе, называемое заработной платой. Это законодательство называютъ еще какъ въ Англіи, Германіи, такъ и у насъ, „фабричнымъ“ законодательствомъ, что объясняется первоначальнымъ отношеніемъ его къ рабочимъ, занятымъ только на фабрикахъ, и даже на фабрикахъ только известной категоріи, гдѣ большое скопленіе народа, напряженное участіе въ работѣ дѣтей и женщинъ, нездоровыя условія и опасности производства взываютъ съ особенной настойчивостью къ защитѣ закона и дѣлаютъ его примѣненіе болѣе удобнымъ, чѣмъ въ разсыянныхъ повсюду и не сразу поддающихся контролю мелкихъ производствахъ. Но съ теченіемъ времени все особенное и конкретное, представляющееся обыкновенно началомъ развитія, обобщается, и защита закона распространяется отъ отдѣльныхъ фабрикъ и отдѣльныхъ группъ рабочаго персонала на всѣ фабрики и весь рабочій персоналъ, точно также, какъ

*) Двѣ лекціи, прочитанныя въ русской группѣ международной школы въ Парижѣ 3 и 10 марта 1901 г.

она распространяется отъ крупнаго фабричнаго—на другія, мелкія производства, захватывая собою въ то-же время и сельскихъ рабочихъ, и служащихъ по торговлѣ, и всѣхъ вообще, кто живетъ заработной платой. Является сознаніе, что рабочіе защищаются не потому, что они—фабричные рабочіе, а что фабричные рабочіе защищаются потому, что они—рабочіе, и такимъ образомъ фабричное законодательство переходитъ постепенно въ рабочее, названіе котораго и усваивается теперь какъ во французской, такъ и въ нѣмецкой литературѣ, тогда какъ у насъ держится все еще терминъ „фабричное законодательство“, не передающій теперь, очевидно, всего содержанія этого понятія.

Какіе же это законы примѣняются специально къ рабочему классу? Отвѣтить на этотъ вопросъ необходимо, такъ какъ иначе данное мною опредѣленіе рабочаго законодательства, какъ такого законодательства, которое примѣняется къ рабочему классу, было бы только словеснымъ опредѣленіемъ. Законы, составляющіе рабочее законодательство, можно раздѣлить на 4 большія группы. Въ первую входятъ законы, имѣющее въ виду предупреждать и устранять споры между предпринимателями и рабочими путемъ регламентаціи того договора, который рабочій заключаетъ съ предпринимателемъ и который мы будемъ называть, по примѣру европейскихъ законодательствъ, рабочимъ договоромъ (*contrat du travail*, *Arbeitsvertrag*). Ко второй группѣ принадлежатъ законы, преслѣдующіе также цѣль регулированія отношеній между предпринимателями и рабочими, но преслѣдующіе эту цѣль не путемъ регламентаціи заключаемаго между ними договора, а путемъ прямыхъ предписаній и запрещеній тѣхъ дѣйствій, которыя предполагаются ими въ одномъ случаѣ необходимыми, а въ другомъ—вредными; это, такъ сказать, законы полиціи труда. Третья группа законовъ регулируетъ внутреннія отношенія рабочихъ другъ къ другу и касается ихъ профессиональной организаціи. Наконецъ, четвертую группу составляютъ законы, имѣющіе цѣлью обезпеченіе и улучшеніе условій жизни рабочихъ путемъ организаціи и развитія такихъ учреждений, какъ напр. кооперативныя общества, пенсіонныя кассы, страхование отъ болѣзней, несчастныхъ случаевъ, старости, безработицы и т. д... Уже по этой схемѣ содержанія рабочаго законодательства вы можете судить, какой широкій кругъ предметовъ захватывается этимъ законодательствомъ и какія передъ нимъ ставятся задачи. Регулированіе рабочаго договора, этого краеугольнаго камня всей нашей хозяйственной жизни, утвержденіе рабочихъ организацій, способныхъ гарантировать равенство условій заключенія этого договора, упорядоченіе столкновеній интересовъ рабочихъ и предпринимателей, защита дѣтства и семьи рабочаго ограниченіемъ продолжительности трудъ его жены, сестры, матери, огражденіе даже взрослоаго рабочаго отъ увлеченія чрезмѣрной работой, охраненіе его отъ

риска, которому онъ подвергаетъ ежедневно свою жизнь, отъ безработицы, старости, дороговизны припасовъ и т. д., — вотъ въ чемъ выражается современное рабочее законодательство, и вы видите, что, по важности этихъ задачъ, съ нимъ могутъ поспорить не многіе отдѣлы законодательства. Исполненіе всѣхъ этихъ задачъ предполагаетъ необходимо вмѣшательство государства въ строй экономическихъ отношеній, такъ какъ все рабочее законодательство есть ничто иное, какъ это самое вмѣшательство, и если противъ него не перестали возражать неисправимые защитники такъ наз. „свободы труда“ и „свободы рабочаго договора“, то возраженія эти слишкомъ несовмѣстимы съ потребностями практической жизни и съ самымъ фактомъ существованія и постояннаго развитія рабочаго законодательства для того, чтобы на нихъ стояло останавливаться.

Нелишнимъ будетъ, однако, можетъ быть сослаться, въ виду чрезвычайной распространенности этихъ возраженій особенно во французской литературѣ, на авторитетъ лучшихъ нѣмецкихъ экономистовъ, соединенныхъ въ изданіи Конрадовскаго *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*, не находящихъ сказать ни одного слова противъ государственнаго вмѣшательства въ настоящемъ примѣненіи, какъ въ принципѣ, такъ и на практикѣ. Въ этомъ же смыслѣ высказался единогласно и собиравшійся во время послѣдней Парижской международной выставки конгрессъ для законной охраны труда, не допустившій этого вопроса, въ виду его принятой рѣшенности, даже до обсужденія. Не нужно только забывать, что государственное вмѣшательство представляетъ собою не цѣль, которой слѣдуетъ задаваться, и не всеобщую панацею отъ различныхъ бѣдствій, а простое средство, указываемое данными социальными состояніями, и притомъ средство обоюдоострое, которое требуетъ осторожнаго обращенія съ собою. Законами вообще не создаются и не уничтожаются тѣ или другія условія труда, а лишь освящаются и, такъ сказать, регистрируются достигнутые въ жизни результаты и уже осуществленные прогрессомъ идей и производственныхъ отношеній измѣненія — съ цѣлью побудить присоединиться къ этимъ результатамъ и не сопротивляться имъ тѣхъ, кто по расчету или рутинѣ былъ бы склоненъ къ такому сопротивленію. Вотъ въ чемъ состоитъ дѣйствительная, хотя и ограниченная функція рабочихъ законовъ, а что эта функція способна отправляться одинаково какъ въ пользу, такъ и во вредъ рабочаго класса, и что то или другое отправленіе ея стоитъ въ прямой зависимости отъ силы или слабости этого класса, доказать это можно самымъ бѣглымъ сравненіемъ рабочаго законодательства нашихъ дней съ тѣмъ же законодательствомъ не только въ прошлые вѣка, но и за нѣсколько прошлыхъ десятилѣтій.

Принципъ государственной регламентаціи труда вовсе не со-

ставляет особенности современного намъ рабочаго законодательства, а восходить,—какъ это блестяще доказано моимъ товарищемъ по московскому университету и вмѣстѣ представляемой нами теперь русской группѣ международной школы М. Ковалевскимъ,—еще ко временамъ римской имперіи и налагаетъ тоже яркую печать на всю экономическую исторію Зап. Европы. Но въ современномъ рабочемъ законодательствѣ этотъ принципъ не посягаетъ, какъ прежде, на свободу промышленности и торговли, а ставитъ лишь ту и другую въ извѣстныя законныя рамки, и означаетъ въ общемъ не притѣсненіе, а защиту слабѣйшаго въ экономической борьбѣ класса рабочихъ противъ сильнѣйшаго въ этой же борьбѣ класса предпринимателей. Эта охранительная въ отношеніи къ рабочимъ тенденція,—вызванная естественно не однимъ прогрессомъ идей социальной справедливости, но болѣе всего ростомъ организаци и силы рабочаго класса,—до такой степени несомнѣнна, что нѣмецкое рабочее законодательство, сходное по существу со своими прочими законодательствами въ той же области, даже и называется себя не просто рабочимъ, а охраняющимъ рабочихъ законодательствомъ (*Arbeiterschutzesetzgebung*). Проникнутое подобной тенденціей рабочее законодательство есть явленіе исключительно новаго времени, не знающее постоянныхъ прецедентовъ въ прошломъ. Вся средневѣковая и продолжающаяся во Франціи до самой революціи 1789 г. регламентація труда можетъ быть названа, напр., совершенно анти-соціалистической и вотъ почему. Промышленность, ремесла и торговля были все это время связаны корпоративной организаціей, внѣ которой не существовало ни производства, ни торговли, и въ этой корпоративной организаціи участвовали одни предприниматели или такъ наз. мастера, тогда какъ рабочіе прямо исключались изъ нея и подчинялись стоявшей надъ ними власти мастеровъ или предпринимателей. Отношеніе власти, связывавшее первыхъ съ послѣдними, имѣло корень въ томъ состояніи общей необезпеченности, которое характеризовало средніе вѣка и, при слабости государства, отдавало рабочую силу массы населенія въ распоряженіе незначительнаго меньшинства владѣющихъ классовъ. Эти послѣдніе сохранили свое преобладающее положеніе и при окрѣпшемъ государственномъ строѣ XVII и XVIII вв., и поэтому неудивительно, что и корпоративные статуты писались и приводились въ исполненіе одними предпринимателями, тогда какъ рабочіе ничего не обсуждали, никого не выбирали, не могли даже собираться вмѣстѣ, и если ихъ интересы сталкивались съ интересами предпринимателей, то о дѣйствительной защитѣ первыхъ не было и рѣчи. Судъ надъ рабочими принадлежалъ корпораціи мастеровъ, на которую они работали, подобно тому, какъ судъ надъ крестьянами производился ихъ помѣщикомъ — сеньеромъ, и когда явилась королевская регламентація, то судебная власть промышленныхъ

корпораций не была отменена, а лишь подчинена инвеститурѣ и контролю короля. Словомъ, трудъ рабочаго былъ не его правомъ, а лежащей на немъ обязанностью, которую онъ долженъ былъ исполнять такъ же, какъ мы исполняемъ теперь воинскую повинность, съ тѣмъ, однако, отягощающимъ для прежняго рабочаго обстоятельствомъ, что онъ исполнялъ эту обязанность всю свою жизнь, и исполнялъ ее не въ отношеніи къ государству, а въ отношеніи къ частной корпорации, подчиняясь при этомъ впередъ установленнымъ ею правиламъ и строжайшей, доходящей до мелкихъ деталей регламентаціи своего труда. Эта регламентація шла даже далѣе труда рабочаго и касалась какъ техническихъ условій производства, его приѣмовъ, выбора орудій, пріобрѣтенія сырья, формы и качества вырабатываемыхъ продуктовъ и т. д., такъ и чисто экономическихъ отношеній, какъ напр., опредѣленія цѣны продукта, высоты заработной платы, иногда даже ея максимальнаго размѣра и т. п.. Все это было логическимъ послѣдствіемъ режима монополій и стремленія промышленныхъ корпораций оградить себя какъ отъ посторонней конкуренціи, такъ и отъ возможныхъ притязаній на поднятіе своего положенія со стороны рабочихъ, которымъ преграждался путь къ этимъ притязаніямъ строгимъ запрещеніемъ соединяться не только въ корпорации, подобныя корпорациямъ мастеровъ, но и въ какіе бы то ни было союзы или ассоціаціи. Несмотря, однако, на это запрещеніе, ассоціаціи рабочихъ, извѣстныя подъ именемъ *compagnages*, составляли нерѣдкое явленіе въ дореволюціонной Франціи, и безпрестанное изданіе направленныхъ противъ нихъ королевскихъ ордонансовъ указываетъ лишь на живучесть среди рабочихъ чувства солидарности, находившаго себѣ выходъ даже при всѣхъ поставленныхъ ему преградахъ. Тѣмъ не менѣе, преслѣдованіе и даже травля рабочихъ союзовъ были такъ обычны въ экономической исторіи старой Европы, что это преслѣдованіе, рядомъ съ монополіей и мелочной регламентаціей, въ интересахъ однихъ предпринимателей, условій производства и труда, можно ввести въ общую характеристику промышленнаго строя этого времени.

Само собою разумѣется, что этотъ строй не оставлялъ мѣста для свободнаго обсужденія условій найма труда, и говорить здѣсь о рабочемъ договорѣ было бы анахронизмомъ. Такому договору недоставало бы, прежде всего, предмета: право труда не стояло въ оборотѣ, а было регаліей, которую государственная власть уступала за деньги въ исключительное пользованіе той или другой группѣ мастеровъ, контролировала это пользованіе и обезпечивала его какъ противъ конкуренціи, такъ и противъ коалиціи рабочихъ. Этотъ строй, не признававшій за рабочимъ ни права на его трудъ, ни свободнаго распоряженія его личностью, ни дѣйствительной судебной защиты его притязаній, былъ въ сущности отрицаніемъ идеи права въ современномъ смыслѣ

этого представленія, и я имѣлъ особыя основанія остановиться на характеристикѣ этого строя нѣсколько долѣе, чѣмъ это указывалось, можетъ быть, моею темой. У меня было въ виду, съ одной стороны, довольно распространенное, какъ во Франціи, такъ и въ другихъ странахъ, общественное теченіе, представляемое, главнымъ образомъ, школой Le Play, христіанскими социалистами, ново-нѣмецкими патріотами и т. д. Это теченіе идеализируетъ корпоративную организацію промышленности, предшествовавшую погрому 1789 г., и видитъ въ возвращеніи къ ней, вмѣстѣ съ нѣсколько смягченнымъ возстановленіемъ прежней власти предпринимателя надъ рабочими и развитіемъ такъ наз. патрональныхъ учрежденій, чуть-ли не разрѣшеніе соціальнаго вопроса. Обсуждать достоинство этого воззрѣнія меня освобождаетъ сдѣланное выше описаніе корпоративной организаціи промышленности въ дореволюціонной Европѣ. Съ другой стороны, и противники этой корпоративной организаціи постоянно ссылаются на ея недостатки, когда имъ приходится нападать на современныя рабочія ассоціаціи, охотно смѣшиваемыя ими со средневѣковыми корпораціями. Между тѣмъ сходство тѣхъ и другихъ ограничивается лишь формой корпораціи, достаточно видоизмѣненной въ новое время, и принципомъ регламентаціи, примѣняемымъ также въ различномъ смыслѣ и къ различнымъ предметамъ. Что касается содержанія, вложеннаго въ эту форму и въ эту регламентацію, то въ современныхъ рабочихъ ассоціаціяхъ оно діаметрально противоположно тому, что мы видѣли въ дореволюціонныхъ корпораціяхъ. Насколько эти послѣднія были закрыты, связаны и построены на началѣ монополіи, настолько первыя открыты, свободны и и противны всякой мысли о монополіи. Насколько старая корпорація была исключительна, аристократична и направлена противъ потребителя и рабочаго, за которымъ она отрицала даже право личности и суда, вырождаясь постепенно, какъ и всякая аристократія, въ олигархію, настолько же новая рабочая ассоціація не знаетъ никакихъ исключеній, исходитъ изъ принципа равенства всѣхъ людей и, выражая собою идею демократіи, стремится къ защитѣ личности рабочаго въ такой же мѣрѣ, въ какой прежняя корпорація стремилась къ ея подавленію. Словомъ, новая ассоціація представляетъ въ своемъ содержаніи полную антитезу старой, и выдвинуть эту антитезу казалось мнѣ не бесполезнымъ въ виду какъ нерѣдкаго еще въ наши дни прославленія средневѣковыхъ корпорацій, такъ и невѣрнаго, чтобы не сказать недобросовѣстнаго, отождествленія ихъ со строемъ современныхъ профессиональныхъ ассоціацій.

Вернусь теперь къ оставленному на нѣсколько минутъ противоположенію содержанія принципа государственнаго вмѣшательства въ томъ видѣ, какъ оно выступаетъ, съ одной стороны, въ современномъ намъ рабочемъ законодательствѣ, и съ другой—въ

регламентации труда предшествующихъ намъ историческихъ эпохъ. Мы уже видѣли, что тогда какъ въ новѣйшее время это государственное вмѣшательство носитъ характеръ покровительства рабочему классу,—во всей сложной въ корпораціи Зап. Европѣ до 1789 г. оно шло исключительно въ пользу предпринимателей и противъ рабочихъ. Революція 1789 г. измѣнила во многомъ эту картину, но опять не дала рабочаго законодательства въ современномъ смыслѣ этого понятія. Она уничтожила прежде всего средневѣковыя отношенія власти и подчиненія, какъ въ землевладѣніи, такъ и въ промышленности. Она санкціонировала, да-лѣе, уже ранѣе сознаванную непригодность корпоративной организаціи для широкихъ круговъ потребленія и далеко уходящихъ за предѣлы деревни или города рынковъ, отмѣнивъ извѣстными законами учредительнаго собранія 2-го марта и 14 Юня 1791 г. всю корпоративную организацію промышленности. На ея мѣсто революціонное законодательство поставило, подъ вліяніемъ ученія фізіократовъ и теорій естественнаго права, начала свободы труда и регулированія всѣхъ его условій исключительно на основаніи одного договора, заключаемаго между предпринимателемъ и рабочимъ. Это было по формѣ провозглашеніемъ принципа государственнаго невмѣшательства въ экономическую жизнь, такъ какъ, предоставивъ регулированіе отношеній между капиталомъ и трудомъ одному соглашенію сторонъ, государство какъ бы отказывалось отъ всякаго участія въ этомъ регулированіи. Но по своему содержанію и въ дѣйствительности полное невмѣшательство было отрицательнымъ выраженіемъ того же вмѣшательства государства за капиталъ и противъ труда.

Правда, что юридически рабочій сталъ свободенъ и равенъ въ отношеніи признанія своей личности предпринимателю. Правда и то, что законъ не предписывалъ ему болѣе условій, на которыхъ онъ долженъ былъ работать, и не подчинялъ въ дальнѣйшемъ его личности власти предпринимателя. Все это было, несомнѣнно, юридическимъ освобожденіемъ личности и большимъ прогрессомъ въ исторіи человечества. Но этотъ прогрессъ имѣлъ также оборотную сторону, такъ какъ машинная промышленность и система неограниченной конкуренціи,—вытекавшая логически изъ признанія абстрактной „свободы“ труда, когда государство воздерживалось отъ всякаго ея регулированія и воспрещало еще ассоціаціи, единственно способныя служить коррективомъ къ этой обманчивой свободѣ,—вели неизбѣжно къ тому, что рабочій обращался въ простое орудіе производства, котораго дешевизна стала условіемъ сбыта продукта, а фактическая зависимость отъ предпринимателя и полная необезпеченность—ничѣмъ неоспариваемымъ фактомъ. Безучастное отношеніе къ такому порядку вещей, который приноситъ выгоды однимъ предпринимателямъ и составляетъ несчастье массы населенія, — когда государство имѣетъ

полную возможность если не измѣнить въ основанія, то значительно смягчить этотъ порядокъ по крайней мѣрѣ въ его послѣдствіяхъ, — подобное безучастіе государства нельзя, естественно, считать ничѣмъ инымъ, какъ его вмѣшательствомъ въ пользу предпринимателей, и вмѣшательствомъ въ такой же степени противоположнымъ новому рабочему законодательству, въ какой это послѣднее противоположно средневѣковой регламентаціи труда.

Если этотъ господствующій и теперь въ значительной мѣрѣ порядокъ свободной конкуренціи, отрицающій всякое вступательство въ свою область государственной власти, возбуждаетъ дѣйствительно личную инициативу и несомнѣнно содѣйствуетъ, въ связи съ техническими условіями современнаго производства, такому преуспѣянію промышленности, какого не знала еще ни одна предшествующая намъ эпоха, — то социальная сторона этого новаго порядка вещей далеко не столь благопріятна и грозитъ катастрофами самой промышленности, если она не станетъ на другой путь. Злѣйшіе конфликты, вызываемые дѣйствіемъ свободной конкуренціи въ экономической жизни современныхъ народовъ, выступаютъ въ трехъ главныхъ формахъ: во 1), — въ международной борьбѣ предпринимателей различныхъ отраслей промышленности различныхъ странъ: эти предприниматели стремятся съ помощью своихъ правительствъ не только монополизировать для себя внутренніе рынки, но и выбросить излишекъ своего производства на рынки иностранные; во 2), — во внутренней борьбѣ предпринимателей одной и той же страны, борьбѣ, ведущей къ торжеству крупной промышленности надъ мелкой и установленію настоящей фактической монополіи въ пользу побѣдителей (американскіе trusts); и въ 3), — въ соответственной тому и другому явленію борьбѣ классовъ: съ одной стороны, предпринимателей, обязываемыхъ конкуренціей низводить до минимума издержки производства своихъ предпріятій, а съ другой — рабочихъ, предъявляющихъ требованіе на участіе въ прибыли, создаваемой ихъ коллективнымъ трудомъ въ томъ же производствѣ. Сюда присоединяется еще слѣдующее существенное обстоятельство. Свободное соглашеніе между предпринимателемъ и рабочимъ, замѣняющее при системѣ конкуренціи всю прежнюю регламентацію труда, есть въ сущности свободное соглашеніе лишь для одной изъ участвующихъ въ рабочемъ договорѣ сторонъ: для предпринимателя, диктующаго свои условія другой сторонѣ: рабочему, который не имѣетъ выбора между принятіемъ этихъ условій и отказомъ отъ нихъ, вынужденный силою вещей вступить въ договоръ, ставящій его въ не лучшія, если не худшія, условія, чѣмъ тѣ, которыя предписывались ему при старомъ корпоративномъ строѣ. Это положеніе вытекаетъ само собою изъ фактическаго неравенства сторонъ, вступающихъ въ рабочій договоръ, — неравенства, которое можетъ быть незамѣтно лишь въ мелкой про-

мышленности, имѣющей дѣло съ небольшимъ числомъ рабочихъ и съ предпринимателями, также не обладающими большими капиталами. Но какъ говорить о равенствѣ сторонъ и свободномъ обсужденіи договора изолированнымъ рабочимъ, не могущимъ существовать безъ своей работы и нанимающимся къ предпринимателю, который ворочаетъ миллионными капиталами, занимаетъ у себя тысячи рабочихъ и имѣетъ всегда, при нормальныхъ условіяхъ, возможность замѣнить одного рабочаго другимъ? „Одинъ человѣкъ, нанимающій тысячу другихъ, замѣчаетъ по этому поводу Marshall (Economics of industry), представляетъ уже въ своемъ лицѣ коалицію, равную тысячѣ покупателей рабочей силы на рынкѣ“. Это неравенство еще усиливается чрезвычайной скудостью законодательныхъ постановленій о рабочемъ договорѣ. Во французскомъ гражданскомъ кодексѣ имѣется, напр., всего три такихъ постановленія, изъ которыхъ одно—явно несправедливо, два остальныхъ—совершенно незначущи, и это въ отношеніи договора, которымъ регулируется жизнь около $\frac{3}{4}$ населенія страны!

„Молчаніе закона, говорить по этому случаю одинъ изъ очень извѣстныхъ теперь французскихъ юристовъ (Glasson, Le Code civil et la question ouvrière), обязываетъ стороны все предусматривать своей инициативой въ заключаемыхъ ими договорахъ или обращаться въ непредусмотрѣнныхъ случаяхъ съ невѣрнымъ и сомнительнымъ обычаемъ. Отсюда — постоянные споры и столкновенія между предпринимателями и рабочими“. Противъ этихъ недочетовъ современныхъ законодательствъ и неравенства условій заключенія рабочаго договора новѣйшее время выдвигаетъ, помимо всего содержанія рабочаго законодательства, стремящагося по крайней мѣрѣ смягчить производимыя системой конкуренціи опустошенія, еще два спеціальныхъ средства. Это во 1-хъ, точная регламентація рабочаго договора, лежащая въ основаніи всего нынѣшняго промышленнаго строя, и во 2-хъ, поставленіе на мѣсто индивидуальнаго договора между предпринимателемъ и рабочимъ—договора коллективнаго, заключаемаго съ предпринимателемъ, какъ представителемъ коллективной силы капитала, не единичнымъ рабочимъ, а стоящимъ на стражѣ его интересовъ профессиональнымъ синдикатомъ, представляющимъ также коллективную силу всѣхъ, входящихъ въ его составъ рабочихъ. О регламентаціи рабочаго договора, несмотря на ея важность, мнѣ не придется говорить, такъ какъ она почти совсѣмъ отсутствуетъ въ современномъ французскомъ правѣ и поэтому не стоитъ въ связи съ составляющимъ предметъ моихъ лекцій рабочимъ законодательствомъ министерства В. Руссо. Но рѣчи о коллективномъ договорѣ, имѣющемъ замѣнить заключаемые теперь договоры отъ индивида къ индивиду, намъ нельзя избѣгнуть, такъ какъ начала этой важнѣйшей, по моему убѣжденію, реформы во всемъ совре-

менномъ рабочемъ законодательствѣ даны уже въ дѣйствующемъ французскомъ правѣ и общають дальнѣйшее развитіе въ предложенныхъ настоящимъ министерствомъ законахъ.

Прежде, однако, чѣмъ излагать и обсуждать, какъ эту, такъ и другія реформы, частью осуществленныя, а частью только предположенныя настоящимъ министерствомъ, я сдѣлаю еще нѣсколько общихъ замѣчаній о ходѣ развитія и духъ современнаго рабочаго законодательства.

На сколько это законодательство, возникшее лишь съ половины XIX столѣтія и сложившееся въ наши дни въ самостоятельную отрасль права, отвѣчаетъ настоятельнымъ и всеобщимъ потребностямъ соціальной жизни, мы можемъ судить по тому, что оно устанавливается почти одновременно во всѣхъ государствахъ, преуспѣвающихъ въ промышленности, и опредѣляется даже въ степени своего развитія успѣхами промышленной техники и экономической дѣятельности того или другого народа. Довольно самого бѣглаго обзора дѣйствующаго въ различныхъ странахъ права, чтобы констатировать слѣдующій фактъ. Рабочаго законодательства въ современномъ смыслѣ этого слова не существуетъ до сихъ поръ у народовъ, отстающихъ въ своемъ экономическомъ развитіи; напротивъ, страны, достигающія высокой степени промышленнаго прогресса, какъ напр., Англія, Соединенные Штаты, Германія и т. д., обладаютъ обстоятельнымъ и строго примѣняемымъ на практикѣ рабочимъ законодательствомъ.

Особое положеніе занимаетъ въ отношеніи къ этому законодательству Франція. Тогда какъ многія европейскія государства, какъ напр., Австрія, Германія, Швейцарія обзавелись уже отдѣльными кодексами по регулированію труда (такъ наз. *Gewerbsordnungen*), Франція боится какъ будто въ этомъ отношеніи всякого законодательнаго синтеза и довольствуется отрывочными, такъ сказать, фрагментарными законами, издаваемыми по поводу отдѣльныхъ вопросовъ или даже отдѣльныхъ деталей этихъ вопросовъ. Въ этомъ нельзя, конечно, не видѣть большого недостатка, такъ какъ фрагментарность французскаго рабочаго законодательства лишаетъ его, съ одной стороны, единства и согласованности частей, а съ другой—оставляетъ въ немъ такіе пробѣлы, которые давно уже пополнены въ другихъ странахъ.

Такъ, во Франціи нѣтъ еще законодательныхъ опредѣленій, относящихся ко времени, мѣсту и способамъ удовлетворенія рабочихъ заработной платой, и давно, напр., принятое во многихъ законодательствахъ (въ Англіи съ 1831 г.) запрещеніе удовлетворять рабочихъ натурой (такъ наз. *Truck System*) поражаетъ во Франціи своимъ отсутствіемъ. Точно также нѣтъ закона, который ограничивалъ бы произволъ налагаемыхъ на рабочихъ денежныхъ штрафовъ, а регламентація рабочаго договора остается въ общемъ при тѣхъ же скудныхъ статьяхъ гражданскаго ко-

декса, которые принадлежать началу XIX вѣка и обязаны своимъ происхожденіемъ условіямъ и идеямъ, давно уже утратившимъ свою жизненность. Не менѣе поразительно и то, что во Франціи не прошелъ еще ни законъ, охраняющій особо трудъ беременной женщины какъ передъ ея родами, такъ и послѣ нихъ, ни законъ, обезпечивающій за женой рабочаго право распоряженія ея заработной платой. Нѣтъ также законовъ ни объ обязательномъ страхованіи рабочихъ, ни объ особыхъ пенсіонныхъ кассахъ для послѣднихъ, ни о распространеніи многихъ существенныхъ нормъ рабочаго законодательства на торговыхъ служащихъ и т. д. По всѣмъ этимъ пунктамъ французское рабочее законодательство отстаетъ, несомнѣнно, отъ англійскаго, американскаго, нѣмецкаго, швейцарскаго, но оно идетъ въ то же время впереди всѣхъ этихъ законодательствъ по своей регламентаціи права ассоціацій, посредническихъ судовъ для разрѣшенія споровъ между предпринимателями и рабочими и другихъ подобныхъ учреждений, предназначенныхъ, по всѣмъ видимостямъ, играть самую большую роль въ уравненіи условій рабочаго договора и въ поднятіи матеріальнаго и нравственнаго уровня рабочаго класса. Во всякомъ случаѣ, рабочее законодательство Франціи остается еще сложнымъ изъ кусковъ, часто не подходящихъ другъ къ другу, взаимно противорѣчащихъ и неспособныхъ представить ничего цѣльнаго и однороднаго.

Это сознаніе теперь не чуждо, повидимому, и самихъ французскихъ законодателей, такъ какъ съ 1889 по 1896 гг. въ палату депутатовъ внесено уже два проекта кодекса всего рабочаго законодательства (одинъ—графомъ de Mun, другой—Grousier), а 30 марта 1898 г. парламентомъ уже утвержденъ, въ формѣ закона, договоръ города Парижа съ компаніей подземной желѣзной дороги Métropolitain,—договоръ, представляющій собою въ сокращенномъ видѣ настоящій кодексъ рабочаго законодательства и удовлетворяющій въ этомъ частномъ примѣненіи большинству существенныхъ въ данное время требованій рабочаго класса: установленію минимума заработной платы (5 фр.), максимума рабочаго дня (10 часовъ), права для всѣхъ рабочихъ на ежегодный отпускъ въ 10 дней безъ вычета изъ заработной платы, права на полученіе полностью этой платы и въ періодъ военнаго обученія по отбыванію воинской повинности и т. д... Если, однако, заключеніе отъ этого чисто спеціальнаго закона къ ни разу еще и не обсуждавшемуся въ парламентѣ общему рабочему кодексу было бы слишкомъ поспѣшно, то нельзя того же сказать о другомъ заключеніи, которое можно сдѣлать отъ сравненія настоящаго состоянія рабочаго законодательства въ различныхъ странахъ къ постоянно возрастающей общности этого законодательства, все болѣе и болѣе утрачивающаго свои партикуляризмы или особенности и обмѣнивающаго ихъ на общія всѣмъ этимъ стра-

намъ нормы. И это уже давно подготовляющееся единство рабочаго законодательства объясняется, съ одной стороны, общностью условій промышленныхъ формъ, вліяніемъ на нихъ однихъ и тѣхъ же, лишь слегка видовзмѣняемыхъ соціальной средой политическихъ партій, профессиональныхъ союзовъ и умственныхъ теченій, а съ другой—сознательными заимствованиями законодательствомъ одной страны рабочихъ законовъ другой. Правда, что нѣкоторые различія, вытекающія изъ историческаго прошлаго, индивидуальной постановки той или другой отрасли промышленности и особенностей того или другого законодательства, еще сохраняются; но эти различія постепенно сглаживаются, а точки соприкосновенія и сходства между рабочими законами различныхъ странъ постоянно увеличиваются. Во всякомъ случаѣ, разъединяющія эти законы національныя тенденціи уступаютъ по своей силѣ объединяющему ихъ интернаціональному теченію (что можно видѣть, напр., на стремленіи къ обобщенію обязательнаго страхованія рабочихъ), и вообще немного отраслей законодательства развертываютъ передъ нами особенно въ послѣднее десятилѣтіе XIX стол., такую картину общности своихъ нормъ, какъ рабочее законодательство. Убѣдиться въ этомъ можно путемъ двойнаго сравненія: во 1), парламентскихъ работъ и законопроектовъ по рабочему законодательству даже за 10 лѣтъ тому назадъ и въ наши дни, и во 2), самихъ рабочихъ законовъ передовыхъ европейскихъ государствъ за тотъ же промежутокъ времени. Тогда какъ еще 10 лѣтъ назадъ въ докладахъ по рабочему законодательству и въ возбуждаемыхъ ими парламентскихъ преніяхъ едва упоминалось, за рѣдкими исключеніями, о принятыхъ въ другихъ странахъ опредѣленіяхъ по тому же законодательству, въ настоящее время соображеніе матеріаловъ сравнительнаго права занимаетъ въ тѣхъ же докладахъ и преніяхъ выдающееся мѣсто.

Въ свою очередь и дѣйствующее рабочее законодательство представляло еще въ моментъ берлинской конференціи 1890 г. глубокія различія въ нормахъ отдѣльныхъ законодательствъ по всему, что касалось, напр., законной охраны труда женщинъ и дѣтей, гігіены и безопасности фабрикъ, страхованія рабочихъ и проч... Со времени Берлинской конференціи, и не безъ вліянія принятыхъ на ней рѣшеній, европейскія законодательства по всѣмъ указаннымъ вопросамъ были радикально преобразованы въ смыслѣ единообразнаго усиленія охраны труда, такъ что раздѣлявшая до того эти законодательства пропасть по многимъ изъ принадлежащихъ къ рабочему законодательству вопросовъ была въ значительной степени сращена. Ограничиваясь хорошо извѣстными примѣрами, можно вспомнить, что Франція, Англія, Испанія и другія страны заимствовали въ послѣднее время изъ Германіи принципъ профессиональнаго риска при регламентаціи

несчастныхъ случаевъ, происходящихъ во время работы на фабрикахъ и въ другихъ промышленныхъ предприятияхъ; этотъ принципъ дополнялся при этомъ или оставался внѣ связи съ обязательнымъ страхованіемъ рабочихъ. Въ свою очередь, Германія, Италія и т. д... заимствовали изъ Франціи учрежденіе „суда добросовѣстныхъ“ (*conseils des prud'hommes*) и далеко распространили область его примѣненія новыми законами объ юрисдикціи промышленныхъ судовъ. Кромѣ того, теперь нетрудно подмѣтить въ большинствѣ европейскихъ законодательствъ стремленіе къ однородной регламентаціи рабочаго договора, рабочихъ синдикатовъ и другихъ ассоціацій, къ однородной регламентаціи труда не только женщинъ и дѣтей, но и взрослыхъ рабочихъ и т. д... Наконецъ, та же международная тенденція современнаго рабочаго законодательства нашла себѣ яркое выраженіе и въ единогласномъ, состоявшемся 28 іюня 1900 г. постановленіи международнаго конгресса законной охраны труда, собиравшагося во время послѣдней парижской выставки, — въ постановленіи его объ учрежденіи „международной ассоціаціи законной охраны рабочихъ“. Здѣсь же были голосованы статуты этой новой ассоціаціи и избраны члены временнаго комитета, имѣющаго функционировать до организаціи главныхъ національных секцій и постояннаго международнаго бюро въ Бернѣ или въ Базелѣ. Цѣль этой ассоціаціи—служить связью для всѣхъ, кто считаетъ законодательную охрану труда необходимостью; далѣе—облегчать изученіе рабочаго законодательства въ различныхъ странахъ и сообщать членамъ ассоціаціи свѣдѣнія о состояніи этого законодательства и его примѣненіи повсюду, гдѣ оно существуетъ, готовить созваніе международныхъ конгрессовъ по рабочему законодательству и, наконецъ, содѣйствовать составленіемъ докладовъ и иными способами какъ изученію общихъ у разныхъ народовъ образованій рабочаго законодательства, такъ и международной статистикѣ труда. Всѣ лица, организаціи, политическія партіи и правительства, сочувствующія законодательной охранѣ труда, приглашаются непосредственно или черезъ своихъ делегатовъ къ участію въ учрежденіи и въ функционированіи этой международной ассоціаціи, которая лѣтъ 30 тому назадъ была бы признана революціонной затѣей, а еще ближе къ намъ, на берлинской конференціи, предложенная швейцарскими делегатами, была объявлена мечтой, не имѣющей практическаго значенія. Напротивъ, менѣе года тому назадъ французскій министръ торговли, Милльеранъ, заявлялъ въ засѣданіи 1-го іюня 1900 г. Палаты депутатовъ, что тогда еще только ожидавшійся конгрессъ по законной охранѣ труда представитъ большой практическій интересъ, и что предполагаемое имъ созданіе международнаго бюро будетъ встрѣчено благопріятно не только французскимъ, но и другими правительствами. Въ день открытія конгресса тотъ

же министр, приглашенный къ почетному предѣдательству, утверждалъ передъ конгрессомъ, что „международная ассоціація законной охраны рабочихъ“ можетъ разсчитывать не на одні симпатіи, но и на дѣятельную поддержку французскаго правительства. Тѣмъ не менѣе, у этой ассоціаціи нѣтъ официальной санкціи, на основаніи которой она могла бы, путемъ международныхъ трактатовъ, создать единое рабочее законодательство. Попытки учредить официальное представительство различныхъ государствъ съ указанной цѣлью были сдѣланы на берлинской конференціи 1890 и на конгрессѣ рабочаго законодательства въ Цюрихѣ 1896 гг., но не повели ни къ какимъ результатамъ. Теперь, благодаря правительственной поддержкѣ и общественному сочувствію не одной страны, а всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, большинства странъ, стоящихъ въ аналогичныхъ условіяхъ промышленнаго и культурнаго развитія, дѣло новой ассоціаціи, состоящее въ достиженіи возможно большаго единства въ законодательной охранѣ труда, можетъ считаться обеспеченнымъ даже въ международномъ смыслѣ. Его нельзя болѣе разсматривать ни какъ революціонное предпріятіе, ни какъ мечту. Это, напротивъ, вполне практическое дѣло, соответствующее какъ общему ожиданію, такъ и совершающемуся и независимо отъ него обобщенію нормъ рабочаго законодательства. Услуга, которую международная ассоціація законной охраны рабочихъ имѣетъ оказать этому дѣлу, состоитъ въ томъ, что обобщеніе права въ настоящей области можетъ быть ею ускорено, правильно направлено и, наконецъ, привлечено, въ видѣ лишней иллюстраціи, къ одному изъ интереснѣйшихъ феноменовъ законодательной работы конца XIX вѣка. Этотъ феноменъ можно называть *интернаціонализацией* цѣлой отрасли права,—интернаціонализацией, совершающейся безъ ущерба самостоятельности отдѣльныхъ государствъ, въ силу одного сознанія какъ постоянныхъ и общихъ интересовъ промышленности, такъ и обязанности для государства извѣстныхъ охранительныхъ функцій въ отношеніи къ массѣ рабочаго люда, составляющаго силу и источникъ жизни современныхъ обществъ.

Успѣхи законодательства въ этомъ направленіи были также быстры и рѣшительны въ два послѣднихъ десятилѣтія только-что истекшаго столѣтія, какъ они были медленны и робки въ три первыхъ четверти того же столѣтія. Во Франціи эти успѣхи связаны болѣе всего съ именами нынѣшняго президента совѣта министровъ В. Руссо и состоящаго въ этомъ же министерствѣ по портфелю торговли и промышленности—Милльерана. Первый провелъ еще въ 1884 г., будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, имѣющій капитальное значеніе для всего новаго рабочаго законодательства законъ о профессиональныхъ синдикатахъ, дополняемый имъ теперь новымъ проектомъ по тому же предмету; второй соединилъ свое имя съ закономъ 30 марта 1900 г. объ

охранѣ труда дѣтей, женщинъ и занятыхъ въ однѣхъ мастерскихъ съ тѣми и другими взрослыхъ рабочихъ,—съ декретомъ 17 сентября 1900 г. о „совѣтахъ труда“ и тѣсно связаннымъ съ этимъ декретомъ законопроектомъ о регулированіи посредническихъ судовъ и стачекъ рабочихъ, и еще съ нѣсколькими менѣе важными законами и декретами, о которыхъ мы скажемъ нѣсколько словъ въ свое время. Теперь же намъ нельзя обойтись безъ нѣкоторыхъ, хотя бы краткихъ и неполныхъ, историческихъ указаній на предшествующее настоящему министерству состояніе во Франціи тѣхъ вопросовъ рабочаго законодательства, которые подверглись или должны подвергнуться существенному преобразованію проведенными или еще только предполагаемыми этимъ министерствомъ мѣрами. Безъ такихъ указаній мы были бы не въ состояніи оцѣнить надлежащимъ образомъ произведенныя или предложенныя нынѣшнимъ министерствомъ реформы въ области рабочаго законодательства.

II.

Ни время великой революціи, столь плодотворное всякими законодательными начинаніями, ни первая имперія, ни реставрація, ни іюльская монархія—не сдѣлали ничего для рабочаго законодательства, которое представляло во весь этотъ періодъ времени пустое мѣсто, оставленное отмѣной стараго корпоративнаго строя и связанныхъ съ нимъ формъ регламентаціи промышленнаго труда. Одинъ только декретъ 3 января 1813 г., относившійся къ работѣ въ рудникахъ, воспрещалъ употреблять на эту работу дѣтей моложе 10 лѣтъ. На другихъ работахъ не рѣдко было встрѣтить дѣтей и 5 лѣтъ, занятыхъ втеченіи 14 и 16 часовъ въ день и переживавшихъ лишь въ исключительно благоприятныхъ обстоятельствахъ возрастъ въ 25 лѣтъ. Но быстрый ростъ фабричной промышленности, усиливавшій злоупотребленіе трудомъ, котораго продолжительность для взрослого рабочаго равнялась еще въ 1840 г., въ видѣ обычной нормы, 15 и 15½ часамъ въ день, привелъ французскія палаты, по примѣру, данному еще въ 1802 г. англійскимъ парламентомъ, къ голосованію перваго во Франціи закона по регламентаціи труда 22 марта 1841 г. Этотъ законъ касался тоже лишь дѣтскаго труда, допущеннаго на фабрикахъ и мастерскихъ, занимавшихъ болѣе 20 рабочихъ, въ размѣрѣ 8 часовъ для дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ, и въ размѣрѣ 12 часовъ для дѣтей отъ 12 до 16 лѣтъ. Не говоря ни объ исключительности этого закона, ни о допущеніи имъ дѣтскаго труда въ слишкомъ ранній возрастъ, ни объ обременительности для дѣтей установленныхъ въ немъ нормъ труда,—довольно замѣтить, что даже въ этомъ несовершенномъ видѣ первое опредѣленіе французскаго

рабочаго законодательства оставалось мертвой буквой вслѣдствіе совершеннаго отсутствія въ это время инспекціи или какого бы то ни было иного органа, способнаго наблюдать за исполненіемъ закона. Февральская революція 1848 г., впервые выдвинувшая рабочій классъ на историческую сцену, ознаменовалась въ области рабочаго законодательства цѣлымъ рядомъ новыхъ мѣропріятій и реформъ, которымъ не суждено было, однако, упрочиться. Вспомнить объ этихъ мѣропріятіяхъ особенно интересно потому, что многія изъ нихъ, будучи вскорѣ отмѣнены реакціей, начавшейся почти непосредственно за февральской революціей, были снова предложены и проведены въ жизнь ровно черезъ полстолѣтіе, т. е. въ послѣдніе 10—15 лѣтъ. Непосредственно послѣ этой революціи, Луи Бланъ, бывшій членомъ временнаго правительства, сдѣлалъ предложеніе объ учрежденіи особаго министерства труда. Въмѣсто этого министерства была создана прилежно работавшая, но вскорѣ распущенная „правительственная коммиссія для рабочихъ“, болѣе извѣстная подъ именемъ „люксембургской коммиссіи“,—такъ названная по мѣсту своихъ засѣданій въ люксембургскомъ дворцѣ въ Парижѣ. Она приняла въ свой составъ многочисленныхъ делегатовъ рабочаго класса, и подъ вліяніемъ заявленій этихъ делегатовъ Л. Бланъ настоялъ на изданіи временнымъ правительствомъ серіи декретовъ, заключавшихъ въ себѣ цѣлую программу новаго рабочаго законодательства. Этими декретами устанавливалась гонимая до того безпощадно свобода ассоціацій, реформировались „совѣты добросовѣстныхъ“, (*conseils des prud'hommes*) судившіе столкновения между рабочими и предпринимателями, — реформировались въ смыслѣ уравниванія представительства отъ обоихъ классовъ, — уничтожались оплачиваемые частные бюро для помѣщенія труда (*bureaux de placement*), запрещался вызывающій до сихъ поръ такъ много жалобъ „*marchandage*“, — т. е. эксплуатирующій рабочихъ подрядъ ихъ труда лицами, обязывающимися извѣстными работами передъ предпринимателемъ и отъ себя уже нанимающими на эти работы группы рабочихъ, — и, наконецъ, впервые ограничивалась продолжительность труда не только дѣтей и женщинъ, но и взрослыхъ рабочихъ. Всѣ эти декреты были, однако, быстро отмѣнены или оставлены безъ примѣненія: правительственная коммиссія для рабочихъ закрыта, прежнему запретительному въ отношеніи ассоціацій законодательству возвращена его сила, „въ совѣтахъ добросовѣстныхъ“ восстановлено преобладаніе предпринимателей, функціи бюро для помѣщенія труда отняты у муниципалитетовъ и восстановлены за платными посредниками, запрещеніе подряда рабочихъ парализовано благопріятствующей ему судебной практикой, регламентація труда рабочихъ сведена къ нулю, а рабочія книжки, введенныя закономъ 22 іюня 1854 г., поставили рабочихъ подъ постоянный полицейскій надзоръ, ограничивъ значи-

тельно даже ихъ личную и политическую свободу. Но если рабочее законодательство 1848 г. было раздавлено реакціей, то корреспондирующія ему отношенія, потребности и идеи не только оставались, но и развивались, и, вынужденная считаться съ ними, вторая имперія признала за рабочими, закономъ 25 марта 1864 г., право стачекъ и коалицій, а законами 1867 и 1868 гг. создала легальное положеніе для кооперативныхъ обществъ и нѣсколькихъ видовъ страхованія рабочихъ.

Гораздо больше сдѣлала для рабочаго законодательства 3-ья республика, и если мы скажемъ, что это законодательство есть ея дѣло, то въ этихъ словахъ не будетъ никакого преувеличенія. Особенно рѣшительно вернулось къ инициативѣ 1898 г. законодательство 3-ей республики послѣднихъ лѣтъ, поставивъ на твердую почву нѣкоторыя изъ принятыхъ въ то время мѣръ. Немного болѣе года тому назадъ, въ декабрѣ 1899 г., значить уже при нынѣшнемъ министерствѣ, засѣдающая и сейчасъ палата депутатовъ высказалась за предложенное въ 1848 г. Луи Бланомъ министерство труда, аналогичное существующимъ уже *Department of labour* въ Соединенныхъ Штатахъ, швейцарскому рабочему секретариату, бельгійскому министерству промышленности и труда. И хотя это рѣшеніе еще не утверждено и можетъ быть не скоро, а то и совсѣмъ не будетъ утверждено сенатомъ, дѣло рабочаго законодательства отъ этого едва-ли пострадаетъ, такъ какъ Франція имѣетъ уже съ 1891 г. (законъ 20 іюля и декретъ 22 января этого года) состоящія при министерствѣ торговли и промышленности учрежденія, которыя, подъ именемъ *Office du travail* и *Conseil superieur du travail*, сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ всѣ статистическія и иныя данныя, касающіяся различныхъ отраслей промышленности, земледѣлія и торговли въ странѣ. Они же предпринимаютъ въ этой области всевозможныя, недоступныя для частной инициативы по своей сложности изслѣдованія, помогаютъ правительству въ выработкѣ законовъ, интересующихъ промышленность, сельское хозяйство и торговлю, и вообще дѣлаютъ все то, что связывается обыкновенно съ представленіемъ о дѣятельности учрежденія, носящаго названіе министерства труда.

Отмѣтимъ здѣсь важный еще по связи съ синдикальной организаціей декретъ 1-го сентября 1899 г., внушенный настоящимъ министромъ торговли Милльераномъ и радикально преобразовывающій одно изъ упомянутыхъ сейчасъ учреждений, а именно *Conseil superieur du travail*. Члены этого высшаго совѣта труда, назначавшіеся до сихъ поръ правительствомъ, — если не говорить о нѣсколькихъ лицахъ, засѣдающихъ въ немъ *ex officio*, по праву, — теперь избираются на основаніи указаннаго декрета въ равномъ числѣ организованными въ профессиональные синдикаты и „совѣты добросовѣстныхъ“ предпринимателями и рабочими. Это

настоящее выборное представительство труда, родъ совѣщательнаго по вопросамъ промышленности парламента, приуроченнаго пока къ министерству торговли, въ ожиданіи основанія особаго министерства труда. Последняя сессія 1900 г. этого промышленнаго парламента была посвящена обсужденію реформы „совѣтовъ добросовѣстныхъ“, подготовляемой опять-таки настоящимъ министерствомъ и заслуживающей того, чтобы на ней остановиться нѣсколько минутъ.

Введенныя еще въ 1806 г., сначала въ одной шелковой промышленности въ Лионѣ для миролюбиваго окончанія споровъ между фабрикантами и рабочими или мастерами и ихъ подмастерьями и учениками, эти „совѣты добросовѣстныхъ“ быстро распространились и въ другихъ промышленныхъ центрахъ Франціи, благодаря преимуществамъ простого, скорого и дешеваго суда, творимаго людьми выборными и обладающими несомнѣнной технической компетенціей въ отношеніи разбираемыхъ ими споровъ. Но составленные вначалѣ исключительно изъ предпринимателей, къ которымъ впослѣдствіи были присоединены лишь мастера и „патентованные“ рабочіе, оставляемые при томъ постоянно въ меньшинствѣ, эти суды не давали естественно гарантій безпристрастія. Исправленные въ этомъ отношеніи декретомъ 27 мая 1848 г., объявившимъ, что „число добросовѣстныхъ изъ рабочихъ должно быть всегда равно числу добросовѣстныхъ изъ предпринимателей“, они были опять испорчены закономъ 1-го іюня 1853 г., который предоставлялъ императору назначать отъ себя председателей и вице-председателей этихъ совѣтовъ—даже не изъ состава ихъ членовъ,—и включалъ, кромѣ того, какъ это было и до 1848 г., въ составъ избирателей добросовѣстныхъ изъ рабочихъ какъ мастеровъ, такъ и завѣдующихъ мастерскими. Этотъ законъ дѣйствуетъ и по настоящее время, съ небольшими измѣненіями, внесенными въ него законами 1880 и 1884 гг. Высшій совѣтъ труда предлагаетъ теперь реформировать его на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ: во 1), распространить компетенцію „совѣтовъ добросовѣстныхъ“ на всѣхъ служащихъ и рабочихъ по торговлѣ и промышленности; во 2), вполне уравнять въ этихъ совѣтахъ участіе выборныхъ отъ организацій какъ предпринимателей, такъ и рабочихъ; въ 3), облегчить значительно условія избирательнаго права и допустить къ нему наравнѣ съ мужчинами и женщинъ; въ 4), поставить, въ качествѣ апелляціонной инстанціи надъ этими совѣтами, вмѣсто дѣйствующихъ теперь въ этомъ качествѣ коммерческихъ судовъ, въ которыхъ представленъ одинъ предпринимательскій элементъ, особые совѣты, составленные изъ равнаго числа предпринимателей и рабочихъ, выбранныхъ своими товарищами изъ числа бывшихъ или настоящихъ членовъ „совѣтовъ добросовѣстныхъ“.

Рядомъ съ этими „совѣтами добросовѣстныхъ“, представля-

ющими собою специальную юрисдикцію для разрѣшенія только индивидуальных споровъ между предпринимателемъ и рабочимъ, французское рабочее законодательство знаетъ еще особое учреждение для предупрежденія и разрѣшенія коллективныхъ столкновений, рождаемыхъ постояннымъ измѣненіемъ условій труда при быстротѣ движенія современной промышленности. На основаніи закона 27 декабря 1892 г. предпринимателямъ и рабочимъ предоставлено, въ случаѣ возникновенія между ними коллективнаго столкновения, имѣющаго отношеніе къ условіямъ труда, обращаться къ примиренію и посредничеству въ такомъ порядкѣ: 1) До объявленія рабочими стачки, спорящія стороны, въ какомъ бы онѣ ни были представлены числѣ, обращаются по своей инициативѣ, вмѣстѣ или порознь, къ мировому судѣ съ письменнымъ заявленіемъ, въ которомъ они означаютъ свои имена, мѣстожителство, предметъ столкновения и его мотивы. Если заявление сдѣлано одной стороной, то другая сторона извѣщается о немъ мировымъ судьей въ 24 часа. Въ случаѣ неполученія отъ нея въ теченіе 3 дней отвѣта вступаетъ въ силу предположеніе, что эта сторона отказывается отъ всякихъ переговоровъ, и тогда настоящий законъ остается безъ примѣненія. Напротивъ, въ случаѣ явки этой стороны въ установленный срокъ, непосредственно или черезъ посредство делегатовъ, число которыхъ не должно, однако, превышать 5, мировой судья устраиваетъ изъ представителей обѣихъ сторонъ такъ наз. „комитетъ примиренія“ (*comité de conciliation*). Этотъ комитетъ приводитъ или къ взаимному соглашенію, — тогда составляется примирительный протоколъ, подписываемый обѣими сторонами и мировымъ судьей, — или къ избранію съ согласія тѣхъ же сторонъ особаго „посредническаго совѣта“ (*conseil d'arbitrage*), который разрѣшаетъ данное столкновение и устанавливаетъ условія дальнѣйшаго *modus vivendi*. 2) Послѣ объявленія стачки, если ни одна сторона не беретъ на себя инициативы обращенія къ миру и посредничеству, то мировой судья приглашаетъ уже по своей инициативѣ, *ex officio*, обѣ стороны объявить въ трехдневный срокъ предметъ возникшаго между ними несогласія, его мотивы и т. д... При неполученіи въ этотъ срокъ отвѣта миссія мирового судьи считается опять оконченной; при явкѣ къ нему сторонъ или ихъ делегатовъ производство идетъ въ указанномъ выше порядкѣ.

Главные недостатки изложеннаго закона состоятъ, съ одной стороны, въ томъ, что онъ не даетъ никакой юридической санкціи для вытекающихъ изъ него обязанностей, а съ другой — въ чисто факультативномъ, временномъ и случайномъ характерѣ создаваемой имъ юрисдикціи. Рѣшенія посредниковъ производятъ здѣсь не юридическія, а нравственные обязанности: они не могутъ быть принудительны и не имѣютъ другой санкціи, кромѣ санкціи общественнаго мнѣнія, въ виду которой эти рѣшенія вывѣ-

шиваются, но далеко не всегда исполняются. Ихъ значеніе ослабляется, конечно, и тѣмъ, что они постановляются не иначе, какъ въ случаѣ, если обѣ стороны вызываютъ ихъ постановленіе, и, притомъ, всегда уже послѣ возникшаго между ними столкновенія. Наконецъ, сколько нибудь успѣшное дѣйствіе настоящей юрисдикціи предполагаетъ уже существующіе кадры для представительства предпринимателей и рабочихъ въ комитетахъ примиренія и посредничества, а эти кадры еще отсутствуютъ во Франціи вслѣдствіе слабости синдикальной организаціи, обнимающей пока лишь меньшинство рабочихъ. Избраніе делегатовъ и посредниковъ предоставлено всевозможнымъ случайностямъ, и поэтому неудивительно, что рабочіе отказываются часто отъ исполненія рѣшеній, которыя принимаются за нихъ въ большинствѣ случаевъ людьми, не получившими никакихъ полномочій. Вотъ главные недостатки настоящаго закона, обусловливающіе естественно и его рѣдкое примѣненіе, и частое опаздываніе той помощи, которая имъ могла бы быть оказана, и непригодность его, въ особенности, для предупрежденія конфликтовъ въ области промышленнаго труда. Избираемые беспорядочно и случайно по поводу каждаго отдѣльнаго конфликта, накануне или на другой день послѣ стачки, когда страсти вытѣсняють хладнокровный расчетъ и оставляють менѣе всего мѣста для мирнаго соглашенія, дѣйствующіе по закону 1892 г. посредники не оправдываютъ возлагавшихся на нихъ надеждъ. Они не приносятъ даже той пользы, какую приносятъ введенные въ Англію уже съ 1860 г. и нѣсколько позднѣе въ Германію, Австрію, Бельгію и въ другихъ странахъ постоянные промышленные суды или такіе-же постоянные посредническіе суды, составленные—съ участіемъ или безъ участія элемента профессиональных судей¹—изъ равнаго числа правильно избранныхъ представителей предпринимателей и рабочихъ.

Примѣръ этихъ судовъ, развившихся, однако, не безъ значительнаго вліянія на нихъ французскихъ „совѣтовъ добросовѣстныхъ“, — которыхъ компетенція была только расширена отъ однихъ индивидуальныхъ и на коллективныя столкновенія предпринимателей съ рабочими,—равно какъ и сознаніе недостатковъ закона 1892 г., укрѣпленное особенно опытомъ послѣднихъ стачекъ,—приводятъ теперь министерство В. Руссо къ цѣлому ряду мѣръ и проектовъ, имѣющихъ составить, въ случаѣ ихъ упроченія и перехода въ законы и нравы, настоящую эпоху въ рабочемъ законодательствѣ.

Ю. Гамбаровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Литература и жизнь.

О книгѣ гг. Бердяева и Струве и о себѣ самомъ.—О докторѣ философіи вообще и о д-рѣ философіи М. М. Филипповѣ въ частности.

Ваявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ. Разъ поднявъ перчатку, брошенную мнѣ гг. Бердяевымъ и Струве, я долженъ довести это дѣло до конца, хотя по разнымъ причинамъ это въ данную минуту отнюдь не пріятная обязанность. Непріятная, во первыхъ потому, что хотѣлось бы говорить совсѣмъ о другомъ, а во вторыхъ потому, что не хотѣлось бы говорить о нѣкоторыхъ вопросахъ, поднимаемыхъ моими критиками. Въ области этихъ вопросовъ я позволю себѣ только одно замѣчаніе.

На стр. LXXXII г. Струве приводитъ слѣдующія мои слова, написанныя въ 1880 г.: „Мы вѣрили, что Россія можетъ проложить себѣ новый историческій путь, особый отъ европейскаго, причемъ для насъ важно не то было, чтобы это былъ какой-то національный путь, а чтобы онъ былъ путь хорошій, а хорошимъ мы признавали путь сознательной практической пригонки національной фizioноміи къ интересамъ народа. Предполагалось, что нѣкоторые элементы наличныхъ порядковъ, сильные либо властью, либо своею многочисленностью, возьмутъ на себя починъ проложенія этого пути. Это была возможность. Теоретическою возможностью она остается въ нашихъ глазахъ и до сихъ поръ. Но она убываетъ, можно сказать, съ каждымъ днемъ. Практика урѣзываетъ ее безпощадно, сообразно чему наша программа осложняется, оставаясь при той же конечной цѣли, но вырабатывая новыя средства“. Цитату эту г. Струве сопровождаетъ такимъ примѣчаніемъ: „Въ этихъ словахъ г. Михайловскій въ 1880 г., самъ того, конечно, не зная, далъ полное теоретическое и моральное оправданіе того направленія, выступленіе котораго въ 90-хъ годахъ вызвало такой рѣзкій отпоръ съ его стороны. Въ этомъ отпорѣ г. Михайловскій погрѣшилъ двояко: теоретически и этически. Теоретически — непризнаніемъ огромной научной и вообще объективной цѣнности за утвержденіемъ и доказательствомъ полной призрачности той „теоретической возможности“, которая уже въ глазахъ самого г. Михайловскаго въ 1880 г. была безпощадно урѣзана практикой; этически — желаніемъ дискредитировать общественно-нравственную цѣнность этой критической работы, желаніемъ, ярко выразившимся въ совершенно неправильномъ тонѣ, взятомъ имъ относительно новаго направленія. Вообще морально

неправильный тонъ являлся и до сихъ поръ является нерѣдко крупнымъ грѣхомъ г. Михайловскаго какъ публициста“.

Мнѣ кажется, что мой почтенный оппонентъ не вѣрно или не полно изображаетъ дѣло и валить съ больной головы на здоровую. Развѣ работа того направленія, которое „выступило въ 90-хъ годахъ“, то есть нашего марксизма, состояла только въ критикѣ „теоретической возможности“? Если бы и такъ, то представители этого направленія должны бы были отмѣтить, что мы и сами, задолго до ихъ критики, указывали на „безпощадную урѣзку“ теоретической возможности, равно, какъ и на то, что „сообразно этому наша программа осложняется, оставаясь при той же конечной цѣли, но вырабатывая новыя средства“. Наши противники закрывали однако глаза на эти указанія и предъявляютъ ихъ, да еще съ попрекомъ, только теперь, когда сами уже далеко отошли отъ марксизма, лишь по какому-то странному недоразумѣнію доселѣ ими защищаемаго. За то они занимались еще многимъ другимъ, кромѣ критики теоретической возможности. Они преклонялись передъ единоспасающимъ идоломъ „экономическаго фактора“; они издѣвались надъ правомъ нравственнаго суда надъ явленіями общественной жизни; они выбрасывали за бортъ исторіи многомилліонную массу крестьянства ради его „деревенскаго идіотизма“; они третировали „интеллигенцію“, какъ ничтожную или же состоящую „на содержаніи“ величину; они видѣли прогрессивное явленіе въ кулачествѣ - ростовщичествѣ, фатально имѣющемъ превратиться въ свою противоположность, и т. д., и т. д. При этомъ гордые своимъ „новымъ словомъ“, они не находили достаточно сильныхъ словъ для изображенія глупости, невѣжества и „реакціонныхъ стремленій“ своихъ предшественниковъ. Неужели это не заслуживало рѣзкаго отпора и г. Струве можетъ утверждать это даже теперь, когда онъ уже покончилъ съ „ортодоксальностью“ и успѣлъ замѣнить свое бывшее „новое“ новѣйшимъ, а наконецъ и самоновѣйшимъ? „Морально неправильный тонъ“... Не припомнить-ли г. Струве, что г. Бельтовъ въ книгѣ, доселѣ осыпаемой комплиментами г. Бердяева, кривляясь и кувыркаясь, уличалъ меня во „лжи“ въ то самое время, когда самъ лгалъ, что и было мною документально доказано. Не припомнить-ли еще г. Струве, что „Русское Богатство“, по чисто моральнымъ соображеніямъ, прекратило одно время полемику съ „Новымъ Словомъ“, а г. Novus, принявъ это за трусость, храбро пугалъ насъ, что кто-то у нихъ тамъ „сорвется съ цѣпи“...

Но оставимъ эти старые счеты. Въ предлагаемой статьѣ я постараюсь, обходя многія подробности, остановиться главнымъ образомъ на тѣхъ сторонахъ критики гг. Бердяева и Струве, которыя обозначены въ самомъ заглавіи ихъ книги „Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи“.

Г. Бердяевъ задаетъ мнѣ два любопытныхъ вопроса, давая

при этомъ нѣкоторые матеріалы для отвѣтовъ на нихъ, какъ съ моею, такъ и съ его собственной точки зрѣнія. Первый вопросъ онъ ставитъ въ такой рамкѣ: „Человѣческая психологія съ ея специфическимъ субъективнымъ отношеніемъ къ окружающимъ явленіямъ можетъ мѣшать человѣческой логикѣ и научному познанію, но можетъ уживаться мирно и даже способствовать объективному пониманію явленій. Вопросъ, значить, стоитъ такимъ образомъ: при какихъ условіяхъ неизбежный человѣческій субъективизмъ не противорѣчитъ требованіямъ научнаго объективизма? Что нужно для гармоническаго сочетанія субъективнаго и объективнаго? Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ не смѣшеніемъ психологическаго (субъективнаго) сознанія съ трансцендентальнымъ (объективнымъ), какъ это дѣлаетъ г. Михайловскій, а наоборотъ—строгимъ ихъ разграниченіемъ“ (47).

Стало быть, я или не имѣю правильнаго отвѣта на поставленный г. Бердяевымъ вопросъ, или совсѣмъ не имѣю его,—ни правильнаго, ни неправильнаго,—или, наконецъ, можетъ быть, даже и не задавалъ себѣ самаго вопроса. И все это потому, что я смѣшалъ психологическое сознаніе съ трансцендентальнымъ. Если бы, однако, оказалось, что я себѣ вопросъ г. Бердяева задавалъ и далъ на него правильный (то есть въ данномъ случаѣ совпадающій съ отвѣтомъ самого г. Бердяева) отвѣтъ, то... то оказалось бы, я думаю, вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что либо я не смѣшивалъ психологическаго сознанія съ трансцендентальнымъ, либо, и смѣшивая ихъ, можно приходить къ вѣрнымъ заключеніямъ. Посмотримъ же.

„Человѣческая психологія съ ея специфическимъ субъективнымъ отношеніемъ къ окружающимъ явленіямъ можетъ мѣшать человѣческой логикѣ и научному познанію, но можетъ уживаться мирно и даже способствовать объективному пониманію вещей“. Такъ говоритъ г. Бердяевъ. А изъ моихъ писаній онъ любезно приводитъ, напримѣръ, слѣдующія слова: „Предвзятое мнѣніе (то есть „специфическое субъективное отношеніе къ окружающимъ явленіямъ“) неизбежно играетъ весьма значительную роль въ нашихъ изслѣдованіяхъ, какъ бы мы безпристрастны ни были. Сѣтовать на это нечего, во-первыхъ, уже потому, что это неизбежно, а во-вторыхъ, потому, что если предвзятое мнѣніе ведетъ часто къ неполнымъ и ошибочнымъ наблюденіямъ и умозаключеніямъ, то имъ же обусловливается и дальнѣйшее движеніе науки впередъ“.

Отсюда возникаетъ вышеприведенный вопросъ г. Бердяева, на который онъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: „Теперь социальная наука возбуждаетъ страсти, во имя социальныхъ идей люди принимаютъ мученическій вѣнецъ. Общечеловѣческая же социальная наука возможна будетъ только въ безклассовомъ обществѣ“ (40). Что касается моего отвѣта, то г. Бердяевъ опять же

самъ любезно его сообщаетъ. Вотъ онъ: „Соціологіи мы никогда не будемъ имѣть, если борьба интересовъ не расчиститъ для насъ почвы, сгладивъ общественныя дифференцірованія“.

Я могъ бы, разумѣется, привести гораздо больше и гораздо болѣе яркихъ мѣстъ изъ своихъ писаній, подтверждающихъ и развивающихъ эти мысли, но ограничиваюсь даже не всѣмъ, что приводитъ г. Бердяевъ. И думаю, что имѣю право сказать: хотя г. Бердяевъ „строго разграничиваетъ психологическое и трансцендентальное сознаніе“, а я ихъ смѣшиваю или даже понятія не имѣю о послѣднемъ, но, какъ въ мотивахъ заданія вопроса, такъ и въ отвѣтѣ на него,—между нами нѣтъ разницы. Не считая, конечно, той, что мои мысли изложены тридцать лѣтъ тому назадъ, а г. Бердяевъ изложилъ свои вчера... Ахъ, бѣдныя бывають потомки! Они такъ часто, подобно опереточнымъ карабинерамъ, *aggrivent trop tard*; „не оставивъ камня на камнѣ“ въ работѣ предковъ, они воздвигаютъ на этихъ развалинахъ зданіе, упирающееся вершиной въ надзвѣздныя сферы небытія, чтобы, спустившись съ этой головокружительной высоты, придти къ тѣмъ же результатамъ, къ которымъ пришли десятки лѣтъ тому назадъ предки...

Независимо отъ грядущихъ судебъ общепризнанной соціологіи въ связи съ измѣненіями въ общественной жизни, отдѣльные изслѣдователи могутъ и нынѣ приблизиться къ истинѣ въ этой области. Но чтобы могли явиться среди насъ люди, „органически способные къ многостороннему сочувственному опыту, способные воспроизвести въ своемъ сознаніи всѣ оттѣнки, раскиданные процессомъ общественныхъ дифференцірованій въ разныя стороны,—для этого нужны особенно счастливыя и чисто случайныя обстоятельства: удачное смѣшеніе крови, особенности воспитанія и проч. И это будутъ люди съ высокимъ нравственнымъ уровнемъ, способные къ успѣшной разработкѣ соціологіи (—). Но такіе люди, конечно, рѣдки“. Съ этими моими словами г. Бердяевъ (41) также вполне согласенъ, и я очень горжусь его одобреніемъ, но мнѣ жаль, что тамъ, гдѣ въ этой цитатѣ стоитъ знакъ (—), г. Бердяевъ пропустилъ слѣдующую фразу: „можетъ быть не лишне замѣтить, что одинъ высокій нравственный уровень самъ по себѣ не можетъ гарантировать ничего“ (Сочиненія I, 141). Фраза это мимоходная, вводная и поставлена у меня въ скобкахъ, поэтому нѣтъ большого грѣха въ томъ, что она пропущена. Но мнѣ всетаки жаль, что г. Бердяевъ ее вычеркнулъ. Мои критики, въ томъ числѣ и гг. Струве и Бердяевъ, съ такимъ страннымъ упорствомъ повторяють неправду, будто субъективное начало морали безъ остатка поглощаетъ у меня объективное начало знанія (вплоть до ариметики и географіи), что дѣйствительно „можетъ быть не лишне замѣтить, что одинъ высокій нравственный уровень самъ по себѣ не можетъ гаранти-

ровать ничего". Оно немножко азбуккой отдаетъ, но что же дѣлать... Мнѣ вотъ и въ 1875 г. приходилось доказывать, что „снимать съ социологіи узду общеобязательныхъ логическихъ формъ мышленія я никогда не думалъ, а, напротивъ, всегда предлагалъ надѣть ее“ (Сочиненія, III, 397). Но не перепечатывать же мнѣ въ „Русскомъ Богатствѣ“ всѣ свои сочиненія...

Мой „субъективизмъ“ г-н Струве и Бердяевъ признаютъ вполне. Ихъ смущаетъ только „субъективный методъ“. По этому случаю могу лишь напомнить сказанное мною четверть вѣка тому назадъ: „Субъективнымъ методомъ называется такой способъ удовлетворенія познавательной потребности, когда наблюдатель ставитъ себя мысленно въ положеніе наблюдаемаго. Этимъ самымъ опредѣляется и сфера дѣйствія субъективнаго метода, размѣры законно подлежащаго ему района изслѣдованій.“ (Сочиненія, III, 402).

Перехожу ко второму вопросу, задаваемому мнѣ г. Бердяевымъ: онъ подчеркиваетъ, что ставитъ его „ребромъ“. „Дѣйствительно—говоритъ онъ—необходимъ извѣстный идеаль, дѣйствительно необходимо подвергать все нравственной оцѣнкѣ съ точки зрѣнія этого идеала, но почему именно *этотъ* идеаль выше всякаго другого, почему именно *онъ* даетъ правильную оцѣнку явленій и способствуетъ правильному ихъ пониманію?“ (61—62). Этотъ „ребромъ поставленный“ вопросъ г. Бердяевъ такъ поясняетъ нѣсколько дальше: „Въ различныя историческія эпохи и у различныхъ общественныхъ группъ субъективные идеалы чрезвычайно различаются, подъ человѣческимъ, гуманнымъ понимаютъ различныя вещи, а нерѣдко и совсѣмъ имъ пренебрегаютъ. Въ то самое время, когда *человѣкъ* Н. К. Михайловскій писалъ въ „От. Зап.“ свои статьи, въ которыхъ проповѣдывалъ единственно *человѣческую*, субъективно-антропоцентрическую точку зрѣнія, другой *человѣкъ* М. Н. Катковъ провозглашалъ на страницахъ „Русск. Вѣстн.“ идеаль, который“ и т. д. (65—66).

Изъ этого видно, что г. Бердяевъ имѣетъ свой идеаль или свой критерій, съ точки зрѣнія котораго онъ расцѣпываетъ явленія общественной жизни, и относительно котораго онъ можетъ представить оправдательныя соображенія. Выражаетъ онъ его въ формѣ „основной идеи Кантовой этики“, въ силу которой *человѣкъ* есть цѣль въ себѣ самомъ и никто не можетъ имъ пользоваться какъ средствомъ, не дѣлая его вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣлью. Это очень высокій и даль освѣщающій критерій, но, мнѣ кажется, я въ своихъ писаніяхъ не очень отступаю отъ него, ибо мой „человѣкъ“, *человѣческая личность* есть тоже самоцѣль, которую никто не можетъ обращать въ средство, въ орудіе, въ органъ. Поэтому, если соображенія г. Бердяева о „человѣкѣ Михайловскомъ“ и „человѣкѣ Катковѣ“ уместны по отношенію ко мнѣ, то

они умістны и по отношенію къ самому г. Бердяеву. Только вотъ я не могу доказать, что мой идеалъ или критерій выше всякаго другого, а г. Бердяевъ можетъ... Къ удивленію, однако, на стр. 81 читаемъ: „Человѣкъ, какъ самоцѣль, царство человѣчности, человѣческой силы и сознательности — вотъ наша путеводная звѣзда. *Истинность этой идеи не можетъ быть доказана, какъ не можетъ быть доказана всеобщая примѣнимость принципа причинности, но безъ этого апіорнаго принципа мы были бы нравственно слѣпы и не умѣли бы отличать въ окружающей насъ жизни справедливаго, человѣчнаго и прогрессивнаго отъ несправедливаго, безчеловѣчнаго и реакціоннаго*“ (81).

Признаюсь, я совершенно не понимаю, почему г. Бердяевъ, требуя отъ меня доказательствъ „истинности идеи“, такъ просто и спокойно говорить, что истинность его идеи „не можетъ быть доказана“. И почему эта недоказуемая идея „человѣка, какъ самоцѣль“ помогаетъ ему отличать „справедливое, человѣчное и прогрессивное отъ несправедливаго, безчеловѣчнаго и реакціоннаго“,—когда „въ различныя историческія эпохи и у различныхъ общественныхъ группъ подъ человѣческимъ, гуманнымъ понимаютъ различныя вещи, а нерѣдко и совсѣмъ имъ пренебрегаютъ“...

Я попробую, однако, отвѣтить на „ребромъ поставленный“ вопросъ г. Бердяева и, если не доказать то, что онъ для себя считаетъ недоказуемымъ,—хотя отъ меня и требуетъ доказательствъ,—то всетаки представить нѣкоторыя оправдательныя соображенія. Они давно даны мною въ теоріи борьбы за индивидуальность, которую я и долженъ напомнить читателю, принявъ въ соображеніе возраженія гг. Струве и Бердяева.

Гг. Струве и Бердяевъ неоднократно говорятъ, что я имѣю дѣло исключительно съ „біологическими абстракціями“ *). По ихъ мнѣнію, самая задача теоріи борьбы за индивидуальность, какъ я ее понимаю, не имѣетъ ни философскаго, ни соціологическаго значенія. Я не могу съ этимъ согласиться. Какъ рѣшеніе всеобъемлющаго вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ единого и многого, цѣлаго и частей, теорія борьбы за индивидуальность могла бы, съ одной стороны, подняться до метафизическихъ небесъ во вкусъ моихъ критиковъ, а съ другой—обнять весь міръ реальныхъ явленій отъ физико-химическихъ до астрономическихъ. Я вѣдѣлся отъ того и отъ другого и ограничилъ свою работу

*) Въ связи съ этимъ находится забавная ошибка г. Бердяева. Будучи увѣренъ, что я мало что, кромѣ сочиненій по біологіи, читаю, онъ причисляетъ къ біологамъ и не разъ цитируемаго мною, но очевидно совершенно незнакомаго ему К. Снедди.

предѣлами жизни, со включеніемъ жизни общественной. Задача гг. Бердяева и Струве, по скольку ея положительную часть можно усмотрѣть изъ подѣ критики моихъ воззрѣній, и гораздо шире, и гораздо уже. Біологическія явленія очень мало интересуютъ ихъ, а въ социологій вниманіе ихъ сосредоточивается главнымъ образомъ только на ближайшемъ, по ихъ мнѣнію, фазисѣ общественнаго развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, они ищутъ „метафизическаго синтеза“, ибо ему „доступны всѣ богатства опыта, и кромѣ того онъ ищетъ объять всю ту область человѣческихъ переживаній, которая не подлежитъ вѣдѣнію опыта“ (XXXVI). Они приходятъ къ „метафизическому постулату нравственнаго міропорядка, независимаго отъ субъективнаго сознанія“ (LIV). Безъ этой „религіозной идеи нравственнаго міропорядка жизнь бессмысленна“ для нихъ (137). Они утверждаютъ „имманентную цѣлесообразность и прогрессивность“ мірового, космическаго процесса, то есть вѣчное приближеніе его къ конечной благой цѣли, а въ процессѣ историческомъ — постепенное осуществленіе все болѣе и болѣе высокихъ идеаловъ человѣчества. „Цѣлесообразность коренится въ трансцендентальной апперцепціи, въ томъ сверхъ-индивидуальномъ сознаніи, которое созд(н?)аетъ міръ не только причинно-обусловленнымъ, но и движущимся къ цѣли“ (136).

Къ сожалѣнію, все это очень слабо развито и во всякомъ случаѣ не обставлено сколько-нибудь вѣскими аргументами. Мнѣ кажется, однако, что если не центральный пунктъ міровоззрѣнія гг. Бердяева и Струве, пунктъ, изъ котораго можно бы было провести радіусы къ любой точкѣ ихъ кругозора, то ихъ основной мотивъ указать не трудно. Это именно жажда „радостнаго прогноза“. Они — оптимисты прежде всего; оптимисты не потому, что къ радостному прогнозу ихъ привело объективное изслѣдованіе, — напротивъ, характеръ всего ихъ изслѣдованія предопредѣленъ потребностью радостнаго прогноза; и не вслѣдствіе, такъ сказать, умственного и нравственнаго полнокрівія, которое непосредственно въ себѣ самомъ носитъ силу бодро и радостно смотрѣть впередъ, — для этого они слишкомъ настаиваютъ на цѣлесообразности и прогрессивности не только историческаго, а и мірового процесса.

Что касается ближайшихъ стадій историческаго процесса, то оптимизмъ гг. Струве и Бердяева не новость. Въ томительно-тусклые восьмидесятые годы мы, по извѣстному, слишкомъ красивому выраженію, уныло „сложили ненужныя руки на пустой груди“; „дѣйствительность“ была признана силою непреодолимую; мы провозгласили „отказъ отъ наслѣдства“, заключавшаго въ себѣ элементъ отрицательнаго отношенія къ этой дѣйствительности, и съ удивленіемъ, иногда и со злобою оглядывались на свое недавнее прошлое, а на будущее и совсѣмъ махнули рукой: будь что будетъ. Но вотъ на этомъ тоскливо-сѣромъ небѣ поднялась мало-по-малу

заря вѣры и надежды. Я разумѣю марксизмъ, „ортодоксальный“, какъ говорятъ уже нынѣ, марксизмъ, быстро заповлотившій широкіе круги. Странное это было явленіе, хотя и вполне понятное. Понятно именно, что послѣ тупой безнадежности восьмидесятыхъ годовъ марксизмъ захватилъ умы и сердца тою вѣрою и надеждою, тѣмъ „радостнымъ прогнозомъ“, который онъ принесъ съ собой,— это былъ дождь послѣ томительной засухи. Но понятно также, что „отказъ отъ наслѣдства“ продолжалъ заявляться и принялъ даже еще болѣе рѣзкія формы. Новая доктрина все же требовала примиренія съ дѣйствительностью, ибо, дескать, она сама собой, хотимъ ли мы этого или не хотимъ, управляемая собственными имманентными законами, приведетъ насъ къ лучшему будущему, и всяческое зло текущей дѣйствительности превратится въ свою противоположность. Не на свои силы предложила доктрина „ученикамъ“ рассчитывать,—напротивъ, она утверждала полное безсиліе „интеллигенціи“, „критически мыслящей личности“, „субъективныхъ идеаловъ“ и проч.,—а на цѣлесообразность и прогрессивность объективнаго историческаго процесса, который неизбѣжно осуществить идеалъ справедливости и свободы. И разъ блеснулъ свѣточъ этого идеала гдѣ-то въ болѣе или менѣе близкой, въ болѣе или менѣе далекой перспективѣ, воспріятіе марксистской доктрины не представляло уже никакихъ затрудненій. Простая, ясная, она явилась къ намъ совсѣмъ готовою, притомъ въ значительной степени лишенною того дѣйствительнаго характера, который имѣла въ западной Европѣ: намъ нужно было, по выраженію Щедрина, еще „годить“, пока прочно уляжется „экономическій фундаментъ“, на которомъ возвысится новая „надстройка“. А долго или не долго „годить“,—это уже зависѣло отъ усмотрѣнія и темперамента каждаго. Но вотъ марксизмъ получаетъ ударъ за ударомъ въ Европѣ. Это отражается, разумѣется, и у насъ. Нашъ марксизмъ расщепляется и въ своемъ первоначальномъ „ортодоксальномъ“ видѣ такъ же быстро таетъ, какъ въ свое время быстро нарасталъ, хотя отщепенцы почему-то и считаютъ нужнымъ защищать его на словахъ, отходя отъ него на дѣлѣ. Дальше всѣхъ отошли пока гг. Бердяевъ и Струве. Расширяя марксизмъ до степени всеобъемлющей метафизической системы, а въ сущности топя его въ ней, дѣлая противникамъ даже больше уступокъ, чѣмъ они желали бы получить, они, однако, стоятъ за „радостный прогнозъ“ и придаютъ ему лишній плюсъ идей „нравственнаго міропорядка“, идей цѣлесообразности и прогрессивности всего мірового процесса.

Съ теченіемъ времени гг. Бердяевъ и Струве, можетъ быть, надлежаче обставятъ свою идею нравственнаго міропорядка, цѣлесообразности и прогрессивности космическаго процесса, но пока что — ихъ телеологія виситъ на воздухѣ. Моей работѣ „Теорія Дарвина и общественная наука“, въ которой есть цѣлая обширная глава „Теорія Дарвина и телеологія“, г. Бердяевъ смѣло противо-

поставляетъ нѣсколько подстрочныхъ примѣчаній въ такомъ родѣ: „Въ этомъ отношеніи г. Михайловскій опирается на дарвинизмъ, хотя мы склонны думать, что дарвинизмъ заключаетъ въ себѣ телеологическій принципъ“ и т. д. (133). Или: „Мы настаиваемъ, что совершенно неправильно утвержденіе, будто бы дарвинизмъ исключаетъ всякую телеологию“ (202). Это, конечно, очень смѣло, но едва ли доказательно, потому что „склонность“ г. Бердяева думать такъ или иначе не есть еще доказательство. Г. Бердяевъ ссылается, кромѣ того, на авторитеты, но и ссылки эти далеко не столь для него благопріятны, какъ онъ склоненъ думать.

Ссылается онъ, напримѣръ, на Паульсена („Введеніе въ философію“). Паульсенъ дѣйствительно утверждаетъ существованіе, кромѣ причинной связи между явленіями, еще связи телеологической и возстаётъ противъ отрицательнаго отношенія многихъ натуралистовъ къ идеѣ цѣлесообразности въ природѣ. Достоинно однако вниманія уже и то, что Паульсенъ замѣняетъ слово „цѣлесообразность“ словомъ „цѣлестремительность“ (Zielstrebigkeit), заимствуя и это понятіе, и самый терминъ у натуралиста, и именно біолога—Бэра. Изъ этого нагляднаго примѣра г. Бердяевъ могъ бы заключить, что и у біологовъ есть чему поучиться философамъ. А впрочемъ, мимоходомъ сказать, вѣдь и вся идея развитія или эволюціи нашла себѣ главную поддержку и оправданіе въ трудахъ біологовъ. Какъ бы то ни было, по Паульсену, „телеологическое толкованіе почти не болѣе какъ постулатъ, или неопредѣленная возможность... Попытка понять порядокъ природы изъ ея смысла приводитъ насъ лишь къ сознанію нашей неспособности проникнуть черезъ явленіе къ смыслу. Поэтому естествознаніе поступило справедливо въ томъ, что ограничилось чисто причиннымъ созерцаніемъ. Несправедливо поступаетъ оно лишь въ томъ, что невозможность телеологическаго объясненія природы оно помѣщаетъ не въ субъектъ, а въ вещи, — въ томъ, что оно не говоритъ: цѣль природы для нашего сознанія трансцендентна, а говоритъ: въ природѣ нѣтъ цѣли и смысла“.

Такимъ образомъ, всякая попытка дать телеологическое объясненіе природы по необходимости должна кончиться фіаско. Но не забудемъ, что мы имѣемъ дѣло даже не съ цѣлесообразностью, а только съ цѣлестремительностью, причемъ о какой нибудь единой цѣли всего мірового порядка и рѣчи нѣтъ. Паульсенъ говоритъ лишь о частныхъ цѣляхъ или, вѣрнѣе, объ опредѣленныхъ, заранее извѣстныхъ результатахъ, къ которымъ „стремятся“ извѣстные ряды или группы явленій. Но, спрашивается, какъ отличить въ сложной цѣпи другъ друга обусловливающихъ, другъ съ другомъ разнообразно связанныхъ явленій—явленіе цѣлевое? Паульсенъ даетъ слѣдующій любопытный отвѣтъ; „фактически каждый приносить въ жизненные явленія телеологическую связь; никто не останавливается на томъ, чтобы на всѣ явленія въ животной

жизни смотрѣть, какъ на одинаково дѣйствительные и одинаково важные члены причинной цѣпи; напротивъ, всякій отмѣчаетъ въ послѣдней извѣстные члены, какъ отмѣненные высшія точки, около которыхъ группируются въ цѣлестремительной связи всѣ остальные“. Но, какъ гласитъ пословица, на якусъ, на цвѣтъ товарища нѣтъ: то, что представляется „отмѣненной высшей точкой“ одному, можетъ другому казаться наименѣе дѣйствительнымъ и наименѣе важнымъ въ извѣстной группѣ явленій. Всѣ мы „стремимся“ къ престарѣлому возрасту, за которымъ слѣдуетъ смерть, но вмѣстѣ съ тѣмъ оставляемъ юное потомство. Спрашивается, что здѣсь цѣль — престарѣлый возрастъ, смерть, или юное потомство? Паульсенъ вполнѣ понимаетъ трудность рѣшенія этого вопроса. Онъ продолжаетъ: „Ступени жизни насекомага одинаково дѣйствительны; бабочка есть такое же условіе возникновенія яйца, какъ и яйцо есть условіе возникновенія бабочки. Кто находитъ, что яйцо или личинка красивѣе и значительнѣе, чѣмъ бабочка, того нельзя опровергнуть. И еслибы даже кто нибудь вздумалъ утверждать, что та кучка удобренія, которую производитъ животное въ теченіе своей жизни, которую оно увеличиваетъ подъ конецъ своимъ трупомъ, есть та цѣль, которая собственно имѣлась въ виду жизнью, то и его нельзя бы было опровергнуть“. Но этого мало. Мы знаемъ, что бабочка „стремится“ на огонь свѣчи, лампы, фонаря, костра, и гибнетъ; и это не случайное явленіе, оно имѣетъ свою постоянную причинную подкладку и всякій разъ, когда имѣются надлежащіе условія, цѣпь явленій, составляющихъ жизнь бабочки, обрывается этимъ путемъ. Что же здѣсь „отмѣненная высшая точка“ или цѣль природы? Во всякомъ случаѣ, „мы имѣемъ здѣсь въ концѣ-концовъ — продолжаетъ Паульсенъ—дѣло не съ *объективнымъ* познаниемъ, а съ *основаннымъ на субъективныхъ чувствахъ отличіемъ* извѣстныхъ элементовъ передъ другими“ („Введеніе въ философію“ 238—240). Подчеркнуты мною слова напечатаны курсивомъ и у Паульсена, и я предоставляю читателю самому судить, насколько онъ можетъ служить поддержкой г. Бердяеву.

Итакъ, существуютъ ли цѣли природы или нѣтъ, я ихъ во всякомъ случаѣ не знаю и не могу знать. Для меня это или вѣчно закрытое или просто пустое мѣсто, изъ котораго нѣтъ возможности извлечь требуемую г. Бердяевымъ „объективно-этическую норму, санкціонирующую прогрессъ“.

Объективно міръ или, точнѣе, та обширная часть его, которая меня занимаетъ,—жизнь представляетъ безконечно сложную систему индивидуальностей, находящихся въ самыхъ разнообразныхъ взаимныхъ отношеніяхъ. Все единое есть вмѣстѣ съ тѣмъ и многое, всякое цѣлое состоитъ изъ частей, и потому можно различить нѣсколько ступеней индивидуальности, то есть степеней особи, самостоятельности, концентраціи силъ. Взаимныя

отношенія двухъ сосѣднихъ, одна надъ другой высшихся, непосредственно другъ въ друга входящихъ, какъ часть въ цѣлое, индивидуальностей — очень просты: низшая ступень подчиняется высшей; часть, утрачивая въ той или другой степени свою особность и самостоятельность, попадаетъ въ той же степени въ сферу вліянія цѣлаго. Та *Zielstrebigkeit* (но отнюдь не цѣлесообразность), о которой, вслѣдъ за Вэромъ, говоритъ Паульсенъ, можетъ состоять именно только въ томъ, что всякое цѣлое слѣпо, стихійно, въ силу „имманентныхъ“ законовъ своего бытія, „стремится“ подчинить себѣ свои части, обратить ихъ въ служебное состояніе для вящей полноты своего существованія. Въ возникающей отсюда борьбѣ за индивидуальность, направленной на два фронта, — вверхъ и внизъ, — шансы побѣды растутъ, такъ сказать, лавинообразно: чѣмъ больше удалось данному цѣлому подчинить себѣ свои части, тѣмъ болѣе гарантировано оно отъ подчиненія высшему цѣлому, часть котораго оно само составляетъ. Что же касается пути, которымъ достигается побѣда, то онъ можетъ быть выраженъ извѣстнымъ изреченіемъ — *divide et impere*: всякая высшая индивидуальность подчиняетъ себѣ низшія, раздѣляя между ними трудъ своего существованія, усваивая имъ ту или другую специальную функцію и тѣмъ самымъ лишая ихъ самостоятельности.

Я не буду расцвѣчать это краткое и схематическое изложеніе теоріи борьбы за индивидуальность всѣми тѣми біологическими фактами, на которыхъ она основана, — интересующіеся найдутъ ихъ въ моихъ старыхъ статьяхъ. Но на одной группѣ этихъ фактовъ я долженъ на малое время остановиться. Мнѣ кажется, что до того момента, до котораго выше доведено изложеніе теоріи борьбы за индивидуальность, она не возбудила бы не только неудовольствія, а и вниманія гг. Бердяева и Струве. Что имъ за дѣло до біологіи! Они приходятъ въ волненіе только тогда, когда „біологическія абстракціи“ вторгаются въ соціологію. Къ сожалѣнію, они ужъ слишкомъ презрительно относятся къ біологіи, вслѣдствіе чего многіе ихъ взгляды отличаются неясностью и противорѣчивостью. Такъ, напримѣръ, объ обществахъ животныхъ я нашелъ у г. Бердяева только одно указаніе (примѣчаніе на стр. 194—195); и оно до такой степени туманно и двусмысленно, что я рѣшительно не умѣю сказать, какъ относится авторъ къ этой группѣ явленій, хотя, въ виду той роли, которую она играетъ въ моихъ писаніяхъ, моему критику и слѣдовало бы высказаться на этотъ счетъ вполне опредѣленно. Какъ бы то ни было, я не раздѣляю мнѣнія Штаммлера, совершенно выкидывающаго общества животныхъ за борть соціологическаго изслѣдованія, и думаю, что изученіе ихъ можетъ освѣтить многое и въ сферѣ явленій жизни человѣческихъ обществъ. И при нѣсколько большемъ вниманіи къ этому пункту мои критики отнеслись бы, можетъ быть,

существование къ слѣдующей со стороны Общества есть одна изъ ступеней индивидуальности, и это отношенія къ другимъ ступенямъ опредѣляются тѣмъ же закономъ борьбы. Какъ и всякая другая индивидуальность, общество самымъ процессомъ своего развитія „стремится“ подчинить себѣ входящія въ его составъ индивидуальности, предоставляя имъ, путемъ специализации, служебное положеніе. Но оно встрѣчаетъ при этомъ противодѣйствіе со стороны этихъ низшихъ индивидуальностей, и побѣда склоняется въ ту или другую сторону, смотря по обстоятельствамъ. Общества животныхъ, разматриваемыя рядомъ съ человеческимъ обществомъ, представляютъ образцы различныхъ результатовъ этой борьбы. И я позволю себѣ напомнить нѣкоторые изъ нихъ. Но прежде надо устранить кое-какіе чисто фактическіе недосмотры и ошибки моихъ критиковъ.

Г. Струве утверждаетъ, что я „не додумался даже до того, что общество, какъ, при всемъ своемъ увлеченіи біологическими аналогіями, показалъ Спенсеръ, не имѣетъ чувствилища“ (LVIII). Это — неправда, простая фактическая неправда, и если бы г. Струве „дочитался“ хотя бы только до 55 стр. I тома моихъ сочиненій, то и тамъ уже нашелъ бы слѣдующее, кажется, достаточно выразительное мѣсто: „Въ организмѣ страдаетъ и наслаждается цѣлое, а не части; въ обществѣ страдаютъ и наслаждаются части, а не цѣлое. И никакое остроуміе, никакая эрудиція не въ силахъ стереть эту коренную разницу“. Въ свою очередь г. Бердяевъ поучаетъ меня, что „въ дѣйствительности общество никогда не было, не есть и не будетъ организмомъ и даже угнетенная личность не можетъ быть его органомъ“ (146). Что касается *человѣческаго* общества, то г. Бердяевъ совершенно правъ, и его заявленіе было бы вполне умѣстно, если бы онъ обратился съ нимъ ну хоть къ такому пламенному стороннику органической теоріи, какъ напримѣръ г. Трачевскій (см. его предисловіе къ переводу книги Вормса „Общественный организмъ“). Но меня въ этомъ отношеніи поучать значить моимъ же добромъ да мнѣ же челоуъ битъ. Мы сейчасъ въ этомъ убѣдимся.

Я подчеркнул, что г. Бердяевъ правъ относительно *человѣческихъ* обществъ, да онъ вездѣ только ихъ и имѣетъ въ виду. Но еслибы онъ удѣлилъ нѣкоторое вниманіе обществамъ животныхъ, то нашелъ бы тамъ рядъ переходныхъ формъ, сближающихъ организмъ и общество. Среди низшихъ животныхъ мы встрѣчаемъ, напримѣръ, сифонофору, общество или, такъ называемую, колонію полиповъ и медузъ, члены которой исполняютъ спеціальныя обязанности движенія, осязанія, размноженія. Это — настолько полная побѣда общества надъ входящими въ его составъ индивидами, цѣлаго надъ частями, что много было споровъ о томъ, есть ли сифонофора организмъ или общество. Въ муравейникѣ или пчелиномъ роѣ мы видимъ иную, гораздо меньшую,

но всетаки значительную степень победы общества. Вообще, чѣмъ организмъ выше, совершеннѣе, сложнѣе, тѣмъ болѣе гарантированъ онъ противъ поглощенія обществомъ. „Безъ сомнѣнія, *человѣкъ есть существо настолько сложное и разнородное или совершенное, что не можетъ уже войти въ составъ не только такихъ совершенныхъ обществъ, какъ сифонофора, но и такихъ, какъ муравейникъ. Онъ не можетъ быть въ такой степени поглощенъ обществомъ* (замѣьте это, г. Бердяевъ): борьба чаще кончается въ его пользу. Но всетаки тутъ дѣло только въ градацин. Я попробую представить ее въ такомъ видѣ. Нѣкоторые изъ составляющихъ сифонофору полиповъ и медузъ суть просто половые органы, всѣ остальные безполы. Это—высшая [изъ одержанныхъ обществомъ надъ организмомъ] побѣда. Въ пчелиномъ роѣ есть трутни, которые, хотя и составляютъ, собственно говоря, въ совокупности половой органъ роя и ради этого отправленія только и терпятся, но всетаки самостоятельно ѣдятъ, летаютъ. Существуютъ и безполыя рабочія пчелы. Это—меньшая степень побѣды общества: превратить однихъ пчелъ въ простые органы труда, а другихъ въ простые органы размноженія роя не удалось, но искалѣченіе всетаки весьма сильно. Наконецъ, въ человѣческомъ обществѣ безполый рабочий возможенъ только въ идеѣ—въ теоріи мальтузіанцевъ“ (Сочиненія, III, 417).

Такимъ образомъ и здѣсь, какъ во всякой серіи явленій природы, мы имѣемъ, несмотря на рѣзкое различіе между крайними членами этой серіи, рядъ переходныхъ формъ въ высокой степени важныхъ для уразумѣнія даннаго явленія. Человѣческое общество не есть организмъ, никогда не можетъ имъ стать, и общепотребительное выраженіе „общественный организмъ“, пожалуй, и удобное, какъ метафора, не имѣетъ реального значенія. Тѣмъ не менѣе общество постоянно обнаруживаетъ тенденцію къ развитію по органическому типу, временами проявляющуюся съ особенною силою, но всегда встрѣчающую препятствіе въ высокой организаціи человѣка. Высота же эта измѣряется степенью побѣды человѣческой индивидуальности надъ индивидуальностями, въ свою очередь входящими въ его составъ. Этого послѣдняго положенія, весьма важнаго для пониманія теоріи борьбы за индивидуальность, гг. Бердяевъ и Струве даже не коснулись. Не стану и я развивать его здѣсь. Интересующіеся благоволятъ обратиться въ особенности къ послѣднимъ главамъ статьи: „Патологическая магія“, а также къ брошюрѣ г. Красносельскаго „Мировоззрѣніе гуманиста нашего времени“.

Такова объективная сторона ученія о борьбѣ за индивидуальность. Это просто описаніе и выясненіе фактически существующихъ отношеній между различными ступенями индивидуальности*),

*) Г. Бердяевъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что общество не есть индиви-

въ которое не влито ни капли морали, симпатіи или антипатіи, одобренія или неодобренія. Исключеніемъ можетъ показаться только слово „совершенный“: „человѣкъ есть существо настолько сложное и разнородное или *совершенное*, что не можетъ уже войти въ составъ такого *совершеннаго* общества, какъ сифонофора“. За-мѣтить, можетъ быть, что совершенное съ одной точки зрѣнія часто оказывается несовершеннымъ съ другой. Но мѣриломъ совершенства я принялъ извѣстный общепризнанный, чисто объективный законъ Бэра, на которомъ, собственно говоря, покоится вся идея эволюціи. Можно однако, пожалуй, и устранить это подозрительное слово, замѣнивъ степень совершенства степенью сложности, разнородности и концентрации состава. Отъ этого ничего не измѣнится. „Міропорядокъ“ (по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ жизни) представится намъ всетаки въ видѣ необъятной системы индивидуальностей, изъ которыхъ каждая стремится къ все большей сложности, разнородности и концентрации своего состава, борясь и съ низшими, и съ высшими индивидуальностями и то побѣждая, то терпя поражение въ этой неустанной борьбѣ на два фронта. Общей цѣли этого міропорядка мы не знаемъ и не можемъ знать, она для насъ не существуетъ, и мы склонны видѣть въ этой вѣковѣчной борьбѣ, съ человѣческой точки зрѣнія, скорѣе безпорядокъ, лишенный всякаго нравственнаго смысла и цѣли. Но это не исключаетъ, конечно, необходимости и возможности нравственности и телеологіи, только не объективной, которой тщетно ищутъ гг. Бердяевъ и Струве, а субъективной. Въ безконечномъ потокѣ стремящихся къ все большей и большей сложности и самостоятельности индивидуальностей разныхъ степеней, вѣчно борющихся между собой съ различными результатами борьбы, есть одна—и только одна—волна, за судьбами которой мыслящій человѣкъ не можетъ не слѣдить съ извѣстной тревогой. Это—человѣкъ, человѣческая личность; ибо только ея жизнь можетъ онъ переживать, только ей сочувствовать, сострадать и сорадоваться. Повинуясь объективному, стихійному закону борьбы за индивидуальность, онъ именно ее, эту борьбу долженъ сознательно поставить цѣлью своей жизни, на ея побѣдѣ построить свой идеаль. Здѣсь и лежитъ точка примиренія объективнаго и субъективнаго, правды-истины и правды-справедливости.

Мнѣ трудно—въ особенности въ настоящую минуту—развивать въ бѣглой полемической замѣткѣ эти положенія, въ свое время обставленные, мнѣ кажется, довольно хорошо. Мнѣ особенно жаль, что не удалось коснуться тѣхъ осложнений, которыя вносятся въ борьбу за индивидуальность фактомъ существованія

дуальность, индивидуализированная единица (а не только не организмъ). Полагаю, что это просто *larvus*.

въ самомъ обществѣ (человѣческомъ) цѣлой градаціи индивидуальностей (семья, родъ, сословіе, классъ, цехъ, государство, церковь и проч.). Въ непродолжительномъ времени, я надѣюсь примѣнить эти общія положенія къ новому, до сихъ поръ не тронутому или почти не тронутому мною матеріалу. Теперь я хотѣлъ только напомнить ихъ.

Въ № 4 „Научнаго Обзорѣнія“ д-ръ философіи М. М. Филипповъ сдѣлалъ мнѣ репримандъ... Почтенный редакторъ „Научнаго Обзорѣнія“, между прочимъ, „предвидитъ, что г. Михайловскій найдетъ въ какойнибудь изъ своихъ старыхъ статей мѣсто, гдѣ нѣчто подобное (тому, что утверждаетъ г. Филипповъ) и имъ самимъ утверждалось“. Нѣтъ, я не стану искать такихъ мѣстъ, мнѣ чужда честолюбивая мысль сравняться въ чемъ бы то ни было съ г. Филипповымъ. Но мнѣ дѣйствительно пришлось рыться въ своихъ старыхъ статьяхъ по поводу одной подробности реприманда г. Филиппова.

Г. Филипповъ недоволенъ тѣмъ, что я его называю докторомъ философіи... Онъ пишетъ: „Представимъ себѣ, что г. Михайловскаго рано или поздно изберутъ—ну, хотя бы въ почетные академики. Едва-ли было бы остроуміемъ высокаго сорта, если бы ктонибудь сталъ съ полемическими цѣлями назойливо именовать г. Михайловскаго не иначе, какъ „почетнымъ академикомъ Михайловскимъ“. Но именно къ такому ребяческому приему прибѣгаетъ г. Михайловскій, упорно повторяя мою ученую степень“. А въ подстрочномъ примѣчаніи къ этому мѣсту напечатано: „Вообще ученые званія и степени не даютъ покоя г. Михайловскому. Не онъ-ли переименовалъ приватъ-доцентовъ въ приватъ-звонарей—остроуміе, которому могъ бы позавидовать самъ г. Дорошевичъ!“

Г. Дорошевичъ дѣйствительно чрезвычайно остроумный писатель, и мнѣ было бы очень лестно превзойти его въ остроуміи, но бѣда въ томъ, что г. Филипповъ—плохой судья въ этомъ отношеніи. На оберткѣ „Научнаго Обзорѣнія“ ежемѣсячно печатается: „Изданіе П. П. Сойкина подъ редакціей д-ра философіи М. М. Филиппова“ и сообщается „личный адресъ редактора“: „д-ру философіи М. М. Филиппову“. Есть довольно много переводныхъ сочиненій, изданныхъ подъ редакціей „д-ра философіи М. М. Филиппова“. Въ прошломъ году я читалъ въ московскихъ газетахъ, что „д-ръ философіи М. М. Филипповъ“ прочтетъ въ такомъ-то залѣ такую-то публичную лекцію. Въ прошломъ же году я читалъ въ „Сѣверномъ Курьерѣ“ объявленіе о литературномъ вечерѣ, въ которомъ, дескать, примутъ участіе такіе-то и такіе-то лица, въ томъ числѣ „д-ръ философіи М. М. Филипповъ“. И если я называю М. М. Филиппова д-ромъ философіи, то, спрашивается,

при чемъ же тутъ остроуміе,—остроуміе и „полемическія цѣли“? Вѣдь не заподозрять же меня въ желаніи острить и въ полемическихъ цѣляхъ, если я назову академикомъ Фаминцына или Бекетова академиками, профессоромъ Шимкевича или Карѣва профессорами и т. п.

Другое дѣло „привать-звонари“. Тутъ есть какой-то намекъ на остроту. Но гдѣ же это я переименовалъ привать-доцентовъ въ привать-звонарей? Рѣшительно не помню. Однако, если д-ръ философіи М. М. Филипповъ утверждаетъ, что переименовалъ, такъ значить переименовалъ. И вотъ я роюсь въ шести томахъ своихъ сочиненій, чтобы найти забытое мною мѣсто, гдѣ я такъ глупо съострилъ, потому что вѣдь это въ самомъ дѣлѣ глупо. Искаль, искалъ и хотѣлъ уже бросить поиски и смиренно принять репримандъ г. Филиппова, какъ вдругъ совершенно случайно попалъ на стр. 487 тома IV, гдѣ, по поводу біографіи поэта Никитина, говорится объ отживающемъ типѣ „литературнаго чловѣка“: „Это былъ, если не самъ служитель Аполлона и музъ, то, по крайней мѣрѣ, привать-звонарь храма литературы“. А на стр. 491, по поводу послѣдней турецкой войны, идетъ рѣчь о воинствующихъ газетныхъ руководителяхъ, въ частности о г. Суворинѣ: „Они не больше, какъ привать-звонари при храмѣ славы“. Ну, слава Богу,—подумалъ я, удовлетворенно закрывая книгу,—можетъ быть, это и не очень остроумно, но во всякомъ случаѣ не такъ глупо, какъ изобразилъ д-ръ философіи. Только зачѣмъ заставилъ онъ меня потратить время на поиски когда-то мимоходомъ сказаннаго и давно забытаго слова? А выводъ отсюда во всякомъ случаѣ такой: если д-ръ философіи М. М. Филипповъ утверждаетъ, что кто нибудь что нибудь во что нибудь переименовалъ, то это вовсе не значить, чтобы все это такъ и было въ дѣйствительности.

И этотъ отрицательный выводъ подлежитъ, къ сожалѣнію, распространенію. Все въ той же статьѣ г. Филипповъ вспоминаетъ исторію „моего промаха“ по поводу статьи г. Богучарскаго, „примечъ—говорить онъ—очень страннымъ является то обстоятельство, что, покаявшись на страницахъ „Русскихъ Вѣдомостей“, г. Михайловскій не перепечаталъ своего покаяннаго письма въ „Русскомъ Богатствѣ“, а ограничился лишь очень мало говорящей ссылкой. Не всѣ вѣдь читають въ одно и то же время оба эти органа“.

Видите, какъ строгъ г. Филипповъ, какъ онъ строгъ и полонъ заботливости о читателяхъ „Русскаго Богатства“... Но онъ, конечно, еще болѣе заботится о читателяхъ „Научнаго Обозрѣнія“, а потому, не сомнѣваюсь, перепечатаетъ у себя въ журналѣ не только мое вышеприведенное объясненіе насчетъ „привать-звонарей“, а и слѣдующее: въ № 12 „Русскаго Богатства“ за прошлый годъ я не „лишь очень мало говорящею ссылкой ограничился“,

а цѣликомъ, безъ пропуска хотя бы единого слова, перепечатавъ напечатанное въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ мое письмо. Приглашаю г. Филиппова собственными глазами убѣдиться въ этомъ, равно какъ и въ томъ, что вся моя декабрьская статья оканчивается слѣдующими словами: „Если г. Богучарскій затруднится въ выборѣ органа для предъявленія своихъ возраженій, то „Русское Богатство“ къ его услугамъ“. Такимъ образомъ заботливость г. Филиппова объ интересахъ читателей „Русскаго Богатства“, при всей своей трогательности, оказывается немножко ненужною.

Вернемся теперь къ докторству г. Филиппова. Называть д-ра философіи д-ромъ философіи, конечно, не значить остроумничать. Но есть все-таки что-то комическое въ томъ, что ученая степень г. Филиппова поминается и на оберткѣ журнала, въ которомъ онъ участвуетъ, и въ объявленіяхъ о публичныхъ лекціяхъ, и даже въ объявленіяхъ о литературномъ вечерѣ, что и письма ему надо адресовать опять же „д-ру философіи“. Въ томъ же № 4 „Научнаго Обзорія“ есть статья „проф. П. Казанскаго“, „проф. Л. Сакетти“, „проф. Ниса“, „проф. А. Трачевскаго“, и никого эти титулы не удивляютъ и не смѣшаютъ. А „д-ръ философіи“—смѣшно. Зависитъ это отчасти просто отъ установившагося обычая: у насъ, что называется, принято подписываться „проф.“ и не принято подписываться „д-ръ философіи“. Но есть тутъ и другая причина. Заключается она въ томъ, что означенные „проф.“ суть настоящіе профессора или были ими, а д-ръ философіи М. М. Филипповъ не совсѣмъ настоящій д-ръ философіи. Дѣло не въ заслугахъ почтеннаго доктора передъ наукой, — надѣюсь, что г. Неждановъ лишь по недоразумѣнію прибавляетъ къ его имени эпитетъ „невѣжественный“,—а въ самомъ титулѣ. Для полученія степени доктора въ Россіи требуется пройти степень магистра, то есть выдержать магистерскій экзаменъ и представить и защитить на публичномъ диспутѣ научную работу, а затѣмъ представить и защитить еще одинъ такой же ученый трудъ. Этотъ длинный и нелегкій искусь не существуетъ для германскаго доктора, вслѣдствіе чего М. М. Филипповъ, получившій степень доктора философіи за границей, не пользуется у насъ никакими правами, связанными съ этимъ титуломъ, который является лишь ничего не значущимъ украшеніемъ. Носить его не возбраняется, но если бы г. Филипповъ пожелалъ занять профессорскую кафедру, то ему пришлось бы начать съ превращенія изъ поповъ даже не въ дьяконы, а въ дьячки и пройти съ самаго низа всю ту лѣстницу, которая обязательна для русскаго ученаго. Словомъ, заграничный докторъ философіи есть совсѣмъ не докторъ философіи въ Россіи и званіе это не есть какая бы то ни было ученая степень. Прибавьте къ этому наши русскіе нравы и обычаи, въ силу а которыхъ, напримѣръ, на обложкѣ „Вѣстника Европы“ не зна-

чится, что этот журнал издается и редактируется докторомъ историческихъ наукъ, хотя г. Стасюлевичъ уже пятьдесятъ лѣтъ есть докторъ, притомъ настоящий, а не заграничный. Естественно, что г. Филипповъ, который, будучи лишь, такъ сказать, титулярнымъ докторомъ философіи, и журналъ въ качествѣ такового редактируетъ, и въ простомъ литературномъ вечерѣ таковымъ анонсируется, и въ своемъ „личномъ адресѣ“ таковымъ титулуется,—естественно, говоря, что онъ производитъ нѣсколько комическое впечатлѣніе.

Что касается недовѣрія, обнаруживаемаго, какъ русскимъ закономъ, такъ и русскимъ общественнымъ мнѣніемъ по отношенію къ заграничнымъ докторскимъ дипломамъ, то, надо признаться, оно имѣетъ нѣкоторыя основанія. Не говоря о той легкости, съ которою они получаются совершенно легальнымъ путемъ, при выдачѣ ихъ практикуются разныя злоупотребленія. Не знаю, какъ теперь, но еще недавно докторскій дипломъ можно было просто купить въ Германіи. Это не значить, разумѣется, чтобы въ Германіи не было докторовъ, справедливо пользующихся высокимъ авторитетомъ,—заслуги германскихъ представителей науки слишкомъ извѣстны. Охотно вѣрю, что ученые труды, за которые г. Филипповъ увѣнчанъ степенью доктора философіи (я ихъ, къ сожалѣнію, не знаю), ни въ чемъ не уступаютъ трудамъ первоклассныхъ нѣмецкихъ ученыхъ, но вообще-то нѣмецкій дипломъ доктора философіи не дорого стоитъ, хотя за него, можетъ быть, иногда и большія деньги платятся. Рассказываютъ такой анекдотъ. Одинъ вѣзломощный американскій миллионеръ пожелалъ украсить себя титуломъ нѣмецкаго доктора философіи и безъ труда получилъ за деньги соотвѣтственный дипломъ. Но затѣмъ ему вздумалось посмѣяться надъ удовлетворившимъ его желаніе университетомъ, и онъ обратился къ нему съ просьбой выдать за хорошее вознагражденіе дипломъ и его, миллионера, лошади. Представители университета оказались, однако, остроумнѣе и находчивѣе, чѣмъ ожидалъ вѣзломощный американецъ. Они отвѣтили:—намъ случается выдавать дипломы осламъ, но лошадямъ—никогда!

Повторяю, я не сомнѣваюсь въ высокомъ научномъ значеніи тѣхъ трудовъ, за которые М. М. Филипповъ получилъ дипломъ доктора философіи. Я только стараюсь объяснить, почему этотъ титулъ производитъ въ данномъ случаѣ комическое впечатлѣніе.

Нин. Михайловскій.

„Докторъ Штокманъ“ на русской сценѣ.

Чѣмъ опредѣляется успѣхъ пьесы? Конечно, свойственными ей достоинствами, художественностью ея выполненія. Но не только этимъ... Не меньше, быть можетъ, зависитъ онъ отъ публики, отъ ея состава и настроенія. Глупый и сальный фарсъ милѣе сердцу современнаго культурнаго хулигана, чѣмъ лучшія произведенія міровыхъ классиковъ. Мелодрама, разыгранная на сценѣ народнаго театра, не смотря на плохую игру, приводитъ зрителей въ неистовство; поставьте ту-же мелодраму передъ иной публикой—и самые лучшіе артисты, быть можетъ, не вызовутъ въ послѣдней хоть сколько-нибудь замѣтнаго подъема. У каждаго репертуара есть своя публика, у каждой публики есть свой репертуаръ.

Для успѣха пьесы важенъ, однако, не только общій уровень культурнаго и художественнаго развитія зрителей, но и тотъ комплексъ идей и чувствъ, которыя волнуютъ именно въ данное время публику и стоящее за ней общество. Въ сущности очень немногіе люди способны наслаждаться художественнымъ произведеніемъ, совершенно отрѣшившись отъ тревогъ текущей жизни. Та большая публика, которая создаетъ успѣхъ пьесѣ, приноситъ съ собою въ театръ свои заботы и думы, и то, что она приноситъ съ собою, сказывается на ея отношеніи къ пьесѣ. Историческій образъ она нерѣдко ставитъ въ связь съ реальными интересами современности. Въ чуждой обстановкѣ она находитъ черты той, среди которой протекаетъ ея собственная жизнь за стѣнами театра. Въ мысляхъ, чувствахъ и поступкахъ дѣйствующихъ на сценѣ лицъ она подчеркиваетъ то, что волновало ее вчера, на что придется отзываться ей завтра. Разъ воссозданные образы остаются, но производимое ими впечатлѣніе можетъ быть то сильнѣе, то слабѣе. Пьесы, производившія фуроръ среди одного поколѣнія, съ несравненно меньшимъ эффектомъ воспринимаются другимъ. У каждаго репертуара есть свое время, у каждой эпохи есть свой репертуаръ.

Успѣхъ пьесы представляетъ въ сущности сложный продуктъ взаимодѣйствія того, что дается сценой, и того, что приносится публикой изъ жизни. Дѣло литературной и художественной критики въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вскрыть ту—скажемъ, постоянную—величину, которая обусловлена литературными достоинствами пьесы, ея сценичностью, художественностью ея постановки

и выполнения. Но уяснить другой факторъ, которымъ обуславливается равнодѣйствующая успѣха, — переменную величину, — то, что свойственно данному мѣсту и времени, — нельзя, анализируя совершающееся только на сценѣ. Къ анализу такъ или иначе нужно привлечь жизнь, и это задача не критики, а публицистики.

Именно съ этой публицистической стороны мнѣ и хотѣлось бы осмыслить успѣхъ, выпавшій въ минувшемъ сезонѣ на долю драмы Ибсена: „Докторъ Штокманъ“ въ исполненіи Московскаго Художественнаго Театра. Читатель пойметъ и извинитъ, если, не привлекая новыхъ матеріаловъ, я воспользуюсь для этого самой пьесой, подчеркивая ту часть ея содержанія, которая особенно близка и понятна русскому зрителю въ настоящее время.

I.

Дѣйствіе происходитъ въ приморскомъ городѣ, на южномъ берегу Норвегіи. Зритель вводится въ кругъ злободневныхъ интересовъ мѣстной общинной жизни.

„Всѣ дѣла города постепенно захватила въ свои руки, по выраженію одного изъ дѣйствующихъ лицъ, шайка чиновниковъ“. „Не всѣ чиновники, поясняетъ тоже лицо, но остальные — друзья ихъ и приверженцы. Всѣми нами управляетъ кружокъ зажиточныхъ лицъ — лицъ съ вѣсомъ и положеніемъ въ городѣ“. Олицетвореніемъ этого бюрократически-буржуазнаго правительства въ драмѣ является Петеръ Штокманъ, „старшій братъ доктора Штокмана, бургомистръ, председатель комитета морскихъ купаній и проч.“. Характерно это „и проч.“, знаменующее обиліе власти, характерно и это совмѣстительство административной должности съ участіемъ въ акціонерномъ предпріятіи, объясняющее, почему интересы имущихъ классовъ такъ близки и дороги городской администраціи.

Какъ и подобаетъ администратору, Петеръ Штокманъ любитъ уснащать свою рѣчь ссылками на „благо родного города“. Но это благо онъ отождествляетъ съ „цѣнностью домовъ и имѣній“. Благо тѣхъ, у кого нѣтъ ихъ, онъ представляетъ себѣ лишь въ видѣ большихъ или меньшихъ „расходовъ на содержаніе бѣдныхъ“. Только въ этой формѣ бургомистру и доступна забота о трудящихся. Еще менѣе понятна ему, повидимому, потребность гражданъ въ другихъ благахъ, кромѣ матеріальнаго достатка.

Однако и это всячески урѣзанное „благо“ онъ допускаетъ условно, допускаетъ лишь по столько, по сколько забота о немъ не опасна авторитету власти, и даже лишь по столько, по сколько оно является продуктомъ ея попеченій. „Петеръ, по словамъ его брата, дьявольски не любитъ, чтобы кто-либо, кромѣ него, тру-

дился на пользу города“. Онъ приходитъ въ нервное раздраженіе при одномъ напоминаніи, что кто-то другой, а не онъ былъ инициаторомъ важнаго для города начинанія. Онъ готовъ на все, чтобы не допустить критики своихъ дѣйствій, какъ администратора.

— „Не для блага ли родного города,—воскликаетъ онъ при этомъ,—я ревниво охраняю свою репутацію? Безъ нравственнаго авторитета мнѣ невозможно руководить дѣлами сообразно требованіямъ общаго блага. Поэтому, а также и по многимъ другимъ причинамъ... ни единое слово объ этомъ злосчастномъ дѣлѣ не должно дойти до общества...“

Для поддержанія столь ревностно оберегаемаго авторитета „необходимо, чтобы все велось законнымъ порядкомъ, чрезъ посредство административныхъ властей“. Этотъ желательный администраціи порядокъ Пэтеръ Штокманъ обрисовываетъ въ слѣдующихъ чертахъ. „Индивидуальная личность, говоритъ онъ, должна подчиняться обществу или, точнѣе выражаясь, авторитетамъ, на которыхъ лежитъ обязанность слѣдить за благосостояніемъ общества“. При этомъ „общество не нуждается въ новыхъ мысляхъ. Обществу лучше живется со старыми хорошими, давно признанными идеями“. Сознательный застой, какъ цѣль, отсутствіе личной инициативы и общественной самодѣятельности, какъ средство,—такова сущность правительственной политики бургомистра.

Отрицая за гражданами право мыслить и дѣйствовать иначе, какъ по указаніямъ власти, онъ тѣмъ менѣе склоненъ допустить какое-либо вольнодумство въ чиновникахъ.

— „Какъ подчиненное, официальное лицо,—говоритъ онъ своему брату,—ты не имѣешь права выражать убѣжденіе, расходящееся со взглядами твоего начальства... Какъ лицо официальное, ты не имѣешь права держаться какого-либо индивидуальнаго убѣжденія“.

Призвать улицу, толпу онъ готовъ лишь въ одномъ случаѣ,—когда нужно раздавить врага. Тогда онъ готовъ сослаться и на общественное—имъ же самымъ фальсифицированное—мнѣніе.

— „Мы очень сожалѣемъ, скажетъ онъ тогда, но, откровенно говоря, мы не смѣли поступить иначе изъ уваженія къ общественному мнѣнію“.

Прямую противоположностью Пэтеру Штокману является его братъ д-ръ Томасъ Штокманъ. Онъ типичный представитель той группы, которую у насъ принято называть интеллигенціей. Благо родного города для него не слова, которыми можно прикрыть интересы имущихъ классовъ или оправдать прерогативы власти, а единственная цѣль жизни, тотъ властный стимулъ, при которомъ нѣтъ мѣста соображеніямъ о личномъ или семейномъ благополучіи.

— „Я любилъ свой родной городъ,—вспоминаетъ онъ про свою

молодость,—какъ только человѣкъ можетъ любить свою родину... Затѣмъ я цѣлые годы просидѣлъ въ ужасномъ краю, далеко на сѣверѣ... Врядъ ли кто можетъ упрекнуть меня, что я позабылъ тамъ о своемъ родномъ городѣ. Я думалъ долгія думы...”

Благо для него не застой, а жизнь и движеніе. Субъектъ правъ на благо — не маленькій кружокъ привилегированныхъ лицъ, а человѣкъ, кто бы онъ ни былъ. Важнѣйшая часть этого блага не „цѣнность домовъ и имѣній“, а свобода и справедливость. „Свобода мысли для него почти то же, что нравственность“. Право на дѣятельность въ его представленіи неотъемлемо у гражданина.

— „Это лишь устарѣлая традиціонная ложь,—говоритъ онъ,—будто бы просвѣщеніе деморализуетъ. Нѣтъ, деморализуетъ ту-пость, бѣдность, безобразныя условія жизни. Въ домѣ, который не провѣтривается, обитатели черезъ два-три года теряютъ способность думать и дѣйствовать согласно нравственности. Недостатокъ кислорода притупляетъ совѣсть...”

Зритель, кромѣ упоминанія о вынужденномъ пребываніи на сѣверѣ, не знаетъ предыдущей жизни д-ра Штокмана. Но онъ чувствуетъ, что драма, которую переживаетъ послѣдній на его глазахъ, не первая, что д-ромъ Штокманомъ не только много пережито, передумано и перечувствовано, но и выстрадано. И ему понятенъ крикъ наболѣвшего сердца, вырывающійся изъ груди доктора.

— „Я ненавижу,—воскликаетъ онъ,—предержанія власти,—не мало насмотрѣлся я на нихъ въ свое время. Онѣ подобны козамъ, пущеннымъ въ молодую рощу: онѣ вездѣ приносятъ вредъ; вездѣ преграждаютъ путь свободному человѣку... Какъ хорошо, еслибъ можно было искоренить ихъ, подобно другимъ зловреднымъ животнымъ.“

Его крикъ, можетъ быть, былъ бы еще рѣзче, если бы онъ не былъ увѣренъ, „что эти господа,—эти останки отживающаго образа мыслей—сами идутъ быстрымъ шагомъ къ собственной гибели“. Главное же, онъ понимаетъ, что „не они представляютъ главную опасность для общества“.

— „Не они,—говоритъ онъ,—отравляютъ нашу духовную жизнь, заражаютъ почву подъ нашими ногами, не они самыя опасныя враги истины и свободы въ нашемъ обществѣ... Самый опасный врагъ истины и свободы въ нашей средѣ—это сплоченное большинство“.

Представителемъ этого большинства въ драмѣ выставленъ типографшикъ Аслаксонъ, предсѣдатель „Ассоціаціи домовладѣльцевъ“ и дѣятельный членъ „Общества умѣренной трезвости“.

— „Я,—говоритъ онъ про себя,—человѣкъ спокойный, миролюбивый; я стою за благоразумную умѣренность... и за умѣренное благоразуміе. Всякій, кто меня знаетъ, подтвердить это. Въ школь

жизни и опыта я узналъ, что умѣренность та добродѣтель, которая всего полезнѣе гражданину. И тѣ же благоразуміе и умѣренность болѣе всего служатъ интересамъ общины“.

Его „политическій образъ мыслей ни для кого не тайна“. Онъ не прочь даже щегольнуть своимъ радикализмомъ, но только тогда, когда это не опасно и не убыточно.

— „Не слѣдуетъ оскорблять властей,—твердитъ онъ,—не слѣдуетъ дѣйствовать противъ лицъ, играющихъ такую важную роль въ нашей жизни. Довольно пострадалъ я въ свое время; къ добру это никогда не приводило“.

Самое большее, на что онъ можетъ рѣшиться,—это на демонстрацію „вродѣ благодарственного адреса“, однако не иначе, если таковой будетъ „въ духѣ умѣренности“.

Его умѣренность почти равнозначуща трусости, его благоразуміе граничить съ предательствомъ. „Сердце мое,—говоритъ онъ,—по прежнему принадлежитъ народу, но... разумъ мой склоняется на сторону властей“.

Въ основѣ этой психологіи лежитъ опасеніе лишиться тѣхъ маленькихъ благъ, которыми онъ владѣетъ въ данную минуту, боязнь прежде всего какого-либо матеріальнаго ущерба. Онъ радъ бы имѣть больше и не имѣетъ ничего противъ истины и справедливости; но онъ желаетъ, чтобы на пути къ лучшему не было никакого риска. Истину и справедливость онъ готовъ признать лишь въ томъ случаѣ, если онѣ не требуютъ жертвы.

— „Я,—говоритъ онъ,—тоже сторонникъ народнаго самоуправленія, если это не слишкомъ дорого обойдется плательщикамъ... Даже и золото, поясняетъ онъ, можетъ быть приобретено слишкомъ дорогой цѣной“...

„Онъ довольно порядочный человѣкъ, но это одинъ изъ тѣхъ, которыхъ втянуло болото“. Болото однако черезъ-чуръ глубоко, а порядочности осталось въ немъ очень ужъ мало. Передъ соблазномъ матеріальной выгоды Аслаксенъ не прочь поступиться даже своею благоразумною умѣренностью. „Мы полагаемъ,—говоритъ онъ въ подобномъ случаѣ,—что можемъ рискнуть“... и продать себя.

— „И почти все здѣсь подобны ему; люди эти вѣчно колеблются изъ стороны въ сторону и съ своими страхами и сомнѣніями они ни на шагъ не смѣютъ двинуться впередъ“.

Говоритъ это Гофстадъ, редакторъ „Народнаго Вѣстника“, человѣкъ мужественный и рѣшительный. Но его мужество—это мужество прихвостня, всегда слѣдующаго за тѣмъ, кто является силою въ данную минуту; его рѣшительность—это рѣшительность флюгера, быстро повертывающагося въ сторону, въ которую дуетъ вѣтеръ.

Онъ хорошо понимаетъ, что сила вообще, въ норвежской общинѣ въ особенности и въ газетномъ дѣлѣ въ частности,—на

сторонѣ большинства. И потворство толпѣ онъ возводитъ въ систему. „Редакторъ,—по его мнѣнію,—не можетъ поступать всегда такъ, какъ желалъ бы. Въ мелочахъ нерѣдко приходится дѣлать уступки вкусу публики“. Помѣстить въ фельетонѣ сказку „о какомъ-то фантастическомъ правительствѣ, которое все направляетъ къ счастью добрыхъ людей“, когда онъ „прекрасно знаетъ, что на дѣлѣ бываетъ совсѣмъ иначе“—для него составляетъ именно такую мелочь, ни сколько не препятствующую, по его мнѣнію, либеральничать въ верхней половинѣ газетнаго листа и такимъ образомъ „вести общество по пути свободы и прогресса“. Считая позволительными подобныя заигрыванія въ мирную пору журнальной работы, въ минуту возбужденія толпы онъ становится откровеннымъ выразителемъ ея худшихъ инстинктовъ.

— „Въ чемъ,—съ пафосомъ восклицаетъ онъ при этомъ,—первая и главная обязанность редактора? Не въ томъ ли, чтобы идти рука объ руку со своими читателями?“

Слѣдуя принципу: „чего изволите“ по отношенію къ публикѣ, онъ не забываетъ, однако, другихъ силъ, имѣющихся въ городѣ, и во всякую минуту готовъ предложить газету тѣмъ, кто кажется ему сильнѣе—будетъ ли то д-ръ Штокманъ съ его открытіемъ, или бургомистръ съ его правительственнымъ самолюбіемъ, или, наконецъ, спекуляторъ, обдѣлывающій свои дѣлишки подъ шумокъ общественнаго возбужденія. Угожденіе толпѣ, если понадобится, онъ счумѣетъ соединить съ дифирамбами кулаку и всякому иному орудію насилія надъ обществомъ...

Таковы главные дѣйствующія лица драмы.

II.

Драматическая коллизія неизбежна. Съ одной стороны, интеллигенція въ лицѣ д-ра Штокмана, беззавѣтно стремящаяся впередъ на встрѣчу истинѣ и справедливости; съ другой—бюрократія въ лицѣ бургомистра, ревниво охраняющая свою власть и понимающая, что ея спасеніе только въ застоѣ, въ отсутствіи критики, инициативы и самодѣятельности,—въ столкновеніи этихъ двухъ силъ сущность драмы. Правда, замыселъ автора нѣсколько иной: онъ хотѣлъ бы противопоставить личность, увлеченную идеей, толпѣ, всецѣло погрязшей въ матеріальныхъ интересахъ. Но по тому ли, что эта основная мысль пьесы не совѣмъ свободна отъ фальши, или потому, что въ данную минуту она не находитъ себѣ надлежащаго отклика въ русской публикѣ,—послѣдняя невольно перемѣщаетъ центръ драмы и видитъ его не тамъ, гдѣ желалъ бы помѣстить авторъ. Для послѣдняго толпа, олицетворяемая Аслаксэномъ и обслуживаемая Гофстадомъ, представляетъ важнѣйшую силу, борьба съ которой и приводитъ къ драмѣ; для русскаго

зрителя та же толпа—только среда, опредѣляющая исходъ борьбы, но не представляющая въ ней активной силы.

Докторъ Штокманъ еще недавно вернулся съ сѣвера, гдѣ долгіе годы онъ прожилъ на мѣдные гроши, не видя почти ни одного живого человѣка, не слыша живого слова. Онъ радъ комфорту, который могутъ позволить себѣ теперь онъ и его семья.

— „Теперь мы можемъ,—говоритъ онъ,—жить по царски! Сегодня, напримѣръ, у насъ былъ за обѣдомъ ростбифъ и отъ него еще осталось къ ужину“.

Онъ, какъ ребенокъ, радуется абажуру и скатерти, на которые его жена откладывала деньги и которые „придаютъ комнатѣ такой уютный видъ“. „О, да, теперь онъ можетъ позволить себѣ это“!

Еще больше радъ онъ обществу. „Проживъ такъ долго въ полномъ одиночествѣ, я чувствую, говоритъ онъ, жизненную потребность видѣть вокругъ себя молодую, бодрую, свободолюбивую и дѣятельную молодежь“. Онъ приходитъ въ восторгъ даже отъ того, какъ ѣсть эта молодежь.

— „Такъ и слѣдуетъ! Имъ надо побольше ѣсть,—набираться побольше силъ! Кому же, какъ не имъ, двигать впередъ элементы будущаго“.

Еще сильнѣе увлекаетъ его открывшаяся возможность не только думать о родномъ городѣ, но и непосредственно работать на благо ему, возможность дать исходъ „постоянному пламенному стремленію принести пользу своей родинѣ и своимъ соотечественникамъ“.

— „Я блаженствовалъ въ своихъ счастливыхъ иллюзіяхъ“,—говоритъ онъ потомъ, характеризуя то душевное состояніе, которое авторъ взялъ исходнымъ пунктомъ для драмы.

Благодушное настроеніе, которое переживаетъ докторъ, дѣлаетъ его наивнымъ. Онъ черезчуръ оптимистично относится къ окружающимъ его людямъ, онъ черезчуръ вѣритъ въ возможность что-нибудь сдѣлать при содѣйствіи власти. Тѣмъ больнѣе для него, когда эта власть становится ему поперекъ дороги и люди, которымъ онъ вѣрилъ и для которыхъ жилъ, не только отдають себя въ ея распоряженіе, но и объявляютъ его—доктора—„врагомъ народа“.

Докторъ сдѣлалъ открытіе, что городъ стоитъ на зараженной почвѣ и что морскія купанья, оживившія мѣстную жизнь и улучшившія матеріальное положеніе горожанъ, представляютъ въ сущности зараженную яму. Выводъ для него простъ и ясенъ: трубы должны быть переложены. Ему не приходитъ и въ голову, что можно оспаривать истину, научно доказанную, что можно уклониться отъ исправленія ошибки, кѣмъ бы она ни была допущена.

Его открытіе сначала вызываетъ общій восторгъ окружающихъ. Истина признается за истину, справедливость кажется желанной. Это общее чувство, съ которымъ окружающіе встрѣтили открытіе доктора, очень быстро однако осложняется посторонними соображеніями.

Въ женѣ доктора чувство восхищенія передъ мужемъ борется съ опасеніемъ возможныхъ неприяностей. Для редактора Гофстада истина и справедливость отходятъ на задній планъ передъ возможностью занять выгодную позицію въ борьбѣ, которую вызоветъ открытіе доктора. Аслаксенъ, понимающій, какъ важно для города улучшить купанья, хотя и общается доктору содѣйствіе сплоченнаго большинства, однако таитъ въ себѣ опасеніе, какъ бы побѣда не осталась на сторонѣ власти, и потому особенно усиленно настаиваетъ на благоразумной умѣренности. Открытіе доктора привлекаетъ даже Мартина Килъ, — владѣльца кожевеннаго завода, трубы котораго и загрязнили почву. Но этотъ „старый барсукъ“, подсмѣивающійся въ душѣ надъ міріадами какихъ-то инфузорій, которыхъ никто не можетъ видѣть, привноситъ въ дѣло доктора свою цѣль — подставить ножку теперешней администраціи, оттершей его отъ власти. Лишь Биллингъ, сотрудникъ „Народнаго Вѣстника“, съ неослабнымъ одушевленіемъ кричитъ „ура“, но и то только потому, что онъ давно уже ведетъ двойную игру: нападая въ газетѣ на городской совѣтъ, онъ задними ходами добивается въ немъ секретарскаго мѣста.

Докторъ Штокманъ не замѣчаетъ этихъ постороннихъ соображеній, привнесенныхъ въ его дѣло. Онъ вѣритъ общему сочувствію.

— „Боже мой! — восклицаетъ онъ. — Какое счастье чувствовать себя въ братскомъ единеніи съ своими согражданами!“

Вѣра въ согражданъ усиливается въ немъ вѣрой въ правительство. Онъ не допускаетъ и мысли, чтобы оно не вняло истинѣ, чтобы оно не пожелало справедливости.

Вполнѣ опредѣленную позицію сразу занимаетъ лишь бургомистръ. Ошибка въ прокладкѣ трубъ — ошибка правительственная. Притомъ же открытіе доктора грозитъ большимъ ущербомъ для акціонеровъ. И Пѣтеръ не можетъ допустить, чтобы это „злосчастное дѣло“ дошло до общества“. Будь въ его власти, онъ, конечно, не усомнился бы отправить доктора съ его открытіемъ опять на сѣверъ. Будь въ его власти, онъ, конечно, заткнулъ бы ротъ всякому, кто осмѣлился бы пикнуть объ этомъ. Но тамъ, въ норвежской общинѣ, у бургомистра нѣтъ такой власти. При томъ же онъ опоздалъ: слухъ объ открытіи доктора уже успѣлъ проникнуть въ общество.

Бургомистръ требуетъ отъ брата, какъ подчиненнаго чиновника, чтобы тотъ опровергнулъ слухи о своемъ открытіи. Встрѣ-

тивъ отказъ и убѣдившись въ бесполезности угрозы, онъ обращается къ другимъ средствамъ. Онъ спѣшитъ возстановить противъ открытія доктора общественное мнѣніе, не останавливаясь передъ его фальсификаціей. Съ одной стороны, онъ запугиваетъ толпу угрозой тѣхъ матеріальныхъ жертвъ, которыхъ потребуетъ отъ горожанъ открытіе доктора, и тѣмъ будитъ въ нихъ самыя худшіе инстинкты—желаніе жить во что бы то ни стало, хотя бы на трясинѣ жи и лицемѣрія. Съ другой стороны, онъ старается обмануть общество, печатая „сообщеніе“, въ которомъ истина перемѣшана съ ложью.

Въ начавшейся борьбѣ на доктора сыплется ударъ за ударомъ: опасенія и упреки жены, угрозы бургомистра, измѣна Гофстада и Аслаксэна, негодованіе всего общества, преслѣдованія улицы. Его объявляютъ врагомъ народа, ему выбиваютъ окна, его лишаютъ мѣста и практики, семью—наслѣдства, дочь—работы; преслѣдуютъ единственнаго друга, оставшагося вѣрнымъ его семьѣ, дѣтей его выгоняютъ изъ школы, всю семью—изъ квартиры.

И вотъ, по мѣрѣ того, какъ разгорается борьба, какъ усиливается драматичность положенія, передъ зрителемъ все ярче и ярче обрисовывается образъ доктора—чистота его побужденій, сила его характера, беззавѣтность его идеализма. Ударъ сыплется на него за ударомъ, число враговъ все растетъ и растетъ, положеніе его и семьи все болѣе и болѣе становится отчаяннымъ. Но у него не зарождается и мысли о томъ, что можно отказаться отъ истины, которою онъ владѣетъ, отъ справедливости, къ которой онъ стремится.

— „Да, какое намъ дѣло, чортъ возьми,—воскликаетъ онъ, есть-ли опасность или нѣтъ? То, что я дѣлаю, я дѣлаю во имя истины и по совѣсти“.

Съ усиленіемъ борьбы измѣняется и объектъ ея. Вопросъ о трубахъ давно уже отошелъ на задній планъ. Дѣло идетъ уже о томъ, чтобы очистить общество, чтобы отвоевать въ немъ мѣсто справедливости и нравственности.

Чѣмъ опаснѣе дѣлается борьба и чѣмъ выше цѣль ея,—тѣмъ непреклоннѣе становится докторъ. Отъ колебаній, закрадывающихся въ его душу, вродѣ желанія, бросивъ все, уѣхать въ Новый Свѣтъ, не остается и слѣда, лишь появляется новый врагъ, лишь наносится новый ударъ.

— „Теперь,—воскликаетъ докторъ, покончивъ съ послѣднимъ изъ такихъ колебаній,—я отточу мое перо противъ этихъ дьяволовъ такъ, что оно обратится въ шило; я обмокну его въ желчь и ядъ; я швырну чернильницей прямо имъ въ башки“!

У него нѣтъ союзниковъ—онъ будетъ бороться одинъ. У него нѣтъ преемниковъ—онъ выраститъ себѣ ихъ въ дѣтяхъ и уличныхъ мальчишкахъ.

Докторъ не побѣжденъ. Дѣло истины и справедливости, пока есть борьба, не проиграно.

III.

Легко представить себѣ тотъ интересъ и тѣ чувства, съ которыми русская интеллигентная публика слѣдитъ за развитіемъ драмы, столь знакомой ей по обстановкѣ и столь понятной по основному мотиву. Русское общество владѣетъ многими „открытіями“ человѣчества, цѣлымъ запасомъ истинъ, цѣлымъ рядомъ постулатовъ справедливости, еще не осуществленныхъ въ жизни. Оно давно уже пережило медовый мѣсяцъ перваго знакомства съ ними—этотъ первый актъ драмы, когда истина кажется безспорной, справедливость безусловно желанной. Оно пережило и второй актъ, когда дѣло истины и свободы осложнилось и затормозилось цѣлымъ рядомъ ничего не имѣющихъ съ ними общаго соображеній. Пережило оно и всю драму борьбы интеллигентнаго меньшинства за высокіе идеалы. Эта драма не только понятна, но и памятна русской интеллигенціи.

Не одними однако воспоминаніями волнуется русскій зритель, видя ея воспроизведеніе на сценѣ. Драма касается самого бодяго мѣста его души, затрагиваетъ самыя напряженныя струны его сердца. Давно воспринятые и доселѣ неосуществленные идеи истины и справедливости по прежнему продолжаютъ пользоваться общимъ признаніемъ мыслящихъ людей. Но въ борьбѣ за нихъ русская интеллигенція утратила свою естественную позицію и почти слилась съ тѣмъ „сплоченнымъ большинствомъ“, олицетвореніемъ котораго является Аслаксэнъ. Въ этой странѣ, могъ бы сказать д-ръ Штокманъ, „все мужчины—старыя бабы; они думаютъ не объ обществѣ, а лишь о своихъ семьяхъ“ и во всякомъ случаѣ о своемъ спокойствіи и благополучіи больше, чѣмъ объ истинѣ и справедливости. Упреки, обращенные докторомъ къ толпѣ, въ сущности обращены къ публикѣ, и онъ смѣло могъ бы сказать зрителямъ, раздѣляющимъ его негодованіе:

— Чѣмъ возмущаетесь? Собой возмущаетесь!

Между тѣмъ въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда либо, русская интеллигенція могла и должна была почувствовать, что только въ беззавѣтномъ идеализмѣ и личномъ мужествѣ можно найти выходъ, что безъ нихъ нѣтъ спасенія, нѣтъ надежды. Ощущая недостатокъ ихъ въ жизни, она привѣтствуетъ обиліе ихъ на сценѣ.

Въ этой потребности гражданской доблести, по моему мнѣнію, и заключается важнѣйшее объясненіе успѣха „Доктора Штокмана“.

Я видѣлъ пьесу въ Петербургѣ въ началѣ марта и видѣлъ какъ публика подчеркивала даже мелочи, если онѣ свидѣтельствовали о

презрѣніи къ опасностямъ. Я слышалъ, напримѣръ, взрывъ аплодисментовъ, покрывшій слова доктора:

— „Никогда,—говорилъ онъ, разглядывая изорванный врагами сюртукъ,—не слѣдуетъ надѣвать лучшую пару, когда идешь сражаться за свободу и правду“.

Успѣхъ „Доктора Штокмана“ былъ бы, конечно, еще больше, если бы не было того несоотвѣтствія между основною мыслью пьесы и пониманіемъ ея публикой, о которомъ я упомянулъ выше. Какъ зритель, я могу и долженъ отмѣтить тѣ мѣста пьесы, которыя вносили диссонансъ въ наше отношеніе къ тому, что давала сцена.

Нѣкоторую фальшь зрители чувствуютъ уже въ первомъ актѣ пьесы. Открытіе доктора, что городъ стоитъ на зараженной почвѣ и что всѣ трубы должны быть переложены, въ сущности непріятное открытіе. И зрителю непонятно благодушное на первыхъ порахъ увлеченіе имъ самого доктора и тѣмъ болѣе непонятенъ восторгъ, съ которымъ встрѣчаютъ его открытіе окружающіе. Зритель могъ бы понять эти чувства лишь въ одномъ случаѣ, если бы пьесѣ предшествовалъ прологъ, который говорилъ бы объ усиленной смертности въ городѣ и о напрасныхъ поискахъ открыть ея причины. Но этого пролога нѣтъ. Больше того: въ пьесѣ нѣтъ и намекъ на то, что открытіе доктора разрѣшало бы какой-либо мучительный вопросъ для населенія. Всѣ вѣрили въ цѣлебную силу купаній и здоровое мѣстоположеніе города; открытіе доктора—это громъ съ безоблачнаго неба. И понятно, что радость по этому поводу кажется неестественной.

Въ концѣ пьесы авторъ ставитъ доктора Штокмана въ такое положеніе, что ему остается одно: или бѣжать въ Новый Свѣтъ, или бороться одному, возлагая всѣ свои надежды лишь на уличныхъ мальчишекъ. Авторъ желаетъ подчеркнуть это одиночество доктора: на сторонѣ послѣдняго остается лишь капитанъ Горстеръ—морякъ, не связанный съ интересами земли и потому не интересующійся общественными дѣлами. Конечно, можно себя представить, что открытіе доктора оказалось въ противорѣчій съ интересами всего населенія даннаго города. Но вѣдь за стѣнами этого города—цѣлая страна, и въ ея интересахъ, казалось бы, докторъ могъ найти опору для справедливости, къ которой онъ стремится. Можно себя представить, что въ данномъ городѣ лишь одно лицо можетъ безкорыстно увлечься идеей правды, но вѣдь это еще не значить, что нѣтъ другихъ борцовъ за нее ближе Новаго Свѣта. И зритель не можетъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что въ одиночествѣ доктора есть нѣчто неестественное, фальшивое.

Если принять во вниманіе основную мысль пьесы, то легко понять, что указанные недочеты въ сущности были неизбѣжны для автора. Онъ не могъ открытіе доктора согласовать съ сознан-

ными потребностями населенія, онъ не могъ указать возможныхъ ему союзниковъ. Чтобы противопоставить личность толпѣ, идею—интересу, ему нужно было сдѣлать эту личность одинокой и эту идею враждебной интересамъ всего населенія. Я уже заявилъ, что не претендую быть критикомъ, и потому не берусь судить, насколько употребленный имъ для этого приемъ можетъ быть оправданъ съ художественной точки зрѣнія.

Но, какъ публицистъ, я убѣжденъ, что идея справедливости не есть что-то чуждое и тѣмъ болѣе враждебное интересамъ народа; я знаю, что борьба за правду не Штокманомъ начата и не имъ однимъ ведется. Въ частности, идеи истины и справедливости, которыя для насъ русскихъ являются очередными, находятся въ полномъ согласіи съ самыми насущными интересами народа, и борьба за эти идеи—дѣло не отдѣльной только личности, а всей русской интеллигенціи. Поэтому-то рѣзкимъ диссонансомъ для русскаго зрителя звучитъ послѣднее „открытие“ доктора.

— „Я открылъ,—говоритъ онъ,—что самый сильный человѣкъ въ этомъ мірѣ тотъ, кто болѣе всѣхъ одинокъ“.

Да! Для великаго дѣла истины и справедливости нужныѣ всего мужественная и развитая личность. Но сила ея—не въ одиночествѣ, а въ союзѣ съ другими личностями и съ народомъ.

А. Пѣшеховъ.

Политика.

Маньчжурія. — Маньчжурскій вопросъ. — Европейскій концертъ въ Китаѣ, англичане въ Африкѣ и Делькассе въ Петербургѣ.

I.

Японо-китайская война 1894 года такъ рѣшительно и глубоко нарушила равновѣсіе историческихъ силъ Дальняго Востока, что прошло уже семь лѣтъ съ того достопамятнаго событія, а всколыхнувшаяся исполинская народная волна, тысячелѣтія дремавшая въ равновѣсіи инертнаго покоя, не можетъ войти въ берега, продолжая своимъ прибоемъ колебать всѣ расчеты сильныхъ и обманывать всѣ предвидѣнія мудрыхъ, что общаются на остріяхъ птыковъ и въ искрошенныхъ гекатомбахъ картечи принести желтокожимъ народамъ бѣлокожую цивилизацію... Среди этихъ отливовъ и приливовъ всколыхнувшейся желтокожей волны обнажи-

лась, между прочимъ, обширная территорія на сѣверо-востокѣ, съ двухъ сторонъ охваченная русскими владѣніями. Обнажилась она или была обнажена отъ волны послѣ того, какъ эта волна захлестнула русскія владѣнія. Русскія силы ее заняли и отсюда возникъ опасный кризисъ, сильно волновавшій и еще понынѣ волнующій не одну дальнюю Азію, вызывавшій и еще понынѣ вызывающій индуктивныя волны и на отдаленномъ оттуда Западѣ. Маньчжуріей называется эта обнажившаяся было земля, залитая затѣмъ съ запада, сѣвера, востока и юга волнами русской оккупации и ставшая отнынѣ, и впредь до новыхъ событій, территоріей, подвластной Россіи. Что это за страна и каково можетъ быть значеніе ея подчиненія русскимъ—вопросы, поэтому, вполне своевременные и не лишенные серьезнаго интереса.

Приблизительно между 40° и 50° с. ш. на востокѣ и нѣсколько шире на западѣ простирается высокое монгольское плоскогоріе. Заключенное между мощными горными кряжами, обрамляющими его съ сѣвера и съ юга, оно болѣе открыто къ западу и къ востоку, гдѣ переходитъ въ страны уступовъ, ниспадая на западѣ къ туркестанской низменности, на востокѣ—къ океану. Западная страна уступовъ это Чжунгарія (Кульджа, Урумчи и пр.); восточная же и есть Маньчжурія. Обѣ съ двухъ сторонъ ограничены русскими владѣніями, въ которыя входятъ клиномъ. Обѣ отличаются многими природными достоинствами. И обѣ по этимъ двумъ причинамъ издавна были объектомъ русской политики. Прежде, Чжунгарія привлекала больше вниманія; позднѣе преимущественное вниманіе стали оказывать Маньчжуріи, которой болѣшая сѣверная часть составляетъ одну естественную географическую область съ русскимъ Амуромъ и особенно съ русскою Уссурійскою областью. Хребты, окаймляющіе Монголію съ сѣвера и юга и въ этой странѣ по направленію къ востоку медленно сближавшіеся, теперь снова раздвигаются. Сѣверный подъ именемъ Становаго принимаетъ сѣверо-восточное направленіе и выходитъ къ Охотскому морю. Южный или Чань-бо-Шань сначала не измѣняетъ направленія на востокъ, но потомъ, переходя въ Корейскій хребетъ, отодвигается къ юго-востоку. Южнѣе Чань-бо-Шаня лежитъ часть Маньчжуріи, не составляющая одной географической области съ сѣвѣрною, гораздо болѣе значительною частью и представляющая продолженіе сѣверо-китайской низменности. Объ ней надо говорить особо. Сначала, слѣдовательно, о сѣверной, главной для Россіи части, главной и по величинѣ, и по непосредственному сосѣдству, и по экономическому значенію.

Монгольское плоскогоріе на востокѣ обрывается такъ называемымъ хребтомъ Большого Хингана, который хребтомъ кажется только съ востока, изъ Маньчжуріи. Изъ Монголіи это просто всхолмленная и глубоко изрѣзанная окраина. Большой Хинганъ своими лѣсистыми холмами и склонами и не скудно орошенными

долинами и составляет переходъ отъ сухой и безлѣсной Монголіи къ лѣсистой и влажной Маньчжуріи. Большой Хинганъ даетъ начало многимъ рѣкамъ, въ ихъ числѣ такой крупной, какъ Нонни. Западная Маньчжурія, или Даурія, начинающаяся у подножія Большого Хингана, хотя и много ниже Монголіи, все же еще представляетъ довольно возвышенную террасу, которая въ горной системѣ Малаго Хингана находитъ для себя такой же переходъ въ восточную, болѣе низкую Маньчжурію, какъ Монголія въ Большомъ Хинганѣ. И Малый Хинганъ (иначе Дауссе-Алинь) представляется хребтомъ лишь съ востока, а съ запада взхолмленную и изрѣзанную окраинною. Малый Хинганъ простирается отъ Станового хребта до Чань-бо-Шаня, раздѣляя Амурскую область такъ же, какъ и Маньчжурію, на двѣ террасы и пропуская сквозь свои тѣснины Амуръ и Сунгари. Восточно-маньчжурская терраса въ свою очередь, но уже въ предѣлахъ Россіи, имѣетъ подобный же Большому и Малому Хингану окраинный хребетъ. Сихота-Алинь, ниспадающій уже въ приморскую полосу. Такимъ образомъ, страна, взятая въ цѣломъ, представляетъ три уступа, раздѣленные тремя окраинными хребтами и окаймленные съ сѣвера и юга мощными кряжами, Становымъ и Чань-бо-Шанемъ. Террасы по большей части не представляютъ равнинъ, но тоже изрѣзаны отрогами основныхъ горныхъ системъ, такъ что страна вообще носить альпійскій характеръ, представляя собою разительный контрастъ и монгольскому плоскогорію на западѣ и сѣверно-китайской низменной равнинѣ на юго-западѣ и югѣ (вышеупомянутая Южная Маньчжурія).

Маньчжурія лежитъ цѣликомъ въ климатической области восточныхъ муссоновъ, которая характеризуется для зимы западными и сѣверо-западными вѣтрами, для лѣта—юго-восточными. Первые приносятъ сухой и холодный воздухъ Монголіи и Сибири и дѣлаютъ зиму страны чрезвычайно суровою; 20—25° ниже нуля не представляетъ рѣдкаго явленія; рѣки всѣ замерзаютъ, не смотря на то, что по широтѣ соответствуютъ рѣкамъ сѣверной и средней Италіи. Лѣтній юго-восточный муссонъ дуетъ съ необъятной площади Тихаго океана и несетъ въ Маньчжурію воздухъ, переполненный влагою, вслѣдствіе чего лѣто очень богато осадками и страна изобильно орошена; восточная, болѣе низкая терраса сильнѣе; западная, даурская слабѣе. Муссонъ доноситъ влагу до Большого Хингана, въ его долинахъ и на его склонахъ оставляетъ значительную ея часть и на монгольскомъ плато уже ничего или почти ничего не осаждаетъ, отчасти оскудѣвъ влагою, отчасти быстро нагрѣваемый раскаленною пустынею. Эта пустыня, всасывая воздухъ океана и заставляя его воспользаться по террасамъ Маньчжурій (восхождение всегда сопровождается охлажденіемъ), обезпечиваетъ этой странѣ прекрасное орошеніе, атмосферное и почвенное, даруетъ ей сравнительно богатую природную расти-

тельность и составляет условіе процвѣтанія земледѣлія. Восточная терраса, раздѣленная многоводною Уссури на двѣ части, русскую и китайскую, сплошь покрыта лѣсами, кромѣ равнины, окружающей озеро Ханку, гдѣ разстилается черноземная степь. Западная, болѣе возвышенная и болѣе значительная по протяженію терраса тоже богата лѣсами, но заключаетъ и открытыя степи, протяженіе которыхъ увеличивается съ юго-востока къ сѣверо-западу. Степи болѣею частью плодородны. Лѣса двухъ террасъ довольно характерно отличаются другъ отъ друга, входя въ двѣ различныя фитогеографическія области. Восточная терраса, вмѣстѣ съ Малымъ Хинганомъ, частью Уссурійскимъ краемъ и Кореей, составляетъ область третичныхъ лѣсовъ, тогда какъ западная терраса отличается лѣсами реликтовыми. Покойный академикъ Коржинскій такъ характеризуетъ область третичныхъ лѣсовъ: „Подъ третичными лѣсами подразумѣваются лѣса, относительно которыхъ можно предполагать, что они, въ силу особо благопріятныхъ географическихъ и климатическихъ условій, сохранили въ большей или меньшей степени тотъ же характеръ, какой имѣли въ концѣ третичной эпохи. Отличительное свойство этихъ лѣсовъ заключается прежде всего въ томъ, что они состоятъ изъ смѣси очень многихъ широколистныхъ, а иногда и хвойныхъ породъ, съ разнообразнымъ и сильно развитымъ подлѣскомъ, и содержать въ себѣ много формъ, географическое распространеніе которыхъ свидѣтельствуетъ о ихъ значительной древности. Въ предѣлахъ Россіи такіе лѣса развиты, во первыхъ, въ западной части Кавказа на берегу Чернаго моря... Во вторыхъ, подобные же лѣса расположены узкою полосою по р. Алазани и у западнаго берега Каспійскаго моря... Затѣмъ, минуя огромное пространство, на противоположномъ концѣ азіатскаго материка мы встрѣчаемъ совершенно аналогичные лѣса въ Японіи и Китаѣ. Эта область захватываетъ и русскіе предѣлы по Уссури и среднему теченію Амура. Здѣсь густые первобытные лѣса состоятъ точно такъ же изъ смѣси разнообразнѣйшихъ древесныхъ породъ, какъ липа, пробковое дерево, ясень, кленъ, маакія и пр. съ подлѣскомъ изъ *Vitis amurensis*, *Actinidia Kulongensis* и мн. др.“. О реликтовыхъ лѣсахъ тотъ же авторъ выражается такъ: „Область реликтовыхъ лѣсовъ характеризуется лѣсами, развившимися изъ третичныхъ, но видоизмѣненными и оскудѣвшими, вслѣдствіе сухости воздуха или суроваго климата. Они состоятъ изъ разныхъ лиственныхъ или хвойныхъ породъ, причемъ основу лѣса образуетъ одинъ, два или вообще немного видовъ, а другіе играютъ роли только примѣси“. Дубъ представляетъ такую основную породу западной Маньчжуріи. Третичные и реликтовые лѣса распространены въ долинахъ и на нижнихъ склонахъ; вершины же горъ покрыты лѣсами сосѣдней Сибири. Кедръ, ель, пихта, около Амура и лиственница играютъ здѣсь

значительную роль. Травянистая растительность Маньчжуріи напоминает луговую и болотную флору средней Европы и составляет продолженіе забайкальской степной растительности, обеспечивая процвѣтаніе скотоводства, которое дѣйствительно широко развито на возвышенной террасѣ Дауріи. Изъ культурныхъ растений воздѣлывается больше всего просо, а затѣмъ и остальные среднеевропейскія хлѣба (пшеница, мансъ, овесъ, гречиха и др.). Огородничество очень развито, но садоводство слабо, хотя возможно разведеніе всѣхъ средне-европейскихъ плодовыхъ деревъ. Страна богата ископаемыми. Золото (знаменитая желтугинская республика въ Дауріи), серебро, свинецъ, желѣзо, каменный уголь, самородная селитра, сѣра встрѣчаются во многихъ мѣстахъ; въ р. Сунгари ловится жемчугъ. Рыбою рѣки очень богаты, а лѣса пушнымъ звѣремъ и дичью.

Такова краткая характеристика сѣверной части Маньчжуріи, двухъ ея провинцій Хейлуданской (или Цицикарской), занимающей Даурію, и Гиринской, расположенной въ юго-восточномъ углу западной террасы и по всей восточной. Цицикарская провинція не заключаетъ въ составъ своего населенія маньчжуровъ. Туземцы—кочевые дауры и солоны, частью на западѣ монголы и звѣроловныя тунгусскія племена ороحوновъ, манегровъ, гольдовъ. Осѣдлое населеніе китайцы, сравнительно недавніе колонисты (въ послѣдніе двадцать—тридцать лѣтъ). Общая численность населенія показывалась китайцами около одного милліона, но только приблизительно. Населеніе очень пострадало во время войны. Много погибло. Еще больше разбѣжалось. Страна, и безъ того очень слабо населенная, почти совершенно опустѣла. Гиринская провинція и есть собственно Маньчжурія, первоначальная родина этого народа и нынѣ заключающая въ своихъ предѣлахъ почти всѣхъ неокитайившихся маньчжуровъ. Верховье Сунгари (около Гирина) и долина р. Хурхи, лѣваго притока Сунгари, орошающаго восточную террасу, заняты маньчурами, имѣющими или имѣвшими, до занятія страны русскими, военную организацію на подобіе казачей. Большинство населенія, однако, китайское, пришлое въ послѣдніе два—три десятилѣтія. Встрѣчаются и бродячія племена звѣролововъ. Общая численность населенія исчислялась отъ 2 до 3 милліоновъ, вѣроятно, преувеличенно. Страна въ настоящую войну меньше пострадала, нежели Цицикарская провинція. Желѣзная дорога русскаго восточно-китайскаго общества прорѣзываетъ обѣ описанныя провинціи, касаясь или близко проходя главные города: Хайларъ, Мергенъ, Цицикаръ, Гиринъ, Нипуту. Послѣдняя на верховьяхъ р. Хурхи была самою древнею резиденціей маньчжурскихъ князей, предковъ нынѣ царствующей китайской династіи.

Третья маньчжурская провинція Шань-Цзинская или Мукденская лежитъ къ югу отъ Гиринской, у подножія выше упомяну-

таго хребта Чань-бо-Шаня. Она занимает не широкую полосу береговой низменности съ далеко вдающимся въ море такимъ же низменнымъ и плоскимъ Ляодунскимъ полуостровомъ. Материковая часть провинціи орошается рѣкою Ляо-Хэ (или Шара-Мурень), стекающей съ Чань-бо-Шаня. Недалеко отъ устья ея лежитъ городъ Нью-Чванъ съ приморскою гаванью Инъ-Коу. До Нью-Чвана англичане проложили было желѣзную дорогу отъ Пекина черезъ Шанхай-Гуань, значительный приморскій городъ, лежащій на границѣ Китая и Маньчжуріи. Китайцами дорога была разрушена, но русскими восстановлена. Участокъ Пекинъ до Шанхай-Гуань возвращенъ англичанамъ, а участокъ отъ Шанхай-Гуаня до Нью-Чвана, прорѣзывающій юго-западный уголъ Маньчжуріи, еще находится въ рукахъ русскихъ, являясь однимъ изъ составныхъ элементовъ маньчжурскаго вопроса. На одномъ изъ лѣвыхъ притоковъ Ляо-Хэ расположенъ главный городъ всей Маньчжуріи Мукденъ, древняя столица маньчжурскаго царства, усыпальница первыхъ маньчжурскихъ императоровъ Китая, священный городъ нынѣ царствующей династіи. Вся страна покрыта многочисленными и населенными городами и селами, считая свыше четырехъ милліоновъ народонаселенія почти исключительно китайскаго. На Ляодунскомъ полуостровѣ лежатъ Портъ-Артуръ и Талиенванъ (нынѣ Дальній), съ которыхъ началась русская оккупация Маньчжуріи.

Природа южной Маньчжуріи давно уже потеряла свой первобытный видъ. Почва воздѣлана, флора и фауна преимущественно культурныя. Воздѣлывается преимущественно рисъ, какъ главное хлѣбное растеніе. Такъ же хлопчатникъ и южные плоды. Зимы, однако, всетаки суровы (Ляо-Хэ замерзаетъ); лѣто туманно и дождливо. Провинцію съ сѣвера на югъ прорѣзываетъ вѣтвь русской восточно-китайской желѣзной дороги, начинаясь у Харбина на главной линіи, касаясь большихъ городовъ Аже-Хе и Мукдена и оканчиваясь у Портъ-Артура съ вѣтками къ Дальнему и къ Нью-Чвану, гдѣ входитъ, или должна войти, въ связь съ вышеупомянутой англійской линіей отъ Нью-Чвана къ Шанхай-Гуаню. Предположена вѣтка и на востокъ къ границамъ Кореи.

Всѣ три маньчжурскихъ провинціи въ настоящее время сплошь оккупированы русскими войсками, причемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сохранена гражданская китайская администрація, въ другихъ введена администрація русская. Войско китайское всюду уничтожено, но еще немалочисленны бродячія скопища мародеровъ, съ которыми приходится имѣть постоянно дѣло. Свѣдѣнія о томъ, какъ разоренное населеніе пережило суровую маньчжурскую зиму, покажутся очень скудными и отрывочными.

II.

Такова въ главныхъ и общихъ чертахъ та обширная территория, которая въ 1900 году завоевана русскими и теперь ими оккупирована на неопредѣленный срокъ и на неопредѣленныхъ условіяхъ. Значеніе этого приобрѣтенія можетъ быть разсматриваемо съ очень различныхъ точекъ зрѣнія. Маньчжурія для Россіи можетъ явиться, какъ земледѣльская колонія, какъ поприще торгово-промышленной дѣятельности, какъ факторъ политическаго могущества, какъ страна, призванная устранить тѣ или другія неудобства, ощущавшіяся въ пограничныхъ русскихъ краяхъ. Это съ русской точки зрѣнія, но вопросъ о Маньчжуріи можно разсматривать и съ многихъ другихъ точекъ зрѣнія, и особенно, конечно, съ китайской точки зрѣнія, а затѣмъ и съ точки зрѣнія другихъ державъ, заинтересованныхъ въ дѣлахъ Дальняго Востока. Можно было бы говорить еще о маньчжурской точки зрѣнія, но большинство маньчжуровъ переселилось въ Китай и окиталось, а маленькое поселенное маньчжурское войско до такой степени въ своихъ привиллегіяхъ и правахъ связано съ царствующею династіей, что не можетъ быть отъ нея отдѣлено и, покуда эта династія продолжаетъ править Китаемъ, интересы этихъ маньчжуровъ суть тѣже, что и интересы Китая. Можно, однако, отдѣлять интересы Китая отъ интересовъ правящей династіи. Пересмотримъ бѣгло всѣ эти многоразличныя точки зрѣнія.

Для Китая Маньчжурія имѣетъ несомнѣнно очень крупное значеніе, причѣмъ значеніе Маньжуріи южной (Мукденской) отличается очень существенно отъ значенія Маньжуріи сѣверной. Выше мы уже говорили, что въ географическомъ отношеніи Мукденская провинція составляетъ продолженіе сѣверно-китайской равнины, на которой лежитъ вся Печилійская провинція и сосѣднія съ нею Шандунъ, Хунанъ и др. И въ политическомъ и этнографическомъ отношеніи она представляетъ собою такое же простое продолженіе сѣвернаго Китая. Населена китайцами и населена густо. На 129 тыс. кв. верстахъ ея протяженія живетъ, по послѣднему китайскому цензу, 4.250,000 душъ, или 33,0 на кв. версту. Въ европейской Россіи густота населенія только 22,2 на кв. версту, т. е. въ полтора раза слабѣе. Изъ русскихъ губерній густоты 33,0 на кв. в. достигаютъ: Харьковская (32,9), Бессарабская (32,3), Тахбовская (33,5), Воронежская (33,0), все губерніи, которыя уже никакъ не могутъ считаться слабо населенными. Мукденская провинція—это Китай, и ея отдѣленіе есть уже отторженіе части собственно китайской національной территории съ значительнымъ, прочно и давно осѣвшимъ китайскимъ населеніемъ, совершенно такимъ же по національности и по куль-

турѣ, какъ и населеніе Пекина или Тянь-Цзиня, или Чифу, или вообще всего сѣвернаго Китая. Сѣверная Маньчжурія въ этомъ отношеніи значительно отличается отъ южной. Здѣсь на 820 тыс. кв. верстахъ (Германія занимаетъ всего 540 тыс. кв. верстъ) живетъ отъ 3 до 3½ милліоновъ, на половину не китайцевъ, а въ средѣ китайцевъ много ссыльныхъ преступниковъ и бѣглыхъ и сравнительно мало женщинъ. Густота населенія очень слаба, всего отъ 3½ до 4 душъ на кв. в. (Оренбургская губ., несмотря на свои пустыни, имѣетъ 5,3 душ. на кв. в., а Пермская—7,2). Непривычный для китайцевъ климатъ и совершенно новыя условія для культуры дѣлаютъ изъ сѣверной Маньчжуріи страну, мало привлекательную для сыновъ Небесной имперіи. Въ обмѣнъ за отказъ отъ причитающагося вознагражденія за убытки и расходы, понесенные Россіей и русскими (цифра должно быть очень не малая), Китаю не было бы невыгодно уступить эту территорію, но Китаю, какъ отвлеченной политической и національной единицѣ. Однако, не Китаю конкретному, управляемому маньчжурской династіей. Вѣдь, какъ ни есть, это всетаки Маньчжурія и маньчжуры... Это затрудненіе еще усугубляется, когда рѣчь заходитъ и о Мукденской провинціи, гдѣ лежитъ священная столица династїи. Въ этомъ случаѣ интересы династїи совпадаютъ, какъ мы видѣли, съ интересами китайскаго народа. Чтобы покончить съ этимъ бѣглымъ обзоромъ китайской точки зрѣнія на маньчжурскій вопросъ, напомнимъ, что именно принадлежащій къ Мукденской провинціи Ляодунскій полуостровъ являлся, до занятія Портъ-Артура русскими, главнымъ и серьезнымъ оплотомъ, защищавшимъ морскіе подступы къ берегамъ Печили и, стало быть, къ столицѣ.

Если, такимъ образомъ, съ китайской точки зрѣнія существуетъ громадная разница между вопросомъ объ утратѣ Мукденской провинціи и объ уступкѣ двухъ сѣверныхъ провинцій, то и съ русской точки зрѣнія существуетъ такая же существенная разница между интересами въ Сѣверной и Южной Маньчжуріи. Слабо заселенная (почти не заселенная), плодородная, по природнымъ условіямъ соответствующая природнымъ условіямъ Средней Россіи, богатая рыбою, дичью, минералами и судоходными рѣками, сѣверная Маньчжурія можетъ явиться прекрасною земледѣльческою колоніей, способною вмѣстить десятки милліоновъ населенія. Густо населенная Мукденская провинція съ непривычными для русскихъ природными условіями (рисъ вмѣсто пшеницы и ржи, хлопокъ вмѣсто льна и конопли, ослы и мулы вмѣсто лошадей, буйволы вмѣсто воловъ, шелководство, искусственное орошеніе и пр.) никогда не явится колоніальною территоріей, а всегда останется инородною, тяготящею къ большому сосѣднему національному тѣлу.

Если мы обратимся теперь къ вопросу о возможной торго-

промышленной дѣятельности въ странѣ, то и здѣсь увидимъ, что съ русской точки зрѣнія существуетъ очень существенная разница между Мукденской провинціей и двумя сѣверными. Сосѣднее Цицикарской провинціи наше Забайкалье, богатое менеральными ископаемыми, организовало въ довольно обширныхъ размѣрахъ горное дѣло, казенное и частное, перешедшее отсюда и въ Амурскую область. Богатство сѣверной Маньчжуріи цѣнными менералами даетъ поприще для дѣятельности уже организованной и опытной горной промышленности сосѣднихъ русскихъ областей и общаетъ значительное и разностороннее развитіе. Плоская, изъ однихъ новѣйшихъ наносовъ образованная равнина Мукденской провинціи ничего не общаетъ въ этомъ смыслѣ. Сосѣднія русскія области всего Пріамурскаго генераль-губернаторства и даже всей Сибири, кромѣ горнаго дѣла, промышляютъ еще пушниной, которой такъ богата сѣверная Маньчжурія. Соболь, лисица нѣсколькихъ видовъ, бѣлка, выдра, медвѣдь водятся въ большомъ количествѣ, а равно и не пушной, но все же цѣнный звѣрь, какъ олени, лоси, дикія козы, кабаны и пр. Въ настоящее время промышляютъ охотой здѣсь лишь малочисленныя тунгусскія племена, и для сибирскаго звѣролова страна непочатый уголь для промысла. Рыбою такъ же обыкли промышлять сибиряки и амурцы. И рыбою изобилуетъ край (осетръ, нельма, лосось, форель и т. д.). Конечно, ничего подобнаго не представляетъ собою Мукденскій край, густо заселенный, безлѣсный, воздѣланный и прорѣзанный лишь сравнительно небольшими рѣками. Съ другой стороны, богатая система судоходныхъ и сплавныхъ рѣкъ сѣверной Маньчжуріи, связанная черезъ Сунгари и Уссури съ Амуромъ, является готовою сѣтью путей для видренія торговли и промышленности именно изъ русскихъ предѣловъ, тогда какъ Мукденъ совершенно отрѣзанъ Чаньбо-Шаньскимъ кряжемъ и своими естественными путями тяготеетъ не къ русскимъ, а къ китайскимъ областямъ. Наконецъ, и магистраль великаго трансасіятскаго пути, конечно, имѣющая громадное экономическое и политическое значеніе для Россіи, прорѣзывается именно двѣ сѣверныя провинціи Маньчжуріи, нисколько не касаясь Мукденской, куда посылаетъ только вѣтвь, далѣе, какъ мы уже указали, вновь вѣтвящуюся.

Такимъ образомъ, и какъ земледѣльческая колонія, и какъ поле торгово-промышленной дѣятельности, и какъ территорія, географически единая съ сосѣдними русскими областями, и какъ мѣсто прохожденія трансасіятской желѣзнодорожной магистраліи, сѣверная Маньчжурія имѣетъ для Россіи очень серьезное значеніе. Мукденская провинція ни въ одномъ смыслѣ не имѣетъ этого значенія, совершенно обратно тому, какъ дѣло представляется съ точки зрѣнія китайскихъ интересовъ. Для Китая сѣверныя провинціи имѣютъ сравнительно мало значенія, а очень много только Мукденская. Надо прибавить теперь, что такая существенная раз-

нища въ значеніи русскаго занятія сѣверной и южной Маньчжуріи оказывается и для всѣхъ другихъ заинтересованныхъ на Дальнемъ Востокѣ державъ. Ни католическіе, ни протестантскіе миссіонеры еще не проникали въ Гиринъ и Цицикаръ и не создали здѣсь группъ населенія и интересовъ, тяготеющихъ къ христіанскимъ державамъ Западной Европы и Америки. Въ Мукденѣ напротивъ того миссіонеры успѣли основать многочисленныя христіанскія общины, учредить монастыри, выстроить церкви, организовать благотворительныя учрежденія, школы, больницы и другіе проводники политическаго вліянія. Равнымъ образомъ, и торговля иностранныхъ державъ достигла въ Мукденской провинціи серьезныхъ размѣровъ, совершенно не проникнувъ за Чань-бо-Шань. Въ Мукденской же провинціи англичане построили уже упомянутую желѣзную дорогу до Нью-Чвана. Здѣсь же существуетъ два договорныхъ порта (т. е. открытыхъ по договорамъ для свободной торговли), Нью-Чвань и Талиенвань. Наконецъ, только здѣсь, въ культурной, густо населенной и приморской странѣ, европейская и американская торгово-промышленная дѣятельность можетъ разсчитывать и на дальнѣйшіе успѣхи и развитіе. Малокультурная, слабо населенная сѣверная Маньчжурія, отрѣзанная Чань-бо-Шанемъ отъ моря, съ своими рѣками тяготеющая только къ Россіи, не открываетъ такихъ перспективъ европейской и американской торговли и промышленности. Поэтому, можно смѣло сказать, что очищеніе русскими Мукденской провинціи отвѣчаетъ интересамъ всѣхъ державъ, Франціи въ томъ числѣ, тогда какъ оккупация или даже присоединеніе сѣверной Маньчжуріи, хотя и не было-бы встрѣчено одобреніемъ и добрыми пожеланіями, но и не нарушило бы ничьихъ сколько нибудь значительныхъ и стоящихъ вниманія интересовъ, кромѣ уже не однажды упомянутыхъ интересовъ нынѣ царствующей въ Китаѣ маньчжурской династіи. Отторженіе Маньчжуріи колеблетъ ея положеніе и въ самомъ Китаѣ.

Значеніе для Россіи оккупации южной Маньчжуріи тѣмъ не менѣе довольно серьезное, но значеніе, чисто политическое, а потому ровно настолько умаляющее политическую мощь другихъ державъ, поскольку увеличиваетъ политическую мощь Россіи въ этихъ краяхъ. Если имѣть въ виду развитіе русскаго вліянія въ Китаѣ и если готовиться къ вооруженному столкновенію, съ Китаемъ-ли въ болѣе отдаленномъ будущемъ, изъ-за Китая-ли въ болѣе близкомъ, то оккупация Мукденской провинціи можетъ оказать серьезное вліяніе на ходъ событій, передавая въ руки русскихъ военныхъ силъ нѣсколько господствующихъ позцій, для военно-морскихъ и для военно-сухопутныхъ дѣйствій. Это, конечно, немаловажно съ русской точки зрѣнія, но немаловажно такъ же взвѣсить вопросъ: сама возможность столкновенія Россіи съ кѣмъ бы то ни было на Дальнемъ Востокѣ не является-ли послѣдствіемъ именно военной оккупации Мукденской провинціи, Портъ-Артура

и Талиенвана въ томъ числѣ? Не надо забывать такъ же, что въ англо-китайскомъ договорѣ объ оккупациі англичанами Вей-Ха-Вея срокъ этой оккупациі обусловленъ прямо срокомъ русской оккупациі Портъ-Артура и Талиенвана.

III.

Въ то время, какъ Россія, такъ или иначе, утвердилась въ Маньчжуріи и, по изреченію „*Beati possidentes*“, можетъ спокойно выжидать событій (возмѣщеніе убытковъ у нея уже въ карманѣ), европейскій концертъ продолжаетъ свое дѣло въ собственномъ Китаѣ. Дѣло не легкое и сложное. И по китайскимъ, и по европейскимъ причинамъ. Мы уже говорили (1900 г., августъ) объ интересахъ разныхъ державъ въ Китаѣ. Мы указали тогда, что, при всемъ разнообразіи интересовъ, державы составляютъ двѣ группы. Соединенные Штаты, Англія и Японія будутъ стремиться къ возможно скорѣйшему умиротворенію, хотя бы и временному, и къ полному восстановленію *status quo ante bellum*. Континентальная Европа же, по мнѣнію, тогда нами высказанному, нуждается въ болѣе прочномъ рѣшеніи, которое, однако, не мыслимо при простомъ восстановленіи *status quo ante bellum*, невыносимаго для китайцевъ. Событія, съ тѣхъ поръ происшедшія, лишь отчасти оправдали эти предвидѣнія. Соединенные Штаты, Англія и Японія, дѣйствительно, стремятся къ восстановленію *status quo ante*, но съ нами параллельно, хотя и не вмѣстѣ, дѣйствуетъ въ томъ же направленіи и Россія. Съ другой стороны, Германія является неизмѣнною сторонницею суровой репрессіи, поддержанная въ этомъ направленіи не только союзными державами, но и Франціей. Если прибавить, что между Германіей и Англіей состоялось сепаратное соглашеніе по нѣкоторымъ китайскимъ дѣламъ, то мы увидимъ передъ собою такую путаницу отношеній и дѣйствій, которая очень недалека отъ полнаго хаоса.

Англо-германское соглашеніе было очень крупнымъ успѣхомъ англійской дипломатіи. Пока у Англіи руки связаны южно-африканской войной, индійскими бѣдствіями, разорительными расходами и обнаруженными дефектами военной организациі, всякая отсрочка китайскаго вопроса должна быть для Англіи прямо спасеніемъ ея огромныхъ интересовъ на Дальнемъ Востокѣ. Между тѣмъ, гарантія *status quo ante bellum*, заключающаяся въ англо-германскомъ соглашеніи, и является именно такою отсрочкою. Германія сначала менѣе всего желала такой отсрочки. Начавъ первая раздѣлъ Китая захватомъ Кю-Чжеу, она и затѣмъ твердо стояла на программѣ сферъ вліянія, т. е. на предварительномъ размежеваніи китайской территоріи, сначала для экономической эксплуатаціи страны, а потомъ при случаѣ и для политическаго

господства. Англо-германское соглашение явилось отменою этой программы. Причину тому надо искать, кромѣ обычной нервной измѣчивости германскаго императора, болѣе всего въ политикѣ Россіи, не пожелавшей поддержать политику Германіи. Отклоненіе Россіей раздѣла и ея снисхожденіе къ Китаю могли дать поводъ къ подозрѣнію, не желаетъ-ли Россія утвердить свое исключительное вліяніе надъ китайскимъ правительствомъ и достигнуть этого путемъ господства надъ всѣмъ Китаемъ. Подобныя же опасенія относительно Польши заставили въ XVIII в. Пруссію сблизиться съ Австріей и вмѣстѣ привести Россію къ необходимости согласиться на раздѣлъ Польши. Теперь эти опасенія относительно Китая бросили Германію къ Англіи и спасли для послѣдней ея положеніе на Дальнемъ Востокѣ, иначе сильно поколебленное. Политика заступничества за Китай во чтобы то ни стало не удалась и въ другомъ отношеніи. Китай уклонился отъ этого заступничества и, внемля совѣтамъ Англіи и Японіи, отказалъ въ ратификаціи уже заключенной конвенціи о Маньчжуріи, Монголіи и Чжунгаріи. Въ конвенціи предусматривалась возможность эвакуаціи Маньчжуріи взаменъ признанія за Россіей извѣстныхъ правъ въ Маньчжуріи, Монголіи и Чжунгаріи. Отказъ отъ ратификаціи вызвалъ заявленіе Россіи, что она просто остается въ Маньчжуріи впредь до выясненія обстоятельствъ. Нѣкоторые ожидали японскаго вмѣшательства, но, повидимому, Японіи предоставлена нѣкоторая компенсація въ Корей. Во всякомъ случаѣ, то обстоятельство, что положеніе Россіи въ Маньчжуріи никакимъ договоромъ съ Китаемъ не легализовано, открываетъ возможность вмѣшательства въ будущемъ, уподобляясь въ этомъ отношеніи англійской оккупаціи въ Египтѣ.

Политика Германіи-ли, Россіи-ли спасли Англіи ея положеніе въ Китаѣ и тѣмъ обезпечили ей очень крупныя выгоды именно въ то время, когда она менѣе всего могла этого добиться собственною политикою, еще менѣе того собственною силою, ослабленная и раздавленная безславною авантюрою въ южной Африкѣ. Вотъ уже полтора года горсть героев отстаиваетъ свободу отечества противъ одной изъ могущественнѣйшихъ державъ міра, приведя ее къ никогда небывалымъ въ ея исторіи потерямъ и убыткамъ. Англійскій министръ финансовъ (лордъ казначейства, какъ онъ называется въ Англіи) Гиксъ-Бичъ представилъ въ парламентъ по истинѣ неслышанный бюджетъ, предусматривающій дефицитъ въ 620 мил. рублей (около полутора миллиарда франковъ)! Всѣ съ большимъ интересомъ, а въ Англіи и съ большою тревогою ожидали этого бюджета. 6/11 апрѣля сэръ Михаэль Гиксъ Бичъ предсталъ съ нимъ передъ палатою общинъ, переполненной представителями націи. Шестьсотъ двадцать милліоновъ рублей дефицита не включаятъ не вычисленныхъ еще расходовъ на реорганизацію арміи и на непредвидѣнныя надобности, стоить воз-

можныя, когда ведутся двѣ войны и съ неслыханнымъ ужасомъ прогрессируютъ бѣдствія несчастной Индіи. Какъ же думаетъ покрыть дефицитъ сэръ Михаэль Гиксъ Бичъ? Около стапятидесяти милліоновъ рублей онъ думаетъ взискать съ англійскихъ плательщиковъ налоговъ, остальные сотни милліоновъ добыть посредствомъ займа, который, однако, испрашивается у парламента въ 620 милліоновъ въ виду вышеуказанной реорганизаціи арміи и возможныхъ сюрпризовъ (словомъ, предвидится дефицитъ свыше 800 милліоновъ рублей, или въ 2 миллиарда франковъ). Плательщики приглашаются уплатить свою долю въ видѣ повышеннаго подоходнаго налога, въ видѣ ввозной пошлины на сахаръ и ввозной на каменный уголь. Повышеніе подоходнаго налога проектируется очень умеренное: 2 пени на шиллингъ нынѣ платимаго налога; шиллингъ равняется двѣнадцати пенсамъ, такъ что повышение равно одной шестой нынѣ платимаго налога, который съ 5% на доходъ повысится этимъ путемъ до 5,8%. Въ-сто пяти рублей съ каждаго ста рублей дохода плательщики будутъ отнынѣ вносить пять рублей *восемьдесятъ* копеекъ. Предполагаютъ, что это повышение принесетъ 37½ милл. рублей. Сахаръ будетъ обложенъ пошлиной въ 4 шиллинга 2 пенса на одинъ центнеръ рафинада, 2 шиллинга на центнеръ сахарнаго песку и патоки и 1 шиллингъ 8 пенсовъ на центнеръ глюкозы (виноградный и фруктовый сахаръ). Переведемъ это на наши деньги, пошлина будетъ приблизительно около одной копейки на фунтъ рафинада и около ½ коп. на фунтъ сах. песку, но, благодаря универсальности потребления сахара въ Англіи, рассчитываютъ съ нея получить 48 милліоновъ рублей. Вывозная пошлина на каменный уголь устанавливается въ 46 копеекъ на тонну, что дастъ около 22 милліоновъ рублей, всего три новыхъ налога, вмѣстѣ взятые, дадутъ до 110 милл. рублей. Затѣмъ 45 милл. должны остаться вслѣдствіе пріостановки погашенія займовъ, всего около 150 милліоновъ. Заемъ въ 620 милл. предполагается выпустить по цѣнѣ 94 и при 2½% съ обязательствомъ не начинать погашенія раньше 1920 года. „Я не думаю,—сказалъ съ грустью сэръ Гиксъ Бичъ,—чтобы теперь кто либо имѣлъ смѣлость утверждать, что южно-африканская война есть война незначительная (*оживленные аплодисменты на скамьяхъ оппозиціи*). По своей стоимости, это великая война. Я могу вамъ сказать, что она стояла до сихъ поръ: сто пятьдесятъ три милліона фунтовъ стерлинговъ (около полутора миллиарда рублей, безъ малаго четыре миллиарда франковъ). Это вдвое больше расхода на Крымскую войну. Если даже припомнимъ наполеоновскія войны, то и тогда увидимъ, что наибольшее стоявшіе два послѣдніе года войны, 1813 и 1814, стояли 144½ милліона фунтовъ. Они стоили дешевле войны въ Южной Африкѣ и въ Китаѣ. Поэтому, я полагаю, что мы не можемъ далѣе обходиться краткосрочными займами и что наступило время

заклучи́гь долгосрочный консолидированный заемъ“. Сэръ Вильямъ Гаркортъ, бывшій лордъ казначейства въ послѣднемъ либеральномъ кабинетѣ, съ ѣдкою горечью критиковалъ бюджетъ, представленный консервативнымъ министромъ. „Бюджетъ,—сказалъ престарѣлый вождь либераловъ,—является только эпизодомъ той горестной авантюры, въ которую мы позволили себя вовлечь и которой конца мы еще не видимъ. На этотъ разъ правительство не осмѣлилось насъ увѣрять въ близости окончанія войны. Займы для этой войны уже достигли 127 милліоновъ ф. ст. (3 милліарда 125 милліоновъ франковъ, одинъ милліардъ, двѣсти милліоновъ рублей), что вчетверо больше суммы займовъ, сдѣланныхъ во время Крымской войны. Трансваальская война намъ стоила 148 милліоновъ (по исчисленію Гикса Бича, даже 153 милл.) и это еще не конецъ. Кромѣ того, расходы на администрацію и полицію въ новыхъ колоніяхъ будутъ очень велики. Настоящее правительство приобрѣло право на совершенно исключительное мѣсто въ англійской исторіи, впутавъ страну въ войну, которая должна поглотить двѣсти милліоновъ (2 милліарда рублей) сбереженій, сдѣланныхъ Англіею въ теченіе пятидесяти лѣтъ“! Критика почтеннаго оратора не помѣшала парламенту вотировать всѣ предложенія правительства, заемъ и новые налоги. Менѣе всего голосовъ получило правительство по вопросу о вывозной пошлинѣ на каменный уголь, которая принята большинствомъ 171 голоса противъ 127, т.-е. при перевѣсѣ только въ 44 голоса (выборы 1900 года дали правительству перевѣсъ свыше 100 голосовъ, но многіе, очевидно, не послѣдовали въ этомъ случаѣ за правительствомъ). Въ парламентѣ во всякомъ случаѣ правительство добилося одобренія, но на націю новый бюджетъ произвелъ прямо удручающее впечатлѣніе. Англичане, оплачивая нынѣ стоимость „имперіализма“, начинаютъ какъ будто отрезвляться отъ своего имперіалистскаго угара, но тѣмъ съ большею цѣпкостью хватаются за еще не завоеванныя новыя колоніи. Столько заплативъ, вѣдь надо же не съ пустыми руками уйти съ базара, хотя бы и съ опустѣвшими карманами. Это мало общаетъ хорошаго для южно-африканскихъ героевъ, но можетъ послужить полезнымъ урокомъ для великаго народа, нынѣ взявшаго на себя безславную роль угнетателя и душителя маленькаго культурнаго и геройскаго народа. И преступленія надо оплачивать и дорого оплачивать. Это хорошо бы помнить всѣмъ преступникамъ, хотя бы они сами свои преступленія и называли „патріотизмомъ“. Доблесть, правильно именуемая патріотизмомъ, это буры и ихъ гибель за свободу отечества. Преступленіе, себя ложно именующее патріотизмомъ, это всякіе душители и угнетатели подвластныхъ народовъ, которыхъ страданія могутъ быть выгодны шайкѣ хищниковъ, но никакъ не цѣлой націи, слѣдующей за „патріотическими“ возгласами этой шайки.

Какъ бы то ни было, но Англіи повезло въ китайскомъ вопросѣ и она можетъ съ надеждою на лучшее выжидать событій и не опасаться, что какіе-либо изъ ея существенныхъ интересовъ потерпятъ ущербъ. Неприкосновенность Китая, гарантированная англо-германскою конвенціей, къ которой применила затѣмъ Японія, отсрочиваетъ возможный и вѣроятный второй раздѣлъ Китая, въ которомъ, при нынѣшнемъ своемъ положеніи, Англіи пришлось бы играть второстепенную роль и мряться съ потерей многихъ уже почти прибрѣтенныхъ позицій. Теперь все должно остаться по старому. Однако, не утопія-ли эта надежда, что все можетъ остаться по старому? Оставляя даже въ сторонѣ Манчжурію и связанные съ нею вопросы, и въ остальномъ Китаѣ многое произошло такое, что уже не можетъ быть измѣнено или вычеркнуто и что существенно мѣняетъ положеніе дѣлъ. Въмѣсто неограниченнаго въ своей власти всеильнаго центральнаго правительства, существовавшаго до паденія Пекина, передъ нами теперь какая-то фикція, на которую ссылаются вице-короли, когда желаютъ сложить съ себя отвѣтственность, но которой отнюдь не повинуются. Возможно-ли ожидать, чтобы это ослабленіе центра и расчлененіе имперіи прекратилось съ заключеніемъ мира? Для этого надо снабдить центръ военною силою, которая уничтожена войною, между тѣмъ, какъ силы намѣстниковъ возрасли и возрастаютъ. Снабдить военною силою центръ могутъ только европейцы, давъ денегъ и оружіе, но будутъ-ли они въ томъ между собою согласны? И не будетъ-ли напротивъ и здѣсь полное разногласіе и въ то время, какъ одни (напр. Россія или Японія) будутъ поддерживать центральное правительство, другіе составятъ опору „либеральнымъ“ вице-королямъ долины Янтсе? Это одно обстоятельство (децентрализація силы и власти) столь существенно мѣняетъ положеніе дѣлъ, что *status quo ante bellum* окажется чѣмъ то совершенно новымъ и прежнему порядку не отвѣчающимъ. Разореніе сѣверныхъ провинцій и контрибуція, которая по неволѣ будетъ огромная (вѣдь войска и припасы доставлялись изъ Европы), тоже очень существенно измѣняютъ соотношеніе прежнихъ силъ Китая. Оккупация Тянь-Цзина и Шанхай-Гуана, вооруженная охрана въ Пекинѣ и на всѣхъ линіяхъ желѣзныхъ дорогъ—тоже крупная новость сравнительно съ прошлымъ. Можно было бы указать еще многое другое въ томъ же направленіи, но и этого достаточно, чтобы убѣдиться, что дѣйствительное возстановленіе *status quo ante bellum* неосуществимо и что, слѣдовательно, англо-германское соглашеніе можетъ добиваться лишь возстановленія всѣхъ правъ и преимуществъ, которыми договаривающіяся стороны пользовались до войны и которыми онѣ не желаютъ поступаться ни въ чью пользу. Такія соглашенія естественно должны происходить между заинтересованными державами и, вѣроятно, визитъ Делькассэ въ Петербургъ былъ связанъ именно съ пере-

говорами о какомъ-либо подобномъ же соглашеніи между Россіей и Франціей. Это вопросъ дня.

Едва-ли, однако, было бы основательно связывать этотъ визитъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ своему русскому собрату только и исключительно съ китайскими дѣлами. Серьезное сближеніе, совершившееся въ послѣднее время между Франціей, Италіей и Испаніей, представляетъ такое важное событіе, подготовляющее новую группировку державъ, что интимные переговоры съ союзницей стали для Франціи безотлагательно настоятельными. Едва-ли не здѣсь надо искать главной побудительной причины посѣщенія русской столицы руководителемъ французской иностранной политики.

С. Южановъ.

Хроника внутренней жизни.

I. Назначеніе ген.-ад. Ванновскаго министромъ народнаго просвѣщенія и Высочайшій рескриптъ на его имя.—Отзывы печати объ этой мѣрѣ.—Реформаторскіе планы «Гражданина» и «Моск. Вѣдомостей».—Существенные недостатки нашей образовательной системы и способы къ ихъ исправленію.—Мѣры новаго министра.

I.

Должность министра народнаго просвѣщенія, остававшаяся нѣкоторое время послѣ смерти т. с. Боголѣпова, вакантной, была замѣщена въ концѣ марта не вполне обычнымъ порядкомъ. 25 марта состоялся слѣдующій Высочайшій рескриптъ, данный на имя члена Государственнаго Совѣта, генераль-адъютанта Ванновскаго:

„Петръ Семеновичъ. Правильное устройство народнаго образованія составляло всегда одну изъ главныхъ заботъ русскихъ государей, твердо, но постепенно стремившихся къ его усовершенію въ соотвѣтствіи съ основными началами русской жизни и потребностями времени. Опытъ послѣднихъ лѣтъ указалъ, однако, на столь существенные недостатки нашего учебнаго строя, что Я признаю благовременнымъ безотлагательно приступить къ коренному его пересмотру и исправленію.

„Высоко цѣня вашу государственную опытность и просвѣщенный умъ, Я избралъ васъ въ сотрудники Себѣ въ дѣлѣ обновленія и устройства русской школы и, призывая васъ на особо важную нынѣ должность министра народнаго просвѣщенія, твердо

увѣренъ, что вы строго и неуклонно будете идти къ намѣченной Мною цѣли и въ дѣло воспитанія русскаго юношества внесете умудренный опытомъ разумъ и сердечное о немъ попеченіе.

„Да благословить Господь Наши труды; да помогутъ Намъ въ нихъ родители и семьи, ближайшимъ образомъ обязанные пещись о своихъ дѣтяхъ, и тогда скоро наступитъ время, когда Я и со Мною весь народъ будемъ съ гордостью и утѣшеніемъ видѣть въ молодомъ поколѣніи твердую и вѣрную надежду Отечества и стойкую опору его въ будущемъ“.

Практикуемая у насъ образовательная система установилась давно и долгое время признавалась неизмѣнной. Въ общихъ чертахъ она сложилась еще въ тотъ періодъ, когда министерствомъ народнаго просвѣщенія управлялъ гр. Д. А. Толстой, и съ тѣхъ поръ развивалась въ одномъ и томъ же направленіи, съ незначительными лишь отклоненіями въ сторону. Для громаднаго большинства нашего образованнаго общества несостоятельность этой системы давно уже стояла внѣ всякаго сомнѣнія. Печать, являющаяся у насъ едва-ли не единственною выразительницею общественнаго мнѣнія, много разъ указывала на существенные недостатки порядковъ, созданныхъ этою системою въ области народнаго просвѣщенія, и на полное несоотвѣтствіе ихъ дѣйствительнымъ потребностямъ страны. Но, не говоря уже о томъ, что всѣ такіе указанія, по причинамъ, совершенно независѣвшимъ отъ воли ихъ авторовъ, не могли быть достаточно полными и исчерпывающими, вопросъ, они оказывались на практикѣ еще и безплодными. Дѣйствующая система заранѣе признавалась недоступною критикѣ и не подлежащею сколько-нибудь серьезнымъ измѣненіямъ. Еще очень недавно въ учебномъ дѣлѣ допускались лишь такіе измѣненія и реформы, которыя могли бы быть произведены „безъ ломки существующей системы“. Событія послѣдняго времени пошатнули однакоже такой взглядъ и въ настоящій моментъ, какъ явствуетъ изъ словъ только что приведеннаго нами Высочайшаго рескрипта, верховная власть сама признаетъ наличность „существенныхъ недостатковъ“ въ постановкѣ учебнаго дѣла и указываетъ на необходимость безотлагательно приступить къ „коренному пересмотру и исправленію“ всего учебнаго строя. Такое „коренное исправленіе“ можетъ, конечно, быть поведено по различнымъ путямъ. Тѣмъ важнѣе попытаться опредѣлить, какой изъ этихъ возможныхъ путей является наиболѣе правильнымъ и цѣлесообразнымъ, наиболѣе отвѣчаетъ потребностямъ страны и условіямъ времени.

Наша печать, обыкновенно довольно сдержанная въ оцѣнкѣ правительственныхъ мѣропріятій, къ назначенію новаго министра

народнаго просвѣщенія отнеслась съ большою экспансивностью. Большинство органовъ періодической прессы, болѣе или менѣе восторженно привѣтствуя это назначеніе и сопровождающій его рескриптъ, склонно усматривать въ этихъ фактахъ начало новой и, несомнѣнно, благотворной эры въ дѣятельности министерства, управлять которымъ призванъ ген.-ад. Ванновскій. При существующихъ условіяхъ трудно сказать, насколько такое настроеніе печати отражаетъ въ себѣ дѣйствительное настроеніе массы общества. Любопытно, однако, отмѣтить то обстоятельство, что такія оптимистическія ожиданія и надежды высказываются съ самыхъ различныхъ сторонъ, какъ бы объединяя представителей прямо противоположныхъ литературныхъ лагерей. Самые разнообразные органы одинаково готовы придавать чрезвычайно важное значеніе личности новаго министра и содержанію обращеннаго къ нему Высочайшаго рескрипта, какъ несомнѣннымъ признакамъ вполнѣ опредѣленной реформаторской программы правительства. По словамъ „Гражданина“, рескриптъ 25 марта „есть въ полномъ смыслѣ слова историческое событіе“. По отзыву „Правы“, этотъ рескриптъ—„политическій актъ огромной, чрезвычайной важности“. Назначеніе ген.-адъют. Ванновскаго—говоритъ журналъ—„само по себѣ является программой, предопредѣляющей дѣятельность новаго министерства“, и эта программа еще „точнѣе намѣчается въ немногихъ, но вполнѣ опредѣленныхъ и категорическихъ словахъ Высочайшаго рескрипта“ *). „Русскія Вѣдомости“ считаютъ рескриптъ 25 марта „важнымъ событіемъ“, „Московскія Вѣдомости“ называютъ его „благою вѣстью“ **). „Новое Время“, съ свойственною ему въ послѣдніе годы склонностью къ символизму, признаетъ весьма значительнымъ уже тотъ фактъ, что рескриптъ помѣченъ 25 марта, днемъ Благовѣщенія, съ которымъ у русскихъ людей искони связывается вѣра въ добрыя предвѣщанія. „Россія“ въ свою очередь находитъ въ рескриптѣ „духъ соборной объединенности Царя и земли“ и высказываетъ увѣренность въ томъ, что „ген.-ад. Ванновскій вступаетъ на свой многотрудный постъ при самыхъ лучшихъ предзнаменованіяхъ“. Еще болѣе рѣшительно выражается „Недѣля“. По ея словамъ, „въ наше политиканствующее, оппортунистское время, время всякихъ компромиссовъ, обезличеній и „временныхъ правилъ“, мы уже успѣли отвыкнуть отъ такихъ прямыхъ, вѣсныхъ рѣшительныхъ словъ, какія имѣются въ рескриптѣ. Глазъ отдыхаетъ на нихъ, какъ на яркихъ точкахъ среди сѣрой и тусклой перспективы, и мысль не рѣшается вполнѣ вѣрить въ ихъ реальное бытіе, въ то время, какъ голосъ тайнаго жела-

*) „Гражданинъ“. № 24, 29 марта; „Право“, № 14, 30 марта 1901 г.

**) „Р. Вѣд.“, 27 марта; „М. Вѣд.“, 28 марта 1901 г.

нія шепчетъ: не будетъ ли такого же рескрипта еще кому нибудь?*)).

Слѣдя за этими и подобными имъ отзывами печати, можно было бы подумать, что мы имѣемъ дѣло съ возвѣщенной уже опредѣленной программой коренной реформы нашей образовательной системы и что такая программа встрѣчаетъ себѣ одинаково сочувственную оцѣнку съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія. Но въ дѣйствительности дѣло обстоитъ не совсѣмъ такъ. Нѣсколько неожиданное согласіе въ отзывахъ представителей различныхъ взглядовъ и направленій, находящихъ себѣ отраженіе въ нашей прессѣ, свидѣтельствуетъ скорѣе о неудовлетворенности прошлымъ, чѣмъ объ опредѣленности настоящаго момента. На самомъ дѣлѣ единодушіе печати и не идетъ далѣе общаго признанія необходимости реформы. Какъ только поднимается вопросъ о томъ, въ чемъ должна заключаться эта реформа, единодушіе смѣняется ожесточеннымъ споромъ и печать дѣлится на рѣзко враждебные лагеря, изъ которыхъ каждый выставляетъ свою реформаторскую программу.

Во главѣ одного изъ этихъ лагерей стоятъ „Гражданинъ“ и „Московскія Вѣдомости“. Обѣ эти газеты признаютъ существующую постановку народнаго образованія совершенно неправильной и именно въ ней видятъ причину тѣхъ осложненій въ жизни высшихъ учебныхъ заведеній, которыя съ такою рѣзкостью проявились за послѣднее время. „Безпорядки на улицахъ, по словамъ „Гражданина“, ничто въ сравненіи съ тѣмъ хроническимъ органическимъ безпорядкомъ“, который царитъ во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, и особенно въ высшихъ. Сущность этого безпорядка, въ представленіи названной газеты, заключается въ чрезмѣрномъ распространеніи высшаго образованія, и вообще въ чрезмѣрномъ стремленіи къ знанію. Опредѣляя такимъ образомъ болѣзнь, отъ которой страдаетъ Россія, газета указываетъ и соотвѣтственные средства для ея лѣченія. Можно, пожалуй, увеличить количество низшихъ профессиональныхъ школъ, которыя выпускали бы ремесленниковъ и техникумовъ, но наряду съ этимъ слѣдуетъ сильно сократить число среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній и количество учащихся въ нихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо измѣнить и самый характеръ средней и высшей школы. До послѣдняго времени—воскликаетъ „Гражданинъ“—„мы не слышали въ области школы иного лозунга, какъ наука и развитіе, и сверху до низу, благодаря этимъ лозунгамъ, гражданская школа все нагляднѣе и глубже представляла роковую картину умственнаго безсилія и духовнаго растлѣнія всѣхъ подроставшихъ поколѣній“. Чтобы избѣжать такой „роковой картины“, „не съ

*) «Н. Вр.», 26 марта; «Россія», 26 марта; «Недѣля», № 13, 30 марта 1901 г.

увеличенія бюджета надо начать, а съ сокращенія, напримѣръ, количества гимназій до такой нормы, чтобы на каждую гимназію можно было обезпечить хорошій составъ учителей“. Въ самомъ дѣлѣ, разсуждаетъ кн. Мещерскій, „несравненно нужнѣе для Россіи, чтобы вмѣсто ста училищъ съ плохими учителями и съ плохими учениками было десять съ хорошими учителями и съ хорошо учащимися учениками“. Теперь же, „открывая школы безъ разбора, есть ли для нихъ хорошіе учителя, мы идемъ по пути постепеннаго извращенія нашего умственнаго строя образованнаго люда, и чѣмъ больше такихъ школъ, тѣмъ извращеніе и безполезнѣе становится образованіе“. Предполагая, что теперь старый лозунгъ школы („наука и развитіе“) замѣненъ новымъ („сердце“), „Гражданинъ“ и въ назначеніи на должность министра народнаго просвѣщенія ген.-ад. Ванновскаго считаетъ особенно важнымъ то обстоятельство, что „во главу гражданской школы“ поставленъ „бывшій военный министръ имп. Александра III, прославившійся возвращеніемъ военной школѣ старыхъ преданій и завѣтовъ порядка и дисциплины“. Но для полнаго процвѣтанія „воспитательной дисциплины“ въ школѣ органъ кн. Мещерскаго считаетъ необходимой еще крупную реформу въ самой организаціи средней школы. Теперь „губернаторъ у себя въ губерніи можетъ только тогда рискнуть сказать директору гимназій: Иванъ Ивановичъ, а у васъ учитель такой-то прямо нигилистъ, или, встрѣтивъ гимназиста на улицѣ, сдѣлать ему внушеніе за неряшливый видъ или за неприличное поведеніе, если онъ съ директоромъ этой гимназій въ хорошихъ отношеніяхъ, но если нѣтъ, и губернаторъ въ немилости у директора гимназій, то первому на всякое вмѣшательство въ область гимназій директоръ можетъ отвѣтить: не ваше дѣло“. Для устраненія такой ненормальности газета предлагаетъ уничтожить должность попечителя учебнаго округа и сдѣлать каждаго губернатора попечителемъ гражданскихъ школъ въ управляемой имъ губерніи *).

Итакъ, вотъ какова программа реформъ, намѣчаемая петербургской реакціонной газетой: поменьше школъ, а въ школахъ „науки и развитія“, и побольше „сердца“, которое отождествляется съ прямолинейною дисциплиной и искорененіемъ вреднаго направленія при помощи рѣшительныхъ мѣръ твердой власти. Тотъ же самый проектъ развивается въ сущности и „Московскими Вѣдомостями“. Разница лишь въ томъ, что московская газета, по обыкновенію, послѣдовательнѣе и угрюмѣе своего петербургскаго собрата и совершенно не проявляетъ той игривости, безъ которой никакъ не можетъ обойтись „Гражданинъ“. Характеризуя ту задачу, какая предстоитъ новому министру народнаго просвѣщенія, „Моск. Вѣдомости“ находятъ, что онъ „долженъ прежде всего

*) «Гражданинъ», №№ 20, 22, 23, 24, 25.

стремиться къ упроченію истинно-религіознаго духа во всѣхъ подвѣдомственныхъ ему школахъ“. „Мы пренебрегли — говоритъ московская газета—духовно-нравственнымъ воспитаніемъ нашего юношества... Мы увлеклись лишь образованіемъ нашихъ дѣтей, сочиняли, поправляли, искажали и передѣлывали лишь учебные планы и росписанія уроковъ и за этимъ бумажнымъ дѣломъ совершенно упускали изъ виду, что школьное воспитаніе есть дѣло живое, требующее прежде всего живыхъ, талантливыхъ, опытныхъ и сердечныхъ воспитателей. Въ школьномъ дѣлѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, важны люди, а не мѣры, важенъ духъ, а не буква. Какая польза для государства и общества отъ образованныхъ, но деморализованныхъ людей, отъ людей, вносящихъ ядъ безвѣрія, безначалія и беззаконія и въ свою семью, и во всѣ органы государства?“ Въ настоящее время, увѣряютъ „Моск. Вѣдомости“, всѣ наши школы являются лишь вмѣстилищами такого яда. Низшія народныя школы не всѣ обращены въ церковно-приходскія. Между тѣмъ земскія школы „уже по составу своихъ свѣтскихъ преподавателей парализуютъ доброе вліяніе законоучителей“. Въ средней школѣ „религіозно-патріотическое воспитаніе у насъ почти совершенно отсутствуетъ“, такъ какъ опять-таки вся „сила воспитанія“ находится не въ рукахъ законоучителей и къ тому же подлежащимъ начальствомъ „совсѣмъ не обращается вниманія на религіозныя и политическія убѣжденія“ преподавателей. Наконецъ, — „что сказать про наши университеты, гдѣ столько вліятельныхъ профессоровъ презрительно отвергаютъ религіозность и патріотизмъ, которые будто бы несовмѣстимы съ наукой, а вмѣсто дѣйствительной, серьезной и глубокой науки даютъ своимъ студентамъ лишь краткіе конспекты лекцій, пропитанныхъ то матеріалистическимъ безвѣріемъ, то высокомѣрнымъ пренебреженіемъ къ основнымъ началамъ русской жизни, то восхваленіемъ западныхъ политическихъ учрежденій, являющихся прямою противоположностью самодержавному государственному строю Россіи“?

Утверждая, что во всѣхъ нашихъ школахъ не существуетъ правильнаго воспитанія, „Моск. Вѣдомости“ указываютъ двѣ причины такого положенія дѣлъ. Воспитаніе „возможно лишь при небольшихъ сравнительно группахъ молодыхъ людей, порученныхъ попеченію воспитателей“, но оно немислимо „въ нашихъ среднихъ и высшихъ школахъ, большинство которыхъ до такой степени переполнены учащимися, что наставники лишь съ трудомъ могутъ запомнить ихъ имена и лица, а о воспитательномъ вліяніи на нихъ и помышлять не могутъ“. Съ другой стороны „у насъ очень и очень мало хорошихъ, истинныхъ воспитателей, такъ какъ никто до сихъ поръ не заботился о строгомъ нравственномъ выборѣ тѣхъ лицъ, которымъ поручается воспитаніе нашего юношества“. Исходя изъ этихъ утвержденій, газета и строитъ свой

планъ реформы. Низшая школа, по ея мнѣнію, должна быть сведена исключительно къ школѣ церковно-приходской. Количество среднихъ общеобразовательныхъ школъ слѣдуетъ сильно сократить, а равно нужно уменьшить и количество учащихся въ каждой школѣ. Доступъ въ университеты долженъ быть открытъ лишь для лицъ, окончившихъ классическую гимназію, но опять-таки не для всѣхъ, а только для „наиболѣе способныхъ къ научнымъ занятіямъ“. Самые университеты изъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній должны быть обращены въ спеціальныя школы съ пансіонами для приготовленія благонадежныхъ ученыхъ. „Прототипомъ нашихъ университетовъ должны быть наши высшія спеціальныя заведенія, съ обязательными при нихъ благоустроенными общежитіями“. Спеціальныя учебныя заведенія даютъ учащимся въ нихъ спеціальное образованіе, университетъ же, по мнѣнію газеты, долженъ готовить исключительно ученыхъ. „Каждый выходящій изъ университета студентъ долженъ быть практическимъ дѣятелемъ въ своей спеціальной наукѣ, онъ долженъ владѣть методомъ и техникой относящихся къ ней работъ, дабы непосредственно принимать участіе въ серьезныхъ научныхъ изысканіяхъ. Словомъ, онъ долженъ быть „ученымъ“ въ полномъ смыслѣ этого слова, „научнымъ дѣятелемъ“, совершенно готовымъ къ самостоятельному научному труду“. Эта цѣль можетъ быть достигнута широкой организаціей практическихъ занятій, которая отняла бы у студентовъ возможность думать о чемъ-либо, кромѣ науки, и поставила бы ихъ подъ постоянный контроль профессоровъ. Сверхъ того необходимо принять спеціальныя мѣры къ тому, чтобы уменьшить число бѣдныхъ студентовъ, такъ какъ именно эта часть студенчества наиболѣе склонна къ волненіямъ. Женскіе курсы разныхъ наименованій слѣдуетъ попросту уничтожить. Медицинскій институтъ, фельдшерскіе и акушерскіе курсы можно замѣнить „разнообразными профессиональными школами для дѣвочекъ“ и „фельдшерскими и акушерскими школами для взрослыхъ женщинъ, организованными по примѣру мужскихъ фельдшерскихъ школъ“. Что касается высшихъ женскихъ курсовъ, то они „могутъ быть преобразованы въ высшіе дополнительные классы женскихъ гимназій, съ сохраненіемъ всего строя гимназической организаціи и съ возложеніемъ отвѣтственности за виѣшнее и внутреннее благоустройство этихъ классовъ на гимназическихъ начальницъ“. Для устраненія „настоящаго, вредно отзывающагося на учебныхъ заведеніяхъ, разногласія“ рекомендуется подчинить всѣ высшія школы, кромѣ духовныхъ и военныхъ, „одному общему руководству“, которое обезпечивало бы единство политики въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Ближайшими задачами этой политики должны явиться поддержаніе „стройной дисциплины“ среди учащихся и подборъ такихъ учащихся, которые исповѣдывали бы катехизисъ „религіозныхъ и политиче-

ских убѣжденій“ г. Грингмута и его присныхъ. При условіи принятія всѣхъ перечисленныхъ мѣръ газета г. Грингмута обѣщаетъ Россіи процвѣтаніе ея высшихъ учебныхъ заведеній и прекращеніе въ нихъ всякихъ безпорядковъ *).

Такова программа уврачеванія золъ нашей школы, предлагаемая „Моск. Вѣдомостями“ и, какъ видитъ читатель, немногимъ отличающаяся отъ программы „Гражданина“. Оговоримся лишь, что, излагая эту программу, мы старались выдѣлить и воспроизвести только наиболѣе существенные ея пункты. Въ подлинникѣ она снабжена еще обширнымъ комментариемъ полемическаго характера, посвященнымъ, по обыкновенію, доносамъ на несогласно съ „Моск. Вѣдомостями“ мыслящихъ людей. Одинъ любознательный писатель подсчиталъ недавно, что за время съ 20 февраля по 10 апрѣля „Моск. Вѣдомости“ въ своихъ статьяхъ по университетскому вопросу тринадцать разъ прибѣгли къ доносу **). Но эти приемы реакціонной газеты мы оставимъ теперь въ сторонѣ. Равнымъ образомъ не будемъ мы подробно разбирать и частныя положенія приведенной программы. Было бы нетрудно, конечно, показать, что въ нихъ заключается не малое количество странныхъ недоразумѣній и противорѣчій. Едва-ли, въ самомъ дѣлѣ, кто-либо сможетъ представить себѣ, какимъ образомъ свѣтскіе учителя народной школы или гимназій однимъ фактомъ своего присутствія въ учебномъ заведеніи парализуютъ нравственное вліяніе законоучителя. Странно, дажѣ, слышать отъ хорошо освѣдомленныхъ въ этомъ отношеніи „Моск. Вѣдомостей“, будто учителя нашихъ среднихъ школъ назначаются безъ всякихъ справокъ объ ихъ политической благонадежности. Не менѣе странно и предлагаемый порядокъ непосредственного подчиненія гимназій губернаторамъ или замѣны женскихъ курсовъ особыми классами при женскихъ гимназіяхъ. Подобныя предложенія могутъ въ сущности исходить только отъ лицъ, не имѣющихъ никакого понятія объ учебномъ дѣлѣ и различныхъ типахъ учебныхъ заведеній. Только незнакомство съ дѣломъ можетъ внушить и ложное представленіе объ университетѣ, какъ объ заведеніи, единственной задачей котораго является подготовка ученыхъ специалистовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ горячая защита „Моск. Вѣдомостями“ университетскаго устава 1884 г. плохо вяжется съ ихъ страстными нападками на нынѣшнее состояніе нашихъ университетовъ, въ значительной мѣрѣ созданное именно этимъ уставомъ. Дѣло, однако, не въ частныхъ недочетахъ указанной программы, какъ бы ни были они важны сами по себѣ. Гораздо важнѣе тотъ общій принципъ, изъ котораго

*) «Моск. Вѣдомости», 8, 28 марта, 5 апр., 12, 18 и 25 марта, 19 марта и 7 апр., 17 марта.

**) См. статью г. Ожигова: «Рыцарь сикофантскаго образа». «С.-Пет. Вѣд.». 2 апр. 1901 г.

выводится эта программа и который обуславливает собою всё её недочеты. Этот принцип, лежащий въ основѣ всѣхъ проектовъ реакціонныхъ газетъ, сводится къ признанію просвѣщенія чѣмъ-то хотя и необходимымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ грозящимъ опасными и вредными послѣдствіями, которыя приходится предупреждать особыми мѣрами. Изъ этого взгляда и вытекаютъ всѣ тѣ заботы объ ограниченіи и обезвреженіи просвѣщенія, характернымъ образомъ которыхъ являются изложенные выше проекты.

Такой взглядъ не составляетъ однако и какой-либо новости въ практикѣ нашей школы. Возможно даже смѣло утверждать прямо противоположное. Онъ находитъ себѣ широкое примѣненіе въ нашей образовательной системѣ, и послѣдовательное проведеніе его вплоть до тѣхъ уродливыхъ крайностей, о какихъ мечтаетъ реакціонная печать, едва-ли могло бы быть названо кореннымъ исправленіемъ этой системы, радикальною ея реформой. Въ сущности просвѣщеніе весьма часто разсматривается у насъ какъ нѣчто, чреватое гибельными послѣдствіями, какъ сильно дѣйствующее средство, которое можно принимать лишь въ минимальныхъ дозахъ и подъ наблюденіемъ опытнаго врача. Со времени министерства гр. Д. А. Толстого такой взглядъ былъ положенъ въ основу всей государственной дѣятельности въ области народнаго образованія, опредѣливъ собою и размѣръ, и характеръ заботъ государства въ этой области. Народное просвѣщеніе составило своего рода монополию государства, такъ какъ частный и общественный починъ на этомъ поприщѣ съ теченіемъ времени встрѣчалъ для себя все болѣе серьезныя препятствія и наконецъ былъ сведенъ до ничтожныхъ размѣровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ ряду дѣлъ, вѣдаемыхъ государствомъ, дѣло народнаго просвѣщенія заняло одно изъ самыхъ послѣднихъ мѣстъ. Краснорѣчивымъ показателемъ этого являются мизерныя цифры средствъ, отпускаемыхъ государствомъ на нужды образованія. Какъ намъ приходилось уже указывать, въ настоящемъ году бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія составляетъ 1,8% общаго бюджета, а всѣ расходы государства на народное образованіе—3,4% общей суммы государственныхъ расходовъ. Если сравнить эти цифры съ такими же цифрами середины семидесятыхъ годовъ, то окажется, что относительный размѣръ средствъ, удѣляемыхъ государствомъ на нужды образованія, съ той поры не увеличился, а уменьшился. Такимъ образомъ количественное развитіе народнаго образованія отстаетъ у насъ отъ общаго развитія государства и не привлекаетъ къ себѣ особенно заботливаго вниманія.

Много заботъ было обращено за то въ послѣднія десятилѣтія на качественную сторону образованія, но это были заботы особаго рода. „Русская школа—замѣчалъ недавно по этому поводу одинъ изъ сотрудниковъ „Спб. Вѣдомостей“—мнѣ всегда представляется въ слѣдующемъ видѣ: жизнь выдвинула требованіе въ

образованіи и этому требованію пришлось сдѣлать уступку—дать, скрѣпя сердце, русскому человѣку пить изъ кладезя наукъ; но одновременно съ такой уступкой было рѣшено принять всевозможныя мѣры къ тому, какъ бы отъ онаго напитка у русскаго человѣка не закружилась голова. Получилось совмѣщеніе двухъ несовмѣстимыхъ понятій, насажденіе наукъ и боязнѣ оныхъ“ *). Стоитъ припомнить, какъ ничтоженъ образовательный курсъ низшей народной школы, и въ особенности школы церковно-приходской, получившей столь широкое распространеніе въ послѣдніе годы, какъ тщательно мы оберегаемъ народъ отъ знакомства съ корифеями русской и всемірной литературы, какъ трудно проникаютъ книги въ народныя библіотеки и читальни и какъ скупо даются разрѣшенія на всякія популярныя чтенія, чтобы безусловно согласиться съ правильностью этой характеристики, по крайней мѣрѣ, въ примѣненіи къ низшей школѣ и соотвѣствующимъ ей просвѣтительнымъ учрежденіямъ.

Въ средней школѣ дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Образовательный курсъ нашей средней школы нельзя назвать ничтожнымъ, но и на немъ отозвалось то же самое стремленіе одновременно преслѣдовать двѣ прямо противоположныя цѣли. „При такой двойственности,—говоритъ только что цитированный нами авторъ,—конечно, пришлось придумать такую систему, которая пытливость и любознательность направила бы на предметъ, совершенно безобидный и не имѣющій ни малѣйшаго отношенія къ текущей жизни. Далѣе образовалось убѣжденіе, что самыя эти пытливость и наблюдательность нужно, такъ сказать, изнурить школьной наукой. Для этихъ двухъ цѣлей оказались пригодными древніе языки, но постепенно и самыя животрепещущія науки были втиснуты насильственно въ формы новѣйшей схоластики. Получилось то, чего и слѣдовало ожидать: школьныя науки потеряли всякій интересъ въ глазахъ учениковъ и, надо говорить откровенно, современная русская школа прямо дискредитировала науку и не имѣетъ для учащихся значенія научнаго авторитета. Образование обратилось въ отбываніе тяжелой повинности. Ученикъ, а также и его родители, уже совсѣмъ не думаютъ, насколько преподаваемые предметы необходимы по существу; всѣ думаютъ лишь о томъ, чтобы, даже въ ущербъ здоровью и умственному развитію, предметы эти задолбить, получить одобрительныя отмѣтки и наконецъ достигнуть цѣли—аттестата зрѣлости“ **). Такой характеръ преподаванія въ нашей средней школѣ создавался постепенно, въ прямой зависимости отъ цѣли, поставленной для нея, и отъ введеннаго въ ней режима. Классическая система въ томъ видѣ, какъ она была создана у насъ

*) «Спб. Вѣд.», 8 апр. 1901 г.

**) «Спб. Вѣд.», 8 апр. 1901 г.

гр. Толстымъ, должна была служить не столько образовательнымъ, сколько воспитательнымъ цѣлямъ. Точнѣе говоря, эта система была продиктована не педагогическими, а политическими соображеніями и явилась по преимуществу средствомъ искорененія свободомыслія въ умахъ учащейся молодежи. „Вопросъ выбора между древними языками и всякимъ другимъ способомъ обученія—заявляли въ свое время творцы этой системы—есть вопросъ между нравственнымъ и матеріалистическимъ направленіемъ обученія и воспитанія, а, слѣдовательно, и всего общества. Надлежащее пониманіе учениками преподаннаго имъ изъ всѣхъ наукъ, кромѣ древнихъ языковъ и математики, особенно изъ естествовѣдѣнія почти уходитъ изъ подъ учительскаго контроля, почему здѣсь и возможно: съ одной стороны, развитіе крайняго самомирія, а съ другой—образование самыхъ превратныхъ воззрѣній“ *). На недовѣріи къ ученику, могущему въ общеніи съ знаніемъ заразиться крайнимъ самомиріемъ и превратными воззрѣніями, и была построена вся педагогическая система, создавшая новый типъ классическихъ гимназій, а затѣмъ распространенная и на другія учебныя заведенія. Вслѣдствіе этого недовѣрія сознательно и систематически уничтожалась всякая самостоятельность учащихся и вся ихъ умственная жизнь ставилась подъ строгій и неослабный надзоръ педагогическаго персонала школы, вооруженнаго цѣлымъ арсеналомъ карательныхъ мѣръ и въ свою очередь отвѣтственнаго передъ высшимъ начальствомъ за направленіе умовъ учащихся. Въ дальнѣйшемъ то же самое недовѣріе было распространено и на учителя, обращеннаго въ слѣпago исполнителя идущихъ свыше приказаній и лишеннаго всякой самостоятельности, всякаго права имѣть и проводить въ школѣ свои мирія и взгляды. Безжизненный формализмъ, введенный въ школу ради охраны ея отъ вредныхъ вліяній и одинаково тяжелымъ бременемъ упавшій на учащихся и учащихся, скоро сдѣлалъ свое дѣло. Онъ создалъ новый типъ педагоговъ, ненавидимыхъ учениками и неуважаемыхъ обществомъ, обратилъ школу въ мѣсто отбыванія скучной и тяжелой повинности, оттолкнулъ отъ нея и учениковъ, и ихъ семьи. Школьное преподаваніе обратилось въ пустую схоластику, лишенную всякаго жизненнаго содержанія, школьное воспитаніе—въ насильственную ломку молодыхъ умовъ и характеровъ по однажды установленному шаблону. Дѣло было при этомъ не столько въ программахъ школы, сколько въ общемъ тонѣ, ей заданномъ и опредѣлившемъ собою ея дѣятельность. Въ концѣ коновъ классическія гимназіи и реальныя училища едва-ли не съ одинаковымъ успѣхомъ разоблачали своихъ воспитанниковъ съ жизнью и во всякомъ случаѣ одинаково пре-

*) Русскій Біографическій Словарь. Изданіе Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. I. Спб. 1896, с. 761.

подносили имъ тяжелый и почти ни къ чему негодный балластъ сухихъ и отрывочныхъ знаній, не связанныхъ никакою общою идеей. Та и другая школа одинаково старательно оберегала своего ученика отъ знакомства съ запросами окружавшей его дѣйствительности, съ одинаковой неуклонностью не впускала въ свои стѣны никакого вѣянія жизни.

Съ теченіемъ времени школа пошла по этому пути еще дальше. Первоначальная жесткость и суровость ея внѣшнихъ приемовъ была нѣсколько ослаблена, но существо дѣла отъ этого нисколько не измѣнилось. Вмѣстѣ съ тѣмъ угрюмая отчужденность преобразованной школы отъ семьи смѣнилась попытками властнаго вмѣшательства школы въ домашнюю жизнь ученика, вмѣшательства, устанавливавшего своего рода контроль дѣятелей школьнаго режима надъ семьей. Прямымъ результатомъ такихъ попытокъ, по необходимости къ тому же далеко неполнѣй откровенныхъ, естественно явилось еще болѣе глубокое разобщеніе между школой и семьей. Этотъ фазисъ развитія нашей средней школы ярко обрисованъ въ статьѣ г. О. П., помѣщенной въ послѣдней книжкѣ журнала „Міръ Божій“ и озаглавленной: „Къ вопросу о реформѣ средней школы“. Мы позволимъ себѣ привести здѣсь довольно большія выдержки изъ этой крайне интересной статьи, авторъ которой, очевидно, близко знакомъ съ современными школьными порядками и вскрываетъ такія ихъ стороны, какія сравнительно рѣдко освѣщались въ печати. Въ министерство гр. Делянова, говоритъ г. О. П., „бархатными лапками, нерѣдко съ чарующей любезностью, производилось обезличеніе русскаго юношества и налагались на школу тиски лицемерія и лжи; политика министерства народнаго просвѣщенія стала принципиально политикою задней мысли, неискренность, подъ маскою сердечности и добродушія, составляла отличительную черту большинства мѣропріятій. Особенно роковымъ для школы было двудличное отношеніе къ семьямъ: органы школьной власти никогда такъ много и любвеобильно не распространялись о необходимости единенія семьи и школы, какъ во времена гр. Делянова, и никогда не дѣлалось такъ много во вредъ согласію, какъ именно при немъ. Дѣйствительно, цѣлый рядъ болѣе или менѣе секретныхъ мѣръ былъ направленъ къ удаленію дѣтей изъ подъ „вреднаго“ вліянія родителей, къ подчиненію ихъ исключительно стадному режиму школы. Такъ, одно изъ первыхъ же распоряженій гр. Делянова заключало въ себѣ, въ числѣ другихъ, весьма недвусмысленный параграфъ, предусматривавшій даже случаи насильственнаго удаленія учащихся изъ подъ родительскаго крова... Къ систематическимъ же проявленіямъ недовѣрія къ семьямъ принадлежитъ отторженіе отъ родителей права наблюдать за внѣкласснымъ религіознымъ воспитаніемъ дѣтей: стадное принудительное хожденіе въ церковь, съ карцерами и арестами за уклоненіе, стадная же исповѣдь и причащеніе. О бо-

лѣ мелкихъ вторженіяхъ въ права семьи можно бы и не говорить, если бы именно эти мелочи не представляли обильный источникъ уколовъ для самолюбія родителей и ближайшій поводъ къ враждованію ихъ со школой. Таковы, напр., запрещенія брать съ собой дѣтей въ театръ, въ концертъ, въ циркъ, не спросясь у начальства; приглашать къ нимъ репетиторовъ помимо указанныхъ гимназію; посылать дѣтей, въ дополненіе къ гимназическимъ урокамъ, въ классы рисованія, новыхъ языковъ, музыки и т. п.; давать имъ какое-либо иное чтеніе, кромѣ получаемого изъ гимназическихъ библіотекъ и т. п. Семья, родительскій очагъ приравнены были какъ бы къ интернатамъ и на нихъ распространены правила, нормально примѣнимыя лишь къ общежителю или одиноко живущимъ, внѣ семьи ученикамъ*).

Разъ на школу возлагалась обязанность слѣдить за ученикомъ во время его пребыванія въ домашнемъ кругу, то тѣмъ самымъ между школой и семьей устанавливались совершенно неестественныя отношенія. Школа вторгалась въ семью со своею казенною, часто весьма своеобразною, чтобъ не сказать, лицеѣрною моралью, по большей части совершенно чуждою семьѣ, и насильственно навязывала послѣдней эту мораль. Для иллюстраціи достаточно напомнить недавно обошедшій газеты рассказъ о томъ, какъ въ одномъ городѣ собрались исключить гимназиста за то, что онъ вечеромъ провелъ по улицѣ свою мать подъ руку. Гимназистамъ въ этомъ городѣ запрещено было по вечерамъ выходить на улицу вмѣстѣ съ дамами. И этотъ случай не составляетъ исключенія въ жизни по крайней мѣрѣ провинціальной школы. Въ Ялтѣ гимназисткамъ подъ страхомъ каръ запрещено появляться на улицѣ въ обществѣ мужчинъ, такъ что гимназистка не можетъ идти даже со своимъ отцомъ. Это запрещеніе касается не только улицъ: ялтинскія гимназистки не могутъ находиться въ одномъ обществѣ съ гимназистами и у себя дома, даже во время домашнихъ вечеровъ, устраиваемыхъ родителями**). Но недовѣріе къ семьѣ не останавливается и на этомъ. Обязанная охранять нравственность ученика и оберегать его отъ „вредныхъ вѣяній“ даже у его домашнего очага, школа стремится разорвать умственное общеніе между своимъ воспитанникомъ и остальными членами семьи и распространить на послѣднюю свою подозрительную опеку. Класснымъ наставникамъ еще въ 1884 г. предписывалось посѣщать учениковъ на квартирахъ у родственниковъ и знакомыхъ, и еженедѣльно докладывать о вынесенныхъ впечатлѣніяхъ. Начальникамъ учебныхъ заведеній, инспекторамъ и класснымъ наставникамъ грозила отвѣтственность въ томъ случаѣ, „если во ввѣренномъ имъ учебномъ заведеніи или классѣ обнаружится на

*) «Міръ Божій», № 4, с. 2—3.

**) «Р. Вѣдомости», 6 марта 1901 г.

ученикахъ пагубное вліяніе превратныхъ идей, внушаемыхъ злонамѣренными людьми, или если сами молодые люди примутъ участіе въ какихъ-либо преступныхъ дѣяніяхъ и таковыя поступки ихъ не будутъ своевременно обнаружены учебнымъ заведеніемъ“.

„Вообще—говорить г. О. П. въ цитированшейся уже нами статьѣ—секретными и несекретными циркулярами главная тяжесть „охраны“ учащагося юношества возлагалась на плечи педагогическихъ совѣтовъ учебныхъ заведеній, съ расширеніемъ компетентности отдѣльныхъ лицъ далеко за предѣлы стѣнъ учебныхъ заведеній. Повторялась, слѣдовательно, обычная ошибка: смѣшеніе двухъ элементовъ, экстерната съ интернатомъ, отождествленіе перваго съ послѣднимъ, вторженіе школы въ семью уже не въ качествѣ только регулятора учебныхъ занятій дѣтей, но и блюстителя корректности домашнего очага и всего семейнаго обихода учащихся. Сложилось странное, едва-ли не безпримѣрное въ училищной практикѣ положеніе вещей: школа не должна была разсчитывать на помощь и предупрежденіе со стороны компетентныхъ учрежденій въ дѣлѣ борьбы съ превратными идеями, зарождавшимися внѣ предѣловъ школы и извнѣ же въ нее входившими; напротивъ того, отъ школы требовали политическаго розыска внѣ ея стѣнъ и грозили суровыми взысканіями за неумѣлый или неудачный сыскъ. Получалось нѣчто совершенно несообразное: не спеціальныя органы должны были предупреждать школьныя власти о возникновеніи „превратныхъ идей“ въ соприкасающихся со школою внѣшнихъ сферахъ, а отъ школы требовалось активное обслѣдованіе этихъ сферъ и своевременное оповѣщеніе о томъ органовъ сыска. Пользы—прибавляетъ авторъ—подобный порядокъ вещей приносилъ очень мало; вредъ же для внѣшняго престижа школы былъ неисчислимъ. Онъ былъ бы, вѣроятно, еще больше, если бы общество почаще догадывалось объ истинномъ характерѣ дѣятельности нѣкоторыхъ представителей учебнаго вѣдомства и не усматривало бы въ ихъ дѣйствіяхъ одну только глупость, безтактность и нахальное вторженіе въ жизнь семьи“ *).

И въ своемъ учебномъ строѣ, и въ своихъ воспитательныхъ приемахъ средняя школа была такимъ образомъ низведена къ роли простого орудія определенной политической системы и благодаря этому въ значительной степени утратила принадлежащее ей въ теоріи значеніе просвѣтительнаго учрежденія. Но сверхъ того вліянія политики проникали въ стѣны школы и воздѣйствовали на ея строй еще и иными путями. Намъ случалось уже указывать, что въ послѣднія десятилѣтія наша школа, оставаясь въ теоріи безсословною и равно открытою для всѣхъ группъ населенія, на практикѣ усвоила извѣстный оттѣнокъ сословности. „Отчасти—писали мы годъ тому назадъ—эта особенность выра-

*) «Міръ Божій», № 4, с. 15—16.

батывалась какъ бы сама собою, въ результатѣ разрыва съ низшею школою и жертвенно-схоластической гимназической программы. Но сверхъ того въ эту же сторону были обращены и прямые мѣры учебной администраціи, въ видѣ циркуляровъ гр. Делянова, которыми предписывалось не принимать въ гимназіи дѣтей недостаточныхъ или низко стоящихъ на общественной лѣстницѣ родителей“ *). Эти циркуляры не отмѣнены и до сихъ поръ. Помимо того на составъ учащихся въ средней школѣ вліяетъ и другое распоряженіе, согласно которому въ число ея учениковъ можетъ быть допущенъ лишь извѣстный, весьма небольшой процентъ евреевъ. Стало быть, на практикѣ наша средняя школа служить интересамъ не всего населенія и составъ ея учениковъ опредѣляется опять-таки соображеніями, не имѣющими ничего общаго съ дѣломъ образованія.

Обращаясь къ современному быту высшихъ общеобразовательныхъ школъ—университетовъ, нетрудно и въ немъ подмѣтить вліяніе тѣхъ же соображеній, создавшихъ глубокий разладъ между основною идеею учрежденія и дѣйствительнымъ его строенъ. Съ 1884 года доступъ въ наши университеты для лицъ недостаточнаго состоянія гильно затрудненъ, благодаря введенію т. н. профессорскаго гонорара, приблизительно вдвое поднявшему плату за ученіе. Въ томъ же 1884 году кореннымъ образомъ измѣненъ былъ и весь внутренній строй университетской жизни. Наши университеты пережили въ этомъ году реформу, вполне аналогичную той, какая выпала на долю гимназій въ 1871 г., и вновь введенный въ нихъ порядокъ былъ всецѣло построенъ на недовѣріи къ учащимъ и учащимся и на стремленіи оградить послѣднихъ отъ возможнаго вреднаго вліянія путемъ установленія надъ ними строгой опеки. Уставъ 1884 г. уничтожилъ въ университетахъ и профессорскую автономію, и корпоративное единство студентовъ, замѣнивъ первую—бюрократическимъ режимомъ, второе—полною разобщенностью студентовъ между собою и съ профессорами. Управление университетомъ отъ совѣта перешло къ попечителю и правленію, составленному изъ назначаемыхъ администраціей ректора, декановъ и инспектора. Въ свою очередь профессорскія должности изъ выборныхъ были обращены въ замѣщаемыя по назначенію, такъ [какъ этимъ путемъ предполагалось обезпечить извѣстную благонадежность педагогическаго персонала университетовъ. Многие профессора были удалены съ своихъ кафедръ, какъ не удовлетворяющіе требованіямъ этой благонадежности, и такимъ путемъ наши университеты лишились немалаго количества видныхъ ученыхъ, въ то самое время, какъ притокъ свѣжихъ силъ былъ задержанъ новымъ порядкомъ замѣщенія профессорскихъ кафедръ. Это обстоятельство какъ нельзя болѣе прискорбно

*). См. «Хронику внутренней жизни» въ «Р. Бог.», 1900 г. № 3, с. 158—9.

отразилось и на жизнеспособности профессорской коллегии, и на ее авторитетности в глазах учащейся молодежи. Одновременно с этим студенты, объявленные по уставу отдельными постытителями университета, были разобщены с профессорами и лишены возможности как взаимного общения на почве научных и товарищеских интересов, так и легального представительства своей корпорации. Так как сотни юношей, объединенных общим пребыванием в университете, не могли оставаться безформенной и нестройной массой, то фактически студенческая организация продолжала существовать, но это существование было связано с большими препятствиями, а подчас и с серьезными преследованиями. Наконец, функции инспекции были расширены от наблюдения за внешним порядком в университете до надзора за жизнью, занятиями и поведением студентов, надзора, „благожелательного“—на бумаге, мелочного и отяготительного—по существу. Этот надзор, имевший своею целью определить образ мыслей и дух учащихся, нередко заканчивался судом и расправой университетского правления, а то и других, совершенно, казалось бы, посторонних университету учреждений. Поставленная под такой надзор, учащаяся молодежь должна была старательно воздерживаться от проявлений сознательного интереса к окружающей ее общественной жизни, так как подобный интерес легко отождествлялся с преступным увлечением. С некоторыми изменениями и смягчениями такой же порядок был установлен и в других высших учебных заведениях. В конечном счете и высшая школа признает возможным лишь с величайшими предосторожностями допустить молодежь к источнику знания и при этом ставить ее под неослабную опеку, нередко властно попирающую самые законные интересы юношеского ума, самые естественные порывы молодого чувства.

Таким путем выработались главные особенности нашей образовательной системы. На всех ее ступенях, от низшей народной школы до университета, действует один и тот же основной принцип, который и обуславливает собою ее „существенные недостатки“. Ни в каком случае эта система не подлежит направленным теперь по ее адресу реакционной печатью упрекам в предпочтении образования воспитанию и в недостаточной заботе о дисциплине. Совершенно напротив. Созданная в свое время по указаниям той же реакционной части печати и общества, действующая система склонна слишком часто интересы умственного развития приносить в жертву на алтарь дисциплины и в общем стремится не столько к образованию учащихся, сколько к воспитанию их в духе хорошего поведения. Средствами к достижению этой цели служат ей, с одной стороны, искусственное сужение области школьной науки, как можно больше отдаляемой от действительной жизни, с другой—не менее

искусственное ограждение учащихся от всякаго вѣянiя извнѣ и подчиненiе ихъ строгому режиму спеціально придуманныхъ правилъ. Еще въ самые послѣдніе годы мы были свидѣтелями новыхъ и весьма рѣшительныхъ шаговъ въ этомъ направленiи. Стоитъ припомнить, въ самомъ дѣлѣ, главные результаты дѣятельности министерства народнаго просвѣщенiя за три послѣдніе года. Въ области низшаго образованiя за эти годы возбужденъ былъ вопросъ о пересмотрѣ каталога народныхъ читаленъ съ цѣлью дальнѣйшаго его сокращенiя и былъ составленъ проектъ наказа училищнымъ совѣтамъ, который въ случаѣ своего осуществленiя долженъ былъ отнять у частныхъ лицъ, обществъ и органовъ мѣстнаго самоуправленiя даже ту скромную долю участiя въ устройствѣ и веденiи низшей народной школы, какая до сихъ поръ предоставлялась имъ закономъ. По отношенiю къ средней школѣ предпринята была реформа, которую, однако, собирались произвести „безъ ломки существующей системы“ и которая въ дѣйствительности грозила не выйти изъ области палліативовъ. Наконецъ, главные измѣненiя, произведенныя въ эти годы въ быту высшихъ учебныхъ заведенiй, сводились къ увеличенiю количества общежитiй, заботамъ объ уменьшенiи „переполненiя“ университетовъ студентами, къ усиленiю инспекціи и введенiю временныхъ правилъ 22 iюня 1899 г. объ отбыванiи воинской повинности воспитанниками высшихъ учебныхъ заведенiй, удаляемыми изъ этихъ заведенiй за участіе въ безпорядкахъ. Всѣми этими мѣрами либо поддерживалась, либо развивалась далѣе старая, давно уже принятая система.

Результаты, къ которымъ привела такая дѣятельность, слишкомъ хорошо извѣстны. Въ виду этихъ результатовъ нашъ учебный строй въ настоящее время официально признанъ страдающимъ „существенными недостатками“ и требующимъ „коренного пересмотра и исправленiя“. Но коренного исправленiя существенныхъ недостатковъ современнаго учебнаго строя немыслимо достигнуть, оставаясь на почвѣ того самаго принципа, который и создалъ эти недостатки. Исправить ихъ, создать дѣйствительную реформу образовательной системы возможно лишь въ томъ случаѣ, если отправнымъ пунктомъ реформаторской дѣятельности будетъ избранъ принципъ, прямо противоположный тому, какой продиктовалъ существующую систему. Частныя же перемѣны не создадутъ коренной реформы. Обновленiе учебныхъ программъ, лучшая подготовка преподавателей, тѣ или иныя измѣненiя въ организациі школы или въ педагогическихъ приѣмахъ, практикуемыхъ ею,—всѣ эти улучшенiя желательны и всѣ они могутъ принести свою долю пользы, но послѣдняя рискуетъ оказаться весьма небольшою, если останется въ силѣ тотъ духъ, который въ настоящее время царитъ въ нашей школѣ и обезсиливаетъ всѣ благіе порывы отдѣльныхъ ея дѣятелей. Сказать, что въ нашей школѣ

господствуетъ безжизненный формализмъ, значить сказать еще слишкомъ мало. Этотъ формализмъ имѣетъ вполне опредѣленный характеръ, вгоняя интересы и нужды образованія въ рамки извѣстной поставленной задачи. Реформа, рассчитывающая побѣдить этотъ формализмъ и замѣнить нынѣшнюю мертвенную школу живую, должна исходить изъ признанія науки и просвѣщенія самихъ по себѣ великимъ благомъ. Въ сущности это было бы лишь признаніемъ очень простой и едвали подлежащей оспариванію истины. Между тѣмъ, дѣятельность, посвященная послѣдовательному проведенію этой, повторяемъ, весьма простой, истины въ жизнь, могла бы, дѣйствительно, получить широкій размахъ и привести къ кореннымъ преобразованіямъ. Она устранила бы непримиримыя противорѣчія, существующія въ настоящее время въ нашей образовательной системѣ, и вывела бы дѣло народнаго просвѣщенія на путь спокойнаго и безпрепятственнаго развитія.

Задачи, намѣчаемыя указаннымъ принципомъ, едва-ли могутъ возбуждать какое-либо сомнѣніе. Образование, эта великая сила, безъ которой слабѣетъ и чахнетъ культурная жизнь народа, прежде всего должно быть общедоступнымъ. Въ области знанія менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, умѣстны сословныя, кастовыя, вѣроисповѣдныя либо національныя привилегіи и можно только пожелать скорѣйшаго уничтоженія такихъ привилегій, поскольку онѣ устанавливаются дѣйствующимъ законодательствомъ. Двери школы должны быть широко раскрыты передъ всякимъ, желающимъ войти въ нихъ. Въ дѣйствительности не только законъ, но и матеріальная условія жизни нерѣдко служатъ препятствіемъ къ входу въ эти двери для лицъ, принадлежащихъ къ менѣе состоятельнымъ классамъ общества. Средствомъ къ ослабленію этого препятствія является введеніе бесплатнаго обученія во всѣхъ видахъ содержимыхъ государствомъ школъ или, по крайней мѣрѣ, серьезное уменьшеніе платы за ученіе въ нихъ. Необходимымъ условіемъ большей доступности образованія, хотя бы оно оставалось даже и платнымъ, является увеличеніе расходовъ государства на дѣло народнаго просвѣщенія, которые въ настоящее время до смѣшного малы, тогда какъ ни для кого не составляютъ тайны грозныя размѣры царящаго въ странѣ невѣжества. Но какъ бы ни была расширена дѣятельность государства въ этомъ направленіи, ея расширеніе во всякомъ случаѣ не устранило бы необходимости въ снятіи тѣхъ путъ, которыми связанъ теперь частный починъ въ этой области. Всегда важная, всегда необходимая, частная и общественная инициатива оказывается, быть можетъ, наиболѣе полезной въ области образованія, гдѣ она, благодаря своей гибкости и эластичности, можетъ съ большею легкостью, нежели тяжело двигающійся государственный механизмъ, изыскивать новыя пути и одолевать встречающіяся препятствія. Въ особенности примѣнимо это положеніе въ низшей школѣ, которая даетъ на-

болѣе благотворные результаты въ тѣхъ случаяхъ, когда завѣдываніе его принадлежитъ органамъ мѣстнаго общественнаго самоуправленія.

Въ тѣсной связи съ этимъ стоитъ и другая сторона дѣла. Школа, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась, должна быть только школою, и больше ничѣмъ. Единственною ея задачею можетъ быть служеніе интересамъ образованія и никакихъ другихъ задачъ она не должна преслѣдовать по отношенію къ своимъ ученикамъ. Только это условіе дѣлаетъ возможнымъ неограниченное довѣріе семьи и общества къ школѣ и искреннее и полное общеніе учащихся и учащихся въ стѣнахъ послѣдней. Если же школа включаетъ въ свою задачу служеніе постороннимъ образованію цѣлямъ, если она обращается въ фабрику заранее предъуказанныхъ взглядовъ, приспособляя къ нимъ приемы своего преподаванія и воспитанія, то она неизбежно поселяетъ разладъ между собою и обществомъ, между преподавателями и учениками, и этотъ разладъ пріобрѣтаетъ тѣмъ болѣе серьезные размѣры, чѣмъ настойчивѣе стремится школа къ поставленной себѣ цѣли. Для того, чтобы школа не уклонялась на этотъ путь, ведущій, какъ показываетъ опытъ, къ прискорбнымъ результатамъ, необходима такая ея организація, которая обезпечивала бы самостоятельность педагогическаго персонала, оберегала бы учащихся отъ возможности всякаго насильственнаго вмѣшательства въ ихъ духовный міръ и создавала бы живую связь самой школы съ окружающимъ ее обществомъ. При отсутствіи же такой организаціи становится немыслимымъ сколько-нибудь плодотворное общеніе какъ между семьей и школою, такъ и внутри стѣнъ послѣдней—между учащими и учащимися.

Съ особенною настоятельностью выступаетъ въ настоящій моментъ этотъ вопросъ въ жизни нашихъ университетовъ. Здѣсь учащимися являются уже не дѣти, а юноши, особенно чуткіе ко всякому посягательству на ихъ духовную свободу, склонные ревниво охранять свое человѣческое достоинство. Въ этой средѣ

самая строгая дисциплина сама по себѣ неспособна не только создать атмосферу, удобную для научныхъ занятій, но даже и поддержать внѣшній порядокъ. „Административная и уголовная репрессія—справедливо замѣчаетъ по этому поводу „Право“—пугаетъ и сдерживаетъ лишь злую волю и злые инстинкты. Надъ искреннимъ, хотя бы и ошибочнымъ, убѣжденіемъ она безсильна. Она никого не разувѣритъ и не переубѣдитъ. Въ лучшемъ случаѣ она вгоняетъ болѣзнь внутрь организма, вмѣсто того, чтобы ее излѣчить; она создаетъ кратковременный порядокъ, увеличивая интенсивность слѣдующаго за нимъ безпорядка. И притомъ университетскія волненія не могутъ и не должны быть разсматриваемы исключительно съ точки зрѣнія поддержанія порядка въ университетѣ. За сотнями и тысячами студентовъ стоятъ тысячи и десятки тысячъ родныхъ, родственниковъ, близкихъ людей. Плоха и недальновидна та политика, которая ведетъ къ успокоенію университета путемъ смущенія и возбужденія общества“ *).

Между тѣмъ при нынѣшнемъ бюрократическомъ строѣ университета онъ не имѣетъ иныхъ средствъ воздѣйствія на учащуюся молодежь, кромѣ административной опеки и репрессіи. „Назначаемые и увольняемые канцеляріей, зависящіе отъ нея на каждомъ шагу своей дѣятельности, профессора—говоритъ тотъ же журналъ—утратили весь свой нравственный авторитетъ въ глазахъ студентовъ. Университетскій совѣтъ лишенъ права, безъ спеціального порученія министерства, обсуждать и принимать какія бы то ни было мѣры, направленные къ нравственному воздѣйствію на учащихся. Онъ вовсе молчитъ или говоритъ съ чужого голоса не то, что онъ долженъ, и не такъ, какъ онъ долженъ говорить“. Для возстановленія авторитета профессоровъ, теперь подорваннаго въ самомъ корнѣ, необходимо возвращеніе къ вы-

*) «Право», № 14, 30 марта 1901 г.

борной и независимой профессурѣ и передача управления университетами въ руки самостоятельной профессорской коллегіи. Не менѣе необходимымъ представляется, въ интересахъ оздоровленія университетской жизни, разрѣшеніе разнообразныхъ видовъ студенческихъ организацій, которыя дали бы учащейся молодежи возможность постоянного общенія на почвѣ какъ научныхъ, такъ и товарищескихъ интересовъ и помогли бы ей прочнѣе установить свою связь съ университетомъ. Но, само собой, на этомъ реформа не могла бы еще остановиться. Атмосфера университетовъ, и вообще высшихъ учебныхъ заведеній, въ настоящее время переполнена чрезмѣрною подозрительностью и эти заведенія не менѣе средней школы нуждаются въ устраненіи изъ ихъ жизни глубоко вкоренившагося въ нее недовѣрія къ наукѣ и ея представителямъ и въ обезпеченіи свободы научныхъ занятій какъ для учащихся, такъ и для учащихся.

Какъ нельзя болѣе естественно было бы, наконецъ, предположить реформированію старой системы полную ликвидацію ея грѣховъ путемъ отмены тѣхъ мѣръ репрессіи, которыя карали протестъ противъ учебнаго строя, въ настоящій моментъ самымъ правительствомъ признаннаго несостоятельнымъ. Пока эти мѣры продолжаютъ существовать и приводятъ къ послѣдствіямъ, съ какой бы то ни было точки зрѣнія едва-ли желательнымъ и необходимымъ.

Таковъ въ нашемъ представленіи естественный и желательный путь предполагаемой реформы. Станетъ ли она въ дѣйствительности на этотъ путь? Пока мало еще имѣется матеріала для рѣшительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, но въ томъ, который есть, стоитъ во всякомъ случаѣ разобраться. Выше у насъ былъ уже приведенъ состоявшійся 25 марта Высочайшій рескриптъ на

имя ген.-ад. Ваиновскаго при назначеніи его министромъ народнаго просвѣщенія. 1 апрѣля состоялся именной Высочайшій указъ сенату, назначившій начальника главнаго тюремнаго управленія, сенатора, т. с. Мѣщанинова товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ сенаторомъ. Въ остальномъ личный составъ министерства остался безъ измѣненій. 1 апрѣля же въ „Прав. Вѣстникѣ“ было обнародовано слѣдующее сообщеніе:

„Начиная со второй половины минувшаго января мѣсяца, въ большинствѣ высшихъ учебныхъ заведеній различныхъ вѣдомствъ происходили въ разное время студенческіе безпорядки, повлекшіе за собою во многихъ изъ сихъ заведеній пріостановку учебныхъ занятій передъ наступленіемъ пасхальныхъ вакацій. Эта пріостановка занятій, воспрепятствовавшая нормальному ихъ завершенію, создала такое положеніе, при которомъ учащіеся могутъ быть поставлены въ необходимость или потерять учебный годъ, или даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ силу дѣйствующихъ правилъ,—оставить учебное заведеніе. Такія послѣдствія должны тягостно отозваться на судьбѣ учащихся, а для многихъ изъ нихъ, по личному и семейному ихъ положенію, были бы истиннымъ бѣдствіемъ.

„Созванное съ Высочайшаго соизволенія, подъ предѣлительствомъ министра народнаго просвѣщенія, особое совѣщаніе главныхъ начальниковъ вѣдомствъ, въ коихъ имѣются высшія учебныя заведенія, признало необходимымъ, для возстановленія правильнаго теченія учебной жизни въ означенныхъ заведеніяхъ, принять слѣдующія мѣры:

„1. Въ теченіе апрѣля мѣсяца въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ возобновить учебныя занятія или же, по распоряженію подлежащаго учебнаго начальства, непосредственно приступить къ переводнымъ и окончательнымъ испытаніямъ въ сроки, опредѣляемые обычными росписаніями экзаменовъ.

„2. Если для окончанія учебныхъ занятій и производства

экзаменовъ времени до начала лѣтнихъ вакацій оказалось бы недостаточно, то продолжать эти занятія и экзамены на вакаціонное время, предоставивъ подлежащему учебному начальству опредѣлить необходимые для сего сроки.

„3. Неявившихся на экзамены безъ особо уважительной причины или не выдержавшихъ таковыя подвергать всѣмъ послѣдствіямъ, указаннымъ дѣйствующими на сей предметъ въ отдѣльныхъ учебныхъ заведеніяхъ правилами.

„4. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ видѣ исключенія, позволять въ текущемъ году осенніе экзамены и переекзаменовки въ особо уважительныхъ случаяхъ для отдѣльныхъ лицъ, по ходатайствамъ сихъ послѣднихъ, разрѣшаемымъ подлежащимъ учебнымъ начальствомъ“.

Вслѣдъ затѣмъ, 5 апрѣля въ „Прав. Вѣстникѣ“ появился слѣдующій „приказъ“ министра народнаго просвѣщенія отъ 2 апрѣля:

„Державною волею Государя Императора я призванъ на особо важную нынѣ должность министра народнаго просвѣщенія. Я приложу всѣ силы моего разумѣнія, чтобы оправдать высокое довѣріе Монарха и исполнить Высочайше возложенное на меня порученіе.

„Въ Высочайшемъ рескриптѣ, коимъ Его Императорскому Величеству благоугодно было удостоить меня въ 25-й день марта сего года, указана въ краткихъ словахъ вся программа предстоящей мнѣ дѣятельности. Это: коренной пересмотръ и исправленіе нашего учебнаго строя, обновленіе и устроительство русской школы и внесеніе въ дѣло воспитанія русскаго юношества разума и сердечнаго о немъ попеченія.

„Точное и неуклонное исполненіе этой Высочайше предначинченной программы должно быть почитаемо священнымъ долгомъ подвѣдомственныхъ мнѣ учреждений, причемъ первая важнѣйшая часть программы—реформа учебнаго строя, къ чему, во исполненіе Высочайшей воли, будетъ приступлено безотлагательно, во всякомъ случаѣ потребуетъ для полнаго ея осуществленія извѣстнаго времени; вторая, не менѣе важная ея часть—внесеніе въ дѣло воспитанія юношества разума, любви и сердечнаго попеченія—всегда была ближайшею задачею учебнаго персонала, который и примѣнялъ ее съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ; отнынѣ это поставляется ему въ первую, неуклонную и непремѣнную обязанность.

„Надѣясь, что ближайшіе мои сотрудники и всѣ служащіе по вѣренному мнѣ нынѣ министерству окажутъ мнѣ полное содѣйствіе въ исполненіи Высочайше возложеннаго на меня порученія, я приглашаю ихъ къ совмѣстной, дружной и неустанной работѣ по пути осуществленія Высочайше указанной программы; я приглашаю преподавательскій персоналъ войти въ ближайшее общеніе съ учащеюся молодежью и, независимо отъ преподава-

нія, споспѣшествовать воспитанію юношества на почвѣ любви и сердечнаго къ нему отношенія; я приглашаю родителей и семьи учащихся, путемъ домашняго воздѣйствія на дѣтей, помочь вѣрному мнѣ министерству въ осуществленіи великаго дѣла воспитанія молодого поколѣнія, памятуя, что основа воспитанія лежитъ въ семьѣ и преуспѣяніе его возможно лишь при взаимномъ содѣйствіи семьи и школы и ихъ постоянномъ общеніи; я приглашаю учащуюся молодежь съ довѣріемъ относиться къ мѣропріятіямъ правительства, вѣрить въ неустанныя о ней попеченія, помнить свой долгъ, исполнять свои обязанности и, спокойно занимаясь изученіемъ наукъ, дать намъ возможность посвятить свое время и силы на устройство русской школы и учебнаго дѣла.

„Я глубоко убѣжденъ и свято вѣрю, что при дружномъ единеніи и взаимномъ содѣйствіи мы, съ Божіею помощію, въ ближайшемъ будущемъ будемъ поставлены въ возможность исполнить желаніе возлюбленнаго Монарха видѣть въ русской молодежи твердую и вѣрную надежду отечества и стойкую опору его въ будущемъ.“

Приведенныя распоряженія заключаютъ уже въ себѣ нѣкоторыя указанія если не на самое существо намѣчаемой реформы, которое пока еще остается неизвѣстнымъ и гадательнымъ, то, по крайней мѣрѣ, на тѣ средства, которыми предполагается провести ее въ жизнь. Для настоящаго момента учебнымъ вѣдомствомъ признана необходимою одна лишь мѣра—немедленное возобновленіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ занятій или экзаменовъ, съ разрѣшеніемъ откладывать послѣдніе на осень лишь для отдѣльныхъ учащихся, „въ особо уважительныхъ случаяхъ“ и въ видѣ исключенія. Дальнѣйшій ходъ дѣла намѣчается „приказомъ“ министра народнаго просвѣщенія. Послѣдній указываетъ, что, хотя реформа учебнаго строя и будетъ произведена безотлагательно, для осуществленія ея во всякомъ случаѣ потребуются извѣстное время. На ближайшую очередь ставится поэтому „вторая, не менѣ важная часть“ указанной рескриптомъ 25 марта программы — „внесеніе въ дѣло воспитанія юношества разума, любви и сердечнаго попеченія“, — которая „всегда была ближайшею задачею учебнаго персонала, который и примѣнялъ ее съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ; отнынѣ это поставляется ему въ первую, неуклонную и непремѣнную обязанность“. Въ виду этого министръ приглашаетъ служащихъ въ министерствѣ къ со-
вмѣстной и неустанной работѣ, преподавательскій персоналъ—къ ближайшему общенію съ учащейся молодежью, родителей и семьи—къ содѣйствіи министерству „путемъ домашняго воздѣйствія на дѣтей“. Нѣкоторые органы печати усмотрѣли въ этой части приказа министра, и особенно въ признаніи имъ необходимости постоянного общенія семьи и школы, рѣшительный приступъ къ

реформированію послѣдней. „Все это—говорить наиболѣе легко-воспламеняющееся „Новое Время“—новыя начала и даже новыя слова, къ которымъ русское общество совсѣмъ не привыкло“. По мнѣнію газеты, прежній порядокъ почти враждебныхъ отношеній между семьей и школой теперь отмѣняется. „На мѣсто этой почти узаконенной оппозиціи семьи и школы ставится ихъ взаимодѣйствіе, ихъ совмѣстная работа по части воспитанія учащейся молодежи и суровой практикѣ, усвоенной нашею школою, противопоставляется требованіе, чтобы преподавательскій персоналъ вошелъ въ „ближайшее общеніе съ учащеюся молодежью и, независимо отъ преподаванія, споспѣшествовалъ воспитанію юношества на почвѣ любви и сердечнаго къ нему отношенія“. „Какъ все это ново и необычно! — патетически восклицаетъ газета. — Точно изъ другого міра раздался вѣщій голосъ, призывающій забыть грѣхи прошлаго и начать новую жизнь — въ духѣ любви, міра, благоволенія, какъ главныхъ основъ воспитанія нашихъ подрастающихъ поколѣній!“ *)

Едва-ли однако для такого пагоса имѣются достаточно серьезныя основанія. Слова приказа ген.-ад. Ванновскаго не составляютъ въ практикѣ министерства народнаго просвѣщенія такой уже небывалой новости, какъ это кажется „Н. Времени“. Не даромъ въ самомъ этомъ приказѣ говорится, что „внесеніе разума, любви и сердечнаго попеченія“ въ воспитаніе юношества и прежде всегда было ближайшею задачею учебнаго вѣдомства. И раньше писались, дѣйствительно, циркуляры, указывавшіе подчиненнымъ министерству учрежденіямъ и лицамъ на ту же самую задачу. Къ сожалѣнію, такія качества, какъ разумъ, любовь и сердечное попеченіе не создаются простымъ распоряженіемъ, будетъ ли оно облечено въ форму циркуляра или приказа. Врядъ-ли и теперь эти качества могутъ быть вызваны къ жизни въ нашей школѣ ранѣе соотвѣтственнаго измѣненія всего ея строя. Точно также недостаточно заявить о желательности общенія между преподавательскимъ персоналомъ и учащимися. Необходимо еще указать цѣли и формы этого общенія, равно какъ создать для него подходящія условія.

Нѣкоторою неопредѣленностью страдаетъ, наконецъ, и тотъ пунктъ приказа, въ которомъ говорится объ условіяхъ общенія между школою и семьей. Содѣйствовать школѣ „путемъ домашняго воздѣйствія на дѣтей“ родители всегда, пожалуй, имѣли возможность, по крайней мѣрѣ, въ теоріи. Но на практикѣ такое содѣйствіе до послѣдняго времени представлялось для родителей невозможнымъ, а нерѣдко и нежелательнымъ. Слишкомъ различныя цѣли ставили себѣ школа и семья въ дѣлѣ образованія и воспитанія, слишкомъ рѣзко расходились ихъ пути воздѣйствія на

*) «Нов. Время», 6 апр. 1901 г.

учащихся. Желая привлечь семью къ содѣйствію школъ, необходимо устранить это противорѣчіе, измѣнить ту пассивную роль, какую играетъ теперь первая по отношенію къ второй, и создать такія условія, при которыхъ голосъ общества принимался бы во вниманіе школой и могъ бы вліять на ея порядки. Особенно важнымъ является это условіе въ моментъ подготовки школьной реформы. То положеніе, которое теперь занимаетъ семья по отношенію къ школъ, въ сознаніи общества является ненормальнымъ и оно склонно было въ словахъ Высочайшаго рескрипта, говорящихъ о помощи родителей трудамъ правительства по исправленію школы, усматривать призывъ къ измѣненію этого положенія. Въ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ было помѣщено письмо одного „родителя“, заключающее въ себѣ рядъ любопытныхъ и справедливыхъ замѣчаній по этому поводу.

„По законамъ природы и по разуму человѣческому—говорится въ этомъ письмѣ—ближайшее попеченіе о дѣтяхъ лежитъ на ихъ родителяхъ; на послѣднихъ-же естественнымъ образомъ ложится и тяжелая отвѣтственность за дальнѣйшую судьбу ихъ дѣтей. Многимъ, увы, слишкомъ многимъ изъ насъ, родителей, пришлось испытать за послѣдніе годы всю тяжесть этой отвѣтственности“... „Только вольное, сознательное или происходящее по легкомыслію небреженіе своими обязанностями—продолжаетъ авторъ письма—можетъ быть справедливо наказуемо. Но мы, родители, столь многократно претерпѣвавшіе въ своихъ дѣтяхъ, мы—все русское общество, столь много и глубоко страдавшее за свое подрастающее поколѣніе—что мы могли дѣлать во исполненіе нашихъ обязанностей по отношенію къ дѣтямъ нашимъ? Гдѣ были въ прошломъ тѣ условія, благодаря которымъ наше—родителей—вліяніе могло бы проявляться на дѣтяхъ, гдѣ были тѣ способы, которыми мы, родители и все общество, могли бы воздѣйствовать на молодое поколѣніе, въ теченіе цѣлыхъ трехъ долгихъ десятилѣтій совершенно оторванное всѣмъ строемъ нашей школы, ея формой и содержаніемъ отъ дѣйствительной жизни, отъ живыхъ, насущныхъ потребностей этой жизни? Въ теченіе трехъ десятилѣтій мы знакомились съ нашей школой только по ея результатамъ и знакомство это было подчасъ болѣзненнымъ и мучительнымъ для насъ. Тягчайшую отвѣтственность за школу мы несли на себѣ въ теченіе тридцати лѣтъ, но обязанность свою „пещись о своихъ дѣтяхъ“ мы не могли выполнять, и несовсѣмъ по нашей винѣ“.

Авторъ цитированнаго письма полагаетъ, что рескриптъ 25 марта обязываетъ родителей „высказать свои печали“. Съ своей стороны онъ находитъ, что школа, желающая совершенствоваться, должна считаться съ требованіями дѣйствительной жизни, съ которыми ее можетъ познакомить именно семья. „А потому,—заключаетъ онъ,—голосъ жизни, голосъ родителей и семей не можетъ и не долженъ быть заглушаемъ скрипомъ канцелярскихъ перьевъ;

этимъ голосомъ не должны пренебрегать во имя какихъ-то таинственныхъ лабораторныхъ опытовъ, измышляемыхъ въ затхлой тиши хотя бы то и ученѣйшихъ кабинетовъ“ *).

Такая постановка вопроса, несомнѣнно, имѣетъ за себя крайне серьезныя основанія. Общеніе школы съ семьей только въ томъ случаѣ общается быть дѣйствительнымъ и плодотворнымъ, если между требованіями той и другой устанавливается извѣстная гармонія, если семья имѣетъ возможность высказать свое мнѣніе по поводу школьныхъ порядковъ и это мнѣніе не остается совершенно безрезультатнымъ. Только при условіи полного знакомства и согласія обѣихъ сторонъ возможна и помощь школѣ со стороны семьи путемъ домашняго воздѣйствія на дѣтей. Такимъ образомъ на очередь выдвигается задача созданія такой организаціи, которая дала бы возможность общественному мнѣнію высказаться въ школьномъ вопросѣ съ достаточною полнотою и опредѣленностью. Некоторые попытки въ этомъ направленіи уже и дѣлаются. Какъ сообщали на дняхъ газеты, нижегородская дума занялась уже обсужденіемъ ходатайства объ измѣненіи учебнаго строя **). Весьма возможно, что по этому пути послѣдуютъ за нею и другія наши общественныя учрежденія. Но существующіе у насъ органы мѣстнаго дворянскаго, земскаго и городского самоуправления въ настоящее время слишкомъ односторонни по своему составу и далеко не представляютъ собою всего общества, заинтересованнаго въ школьномъ вопросѣ. Въ виду этого представлялось бы желательнымъ не ограничиваться существующими общественными организаціями, но и создать таковыя заново, хотя бы путемъ устройства одного или нѣсколькихъ съѣздовъ лицъ, интересующихся дѣломъ народнаго образованія и работающих на этомъ поприщѣ. Немалую услугу въ этомъ отношеніи могла бы оказать и печать, если бы ей была предоставлена большая свобода въ обсужденіи недостатковъ и нуждъ нашей образовательной системы. Не слѣдуетъ забывать, что только полно и откровенно высказанное мнѣніе общества можетъ послужить опорой для казенной реформы учебнаго дѣла и обезпечить общественное содѣйствіе дѣятельности реформированной школы.

Какъ видно изъ сказаннаго, состоявшіяся до сихъ поръ разочарованія учебнаго вѣдомства лишь указываютъ на характеръ его пожеланій относительно средствъ осуществленія возвыщенной реформы, но еще не обезпечиваютъ всѣхъ условій, необходимыхъ для такого осуществленія. Будутъ-ли эти условія обезпечены въ дальнѣйшемъ,—покажетъ ближайшее будущее.

*) «Харьк. Губ. Вѣд.», 29 марта 1901 г.

**) «Нижегор. Листокъ», 14 апрѣля 1901 г.

Письмо въ редакцію *)

Милостивый Государь,
Господинъ Редакторъ!

Какъ это ни скучно, но необходимость заставляетъ меня отвѣчать на „разоблаченія“, сдѣланныя въ № 3 „Русскаго Богатства“ г. Шестернинъ по поводу моей замѣтки „Русскій Манчестеръ“ (г. Иваново-Вознесенскъ), помѣщенной въ № 12 „Рус. Бог.“ за 1900 г. Заранѣе прошу извиненія у читателя: я никогда не рѣшился бы утомлять его вниманіе такой потерявшей интересъ современности темой, если бы возраженія г. Шестернина не бросали, совершенно незаслуженно, тѣни на мою литературную добросовѣстность.

Прежде всего г. Шестернинъ говоритъ, что въ основу моихъ статистическихъ вычисленій положены невѣрныя цифры. Такъ, напр., въ Иваново-Вознесенскѣ не 75.000, какъ сказано будто бы у меня, а 54.000 жителей. Но у меня *нигдѣ* и не сказано, что въ Иваново-Вознесенскѣ 75 тысячъ жителей, а напротивъ, въ двухъ мѣстахъ на стр. 47,15 строка снизу и на стр. 52,20 строка снизу упоминается круглая цифра жителей 55 тысячъ.

Затѣмъ г. Шестернинъ пишетъ: „Число рабочихъ опредѣлено г. Дадоновымъ въ 35 тыс., тогда какъ по даннымъ фабричной инспекціи къ 1 января 1900 г. въ Иваново-Вознесенскѣ было *фабричныхъ* рабочихъ обоего пола 24.842 чел. Думаю, что данныя фабричной инспекціи заслуживаютъ полного довѣрія, съ чѣмъ вполне согласится и г. Дадоновъ“.

Совершенно согласенъ, что данныя фабричной инспекціи заслуживаютъ довѣрія, но, говоря на стр. 47: „*Рабочаго населенія* въ Ив.-Вознесенскѣ числится *около* 35.000“, я имѣлъ въ виду не однихъ *фабричныхъ* рабочихъ, которые только и подлежатъ регистраціи фабричной инспекціи, а всѣхъ вообще, включая сюда чернорабочихъ, поденщиковъ, возчиковъ, ремесленниковъ, желѣзнодорожныхъ рабочихъ и проч., которые ничѣмъ отъ фабричныхъ не отличаются и число которыхъ, будучи присоединено къ числу фабричныхъ рабочихъ, и даетъ у меня приблизительную цифру рабочихъ 35.000. При всемъ томъ я отнюдь не претендовалъ на

*) Печатаая настоящій отвѣтъ г. Дадонova на замѣчанія г. Шестернина по поводу статьи его «Русскій Манчестеръ»,—редакція вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ полемику по данному вопросу на страницахъ «Русскаго Богатства» законченною.

точность своихъ вычисленій, что вполне явствуетъ изъ постоянныхъ оговорокъ, которыми сопровождаемы входящія въ нихъ числа (около, приблизительно и т. п.). Гдѣ же та „крупная цифровая ошибка“, которую приписываетъ мнѣ г. Шестернинъ?

Но еще „значительнѣе и обиднѣе“, чѣмъ цифровая, показалась г. Шестернину моя логическая ошибка, заключающаяся въ томъ, что изъ факта чтенія книгъ только однимъ изъ 10, при наличности около 18.000 томовъ книгъ во всѣхъ библіотекахъ города и при 3.000 подписчиковъ, я дѣлаю выводъ о „глубокомъ равнодушіи рабочихъ къ знанію“.

Если принять цифру рабочаго населенія не въ 35.000 чел., какъ дѣлаю я, а въ 25.000, какъ считаетъ г. Шестернинъ, выйдетъ не 1 изъ 10, а 1 изъ 7. Допустимъ, что такъ. Такая поправка вывода моего не колеблетъ. Г. Шестернинъ считаетъ этотъ выводъ „логическою ошибкою“. Но чѣмъ же подтверждаетъ онъ свой приговоръ? Приведа цифру общаго числа читателей въ двухъ читальныхъ въ первый годъ ихъ открытія: въ земской въ 1894—790 чел., въ Гарелинской въ 1895 году—520 при 3.000 томахъ книгъ *), г. Шестернинъ считаетъ возможнымъ заключить, что фактъ малаго количества читателей (1 изъ 10 грамотныхъ) зависитъ не отъ равнодушія къ знанію, а отъ недостатка читаленъ. Иными словами, если не ошибаюсь, онъ находитъ 750 читателей при наличности 3.000 томовъ (беру для примѣра Гарелинскую библіотеку) предѣльной продуктивностью библіотеки. Но вѣдь, это только его личное мнѣніе, которое едва ли можно считать рѣшающимъ. У меня же есть кое-какія данныя, колеблющія утвержденія г. Шестернина, а именно данныя о дѣятельности одной сельской библіотеки-читальни (въ м. Иваницѣ Полтавской губ. Прилукаго уѣзда), доставленныя мнѣ завѣдующей этой библіотекой А. А. Шевель въ 1899 году. Мѣстечко Иваница довольно глухой уголокъ Малороссіи, съ населеніемъ, занятымъ главнымъ образомъ хлѣбопашествомъ и отчасти отхожими промыслами. Всѣхъ жителей по всероссійской переписи числится 4.281 обоого пола; изъ нихъ грамотныхъ около 1.500 человекъ. Въ библіотекѣ имѣется 819 названій, число же постоянныхъ читателей достигаетъ 670 человекъ. По возрастамъ читатели распределяются слѣдующимъ образомъ:

Отъ 10 до 20 лѣтъ . . .	492 чел. или около 74%
„ 20 „ 30 „ . . .	115 „ „ „ 17%

*) Хотятъ сказать, что число читателей Гарелинской библіотеки, по свѣдѣніямъ, даннымъ мнѣ завѣдующей этой библіотекой въ 99-мъ году достигло только 750 чел., итого годовой приростъ читателей только 60 чел. при 3000 экземплярахъ книгъ. Я склоненъ думать, что столь незначительный приростъ гораздо болѣе говорить въ пользу моего вывода, чѣмъ абсолютная цифра читателей, приведенная г. Шестернинымъ, опровергаетъ его.

Отъ 30 „ 40 лѣтъ . . .	40 чел. или около	6%
Свыше 40 „ . . .	21 „ „ „	3%

Къ сожалѣнію, я не имѣю свѣдѣній, какъ распредѣляется грамотность между жителями м. Иваницы по возрастамъ. Но допустимъ, что на возрастъ отъ 20 до 30 лѣтъ приходится то же число грамотныхъ крестьянъ, какъ и рабочихъ, т. е. 30%, что составитъ отъ общаго числа грамотныхъ въ м. Иваницѣ (1.500 чел.) 450 чел. Какъ видно изъ приведенной выше таблицы, изъ нихъ 115 читаютъ книги или одинъ изъ 4-хъ грамотныхъ. Такимъ образомъ, у грамотныхъ крестьянъ м. Иваницы въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ интересъ къ чтенію въ 2 или 2½ раза больше, чѣмъ у рабочихъ гор. Иваново - Вознесенска *). Итакъ, въ данномъ случаѣ, не представляющемъ ничего исключительнаго, продуктивность народной библіотеки-читальни (670 читателей при 819 томахъ) въ три раза превосходитъ ту, которую г. Шестеринъ совершенно голословно считаетъ предѣльною (750 читателей при 3.000 томахъ).

Конечно, я сознаю, что приведенный мною единичный примѣръ не можетъ служить основой для какихъ-нибудь общихъ выводовъ. Точно также я далекъ отъ мысли приписывать рабочимъ Ив.-Вознесенска какую-то исключительную вражду къ просвѣщенію. Но, принимая во вниманіе отношеніе числа грамотныхъ къ числу читателей въ деревнѣ и фабричномъ городѣ, и видя, что любовь къ чтенію среди рабочихъ въ 2½ раза меньше, чѣмъ среди крестьянъ, не имѣлъ ли я больше права говорить о глубокомъ равнодушіи къ знанію среди фабричныхъ рабочихъ, чѣмъ г. Шестеринъ изобличать меня въ грубой логической ошибкѣ?

Перехожу къ дальнѣйшимъ разоблаченіямъ г. Шестернина относительно моей логической ошибки.

Всякому извѣстно, что содержимое народныхъ библіотекъ-читаленъ представляетъ собой лишь сухую и черствую выжимку русской литературы, такъ что говорить объ ихъ просвѣтительной роли нужно съ большими оговорками. Но, какъ я уже писалъ въ первой статьѣ, въ Ив.-Вознесенскѣ уже тридцать пять лѣтъ существуетъ прекрасная публичная библіотека съ 10.000 томовъ, ежегодно пополняющаяся книгами и журналами почти на тысячу рублей, абонементъ въ которой стоитъ 20 коп. въ мѣсяцъ, а пользование книгами въ читальнѣ бесплатно. И, однако, въ ней нѣтъ ни одного подписчика-рабочаго, и только 2—3 человѣка приходятъ по праздникамъ почитать газеты. Эти факты г. Шестеринъ не отрицаетъ, но иначе, чѣмъ я, ихъ толкуетъ.

*) Всѣ эти данныя, въ связи съ данными, касающимися г. Ив.-Вознесенска, были приведены мною въ фельетонѣ «Сына Отечества» въ № 39, 1900 г. отъ 8 февраля.

По его объясненію, пользоваться библіотекой мѣшаетъ рабочимъ не слабое развитіе потребности въ чтеніи, а отсутствіе калошъ, которыя необходимо имѣть для входа въ публичную библіотеку, гдѣ требуется чистота! Очень трудно, однако, считать это объясненіе основательнымъ. Прежде всего, я думаю, многимъ изъ читателей случалось видѣть на народныхъ гуляньяхъ и вообще въ праздники фабричныхъ въ калошахъ и съ зонтикомъ даже въ совершенно сухую погоду. Вообще калоши уже демократизировались. Да, наконецъ, не круглый же годъ идутъ въ Ив.-Вознесенскѣ дожди, бываютъ же и красные дни? Такъ что видѣть въ отсутствіи калошъ крупное, непреодолимое препятствіе для удовлетворенія потребностей, если бы эти потребности ивановскихъ рабочихъ въ извѣстномъ чтеніи достигали сколько-нибудь замѣтной степени напряженности, не смотря на всѣ объясненія г. Шестернина, я совершенно не могу.

Далѣе, въ доказательство интенсивности духовныхъ запросовъ Иваново-Вознесенскихъ рабочихъ, г. Шестернинъ рассказываетъ о дѣятельности книжной лавочки, существовавшей 2½ года. Къ сожалѣнію, я дѣйствительно не зналъ о существованіи и дѣятельности этой лавочки, закрытой три года тому назадъ, а то бы я не преминулъ воспользоваться, для подтвержденія моего мнѣнія о равнодушіи къ знанію ивановскихъ жителей вообще и рабочихъ въ частности, тѣми же данными, которыя г. Шестернинъ приводитъ для опроверженія моего мнѣнія. Судите сами: лавочка продала за 16 мѣсяцевъ около 1000 книгъ, или около 750 экз. въ годъ, итого 1 книга на 70 жителей безъ различія классовъ. Если же взять отношеніе числа проданныхъ книгъ къ числу грамотныхъ рабочихъ въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ (опредѣленныхъ мною приблизительно цифрою 5,500 чел.), то получится одна книга на 8 грамотныхъ рабочихъ; если же допустить, что хоть ¼ покупателей были не рабочіе, то и получится выводъ, что изъ 10 грамотныхъ рабочихъ одинъ покупаетъ по одной книгѣ въ годъ. Конечно, дѣло личнаго взгляда, считать ли подобные факты за доказательство равнодушія къ знанію или за отрадное явленіе, но во всякомъ случаѣ неосновательно приводить ихъ въ опроверженіе сдѣланныхъ мною цифровыхъ соображеній.

Кромѣ того, г. Шестернинъ уличаетъ меня въ томъ, что я умаляю интересъ рабочихъ къ серьезному чтенію. На этотъ счетъ у меня сказано на стр. 53: „Требованіе на книги по естествознанію, медицинѣ, гигиенѣ, сельскому хозяйству и проч. представляется однимъ или двумя изъ 100 читателей“. Чтобы опровергнуть это замѣчаніе, г. Шестернинъ приводитъ списокъ книгъ научнаго характера: по политической экономіи, социологій, юриспруденціи и проч., проданныхъ упомянутой книжной лавочкой за 16 мѣсяцевъ. Какъ упомянуто въ моей первой статьѣ, всѣхъ

читателей народных библиотек 3000. Если вѣрно мое замѣчаніе объ относительномъ количествѣ запросовъ на серьезное чтеніе (1 или 2 на сотню читателей), приведенное выше, то читателей серьезныхъ книгъ среди рабочихъ должно быть отъ 30 до 60. Для доказательства грубой невѣрности этихъ цифръ, которыхъ среднее арифметическое 45, г. Шестернинъ приводитъ свою цифру 48. Спрашивается: стоило ли изъ-за этого огорочь городъ?

Попросивъ вторично извиненія у читателей, я не могу оставить безъ отвѣта и тѣ, въ сущности мелкія замѣчанія г. Шестернина, которыя рисуютъ меня какимъ-то литературнымъ враждемъ, вродѣ тѣхъ, что пишутъ очерки центральной Африки, не выѣзжая изъ Петербурга. Между прочимъ въ своей статьѣ „Русск. Манчестеръ“ я рассказываю о парадоксальномъ для Ив.-Вознесенска промыслѣ добыванія нефти изъ р. Уводи и о томъ, что губернское начальство возять въ городъ по мосту, который выше фабрикъ, чтобы не заставлятъ его нюхать зловоніе, распространяемое рѣкой.

Эти сообщенія г. Шестернина называетъ досужей фантазіей. А между тѣмъ приспособленія для ловли нефти съ поверхности рѣки я видѣлъ своими глазами (у Сокова моста на землѣ гр. Шереметева), а что въ Ив.-Вознесенскѣ не два, а даже три моста, это сказано даже въ изслѣдованіи Гарелина („Гор. Ив.-Вознесенскъ“ ч. I стр. 8, 13 строка сверху). И вотъ по одному - то изъ этихъ мостовъ (въ посадѣ), который хотя и не выше всѣхъ фабрикъ, но выше многихъ, и возять начальство въ городъ, что отъ вокзала составляетъ версты 3 кроку.

Я говорю, далѣе, что по свидѣтельству статистиковъ, производившихъ подворную опись въ предмѣстьяхъ Ив.-Вознесенска, Ямахъ, имѣ почти ни въ одномъ домѣ не случилось встрѣтить книгу, и далѣе, что мнѣ самому случилось встрѣчать въ окрестностяхъ Ив.-Вознесенска деревня въ 70—80 дворовъ, въ которыхъ нѣтъ другихъ книгъ, кромѣ букварей и Евангелія.

Г. Шестернинъ отвергаетъ это мое указаніе, какъ не отвѣчающее дѣйствительности. Это его отрицаніе совершенно голословно. Почему же читатель долженъ ему вѣрить и считать, что я говорю неправду?

Не лучше обстоитъ дѣло и въ томъ случаѣ, когда г. Шестернинъ свои возраженія старается подтвердить документально. Между прочимъ, я описываю спектакль въ народномъ театрѣ и говорю, что насчиталъ едва по одному рабочему на десятокъ „чистой публки“; я приписалъ это недостатку дешевыхъ билетовъ, но изъ разспросовъ оказалось, что дешевые билеты остаются отчасти нераспроданными. На это г. Шестернинъ возражаетъ: „Послушаемъ, что говоритъ намъ о театрѣ отчетъ Иванова-Вознесенскаго общества трезвости за 1898 года. „Насколько вообще

заинтересовался спектаклями *простой народъ*, видно изъ того, что всѣ дешевые билеты всегда были продаваемы до начала спектакля—восклицаетъ г. Шестернинъ. „Гдѣ же тутъ правда? Пусть рѣшитъ самъ читатель“.

Но, во первыхъ, отчетъ относится къ 1898 г., а я былъ въ театрѣ въ 1899, а за годъ обстоятельства могли измѣниться, а во-вторыхъ, выводъ объ интересѣ *простого народа* къ театру изъ факта распродажи дешевыхъ билетовъ не блещетъ логикой. Съ своей стороны, я склоненъ думать, что ивановскіе фабриканты и купцы посѣрѣе никогда не рѣшатся истратить на театръ больше десяти копѣекъ.

Но довольно о мелочахъ. Еще нѣсколько общихъ замѣчаній и конецъ.

Мой оппонентъ соглашается, что ни самостоятельности, ни солидарности, ни кооперативнаго движенія въ средѣ ивановскихъ рабочихъ нѣтъ, и даже недоумѣваетъ, какъ можно говорить о подобныхъ вещахъ по отношенію къ „Русскому Манчестеру“ („Ужъ не про англійскій-ли Манчестеръ говоритъ авторъ“—иронизируетъ онъ). Но г. Шестернинъ видитъ нѣкоторые признаки пробужденія самостоятельности рабочихъ—въ учрежденіи вспомогательнаго общества граверовъ, которыхъ безъ оговорокъ даже нельзя и причислять къ рабочимъ, такъ какъ они получаютъ въ среднемъ около 60 р. въ мѣсяцъ, и въ представительствѣ рабочихъ въ совѣтѣ общества трезвости.

Никакъ не могу раздѣлить въ данномъ случаѣ его оптимизма. Возраженіе г. Шестернина показываетъ мнѣ только, что мы съ моимъ оппонентомъ говоримъ о вещахъ совершенно разныхъ...

Далѣе я говорю, что фабрика ничего не дала даже четвертому поколѣнію своихъ учениковъ; ничего не развила изъ самой себя. Все же незначительное количество культурныхъ благъ, какъ, напримѣръ: читальни, народный театръ и проч., пришло къ ней извнѣ, т. е. созданы земствомъ, городомъ или благотворительностью. А авторъ опроверженія недоумѣваетъ: какъ это я могу отдѣлять фабрику отъ земства, города и благотворителей—когда земцы, отцы города и благотворители главнымъ образомъ фабриканты. А между тѣмъ совершенно понятно. Я говорю здѣсь о фабрикѣ, какъ еще недавно ее рисовали, какой-то стихійной творческой силой, которая роковымъ образомъ, даже помимо инициативы извнѣ, способна создавать и развивать прогрессивныя тенденціи. Я и старался провѣрить: чему же въ одномъ изъ древнѣйшихъ промышленныхъ центровъ научила фабрика сама по себѣ своихъ учениковъ? Не при помощи благодѣтелей-фабрикантовъ, а напротивъ вопреки имъ—и не нашелъ ничего! Не могу я видѣть опроверженія этому выводу ни въ учрежденіи общества трезвости, которое существуетъ только потому, что не уменьшаетъ количества выпиваемой водки; ни въ дѣятельности не-

существующей нынѣ книжной лавки, продававшей 800 книгъ въ годъ въ городѣ съ 55,000 жителей; ни въ воскресной школѣ, которая закрылась; ни въ техническихъ классахъ, устроенныхъ фабрикантами, такъ какъ они нуждаются въ болѣе смысленныхъ рабочихъ,—классахъ, гдѣ кромѣ геометріи, черченія и электротехники не преподають ничего, что бы могло способствовать общему развитію. Есть много людей, пребывающихъ въ счастливой увѣренности, что многоэтажное зданіе лучшаго будущаго построено у насъ чуть не до половины на прочномъ каменномъ фундаментѣ, и беспокоиться не о чемъ, такъ какъ его и безъ нашихъ заботъ достроятъ до конца воскресныя школы, народные читальни, общества трезвости и фабриканты-благотворители.

Я же и послѣ разъясненій г. Шестернина остаюсь при прежнемъ убѣжденіи, что и перваго камня еще не заложено...

В. Дадоновъ.

Состояніе здоровья Гл. И. Успенскаго.

(Письмо въ редакцію).

Въ виду невѣрныхъ свѣдѣній о здоровьи Г. И. Успенскаго, время отъ времени сообщаемыхъ въ газетахъ, семья больного просить насъ напечатать слѣдующее письмо главнаго врача Спб. городской больницы-колоніи на Новознаменской дачѣ:

Глѣба Ивановичъ Успенскій 18 марта 1900 г. переведенъ изъ Колмовской лѣчебницы Новгородскаго земства въ С.-Петербургскую городскую Новознаменскую больницу (на 16—17 верстѣ по Петергофскому шоссе, между ст. Лигово и Сергіево), гдѣ и сейчасъ находится.

Сопровождали его изъ Колмовской лѣчебницы близкіе родные и его старый служитель Андрей, который оставался при больномъ еще въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, послѣ чего, сославшись на свой преклонный возрастъ и усталость, пожелалъ уѣхать къ себѣ на родину.

Помѣщеніе Глѣба Ивановича состоитъ изъ 2-хъ свѣтлыхъ, просторныхъ комнатъ, обставленныхъ по домашнему съ возможнымъ для больного удобствомъ. Комнаты Глѣба Ивановича имѣють отдѣльный выходъ на лѣстницу. При больномъ и днемъ, и ночью установлено отдѣльное смѣнное дежурство изъ 3-хъ человекъ

служителей, которые, въ свою очередь, контролируются надзирателями. Благодаря такому выдѣленію дежурствъ, Глѣбъ Ивановичъ имѣетъ возможность, не стѣсняясь больничнымъ режимомъ, располагать своимъ временемъ сообразно своимъ привычкамъ. Эти отдѣльно поставленные служители обязаны сопровождать его и на прогулки въ любое время дня, какъ въ предѣлахъ больничной усадьбы, такъ и внѣ ея, хотя въ послѣднемъ нѣтъ особой надобности, потому что Новознаменская больница владѣетъ 182 десятинами земли и представляетъ изъ себя старый паркъ, сливающийся съ сосновымъ лѣсомъ. Особенно много больной былъ на воздухѣ прошлымъ лѣтомъ. Кромѣ прогулокъ на воздухѣ, Глѣбъ Ивановичъ посѣщаетъ по предложенію врачей разныя развлеченія, устраиваемыя для больныхъ.

О состояніи его душевнаго здоровья, къ сожалѣнію, мало можно сказать утѣшительнаго: его болѣзнь признана неизлѣчимою и хотя медленно, съ временными улучшеніями и ухудшеніями, но прогрессируетъ.

Физическое здоровье въ общемъ удовлетворительно, но уже съ конца 1899 г., еще во время нахождения больного въ Колмовѣ, появились нѣкоторые угрожающіе симптомы, заставляющіе всегда быть готовымъ къ непріятнымъ и опаснымъ осложненіямъ.

Въ дополненіе—маленькая подробность: съ 7 декабря 1900 г. Глѣбъ Ивановичъ, будучи сильнымъ курильщикомъ табаку, сразу прекратилъ куреніе и до сихъ поръ ни разу не заявилъ о своемъ желаніи получить папиросы. Между прочимъ, такое лишеніе привычнаго яда ничуть не отозвалось вредно на его организмѣ, напротивъ—замѣчены были нѣкоторые благопріятные симптомы въ его здоровьи.

Н. Реформатскій.

НОВЫЯ КНИГИ:

П. Я. Стихотворенія.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ (1877—1897).

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНИЕ

редакціи журнала „Русское Богатство“.

Цѣна 1 рубль.

ПЕЧАТАЕТСЯ И ВЫЙДЕТЪ НАДНЯХЪ

П. Я. СТИХОТВОРЕНІЯ.

ТОМЪ ВТОРОЙ (1898—1901).

*Цѣна 1 рубль.***Энциклопедическій Словарь.**

(начатый проф. И. Е. АНДРЕЕВСКИМЪ)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго профессора **В. В. ПЕТРУШЕВСКАГО**

при соучастіи редакторовъ отдѣловъ:

Проф. А. Н. Бекетовъ (біологич. науки), С. А. Бенгеровъ (исторія литературы), проф. А. И. Воейковъ (географія), проф. Н. И. Карѣвъ (исторія), А. И. Сомовъ (изящн. искусства), проф. Д. И. Менделѣвъ (химико-технич. и фабрично-завод.), проф. В. Т. Собичевскій (сельско-хозяйственный и лѣсоводство), Владиміръ Соловьевъ (философія), проф. Н. О. Соловьевъ (музыка).

Энциклопедическій словарь выходитъ каждыя два мѣсяца полутомами, въ 30 лист. убористой печати. въ настоящее время вышли 61 полутомъ. Цѣна за каждый полутомъ (въ переплетѣ) 3 руб., за доставку 40 коп.

Словарь обнимаетъ собою свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ литературы, исторіи, промышленности и прикладныхъ знаній.

Текстъ помѣщаемыхъ въ словарь статей составляется самостоятельно русскими учеными и специалистами, причемъ все касающееся Россіи обрабатывается наиболѣе полно и тщательно.

Заявленія о подпискѣ принимаются: въ конторѣ журнала „Русское Богатство“ — Петербургъ, ул. *Спаской и Басковой ул., д. 1—9.*

Допускается разсрочка

на слѣд. услов.: при подпискѣ вносится задатокъ отъ 10 руб., послѣ чего выдаются имѣющіеся на-лицо полутомы; остальная сумма долга выплачивается ежемѣсячными взносами отъ **ШЕСТИ** рублей, независимо отъ платежей, производимыхъ за остальные полутомы.

Издатели: **Ф. А. Брокгаузъ** (Лейпцигъ), **И. А. Ефронъ** (С.-Петербургъ).

Редакторы-Издатели:

{ **Вл. Г. Короленко.**
Н. Е. Михайловскій.

Дозво. ценз. 24 апрѣля 1901 г.

Типографія. **Н. Н. Млобукова.** Пряжка, 3.

0

на-
и
б-
о),

то-
рт.,

гвз

рус-
ути-

пр-
ко-

нект
руж.
когда
отъ

в).

==

ю.

снй.

ка. 3.

**This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.**

**A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.**

Please return promptly.

